А. АЛТУНИН

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

А. АЛТУНИН ★ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА,
ГЕНЕРАЛ АРМИИ
А. АЛТУНИН

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

Р2
А52

А 4702010200-227 КБ-42-11-1985
068(02)-85 БЗВ № 15-1985-№ 2

© Военное издательство, 1985

СИБИРЬ — МОЙ ОТЧИЙ ДОМ

22 августа 1939 года я впервые покидал отчий дом. Уезжал учиться в Омское военно-пехотное училище. Ни мои близкие, ни я тогда не предполагали, что расстаемся на долгие годы и многих из них мне не доведется больше увидеть.

Стояло теплое утро. Август в наших местах выдался погожим, с тихими, ласковыми днями, прохладными зорями, осыпавшими обильной росой травы, слегка поредевшую, но еще зеленую листву деревьев. Правда, временами на блекло-голубое небо откуда-то набегала безобидная тучка и проливалась быстрым светлым дождем, изумрудом блиставшим в косых лучах солнца. Но дождь так же внезапно стихал, тучка растворялась в небесной лазури, и вновь просветленно и молодо радовала людей природа. Пригожая пора — месяц август, лета венец и краса раздольных сибирских мест.

Мать, задумчивая и грустная, незаметно для других не раз смахивала набежавшую слезу. Поглощенный делами отец старался выглядеть веселым, всем своим видом говоря, что, мол, сборы — обычное дело. Сестренка Мария не могла скрыть грусть расставания, часто подходила ко мне, говорила ласковые слова; куда девались ее обиды, когда ей почему-то казалось, что со стороны родных ко мне проявлялось больше внимания.

Накануне у нас побывали многочисленная родня, соседи, друзья, товарищи. Часто в деревне все связаны близким и дальним родством или хорошим знакомством. Поэтому сельчане считают долгом при любом подходящем случае отдать дань уважения хозяину, хозяйке, вместе разделить и радость и горе. Старинная доб-

рая традиция, которая передается из поколения в поколение; поддерживается она и сейчас.

Во дворе стояла запряженная в повозку лошадь. Она неторопливо расправлялась с охапкой скошенной отцом травы и время от времени косила глазом на проходивших по двору людей, встряхивала гривой.

Подошла пора прощаться с родными. Мать уже не скрывала своих слез, шмыгала носом Мария. Отец подал голос:

— Чего расплакались, радоваться нужно — парень идет Родине служить.

Настроение у меня было хорошее. Однако к чувству гордости от того, что выбрал профессию мужественную и уважаемую, нет-нет да и прибавлялась тревога неизвестности: что ожидает впереди, с чем столкнет меня жизнь?

Отец, Терентий Дмитриевич, вначале не разделял мой выбор посвятить жизнь службе в армии, старался переубедить, приводил в пример старшего брата: «Михаил вот отслужил положенный срок и теперь свободно выбирает работу по душе. Сколько дел на земле-кормилице! На ней мы родились, туда же и уйдем». Но переубедить меня было трудно.

В конце тридцатых годов тяга молодежи учиться в военных училищах была огромная. Парни горели желанием стать командирами Красной Армии и Флота. Только наш райвоенкомат направил в те годы 11 кандидатов-добровольцев в Омское военно-пехотное училище.

В том, что я выбрал военную профессию, большую роль сыграл Филипп Минович Жуков, председатель колхоза «Новый мир». Коммунист с дореволюционным стажем, он жил в соседнем селе. Там же находилась средняя школа, где я учился и был избран секретарем комсомольской организации.

Несмотря на занятость, Филипп Минович помогал нам организовывать вечера, диспуты, выступал с докладами, прививал нам любовь к Родине, к родному краю. Встречаясь с ним, я учился у него житейскому опыту, расширял свой политический кругозор. Признаться, очень дорожил его доверием и расположением.

Когда Филипп Минович узнал о моем намерении посвятить себя службе в армии, всячески стал помогать в осуществлении моей мечты. За несколько месяцев до сдачи экзаменов в училище посоветовал: «Саша, в военное училище ты должен пойти кандидатом партии». И взялся мне помочь в этом. Нашел коммунистов со стажем, которые дали мне рекомендации для вступления кандидатом в члены ВКП(б). И когда я стал коммунистом, первым меня поздравил с этим знаменательным событием. А через три дня вместе со мной поехал в райком партии. По дороге еще раз проверил, как разбираюсь в политических вопросах, многое подсказал.

Прибыли в район. Остановились у здания райкома.

— Все будет нормально, Саша, — пожал он мне руку. — Не волнуйся.

Трудно передать мое волнение перед вызовом в кабинет секретаря райкома партии И. Н. Чернова, но еще труднее — мое ликование после того, как он пожал мне руку и вручил кандидатскую карточку.

...Добрый конь легко нес крестьянскую повозку по грунтовой дороге, пролегавшей по перелескам, по-сибирски — колкам, низинам, мимо речушек и ручьев. До районного центра провожал меня отец. Тридцать километров мы одолели часов за пять. Ехали молча, каждый думал о своем. Передо мной проносились картины юности. Прощался с родным краем, дорогими сердцу лесами, синеокими озерами.

Пришла на память история появления нашей семьи в Сибири. В 1908 году приехал сюда из Воронежской губернии мой дед, Дмитрий Алтунин. Этому предшествовали следующие события. Первая русская революция дошла до Воронежской губернии с некоторым опозданием. Но события там развернулись столь стремительно, что в короткий срок немало помещичьих имений на территории губернии запылало. В событиях этих принимал участие и мой дед. Революция была подавлена, а «бунтовщикам» грозила расплата. И они двинулись в необжитые места. Добирались до Сибири долго и трудно. Но все невзгоды были как-то забыты после получения наделов земли. Начали обустраиваться.

Дед отстроил дом, благо лес был рядом. Хозяйство быстро росло. Этому способствовала большая семья: у деда к этому времени было десять детей. Сыновья женились, приводили жен, а для дела — помощниц. В первую мировую и гражданскую войны погибли трое мужчин из нашей семьи. А их вдовы оставались еще долгие годы в доме.

Мой отец отделился от семьи и стал самостоятельным хозяином в двадцатом году. К этому времени в нашей семье было уже шестеро детей. Двое — брат и сестра — умерли. Нас осталось четверо: старшая сестра Марина, брат Михаил, я и младшая сестренка Мария.

Дед Дмитрий в 1929 году умер. Во главе его хозяйства стал младший брат отца — Иван Дмитриевич; через неделю после похорон деда он вошел в колхоз.

Дядя Иван окончил курсы полеводов, в 1932 году стал председателем колхоза. Война оторвала его от мирных дел. Пошел на фронт. Прошагал по дорогам войны тысячи километров. Остался жив. Вернувшись с фронта, до конца своей жизни руководил колхозом «Новая жизнь» в селе Стеклянка.

...Дорога пошла под уклон. Сытая, ухоженная лошадь сама затрусила по грунтовке.

— Ишь, язви тебя, — качнул головой отец. — Балует.

— Да нет, вспоминает, наверно, выезды в ночное.

— Все может быть. Конь, Саша, не мне тебе говорить, самое умное из домашних животных.

Мы подъезжали к лесу, на опушке которого не раз бывал с ребятами в ночном. Мы, подростки, гордились, что взрослые дове-

ряют нам пасти лошадей. А какое удовлетворение испытываешь в пятнадцать лет от сознания, что способен пробыть ночь в лесу, оберегая коней от волков (в наших краях их было много)!

Летние ночи быстро пролетали. Наступал рассвет, забирали лошадей и гнали в село. Расходились по домам, долго не могли уснуть под впечатлением от ночи. И что говорить, с нетерпением ожидали очередного выезда в ночное!

При подъезде к одному из многочисленных озер отец прервал затянувшееся молчание:

— Смотри, какое красивое озеро.

Сибирские озера похожи друг на друга, отличаются разве размерами. По их берегам растет высокий камыш, занимая подчас большую часть зеркала воды. В камышовых зарослях — чистые места — чистины, как их у нас называют. В озерах много различной водоплавающей дичи, водится и рыба, преимущественно карась.

Рядом со Стеклянкой тоже есть озеро. Смотришь, бывало, на кое-где покрытую туманом водную гладь и не можешь взгляд оторвать. Кажется, что там происходит что-то особенное. Перемещаются какие-то тени, доносятся непонятные звуки, ждешь чего-то такого, чего никогда не видел. Особенно красивым было озеро на зорьке, когда солнце красило в розовый цвет вязкие клочья тумана.

В неурожайные годы озеро спасало жителей села от голода. Все мужское население тогда становилось рыбаками и охотниками.

На нашем озере водилось очень много уток и гусей. Весной, когда птицы начинали гнездование, мы за ними внимательно следили. С появлением в гнездах яиц по установившейся в селе традиции мы, мальчишки, уплывали на лодках в камыши и там... становились на лыжи. Да, да, не удивляйтесь — на лыжи. На них мы передвигались по зарослям камыша, от гнезда к гнезду. Собирали за день сотни яиц. Этим вреда фауне не наносилось. Птицы восполняли запасы яиц и садились высиживать птенцов. В это время мы брали на себя заботу охранять покой птиц от всяких пришельцев.

Подходила осень, птица становилась на крыло. Открывалась охота. Для сельчан это был праздник, а для нас, детворы, прекрасное зрелище. Наблюдали со стороны и с нетерпением ожидали, когда и нам разрешат взять ружье в руки.

На середине нашего пути в райцентр стоял лес с труднопроходимыми чащобами и оврагами, поросшими густым кустарником, в котором водились волки. В последние предвоенные годы их расплодилось много. Осенью и особенно в зимнее время они выходили на добычу подальше от мест обитания. Охотники следили за ними, устанавливали по следам, где волки останавливались на дневку, и организовывали на них облаву. Принцип ее заключался в том, что создавали две группы: одна — загонщики, задача которых выгнать зверя из леса, а другая — охотники: они стояли вокруг леса.

Нас, подростков, зачисляли в первую группу. Мы становились на лыжи с трещотками в руках, с нами были два-три охотника с ружьями.

В назначенный час начиналась облава, с криком, треском и выстрелами: волки срывались со своих мест, выбегали на ровное место в поле. За ними тут же устремлялись и всадники. Загон, как правило, оказывался удачным: до десятка хищников, а иногда и более, привозили мужики домой за время охоты.

После нескольких проведенных облав урон крестьянскому хозяйству от зверя заметно снижался. Для нас, подростков, участие в охоте приносило кроме интереса и пользу. Закалялись физически, учились мужеству.

Зимы в Сибири долгие и холодные. В нашем селе была тогда только начальная школа. А средняя находилась в другой деревне, в шести километрах от Стеклянки. При школе был интернат, но жить в нем нам не хотелось, и, как только выдавалась более или менее подходящая погода, мы становились на лыжи и шли домой.

Бывали случаи, когда в пути настигала вьюга, и тогда мы держались друг за друга, чтоб не заблудиться в снежной круговерти. Своим появлением в такую непогодь приводили в ужас родителей. Вставали рано утром. При хорошей погоде на лыжах возвращались в школу, а при плохой — кто-либо из взрослых увозил нас туда, завернутых в шубы-тулупы, на санях.

В каникулы помогали родителям по хозяйству. В начале 30-х годов кулацкие элементы в деревне делали свое черное дело: поджигали скотные дворы, посевы хлеба. Для охраны посевов были выстроены вышки. Для дежурства на них привлекали нас, пионеров.

Вспомнился мне 1934 год. Выдался он очень урожайным. Людей для уборки в деревнях не хватало, и в школе в сентябре прекратились занятия. Нам, 13—14-летним ребятам, было приятно сознавать, что нас в страдные дни отрядили помогать колхозникам.

Я всю жатву провел рядом с дядей Иваном, мужем сестры отца, на лобогрейке, погонщиком; в нее запрягали трех лошадей. Дядя Иван убирал с косы валки, сбрасывая их на землю. Пшеница выдалась высокой, густой, и он обливался потом от напряженного труда. Я пробовал подменять его. Но буквально через десяток-другой метров меня заваливало пшеницей...

Этой осенью сельчане работали с особым подъемом. Усталость валила с ног, но люди не уходили с поля. До дождей хотелось убрать урожай. И своего добились. Хозяйство рассчиталось с государством за предыдущие засушливые годы и перевыполнило план.

В тот год отец подарил мне гитару — первый музыкальный инструмент в нашем доме. Освоил я игру на гитаре довольно быстро, и она стала моим неизменным спутником.

Отец часто привозил нам, детворе, гостинцы с базара или с ярмарки, из села Андреевка, с которым связана история нашей семьи. Дед Дмитрий жил в нем до того времени, пока не получил надел земли в Стеклянке. В Андреевке была больница; все односельча-

не лечились в ней. Много лет спустя в этой больнице родился мой первый сын.

...Я ехал с отцом, чувствовал его плечо, и мне было грустно от предстоящей разлуки с ним. К нам, детям, он был не особенно строг, всегда, если можно было, считался с нашими желаниями. Но одно событие осталось у меня в памяти на всю жизнь. Было это так. В один из дней мы с сестренкой Марией сидели на подоконнике. Через улицу стекольщики у соседей стеклили окна. Была осень. Ветер обрывал с деревьев последнюю листву. Мы разбаловались, я толкнул Машу, зазвенело разбитое стекло, и она вылетела в окно. Один из стекольщиков закричал: «Вот и еще нам есть работа!»

В избу вбежал отец. Впервые я увидел его таким рассерженным. Снял он с себя ремень, а я как завороженный стою и жду, что будет дальше. Ударил меня. Продолжаю стоять.

— Ну что ты стоишь? — крикнул батя. — Беги, зашибить ведь могу сейчас!

Я не шелохнулся. Отец бросил ремень, взял меня на руки. Я не заплакал. И только когда подошла мать, обняла меня и стала выговаривать отцу, я разревелся.

Мать моя, Ирина Андреевна Стемаева (Алтунина), была природная сибирячка; ее деды и прадеды давно обосновались в здешних местах. У матери был добрый характер. Она была со всеми ласковая, приветливая. Очень любила детей. Нас старалась не баловать, но от нее не слышали мы и грубого слова. Однако в своих решениях была тверда — сибирский характер.

Сибирь, сибиряк — это два родных, близких мне слова. Сибирь рождала и рождает прекрасных тружеников, храбрых воинов. Думаю, что придет время, когда образ воина-сибиряка с еще большей выразительностью будет отмечен в художественных произведениях и произведениях искусства. Горжусь, что родился в этом краю.

Я мечтал попасть служить в сибирские дивизии, но эта возможность так и не представилась во время войны, хотя после войны мне была оказана честь командовать Рогачевской стрелковой дивизией, первым командиром которой был бывший начальник Омского военного училища полковник Л. Н. Гуртьев.

В характере сибиряка заложены простота, человечность, скромность, доходящая до застенчивости; редко встретишь сибиряка с необуздапным характером. Но добродетель сибиряка до поры до времени: где нужно постоять за правду и справедливость, он преображается, будет драться за правое дело до конца.

Суровые климатические условия сближают людей. Взаимная помощь друг другу является непреложным законом.

Не раз я благодарил судьбу за то, что родился и вырос в этом суровом краю. Возможно, и фронтовые невзгоды легче пережил, чем мои товарищи по войне, уроженцы других мест.

Уже в детские годы у меня выработалась потребность делать все как можно лучше. Если что-то не получалось, очень переживал. В школу пошел семи лет. Учился хорошо.

Со старшим братом у нас шло негласное соревнование, кого больше похвалят родители за учебу. У Михаила всегда находилось много дел за пределами дома, поэтому он часто получал «уды». Отец с матерью не раз упрекали его, говорили: «Брал бы пример с младшего брата. Пришел со школы и успел уже уроки сделать, а ты только с гулянки заявляешься...»

Вспоминались мне дни, проведенные на полевых станах. Хотя они были и примитивно оборудованы, но спать было где, готовить пищу — тоже. Этого вполне оказывалось достаточно. Правда, летом много было комаров. Они изводили людей. Но подходила ночь, уставшие сельчане засыпали, а рано утром вставали и сразу же брались за дело.

А какое чудесное время — пора сенокоса! Люди в хорошем настроении. Они совсем недавно закончили весенний сев и теперь переключались на новую работу. Сенокос на селе — праздник! Мы, школьники, принимали в нем активное участие. Здесь, как нигде в другом деле, наш труд находил свое применение: ворошили и собирали в стожки сухую траву.

Наш отдых был в труде. Мы не представляли его себе по-другому. Да и как можно было бездельничать, когда наши родители от зари до зари работали! Своим примером они учили нас главному в жизни — честному труду.

Меня и товарищей постоянно волновал вопрос, как больше помочь колхозу. Помню, на одном из заседаний комсомольского комитета в школе зашел разговор, что нас не может удовлетворить лишь участие в различного рода авральных работах. Родилась идея участия в общественном контроле. Партийная организация колхоза «Новый мир» нас поддержала. Были созданы посты, организованы рейды-проверки готовности инвентаря к посевной кампании и уборке урожая, складского фонда, скотных дворов к зиме, проверки состояния семенного фонда, закладки на зиму кормов. Не обошлось без скептиков, которые вначале относились к нашим мероприятиям как к забавам. Но когда мы стали вникать в хозяйство, Филипп Минович Жуков прозвал нас своими «глазами».

Многих из тех, кто плохо работал, после рейдов вытаскивали на правление. На нас обижались, а некоторые сельчане даже ненавидели, мы же продолжали больше и больше проявлять инициативу, глубже интересовались колхозными делами.

...В голове продолжали перемежаться большие и малые события.

В годы индустриализации страна превратилась в огромную строительную площадку, многие мои односельчане выехали на стройки. Среди них были старшая сестра Марина и брат Михаил. Марина участвовала в строительстве Комсомольска-на-Амуре, города, о котором в те годы говорила вся страна. Марина там вышла замуж. Родила дочь Тамару. Умерла старшая сестра в 1941 году. Тамара и сейчас проживает в Хабаровске.

Брат Михаил работал на Амуре, в Троицком леспромхозе.

Стал ударником труда. В 1941 году под Москвой был тяжело ранен, скончался в госпитале.

Младшая сестра Мария после смерти матери уехала на Север, где вышла замуж. Мария — самая близкая из оставшихся в живых родственников.

...Лошадь споро бежала по укатанной дороге. Я вспомнил, как осенью вместе со сверстниками был вызван в райвоенкомат для постановки на воинский учет. Выступал перед нами военком, говорил об угрозе войны, о зловещей роли немецкого фашизма. Тогда-то впервые возникла у меня мысль о поступлении в военное училище. Со своей мечтой долгое время ни с кем не делился, хотя она все больше и больше овладевала мною.

Мне очень нравились люди, одетые в военную форму; их мы обычно видели после демобилизации. Форма привлекала наше мальчишеское внимание. Не знаю ни одного сверстника, который бы не смотрел с завистью на человека, одетого в военную форму.

В 1938 году с военнообязанными и призывниками проводились различные военизированные занятия и учения. Мне хорошо запомнилось районное учение. Руководили им секретарь райкома партии, председатель райисполкома и райвоенком. В каждом селе были созданы подразделения. Помню, я был определен в разведку.

В назначенный час подразделения заняли исходные районы. Разведка доложила расположение «неприятеля». Командиры приняли решение. Началось выдвижение «главных сил» под прикрытием охранения. Затем состоялась атака.

Для нас, призывников, это был первый учебный бой.

События на озере Хасан и на Халхин-Голе убедили меня в правильности выбора военной профессии. Я серьезно готовился к поступлению в Омское военно-пехотное училище. Летом тренировался в беге, а зимой — на лыжах.

...Отец прервал затянувшееся молчание:

— Скучать по тебе будем, сынок, а уж бабушка — и говорить нечего.

Мне невольно вспомнилось доброе лицо ее, тихий, ласковый голос. Сколько она принесла нам, внукам, счастливых минут! Всегда находилась в окружении детей. Мы тянулись к ней. Она могла уладить наши невзгоды, успокоить. Одновременно бывала строга и взыскательна. Однако строгость ее была всегда необходимой, заставляла провинившегося задуматься над своим проступком. Для тех, кто сделал хорошее, у нее всегда находилось доброе слово.

Жизнь у нее сложилась не просто. Получив в молодости небольшое образование, она работала гувернанткой у помещика. Казалось, теперь река ее жизни потечет вдалеке от сельских забот. Однако она возьми и выйди замуж за односельчанина Дмитрия Алтунина. Родила шестнадцать детей. Двое умерли в детстве. Остальные выросли. Сыновья женились, а дочери вышли замуж. Появилась многочисленная ватага внуков. Когда в дедовском доме все садились есть, то за широким длинным дубовым столом едва хватало места.

Дед всегда сидел во главе стола. За едой долго не засиживались.

Дед ценил время. Припоминается, как он относился к нам, малышам. Стоило кому-либо оказаться без дела во дворе, тут же находил ему работу. Сам был очень подвижен, своей энергией заражал всех окружающих. Любил повторять: «Ленивый работник делает работу дважды».

Защитницей нашей была бабушка. Только она одна могла отвести его гнев от того, кто попадался ему на глаза без дела. Бабушка любила ходить по грибы. Обычно сопровождала ее ватага ребятишек. При подходе к лесу пересчитывала нас. В чащобе время от времени раздавался ее голос, и мы всегда знали место, где она находится.

Наша бабушка была очень аккуратная, всегда ходила в чистом платье, частенько поглядывала в зеркало — проверяла, все ли у нее в порядке, поправляла платочек на голове. И не изменяла своей привычке, даже когда ей стало за 70. Несмотря на строгость отношения к религии в деревне, в бога не верила. Церковные обряды исполняла по привычке, так сказать, ради ритуала. Мы это видели, одобряли ее. Она умерла в апреле 1945 года, не дожив несколько дней до Дня Победы.

...Не доезжая районного центра, отец предложил пройтись пешком, так сказать, размять ноги. Несколько сот метров мы шли молча. Но вот отец положил мне на плечо руку:

— Вот, Саша, мы и прибываем.

Впереди был районный центр Иртыш. Как и многие станицы, основанные казаками при освоении сибирских просторов, свое название он получил от реки, на берегу которой стоял. Деревянный, с широкой площадью, с красным бывшим атаманским домом, церковью.

В райцентре дел у нас не было. Отец вскоре договорился с шофером попутной машины, чтобы тот подвез меня до Омска. Прощание было коротким. Мы по-мужски крепко обнялись. Через три часа я был в училище.

Сдал вступительные экзамены, прошел мандатную комиссию, был зачислен курсантом.

Нас разместили в казарме. Началось знакомство с товарищами. Ребята в основном подобрались из рабочих и крестьянских семей. Немало было красноармейцев и младших командиров Красной Армии.

На второй день мы были обмундированы. А на следующее утро приступили к учебе.

В основном занимались строевой подготовкой. Вначале очень уставали. После учебного дня казалось — назавтра не встанешь. Но подходило время подъема, были на ногах, бежали на физзарядку. После завтрака шли на занятия. Постепенно мы вошли в ритм учебного процесса.

Омское пехотное училище имени М. В. Фрунзе было создано в первые годы Советской власти. Оно размещалось в помещении бывшего кадетского корпуса. Прекрасные учебные аудитории, классы,

подсобные помещения, столовая, хозяйственные объекты поразили нас.

С первого дня мы старались выполнять все требования училищных канонов. Правда, не всегда и не у всех получалось. Но желание учиться позволяло преодолевать все трудности. Время оказалось до предела насыщенным. Огневая, тактическая, политическая, строевая, физическая подготовка, общеобразовательные дисциплины. Да разве все перечислишь, чем приходилось заниматься! К военной профессии нас готовили основательно.

Тем временем началась финская кампания. Мы гордились подвигами бойцов и командиров. И чего грешить, мечтали себя видеть в схватках с врагом.

Командиры, преподаватели готовили нас серьезно к испытаниям военного времени. Запомнились выходы в зимний лагерь. Убывали побатальонно на десять дней. Жизнь в лагере шла по полевому распорядку дня. После утреннего подъема выбегали из палаток. Короткая разминка, затем мы становились на лыжи, пробегали четыре километра. Кстати, все передвижения осуществлялись только на лыжах — возле каждой палатки была оборудована пирамида для лыж.

Для сибиряков, у которых с малых лет основным способом передвижения зимой были лыжи, режим не был трудным. Что касается курсантов, которые попали в училище из других районов страны, то им приходилось трудно. Однако и они постигали лыжную науку, иным способом передвигаться по лагерю не имели права.

Вспоминается первый час занятий по лыжной подготовке. Командир взвода выстроил нас. Показал строевые приемы с лыжами, как становиться и передвигаться на них. После этого подал команду. Мы без палок пошли по кругу, отрабатывая скольжение. Не у всех сразу получалось. Некоторые мои однокашники с трудом передвигались, падали, теряя равновесие. Для меня прием сложностей не представлял. Свободно заскользил по насту. Руководитель поинтересовался, кто научил так легко ходить на лыжах.

— Как кто? У нас в Стеклянке все так ходят.

— Это в какой же такой Стеклянке?

Пришлось объяснить местонахождение родной деревеньки.

Командир взвода предложил пройти большой круг. С удовольствием пробежал этот круг. И взводный тут же назначил меня своим помощником по лыжной подготовке.

Безусловно, основное учебное время в лагере отводилось отработке вопросов тактики и огневой подготовки. Действовать в основном приходилось в роли командира отделения. Это была хорошая школа нашего становления.

Об одном таком полевом выходе расскажу поподробнее. Готовиться к нему мы начали загодя. Прослушали лекции, не раз выезжали в поле для решения летучек. Проверили и подогнали снаряжение.

Накануне выхода хорошо отдохнули, прослушали политическую информацию. В назначенное время батальон был выстроен на строевом плацу. Начальник училища полковник Л. Н. Гуртьев принял доклад нашего командира, ознакомил с целью выхода.

За городом батальону была поставлена учебно-боевая задача. Начался марш на лыжах. Мела метелица. Ветер бросал в разгоряченные лица пригоршни снега.

— Черт бы ее побрал, небесную канцелярию! — пробасил кто-то из курсантов.

— На то и вышли, чтобы испробовать себя, — в ответ произнес командир взвода.

— Так-то оно так...

Разговор оборвала вводная.

В ходе марша не раз развертывались, атаковали «противника», вели встречные бои, уходили от преследования.

Поздним вечером мы вошли в сосновый лес. Здесь было тихо, падал редкий снежок. Сосны и ели пели свою извечную песню. Приступили к оборудованию ночлега. Соорудили для жилья на 12—15 человек шалаши. Внутри застлали их толстым слоем лапника. Вскоре в шалашах стало тепло, запахло смолой. Приступили к приготовлению пищи. Ужин из концентратов показался вкусным.

Командир батальона выделил охранение. Полковник Л. Н. Гуртьев дважды ночью обходил лагерь, проверяя несение службы, заходил в шалаши.

Перед рассветом был подан сигнал тревоги. Батальон в считанные минуты собрался, встал на лыжи и двинулся на уничтожение «воздушного десанта противника». Когда мы отмахали километров пятнадцать, позднее январское солнце посеребрило верхушки деревьев. Разгорелся погожий день.

В решении летучек прошло двое суток. На третьи подошли к населенному пункту. Расквартировались по домам. Трудно объяснить удовольствие, которое мы испытали от тепла крестьянских изб и вкусной пищи.

Время бежало быстро. Кажется, совсем недавно прибыли в деревню, как разнесся голос трубы. С любовью провожали нас жители. Финская кампания коснулась и этого маленького селения: две семьи получили похоронки. Сельчане с какой-то особой радостью восприняли наше кратковременное пребывание. Находясь среди простых людей, мы почувствовали, как необходим наш труд, труд защитника Родины.

При подходе к Омску был получен приказ: атаковать «противника» на окраине города. Сняли лыжи. Развернувшись, батальон стремительно двинулся вперед. Это был последний наш порыв, с максимальной отдачей сил. Дружное «ура» огласило округу.

После атаки батальон построился на дороге. В голове колонны стал оркестр. Под звуки марша двинулись по улицам города. Шагали твердо, забыв об усталости. Горожане с интересом смотрели на нас.

Прибыли в расположение училища, привели в порядок оружие и снаряжение. Затем была баня с сибирской парной.

Школа полковника Л. Н. Гуртьева не всегда и не всем нравилась. Но, став офицерами, многие из нас вспоминали его с благодарностью. В суровые годы войны она помогла питомцам училища пе-

ренести все невзгоды. В моей же памяти Леонтий Николаевич Гуртьев остался добрым, строгим, справедливым наставником.

В начале войны Леонтий Николаевич стал во главе дивизии, сформированной на базе училища. С ней убыл в Сталинград. Его сибиряки не раз отличались в боях на Волге. Затем дивизия Гуртьева участвовала в Курской битве. Тут и погиб наш бывший начальник училища.

Коммунистическая партия, Советское правительство в предвидении схватки с империализмом расширяли подготовку военных кадров. В конце февраля 1940 года был получен приказ: выделить батальоны во вновь организуемые училища. Наш батальон был предназначен для пехотного училища в городе Новосибирске, куда мы и убыли в начале марта.

Новосибирское училище создавалось на базе дислоцировавшейся здесь ранее части. Несмотря на некоторые неурядицы с обустройством, мы приступили к учебе.

Вскоре закончилась финская кампания. Начали возвращаться фронтовики. Некоторые из них были назначены на должности командиров или преподавателей в училище. Мы на них смотрели с завистью. Впитывали все, что они нам рассказывали из своего опыта. Для нас это были необычные люди. Им пришлось побывать в боях, прорывать линию Маннергейма.

Начал перестраиваться учебный процесс с учетом опыта военных действий против белофиннов. Занятия были максимально приближены к обстановке реального боя.

Подошло лето сорокового года. В мае мы выехали в летний лагерь на реку Томь Кемеровской области. Прекрасное место! Сосновый бор, река. Куда ни кинешь взгляд — неоглядные сибирские просторы!

Лето выдалось сухое, теплое. С раннего утра и до позднего вечера мы продолжали осваивать программу обучения. Много внимания по-прежнему уделялось тактике, огневой подготовке, физической закалке. Ко всем занятиям мы относились серьезно. Даже выходные дни были заполнены до предела: соревнования, марш-броски, учились плавать в полном снаряжении. Училищная подготовка во время войны не раз выручала меня при форсировании больших и малых рек. С какой благодарностью вспоминал своих учителей!

В училище мне присвоили воинское звание замполитрука, назначили заместителем политрука роты. Видимо, выбор пал на меня потому, что я хорошо учился, был кандидатом в члены партии. Появились дополнительные хлопоты: забота об оформлении наглядной агитации в ленинской комнате, проведение бесед, читательских конференций, установление связей с нашим шефом — одним из факультетов института инженеров железнодорожного транспорта...

Секретарем комсомольской организации нашей роты был Коля Иванов — земляк-омич. Хороший товарищ, интересный человек. Он закончил аэроклуб, но в авиационное училище почему-то не попал.

Благодаря энтузиазму и напористости Коли мы смогли провести немало интересных мероприятий. Сколько болельщиков собирали, например, соревнования по разборке и сборке оружия, преодолению препятствий! За время учебы в училище я ни с кем, пожалуй, так не сблизился, как с Николаем.

В годы войны Николай Иванов закончил летные курсы, вернулся в авиацию. Он воевал храбро. Ушел в запас из Вооруженных Сил полковником с должности командира авиационного полка.

Нынешним курсантам высших общевойсковых командных училищ будет, вероятно, интересно узнать, что в нашем училище по штату был тогда кавалерийский эскадрон. А в программе у нас была и конная подготовка. Когда впервые я сел на коня с полной амуницией, признаться, почувствовал себя неуверенно, хотя у меня и был некоторый стаж верховой езды на лошадях, когда жил в деревне.

В зимние выходные дни нам разрешалось, в порядке прогулки, выезжать на конях в поле. Мы разбивались на пары. Один садился на коня, а другой, уцепившись руками за веревку, катился за ним на лыжах. Потом курсанты менялись местами. Это было увлекательным занятием. Представьте себе: сто всадников, а за ними сто лыжников мчатся по полю... Причем ни морозы, ни метели для нас не были помехой.

В канун 1941 года мы побывали в пошивочной мастерской военторга. С нас там сняли мерки для пошива командирского обмундирования. Это еще раз напомнило нам о скором изменении в жизни.

Запомнилась мне встреча Нового, 1941 года. Командный и начальствующий состав училища собрался в клубе. В празднично украшенном зале были накрыты столы, царило веселье, шутки. Я был приглашен на этот вечер вместе с другими замполитруками. В то время никто из присутствующих на вечере не думал, не гадал, что он был последним перед войной.

Наша учеба зимой и весной сорок первого по своему накалу, интенсивности и напряжению отличалась от предыдущих семестров. В основу обучения были положены методы практической подготовки будущих взводных командиров к ведению боевых действий. Начальник учебного отдела майор Алексеев лично проверял подготовку руководителей к занятиям, учебную базу и даже нас, курсантов.

Алексеев был прекрасным строевиком, обладал изумительным по звучности и силе голосом. Всеми построениями училища и войск гарнизона на парадах руководил он, блестяще справляясь с этими обязанностями. С этим человеком мне довелось встретиться в 1952 году в Туркестанском военном округе. Он прибыл к нам полковником на должность заместителя командира дивизии, а я в это время был начальником штаба этого соединения. Мы припомнили время, проведенное в Новосибирском училище. В скором времени Алексеев был назначен начальником Ташкентского военного училища имени В. И. Ленина.

...Пришла весна сорок первого года. Как и в прошлые годы, выехали в летний лагерь. Настроение у нас прекрасное. Последние ме-

сяцы перед выпуском. Впереди новая жизнь. Чем ближе конец учебы, тем больше на плечи ложилась ответственность за все, чем мы жили, о чем мечтали в горячих спорах и коротких курсантских снах.

В последний раз мы вышли на учебное поле летнего лагеря на берегу широкой, плавно текущей Томи. Сибирское разнотравье: тимофеевка, лабазник, тонконог, эспарцет, ковыль, типчак — зеленым ковром покрывало учебное поле, и лишь кое-где на нем высились могучие сосны и молодые березки. На противоположном берегу реки тянулась гряда сопок, поросших густым лесом.

Солнце палило, и мы укрылись от его обжигающих лучей в тени берез и сосен. Мы только что сдали государственные экзамены и ожидали приказ Наркома обороны о производстве в лейтенанты и назначении на командные должности в войска.

В группе курсантов, расположившихся под высокой сосной, царило оживление. Курсанты сидят широким кругом, в центре которого на полотне разложены детали станкового пулемета. Невысокий, коренастый лейтенант Ефименко, командир курсантского взвода, с завязанными глазами, на ощупь собирает замок пулемета. Собрал, поставил на место и нажал на гашетку. Услышав характерный щелчок, Ефименко снял повязку и объявил:

— Ну вот и все. Пулемет к действию готов. — С легкой усмешкой оглядев своих бывших учеников, он спросил:—Помните, друзья, эпизод из «Чапаева»? Цепи каппелевцев неотвратимо надвигаются на залегшую пехоту, а станковый пулемет молчит. Вот уже видны лица врагов. Еще несколько секунд — каппелевцы бросятся в атаку, и тогда... Но Анка-пулеметчица своевременно открыла уничтожающий огонь. Враг был обращен в бегство. Анка сознательно медлила, ждала удобного момента. Но может случиться и так, что пулемет откажет в бою из-за неисправности, которую легко устранить. Вот тут-то и пригодится вам отличное знание оружия. — Ефименко помолчал и вдруг спросил: — Ну, кто возьмется разобрать и собрать замок за такое же, как у меня, время?

Я решительно шагнул к пулемету:

— Курсант Алтунин! Разрешите попытаться?

— Попытайтесь, — дружелюбно улыбнулся Ефименко и, пока мне завязывали глаза, начал «рисовать» тактический фон: — В пятистах метрах от нас появился наступающий противник. Взвод ведет прицельный огонь из винтовок, а единственный станковый пулемет молчит: сломалась пружина замка. Надо ее заменить. Курсант Алтунин, действуйте...

Я разбирал замок, а командир взвода через каждые десять секунд отмечал, на сколько метров приблизилась вражеская пехота к рубежу атаки. Первую половину операции я, судя по одобрительному гулу, проделал в отличное время. Привычное расположение деталей помогло мне при сборке не терять драгоценных секунд.

Между тем голос командира звучал все тревожнее. Вот-вот он объявит, что враг бежит на нас... Но, с треском захлопнув крышку короба, я нажал на гашетку и услышал щелчок — замок собран правильно, пулемет «открыл огонь».

Когда я сорвал повязку с глаз, то сразу очутился в крепких объятиях товарищей. А Ефименко задумчиво стоял в стороне, на лице лейтенанта блуждала улыбка удовлетворения: его труды не пропали даром.

Отстранив товарищей, я строевым шагом подошел к командиру:

— Выполнение поставленной задачи закончил, товарищ лейтенант!

— Молодец! — Ефименко крепко пожал мне руку и с нескрываемым удивлением спросил: — И когда ты успел так навостриться?!

Я рассказал о вечерних тренировках. Внимательно выслушав меня, Ефименко сказал, что приобретенные знания пригодятся мне при обучении подчиненных. Откуда было знать лейтенанту, что доведенные мною до автоматизма навыки в обращении с пулеметом потребуются не на учебном поле, а в смертельных схватках с врагом!

Заметив бегущего к нам посыльного, лейтенант Ефименко прервал беседу. Курсанты столпились за его спиной.

Посыльный остановился перед командиром взвода и, переведя дыхание, доложил:

— Товарищ лейтенант, командир батальона приказал немедленно возвратиться в лагерь. На двенадцать ноль-ноль назначено общее построение.

Быстро разобрав оружие, мы тронулись в путь форсированным, как называл такой вид передвижения наш лейтенант, маршем: пять минут бегом, пять минут ускоренным шагом.

В лагере нам приказали переодеться в выходное обмундирование и построиться на плацу. Построением командовал высокий жилистый полковник, заместитель начальника училища по строевой части. На правом фланге занял место оркестр.

Показался начальник училища полковник Добровольский. Приняв рапорт, он вышел на середину строя.

— Здравствуйте, товарищи! — приветствовал нас начальник училища. С улыбкой выслушав дружный ответ и приказав загнуть фланги шеренг, он оказался в середине полукруга.

Взяв у сопровождавшего его начальника строевого отдела папку, полковник Добровольский торжественно объявил:

— «Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР по личному составу армии... 10 июня 1941 года, город Москва.

Курсантам, окончившим Новосибирское пехотное училище, в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 22 сентября 1935 года «О введении персональных воинских званий начальствующего состава Красной Армии», присвоить воинское звание «лейтенант» и назначить...»

Начальник училища громко и отчетливо называл фамилии выпускников и воинские части или учреждения, в которые они назначены. Наконец услышал я и свою фамилию: «Алтунин Александр Терентьевич — командиром взвода 720-го стрелкового полка». Большинство выпускников получили назначение в части, находящиеся в западных районах страны.

После торжественного построения нам выдали командирское обмундирование и снаряжение, заранее сшитое в мастерской военторга и ожидавшее на складе своего часа. К вечеру все выпускники уже щеголяли в тщательно отутюженном обмундировании, прицепив к скрипучим ремням планшетки и полевые сумки. Думаю, что если бы мы получили противогазы, то и их повесили бы на себя: уж очень хотелось поскорее обрести командирский вид! Только пустая кобура для револьвера смущала. Но выход был найден: плотно набитая бумагой, она сразу приобрела «боевой» вид.

Последняя лагерная ночь была чрезвычайно душной. Не спалось. Вероятно, многим знакомо это ощущение: уходит в прошлое отрезок жизни, и ты стоишь на пороге чего-то нового, еще не изведанного. И жаль расставаться с тем, что было, и манят иные горизонты. Оправдаются ли ожидания, осуществятся ли надежды?

Натянув брюки и сапоги, я вышел из палатки и побрел по затихшему лагерю. Сколько пота здесь пролито! Учения. Походы. Марш-броски на стрельбище и обратно. Преодоление штурмовой полосы. Занятия, занятия, занятия.

В последнюю зиму начальник училища выводил поочередно все батальоны «на закалку», как он говорил. Жили в холодных бараках, по двое-трое суток дневали и ночевали в лесу у костра. Кое-кто ворчал: зачем, мол, такие мучения?

Побродив по лагерю, возвратился в палатку и, словно простившись с прошлым, мгновенно заснул.

После утреннего туалета и завтрака сложили мы свои вещи (каждый стал владельцем солидного чемодана) на грузовик и с плащами на левой руке походным порядком направились на ближайшую станцию. Шагали полевой дорогой, заросшей травой, и чувствовали себя птенцами, совершающими первый полет. Шли вольно, с шутками, впервые не соблюдая равнения.

До станции оставалось не больше трех километров, когда полуденная жара разморила девятнадцатилетних лейтенантов. Умолкли даже завзятые остряки, которые скорее раскаленный уголь во рту удержат, нежели острое словцо.

Заметив усталость, бывший ротный старшина, рослый плечистый лейтенант Гагарин, зычным голосом подал команду: «Запевай!» Строй сомкнулся. Шаг стал четким. Зазвучали твердые удары кожаных подошв о сухую землю. Послышался глуховатый голос Николая Верстакова, затянувшего песню про знаменитую тридцатую Иркутскую дивизию, отличившуюся в боях на Чонгарской переправе. Лейтенанты лихо, с посвистом подхватили припев.

Что значит добрая песня — усталости как не бывало!

В станционный поселок мы вступили, гулко чеканя шаг, с шуточной песней на мотив популярного цыганского романса. «Не вспоминайте меня, канавы, — пели мы, задорно перемигиваясь, — прощай, мой лагерь, ползу в последний раз!»

На станции уже стоял наготове специальный состав, который доставил нас в Новосибирск.

От вокзала до училища выпускники демонстрировали блестящую строевую выучку. Одного запевалу сменял другой, еще более голосистый. Задорные молодые голоса всколыхнули затихавшие в летних сумерках улицы Новосибирска. На тротуарах толпились зеваки, в открытых окнах виднелись оживленные лица. Старики задумчиво улыбались, вероятно, вспоминали свою военную молодость, а молодежь, особенно девушки, приветливо махали лейтенантам. Слышались возгласы:

— Коля! Пушкарев! Привет и поздравления!

— Верстак! Не забудь попрощаться!

А лейтенанты лишь косили глазами и тверже печатали шаг.

Последняя ночь в казарме, которая заменяла нам родной дом, была необычно шумной. Мы вспоминали годы учебы, обсуждали назначения. Из полученных предписаний было известно, куда каждый из нас завтра уедет. Мне предстояло служить в Харьковском военном округе.

— Эх, и повезло же тебе, друже! — с завистью воскликнул плотный крепыш Вася Залерятский. — Ридну мою Украину побачишь!

Я заметил, что, волнуясь, Вася переходит на родной язык.

— Ты був там чи ни?

— Кроме Омска и Новосибирска, нигде не бывал.

— Хлопче, хлопче, — мечтательно закатив глаза, продолжал Залерятский, мешая русские и украинские слова, — ты не знаешь, що це таке Украина!.. Это хаты, уси билые-билые як сниг, а кругом сады, сады... А у степу нет ни конца ни краю, як у моря... А поля пшеницы бескрайние, а кукуруза — выше тебя... Не-е-ет, нет найкраще земли, як на Украине милой.

Побывать на Украине было заманчиво, но возрастала напряженность на нашей дальневосточной границе, особенно после событий у озера Хасан и на реке Халхин-Гол; там сосредоточивалась мощная японская армия. Эти обстоятельства давали основание считать, что получившие назначение на Дальний Восток первыми примут боевое крещение. Прежде всего им, так мне казалось, предстоит скрестить оружие с самураями, отстаивая неприкосновенность наших границ. Поэтому я с особым почтением смотрел на будущих дальневосточников.

Один из моих товарищей, Андрей Мелкотуков, не соглашаясь, решительно утверждал, что воевать нам придется с немцами. Андрей не подкреплял свое убеждение ссылками на какие-либо источники или личную оценку международных отношений. Он придерживался в споре примерно того же метода, каким Остап Бендер опровергал заявления ученых ксендзов, доказывавших, что бог существует. Выслушав доводы тех, кто считал наиболее близкой войну с самураями, Мелкотуков безапелляционно заявлял:

— А я убежден: воевать будем с Германией!..

На следующий день мы навсегда покинули стены училища. Группа командиров, направлявшихся в Харьковский военный округ, сдав чемоданы в камеру хранения, рассыпалась по городу для прощальных визитов.

По заведенному порядку лейтенантам сразу после окончания училища предоставлялся месячный отпуск, а затем они отправлялись к месту службы. Но нам, к нашему великому огорчению, отпусков не дали, сказали, что получим их по прибытии к месту службы. Нужно было сообщить об этом родным. Я послал родственникам в Омск телеграмму, в которой сообщал номер поезда и вагон.

В последний раз прошел по знакомым местам. Вот улица, по которой мы ежедневно строем совершали вечерние прогулки. Несколько минут посидел в тени высокого дуба на деревянной скамье, служившей нам местом встреч со знакомыми. Окинул прощальным взглядом кинотеатр, в котором по выходным дням случалось смотреть новые фильмы.

Привыкаешь не только к людям, но и к городам. Покидая Новосибирск, я оставлял в нем частицу своего сердца.

Вечером перрон, возле которого стоял поезд, был переполнен отъезжающими и провожающими их родственниками, друзьями и просто зеваками. За несколько минут до отправления поезда отъезжающие поднялись в вагоны и столпились у открытых окон. Только одиночки задержались на перроне, выслушивая последние напутствия близких.

Полная рыжеволосая женщина в розовом платье без стеснения рыдала, припав к груди смущенного лейтенанта Настенькина, прозванного Настенькой из-за его фамилии и щуплого вида.

— Настенька!—крикнул кто-то из друзей.— Пакуй ее в чемодан и забирай с собой! Потом вышлешь обратно малой скоростью...

Последние слова утонули в громовом хохоте: все знали, что рыжеволосая женщина, работавшая в училище парикмахером, уже побывала замужем. Дважды покидала она родной город, следуя за мужьями, и каждый раз почему-то возвращалась назад. Возможно, и теперь она последовала бы за очередным супругом, но был приказ ехать к месту назначения без семей.

Наконец прозвучал третий удар станционного колокола. Поезд медленно тронулся. Мы, четверо лейтенантов, уютно разместились в купе плацкартного вагона и решили отметить начало нового этапа нашей жизни. Разложили на маленьком приоконном столике нехитрую закуску, налили в граненые стаканы вино.

Когда промелькнули последние здания города, Андрей Мелкотуков, кареглазый парень с короткой темной шевелюрой, поднял стакан и с шутливой торжественностью провозгласил:

— Прощай, Новосибирск! Увидим ли мы тебя когда-нибудь? За наш город, друзья, за родное училище!

Если бы Андрей Мелкотуков мог заглянуть в недалекое будущее, он узнал бы, что навсегда попрощался с городом своей юности, что чуть больше чем через месяц фашистская пуля оборвет его жизнь в бою на белорусской земле. Но счастье человека — в неведении конца своего жизненного пути. До последней минуты он надеется на лучшее, на долгую и обязательно счастливую жизнь.

Не успели мы закончить скромный ужин, как Андрей Сердюков, самый молчаливый из нашей компании, вечно что-нибудь читавший,

вдруг машинально сдвинул разложенные закуски, опрокинув бутылку с остатками вина.

— Ты что, Андрей? — возмутился Мелкотуков. — Очумел? Забыл, что сидишь за столом? Весь наш ужин чуть не сбросил на пол!

— Да постой ты! — досадливо отмахнулся Сердюков. — Послушайте-ка, что сообщает ТАСС.

И, отчетливо выговаривая каждое слово, он прочитал Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года, особо подчеркнув, что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Потом протянул газету Мелкотукову и с нескрываемой иронией сказал:

— А ты утверждаешь, что немцы первыми начнут заваруху. Видишь, Заявление ТАСС и твое мнение не совпадают.

— Наше Телеграфное агентство, — ответил Мелкотуков, — конечно, знает, что заявлять. Однако я убежден: не может быть мира между фашистами и нами! Сколько волка ни корми, а он все в лес глядит, сколько фашиста ни ублажай, а его разбойничья натура свое возьмет. Недаром фашисты столько лет усиленно вооружаются и захватывают одну страну за другой.

— Самураи не лучше, — возразил Сердюков. — Сколько они крови попортили советскому народу?! Поэтому не исключено, что ребятам, едущим сейчас на Дальний Восток, раньше нас придется понюхать пороху.

— Кишка у самураев тонка! — презрительно махнул рукой Мелкотуков. — Немцы сильней и опасней. Я уверен: именно нам придется первыми принять боевое крещение.

Лейтенант Мелкотуков и не предполагал, насколько его слова близки к истине. В душе мы надеялись, что война — дело нескорое. Во всяком случае, планы на предстоящий отпуск строили все. Мелкотуков, забыв через минуту спор о войне, с жаром рассказывал, что, как только получит отпуск, сразу женится. Невеста ждет не дождется его, а родители пишут, что к свадьбе все готово: и четырехпудовый боровок откормлен, и две овечки, а куры, гуси и утки ждут часа, чтобы очутиться на свадебном столе. Словом, планы были самые радужные и мирные...

Светлым июньским вечером наш поезд подкатил к перрону Омского вокзала. Выпрыгнув из вагона, я сразу же заметил спешившую мне навстречу тетушку Макриду Дмитриевну в завязанном под подбородком цветастом платке. Ее миниатюрная фигурка легко передвигалась по перрону. Подбежав ко мне, тетушка подпрыгнула, и ее маленькие, худенькие, но цепкие руки крепко обхватили мою шею. Часто моргая незрячими от слез глазами, она осыпала меня поцелуями.

— Саша! Голубчик! — радостно лепетала моя добрейшая тетушка. — Вот и свиделись наконец.

Тетушка, наверное, не скоро выпустила бы меня из объятий, если бы не подошедший вслед за ней богатырского сложения цыгановатый мужчина.

— Ну хватит тебе, баба, слюнявить доброго молодца, — заявил он рокочущим басом. — Дай и нам поздороваться. — Приподняв жену, Петр Емельянович Дьяков легко отстранил ее и, словно медведь, стиснул меня так, что я, несмотря на довольно крепкое телосложение, опасался за целость своих ребер.

Петр Емельянович оглядел меня, проверил мое снаряжение, словно сбрую на коне, перед тем как тронуться в дальний путь, и удовлетворенно разгладил мозолистыми пальцами свои растрепавшиеся усы.

— Хорош, чертяка! — восхищенно воскликнул он. — Во какой вымахал! Даже меня обскакал. Бравый, ей-богу, бравый вид! — И, взглянув на кубики в петлицах, спросил: — А какое же у тебя звание?

— Лейтенант, товарищ дядюшка! — шутливо вытянулся я, лихо приложив руку к козырьку.

— Это какому же, к примеру, офицерскому званию царской армии можно приравнять? — заинтересовался старый солдат.

— Кажется, подпоручик... — отвечаю неуверенно.

— Эге, выходит, выше прапора. А ведь нашему брату, сыну крестьянскому, допрежь выше прапора и не мечтай, хоть какой ты ни будь способный и умный. А ты вот, еще и молоко на губах не обсохло, уже офицерского чина удостоился. Цени, брат. Спасибо скажи Советской власти, защищай ее, коль тебе доверили столь важное дело.

— Обязательно, дядюшка, — ответил я серьезно. — Если потребуется, жизни своей не пожалею за нашу Родину, за Советскую власть.

Растроганный Петр Емельянович неожиданно выхватил из бокового кармана бутылку:

— По этому торжественному случаю надо бы по стаканчику осушить!

— Тебе, старый пьяница, лишь бы повод! — сердито возразила тетушка Макрида Дмитриевна, крепко державшая мою руку.

— Ничего, ничего, Макридушка, — ласково пророкотал Петр Емельянович, торопливо вытаскивая из карманов граненые стаканы, завернутый в газету кусок ржаного хлеба и соленый огурец. — Мы мигом сообразим, иначе дело гиблое: не пойдет у него служба, коль первое звание не обмыть. Отойдем-ка вот сюда, — показал он на прилавок продовольственного ларька.

Отработанным движением Петр Емельянович налил в стаканы водку и один протянул мне, ласково приговаривая:

— Успехов тебе самых огромадных. — Довольно крякнув, добавил: — И невестушку самую пригожую. — Заметив, что я лишь пригубил водку, нахмурился: — Э-э-э! Не по-нашенски, брат, не посибирски. Ну что ты как хлюпик какой! Хлобыстни весь, будь мужиком...

Прозвучал станционный колокол, предупреждавший об отправлении поезда. Поняв, что я не стану пить, дядюшка секунду раздумывал, не слить ли водку в бутылку, но махнул рукой и опрокинул

содержимое в рот, приговаривая: «Чем в таз, лучше в нас». Спрятав бутылку и стаканы, дядя обнял меня:

— Что отцу-то сказать? Когда в отпуск?

— Недельки через две ждите. Обещали отпустить сразу по прибытии в часть.

— Будем ждать! — повторял дядюшка, идя за вагоном. — Будем жда-а-ать!

А тетушка молча семенила за супругом, одной рукой прощально взмахивая вслед уходящему поезду, другой вытирая слезы.

Встреча с родственниками доставила мне искреннюю радость: словно домой на минутку заглянул. И, что скрывать, приятно было видеть подчеркнутое уважение близких: как же, их Сашуньке доверена почетная миссия с оружием в руках защищать Родину. И не рядовым бойцом, а командиром!

Расставался я с родными без печали, верил, что уезжаю ненадолго, что скоро смогу обнять любимую матушку и отца, старшего брата Мишу и сестренку Машеньку.

ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ...

Время в пути пролетело незаметно. Перед взором промелькнули незнакомые места: большие города, деревушки, очень непохожие на наши, сибирские. После Волги леса показались мне необычно светлыми и манящими. Они напомнили березовые колки южной части Омской области. Постепенно их становилось все меньше: поезд приближался к Харькову.

Солнечным воскресным утром 22 июня мы вышли на перрон Харьковского вокзала. Город только просыпался. Лишь на привокзальной площади царило оживление. Люди оживленно разговаривали, куда-то торопились, шутили. И никто еще не знал, что уже три часа в приграничных районах страны бушует смерч войны, льется кровь солдат и мирных жителей.

Убедившись, что поезд на Лубны, где дислоцировалась наша дивизия, отправится только вечером, мы сдали вещи в камеру хранения и, наскоро позавтракав в кафе, пошли знакомиться с городом. Как истинные провинциалы, мы во все глаза смотрели по сторонам. А когда добрались до площади имени Дзержинского, остановились пораженные ее размерами и красотой окружающих зданий. Андрей Мелкотуков, работавший до поступления в училище в одном из сибирских колхозов, удивленно произнес:

— Ну и ну, да здесь целое поле можно разместить, десятин десять — двенадцать, пожалуй, будет!..

Мы обменивались впечатлениями и не сразу заметили, что публика, сновавшая вокруг, стала стекаться к большому репродуктору, висевшему на одном из зданий. Не сговариваясь, мы подошли к толпе. Я машинально взглянул на циферблат. Стрелки показывали без нескольких минут двенадцать.

— По какому поводу сбор? — с улыбкой спросил Мелкотуков стоявшую поблизости молодую женщину. — Может, танцы будут?

Женщина не поддержала шутку.

— Сейчас по радио выступит народный комиссар иностранных дел товарищ Молотов, — строго сказала она.

— О господи! — испуганно воскликнула пожилая женщина, по-видимому возвращавшаяся домой из продовольственного магазина. — Уж не война ли?

— Ну ты, тетка, скажешь! — возмутился остановившийся рядом с ней молодой рабочий. — Может, опять пограничный инцидент какой, а ты сразу — война! С кем воевать-то? С германцем договор... Читала сообщение ТАСС? Нет? Вот то-то и оно: в политике не разбираешься, а тоже — вой-на-а-а!!

В репродукторе щелкнуло, и над площадью разнесся глуховатый, слегка картавящий голос:

— «Граждане и гражданки СССР! Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас...»

Молотов продолжал говорить, а у меня в ушах набатом звучало лишь одно: война!!!

Заключительные слова народного комиссара «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» сознание выделило особо. В том, что победим, мы были уверены.

Выступление В. М. Молотова закончилось, а толпа не расходилась. Я взглянул на женщину, обвиненную рабочим в незнании политики, и увидел, что по ее морщинистому лицу катятся крупные слезы.

— Как же так, хлопцы? — растерянно спросил нас молодой рабочий. — Ведь договор же!..

Мы развели руками: и для нас это сообщение было громом среди ясного неба.

«Вот и пропал отпуск, так и не придется повидаться с родителями», — огорченно подумал я и повернулся к товарищам:

— Айда, ребята, на вокзал: скорее в часть!

Утром 23 июня мы были уже на станции Лубны. Здесь разгружали боевую технику, боеприпасы, вещевое имущество, предназначенное, как выяснилось, частям 25-го стрелкового корпуса, в состав которого входила и 162-я дивизия, куда мы следовали.

После проверки документов мы добрались на попутной машине до штаба дивизии. Прочитав предписание, капитан из отделения кадров поинтересовался:

— Вы член партии, лейтенант?

— Нет, кандидат. А что?

— Подождите. — Капитан, захватив мои документы, куда-то ушел.

Через несколько минут он возвратился и приказал следовать

за ним. Подойдя к двери, на которой висела табличка «Начальник отдела политпропаганды», он открыл ее и, остановившись на пороге, пропустил меня вперед.

— Товарищ батальонный комиссар, — обратился он к сидящему за столом лысеющему человеку, — представляю выпускника Новосибирского пехотного училища лейтенанта Алтунина Александра Терентьевича! — и подтолкнул меня к столу.

Выйдя из-за стола, батальонный комиссар протянул мне руку:

— В училище вы были заместителем политрука?

— Да.

— Политинформации с курсантами проводили?

— Так точно.

— Как вы расцениваете Заявление ТАСС от 14 июня и вчерашнее вероломное нападение на нашу страну? — задал он неожиданный вопрос.

Я растерянно молчал. Мне как-то и в голову не приходило критически обсуждать дипломатические шаги правительства. Однако, поборов смущение, решительно заявил:

— Заявление ТАСС, по-моему, еще раз четко подчеркнуло миролюбивое устремление Советского Союза и лишило Гитлера возможности оправдать свою агрессию.

— Вы правы, лейтенант, — улыбнулся батальонный комиссар.— Вижу, что хорошо ориентируетесь в международной обстановке. Сейчас это особенно важно. — Посмотрев на меня испытующе, добавил: — Мы решили назначить вас заместителем командира первой минометной роты по политической части...

— Я же не политработник! — невольно вырвалось у меня.

— Надо, лейтенант, надо, — устало вздохнул начальник отдела. — Командиров у нас достаточно, а политработников — большой некомплект. Вы кандидат партии и опыт политработы имеете. — Батальонный комиссар, видимо предупреждая возражения, шагнул ко мне и ласково похлопал по плечу: — Ничего, ничего, лейтенант, справишься. Поезжай в полк, принимай роту.

Так неожиданно я стал политработником.

Связной проводил меня в штаб полка, где со мной побеседовал заместитель командира полка по политической части батальонный комиссар Федор Афанасьевич Панченко. Он был очень внимателен: рассказал об особенностях политической работы, посоветовал, с чего начать. На прощание, задержав мою руку, он сказал:

— Если на первых порах будет трудно, не стесняйтесь обращаться за советом. Приходите... в любое время...

Командира роты на месте не оказалось. Дежурный доложил, что он на полковом складе получает недостающее имущество. Не ожидая его возвращения, познакомился с командирами взводов. Искренне обрадовался, узнав, что все они прошли хорошую подготовку: лейтенанты Сергей Воронов и Павел Степанов окончили полный курс пехотного училища, а младший лейтенант Семен Позднышев — артиллерийского. По возрасту они были на год-два старше меня, но выглядели такими же безусыми юнцами, как и я.

Вскоре возвратился командир роты. Он выглядел старым для своих сорока лет и болезненным; обмундирование висело на нем помятым мешком; пряжка ремня болталась где-то под животом. Видимо, строевая подготовка, полученная им когда-то, выветрилась за годы работы учителем.

«Как же такой командир поведет в бой?» — подумал я, глубоко огорченный совсем не воинским видом младшего лейтенанта.

Правда, мне так и не пришлось узнать, какой бы из него получился командир: его отозвали. Лишь значительно позднее я убедился, что из таких вот сугубо штатских людей в боях — в этой жестокой и кровавой школе — часто выковывались прекрасные командиры.

Хотя командир роты младший лейтенант Вапин и не вызвал у меня симпатии, нам удалось как-то сразу поставить свои отношения на деловую основу: распределили обязанности, помогали друг другу в работе.

Дни были заполнены получением и проверкой вооружения, подгонкой снаряжения, учебой. Не все здесь проходило гладко.

Навсегда запомнился такой случай. Из рук Василия Ходаченкова выпала боевая граната со снятым кольцом. Поняв, что не успеет отбросить лимонку, бывший шахтер упал на нее, чтобы спасти стоявших рядом товарищей. Раздался глухой взрыв. Самопожертвование бойца глубоко потрясло нас. Тридцатилетний шахтер Василий Ходаченков преподал мне первый урок мужества, вытекающего из высокого сознания воинского долга. В минуту смертельной опасности он остался верным первой заповеди советского солдата: сам погибай, а товарища выручай. Не прояви Ходаченков такого мужества, пострадали бы и другие бойцы и командиры.

С первой минуты пребывания в роте я внимательно изучал людей, с которыми предстояло идти в бой. Среди пополнения, прибывшего в полк, были жители западных районов Украины. Плохо подготовленные, поскольку в армии раньше не служили, но настроенные по-боевому, они рвались в бой, чтобы поскорее изгнать фашистов из родных мест. Однако встречались среди них и ненадежные люди. Однажды я стал свидетелем весьма досадной сцены. Красноармеец ожесточенно тряс новичка лет двадцати двух, который испуганно отбивался.

— Прекратите безобразие! — сердито закричал я, подбегая к ним.

Красноармеец с трудом разжал побелевшие пальцы и, оттолкнув от себя испуганного новобранца, зло процедил сквозь зубы:

— Я тебе, паскуда, язык твой поганый вырву за такие слова!

— Почему безобразничаете, товарищ Браженко? — вспомнив фамилию бойца, строго спросил я.

— Я не безобразничаю, товарищ лейтенант, это он, гадюка, шипит как змея ползучая, что Германия разобьет СССР, что она сильнее...

— Фамилия? — До крайности удивленный, я пристально посмотрел на новоявленного «пророка».

— Удовиченко, — пробормотал тот, не поднимая глаз.

— Значит, считаете, что Красная Армия неминуемо проиграет войну? — В душе я еще надеялся, что Браженко ошибся.

Удовиченко молчал.

— Ну что ж, молчание — знак согласия, — заключил я. — Кто внушил вам такие мысли? На каком основании вы сделали такой вывод?

Удовиченко вдруг вскинул голову и, злобно блеснув глазами, выпалил:

— Я сам бачив германцев, коли гостював у свого братуся в Люблинском воеводстве. У них такий великий порядок, стильки танкив и инших машин, всего богато. Перед такою армией нихто не устоит.

Его слова ошеломили меня. С открытой ненавистью к Советской власти я столкнулся впервые. «Как же так? — подумал я. — Простой крестьянин, о котором Советская власть проявляет огромную заботу, и вдруг так враждебно настроен?» Этого я не мог понять. Решил посоветоваться с заместителем командира полка по политической части. Батальонный комиссар Панченко был очень занят, но, узнав, что я пришел к нему за советом, сразу же принял. Выслушав мой взволнованный рассказ, он покачал головой:

— Да-а-а! Случай исключительный. Это явный враг. Он, конечно, не отражает настроений простого западноукраинского крестьянина... Ну ничего, разберемся, откуда ветер дует...

На следующий день наша минометная рота держала экзамен: проводила боевую стрельбу. Все мы, естественно, волновались: многие минометчики боевую мину и в руках не держали. Вначале все шло хорошо. Минометные расчеты должны были поразить цель пятью минами в установленное время. Все расчеты, кроме одного, выполнили задание. Лучшее время показал расчет сержанта Сероштана. Наступила очередь последнего расчета. Я решил уйти с огневой позиции, чтобы прочитать подготовленный здесь же, на стрельбище, боевой листок, как вдруг заметил, что очередная мина еще не вылетела из ствола, а заряжающий уже опускает следующую. Это грозило катастрофой: взрывом и неминуемой гибелью людей. К счастью, я еще не отошел от заряжающего и на какую-то долю секунды опередил его, оттолкнув в сторону так, что он упал, но мину из рук не выпустил. Почти одновременно из ствола миномета с шумом вырвалась ранее опущенная мина и, сотрясая воздух, полетела к цели. Лицо заряжающего покрылось смертельной бледностью. Все так же с миной в руках он встал на колени. Я выхватил у него мину, опустил в канал ствола и почувствовал, как струйки пота потекли по спине, словно перетаскал десятка два шестипудовых мешков...

Вечером мы детально разобрали этот случай с командирами расчетов и предложили им провести дополнительные занятия с минометчиками.

Спустя два дня после этого чуть не закончившегося трагически события последовал приказ выступить в поход. Нетрудно было

догадаться, что наш путь лежит на фронт, где, по сообщениям Совинформбюро, положение осложнялось с каждым часом. В Прибалтике в конце июня советские войска отбивали атаки на Западной Двине. В Белоруссии с 26 июня ожесточенные бои шли в окрестностях Минска. И только на Украине войска Юго-Западного фронта наносили контрудары по врагу все еще в приграничных районах.

Трудно было предугадать, на какой участок фронта будет направлена наша дивизия. Но поскольку марш мы совершали на запад, на Пирятин, распространился слух: следуем, мол, в район Киева.

В районе Пирятина наш полк был остановлен. Командира роты и меня вызвал комбат капитан Тонконоженко и объявил, что в ночь на 28 июня на станции Пирятин полку предстоит погрузка в эшелоны.

Перед погрузкой снова произошел резкий поворот в моей командирской судьбе. Я уже заметил, что комбат Тонконоженко старается выражать свои мысли предельно кратко и четко. Поэтому меня не удивила лаконичность его распоряжения.

— Вы, — показал он рукой на моего командира, — сдайте роту, а вы, — жест в мою сторону, — примите. Через час доложите.

Огорошенные таким поворотом наших судеб, мы молча переминаемся с ноги на ногу, ожидая дальнейших разъяснений, но комбат недовольно махнул рукой:

— Выполняйте!

— А со мной что будет? — робко спросил младший лейтенант Ванин.

— В распоряжение штаба дивизии! — бросил на ходу Тонконоженко, спеша к месту построения батальонной колонны.

Младший лейтенант продолжал стоять, осмысливая случившееся. Я тронул его за локоть:

— Идемте, Илья Максимович, надо торопиться.

Мы поспешили в роту. Построив ее, Ванин объявил о моем назначении и начал прощаться с командирами и красноармейцами, обходя строй и каждому пожимая руку. При этом он повторял одни и те же слова:

— Прощайте, успехов вам в боях.

Я понимал его состояние. Только успел познакомиться с людьми, ощутить себя нужным, и вдруг — отзывают. Прощаясь со мной, Ванин высказал затаенное опасение:

— А что, если не пустят на фронт? Может, стар я для фронта?

— Ну какой же вы старый, Илья Максимович? — возразил я, а в душе засомневался: «А ведь и правда могут в тыл направить: все же за сорок перевалило». И невольно порадовался, что мне всего девятнадцать.

Проводив своего бывшего командира метров на сто от расположения роты, я крепко пожал ему руку, мы распрощались. Я так и не узнал: удалось ли Илье Максимовичу попасть на фронт, или его отправили в тыловую часть? Больше мы не встречались.

Часом позже я вывел роту в назначенный пункт, откуда мы ба-

тальонной колонной зашагали к месту погрузки. К эшелону вышли не сразу. Сначала, опасаясь налетов вражеской авиации, скрытно расположились в ближайшем лесочке. Здесь всех командиров подразделений собрал командир полка — стройный, худощавый подполковник Григорий Денисович Мухин.

С особым интересом рассматривал я командиров стрелковых батальонов: ведь в первую очередь от них, от их умения, решительности и инициативности, зависит, как будут претворяться в жизнь замыслы командира полка, как, наконец, сложится судьба каждого батальона. С удовлетворением отметил про себя, что наш командир, капитан Тонконоженко, выделялся молодостью и строевой выправкой. По сравнению с ним командир второго батальона майор Хлебников, казавшийся мне стариком, хотя ему было тогда чуть больше сорока, выглядел мешковатым и медлительным. Под стать ему и командир третьего батальона капитан Николюк. «Им не батальонами командовать, — думалось мне, — а какой-нибудь базой заведовать». Впоследствии я с удивлением и радостью узнал, что «мирный» облик комбатов ввел меня в заблуждение: в первых же боях они проявили исключительную распорядительность, спокойствие и личную храбрость.

Командир полка, отчетливо выговаривая каждое слово, изложил правила поведения бойцов и командиров во время следования в эшелоне. Основными требованиями были: без команды не покидать вагон даже при налете фашистской авиации; за каждого отставшего отвечает старший по вагону. Подполковник Мухин приказал организовать в пути изучение Боевого устава и оружия, а батальонный комиссар Панченко напомнил о необходимости ежедневно проводить информации.

— Задача ясна, товарищи комбаты? — спросил Мухин.

— Ясна! — в один голос отозвались Тонконоженко и Николюк.

Хлебников с ответом не торопился: пожевав губами, он глубоко вздохнул. Командир полка, как видно, недолюбливавший Хлебникова за излишнюю медлительность, сердито спросил:

— Вам, товарищ Хлебников, что-нибудь неясно?

— Все ясно, — нехотя ответил майор.

Здесь же капитан Тонконоженко разъяснил нам, что наш батальон следует первым эшелоном, за нами — штаб полка с батальоном Хлебникова и артиллерией, затем третий батальон и другие подразделения полка.

Не успели мы разойтись по ротам, как меня остановил инструктор по пропаганде старший политрук Лобанок:

— Товарищ Алтунин! К батальонному комиссару Панченко!

Подойдя к Панченко, я подождал, пока он закончит беседу с окружившими его политработниками. Освободившись, батальонный комиссар протянул мне руку и устало проговорил:

— Ну, поздравляю, лейтенант, с новым назначением... Жаль, конечно, что уходите с политработы, но, судя по вашему виду, вы не огорчены? — Заметив, что я замялся, подтвердил: — Вижу, вижу! Надеюсь, станете хорошим командиром!

— Буду стараться, — с готовностью ответил я, радуясь, что Панченко доброжелательно отнесся к моему возвращению на командную должность.

Подозвав стоявшего в отдалении политработника, Панченко сказал:

— Знакомьтесь, ваш заместитель по политической части.

— Младший политрук Стаднюк! — с чувством собственного достоинства назвал себя подошедший, одетый в не успевшее еще обмяться обмундирование.

Пока я пытался угадать: из учителей он или из партийных работников, батальонный комиссар, прервав мои мысли, продолжал:

— А вам известно, товарищ Алтунин, кем оказался поклонник фашистской армии?

— Вы об Удовиченко?

— Да, о нем. Его отец до воссоединения Западной Украины владел шестьюдесятью десятинами земли, которую Советская власть передала работавшим на него батракам. В спешке первых дней войны многих таких мобилизовали в армию. Теперь надо их отсеивать. Такие за Советскую власть воевать не будут — это потенциальные предатели.

«Хорошо, что своевременно проявилась вражеская натура куркуля, — горячо обрадовался я. — Лучше стоять с врагом лицом к лицу, чем иметь его у себя за спиной».

Этот случай, оставивший неприятный осадок в моей душе, облегчил мне впоследствии понимание одного из главнейших истоков гнусного предательства власовцев.

С наступлением темноты нас посадили в вагоны. Поезд, набирая скорость, двинулся не на запад, как мы предполагали, а на север. Прилуки, Бахмач, Конотоп — названия мелькали одно за другим. Задерживались на станциях только для пополнения запасов воды и угля. Лишь однажды эшелон простоял на глухом полустанке два дня и ночь.

В пути мы быстро обжили теплушки, следили за чистотой, на остановках спешили к платформе, где разместились полевые кухни и где три раза в день мы получали горячую пищу. Все свободное время учились. Мы добивались, чтобы каждый боец мог заменить товарища в боевом расчете. Только при таком условии можно было надеяться, что миномет не умолкнет, если останется живым хоть один человек. Удалось ли нам этого достичь — покажет бой.

В начале пути нам везло: эшелон ни разу не бомбили, хотя попадались разбитые вагоны и даже паровозы. Поэтому к налету фашистской авиации готовились тщательно. Был установлен четкий порядок оставления вагонов и рассредоточения взводов на случай разрушения пути. Тренировались в ведении залпового огня из винтовок по снижающимся самолетам. Специальных зенитных установок в батальоне не было, но капитан Тонконоженко перед погрузкой в вагоны раздобыл где-то четыре тележные оси. Установил их на платформы. Закрепил на них обычные станковые пулеметы, снабженные зенитными прицелами. И вот четыре самодельные зенитные

пулеметные установки постоянно были нацелены в небо. Около них круглосуточно дежурили наиболее подготовленные пулеметчики. «Защитят ли они эшелон от самолетов?» Эта мысль волновала, я думаю, не одного меня.

Рев авиационных моторов привлек внимание всех обитателей теплушки. Минометчики сгрудились возле дверного проема. В открытую дверь теплушки видно, как одна за другой с нарастающим воем мчатся навстречу эшелону машины со свастикой на крыльях. Сквозь этот вой слышится прерывистое татаканье — то ведут огонь бойцы, дежурившие у станковых пулеметов.

«Молодцы! — с восхищением думаю я. — Ведь ни один из них не был еще под вражеским огнем, а не дрогнули!»

Поезд то ускоряет бег, то почти останавливается — маневрирует машинист, уже не раз попадавший под бомбежку. Справа и слева от железнодорожного полотна взрываются бомбы. Осколки насквозь пронизывают тонкие стены теплушки. Вдруг один из бойцов, стоявших у двери, молча валится на пол: осколок снес ему верхнюю часть черепа вместе с пилоткой. Я на мгновение растерялся, потом, осознав опасность, во весь голос кричу:

— Всем лечь на пол! — и первым выполняю команду.

Теперь осколки проносятся над головой. У противоположной двери кто-то громко стонет. Бросаюсь туда и вижу красноармейца, зажимающего ладонью правое плечо. Сквозь пальцы сочится кровь. Зову санинструктора, и вдвоем мы быстро перевязываем раненого.

Поезд набирает скорость. А мы, затаив дыхание, ожидаем, что с минуты на минуту очередная бомба разрушит железнодорожное полотно и наш эшелон рухнет под откос. Но фашистские летчики, израсходовав боезапас, сделали круг над эшелоном и скрылись.

Так меня и моих товарищей впервые опалило горячее дыхание войны. Сколько потом было пережито страшных минут, но эта первая бомбежка навсегда осталась в памяти.

Бомбардировщики улетели, а в вагоне еще долго стояла тишина. Под ритмичный перестук колес все молча переживали случившееся. Видимо, у каждого, как и у меня, бродила мысль: «Вот и в бою не были, и фашиста живого не видели, а товарищей уже потеряли».

Вздохнув, я достал из планшетки список личного состава и, помедлив, вычеркнул две фамилии.

Ко мне подошел младший политрук Стадник и протянул листок, вырванный из ученической тетради, — письмо родителям погибшего.

«Дорогие родители нашего боевого товарища красноармейца Феди Малышенко! — писал Иван Афанасьевич. — Мужайтесь: сегодня осколок фашистской бомбы прервал боевой путь вашего сына. Мы знаем, что вашему горю не помочь словами сочувствия. И все же считаем своим долгом сказать: за смерть нашего дорогого товарища мы отомстим фашистам. Клянемся вам в этом!..»

— Надо бы по имени и отчеству обратиться, — сказал я, возвращая письмо.

— Домашний адрес погибшего записал, а вот имя и отчество родителей, к сожалению, не догадался... — Стаднюк горестно вздохнул: — Разве все предусмотришь? Так неожиданно...

Иван Афанасьевич обладал редкой способностью быстро сходиться с людьми, вызывать их на откровенность. Более опытный — Иван Афанасьевич после окончания института работал инженером на шахте, потом его выдвинули на партийную работу в райком, — он очень помогал мне в изучении подчиненных, в налаживании взаимопонимания с ними. А люди в роте подобрались крепкие, надежные, в основном шахтеры из Донбасса.

— Восемь членов партии и три кандидата, да еще комсомольцы! — с гордостью сообщил Стаднюк. — Это наша надежная опора в бою, товарищ лейтенант. Только надо продуманно расставить их, чтобы в каждом расчете были один-два коммуниста.

Так мы и поступили.

Младший политрук всегда в окружении бойцов: то ведет задушевную беседу, то с юношеским задором устраивает соревнование, кто лучше знает обязанности номеров минометного расчета.

Взглянул на него и невольно улыбнулся, вспомнив, с каким азартом в первый день своего пребывания в роте он заявил мне, что постарается освоить обязанности всех номеров. Его рябоватое лицо при этом покрылось легкой краской смущения. Словно опасаясь, что я упрекну его в хвастовстве, Иван Афанасьевич спросил:

— А что, думаете, не смогу?

— Сможете, Иван Афанасьевич, сможете, — поспешил успокоить я своего энергичного заместителя, — если ежедневно будете заниматься вместе с минометчиками.

С того дня Стаднюк не переставал учиться. Как-то я наблюдал такую картину. Довольно быстро подготовив данные для стрельбы — в этом ему помогало хорошее знание математики, — Стаднюк начал подробно излагать своему «учителю» — командиру расчета старшему сержанту Поливоде, — какой, по его мнению, прицел следует установить, чтобы поразить пехоту, залегшую в километре от огневой позиции минометчиков. Степан Поливода слушал пространные объяснения Стаднюка, командирский язык которому явно не давался, и неодобрительно покачивал головой. Затем, подав короткую команду, Поливода попросил младшего политрука повторить ее. После нескольких безуспешных попыток Стаднюк осипшим голосом повторил-таки команду и с чувством исполненного долга отошел от миномета...

Тяжелая грозовая туча стремительно наползает на землю, не успевшую остыть за короткую ночь от вчерашнего зноя. И вдруг хлынул проливной дождь. Мы обрадовались: теперь не страшны фашистские самолеты.

После первой бомбежки мы убедились, что старания капитана Тонконожепко не пропали даром. Хотя пулеметчикам не удалось сбить ни одного бомбардировщика, интенсивный пулеметный огонь

заметно нервировал фашистских летчиков. Они беспорядочно сбросили бомбы.

Из низких туч, серым покрывалом окутавших прокаленную июльским зноем землю, словно из губки, стиснутой мощной ладонью, струится теплый дождь. Разморенные влажной духотой, минометчики, устроившись на нарах и у полуоткрытой двери, тихо обмениваются впечатлениями. А я пытливо всматриваюсь в своих подчиненных, стараясь представить каждого из них в бою. Я еще не успел как следует изучить бойцов и командиров, но теперь они уже не кажутся мне безликой массой, как в первый день.

Особую симпатию испытываю к старшине роты Николаю Федоровичу Охрименко, могучего телосложения украинцу, с пухлыми румяными щеками и вислыми пшеничными усами. Большие светло-голубые глаза, опушенные рыжеватыми ресницами, и нос величиной с небольшую круглую картофелину придают старшине чрезвычайно добродушный вид. Правда, мне докучает хозяйственная рачительность Охрименко. Он тащит в вагон все, что попадется на глаза: старое порванное обмундирование, кем-то выброшенные разбитые кирзовые сапоги, солдатские котелки, а на одной станции приволок ящик гвоздей, пилу и несколько топоров.

— Зачем это нам, товарищ старшина? — удивился я.

— В добром хозяйстве, товарищ комроты, ничего лишнего не бывает, усё сгодится: може, строить чого прийдется... — Николай Федорович старается говорить по-русски, но машинально вплетает в речь украинские слова.

Я советую сдать ненужные нам вещи, а Охрименко, вытягиваясь во весь свой богатырский рост и моргая ресницами, упрашивает:

— Дозвольте трошки повременить... Выбросить успеем, коли из вагонов нас, едят их мухи, выселят.

«Едят их мухи» — любимая присказка Охрименко.

Закадычным другом старшины стал ротный санинструктор Сидор Петренко. Держится он с апломбом опытного врача, хотя ушел на фронт со второго курса медицинского института. Когда на днях боец Осадчий пожаловался ему на незначительную резь в желудке, наш ротный эскулап уложил его на нары, усердно прощупал, посмотрел язык и надолго задумался. Потом достал блокнот и стал что-то писать. Закончив, оторвал листок и протянул мне. «Диагноз», — сумел прочитать я заголовок, но дальше не мог разобрать, поскольку Петренко вывел аккуратными латинскими буквами несколько медицинских терминов.

— Что это? — удивился я.

Петренко, приблизившись, прошептал мне в ухо:

— Товарищ комроты, Осадчего надо немедленно госпитализировать: возможно, у него брюшной тиф.

«Брюшной тиф! Этого еще не хватало!» — ужаснулся я, на секунду представив себе, как зараза распространяется в роте и выводит ее из строя.

Прочитав на моем лице тревогу, Петренко с важным видом добавил:

— Не беспокойтесь, приму немедленные меры к пресечению инфекции.

До очередной остановки Петренко изолировал Осадчего от товарищей в углу вагона и ни на минуту не отходил от него.

Перепуганный Осадчий сразу сник, побледнел, на лбу выступили мелкие бисеринки пота, глаза осоловели. Видимо, у него нарастал жар.

Узнав, о чем мы с санинструктором шептались, Стаднюк, поманив Петренко пальцем, тихо спросил:

— А вы уверены в диагнозе? — Заметив, что Петренко смутился, добавил: — В таком случае нечего без пожара бить в набат.

Бойцы сочувственно смотрели на товарища и встревоженно шептались. Кто-то за моей спиной тихо спросил:

— А чего с ним приключилось?

— Кто ж его знает, скорее всего, холера бо чума...

— А может, проказа?

— Все едино: хрен редьки не слаще.

Заметив обеспокоенные лица бойцов, Стаднюк присел рядом с Осадчим и, положив руку ему на голову, сказал:

— Ну что ты, товарищ Осадчий, раскис, как столетняя бабка? Чуть закололо, а ты уже и помирать собрался.

— Да я що, — оживился боец, — это товарищ санинструктор балакает, що мое дило плохо, а я ничого, и резь в животе уже прошла.

Однако ночью на ближайшей остановке Петренко при помощи старшины все же доставил Осадчего в батальонный медпункт к опытному фельдшеру.

И каково же было наше удивление, когда утром на следующей остановке вслед за добродушно улыбающимся старшиной в вагон вскочил бодрый и радостный Осадчий.

— Усё у норме, товарищ комроты!—отрапортовал Охрименко.— Осадчий, як объявил товарищ хвельдшер, зовсим не заразный, трошки понос у його, так мы його быстро вылечим.

Убедившись, что ничего страшного ему не угрожает, Осадчий весело обменивался с товарищами репликами, потешаясь над своим недавним испугом и над ошибкой нашего «ученого» медика.

Сконфуженный Сидор Петренко появился в вагоне только под вечер, во время раздачи обеда. Используя обеденную сутолоку, он забрался в вагон и, получив порцию супа, залез на верхние нары, где затих до утра.

Бедный ротный эскулап! Если б он знал, что на постановке диагноза, случалось, и академики спотыкались, он бы спокойнее переживал свою ошибку.

Однако «научный» просчет нашего медика не поколебал уважения Охрименко к своему другу. Он по-прежнему обращался к нему, несмотря на молодость бывшего студента, по имени и отчеству.

Чем дальше продвигаемся мы на северо-запад, тем чаще задерживаемся на станциях: железная дорога забита в обе стороны; составы идут сплошным потоком. Много санитарных поездов с ранеными. Наш эшелон еще два раза бомбили, и снова нам удалось проскочить без существенных потерь.

На стоянках бойцы, наслушавшись рассказов раненых, возвращаются в вагон заметно помрачневшими, задумчивыми: раненый всегда оценивает обстановку более пессимистично, чем здоровый. Все чаще Иван Афанасьевич Стаднюк оказывается в затруднении: по кратким газетным сообщениям тех дней трудно убедительно объяснить неожиданное для советских людей тяжелое положение на фронтах.

На очередной станции Иван Афанасьевич побежал в штабной вагон в надежде раздобыть свежую информацию.

Эшелон уже набирал скорость, когда младший политрук вскочил в теплушку и, лихорадочно достав из кармана гимнастерки вчетверо сложенную газету, потряс ею над головой:

— Все ко мне!

Бойцы окружили его плотным кольцом. Убедившись, что привлек внимание присутствующих, Стаднюк развернул газету и, обведя всех посерьезневшим взглядом, объявил:

— Слушайте обращение к советскому народу, с которым товарищ Сталин выступил 3 июля по радио. — Довольно слабый голос младшего политрука неожиданно наполнился металлом: — «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои! — Голос Стаднюка отчетливо доносится сквозь ритмичный перестук колес. — Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии... враг продолжает лезть вперед...»

Стаднюк зачитывает ту часть речи, в которой Сталин перечисляет районы страны, оккупированные фашистскими войсками. Глаза бойцов, устремленные на младшего политрука, казалось, спрашивают: «В чем же дело? Почему так случилось?» И Стаднюк, как бы отвечая на вопросительные взгляды слушателей, продолжает:

— «Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?»

Стаднюк обводит взглядом взволнованных слушателей, словно это он сам задает им вопрос, затем решительно восклицает:

— Конечно нет!

— Правильна-а-а! — узнаю прокуренный баритон Федора Браженко, заряжающего из расчета сержанта Мишина. — Били самураев, побьем и фашистов!

Младший политрук продолжает взволнованно читать:

— «...гитлеровская фашистская армия так же может быть раз-

бита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма».

Все минометчики дружно аплодируют. Стаднюк, подняв руку, чтобы восстановить тишину, продолжает:

— «Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских...»

По выражению лиц видно, что красноармейцы поражены стремлением Сталина не преуменьшать опасность, которая угрожает стране, а, наоборот, подчеркнуть ее. Особенно потрясли нас слова: «Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение».

Я заметил, как побледнели лица бойцов. Нетрудно было понять, какую бурю в их сознании вызвали эти поистине страшные слова, произнесенные человеком, каждое слово которого было для нас непреложной истиной! Мы понимали, что, если Сталин со всей присущей ему прямотой и суровостью заявляет о такой возможности, значит, положение на фронте серьезнее, чем мы полагали.

«Ну уж нет, — думаю я, сжимая кулаки, — лучше смерть, чем фашистское ярмо! Превратиться в их раба? Никогда этого не будет!» По лицам бойцов я понимаю, что подобные мысли волнуют и их.

Наконец Стаднюк, решительно тряхнув головой и строго обведя глазами слушателей, твердым голосом произносит:

— «Необходимо... чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам...»

Минометчики переглядываются, словно стараются убедиться, что среди них подлецов нет и не может быть. А слова «нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны...» вызывают всеобщее одобрение.

Стаднюк аккуратно складывает газету, завертывает ее в носовой платок и прячет в нагрудный карман гимнастерки.

— Вы понимаете, товарищи, что началась не обычная, а народная война против фашизма. И в ней мы не будем одиноки. Нас поддержат все честные люди мира...

Негромкий голос Стаднюка потонул в возбужденных возгласах красноармейцев и сержантов. Яростно потрясая над головой жилистыми руками, черными от въевшегося в поры антрацита, командир расчета Василь Сероштан, озорно сверкая белыми зубами, кричит:

— А не желают ли фашистские «лыцари» попариться в кровавой бане? Мы устроим им свинцовую баню! Так, хлопцы?!

— Так, Василь, так! — подтверждают товарищи.

— Не видать фашистам победы як своих ушей! — вновь слышится прокуренный баритон Федора Браженко. — Только бы до

них, сучьих детин, добраться! — грозит он кулаком воображаемым фашистам.

— Товарищи! — Утробный бас парторга Лысова привлек общее внимание. В теплушке наступила тишина. Этот среднего роста степенный забойщик пользуется непререкаемым авторитетом у минометчиков, многие из них знают его по совместной работе в шахте. — Дорогие товарищи! — повторяет Лысов, распрямляя слегка сутулые плечи. Заметный шрам, рассекающий правую щеку, делает неулыбчивое лицо парторга суровым. Лишь спокойный взгляд больших серых глаз смягчает его. — Выслушав обращение товарища Сталина поклянемся бить треклятих фашистов до последнего вздоха! — говорит парторг медленно, словно мысленно взвешивает каждое слово. — Будем бить их по-нашему, по-шахтерски, кайло им в горло! Покажем где раки зимуют! — Лысов угрожающе взмахнул кулаком, шрам на щеке побагровел, а в ответ со всех сторон послышались страстные возгласы:

— Клянемся!

— Будем бить проклятых!

— Клянемся!

— Клянемся!

В теплушке еще долго продолжается взволнованный разговор. Выступление Председателя Государственного Комитета обороны явилось в те трудные дни поистине лучом света, которым Центральный Комитет нашей ленинской партии осветил путь к победе над смертельным врагом. Меня особенно поразило, что партия в тяжелые для нашей Родины дни провозгласила лозунг об оказании помощи «всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма». Это убедительнее всего свидетельствовало об уверенности руководителей нашей Коммунистической партии и Советского правительства в победе над фашистскими агрессорами.

Началась третья неделя войны. Наш эшелон миновал какой-то крупный город, растворившийся в вечерней мгле. Не светилось ни одного огонька. Уже на выезде из города кто-то крикнул стрелочнику, встречавшему состав у переезда:

— Какой город?

— Смо-ле-е-е-нск! — донеслось из темноты.

Когда проскочили Рудню, стало ясно, что следуем на Витебск. Однако за станцией Лиозно машинист резко затормозил. Отодвинув дверь теплушки, пытаюсь узнать причину остановки. Вдруг из первого вагона, в котором размещалось командование батальона, выпрыгивает один из командиров и что-то кричит. От вагона к вагону передают команду:

— Выгружаться! Командиры подразделений, к командиру батальона!

Поручив Стаднюку вывести людей из вагонов и рассредоточить их, поспешил к штабному вагону. Там в глубокой задумчивости прохаживался капитан Тонконоженко. Когда командиры подразделений собрались, он внимательно и строго посмотрел на них.

— Товарищи! — Голос капитана спокоен. — Путь по железной дороге закрыт: следующая станция разрушена. Дальше предстоит следовать пешим порядком. Главные силы дивизии уже выступили на Яновичи и далее на Витебск. Наш полк следует на соединение с ними.

Перечислив населенные пункты, через которые пролегал путь батальона, комбат поручил начальнику штаба лейтенанту Веселову указать командирам рот места расположения перед началом марша, порядок следования подразделений.

Когда начальник штаба выполнил это указание, снова заговорил Тонконоженко:

— Товарищи! На марше будьте особенно бдительными. Сплошного фронта нет. Возможно внезапное нападение не только мелких воздушных десантов, но и прорвавшихся подвижных частей противника. При встрече с противником действуйте активно. Особое внимание уделяйте разведке и наблюдению...

В назначенное время батальон выступил из района сосредоточения. Даже июльская ночь после изнуряющей духоты теплушки не казалась такой душной, какой она была в действительности. С удовольствием вдыхаю ароматный воздух. Легкий ветерок щекочет обоняние запахами окружающих лесов и скошенного сена. Идем без опаски, благо фашистские самолеты пока не летают. На западе в небе танцуют яркие всполохи: там проходит фронт. До него, видимо, еще далеко, поскольку не слышны даже разрывы артиллерийских снарядов. Настроение у всех приподнятое. Шахтеры—люди, как я уже убедился, не унывающие ни в какой обстановке, обладающие большим чувством юмора. Во время десятиминутных остановок они собираются кучками, беззлобно подшучивают друг над другом. То в одной, то в другой группе слышится смех. Я завидую им. У меня на душе тревожно: предстоит вести в бой умудренных жизнью людей. Обладаю ли я необходимыми для этого знаниями и морально-боевыми качествами? В военном училище нам, курсантам, постоянно указывали, что верность коммунистическим идеалам и высокое сознание долга, патриотизм и интернационализм должны быть у командира Красной Армии развиты особенно сильно. Ведь он наделен властью, которая дается только военному руководителю. Только командиру предоставлено право вести людей навстречу смертельной опасности во имя победы над врагом. Значит, командир обязан стоять выше своих подчиненных в нравственном отношении, быть для них авторитетом, примером, образцом для подражания. Нам постоянно внушали, что командир должен обладать особым характером, который часто именуют военным. А в основе его лежит прежде всего сильная воля, ибо все другие качества командира — дисциплинированность и самодисциплина, неукоснительная требовательность к себе и подчиненным, личная храбрость и мужество— присущи лишь человеку сильной воли. Нам постоянно внушали, что среди всех качеств командира особое место занимают храбрость и мужество. Быть храбрым — значит не дрогнуть перед лицом любой опасности, с которой командир встретится в бою. Быть муже-

ственным, говорили нам, — значит обладать способностью принимать смелые решения, пойти на разумный риск, принять на себя всю полноту ответственности за свое решение и с железной настойчивостью провести его в жизнь. Память воскрешает слова, услышанные однажды на лекции: «Воля должна быть обязательно одухотворена высокой, благородной идеей. В противном случае сильная воля может оказаться направленной и не в ту сторону».

Каждого командира, а не только начинающего, волнует мысль: сможет ли он проявить все эти необходимые качества военного характера в предстоящем бою? Волновала, естественно, эта мысль и меня.

Обхожу отдыхающих бойцов, прислушиваюсь к их беседам. Незамеченным подхожу к группе, где смеются особенно заразительно.

— Так вот, хлопцы...

По голосу узнаю сержанта Василя Сероштана, неистощимого рассказчика и балагура, самого веселого и обаятельного человека в роте.

— Случилось это в тридцать первом. Полюбил я дивчину. Да так полюбил, что описать невозможно, — это самому пережить надо. Была она такая хрупкая, такая нежная, что я, бывало, при встрече и прикоснуться к ней боялся. Смотрю молча и вздыхаю. А Ганна, так звали мою коханую, глядит на меня своими синими-синими очами и с улыбкой спрашивает: «Что с тобой, Василь, уж не занедужил ли?»

А я в ответ только шумно, как опоенный конь, вздыхаю. Что со мной приключилось, сам не пойму. Никогда за словом в карман не лез, а тут язык словно к нёбу прилип. — Рассказчик на мгновение умолк, вздохнул, бросил и тщательно растер сапогом остаток самокрутки и, словно вспомнив что-то весьма милое его сердцу, с ласковой улыбкой продолжал: — Виделись мы каждую удобную минуту. Жить друг без дружки не могли. Но, на нашу беду, родители моей коханой были набожные люди. И категорически потребовали, чтобы мы венчались. Я — комсомолец. Церковь для меня заказана. А Ганна моя была единственной у родителей. Сильно любила и жалела их. Не хотела идти против их воли. И на все мои уговоры отвечала: «Потерпи, любимый, все как-нибудь образуется».

Так продолжалось почти год. Наконец наш комсомольский секретарь Оксана Собко нашла выход...

— Становись! — раздается вдруг по колонне.

Не успев дослушать историю любви своего товарища, бойцы быстро занимают места в строю. Колонна продолжает путь.

И так на каждом привале. Повсюду оживленные разговоры — и ни слова о войне, будто сговорились, только о родных и близких, о домашних делах. Видно, хотелось подольше не расставаться с прежней счастливой жизнью, которую так вероломно нарушили фашисты. Хотелось уйти от мыслей о возможной смерти, о тех испытаниях, которые ожидают впереди.

В июле рассветает рано. Солнечный диск еще не появился из-за горизонта, а вокруг уже совсем светло. Все с опаской поглядывают на безоблачное небо: в любую минуту могут появиться фашистские самолеты.

Судя по времени, мы прошагали около двенадцати километров. Когда остановились на очередной привал, комбат Тонконоженко приказал увести роты в лес. Он сообщил, что скоро должны подойти автомашины, на которых мы и преодолеем оставшийся путь. Едва мы успели расположиться в лесу, как ко мне подбежал командир второго взвода лейтенант Павел Степанов. Поправив ремень на своей поистине девичьей талии, он приложил руку к пилотке.

— Товарищ командир, — произнес он почему-то шепотом, — позади нас, на поляне, полуторка с патронами, а при ней шофер и подозрительный тип в командирском обмундировании. Звание отгадать трудно: петлицы спороты. Но, судя по следам нарукавных нашивок, капитан...

Сообщение заинтересовало, бегу за Степановым, опасаясь, что подозрительные лица с полуторкой удерут. Однако машина оказалась на месте. Шофер что-то колдовал над мотором, а человек в командирской форме сидел на подножке автомашины, безвольно свесив голову на грудь.

— Кто вы такой и куда следуете? — Тон у меня решительный и строгий.

Незнакомец медленно поднимает голову. В глазах его удивление. Повторяю вопрос.

— Капитан Ситников, выходим из окружения, — отвечает он, продолжая сидеть.

— Вы — капитан? — Мой голос полон презрения. — Где ваши знаки различия? Вы самозванец...

Сидевший злобно смотрит на меня:

— Вот попадешь в окружение, молокосос, тогда узнаешь, почему я срезал знаки различия... Немцы расстреливают командиров и политработников на месте.

— Что в машине?

— Винт-патроны, — вмешивается в разговор подошедший шофер, видя, что спутник его замялся.

— Куда же вы их везете? Ведь фронт там, — махнул я на запад.

— Вез в хозвзвод нашего батальона, а вот, капитан, — шофер с обидой указывает на сидящего, — остановил и приказал следовать с ним, объяснив, что впереди немцы, что весь наш полк погиб.

— Это правда?

— Да... — Капитан на мгновение замялся. — Нашу дивизию окружили. Я чудом выскочил на автомашине, которую в дороге перевернуло взрывом. Шофер погиб. По пути встретил вот эту, повернул ее назад: иначе она попала бы к немцам.

Я был новичком на фронте, но чувствовал, что капитан, если он был действительно капитаном, чего-то недоговаривает. Почему он один? Почему гонит машину с патронами в тыл, когда впереди

наши войска сражаются и у них каждый патрон на счету? Наконец, почему он спорол знаки различия? Это явная трусость, а разве можно верить трусу?

— Ваши документы! — В моем голосе все меньше решительности и строгости, начинаю сомневаться: имею ли я право допрашивать старшего по званию.

— Нет у меня документов. Зарыл я их в лесу, — еще более озлобился капитан. — Я же человеческим языком, кажется, говорю, что был на территории, занятой немцами... Не мог я оставить при себе документы, неужели ты не понимаешь, лейтенант?

— Не понимаю! — начинаю сердиться и я. — И вообще в Красной Армии принято обращаться друг к другу на «вы». Прошу следовать за мной... — А сам думаю: «Сдам этого типа в штаб, там разберутся. Патроны пригодятся в предстоящем бою».

Но тут произошло неожиданное. Задержанный, сказав, что возьмет полевую сумку, открыл дверцу, покопавшись в кабине, выхватил револьвер и резко повернулся ко мне лицом. Хотя я и не ожидал такого поворота событий, однако, решив, что он будет стрелять в меня, машинально вырвал из раскрытой кобуры револьвер. Но капитан приставил дуло к сердцу и нажал на курок. Раздался приглушенный выстрел. Капитан опрокинулся навзничь, ударившись головой о подножку машины. Машинально оглядываюсь на шофера. На его лице брезгливая гримаса. Он сплюнул и, выругавшись, с горечью сказал:

— И такому трусу я поверил! Товарищ командир, — повернувшись ко мне, он вытянул руки по швам, — теперь свой полк я уже не найду. Еще действительно попаду к немцам в лапы. Возьмите меня с собой. Винтовка у меня есть, и автомат, между прочим, немецкий в кабине валяется. Пригожусь в бою.

Я изучающе смотрю в глаза бойцу. Он отвечает открытым, смелым взглядом, словно говорившим: «Не бойтесь, не подведу».

— Вам приходилось участвовать в бою?

— С первого дня войны отступаю, от самой границы. Участвовал в боях в составе стрелковой роты пулеметчиком. А потом, когда погиб шофер нашей единственной в батальоне машины, меня, как бывшего тракториста, посадили вместо него. Всего три раза пришлось съездить за боеприпасами. Поехал в четвертый, а тут в наш тыл прорвались фашистские танки. Хотел лесной дорогой добраться до батальона, а капитан приказал мне следовать с ним. Напрасно я его послушался... — Помолчав, шофер задумчиво, словно размышляя вслух, проговорил: — Где-то теперь наш полк? Что с ним?..

— А вы знали капитана?

— Так точно! Он из штаба полка.

Убедившись, что шофер — бывалый воин, с интересом всматриваюсь в его простое, широкоскулое, покрытое мелкими веснушками лицо, на котором выделяются светло-голубые, словно выгоревшие на солнце, глаза. Он уже третью неделю участвует в боях; все это время отступал, но никакой растерянности в нем не заметно. Он

подтянут, испачканное машинным маслом обмундирование аккуратно заштопано, лицо чисто выбрито. Мне он понравился. Охотно зачислил бы его в свою роту, но такое решение мог принять только командир полка. Приказываю вести машину к комбату. По дороге с интересом расспрашиваю солдата о боях, в которых он участвовал. Хотелось узнать, чем он объяснит причину отступления наших войск. На мой вопрос боец, выровняв ход машины после очередного ухаба, отвечает уверенно, словно уже не раз задумывался над ним:

— Вся беда в танках! Пехоту его мы одолеваем. Еще ни разу не видел, чтобы она прорвалась через нас без танков. В рукопашной немец слаб. Лицом к лицу не выдерживает. Принимает бой, только нахлебавшись шнапсу. Это водка так у них называется, — поясняет солдат. — Как схватишься с фашистами грудь в грудь, то такой дух шибает в нос, будто бочку первачу разлили у тебя под ногами... В общем, бить их можно. Только вот против танков устоять трудно. Пускают они их сплошной стеной... Расстреливают их артиллеристы один за другим, а вслед новые выползают. Не успевают артиллеристы их остановить. А у иных такая броня, что снаряды отскакивают от них, как горох от стенки. Многие прорываются к пехоте. Тогда тяжело приходится. Ползают они по окопам и вертятся на одном месте: все стараются сровнять окопы с землей, живыми закопать в них пехотинцев. А у пехотинца против танков первое время ничего не было. Потом командиры научили связывать гранаты по пять штук: четыре рукоятками в одну сторону, а пятую — в другую. Тяжелая получается штука. Не каждый ее забросит под танк издалека, да еще попасть надо точно под гусеницу. Потом наш командир батальона капитан Жилин, боевой такой и выдумщик большой, разжился на складе авиационным бензином, приказал собрать в ближайшей деревне все пустые бутылки, наполнить их бензином. А вместо пробки в горлышко затолкнули кусок пакли, пропитанной бензином. Он мгновенно вспыхивает даже от горящей папиросы. А тут уж лови момент, бросай на вражеский танк: бутылка при ударе о броню разлетается вдребезги, бензин растекается и мгновенно вспыхивает. Сначала мы бросали куда попало, а потом нас научили пропускать танк мимо себя и бросать бутылку ему вслед, на моторную часть. Если попадешь — танку крышка: пожар неминуем.

Я слушал рассказ бывалого солдата с волнением. Ведь про бутылки с бензином читал еще в училище. Не то в газете, не то в книге, посвященной гражданской войне в Испании. «Это же находка! — радостно думаю я. — Поджечь танк легче, чем попасть под гусеницу тяжелой связкой гранат».

Комбат Тонконоженко распорядился самоубийцу похоронить, а машину с патронами оставить при батальоне. Когда я рассказал комбату о только что услышанном способе борьбы с танками, он удивленно посмотрел на меня:

— Ну и выдумщик ты, лейтенант! Если бы этот способ был эффективным, то и уставом он был бы предусмотрен, а бутылок нам

промышленность наделала бы сколько надо. — И с иронией добавил: — Я знаю еще более «действенный» способ борьбы с фашистскими танками: бросить в люк танка несколько бутылок нашей сорокаградусной, танкисты выпьют и окосеют. Тогда бери их голенькими...

— Напрасно, комбат, иронизируешь, — вмешался присутствовавший при нашем разговоре заместитель командира батальона по политической части старший политрук Пегов. — Способ, о котором говорит Алтунин, применяли испанские республиканцы в борьбе с танками генерала Франко. Думаю, надо посоветоваться с начхимом полка. Он-то должен соображать в этом деле.

— Ладно. Советуйтесь. А мне сейчас надо позаботиться о безопасности марша.

Комбат куда-то торопливо зашагал.

Трагическое событие, невольным участником которого я стал, запечатлелось в моей памяти. Минули десятилетия, а до сих пор помню молодого, полного сил человека, погибшего из-за слабоволия и трусости. Ужасная, позорная смерть! Душа этого человека умерла еще тогда, когда он трусливо покинул товарищей. Справедливо утверждают мудрые люди, что трусы умирают много раз, а мужественные — только однажды.

Вскоре подошли автомашины. Захватив оружие и боеприпасы, батальон продолжал путь к фронту. Старенькие грузовики, натужно подвывая моторами, медленно ползли по разбитым проселочным дорогам, подпрыгивая на колдобинах и оставляя за собой шлейф серой пыли. Колонна представляла отличную цель для вражеской авиации. Только смертельная угроза, нависшая над Витебском, вынуждала командующего 19-й армией генерал-лейтенанта Конева двигать войска даже днем.

Не прошло и двух часов, как с юго-запада появились «юнкерсы» под прикрытием шести «мессершмиттов». Дорога, по которой двигался наш батальон, пролегала через перелески. Смешанный лес то приближался, то отступал от дороги. Машины, на которых разместились минометчики, как раз пересекали очередной луг, в конце которого в пятистах — шестистах метрах темнели деревья, когда по колонне прокатилась команда «Воздух!».

Машины стали сворачивать с дороги вправо и влево, стремясь рассредоточиться и укрыться под сенью леса. А когда фашистские бомбардировщики начали пикировать, машины максимально сбавили скорость, и красноармейцы горохом посыпались с них, прихватив с собой винтовки. Отбежав в сторону от машины, распластываюсь на земле. Подняв голову, со страхом наблюдаю, как от самолетов отделяются маленькие черные точечки и устремляются к земле. Понимая, что эти точечки через несколько секунд превратятся в гигантские столбы дыма, огня и земли, инстинктивно пытаюсь вдавить тело в сухую землю. Один мудрец сказал, что опыт — учитель, очень дорого берущий за уроки, но зато никто не научит лучше его. Мне еще не приходилось вот так лежать на земле и смотреть, как падают бомбы. И естественно, у меня не было опыта

в определении места их падения. Оставалось только ждать: а может, пронесет? И все же любопытство берет верх над чувством самосохранения, вновь быстро приподнимаю голову и вижу, как одна из точечек накрыла автомашину. Это было последнее, что смог я увидеть. Земля подо мной заходила ходуном. Сверху падают и больно ударяют комья земли. О каску дважды чиркнули осколки. Я потерял счет времени. Казалось, прошла вечность с того момента, когда первые взрывы всколыхнули землю. Снова осторожно приподнимаю голову. Вижу, как бомбардировщики, атакованные тремя юркими «ястребками», спасаются бегством. А в стороне два наших истребителя пытаются задержать самолеты прикрытия. «Мессершмиттов» пять. Семь самолетов кружатся в бешеной карусели. Даже неопытному глазу видно, что на «ястребках» ведут бой отчаянно смелые летчики. Они ухитряются сбить два фашистских самолета. Вдруг один из «ястребков» заваливается на крыло и падает вниз, оставляя за собой густой шлейф черного дыма. От него отделяется черная точка, над которой вспыхивает белый купол парашюта. Один из фашистских истребителей пикирует на спускающегося летчика, но уцелевший «ястребок», спасая товарища, стремительно идет навстречу «мессершмитту», намереваясь сойтись с врагом лоб в лоб. Самолеты сближаются на одной горизонтали. Кажется, столкновение неминуемо, но нервы фашиста не выдерживают: буквально за несколько секунд до столкновения самолет со свастикой вдруг резко взмывает вверх. И в это же мгновение послышалась длинная пулеметная очередь. Фашистский истребитель загорается и падает. Вскоре где-то за лесом раздается сильный взрыв.

ВСТРЕЧА С ВРАГОМ

Батальон втянулся в крупный населенный пункт Яновичи и, благополучно проскочив тихий деревянный городок, ушел дальше, к Западной Двине. Вдруг колонна остановилась. Прибежал связной от командира батальона и передал приказ: «Спешиться и укрыться в ближайшем овраге». Пока рота занимает отведенный ей участок, я взбираюсь на пригорок и внимательно всматриваюсь в сторону, где небо освещено заревом пожаров и откуда доносится глухой гул артиллерийской канонады. Там, по моим предположениям, находится Витебск. Судя по всему, город оказался в центре разгоревшегося боя. «Почему мы остановились? Почему не спешим на помощь сражающимся? Какую задачу нам предстоит выполнять?» Эти и другие вопросы теснятся в моей голове.

Отправил старшину с пятью бойцами за продуктами. Бойцы голодны. За день во рту маковой росинки не было.

— Что принесли? — поинтересовался я, когда Охрименко возвратился.

Охрименко, осторожно опустив на землю мешок, огорченно машет рукой:

— Одним хлебом, едят его мухи, придется питаться, товарищ командир, продукты еще не подвезли.

Он развязывает мешок и, засунув в него руку, удивленно свистит:

— Ну и дела, товарищ командир! Здесь не хлеб, едят его мухи, труха какая-то....

Осветив фонариком содержимое мешка, я понял, что произошло: видимо, на мешках сидели солдаты хозвзвода и успевший зачерстветь хлеб превратился в крошево.

— Что будем делать, товарищ командир? — Охрименко в растерянности почесывает затылок. — Вот дела, едят их мухи.

Вид хлебного крошева напомнил мне, как в голодные годы отец иногда делал себе на ужин тюрю. Для этого он мелко крошил хлеб, резал луковицу, солил и, добавив ложку подсолнечного масла, заливал все колодезной водой и с большим аппетитом съедал. А мы и тюрю приготовить не можем. У нас ни соли, ни лука, только хлебное крошево да вода из ближайшего ручья. Озадаченное лицо старшины вдруг озарилось улыбкой первооткрывателя. Наверное, таким было выражение лица Архимеда, когда он открыл свой известный ныне каждому школьнику закон. Охрименко поспешно вытащил из вещевого мешка котелок и, насыпав его доверху, протянул сержанту Сероштану:

— Вот так и будем делить этот удивительный хлеб: каждому по полному котелку. — Охрименко удовлетворенно расправил пышные усы.

Хлеб, розданный таким способом, мгновенно съеден и запит сырой водой: костры разжигать запрещено.

В начале ночи капитан Тонконоженко сообщил, что обстановка резко обострилась: немецкие войска форсировали Западную Двину в районе Витебска и развивают наступление на восток. Задача — любой ценой остановить противника. Так как наш батальон оторвался от полка, представитель штаба 19-й армии временно подчинил его командиру стрелкового полка, оборонявшему участок; тот приказал батальону занять оборону на левом фланге. Из боевого приказа стало ясно, что капитан Тонконоженко решил расположить стрелковые роты в линию, обязав их командиров держать по одному взводу во втором эшелоне. Минометчики должны оборудовать огневые позиции в боевых порядках второй стрелковой роты, которую Тонконоженко поставил в центре.

Выводить роты на намеченные позиции пришлось самому капитану, его заместителям и начальнику штаба, потому что только они успели познакомиться с районом обороны.

Было еще темно, когда роты заняли назначенные им рубежи. Пока я с командирами взводов намечал места для основных и запасных огневых позиций, минометчики уснули там, где присели отдохнуть. Вместе со Стаднюком останавливаюсь около расчета сержанта Сероштана. Опустив большую лохматую голову на опорную плиту и широко раскинув руки, оглушительно храпит Карп Селивоненко; тихо посапывает, привалившись к стволу миномета, тридцатидвухлетний наводчик Павел Стеклов, смуглолицый, черноволосый, кудрявый Паша-цыган, как называют его в роте. Сам командир рас-

чета, глубоко задумавшись, сидит на бугорке, опершись подбородком на ладонь. Подойдя ближе, убеждаюсь, что Сероштан тоже спит. Стаднюк нерешительно спрашивает:

— Может, дадим поспать часика два-три?

— А вдруг немцы появятся?

Преодолевая чувство жалости, приказываю командирам взводов немедленно приступить к оборудованию позиций и готовить схему огня.

Удивителен солдатский сон. Только что слышался дружный храп, но раздалось негромкое: «Подъем!» — и все уже на ногах.

Взводные ставят задачи расчетам. Медленно шагаю среди работающих. Останавливаюсь, внимательно осматриваюсь. Круглый диск луны с одной стороны уже заметно потемнел, и серебристый свет слабо освещает местность. Справа лес закрывает деревню, через которую недавно прошла наша колонна, за лесом угадывается большое озеро. Впереди, в заросшей кустарником низине, поблескивает извилистая речушка, впадающая в озеро. За речной поймой на пригорках тянутся строения какого-то крупного села. За его северной окраиной темнеет роща. По правому берегу речушки, там, где сейчас развертывается наш батальон, сразу за лугом, начинается огромное, засеянное чем-то, похоже овсом, поле.

Меня радуют удачно выбранные комбатом позиции минометной роты. От противника их скрывает поросший кустарником холм, примыкающий к южному перелеску. Зато нам с холма местность по обе стороны реки видна как на ладони.

Пока мы с командирами взводов проверяли огневые позиции и продумывали схему огня, лучи восходящего солнца высветили контуры селения, поле, луг, рощи и перелески. Заголубела водная гладь озера. Легкий утренний ветерок рябил тронутое желтизной поле. Над речушкой поднялась легкая дымка.

Знакомство с позициями пехоты, которую нам предстоит поддерживать огнем, начинаю с ближайшей от нас второй стрелковой роты, в боевых порядках которой мы расположились. Заметив впереди группу работающих красноармейцев, иду туда. Подойдя, убеждаюсь, что они роют окопы. Такой же, как и я, безусый лейтенант показывает пожилому бойцу, как правильно отрыть окоп для стрельбы стоя. У бойца окоп почему-то получился прямоугольным. Лейтенант, трассируя окоп в форме круглого колодца, сердито приговаривает:

— Вы, товарищ Перфильев, не могилу себе роете, а стрелковую ячейку. Надо делать, как требует устав. Понятно? — спрашивает он, возвращая красноармейцу лопату.

— Понял, товарищ лейтенант! — смущенно отвечает боец и начинает энергично копать.

— Вот упрямцы! — возмущается лейтенант. — Ведь показывал им, какой должна быть стрелковая ячейка, а они все-таки на свой манер роют — и все тут... Лейтенант Николаев, командир третьего взвода.

— Лейтенант Алтунин.

— А-а, минометчик! Значит, вместе будем держать оборону? — Лейтенант морщит высокий лоб. — Только не стреляйте по своим.

— А вы не пропустите вражескую пехоту, а то нам некогда будет поддерживать вас огнем, — отвечаю я.

— Будьте спокойны. — Лицо Николаева становится суровым. — Ни один фашист, пока мы живы, не проскочит к вам. А вот если танки пойдут, не ручаюсь. Вся надежда на артиллеристов. — Он показал на расчеты батальонных пушек, окапывавшихся впереди. — У меня на каждого бойца по две-три противопехотные гранаты. С танками мне драться нечем. — Николаев тяжело вздыхает.

— Так не пойдет, лейтенант, — не соглашаюсь я. — Артиллеристы артиллеристами, а ты готовь-ка связки гранат. Такая связка, если попадет под гусеницу, перебьет ее.

— Так-то оно так, — Николаев машинально надвигает на лоб помятую пилотку, — только гранаты нам нужны против пехоты...

— От пехоты пулеметами и винтовками отобьетесь. На худой конец, врукопашную сойдетесь, а вот с танками врукопашную не схватишься. Если начнут утюжить, от взвода мокрое место останется.

— Ладно, пятнадцать гранат израсходуем на связки.

— Вручи их самым отчаянным, — советую я. — Бросать придется за десять метров от танка...

Проходя по позициям взвода, с удивлением убеждаюсь, что не один Перфильев рыл «могилу». Остальные готовили такие же прямоугольники. Когда я спросил рослого, плечистого солдата, почему он роет ячейку не по уставу, тот явно удивился моей непонятливости:

— Так сподручнее же, товарищ лейтенант: постреляешь, отобьешь врага, а после и прилечь можно не сходя с места, вздремнуть часок...

— Для отдыха существуют блиндажи.

— Когда еще их построят, — безнадежно машет рукой солдат.

Покидаю взвод Николаева с чувством тревоги. Для борьбы с танками мы подготовлены слабо: ни пехотинцы, ни минометчики не имеют для этого средств. Все надежды на то, что танки будут остановлены артиллерией и противотанковыми минами, которые поставят саперы перед передним краем обороны. Стал припоминать, как нас обучали бороться с танками. Вспомнил только: «Стрелять по смотровой щели механика-водителя».

Командира стрелковой роты Левушкина встретил на переднем крае обороны, где он проверял огневые позиции пулеметчиков. Старший лейтенант Левушкин слыл в полку снайпером, отлично стреляющим из всех видов стрелкового оружия. Прекрасный методист, Левушкин за короткое время хорошо подготовил свою роту. На контрольных стрельбах она по всем упражнениям заняла первое место в полку. Нам приходилось часто встречаться у командира батальона. Спешу расспросить старшего лейтенанта о вооружении и людях его роты. На курносом скуластом лице Левушкина выражение досады — я задерживаю его, — но он терпеливо отве-

чает на вопросы, с нескрываемой снисходительностью смотрит на неопытного лейтенанта — таким я и был в действительности — и поэтому с особой придирчивостью изучает подготовленную мною схему минометного огня. По той же, видимо, причине его не удивил мой вопрос, что он думает делать, если на позициях роты появятся фашистские танки.

— Это дело артиллеристов и саперов, — наставительно разъясняет старший лейтенант, — а наше — расправляться с пехотой...

— А если танки все же прорвутся?

— Укроемся в окопах, пропустим их через себя, а пехоту отсечем и уничтожим!

— Значит, пусть меня давят? — Я пытаюсь улыбнуться.

Старший лейтенант пожимает плечами:

— А что делать? Значит, вам тоже надо прятать минометы и пропускать танки на расправу артиллеристам.

Рассказываю Левушкину, как готовится к встрече с танками взвод лейтенанта Николаева.

— Ну что ж, — подумав, соглашается Левушкин, — прикажу, пожалуй, во всех взводах подготовить связки гранат.

В тот день я впервые подумал: «А не в том ли причина успехов фашистских войск, что главную ударную силу у них составляют танки и штурмовые (самоходные) орудия? При массовом применении танков артиллеристам и саперам справиться с ними трудно. Какая-то часть танков неизбежно прорвется в боевые порядки пехоты. Вот и придется, как в гражданскую войну, готовить громоздкую связку. Помнится, в кинофильме «Мы из Кронштадта» защитники Петрограда именно так остановили белогвардейский танк».

Своими сомнениями иду поделиться с комбатом. На ходу выслушав меня, капитан Тонконоженко нетерпеливо машет рукой:

— У нас на переднем крае только на прямой наводке четыре пушки! Да дивизионная артиллерия... А связки гранат, бутылки с бензином — это кустарщина. — Отойдя шагов на десять, комбат внезапно останавливается и кричит: — Ладно, прикажу, чтобы в каждой роте были связки!

Выпросил ящик гранат для минометчиков. Сделал связку и, очертив саперной лопатой маленький круг метрах в десяти от стрелковой ячейки, бросаю.

Связка падает в двух метрах от границы круга. Только после нескольких бросков мне наконец удается точно попасть в цель.

— Видели? — спрашиваю окруживших меня командиров. — По три связки иметь в каждом взводе и двух человек непрерывно тренировать в точности броска.

Поняв, что не исключен прорыв танков на наши огневые позиции, взводные быстро разбирают гранаты и немедленно принимаются за дело.

Запасные огневые позиции были уже замаскированы. Оставалось закончить щели для людей, когда в безоблачном небе появилась «рама». Мы еще не знали, что этот фашистский самолет-разведчик

является предвестником налета бомбардировщиков. Но первыми мы увидели все-таки не их.

— Товарищ командир! Танки! — послышался с ротного НП испуганный голос моего ординарца Миши Стогова, высокого узкоплечего паренька, тонкого, как жердь лещины.

— Танки? Где?! — удивленно кричу я, вспомнив, что бинокль остался на наблюдательном пункте, бегу туда, взволнованно спрашиваю: — Где танки? Чьи? Наши?

— Не знаю... — Смущенный Миша протягивает мне бинокль. — Не разглядел...

Приникаю к окулярам, медленно скольжу по противоположному берегу. Танки обнаруживаю не сразу. Присмотревшись, насчитываю в пределах видимости четыре машины. Они осторожно, словно люди, отыскивающие брод, спускаются к реке. Определить принадлежность танков не могу. «Может, наши? — мелькает в голове. — Как бы артиллеристы не ударили по своим». Однако артиллеристы молчат. Танки ускоряют ход. Все резче обозначаются их темные силуэты. Вот один, обходя какое-то препятствие, развертывается боком, на котором четко вырисовывается крест. Сомнений не остается: фашистские! Если бы не впервые видел их, наверное, распознал бы раньше. Почему же командиры противотанковых орудий не открывают огонь? Ведь машины на расстоянии выстрела?!

Замаскированные противотанковые пушки по-прежнему молчат. Над нашими головами откуда-то из-за леса прошуршали тяжелые снаряды. Земля вокруг танков взлетела к небу гигантскими фонтанами. Однако, ускорив ход, танки проскакивают к реке и скрываются в прибрежном кустарнике.

Около часа вражеские машины находятся там. Артиллерия, постепенно наращивая огонь, методично прочесывает прибрежные заросли. Один из тяжелых снарядов попадает в цель: над кустарником поднимается густой черный дым. Вскоре оттуда выползают три машины и на предельной скорости мчатся назад к лесу.

Кто-то шумно спрыгнул в окоп. Оглядываюсь и вижу маленького красноармейца с катушкой телефонного кабеля за спиной. Отдышавшись, он охрипшим, еле слышным голосом докладывает:

— Товарищ лейтенант! Красноармеец Сусик прибыл по приказанию командира батальона установить с вами телефонную связь.

— Давай-давай, дружище, устанавливай, — обрадовался я и подумал: «Хоть через комбата будет связь с командирами стрелковых рот».

Телефонист, присоединив аппарат, долго крутит ручку и, надрывая свой слабенький голосок, вызывает:

— Алле! «Пружина»!.. «Пружина»!.. «Пружина»? Сусик говорит, Сусик... Докладываю: связь работает.

Я смотрю на красноармейца и невольно улыбаюсь. Маленький, удивительно юркий, с льняными кудряшками на лбу, он выглядит ребенком среди довольно рослых загорелых минометчиков. Смахнув капельки пота со вздернутого носика, Сусик вытягивается:

— Товарищ командир! Двенадцатый на проводе.

Взяв трубку, заглядываю в таблицу позывных: под двенадцатым номером значился командир батальона.

— Семнадцатый слушает! — кричу в трубку.

— Семнадцатый! — послышался голос Тонконоженко. — Доложи, как дела?

— К бою готовы.

— Внимательно следи за местностью. Бей по пехоте наверняка. Береги мины, зря не бросай. Обстановку докладывай через каждые полчаса.

Комбат предупреждал, чтобы рассчитывали только на боекомплект, который привезли с собой. Прошу взводных сказать об этом командирам расчетов. Старшине приказываю восемнадцать мин оставить в моем резерве. Охрименко с досадой восклицает:

— А я, товарищ командир, раздал уже все мины, едят их мухи, по взводам!

Подтверждаю свое приказание. Мне хочется быть уверенным, что резервные мины будут израсходованы в самую критическую минуту.

Незадолго до полудня появился комбат. Он вел за собой группу солдат и сержантов во главе со старшим лейтенантом. Поравнявшись со мной, Тонконоженко крикнул:

— На обратном пути посмотрю результаты вашей работы!

Удивленно рассматриваю странное «войско» комбата. Тут пехотинцы и артиллеристы, танкисты и связисты. У всех усталые лица, запавшие глаза. Обмундирование грязное, словно они целый день прятались в болоте, сквозь большие дыры светится белье. Наверно, это солдаты, потерявшие свои части. Тонконоженко увел их в первую роту, а возвратившись, подтвердил мои догадки.

— Я отвел им самый безопасный участок, — сказал комбат. — Правый фланг прикрыт заболоченной поймой реки... Да, лейтенант, отступление некоторых сильно деморализует. — Осмотрев добротно оборудованные огневые позиции и глубокие укрытия, капитан удовлетворенно улыбнулся: — Молодцы! Хорошо поработали. Теперь держитесь. Разведка уже побывала. С часу на час надо ждать главные силы.

Капитан решительно зашагал на командный пункт и вдруг вернулся. Постояв минуту, спросил:

— Я говорил, что батальон оторвался от полка?

Молча киваю.

— Да, оторвался, — устало обронил комбат. — Где сейчас главные силы полка, не знаю. Так-то, лейтенант. Теперь наш батальон стал отдельной частью, только без своего хозяйства. — Огорченно махнув рукой, Тонконоженко отправился к себе.

Опять ожили тревожные мысли: «Как мы будем воевать в отрыве от полка? Ни боеприпасов, ни продовольствия. Кто же будет нас снабжать?» Я тогда и не предполагал, что мы уже не увидим свой полк, что лишь после войны мне удастся узнать о его судьбе. Однако времени на размышления не было: надо было готовиться к первому моему бою.

Солнце стояло в зените, когда на горизонте, натужно гудя, появились вражеские бомбардировщики.

— Воздух! Воздух! — разнеслось по позициям.

Все мгновенно попрятались в щели. Спрыгнул и я в свой окоп, нацелил бинокль на самолеты, на крыльях которых уже хорошо просматривались немецкие опознавательные знаки. Самолеты идут двумя ярусами: в нижнем четким строем летят бомбардировщики, в верхнем — истребители. Я насчитал около тридцати бомбардировщиков. Пройдя передний край обороны, самолеты резко снижаются, от них отделяются черные точки. Определив примерную линию сбрасывания бомб, понимаю, что большая часть их упадет за оборонительными позициями стрелковых батальонов. «Значит, главный удар авиации нацелен на огневые позиции артиллерии и тылы». Мысли мои прерывает нарастающий вой. Инстинктивно бросаюсь на дно окопа и ощущаю, как земля вздрогнула, качнулась, со стенок осыпался песок. Послышались глухие разрывы.

Не успела отгреметь бомбежка, как из-за леса, что на противоположном берегу речушки, донеслись громовые раскаты, и позиции стрелковых рот скрылись в густых тучах поднятой в воздух земли. Страх скользкой змеей заползает в сердце. Хочется закрыть глаза и спрятаться в самую что ни на есть глубокую щель. «Возьми себя в руки, лейтенант! — мысленно приказываю себе. — Двум смертям не бывать». Смотрю на ординарца и телефониста: не заметили ли они мое смятение? Но им не до меня: ординарец уткнулся лбом в стенку окопа, а телефонист, сидя на корточках, прижал телефонную трубку к уху и закрыл глаза. Скоро разрывы подняли тучи пыли и над позициями нашей роты. Теперь мозг сверлила одна мысль: «Уцелеют ли в этом аду минометчики?» Забыв о страхе, леденящем сердце, решительно поднимаюсь. Вдруг окоп словно подпрыгнул, и что-то обрушилось на меня. Я почувствовал, что не могу шевельнуться. С трудом высвободив руки, отчаянным усилием выкарабкиваюсь из обвала. Оглянувшись, обнаруживаю слева от себя ординарца, пытающегося вытащить ноги из осыпавшейся земли, а справа, над земляной кучей, вижу голову телефониста, подобно головке мака на тонком стебельке. Ни туловища, ни рук. В упор на меня смотрят округлившиеся от ужаса глаза.

— Сусик! Живой?! — кричу я, судорожно разгребая руками землю.

Телефонист не отвечает. В застывшем взгляде ни искорки жизни.

— Охрименко! — зову. — Петренко! Ко мне!

Старшина, увидев торчавшую голову Сусика, изумленно охнул и стремглав бросился назад. Минуту спустя он примчался с саперной лопатой и начал лихорадочно откапывать телефониста. Прибежавший вслед за старшиной санинструктор торопливо раскрыл санитарную сумку и, достав пузырек с нашатырем, поднес его к носу Сусика. Тот вдруг тоненько и жалобно чихнул.

— Живой! — обрадовался Петренко.

Высунув голову из окопа, стараюсь разглядеть происходящее вокруг и невольно вздрагиваю, увидев огромную воронку — след разорвавшегося крупнокалиберного снаряда. Метров на пять поближе — и о моем наблюдательном пункте напоминал бы лишь холмик земли.

Артиллерия противника ведет беглый огонь. Оглянувшись, вижу, как извлекают из осыпи Хому Сусика, который мертвой хваткой держит телефонную трубку, и кладут на разостланную шинель.

— Сусик! Сусик! — зовет Петренко, стараясь вывести телефониста из шока и разжать сведенную судорогой руку.

Он трет ему виски, дает нюхать нашатырный спирт. Наконец Сусик вздрагивает, удивленно осматривается. И вдруг слезы двумя светлыми ручейками полились по его щекам. Петренко с важным видом складывает свои снадобья в сумку и, глубокомысленно взглянув на Сусика, что-то говорит по-латыни, а по-русски добавляет:

— Порядок! Очухался!

Я и раньше замечал, что Петренко питает слабость к латыни и старается удивить товарищей медицинскими терминами.

Добряк Охрименко склонился над Сусиком, прикрывает его могучим корпусом от падающих сверху комьев земли, ласково гладит льняные кудряшки, приговаривает:

— Ну, ну, хлопче, все обошлось. Сто рокив жить будешь.

Приказав перенести телефониста в ближайшее укрытие, поручаю пришедшему в себя ординарцу перетащить туда же телефонный аппарат.

Как ни хотелось мне побывать во взводах, чтобы посмотреть, как минометчики выдержали первый в жизни огневой шквал, невольно застываю на месте и с тревогой разглядываю выползшие из леса приземистые фашистские танки, за которыми мелькают фигурки пехотинцев. Трудно передать чувства, охватившие меня при виде ненавистного врага. Выдержим ли мы? «Враг чертовски силен, — нашептывает мне страх, — перед ним никто не устоял. Всю Европу проутюжили его танки!» Подавляя эту мысль, убеждаю себя: «Надо выдержать! Рабство или победа — другого выхода нет». Перед глазами встают Воронов, Сероштан, Лысов, Браженко, Поливода, Мишин. Думаю о них с нежностью: «Такие люди не подведут». В памяти оживают давно забытые слова из школьного учебника: «Ляжем костьми, бо мертвые сраму не имут». Да, мертвые позора не знают. Значит, драться надо так, чтоб в живых остаться и чтоб не пал позор на наши головы...

А враг все ближе...

Разрывы черной пеленой закрыли танки. Когда земля осела и дым рассеялся, не смог удержаться от радостного возгласа: три машины подбиты! Над одной еще колышется яркое пламя и тянется шлейф темно-бурого дыма: видно, снаряд угодил в бак с горючим. Но из леса появляются все новые и новые машины и на предельной скорости идут к реке. Несмотря на непрерывный огонь артиллерии, танкам удается переправиться на наш берег. Выбравшись из зарос-

лей, они неудержимо рвутся на позиции боевого охранения. Прижимаясь к танкам, бежит пехота. Если она прорвется на позиции боевого охранения, ему несдобровать. Высоко поднимаю красный флажок.

— По фашистской пехоте — огонь! — кричу и не узнаю своего голоса, настолько он пронзителен и тонок.

Страшную опасность, нависшую над боевым охранением, заметили и командиры взводов. Минометы бьют почти залпом. А у меня сердце замирает: вдруг промажут! Но мины рвутся среди фашистской пехоты. Я не могу удержаться от радостного возгласа:

— Молодцы!

А тем временем открывают огонь стрелковые роты. Сначала доносится дробный перестук нескольких пулеметов. Отмечаю про себя: не все. Невольно вспоминаю тактические занятия: «Не спешите раскрывать систему своего огня. Вводите огневые средства постепенно и лишь в кульминационный момент атаки открывайте огонь из всех имеющихся у вас огневых средств». Видно, командиры стрелковых рот хорошо знают эту истину. Однако пулеметчики явно нервничают: очереди неоправданно длинные, почти беспрерывные. Стреляют, пока не кончается лента. «Так можно все патроны израсходовать за один день», — с беспокойством думаю я и с раздражением отмечаю такую же нерасчетливость у минометчиков.

— Охрименко! — стараясь пересилить шум боя, зову старшину.

— Товарищ старшина! — еще громче кричит мой ординарец Миша Стогов. — К товарищу комроты!

— Слухаю, товарищ лейтенант! — низко склоняясь к земле, но стараясь держать руку у каски, отвечает прибежавший на зов старшина.

— Николай Федорович, — добродушное лицо Охрименко выражает полнейшее внимание и готовность выполнить любой приказ; он прямо-таки жмурится от удовольствия, когда я называю его по имени и отчеству, — передайте командирам взводов: вести огонь максимально экономно, методично и строго прицельно.

— Есть, передать приказ: вести экономно, методично и прицельно! — Охрименко вытягивается, но просвистевший над головой осколок заставляет его снова согнуть могучую спину.

Охрименко побежал выполнять приказание, а я обнаруживаю, что дружный огонь стрелков и минометчиков сдул фашистскую пехоту, как ветер сдувает пух с одуванчиков. Пехотинцы отступили к реке. Зато танки проутюжили окопы боевого охранения и двинулись на позиции стрелковых рот. Это вынудило артиллеристов, пушки которых были замаскированы в боевых порядках второй и третьей рот, открыть огонь прямой наводкой. К танкам, которые подорвались на поставленных саперами минах, артиллеристы прибавили еще два. Они стоят, окутанные дымом, сквозь который пробиваются языки пламени. Это, видимо, отрезвило фашистских танкистов. Отстреливаясь, они начали отходить к реке.

Переполненный радостью, выскакиваю из укрытия и кричу:

— Атака танков отбита! Ура артиллеристам!

Хотя заслуга в отражении танковой атаки принадлежала артиллеристам, я чувствовал такую гордость, словно собственными руками наводил орудия. Страх, который внушали танки, улетучился. «Не так страшен черт, как его малюют, — подумал я. — Фашистские танки распрекрасно горят». Но где-то в глубине души все же таилась тревога: «А если артиллеристы не остановят и придется столкнуться с танками лицом к лицу?»

Я слышал от побывавших в боях бойцов и командиров, что пехота вступает в бой с танками и частенько добивается успеха умелым применением связок гранат и бутылок, наполненных бензином. Но одно дело — слушать рассказы, и совсем другое — самому пережить поединок с бронированной машиной. Какие же нужно иметь нервы, чтобы выйти навстречу ей со связкой гранат или с бутылкой, наполненной бензином! Обладаю ли я достаточно крепкими нервами? Невольно усомнился в этом. Стало как-то не по себе. «Если у меня, у командира, такая неуверенность, как же волнуются бойцы!»

Захотелось поскорее обойти расчеты, посмотреть в лица бойцов, может быть, ободрить. Не успел я сделать и нескольких шагов к позициям взвода лейтенанта Воронова, как меня окликнул Охрименко:

— Товарищ командир! Комбат зовет!

Беру трубку, слышу радостный голос Топконоженко:

— Алтунин! Видал, как мы их расчихвостили? — Он произнес это с такой гордостью, словно собственноручно подбил фашистские танки. — Говорил же я, что артиллерия не пропустит их. Как у тебя? Какие потери?.. При первой возможности переправь раненых на батальонный медпункт. Будь готов: как только фашистская пехота снова пойдет в атаку, ударь по ней в полную мощь. Понял? Пока...

Передав трубку Охрименко, выскакиваю из окопа и бегу в первый взвод. С ходу прыгаю в укрытие и нахожу там только заряжающего Афанасия Сидоренко, человека молчаливого и медлительного. Он лежит, подняв раненую ногу вверх, и тихо постанывает.

Вид убитых и раненых для меня еще непривычен. Сердце болезненно сжимается.

— Потерпи, дружок, — говорю я Сидоренко. — Как только наступит затишье, переправим тебя в батальонный медпункт.

Весь первый взвод я застал у минометов. Расчеты приводили в порядок огневую позицию: одни устанавливали опрокинутые взрывной волной минометы, другие очищали окопы от земли, набросанной разрывами, а лейтенант Воронов проверял наводку. С радостным удивлением смотрю на Сероштана. Мне сказали, что он ранен, что осколок угодил ему в голову.

— Сержант Сероштан! В укрытие! — строго приказываю я, увидев белевший из-под каски бинт. — Раненым здесь не место.

Подбежав ко мне, Сероштан приподнимает каску и, показывая на левое ухо, говорит:

— Товарищ командир роты! Всего лишь половины уха лишился. Глаза видят, руки и ноги действуют, повоюем еще. — И, не сдержав улыбки, добавляет: — Должен же я рассчитаться с германцами за свое ухо!

Обрадованный бодрым видом сержанта, с чувством пожимаю ему руку.

Обойдя огневые позиции и убедившись, что минометы в полной боевой готовности, с пристальным вниманием слежу за развитием событий. Новый шквал артиллерийского огня заставил меня нырнуть в окоп. По позициям роты вели огонь не менее двух артиллерийских батарей. Однако бойцы и командиры в глубоких щелях чувствовали себя спокойно. Они теперь убедились, что их труд не пропал даром. Жаль только, не хватило времени укрепить стенки окопов фашинами, поэтому они то и дело осыпались. Меня опять вызвал к телефону комбат:

— Семнадцатый! Видишь пехоту?

— Вижу, — подтвердил я, выглянув из окопа. — Прячется за танками.

— Отсеки пехоту, не дай ей прорваться к переднему краю. Действуй...

На этот раз танки идут зигзагами, чтобы артиллеристы не могли пристреляться. И все-таки две машины загорелись. Когда до стрелковых окопов осталось не больше ста метров, танки увеличили скорость и вытянулись в две колонны: решили проскочить минное поле по старым следам. Тут снова вступили в бой орудия, стоявшие на прямой наводке. Хорошо вижу, как артиллеристы ближайшего ко мне орудия сноровисто посылают снаряд за снарядом в головные танки. Те останавливаются: один закружился на уцелевшей гусенице, другой задымил. Шедшие следом пытаются обойти их справа и слева и наезжают на мины. Остальные проскакивают минное поле и двигаются к позициям стрелковых рот. Следом за ними бежит пехота.

Настал решающий момент. «Если фашистской пехоте удастся прорваться к нашим окопам одновременно с танками, бойцы, загнанные танками в щели, погибнут!» Эта мысль непроизвольно выбрасывает меня из окопа, и я, боясь, что в таком шуме командиры не расслышат мой приказ, бегу, не замечая разрывов снарядов и мин, не слыша свиста осколков и шальных пуль. На огневых позициях лейтенанта Воронова отчаянно кричу:

— Шквальный огонь по пехоте, мин не жалеть!

Не добежав до взвода лейтенанта Степанова, от резкого толчка в спину неожиданно лечу на землю. Горячая взрывная волна прошла надо мной, осколок проскрежетал по каске, комья сухой земли больно ударили по распластанным на земле ладоням. Кто-то сполз с моей спины, и я, полуоглохший, услышал словно издалека доносившийся голос:

— Простите, товарищ комроты, что так сильно толкнул.

Удивленно оглядываюсь и вижу тяжело дышащего Мишу Стогова, смахивающего пыльным рукавом ручейки пота, отчего лицо его стало как у татуированного туземца. Смущенно поглядывая на меня, Миша повторил:

— Простите, я не хотел...

«Если бы не Стогов, меня бы изрешетило осколками», — подумал я, испытывая неожиданную нежность к своему тихому и скромному ординарцу.

— Ты не ранен, Миша? — обеспокоенно спрашиваю я, не отрывая взгляда от его порванной в клочья гимнастерки.

— Нет, товарищ комроты. Вроде бы нет... — неуверенно отвечает Стогов.

Убедившись, что ординарец отделался небольшими царапинами, облегченно вздыхаю и перебегаю в окопы второго взвода, минометчики посылают по фашистской пехоте мину за миной. Они вылетают из стволов беспрерывно и рвутся в самой гуще атакующей пехоты. Вспомнив контрольные стрельбы перед отправкой на фронт, начинаю опасаться, что какая-нибудь из мин, не успев вылететь из ствола, столкнется с очередной, и кричу:

— Заряжающие, осторожнее!

Минометчики продолжают вести огонь прежним темпом.

Мне вдруг захотелось запеть от радости: вражеская пехота остановлена! Меткий огонь минометов и станковых пулеметов заставил ее залечь. Теперь надо метр за метром прочесать огнем рубеж, за которым фашисты: не дать им окопаться.

К батальонным минометам присоединяются полковые. Фашисты не выдерживают интенсивного огня. Следивший за полем боя лейтенант Степанов радостно кричит:

— Драпают фашисты, драпа-ю-ю-ут!

Лейтенант прав: фашистская пехота стремительно откатывается назад.

Однако радоваться рано. Мне даже без бинокля видно, как прорвавшиеся танки утюжат наши окопы — методично, из конца в конец, словно трактора на пахоте.

Вдруг танки, оставив окопы, двинулись на батальонные пушки, упорно посылавшие снаряд за снарядом. На ближайшее ко мне орудие шли, развернувшись веером, три танка. Временами орудие затягивала пелена дыма и копоти, однако я видел, как ловко действуют артиллеристы. Их оставалось всего двое, но они сумели поджечь один танк и открыли огонь по второму. Видно было, как снаряд, попав в его башню и выбив искру, отскочил от нее. Обходя огромную воронку, танк на миг приоткрыл бок. Этого было достаточно, чтобы артиллеристы всадили туда снаряд. Танк задымил и остановился. Но тут над пушкарями навис третий танк. Я думал, что артиллеристы попытаются спастись в укрытии, а они не сдвинулись с места и почти в упор сделали последний выстрел. Через мгновение танк подмял под себя и пушку, и бойцов. Несколько минут он крутился на одном месте, пытаясь стереть с лица земли все, что могло бы напомнить об отважных советских пар-

нях, затем повернул в сторону холма, где находились огневые позиции минометчиков.

«Все погибло, — с отчаянием подумал я, — что делать?» В глаза бросилась связка гранат. Прежде грозная, сейчас она кажется мне игрушечной. Как вступить в единоборство с бронированным чудовищем с таким легким оружием? На словах легко, а на деле ой как не просто подбежать и бросить под гусеницу эту связку! Руки почему-то ослабли, и ноги словно ватные. «Не раздумывай, лейтенант, ведь рота на краю гибели!» — приказываю себе, хватаю гранаты и, пригнувшись, бегу к глубокой воронке на пути движения танка. Земля под ногами вскипела — бил крупнокалиберный пулемет, — инстинктивно падаю. Новая очередь просвистела над головой. Отползаю метров на пять в сторону и снова бросаюсь вперед. И снова пулеметная очередь каким-то чудом не прошила меня. Падая, краем глаза захватываю три фигурки, ползущие навстречу танку от огневой позиции первого взвода. Видимо, мысль о гранатах пришла не мне одному.

Танкисты, внимание которых отвлечено моими перебежками, не замечают смельчаков. Укрывшись в воронке, внимательно слежу за развитием событий, а минометчики с прежней интенсивностью продолжают вести огонь по пехоте.

Танк уже примерно в пятнадцати метрах от воронки, где притаились бойцы. Вот летит первая связка гранат. Перед танком взметнулось пламя. Машина вильнула влево, вдогонку ей летит вторая связка. Новый взрыв всколыхнул землю, но и он не остановил танк. Вдруг танкисты, словно испугавшись, что в многочисленных воронках таится новая опасность, попятились, развернули машину и поползли назад. Гляжу вслед удирающему танку и с досадой думаю: «Не так-то, оказывается, просто попасть связкой под гусеницу».

Внимательно осмотрев поле боя, убеждаюсь, что фашистской пехоте и на этот раз не удалось ворваться в расположение нашего батальона, а уцелевший фашистский танк уходит, прорываясь через боевые порядки первой стрелковой роты.

И в этот момент случилось что-то невероятное. На левом фланге первой роты послышалась беспорядочная ружейная пальба, отчаянные крики, и в тыл с переднего края побежали люди — прямо под пулеметный огонь, который открыли фашистские танкисты. Одни падают сразу, словно споткнувшись о невидимое препятствие, другие продолжают бежать, видимо не соображая, что бегут навстречу гибели. В отчаянии смотрю и не понимаю, что происходит. Потом какая-то неведомая сила подхватывает меня, я бросаюсь к ним, кричу во весь голос:

— Ложись! Ложись!

Люди, охваченные паникой, не слышат...

Только четыре красноармейца добрались до холма, за которым находились позиции минометчиков. Трижды выстрелив в воздух из револьвера, я заставил их спрятаться в воронке от снаряда. Прыгаю следом и обнаруживаю, что трое без оружия. Лишь четвертый

крепко сжимает в руках винтовку. Тесно прижавшись друг к другу, они смотрят на меня незрячими глазами и, словно выброшенные на берег рыбы, широко открытыми ртами хватают раскаленный воздух, с шумом и хрипом выдыхают его. Впервые увидев такое паническое проявление страха, с удивлением и жалостью смотрю на них. Становится неуютно от мысли: «Неужели и со мной может произойти такое?»

— Из какой роты?

— Не знаем, — с полным безразличием отвечает крепкий, широкоплечий, скуластый пехотинец лет тридцати пяти.

— Как это не знаете?

— Да так: всех нас, вышедших из окружения, собрали и посадили в оборону, а в какой батальон и роту включили, не сказали.

Пополнение! Я вспомнил, как утром капитан Тонконоженко провел мимо меня группу бойцов и командиров на усиление первой стрелковой роты. Вот так «усилил»! Видно, людям, собранным из разрозненных частей, нельзя поручать самостоятельный участок обороны. Если их распределить по нескольку человек в каждую роту, такой беды не случилось бы. А может, наоборот, может, эти психически надломленные люди в критическую минуту вызвали бы панику среди необстрелянных бойцов? Трудно предугадать. Все познается на опыте. Сколько боев надо пройти, чтобы найти ответ на такие вот вопросы, над которыми в мирное время не задумывались. Ведь само собой разумелось, что все мы — люди долга, а значит, способны преодолеть чувство страха, не дать ему даже при смертельной угрозе перерасти в психоз, когда человек перестает быть человеком.

— Ваша фамилия? — спрашиваю скуластого пехотинца.

— Ефрейтор Васюков, — нехотя отвечает он, слегка привстав.

— Вы включены в состав первой стрелковой роты. Почему бежали с поля боя? Знаете, что за это полагается расстрел?

Ефрейтор побледнел, растерянно глянул мне в лицо, словно надеясь, что он ослышался.

— Да-да! — повторил я. — Военный трибунал за бегство с поля боя меньше расстрела не даст.

Спутники ефрейтора, до которых тоже дошел смысл сказанного, понурили головы, избегая моего рассерженного взгляда.

— Да ведь танки появились у нас в тылу! — пытается оправдать свое бегство ефрейтор. — Кто-то крикнул: «Спасайся!» — и побежал, за ним другой, третий. Ну и я...

— Во-первых, не танки, а один танк. Их больше десяти прорвалось, а уцелел один. Если бы все воевали, как вы, танки уничтожили бы батальон. Вон впереди, — показал я на позиции первой роты, — сидят вчерашние шахтеры. Это их первый бой, а они не побежали.

Беглецы молчат, опустив глаза.

— Вот что, Васюков, — решительно говорю ефрейтору, — возвращайтесь и доложите командиру первой роты о случившемся. Может, он предоставит вам возможность искупить свою вину в бою.

Лица беглецов оживились, в глазах зажглась надежда.

— Спасибо, товарищ лейтенант. — Васюков посмотрел на своих спутников. — Больше такое не повторится: умрем, но без приказа не отступим! — Поднявшись во весь рост и взмахнув винтовкой, он крикнул: — Пошли! Не отставать!

Вернувшись на огневые позиции минометчиков, узнаю, что одновременно со мной навстречу прорвавшемуся танку бросились лейтенант Воронов, парторг Лысов и наводчик Павел Стеклов. Воронов и Лысов уцелели, а вот Стеклова, нашего Пашу-цыгана, танк задавил. Воронка, в которой он укрылся, оказалась недостаточно глубокой. Смотрю на изуродованные до неузнаваемости останки погибшего и вижу его мужественное лицо, горящие антрацитовым блеском глаза, черные, вьющиеся кольцами волосы, и кажется, слышу его голос, с гордостью произносящий: «Я — русский! А бабка по материнской линии из цыганского табора была выкрадена моим дедом...» Впервые увидел Павел фашистский танк и не испугался, вступил в единоборство с ним ради спасения товарищей. Спасибо тебе, солдат!

Более трех часов длилось относительное затишье. Люди занимались расчисткой и укреплением огневых позиций и укрытий, отправляли в тыл раненых, хоронили убитых. К великой нашей радости, Охрименко привез двадцать ящиков мин. Рота была готова к новым боям.

В шестом часу вечера фашисты снова пошли в атаку. На этот раз танки следовали за пехотой, поддерживая ее огнем.

Внезапно донесся гул авиационных моторов. Из-за леса, что позади нас, выскочили три краснозвездных бомбардировщика. Скоро на луговине, по которой ползли танки, поднялись густые клубы пыли и дыма. Самолеты повторили удар, и фашистские танкисты обратились в бегство, а пехота, лишившаяся поддержки, залегла.

Однако на стыке первой и второй стрелковых рот прорвалась большая группа фашистов. Они атаковали взвод лейтенанта Николаева, оборонявшийся во втором эшелоне. Окруженные бойцы оказали отчаянное сопротивление, и это спасло минометчиков.

Первой моей мыслью было немедленно организовать круговую оборону. А как же взвод Николаева? Пусть гибнет на глазах? Нет, после такого позора нельзя жить! Собрав около трех десятков бойцов и командиров, всех, кроме наводчиков и заряжающих, которые продолжали вести огонь, и Сусика, державшего связь с капитаном Тонконоженко, бросаюсь на выручку. Рядом вижу тщедушную фигурку появившегося откуда-то Стаднюка. Пытаюсь уговорить его возвратиться к минометчикам, оставшимся на огневой позиции. Но младший политрук решительно протестует, заявляет, что его место там, где большинство бойцов роты, и, выхватив револьвер, он некоторое время бежит, не отставая от меня ни на шаг. Его обгоняют, заслоняют собой бойцы, и я теряю его из виду.

Наше появление из-за холма, поросшего кустарником, было неожиданным. Я уже различаю физиономии фашистов, оказавшихся

между минометчиками и бойцами лейтенанта Николаева. Не останавливаясь, кинул гранату под ноги ближайшей группе солдат и бросаюсь врукопашную. Вот когда пригодилась тренировка, полученная на занятиях по штыковому бою в училище! Отбив кинжалообразный штык, нацеленный мне в грудь, выбрасываю винтовку вперед с такой силой, что не могу вырвать штык, глубоко ушедший во что-то мягкое и почему-то застрявший. С трудом вытаскиваю его, фашист заваливается, а я краем глаза замечаю какой-то блеск справа от меня, совсем рядом: мне в бок нацелен еще один штык. Понимаю, что его не успею отбить, и явственно ощущаю, как сейчас он войдет в меня, разворачивая ребра. Тело словно леденеет, я перестаю слышать... И вдруг оскаленное, потное лицо фашиста искажается гримасой нестерпимой боли — вопля я не слышу, — и он опрокидывается навзничь. Только теперь узнаю своего спасителя. Парторг Лысов! Его кряжистая, мускулистая фигура то появляется перед глазами, то исчезает в гуще врагов. Ручным пулеметом он орудует, как кайлом в забое: короткими резкими взмахами обрушивает приклад на головы наскакивающих фашистов.

Слух снова четко воспринимает шум боя: топот, яростную ругань, сопение, вопли, хрипы умирающих. Слепящая ярость охватывает меня, лицо пылает, невольно вылетают слова: «Гады! Гады! Гады!» Отчаянным рывком с трудом поспеваю на помощь Лысову: в последний момент удается отвести от него вражеский штык. Оказывается, парторг ранен, но не выходит из боя. Морщась от боли, он яростно размахивает прикладом пулемета.

Слева, прижимаясь вплотную ко мне, неуклюже мечется мой долговязый ординарец Миша Стогов. Каждый выпад винтовкой он сопровождает таким надрывным уханьем, словно колуном рассекает дубовые поленья. Из-за спины носатого немца высунулся офицер: холеная физиономия, усики а-ля Гитлер. Он стреляет из пистолета. Видимо, он-то и ранил Лысова. «Ну, держись, гадюка!» Перекинув винтовку в левую руку, выхватываю револьвер и, почти не целясь, дважды нажимаю курок. Пули не прошли мимо: первым падает солдат, закрывавший офицера, за ним скрываются и усики.

Сберегая патроны, продолжаю орудовать штыком. Перед глазами мелькают обезображенные звериным оскалом зубов лица врагов, почти неузнаваемы и лица моих боевых товарищей. И впервые возникла мысль о том, что несколько таких рукопашных схваток могут искалечить психику человека. Война — скопление ужасов, но рукопашный бой, когда обезумевшие от ярости люди нередко буквально вгрызаются друг другу в горло, — это самое страшное ее порождение!

...Боль от скользящего удара прикладом по левому плечу разъярила меня. Пробиваюсь вперед с одним желанием: побольше уложить фашистов, пока вражеская пуля или штык не достанут меня.

Слева, орудуя винтовкой, что-то яростно выкрикивает лейтенант Позднышев. В пылу схватки с него сбили каску. На лицо стекает

струйка крови. Лейтенант пошатывается от слабости, но, подбадривая себя хриплым голосом, с трудом отбивает наседающих фашистов. Поняв, что Позднышеву грозит смертельная опасность, пытаюсь пробиться к нему. В последний момент замечаю, как сержант Востриков и боец Супруненко, спасая своего командира, принимают удар на себя.

В некотором отдалении от меня сражаются минометчики во главе с лейтенантом Вороновым. Помнится, в первые дни моего пребывания в полку Воронов поразил меня блестящей техникой штыкового боя. Но в этой смертельной схватке он превзошел себя. Бойцы инстинктивно жмутся к нему. В центре его группы замечаю Стаднюка, который, расстреляв, видимо, все патроны, размахивает над головой револьвером, как кавалерист шашкой. До меня долетает его звенящий, призывный голос:

— Руби! Коли! Бей гадов!

«Убьют бедолагу!» — мелькает тревожная мысль при виде безоружного младшего политрука, но с радостью замечаю, что бойцы явно стараются оттеснить Стаднюка, не дают ему вырваться вперед.

Неравный бой продолжается. Немецкая артиллерия и минометы пытаются выстроить частокол из разрывов снарядов и мин вокруг места рукопашной. Видимо, хотят не пропустить подкрепление с нашей стороны.

Пробиваясь к группе Позднышева, только теперь полностью осознаю, сколь превосходит нас противник численностью. Но назад пути нет.

Отчаянным рывком нам удалось соединиться с группой лейтенанта Позднышева, который, истекая кровью, лежит на земле, прикрываемый сержантом Востриковым и бойцами.

Яростно отбиваясь от наседающих фашистов, мы уже не в состоянии продвинуться вперед ни на шаг. А в сотне метров от нас из последних сил бьются оставшиеся в живых красноармейцы во главе с лейтенантом Николаевым.

С каждой минутой положение наших групп становится все более тяжелым. Остается одно: подороже продать свои жизни. Вдруг замечаю, как белобрысый фашист, только что ожесточенно орудовавший прикладом, останавливается, затем пятится и, круто повернувшись, бежит. За ним то один, то другой пускаются наутек. Оказывается, с высотки на помощь нам спешила группа бойцов с винтовками на изготовку. Сквозь шум боя прорвалось протяжное «ура-а-а». Подхватив боевой клич, минометчики яростно кинулись на дрогнувшего врага, словно не они минуту назад отчаянно отбивались от наседавших серо-зеленых мундиров.

Преследуя фашистов, сталкиваюсь с незнакомым майором и нашим комбатом. Они привели подкрепление — всех, кого удалось собрать без риска ослабить стрелковые позиции. Помощь подоспела в критический момент.

Внезапно отступавшие немцы останавливаются, начинают метаться. Это командир второй стрелковой роты Левушкин, не откры-

вавший пулеметного огня по откатывающейся в сторону его роты серо-зеленой массе из опасения попасть в своих, с группой бойцов перерезал путь врагу. Мышеловка захлопнулась.

Пытаясь прийти на помощь своей оказавшейся под угрозой уничтожения группе, противник предпринимает новую атаку. И опять на выручку приходят наши летчики, которые отгоняют танки, а батальон плотным пулеметным и минометным огнем отбивает пехоту. Наконец с прорвавшейся пехотой покончено.

И тут только обнаруживаю, что среди нас нет младшего политрука. Вся рота бросилась на поиски. Через четверть часа прибегает запыхавшийся Миша Стогов и сообщает, что Стаднюка нашли под трупом фашиста. Бойцы бережно несут Стаднюка и Позднышева. Позднышев мертв. На теле Ивана Афанасьевича никаких ран. Около него хлопочет санинструктор. Вот Стаднюк открыл глаза и непонимающе уставился на нас, затем попытался встать, но не смог. Окончательно придя в себя, политрук рассказал, что на него бросился огромного роста немец. Вероятно, тот, под которым и нашли Стаднюка. Голова фашиста была размозжена — это и спасло младшего политрука от гибели. Кто в сутолоке рукопашной отвел смерть от нашего Ивана Афанасьевича, установить было трудно, но благодаря ему младший политрук отделался лишь легкой контузией.

Приказываю командиру первого взвода лейтенанту Сергею Воронову подобрать раненых и возвращаюсь на огневые позиции. Но в каком виде я их нахожу! Все вокруг перепахано, перевернуто, искорежено, словно прошелся гигантский плуг. Задерживаюсь около миномета, представляющего нечто фантастическое. Да, тут уж не поможет никакой ремонт. В общем, из строя вышли два ствола.

На наблюдательном пункте, к своей искренней радости, вижу Сусика, который, судя по его деловитому виду, совсем оправился от приключившейся с ним беды. Заметив меня, он вскакивает, вытягивается, не выпуская из рук телефонной трубки, и устремляет на меня свои по-детски ясные глаза.

— Ну как, Хома? — спрашиваю участливо. — Жив-здоров?

— Так точно, товарищ лейтенант! Все в порядке. — На лице Сусика смущенная улыбка.

Минуту спустя он деловито просит меня к телефону. Голос Тонконоженко звучит по-прежнему бодро. Чувствуется, что он доволен результатами боевого крещения: батальон успешно отбил все атаки, хотя первый бой оказался труднее, чем думалось. Мы потеряли немало бойцов и командиров, но фашисты заплатили за это дорогой ценой. Словом, у нашего комбата были основания гордиться своим батальоном.

— Семнадцатый! — кричит он в трубку. — Через час жду тебя с докладом о состоянии «хозяйства».

Когда командиры взводов сообщили о потерях, мне стало не по себе: рота уменьшилась на семнадцать человек, не считая раненых, пожелавших остаться в строю! Суровая действительность давала жестокие уроки! И один из первых — за победу приходится пла-

гить дорогой ценой. Мелькнула горькая мысль: «Если и дальше так пойдет, от роты никого не останется. Неужели всему виною моя неопытность?» Чувство глубокой тревоги охватывает меня.

Желая приободрить людей, прохожу по взводам. Получилось однако, так, что не я приободрил минометчиков, а они меня. Никаких следов уныния! Жестокий отпор, который был дан фашистам, заставил даже раненых забыть о своих ранах. Они вместе со здоровыми деловито сновали по огневой позиции, приводя ее в порядок. И лишь в минуты, когда им казалось, что никто их не видит, расслаблялись и гримаса боли искажала лица. Поинтересовался самочувствием Лысова.

Его рана также, к счастью, легкая: пуля лишь задела руку.

Всех раненых, оставшихся в строю, направил в батальонный медпункт: стояла жара, и любая, даже пустяковая, рана могла вызвать заражение крови.

Постепенно улеглось возбуждение. Я уже спокойнее могу осмыслить все, что пришлось пережить, оценить свои действия. В глубине души я недоволен собой. Слишком много нервозности проявил, что, видимо, не прошло незамеченным. Не всегда правильно определял место, где мне нужно было находиться, чтобы своевременно влиять на действия роты. Да и минометным огнем управлял недостаточно конкретно. «Огонь по фашистской пехоте!», «Шквальный огонь!», «Мин не жалеть!», «Так им, гадам!», «Уточнить прицелы!» — вот что срывалось у меня в азарте боя, вместо команд уставных артиллерийских; явно не хватало мне выучки и практики. Правда, мучила мысль: «Неправильно команды подаю». Ведь нас готовили командовать стрелковым подразделением. И еще смущало меня, что я усомнился в своей храбрости. Явной трусости не проявил, но в ходе боя иногда ощущал такой страх смерти, что приходилось преодолевать его огромным усилием воли. Так что же такое храбрость? Храбрый я человек или трус — так и не смог решить после первого боя. К тому же я убедился, что не совсем точно представлял себе современный бой. В моем воображении сложилась, например, такая классическая схема оборонительного боя: пехота противника приближается; обороняющиеся метким огнем уничтожают ее, а когда уцелевшие враги прорываются к переднему краю обороны, командиры поднимаются из окопов с призывным возгласом «Вперед! За Родину!». Разъяренные красноармейцы в едином порыве бросаются на врага и в ближнем бою доканчивают его. Вот такой представлялась мне картина боя. Однако я совсем почему-то упустил из виду вражескую авиацию. Она осталась где-то за границей тактического боя. А ведь именно авиация первая крепко потрепала нам нервы и вывела из строя многих бойцов и командиров. Тут я с благодарностью вспомнил своих учителей, которые неустанно твердили нам, курсантам: «Не жалейте сил, зарывайтесь в землю при любой остановке на поле боя — в этом спасение пехотинца».

Пот, которым мы обильно полили землю, не пропал даром: сколько жизней спасли глубокие укрытия, когда нас нещадно бом-

били и когда перепахивали наше расположение снарядами и минами! Низко кланяюсь тебе, дорогой мой лейтенант Ефименко, за то, что не жалел нас на тактических занятиях, безжалостно заставлял долбить мерзлую землю учебного поля. Одного не учли дорогие наши учителя — не научили нас не бояться танков. За годы учебы мне не пришлось даже постоять рядом с танком, почувствовать, что смогу уцелеть в окопе, если его проутюжат гусеницы стального гиганта. И вот сейчас нам приходится вступать в поединок с фашистскими танками, как с доисторическими гигантами, к которым не знаешь, как подступиться. Помнится, нам говорили, что борьбу с танками будут вести авиация, артиллерия и саперы, а пехотинцев нужно готовить к схватке с вражеской пехотой. А вот фашисты делают главную ставку на танки. Танковыми катками они расчищают путь своей пехоте. С чем пехотинец может выйти против танка? С противопехотной гранатой? Бутылкой с бензином? Конечно, это — неравный поединок. К своему стыду, я предпочел бы вступить в бой против десятка пехотинцев, чем встретиться один на один с танком! В тот день я осознал, что такое танкобоязнь. «Удастся ли мне ее преодолеть?» Эта мысль не давала покоя.

Стемнело. Стало прохладнее и тише. Отойдя немного от своего наблюдательного пункта, опускаюсь на траву. Гимнастерка пахнет потом, пылью и дымом. Не оставляют мысли о погибших товарищах, с которыми уже успел сродниться. Сердце непривычно щемит. Слегка ноют плечи. Так закончился первый день на фронте.

Поздним вечером на командном пункте батальона собрались командиры подразделений и их заместители по политчасти. Не явились командиры двух стрелковых рот. Убит Левушкин. Погибли командиры обоих взводов противотанковых пушек.

Комбат Тонконоженко, внимательно выслушав наши доклады, тяжело вздохнул. Он не ожидал, что победа досталась столь дорогой ценой: роты потеряли убитыми и ранеными почти треть своего состава, недосчитались четвертой части станковых пулеметов и двух минометов. Два противотанковых орудия из четырех тоже были выведены из строя. Весьма огорчили и цифры израсходованных боеприпасов. После довольно продолжительного раздумья капитан Тонконоженко поднял голову и, пристально оглядев всех собравшихся, сказал осевшим от огорчения и усталости голосом:

— До рассвета пополнить боеприпасы. Патроны, мины, гранаты и снаряды через два-три часа обещали доставить на батальонный пункт боепитания из соседнего полка. Пришлите за ними. Людей кормите. В походных кухнях приготовлен обед. Его подвезут прямо в роты. Подберите укрытое место для кухонь и по отделениям направляйте к ним солдат. Всех убитых до утра похоронить согласно воинскому обычаю: с отданием почестей. Раненых отправить на лечение через батальонный медпункт... В течение трех часов закончить...

Заместитель командира по политической части старший политрук Пегов обратил наше внимание на то, чтобы за множеством дел мы не забыли о живых людях, о бойцах, с которыми надо обяза-

тельно побеседовать, рассказать им о результатах первого дня боев, о том, что они с честью выдержали боевое крещение, что теперь они сами убедились, что фашистов бить можно...

Признаться, в тот момент я был доволен собой: ведь я уже выполнил все, о чем сейчас говорил Пегов.

Ночь прошла относительно спокойно. Противник лишь изредка обстреливал дороги. Мы готовились к новым боям. Стаднюк, категорически отказавшийся идти в медсанбат, отдыхал под присмотром Петренко в укрытии. Лишь под утро мне удалось задремать. И пережитое днем повторилось во сне. Куда-то бегу, делаю отчаянные выпады винтовкой, расчищая себе путь в сплошной массе солдат в серо-зеленых мундирах. Но чем больше убиваю их, тем больше их встает на моем пути. Они идут сплошной степой, как крысы при стихийных бедствиях. Стена кинжаловидных штыков неумолимо надвигается на меня!.. И я, желая увлечь за собой бойцов, бросаюсь на них с отчаянным криком «ура». Но голоса нет, лишь глухой хрип исторгает мое горло. Вдруг страшные взрывы разметали и врагов, ощетинившихся штыками, и моих товарищей, и сам я лечу в какую-то пропасть...

— Товарищ командир! Товарищ командир! — слышу голос Миши Стогова и, очнувшись, сознаю, что лежу, распластавшись, на земле, а рядом испуганный ординарец, закрывший голову руками. Рвутся снаряды. Земля вздрагивает под нами, что-то больно бьет в спину. «Неужели фашисты решили атаковать ночью?» — промелькнуло в голове.

Тяжело поднимаюсь на ноги и, поправив каску, пытаюсь разглядеть, что происходит на переднем крае. Сквозь предрассветную серую мглу вижу, что там, где находится вторая стрелковая рота, творится непонятное: над окопами мелькают во весь рост солдаты, причем, кажется, в немецком обмундировании. Жадно приникаю к биноклю, и сразу все становится ясным: на позиции роты ворвались фашисты. Почувствовав, что артиллерийский обстрел по расположению моей роты ослаб, подаю команду:

— К оружию!

Однако огонь вести невозможно: попадем в своих. Вдруг вижу — фашисты бегом покидают наши позиции. Теперь можно ударить из минометов. Я подаю команду открыть огонь. Сквозь дым разрывов замечаю, что бегущие фигуры исчезли — значит, залегли. Большего мы не смогли сделать. Сильный артиллерийский обстрел вынудил минометчиков спрятаться в укрытиях. Прошу лейтенанта Степанова пробраться на наблюдательный пункт командира второй стрелковой роты и разузнать, что у них произошло. Спустя час Степанов благополучно вернулся. Оказывается, на рассвете немцы предприняли разведывательный поиск и захватили в плен наших бойцов. Рассказав о случившемся, Степанов как-то странно смотрит на меня, словно хочет что-то добавить и не решается. Я в свою очередь вопросительно смотрю на него.

— Комроты считает... — Лейтенант умолкает, на носике-пуговке заблестели капельки пота.

— Ну, что считает комроты?— нетерпеливо спрашиваю я, удивленный смущением командира.

— Он считает, что бойцы погибли под нашим минометным огнем вместе с захватившими их фашистами. — Степанов огорченно махнул рукой.

Будто игла вошла в мое сердце. Не следовало открывать огонь? Но кто думал, что так случится? Признаться, у меня и в мыслях не было, что среди убегающих фашистов есть наши бойцы. Когда же я поставил себя на место бойцов, попавших в лапы врага, то подумал: «Лучше погибнуть в бою, чем оказаться в фашистском плену». Честно говоря, до конца войны фашистский плен был для меня страшнее смерти.

ЗЕМЛЯ СМОЛЕНСКАЯ

Тусклый лунный свет освещает лесную дорогу, по которой растянулась колонна отступающего стрелкового полка. Замыкает колонну батальон капитана Тонконоженко. Нам так и не удалось связаться ни с командиром 720-го стрелкового полка, ни со штабом своей 162-й дивизии.

В центре батальона устало шагают мои минометчики. Они тащат на себе четыре уцелевших 82-миллиметровых миномета и оставшиеся мины. Время от времени останавливаясь и пропуская смертельно уставших бойцов, я с тревогой думаю: «Сколько они еще продержатся? Третьи сутки на ногах, без сна и отдыха». К рассвету прошагали около пятнадцати километров. По-видимому, противник проспал отход советских войск, накануне столь упорно оборонявшихся.

В полдень к голове колонны подъехала запыленная эмка. Из нее выскочил чрезвычайно подвижный худощавый полковник. Встав на придорожный пень, он громко крикнул:

— Командира батальона ко мне!

Капитан Тонконоженко подбежал к полковнику, представился:

— Здравствуйте, капитан! — Полковник протянул руку.— Я из штаба девятнадцатой армии. Вашему батальону приказываю развернуться здесь... Задача — оседлать дорогу и во что бы то ни стало задержать противника, особенно его технику, не дать прорваться к главным силам. Понятно, капитан?

— Понятно, товарищ полковник. Только боеприпасов у меня маловато: патронов — по двадцать — двадцать пять штук на винтовку, по три-четыре мины на ствол и всего пять снарядов для сорокапятки.

— Занимайте оборону, капитан, о боеприпасах я позабочусь.

Полковник так же внезапно исчез, как и появился.

Тонконоженко вывел батальон на большое картофельное поле, окруженное со всех сторон смешанным лесом. Поле было ровное и легко просматривалось из конца в конец. Капитан Тонконоженко расположил стрелковые роты вдоль восточного края поля. Огневую позицию для противотанковой пушки он выбрал слева от дороги.

И снова бойцы, сбросив амуницию, быстро, как кроты, вгрызаются в землю.

Часа через два из леса с западной стороны поля выскочили мотоциклисты. Меткий огонь боевого охранения заставил их повернуть вспять и скрыться за деревьями. Вскоре оттуда показались автоматчики. Они перебежками пересекают поле, ведя беспорядочную стрельбу. Боевое охранение вынуждает их залечь. Получив подкрепление, автоматчики возобновляют движение. Бойцы охранения, отстреливаясь, организованно отходят за передний край обороны. Их поддерживают стрелки. Экономя боеприпасы, Тонконоженко запретил без команды открывать пулеметный огонь. До немцев оставалось меньше двухсот метров, когда раздался сигнал — длинная пулеметная очередь, — и сразу заработали все пулеметы и минометы. Немногим вражеским автоматчикам удалось благополучно удрать.

Вторая атака началась десятиминутным артиллерийско-минометным налетом. В разгар отражения этой атаки в тылу батальона послышались автоматные очереди. Капитан Тонконоженко приказал резервному взводу прочесать лес, а минометчикам занять оборону фронтом на восток.

Вторая, а за ней и третья атаки противника были отбиты.

Вечером, когда над полем стали сгущаться сумерки, Тонконоженко получил приказ отходить. Он скрытно собрал роты на лесной дороге и быстро повел их на восток.

В полночь батальон нагнал основные силы полка. Капитан Тонконоженко объяснил командирам, что, пока мы сдерживали противника, полк подготовил к обороне очередной рубеж.

Наш батальон вывели во второй эшелон. Бойцы залезли в открытые ячейки и уснули как убитые.

На этом рубеже полк держался целые сутки. И снова приказ отходить. И снова наш батальон, который, по мнению командира полка, «отдохнул во втором эшелоне», прикрывал отход.

В стычках с передовыми частями противника батальон заметно таял. В стрелковых ротах в строю осталась лишь половина личного состава. Редели и ряды минометчиков.

Под вечер третьего дня отступления на привале капитан Тонконоженко, смуглое лицо которого почернело от усталости, вызвал к себе командиров рот и взводов. Окружив комбата, мы молча ожидали, что он скажет. И такая усталость была написана на наших запыленных и осунувшихся лицах, что капитан, не выдержав, махнул рукой:

— Садитесь, товарищи!

Мы с облегчением, нет, не сели, а буквально повалились на траву, стараясь поудобнее вытянуть натруженные ноги.

— Все, друзья мои! — тихо и торжественно начал Тонконоженко. — Конец отступлению! Впереди нас ждет подготовленный рубеж обороны. Нашему батальону отведен участок южнее села Колышки. Его мы должны удержать любой ценой. Дальше отступать не будем.

Нас чрезвычайно обрадовала весть, что теперь батальон будет сражаться в составе родной дивизии.

Распрощавшись с полком, вместе с которым батальон принял боевое крещение, утром следующего дня мы прибыли в назначенный район. Капитан Тонконоженко уехал к полковнику Бурчу, заместителю командира дивизии. Возвратился он заметно расстроенным. Оказывается, в районе села Колышки сосредоточиваются отдельные подразделения нашей дивизии, отставшие по пути на фронт от главных сил. Где находится командир и главные силы дивизии, полковник Бурч не знал.

Нашему батальону отвели полуторакилометровый район обороны на левом фланге. Незадолго до полудня роты заняли указанные им участки. Действительно, отлично поработали саперы и местные жители, в инженерном отношении огневые позиции выглядели безупречно. И для людей, и для минометов, и для боеприпасов имелись надежные укрытия. Старшина Охрименко, по-хозяйски обследовав прочные блиндажи, восхищенно заявил:

— Ну и хоромы, едят их мухи! Век бы в них жил...

Лица минометчиков прояснились, затеплилась надежда: теперь остановим фашиста, а там и назад погоним.

Так хотелось верить в это!

Пока старшина и командиры расчетов получали боеприпасы и приводили в порядок оружие, бойцы отдыхали, пожалуй, впервые за трое суток. Мы с командирами взводов старались использовать светлое время для изучения местности и подготовки данных для стрельбы.

После полуночи на переднем крае неожиданно вспыхнула перестрелка. Вскоре выяснилось, что немецкая разведка натолкнулась на наше охранение. Остальная часть ночи прошла спокойно, если не считать вспышек осветительных ракет, то и дело разгоравшейся перестрелки, гула танковых моторов вдалеке. Все свидетельствовало о повышенной активности фашистской разведки и о подходе крупных сил.

Обхожу расположение роты. Всматриваюсь в лица спящих бойцов и командиров. Сколько им еще предстоит пережить, и неизвестно, кому удастся перешагнуть через завтрашний день.

Возвратясь на НП, застаю там Охрименко. Старшина доставил термосы с горячим супом. В предвидении жаркой схватки не разрешаю прерывать отдых бойцов.

— Пропадет ужин, едят его мухи! — с досадой воскликнул Охрименко, дергая себя за ус.

— Ничего, — успокоил я, — покормишь утром.

В блиндаже Стогов предусмотрительно расстелил на охапке свежей травы шинель. Я вдруг почувствовал такую слабость, что с трудом добрался до нее и, упав, сразу провалился в черную бездну.

Разбудил меня внезапно начавшийся артиллерийский налет. Выскочив из блиндажа, увидел бегущих к нашему переднему краю автоматчиков. Попав на минное поле, многие падают, но по их сле-

дам бегут другие. Из наших траншей не слышно ни выстрела. В сердце закралась тревога: бойцы и командиры спрятались от обстрела и не видят наступающих фашистов. Бросаюсь на ближайшую огневую позицию. Наталкиваюсь на расчет старшего сержанта Поливоды. Старший сержант колдует у прицела.

— Поливода! Огонь по вражеской пехоте!

— Есть, огонь!

Поливода машет заряжающему. Тот быстро опускает в ствол подготовленную мину, и она с шипением летит в сторону переднего края. За ней другая, третья.

Разрывы мин предупредили стрелковые роты об опасности. Они открыли ружейно-пулеметный огонь. И в этот момент на позицию минометной роты обрушился огненный шквал. Непрерывный свист осколков заставил нас распластаться на дне окопов. Обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Сплевывая пыль и песок, гляжу на часы: прошло всего пятнадцать минут, но они показались мне вечностью.

На огромном поле, расстилающемся перед районом обороны батальона, не видно ни души. Атака отбита. Сколько фашистских трупов осталось лежать на поле, трудно сосчитать.

Опыт предыдущего боя подсказывает, что это еще не настоящая атака. Фашисты, видимо, «прощупывают» нашу оборону, поэтому атакуют не слишком напористо. Теперь следует ожидать более мощной огневой подготовки. А пока тихо, ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны.

Воспользовавшись передышкой, заботливый Охрименко разносит термосы с супом.

Я находился в первом взводе, когда там, сгибаясь под тяжестью термоса, появился щупленький Степушкин. Он смахнул рукой капельки пота с веснушчатого лица и, откинув крышку, громко позвал:

— Подходи, ребята, с котелками!

Разморенные июльским зноем минометчики поплелись к термосу. Степушкин быстро разливал большой деревянной ложкой, которую он, видимо, прихватил из дома, горячий пшенный суп, приговаривая:

— Кушайте на здоровье.

Лейтенант Воронов, приняв от Степушкина наполненный супом котелок, с улыбкой повернулся ко мне:

— Прошу, товарищ комроты, присаживайтесь: вместе опорожним этот котелок, если фашисты не помешают... Ложка есть?

— Есть.

Я вытянул из-за голенища металлическую ложку, завернутую в носовой платок, сел возле ящика с минами, на котором стоял котелок. Торопливо черпая ложкой суп, невольно подумал: «Действительно, фашисты в любую минуту могут возобновить ураганный обстрел, и поесть не удастся».

Хлеба не привезли. Жидкий пшенный суп обжигал рот. Стараясь остудить его, дую на ложку, поглядывая на расположившихся

вокруг красноармейцев. Они едят нехотя, словно по необходимости. Лица задумчивы. Какие мысли занимают их сейчас? Думают о предстоящем бое, который для каждого из нас может стать последним? О родных и любимых, с которыми, возможно, не доведется больше встретиться?

Хрипловатый, насмешливый голос Василя Сероштана заглушил стук ложек о котелки:

— Красноармеец Селивоненко! Сколько раз повторять: не шмыгайте носом, когда подносите ложку ко рту. Аппетит пропадает.

— А що я могу поделать, товарищ сержант, колы мои мати и батько наградили меня таким мокрым носом? — отзывается на шутливое замечание любимого сержанта Карп Селивоненко. — Вин сразу слюнявится, як только почуе запах пищи. — Заметив санинструктора Петренко, Селивоненко кривит свой нависший над верхней губой забавно тонкий нос-хоботок: — Особливо мокреет вин, як почуе поблизости запах горилки...

— Наверное, твой нос кое-что почуял в сумке у Петренко, — улыбается Сероштан. — Ты что там, Сидор, прячешь от православного люда?

— Военная тайна, товарищ сержант, — усмехается Петренко.

Минометчики с интересом прислушиваются к шутливому разговору, затеянному Сероштаном. Их лица просветлели, на губах заиграли улыбки, ложки живее застучали о котелки.

Подойдя ко мне, Петренко доложил:

— Товарищ комроты! Во время обстрела ранен Шлевко.

— Опасно?

— Нет, царапнуло осколком. Перевязал. На батальонный медпункт отказывается идти.

— Пусть остается, — разрешаю я. — Только проследите, чтобы рана не загноилась.

Засунув ложку за голенище, иду во второй взвод. А за спиной снова слышу голос Сероштана, прерываемый громким смехом.

«Какой молодец! — думаю я. — На душе кошки скребут, а умеет себя пересилить и в трудную минуту ободрить товарищей».

В безоблачном утреннем небе, будто коршун, парит зловещая «рама». И словно холодный ветерок пробежал по спине. Мы молча следим за разведчиком, так как уже знаем, что появление его не предвещает ничего хорошего: теперь нужно ждать скорого «визита» бомбардировщиков. Но что такое? «Рама» вдруг быстро развернулась на сто восемьдесят градусов и устремилась на запад. Оказывается, эта неуклюжая с виду двухвостая машина обладает великолепной скоростью! А в солнечных лучах блеснули крылья кургузых краснозвездных «ястребков». Они устремились вслед за фашистским самолетом.

— Давай, давай! — кричат вокруг, словно летчики могут их услышать.

Я почувствовал, что тоже невольно шепчу:

— Давай, давай, братцы! Догоняй!

Так хотелось, чтобы «рама» не донесла в свой штаб собранные ею сведения.

День проходит неожиданно спокойно. Даже появление «рамы» не имело последствий. Немцы, получив отпор и убедившись в прочности обороны, подтягивают силы и ведут тщательную подготовку. На опушке леса вспыхивают солнечные зайчики от вражеских оптических приборов: враг изучает наши позиции. Предстоит тяжелая схватка. Мы запасаемся патронами и минами. Гранат нам не выделили. Однако опыт, полученный в предыдущих боях, подсказывает, что всякое может случиться.

Охрименко, умевший быстро заводить дружбу, выпросил немного гранат в соседнем батальоне, командир взвода снабжения которого оказался его земляком. Мы сделали из них несколько связок. Танков мы по-прежнему опасались больше всего: не забыли, как они утюжили наши окопы, заживо зарывая укрывавшихся в них бойцов.

— Николай Федорович, — прошу старшину, — разведай, где можно раздобыть хоть немного бензина.

— Разведаем, товарищ лейтенант...

Признаться, я не надеялся на успех. Но ошибся. После обеда старшина с сияющим лицом появляется в круглом широком окопе, где мы с командирами взводов обсуждаем результаты пристрелки.

— Товарищ лейтенант! Ваше приказание выполнено! — Охрименко берет дымящийся окурок из рук удивленного лейтенанта Воронова, тщательно втаптывает его в землю, потом открывает крышку термоса — и в ноздри бьют чистейшие бензинные пары. — Бензин, едят его мухи! — громко объявляет старшина.

— Откуда?

— Когда ходил к земляку в соседний батальон, видел разбитую полуторку. Вот и подумал: «А не осталось ли в баке бензина?» Взял хлопцев, и, едят его мухи, нацедили маленько.

— Ну, Николай Федорович, здорово ты нас выручил. Теперь надо раздобыть бутылки...

— Добудем, товарищ комроты, и склянки, едят их мухи!

Уже затемно Охрименко приволок из ближайшей деревни три доверху набитых мешка. Чего только там не было: и обыкновенные поллитровки, и прямоугольные дореволюционные штофы, и четверти, и даже какая-то медицинская посуда! Не забыл старшина и о пеньке. Было из чего фитили делать.

До середины ночи мастерили мы свое зажигательное оружие. Когда работа была закончена, я приказал Охрименко полтора десятка бутылок раздать командирам взводов, остальные осторожно сложить в мешки и следовать за мной. Выложив наше «оружие» перед капитаном, показал его в действии: ближайший камень, послуживший мишенью, сразу же превратился в пылающий костер. Сдержанный Тонконоженко не удержался от похвалы:

— Молодец, лейтенант! Замечательно! А бензин откуда?

Выслушав объяснение, капитан торжественно произнес:

— Товарищ Охрименко! Объявляю вам благодарность за находчивость. Молодчина!

Довольный Охрименко гордо закручивает пшеничные усы.

Ночью фашистская разведка безуспешно пыталась добыть «языка».

Солнце еще не выкарабкалось из-за горизонта, а мы уже в тревожном ожидании. К нашему удивлению, утро было на редкость тихим. Даже ружейная перестрелка прекратилась. Лишь опять парила над позициями «рама».

Заряжающий из первого взвода, молоденький парнишка, назначенный вместо раненого Афанасия Сидоренко, схватил винтовку и, пристроив ее на бруствере окопа, стреляет по самолету, тщательно прицеливаясь. Услышав выстрелы, к нему подходит командир расчета Поливода. Обычно спокойный, он гневно вырывает винтовку из рук молодого бойца:

— Ты что, дурья твоя голова, пули понапрасну тратишь?

Парень явно не понимает, за что его ругает командир: ведь он храбро вступил в бой с вражеским самолетом. Обиженно насупившись, он сердито бурчит:

— А чего он тут летает?

— Це не твоя забота, хлопче, — смягчается старший сержант. — Зенитчики и летчики достанут германа, а из винтовки его на такой высоте не взять. Ты береги патроны, пригодятся, когда герман на тебя полезет.

Время близится к полудню. Охрименко, доложив, что пойдет раздобывать обед, исчезает. Вовсю припекает солнце, и бойцы ищут спасения, кто в тени окопа, кто под деревьями. Как гром среди ясного неба раздается орудийный залп. Прямым попаданием в блиндаж взметнуло в воздух бревна перекрытия. Дальше я уже ничего не видел: с парализующим волю воем позади наблюдательного пункта разорвалась тяжелая мина — перелет. Вторая упала почти на таком же расстоянии перед блиндажом — недолет. По всем законам артиллерийской науки следующая мина должна угодить в точку, где укрылись мы. Весь внутренне сжимаюсь. Но, к великой моей радости, третья и последующие мины взрываются в стороне. Облегченно вздыхаю, поняв, что огнем управляет, видимо, такой же новоиспеченный минометчик, как и я.

От беспрерывных разрывов земля вздрагивает, сотрясаются бревна перекрытия, и песок дождем сыплется на головы. Мой ординарец забился в угол. Хома Сусик накрылся плащ-палаткой, но не отрывает от уха трубку полевого телефона. Меня тревожит отсутствие Стаднюка.

— Где младший политрук?! — кричу Стогову.

Тот, не расслышав вопроса, непонимающе глядит на меня.

— Где младший политрук? — повторяю громче.

Стогов выпрямляется и, приложив руку к каске, докладывает:

— Ушел за газетами. Звонили из батальона, сообщили, что привезли армейскую «За честь Родины»...

Узнаю Стаднюка: если появляется возможность сообщить бойцам фронтовые новости, преград для него не существует. Выглядываю в амбразуру, стараясь что-нибудь разглядеть. Просвистевший над ухом осколок заставляет присесть. Вскоре сквозь треск разрывов доносится новый звук — равномерно нарастающий прерывистый гул: в небе фашистские бомбардировщики.

«Юнкерсы», пикируя, включили мощные сирены. Надо признаться, что этот дикий вой труднее вынести, чем свист падающих бомб. Взрывы бомб, снарядов и мин слились воедино. Кажется, барабанные перепонки не выдержат. Отбомбившись, «юнкерсы» улетели. Сразу стало несколько легче. Вскоре утихла и артиллерийская канонада. Нужно посмотреть на последствия бомбардировки и обстрела, да и людей ободрить. Протискиваюсь в узкий лаз блиндажа, в котором размещались минометчики лейтенанта Воронова. С удивлением слышу раскаты смеха. Это так неожиданно: после кошмара, происходящего снаружи, беззаботный смех людей, только недавно переживших боевое крещение. Войдя в блиндаж, наступаю кому-то на ногу и в ответ выслушиваю такую замысловатую брань, что на секунду немею.

— Кто это распускает язык?

Смех мгновенно обрывается, а «мастер художественного слова», узнав меня, затаился. Молчание прерывает Сероштан:

— Товарищ лейтенант, это Павло Степушкин с переляку[1]: подумал, що герман на него наступил. — И снова землянка сотрясается от дружного смеха.

Василь, как ласково звали Сероштана друзья-шахтеры, не терял чувства юмора.

— Раненые есть, Сероштан?

— Нет, товарищ лейтенант, пока никого не царапнуло: дюже добрые укрытия.

В голосе сержанта слышу шутливые нотки.

— Только, может, ногу Павло вы повредили, и он теперь тикать от германа никак не сумеет, будет насмерть стоять, а вернее, сидеть на позиции.

И снова его слова вызывают дружный взрыв смеха. Но эти «взрывы» приятно слушать. На мой вопрос о состоянии миномета Сероштан показал рукой в угол:

— Ствол и тренога здесь, а плита на позиции: ей мины не страшны.

— Смотрите, сержант, — предупреждаю я, покидая блиндаж, — не опоздайте открыть огонь.

— Будьте покойны, товарищ лейтенант, не проморгаем.

На позиции второго взвода фугасный снаряд развороти блиндаж. Лейтенант Степанов в надвинутой на лоб каске энергично распоряжается. Группа бойцов быстро расчищает полузасыпанный вход. Заметив меня, Степанов хочет доложить о случившемся, но я машу рукой: и так все ясно.

---

[1] С испугу.

Едва вход был расчищен, в него юркнул шустрый командир взвода, но, видно, столкнулся с кем-то и попятился. Из блиндажа на коленях выполз командир расчета Мишин. Увидев столпившихся красноармейцев, он покачал головой и что-то тихо сказал. Никто его не расслышал. Следом за Мишиным выбрались еще двое: наводчик Федор Толконюк и заряжающий Федор Браженко. Приказываю немедленно увести их в уцелевший блиндаж. Однако под обвалом остались еще трое. Вот появился один из спасателей. Он помогает вылезти двум бойцам. По высокому росту и узким плечам угадываю в одном из них подносчика мин Василия Шлевко. Его буквально выкопали из груды осыпавшейся земли. К счастью, лицо Василия оказалось на поверхности, поэтому он не задохнулся. Третьего вытащить не удалось: он погиб под обрушившимися бревнами.

Пробираясь по ходу сообщения, натыкаюсь на пострадавших минометчиков. Они старательно отряхивают с обмундирования землю, протирают платками посеревшие лица. Увидя Браженко, припоминаю, что именно сегодня мы думали рассмотреть на ротном собрании его заявление о приеме в партию.

— Ну что, Федор Мефодьевич, — участливо спрашиваю Браженко, — придется отложить ваше заявление до более удобного момента?

— Это почему, товарищ лейтенант? — удивился сразу пришедший в себя Браженко. — Того и гляди, герман или меня на тот свет спровадит или моих поручителей... Может, успеем до атаки, а?

— Ладно, посмотрим, что скажут замполит и парторг! — кричу я сквозь грохот новых разрывов. — Может, и успеем принять тебя в партию. — Я поворачиваю на свой НП.

На наблюдательном пункте собрались все члены ротной парторганизации. Стаднюк как ни в чем не бывало сидит у маленького столика, врытого в землю, и раскладывает газеты «За честь Родины». Несмотря на ураганный обстрел, он принес-таки газеты в роту.

— Надо было подождать, Иван Афанасьевич, — укоризненно говорю я, увидев засученный по локоть левый рукав и свежую марлевую повязку, на которой проступило кровавое пятно.

— А-а! — махнул он рукой. — Неизвестно, когда все это кончится.

Я рассказал о случившемся во взводе Степанова и о желании Браженко, чтобы его заявление рассмотрели безотлагательно. Стаднюк загорелся:

— Так пусть идет! Чего же он ждет? Стогов, беги, кличь его сюда.

Браженко протиснулся в блиндаж и остановился, сняв с головы каску, выжидающе поглядывая на замполита.

— Садитесь, Федор Мефодьевич, — предложил Стаднюк. — А ты, парторг, открывай собрание.

Лысов будничным тоном, словно открывал собрание шахтерской бригады после трудового дня, объявляет повестку дня. Стаднюк

спрашивает у Браженко, почему он раньше не вступал в партию. Тот молчит, перекидывая каску из руки в руку, потом обводит взглядом присутствующих и торжественно говорит:

— Без партии большевистской не можно победить! Я хочу быть в ее рядах, когда наша радяньска Батькивщина в опасности!

Браженко был старательным, исполнительным бойцом, но не отличался многословием, все делал молча. Сейчас, видимо, впервые он говорил столь торжественно. Смутившись своего невольного порыва, он опускает голову.

Парторг, придерживаясь установленного порядка, обращается к поручителям, знавшим Браженко еще по совместной работе в шахте. Они заверили, что Федору Мефодьевичу давно пора быть в партии, что работал он прежде и воюет теперь, как и подобает коммунисту.

Единодушно проголосовав за нового кандидата в члены партии, коммунисты горячо поздравляют Браженко, а тот в ответ, часто шмыгая от волнения утиным носом, повторяет:

— Спасибо за доверие. Спасибо!

Смотрю на смущенного общим вниманием Браженко, на его лицо, освещенное счастливой улыбкой, и невольно вспоминаю, как меня принимали в ряды партии. Мой отец, Терентий Дмитриевич, узнав, что я собираюсь подавать заявление, сказал:

— Подумай, сынок, не рановато ли. Коммунисты — особые люди. Они всегда и везде впереди, потому как пример должны подавать нам, беспартийным... Есть людишки, как, к примеру, мой кум Степка Агафонов. Летом тридцать первого, когда нас агитировали за колхозы, он предложил: «Давай, Терентий, в партейные запишемся. Болтают, што всех беспартейных раскулачивать будут, а их имущество отдадут партейным. Вот мы с тобой и поднаживемся...» Я его, конечно, отматерил по-нашенски, по-сибирски. Однако себя я считал для партии непригодным, потому как привержен был к частной собственности: до страсти любил коней!.. Да и... выпивал малость... Идя в партию, надо думать, какой из тебя коммунист выйдет, сможешь ли ты народ за собой повести. Вот так-то, сынок, взвесь все, прежде чем заявление подавать. И если кишка у тебя не тонка, в таком разе — шагай в партию, благословляю.

Задумался я над словами отца, заколебался: знал, что у меня есть еще много недостатков. Поделился своими сомнениями со старым коммунистом Филиппом Миновичем Жуковым, который давал мне рекомендацию.

— Это хорошо, парень, что сознаешь свои недостатки. Но ведь на то и срок кандидатский дан: ликвидируешь их и обретешь право называться коммунистом... А если у тебя нет непреклонной убежденности в величии целей нашей партии, нет силы воли, чтобы бороться за коммунизм, то не засоряй ее ряды. Колеблющимся не место среди коммунистов...

Когда после собрания коммунисты поздравляли меня, я, как и Федор Браженко сейчас, счастливый и смущенный, повторял: «Постараюсь оправдать доверие». А оправдать доверие, как мне каза-

лось, не так просто. По молодости я считал, что доказать преданность идеям коммунизма можно только в боях с врагами. Это убеждение привело меня к решению служить Родине с оружием в руках.

И вот теперь я прошел боевое крещение. А в душе — тревога: оправдываю ли я оказанное мне доверие? Могу ли с чистым сердцем считать себя коммунистом? Я по-прежнему недоволен собой: испытываю страх в бою, огромным усилием воли заставляю себя идти вперед, когда вокруг свистят пули и осколки, вид танков рождает желание спрятаться в какую-нибудь нору. Неужели я трус? От этой мысли острое чувство стыда охватывает меня, и я смущенно оглядываюсь: не догадываются ли боевые друзья, какие постыдные сомнения терзают мою душу?

После собрания, не выдержав, я отозвал Стаднюка в сторону и, краснея, спросил:

— Иван Афанасьевич! Тебе не бывает страшно, когда нас бомбят, когда вокруг свистят осколки и пули, когда фашистские танки атакуют?

— Страшно! — искренне признался Стаднюк и неожиданно улыбнулся: — А кому не страшно?.. Никто не хочет умирать.

У меня отлегло от сердца: Ивана Афанасьевича я считал храбрым человеком. В этом я убедился, наблюдая за ним в бою...

Больше часа фашистская артиллерия и минометы перепахивают нашу оборону. Артиллерийская канонада то затихает, то снова усиливается. Снаряды и мины не дают высунуть голову из укрытия. А в воздухе продолжается ожесточенный бой. Краснозвездные самолеты сквозь плотное прикрытие фашистских истребителей ухитряются прорываться к бомбардировщикам и вынуждают их сбрасывать бомбы куда попало. Один из сбитых фашистских бомбардировщиков рухнул перед передним краем нашей обороны и разметал проволочные заграждения.

Мы с замиранием сердца следили за воздушным боем, когда по окопам прокатилось:

— Танки! Танки!

Приземистые стальные коробки издали кажутся игрушечными. Они приближаются к нашему переднему краю. За ними прячутся пехотинцы. Ориентируясь по пристрелянным на местности точкам, подаю команду открыть огонь по пехоте. Выстрелы следуют нечасто, зато мины ложатся удивительно точно. Я с удовольствием отмечаю, что командиры расчетов бережнее расходуют мины. Несколько мин разрываются в цепи атакующих. Вот танки вползают на минное поле и два из них замирают с разорванными гусеницами, остальные поворачивают назад.

Так заканчивается первая атака.

Вскоре снаряды и мины вновь перепахивают землю. Огневой налет длится двадцать минут. Снова есть попадания в блиндажи. Снова откапываем полузасыпанных бойцов. Ходы сообщения во многих местах обвалились. Гибель минометчиков болью отзывается в сердце.

Снаряды и мины продолжают перепахивать позиции батальона. Беспрерывный свист осколков вынуждает всех распластаться на дне окопов. Но новые тревожные возгласы «Танки! Танки!» подбрасывают меня с земли, и, позабыв о пулях и осколках, продолжающих со свистом рассекать воздух, я пристально вглядываюсь вперед. На этот раз танки под прикрытием ураганного минометного и артиллерийского огня выстроились в две колонны и втянулись в коридоры, проделанные танками в ходе предыдущей атаки. С тревогой смотрю в сторону огневых позиций батальонных пушек. Они скрылись в облаках пыли и дыма, поднятых разрывами вражеских снарядов и мин. Казалось, что и железо расплавится в этом огненном вихре. И вдруг сердце мое радостно забилось: с огневых позиций батальонных пушек донеслись характерные для сорокапяток пронзительные выстрелы. Один за другим вспыхнули четыре танка. Остальным пяти все же удалось проскочить на позиции стрелковых рот. К счастью, наша артиллерия поставила столь плотную огневую завесу перед фашистской пехотой, что она не смогла прорваться вслед за танками. Постарались и мои минометчики: они так увлеклись, что израсходовали все мины. Однако я ни словом не попрекнул командиров взводов за такое расточительство, ибо цель была достигнута: фашистская пехота отступила, а танки, прорвавшиеся на позиции стрелковых рот, догорают. Я с радостью убедился, что бутылки с горючей жидкостью, которые прислал батальону полковник Бурч, и «скляпки» старшины Охрименко, наполненные бензином, помогли нашим пехотинцам.

Вечерние сумерки и едкий дым, повисший в раскаленном июльском воздухе, чрезвычайно затруднили наблюдение за полем боя. Стало еще тревожнее: казалось, что вот-вот из темной завесы выскочат уцелевшие фашистские танки и начнут утюжить наши позиции. Опасения мои не оправдались. Когда стемнело, наступило затишье. Лишь на левом фланге батальона продолжалась пулеметная дуэль. Всезнающий Охрименко, доставив очередную партию мин, с нескрываемой тревогой доложил, что на стыке батальона с соседним стрелковым полком фашистам удалось вклиниться в нашу оборону на шестьсот — восемьсот метров, на командно-наблюдательный пункт капитана Тонконоженко прибыли полковник Бурч и командир соседнего полка. О чем они говорили с комбатом, Охрименко не слышал, но видел, как из тыла к левому флангу нашего батальона подошли свежие роты. Сообщив об этом, Охрименко с таинственным видом заключил:

— Что-то ночью будет: ведь не зря там появился сам товарищ полковник. Может, и до нас черед дойдет, товарищ комроты? Як вы думаете?

Я пожал плечами. Неожиданно возникший рядом Стадпюк мрачно пошутил:

— Ну вот, господа немцы отправились ужинать, а там и спать залягут. Можно и нам передохнуть.

Слова младшего политрука были недалеки от истины. Немецкая пунктуальность в первые недели проявлялась и на войне: в 5 ча-

сов — завтрак, в 12 — обед, а примерно в 21 час — ужин. Поэтому с наступлением темноты становилось, как правило, сравнительно тихо.

В минометной роте в живых остался 31 человек. Девять из них, легко раненных, Охрименко привел ко мне.

— Вот, товарищ лейтенант, — сердито докладывал он, — не хотят, едят их мухи, ехать в санбат. Веди нас, говорят, к командиру. Що робить, товарищ лейтенант?

Среди «упрямцев» вижу Сероштана. У него забинтованы обе руки. Вид измученный. Подхожу к нему:

— Надо, Василий Андреевич, подлечиться, потом еще повоюешь...

— Разрешите остаться, товарищ лейтенант! — Сероштан старается принять бравый вид. — Вот тильки шею задело, а на руках... Так... це ж царапины!

Заметив мое колебание, Сероштан нахмурился:

— В расчете некому огонь вести. Стеклов убит. Степушкин ранен. Так что каждый на счету... Да и за погибших посчитаться надо.

Растроганно гляжу на бойцов и вдруг чувствую, что предательская влага туманит мой взор. Разрешил некоторым остаться в строю, а Степушкину категорически приказываю идти в медпункт. Петренко доложил, что нога у него распухла, рана загноилась. Степушкин молча прикладывает руку к пилотке и пытается повернуться кругом, но от боли едва удерживается на ногах. Я успеваю поддержать его.

— Подлечитесь и возвращайтесь. Мы еще повоюем вместе...

Степушкин отвечает крепким рукопожатием.

В третьем часу ночи на левом фланге батальона разгорелась яростная перестрелка. Беспрерывно строчили пулеметы и автоматы, в воздух взлетали ракеты. Фашисты открыли ураганный артиллерийско-минометный огонь. Лишь на рассвете он начал стихать. Не дождавшись вызова, я побежал к комбату уточнить обстановку. Капитан Тонконоженко встретил меня насмешливой улыбкой:

— Ну что, минометчик, проспал? А мы тут дали фашистам прикурить!

Из объяснений Тонконоженко я понял, что ночной контратакой соседнего полка и левофланговой роты нашего батальона вклинившиеся фашисты были выбиты. На этот раз пунктуальность подвела немцев. Ночная контратака застала их спящими. В роту возвращаюсь в приподнятом настроении: урок, преподанный фашистам, укрепил веру в наши силы. Поэтому начавшуюся в восемь часов артиллерийскую подготовку противника мы восприняли спокойно. Уверенно отразили атаку фашистской пехоты наши стрелковые роты. Минометчики помогли им метким огнем.

В десять часов неожиданно позвонил Тонконоженко. Он говорил, как обычно, кратко, не повышая голоса:

— Слушай внимательно. На стыке с левым соседом тридцать фашистских танков в сопровождении пехоты прорвались в наш тыл.

Немедленно организуй круговую оборону. Ни шагу назад. О появлении противника тотчас докладывай.

Вызвав командиров взводов, рисую сложившуюся обстановку и отдаю соответствующие распоряжения. У минометов оставляю лишь наводчика и заряжающего. Остальных отправляю в стрелковые цепи. Патроны и гранаты разделили поровну.

Едва мы успели занять круговую оборону, как с востока появились фашисты. Командиры взводов, выполняя мой приказ, подпустили их на восемьдесят—сто метров и только тогда скомандовали открыть залповый огонь. Оставшиеся в живых немцы отползают, укрываются в воронках. Затем по отрывистой команде они почти одновременно, подобно мишеням на стрельбище, поднимаются и бросаются вперед, подгоняемые высоким щеголеватым офицером в каске. Минометчики расстреливают атакующих в упор. Я тщательно целюсь и стреляю в офицера, прямо в его кричащий рот.

Уже полчаса длится перестрелка. Надо что-то предпринимать, пока к фашистам не подоспела подмога. Контратаковать не решаюсь из опасения больших потерь. Лейтенант Воронов предлагает зайти фашистам в тыл и внезапно атаковать. Мне эта идея понравилась. Однако всей ротой выполнить маневр незаметно невозможно. И мы предпринимаем попытку обмануть фашистов. Пять самых отчаянных бойцов под командованием Воронова обходят фашистов, переползая от воронки к воронке. Когда они оказались в сорока — пятидесяти метрах позади фашистской цепи, Воронов вскакивает и, бросив гранату, кричит: «Зи зинд умляуфен! Верф ди гевере!» [1] Это все, что он знал по-немецки. Вспомнив, что слово «батальон» по-русски и по-немецки звучит одинаково, лейтенант по-юношески звонко командует:

— Баталь-о-о-он! Приготовиться к атаке!

Воронов после боя в минуту откровения признался, что в этот критический момент он приготовился к самому худшему. Сердце бешено колотилось. Мгновения показались ему часами. Он уже ощущал, как десятки вражеских пуль впиваются в его тело...

Однако события развернулись совсем по-иному. Мы увидели, как немцы один за другим стали подниматься без оружия. Когда они обнаружили, что смельчаков всего шестеро, трое попытались схватить автоматы, но упали, сраженные меткими пулями. Это послужило сигналом. Вместе с остальными минометчиками быстро преодолеваю отделявшее нас от противника расстояние. Не давая опомниться, оттесняем фашистов от лежавшего на земле оружия. Возникла нелегкая задача: куда девать более тридцати пленных? Вести в тыл опасно — там идет бой. И мы решаем переправить их на участок соседа справа, где оборона не нарушена. Сопроводить пленных поручаю Охрименко с двумя бойцами. Осмотрев пленных, Охрименко хватается за голову:

— Ну и рожи, едят их мухи! Сущие бандиты! Як же я их доставлю, товарищ лейтенант? Они ж разбегутся!

---

[1] Вы окружены! Бросай оружие!

Я заколебался. Такую возможность пельзя было исключить. Однако старшина находит выход: приказывает пленным снять поясные ремни и расстегнуть брюки. Пленные не понимают его. Тогда Охрименко проделывает эту «операцию» на себе. Немцы удивленно смотрят на действия Охрименко: до их сознания никак не доходит, чего от них добиваются. Ругаясь на чистейшем украинском языке, старшина вытаскивает вперед одного из пленных, снимает с него брючный ремень и расстегивает все пуговицы и крючки. Ошеломленный немец обеими руками крепко хватается за широкие спадающие штаны, а Охрименко, сунув ему в руки ремень, удовлетворенно говорит:

— Вот так и держи... Попятно?

Пленные молчат.

На помощь старшине приходит санинструктор Сидор Петренко, слывший в роте «знатоком» немецкого. Мобилизовав свои языковые познания, санинструктор пытается объяснить действия старшины. Наконец объединенными усилиями старшины и санинструктора пленные поняли, чего от них добиваются эти чудаки русские, и с видимой неохотой выполнили приказ. Удовлетворенный предпринятыми им мерами предосторожности, Охрименко приказывает одному бойцу следовать впереди и указывать путь, а сам со вторым бойцом, держа наготове захваченный автомат, пристраивается сзади. Глядя на странную колонну, напутствуемую возгласом «Уфорвертис! Уфорвертис!» [1], минометчики дружно хохочут. Несмотря на трагичность обстановки, картина была действительно забавной: пленные, держась обеими руками за штаны, бегут, подгоняемые грозными криками сердитого усатого старшины.

Когда пленные скрылись, ко мне подошел Петренко.

— Товарищ лейтенант, — доложил он, — один пленный сказал, что их офицер объявил: требуется еще небольшой нажим — и русские побегут.

— Ну а ты что ему ответил?

— Понимаете, товарищ лейтенант, мне слов не хватило, и я поднес ему вот это. — Наш доморощенный «переводчик» показывает свой увесистый волосатый кулак. — Фашист, я думаю, понял мою мысль.

Пленение группы фашистов, осуществленное без потерь, взбудоражило бойцов. Изнуренные, потные лица их просветлели, послышались шутки. Теперь я мог бы повести их в атаку на целый фашистский батальон, они не заколебались бы.

Бойцы спокойно и деловито оборудуют окопы, готовясь к отражению новых атак. Я смотрю на них и не узнаю. Еще месяц назад они робели перед каждым боевым выстрелом. Как же они изменились за этот короткий срок! Дни боев оставили неизгладимый след на их лицах. У некоторых в волосах забелели серебряные нити. И чем старше возраст, тем заметнее эти следы. Одно радовало:

---

[1] Искаженное немецкое слово «форвертс» — вперед.

бойцы окрепли духом, а на смену глубоко затаенному страху перед превосходящим и всесокрушающим врагом пришли ненависть и уверенность в собственных силах.

Избавившись от незваных и опасных в столь неясной обстановке «гостей», осматриваю позиции, на которых минометчики приготовились отразить очередную вылазку фашистов: ведь бой в нашем тылу не утихает. Сквозь уханье орудий прорываются короткие пулеметные и автоматные очереди. Обстановка становится все тревожнее. Атака с тыла может повториться в любой момент. Мы со Стаднюком обходим бойцов. Вокруг Степана Поливоды собралась группа минометчиков. Внимательно оглядывая местность, командир расчета поучает:

— Вы, хлопцы, фашистов не бойтесь. Лежи, будто ты их в кино видишь, и спокойно бей на выбор. Не думай, что их много. Как только ты так подумаешь, у тебя сразу задрожат руки. Всех перестрелять не требуется. Достаточно меткими выстрелами уложить ихних командиров, остальные сразу залягут. У них тоже расчет на то, что мы спаникуем. Вот и палят куда глаза глядят. На испуг берут, а нас так не возьмешь.

Заметив нас, старший сержант прерывает рассказ и, вытянувшись, докладывает, что у него в расчете все в порядке. Неожиданно появляется Тонконоженко, опирающийся на толстую суковатую палку. Одна нога капитана обута в изящный хромовый сапог, а на другой — солдатский ботинок. Через распоротую штанину синих галифе белеет повязка. С комбатом пришли три десятка бойцов и командиров.

— Вы ранены, товарищ капитан? — встревоженно спрашиваю я.

— Ничего, кость не задета.

За последние дни я искренне полюбил этого неунывающего и спокойного человека, на которого невольно хотелось быть похожим. Иван Петрович лет на восемь старше меня, и я смотрю на него, как школьник на обожаемого учителя. Все в нем покоряет: и образцовая выправка, присущая кадровому командиру, и блестящая эрудиция. Беседуя с ним, я всегда убеждаюсь в его превосходстве над собой. Но главное — Тонконоженко бузукоризненно выдержан: в эти нелегкие дни я ни разу не заметил на его лице ни тени растерянности, словно он заранее все предвидел. Иван Петрович был, безусловно, храбрым человеком, но никогда не бравировал и не любил тех, кто без нужды лез под пули. Я оказался свидетелем нагоняя, полученного от него за бесшабашность командиром взвода связи лейтенантом Жердевым. Увидев, как тот под свист пуль не спеша шагает к наблюдательному пункту, небрежно сбивая самодельной тросточкой одуванчики, капитан покраснел, что было признаком нарастающего гнева. Выслушав рапорт Жердева, доложившего о восстановлении связи с соседним батальоном, Тонконоженко сказал ледяным тоном:

— Если я еще раз увижу вашу преступную браваду, лейтенант, отдам под трибунал!

Лейтенант, не ожидавший такого разноса, растерялся, а капитан, приблизившись к нему вплотную и опустив руку на его плечо, укоризненно добавил:

— Запомните, Жердев: истинно храбрые люди не подставляют без надобности голову под пули. Храбрость — это высшее проявление силы человеческого духа во имя достижения какой-нибудь благородной цели. Ради этого можно пожертвовать собственной жизнью. А тот, для кого жизнь — копейка, бесшабашный и, по-моему, вредный для коллектива человек.

Весть о нагоняе, полученном Жердевым, быстро распространилась в батальоне и предостерегла нас, молодых командиров, от ненужной бравады.

Достав из планшета карту и развернув ее, Тонконоженко сказал:

— Смотри сюда, лейтенант. Пехота и танки, прорвавшиеся левее позиций нашего батальона, остановлены и уничтожаются подоспевшими резервами соседней дивизии. На моем КНП [1] побывал недавно полковник Бурч вместе с командиром соседней дивизии. Они сообщили, что КП [2] соседнего стрелкового полка атакован батальоном пехоты и танками противника. Мне приказано взять из батальона всех, кого можно, и совместно с комендантской ротой и артиллерийской батареей соседней дивизии уничтожить противника. Я собрал тридцать два человека, больше взять неоткуда. Снимай свою роту и следуй за мной...

Оставив два миномета под охраной двух бойцов, забираем остальные с двадцатью минами, весь запас гранат и бутылок с бензином и спешим вслед за комбатом к высоте, заросшей кустарником, из-за которой доносится стрельба. В низине соединяемся с комендантской ротой и батареей из четырех пушек. Пробравшись через кустарник, видим в полутора километрах перед собой небольшую деревушку, которую обстреливают фашисты. Два догорающих танка стоят в сотне метров от деревни, чадя смолистым дымом. Остальные десять укрылись в низинах и ведут редкий огонь. Им отвечают из деревни орудия, настолько хорошо замаскированные, что мы никак не можем определить, где же они находятся.

— Откуда на КП противотанковые орудия? — удивляется комбат, изучая в бинокль расположение сил противника. — Командир дивизии не сказал, что у окруженных есть артиллерия.

— Это сорокапятки стреляют бронебойными, — пояснил сухощавый старший лейтенант, командир батареи. — Они-то и напугали фашистов. Если бы не они, танки давно бы проутюжили деревушку.

Тонконоженко, не опуская бинокля, распорядился:

— Командир батареи! Скрытно установите орудия в густом кустарнике на южном, западном и восточном скатах. Замаскируйте их. Первыми должны открыть огонь орудия южного ската. Если танки двинутся к южному скату, остальные орудия бьют по ним флан-

---

[1] Командно-наблюдательный пункт.

[2] Командный пункт.

кирующим... — Он помолчал и добавил: — Если даже танки не пойдут на нас, они вынуждены будут вступить в огневую дуэль с нашими орудиями, и им будет уже не до штаба полка. А пехота, оказавшись между двух огней, без поддержки танков атаковать не посмеет...

Потом Тонконоженко подозвал к себе командира комендантской роты:

— Товарищ капитан! Задача вашей роты прикрыть артиллеристов от пехоты. Окопаться впереди орудий и стоять насмерть.

Командир роты, пожевав губами и погладив вислые черные усы, хриплым, прокуренным голосом заявил:

— Рота окопаться не может: не имеет саперных лопаток...

— Применяйтесь к местности. — Тонконоженко с досадой процедил сквозь зубы: — Тоже мне, вояки! — Потом приказал нам выделить комендантской роте по десять малых саперных лопат и закрепляться: высокому, широкоплечему и краснощекому лейтенанту — справа от комендантской роты, а мне с минометчиками — слева.

Фашисты, видимо, нас еще не обнаружили. Из люка одного танка взметнулись в небо три красные ракеты, и танки дружно поползли на деревушку. Танкисты и не подозревали, что, маневрируя, подставляют бортовую броню — ахиллесову пяту своих машин — под огонь наших орудий. И артиллеристы, воспользовавшись этим, вопреки замыслу комбата выстрелили сразу из всех четырех орудий. Один танк задымил. У другого распласталась гусеница. Остальные заметались по полю. Вдруг танк, из которого были выпущены ракеты, а за ним еще пять развернулись и, набирая скорость, устремились на нас. За танками перебежками движется пехота. Оставшиеся на месте танки продолжают вести дуэль с орудиями, находившимися в деревне.

Я смотрю на неумолимо надвигающиеся приземистые танки, а подленький страх, затаившийся где-то в глубине души, нашептывает: «Эх ты, Аника-воин! Ну что вы можете поделать с этими бронированными чудищами! Лежите на открытом месте, окопаться и то как следует не успели. Вот сейчас эти стальные махины, грохочущие, изрыгающие из пушечного жерла смертоносные снаряды, вдавят вас в землю. Бегите, безумцы, спасайтесь, забейтесь в какую-нибудь нору...» «Вот как рождается танкобоязнь! — мелькнуло в сознании. — Ее вызывает неверие в собственные силы. Не преодолеешь эту боязнь, и страх сорвет тебя с места в поисках спасения, а за тобой, не рассуждая, побегут другие. Нельзя допустить, чтобы паника вспыхнула в наших рядах: бегущие в беспамятстве люди — отличная мишень для пулеметов».

С беспокойством посматриваю на позиции еще не обстрелянной комендантской роты. «Держитесь, голубчики, — мысленно молю затаившихся бойцов, — не так страшен черт, как его малюют!» Ожидание невыносимо. Хочется что-то немедленно предпринять. Неожиданно для себя срываюсь с места и молниеносным броском перебегаю к лежавшим впереди минометчикам. Хочу убедиться, что они готовы к встрече с танками. С разбегу уткнувшись головой в бугор,

перед которым вскипела пулеметная очередь, кричу, стараясь придать голосу уверенность:

— Не робей, хлопцы! Фашистов даже за толстой броней трясет от страха перед нами! Видите, как они осторожно крадутся!

— А мы и не робеем,—усмехается Сероштан.—Мне вот Хведора Мефодьевича обеими руками приходится держать за ноги, а то он, як тигра, рвется на танк. Я его уговариваю: не растрачивай, куме, понапрасну силы, потерпи трошки, и зверюга сама прикатится до нас, тут ты ее и поджаривай...

Заметив удивленный взгляд Федора Браженко, Сероштан шутливо вцепился в его огромные кирзовые сапожища, умоляюще кричит:

— Да не спеши ты, Хведор Мефодьевич, ну потерпи трошки — танк сам сейчас приползет!

Под дружный смех товарищей Браженко со всей серьезностью старается вырвать свои ноги из рук Сероштана.

— Да отстань ты от меня, товарищ сержант! — возмущается он.— Никуда я не рвусь, лежу спокойно! Ей-богу, товарищ комроты! — Браженко машинально перекрестился.

— Ай-яй-яй, Хведор Мефодьевич! — укоризненно качает головой Сероштан. — Как же это ты скрыл от нас при вступлении в партию, что от поповского дурману еще не освободился?

— Да освободился я, отстань, сучий сын! — всерьез обозлился Браженко. — Это я по привычке.

Возвращаюсь к Стаднюку, который встречает меня укоризненным взглядом:

— Ну что ты, Александр, носишься под пулями?

Выслушав мой рассказ о настроении бойцов, он заметил:

— Когда люди способны шутить, за них можно не беспокоиться.

А тем временем фашистские танки снова осторожно двинулись вперед. И снова мы сосредоточили весь огонь на перебегающей пехоте. Она залегла, но танки продолжают надвигаться. Видя, как снаряды, высекая искры, отскакивают от лобовой брони, машинально подтягиваю к себе бутыль с бензином — единственную надежду на благополучный исход при встрече с танком. И в этот момент кто-то из лежавших справа от меня вскочил и, завопив истошно «Спасай-ся-а! Раздавя-а-ат!», побежал.

— Стой! Назад! — кричу я, не узнавая своего голоса.

Знаю, что искру паники надо погасить, пока она не разгорелась, пытаюсь нажать курок, но палец не повинуется, словно окаменел. Как трудно стрелять по своему бойцу! Но меня опередили фашисты: паникер упал, сраженный их пулеметной очередью.

Однако в расположении комендантской роты один за другим вскакивают бойцы и под пулеметным огнем бегут вверх, к кустарнику. Лишь одному удается добежать.

Когда танки приблизились на триста — триста пятьдесят метров, с флангов по ним ударили замаскированные орудия. И следующую сотню метров сумели преодолеть только четыре машины. Три из них двигались на позицию, где залегли бойцы нашего батальона, а

одна — на остатки комендантской роты. В этот критический момент навстречу танкам поползли три человека. С позиций, которые занимали бойцы нашего батальонного резерва, кто-то быстро передвигался вперед по-пластунски. В двух других без труда узнаю неразлучных Федоров — Толконюка и Браженко. Длинный, тощий Браженко по-змеиному извивается, ни на сантиметр не отрываясь от земли. Я не могу отвести взгляд от этих шагнувших навстречу смерти людей. Ведь трудно рассчитывать уцелеть в поединке с танком. Они, конечно, понимают грозящую им опасность. Понимают — и все-таки пошли. Без приказа. По велению долга.

Расстояние между смельчаками, которых маскирует высокая трава, и танками быстро сокращается. Вот вскочил Федор Толконюк. Размахнулся. И тут же его поднятая рука бессильно упала. Стараясь удержать связку, Толконюк опустился на колени, не поднимаясь, рванулся навстречу танку и, как мне показалось издали, с особой аккуратностью положил связку под гусеницу... Облако взрыва на мгновение скрыло бойца. Танк, по инерции прокатившись несколько метров, закрутился на месте.

Вдруг машина, наперерез которой полз Федор Браженко, резко вильнула вправо. Донкихотовская фигура Браженко развернувшейся пружиной взвилась с земли. Путаясь длинными ногами в траве, солдат побежал вдогонку за танком. Потеряв, видимо, надежду догнать его, Браженко обеими руками швырнул тяжелую связку и, теряя равновесие, распластался на земле. Рядом с танком взвилось облако взрыва, но он продолжал двигаться. Уклонившись вправо, он обошел минометчиков и теперь несся прямо на бугорок, за которым я основал свой наблюдательный пункт.

— Ну, Иван Афанасьевич, наступает наша очередь. Не посрамим земли русской! — крикнул я, ощущая, как испуганной птицей ворохнулось в груди сердце.

— Не посрамим, Саша, — улыбнулся заметно побледневший Стаднюк и продекламировал: — «Судьбою нам дано лишь два исхода: иль победить, иль с честью пасть в бою!» — В минуту опасности Иван Афанасьевич почему-то всегда читал стихи.

Неожиданно танк снова взял правее. Он явно спешил к замаскированной там пушке.

«Надо перехватить его!» — мелькнула мысль. Не сводя глаз с танка, пытаюсь нащупать бутыль с бензином и не обнаруживаю ее. С недоумением поворачиваю голову и вижу, как Стаднюк, вырвав бутыль из рук Миши Стогова, пополз вперед, тяжело волоча ее по земле, словно муравей сосновую иглу. Едва успеваю схватить Ивана Афанасьевича за ногу. Он сердито оборачивается:

— Пусти, Саша! Не задерживай!

— Куда?! — кричу я. — Ты же ее не забросишь!

Пока Стаднюк пытается освободить ногу, Миша Стогов мышью проскальзывает мимо него и на ходу неожиданно выхватывает бутыль.

Прекратив спор, мы с волнением следим за ординарцем, который

ужом полз наперерез танку. В сорока или пятидесяти метрах от него Миша вдруг уткнулся головой в землю.

— Убили беднягу! — горестно вскрикивает Иван Афанасьевич.

Молча всматриваюсь в неподвижного ординарца. Фашистский танк осторожно наползал на него. Мысленно представляю, как тяжелая гусеница вдавит сейчас тело Миши в землю, и в бессильной ярости царапаю ногтями ссохшуюся землю, с трудом сдерживаясь, чтобы не вскочить и с воплем не броситься навстречу стальной махине. И все-таки какая-то неистовая сила подбрасывает меня. Я бегу к распластанному телу Миши Стогова в надежде схватить заветную бутыль. Чем-то горячим обожгло бок. Споткнувшись, с разбегу рухнул в траву. Рядом, чертыхаясь, распластался Стаднюк.

— Жив, Саша?! — Увидев мое потное лицо, он сердито проворчал: — Куда тебя нечистая несет? Мы же на мушке у пулеметчика.

Осторожно осматриваюсь и облегченно вздыхаю: справа ярким пламенем горят три танка, а по направлению к нам стремительно, по-заячьи виляя, бегут сержанты Поливода и Сероштан. Поливода держит наготове связку гранат, а Сероштан — бутылку. Не успели они сделать и двух десятков шагов, как упали словно подкошенные.

— И этих убили! — горестно воскликнул Стаднюк и тут же закричал: — Смотри! Живой! Миша живой!

Взглянув на приближающийся танк, я увидел, как за несколько секунд до того, как сверкающая на солнце, отполированная на российских дорогах гусеница фашистского танка накрыла место, где лежал Стогов, он стремительно откатился вправо и замер между гусеницами надвигавшейся машины. Мне было уже известно, что механики-водители фашистских танков обычно делали разворот вокруг оси на том месте, где они замечали советских бойцов. Невольно зажмуриваюсь, чтобы не видеть, как танк «танцует» на теле моего ординарца. А когда открыл глаза, увидел, что танк, не задерживаясь, идет на нас. Выдержка Миши Стогова спасла ему жизнь: механик-водитель, видимо, счел его убитым или тяжелораненым и поэтому не предполагал, что тот может ускользнуть из-под гусениц. Теперь фашист стремился и нас вдавить в землю. Вдруг над ним взметнулся гигантский факел. Машина скрылась в дыму и пламени горящего бензина. Молодец Миша! Мы со Стаднюком вскакиваем и бросаемся к горящему танку. Почти машинально срезаю из автомата фашиста, выскочившего из распахнувшегося люка башни. Вторая голова, в танковом шлеме, вынырнувшая из люка, словно сбитый палкой репей, проваливается обратно. Обежав танк, натыкаюсь на Мишу Стогова. Он морщится от боли, которую ему причиняет огромная царапина, видневшаяся сквозь разорванные на спине гимнастерку и нательную рубашку. Видно, его зацепило каким-то острым выступом на днище танка. Падаю рядом с Мишей и, осторожно ощупывая его, радостно и изумленно повторяю:

— Живой?! Живой, Миша?!

— Так точно, живой, товарищ лейтенант, — отвечает Миша не совсем уверенно.

— Почему без разрешения утащил бутыль, товарищ Стогов? — нарочито строгим голосом спрашиваю я, стараясь сдержать улыбку.

Хитрая усмешка скользнула по губам ординарца.

— Так вы же, товарищ комроты, постоянно наказываете, чтобы мы проявляли инициативу!

— Правильно говоришь, товарищ Стогов!—крикнул подбежавший Стаднюк, ласково поглаживая Мишу по руке. — Инициатива в бою нужна. — Потрясая револьвером, добавил: — Я вот сейчас еще одного фашиста уложил: не дал ему ускользнуть через аварийный люк.

Недоверчиво смотрю на своего ординарца и с восхищением думаю: «Неужели это наш тихоня Стогов? А я-то беспокоился, что его нервы сдадут в ожесточенных схватках». И мне невольно припомнились слова капитана Тонконоженко, поучавшего, что истинно храбрым человеком может стать только тот, у кого высоко развито чувство долга.

Помогая Стогову, мы поползли к бойцам, которые метким прицельным огнем не давали фашистской пехоте продвигаться вперед.

Все шесть атаковавших нас танков подбиты. Но эта победа досталась нам дорогой ценой. Двадцать два человека потерял в этой схватке наш батальон. Оба миномета были разбиты прямыми попаданиями снарядов. Три орудия уничтожены. Одну пушку вместе с артиллеристами танк вдавил в землю. Но сам он стоял без башни, ее снесло взрывом: артиллеристы соседнего орудия сумели отомстить за погибших товарищей.

Капитана Тонконоженко нахожу за одним из подбитых танков, его перевязывает наш Петренко. Бинтуя рану, он приговаривает:

— Ничего, кость цела, скоро заживет. Все будет в порядке. Медицина не подведет.

— Везет мне! — невесело усмехается комбат. — Хоть не в башку попала пуля, а только в руку. К счастью, в левую. — Дождавшись конца перевязки, продолжает: — Атаковать противника оставшимися силами мы не можем: и сами погибнем, и задачу не решим. Будем держать фашистов под огнем, не давая им атаковать штаб полка.

Предвидение командира батальона оправдалось: пехота и уцелевшие танки, не решаясь возобновить атаку на деревню, ведут огонь по высоте, на которой окопались мы.

— Набираются храбрости для атаки, — говорит Тонконоженко.

Со стороны перелеска, что к востоку от деревни, все слышнее орудийные выстрелы и пулеметные очереди. Обнаруживаю там медленно продвигающиеся в сторону деревни танки. Они ведут огонь с коротких остановок. За ними перебежками отходит пехота. Капитан Тонконоженко с удовлетворением констатирует:

— Вот все, что осталось от прорвавшихся тридцати танков!

Немцы приблизились к деревушке. Оттуда по ним ударили из пулеметов и орудия. Это вынуждает их обтекать деревню с двух сторон. Как только ближайшая группа фашистских танков поравнялась с нами, мы открываем огонь. Один танк загорается, уцелевшие, бросив на произвол судьбы пехоту, ускоряют ход. Фашистские солдаты панически бегут следом. За отступающими появляются десять совет-

ских танков. За ними, немного отстав, широкой цепью наступают пехотинцы.

— Ну, теперь и мы можем ударить! — Лицо комбата светлеет. Он разрешает артиллеристам израсходовать все оставшиеся снаряды.

Поддержанные огнем уцелевшего орудия, мы бросаемся в атаку. Капитан некоторое время старается быть впереди, но мы обгоняем его. Фашисты, атакуемые с двух сторон, оказывают неорганизованное сопротивление.

К шести часам вечера уцелевшие четыре танка и остатки пехоты были выбиты с наших позиций.

Мы собрали останки погибших товарищей, чтобы с воинскими почестями предать их земле. Ровным рядом уложили их на разостланных шинелях у края братской могилы. Окидывая прощальным взглядом погибших, я особо пристально вглядываюсь в лица лейтенанта Степанова и сержантов Мишина, Лунина и Плитняка. И тревожная мысль сжала сердце: «Как короток наш боевой путь, братцы! Ведь у края могилы мог оказаться сегодня и я».

Лейтенант Воронов поднимает худенькое тело Степанова, бережно опускает его в яму рядом с другими погибшими, закрывает лицо друга носовым платком и, сняв каску, горестно шепчет:

— Прощай, Паша!

Звучит троекратный боевой салют. Прощаясь с товарищами, кидаем горсти сыпучей земли. На глазах у многих слезы.

На свои огневые позиции возвратились семнадцать минометчиков. Нас встречает печальный Охрименко. Из командиров взводов уцелел лишь Воронов. Даже этот закаленный спортсмен выглядит измученным: его красивое смуглое лицо осунулось, прямой нос заострился, а живые карие глаза окаймлены темными кругами. Жалко смотреть и на моего отважного ординарца. Видимо, давала о себе знать царапина на спине, разъедаемая соленым пóтом. Добряк старшина помогает ему снять разорванные гимнастерку и нательную рубаху.

— Ну и зацепило тебя, друже! — удивленно ахает он. — Така широка червоно-блакитна полоса на спине! — Узнав, что Стогов побывал под фашистским танком, замечает: — Слава богу, Михайло, ты счастливо отделался. Як тебя гусеницей не придавило?! Петренко, Петренко! Иде ты заховался?

Охрименко посылает Сусика разыскать Петренко, а сам достает из кожаной сумки, с которой никогда не расстается, нитки и иголку и начинает старательно зашивать дыру в гимнастерке. Закончив работу, сильными толстыми пальцами проверяет прочность шва и тщательно счищает с гимнастерки проступившую на ней соль, шутливо приговаривая:

— Ого, сколько соли, едят ее мухи! Можно суп для всей нашей роты посолить.

— А вы, Николай Федорович, соберите ее со всех гимнастерок и сдайте на пополнение запасов взвода снабжения.

— Есть, товарищ комроты, — шутливо вытягивается Охрименко, — соберем и сдадим. Но лучше зарядить солью пушку и лупануть ею по голым фашистским зад...

Как всегда неторопливо, входит степенный Петренко. Увидев его, Охрименко показывает на спину Стогова:

— Дивись, Сидор, яка штука на спине у Михайлы. Смажь ее чем-нибудь. А може, у тоби спирт е? — Старшина с тайной надеждой вглядывается в лицо санинструктора.

— Спирта нет, — сокрушенно отвечает Петренко, облизнув потрескавшиеся губы, — а йод есть.

Санинструктор внимательно осматривает и ощупывает Мишину спину.

— Ничего страшного, Стогов, — успокаивает он. — Сейчас продезинфицируем царапину йодом и наложим повязку, чтобы инфекция не попала.

Приведя себя в порядок, решаю повидаться с комбатом, чтобы выпросить у него бутылки с горючей жидкостью и гранаты, запас которых израсходован. На батальонном пункте боепитания старшине сказали, что их и в стрелковых ротах не хватает. Вспоминая перипетии сегодняшнего боя, не уверен, что минометчикам вновь не придется вплотную схватиться с фашистами. Узнав, что я направляюсь к комбату, Петренко просит раздобыть перевязочных материалов и йода.

Когда я пришел к комбату, около него суетился батальонный фельдшер, пожилой человек, работавший, по словам Петренко, до призыва сельским фельдшером около Рязани. Он осторожно снял присохший грязный бинт и, обрабатывая рану на ноге, укоризненно покачивал головой:

— Надо вам, товарищ комбат, в медсанбате полежать, а то воспалится рана и, не дай бог, отхватят вам ногу.

— Ничего, Степан Михеевич, обойдется, — успокаивает фельдшера Тонконоженко. — Уж ты постарайся, чтобы не воспалилась, обрабатывай тщательно.

— Обработаем, обработаем. — Степан Михеевич достает из сумки небольшой флакон. — Вот сейчас спиртиком протрем ее.

— Спиртом? — оживляется Тонконоженко. — Так давай его сюда! Зачем напрасно добро переводить: рану обработай йодом, а спиртом произведем дезинфекцию душевных ран. — Но, увидев малюсенький флакончик, с досадой махнул рукой: — А спирту-то у вас, Степан Михеевич, кот наплакал. Его не только на душевные раны не хватит, но и на обыкновенную царапину. — Заметив меня, комбат приветливо показывает на нары: — Присаживайся, лейтенант, докладывай, что у тебя.

Слушая мои просьбы, Тонконоженко хмурится:

— Ну где я возьму тебе бутылки и гранаты? Они и в стрелковых ротах на строгом учете. На батальонном пункте боепитания их осталось совсем мало, а завтра опять заваруха начнется.

— А если завтра вы, товарищ комбат, снова поведете минометчиков в контратаку, с чем они пойдут? С минометами? Чем встретят танки? Пусть их давят, как сегодня ребят из комендантской роты?

— Спокойно, лейтенант, спокойно. — Тонконоженко морщится от боли, которую причиняет ему фельдшер, сдирая присохший бинт с

руки. — Дрались минометчики сегодня хорошо, не возражаю...—Легкая печальная усмешка неожиданно трогает его губы. — Придется, видно, твою роту переформировать в стрелковую и держать в резерве. Кстати, сколько у тебя осталось минометов?

— Два...

— Ну какая же это минометная рота? Скорее, стрелковый взвод с двумя минометами. — Улыбка внезапно исчезает, комбат хмурится: — Ладно, дам тебе немного бутылок и гранат, только береги их. Используй разумно.

Получив у фельдшера заверение, что он обеспечит нас перевязочными материалами, возвратился в роту и немедленно послал старшину и санинструктора, чтобы они по горячим следам забрали все обещанное.

На следующий день фашисты дважды поднимались в атаку, каждый раз после сильной артиллерийско-минометной подготовки. И оба раза их атаки были отбиты. Всюду, куда достает глаз, трупы вражеских солдат. Разведчики рассказывают, что трупы офицеров фашисты убирают ценой любых жертв. Солдаты такой чести не удостаиваются: их слишком много гибнет. Но и нашему батальону победа досталась дорогой ценой: в стрелковых ротах большие потери. В третьей роте осталось в строю только девятнадцать бойцов и командиров.

Стемнело. Неторопливо осматриваю позиции, на которых завтра предстоит принять новый бой. В воздухе стоит удушливый смрад от быстро разлагающихся в июльской жаре фашистских трупов. Бойцы настолько измучены, что не стали их убирать.

Меня разыскал капитан Тонконоженко.

— И тебя надо отправлять в тыл! — огорченно воскликнул он, увидев мою забинтованную голову. — Скоро ни одного командира роты не останется в строю!

— Царапнуло надбровье. Ерунда, товарищ капитан! — Я поспешил успокоить огорченного комбата. — Это санинструктор перестарался, чтобы не загрязнилась рана.

— Слава аллаху! — Тонконоженко устало улыбнулся. — Вот что, лейтенант... Объединяй остатки третьей роты со своими минометчиками и принимай командование. — Погрозив пальцем, жестко добавил: — Обороняемый участок удержать во что бы то ни стало... На помощь не надейся.

— Есть! — без энтузиазма откликнулся я и тяжело вздохнул.

Тонконоженко, прихрамывая, подошел вплотную ко мне и с не свойственной ему нежностью сказал:

— Иди, брат, готовь людей к новым боям... И береги их и себя.

Огромные потери, которые понесли фашисты, отрезвили их. На следующий день они совершенно прекратили огонь. Наступила непривычная тишина.

Охрименко, довольный, что немцы не мешают ему спокойно раздать обед, поглаживая пшеничные усы, добродушно покрикивает:

— Давай, давай, хлопцы, рубай как следоват! На пустой живот много не навоюешь! Кому ще треба добавки?

Стаднюк, воспользовавшись передышкой, провел общее собрание оставшихся в живых коммунистов обеих рот. Подвели итоги прошедших боев. Почтили память погибших. Отметили отличившихся. С особой похвалой коммунисты отзывались об отваге и самоотверженности лейтенанта Воронова, сержантов Сероштана и Мишина.

После собрания Стаднюк, наслаждаясь необычной тишиной, мечтательно проговорил:

— Ну, комроты, кажется, остановили-таки фашиста. Может, дальше и не удастся ему продвинуться? Подойдут резервы, и... погоним мы непрошеных гостей в их фатерланд... Давай-ка посмотрим, что там пишут в нашей «За честь Родины».

Он отобрал несколько непрочитанных номеров газеты, остальные приказал Стогову разнести по взводам. Усевшись поудобнее, политрук внимательно просматривает одну газету за другой.

— Комроты, а дела-то, похоже, и взаправду налаживаются! — радостно воскликнул он, потрясая газетой. — Между правительствами СССР и Великобритании заключено соглашение о совместных действиях в войне против Германии.

На мое замечание, что это соглашение не скоро еще проявит себя, так как для его осуществления потребуется много времени, а пока нам придется сражаться в одиночку, Стаднюк с жаром возражает:

— Пусть соглашение имеет только политическое значение, но для укрепления морального духа бойцов это немаловажно. Они теперь будут знать, что Советский Союз не одинок в борьбе с фашизмом. Вот что надо будет подчеркнуть в беседах с бойцами.

Читая очередной номер газеты, Стаднюк взрывается:

— Ах какая сволочь! Какой подлый, жестокий зверь задумал мир покорить! Ты послушай, что заявляет Гитлер: «От мира человек погибает, он расцветает только от войны... Если бы евреев не было, их нужно было выдумать — только жестокость побуждает человека к движению... Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые?..»

Оторвавшись от трофейного автомата, тоже берусь за газеты. Мое внимание привлекла заметка о сообщении германского информбюро, что «в ближайшие дни сводки не будут содержать подробностей об операциях на востоке». Значит, дела на советско-германском фронте идут не так, как рассчитывали гитлеровцы.

Когда газеты были прочитаны, Стаднюк предложил:

— Пойдем побеседуем с бойцами: ведь есть о чем поговорить. Правда, не совсем понятно, каково положение на наших фронтах, но в общем-то дело ясное: везде бои идут, как и у нас здесь, не на жизнь, а на смерть.

Мы расходимся по взводам. Во взводе лейтенанта Воронова, куда теперь входили все оставшиеся в живых минометчики, бойцы сгрудились около Сероштана. Заметив меня, он прерывает чтение. Я махнул рукой: продолжай, мол. Прочитав статью, в которой рассказывалось об одном из боев в районе Витебска, Сероштан расправил плечи

и с задорной улыбкой, словно только что сам сочинил, прочел стихотворение:

Пустой барабанщик,
Запосчив и рьян,
Неделю дубасил
В пустой барабан.
Но только
Другая неделя настала,
Конец болтовне —
Барабана не стало.
Но будет фашистам
И третья неделя.
Ой, горе тебе,
Барабанщик Емеля!

— Мы показали проклятому фюреру-Емеле, где раки зимуют!— гневно воскликнул Браженко. — И еще покажем! Своими боками фашисты испробуют мать-сыру русскую землю: каждый получит по два аршина!

Когда я рассказал о бредовых идеях Гитлера, возмущенные минометчики повскакали с мест. Прибежавший на шум Стаднюк, узнав о причине возмущения, удовлетворенно улыбнулся:

— Молодцы газетчики! Взрывной материал поместили... Надо, чтобы каждый вдумчиво прочитал эту статью сам, и не один раз. Нам и раньше было ясно, против кого воюем, а теперь будем воевать еще злее!

Мы возвращаемся на командно-наблюдательный пункт. Следом за нами в блиндаж входят Петренко и боец в очках.

— Товарищ лейтенант, вот товарищ Митин, — показал Петренко на своего спутника. — До войны он был учителем немецкого языка в средней школе. Он собрал у убитых фашистов много документов и неотправленных писем. Мы просмотрели и кое-что прочитали. Из солдатских книжек можно узнать, какие части наступают против нас, а из писем — настроение личного состава.

— Ну и что же вы узнали? — спрашиваю я Митина.

— Видите ли, товарищ лейтенант, — задумчиво начал он, поправляя очки в тонкой оправе. — Судя по документам, на нашем направлении наступает пехотная дивизия, значительные силы которой прорвались на этом участке. В письмах домой солдаты и офицеры сообщают о тех местах, по которым прошли. Высказывают радость, что Германия скоро получит очень много продовольствия. Жалуются на упорное сопротивление русских, однако обещают близким скорую победу...

Постепенно возбуждаясь, Митин выхватывает из большой пачки письма и с нарастающим гневом читает выдержки из них. Слушаю потрясенный. Со школьной скамьи мне было известно, что на родине Маркса и Энгельса фашистские мракобесы сумели при поддержке финансовых и промышленных магнатов вероломно захватить власть. Но я искренне верил, что широкие народные массы им обмануть не удастся. Однако в письмах не только офицеров, но и простых солдат — вчерашних рабочих и крестьян — сквозила такая мерзость,

что меня охватило чувство величайшей гадливости и отвращения к бандитам, ворвавшимся на советскую землю в надежде пограбить.

Когда Митин полностью перевел «Памятку солдату», Стаднюк не выдержал:

— Хватит, товарищ! «Памятку» и вот эти два письма переведите и отдайте мне, остальные отправим в батальон. Так, товарищ комроты?

Я соглашаюсь. В дальнейшем письма и «Памятку» мы использовали в беседах с бойцами. Из «Памятки солдату» я на всю жизнь запомнил такое поистине людоедское поучение: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки». И надо сказать, что «Памятка солдату» явилась в тот момент самым обличительным документом против фашистов.

Когда стемнело, Охрименко досыта накормил бойцов ужином и сверх того выдал каждому по банке трофейных мясных консервов. Миша Стогов принес котелок гречневой каши, над которым поднимался душистый парок, молча открыл консервы и положил рядом немецкую фляжку. Потоптавшись, предложил мне и Стаднюку поужинать.

— А во фляжке что?

— Водка, товарищ младший политрук. Забрал у убитого фашиста для воды, смотрю, а в ней что-то булькает.

Стаднюк отвинтил пробку и, попробовав на язык, с отвращением сплюнул:

— Гадость вонючая! Не будем, Саша?

— Не будем, — охотно соглашаюсь я и, к великому огорчению ординарца, приказываю сдать водку санинструктору.

Часы показывают девять вечера. Еще светло. Вызываю командиров взводов, чтобы распорядиться о мерах предосторожности на ночь. Сусик подзывает меня к аппарату.

— Третий, — слышу усталый голос Тонконоженко, — немедленно ко мне!

Поручив Стаднюку провести инструктаж, спешу к командиру батальона. В его блиндаже вдоль стен уже сидят некоторые командиры подразделений. Увидев меня, Тонконоженко молча махнул рукой: мол, устраивайся. Когда в блиндаж протиснулись командиры первой стрелковой роты и взвода снабжения, Тонконоженко, поглаживая вытянутую на нарах раненую ногу, сказал:

— Товарищи командиры! В двадцать три часа тридцать минут мы оставляем занимаемые позиции и отходим... на Смоленск.

Известие было настолько ошеломляющим, что наступило недоуменное молчание, затем послышались проникнутые досадой возгласы:

— Эх, мать честная, опять отступать!

— Зачем оставлять позиции, когда фашистов мы кровью умыли?!

Смуглое лицо Тонконоженко заметно мрачнеет; выждав, когда командиры утихли, не повышая голоса, он продолжает:

— Приказ есть приказ. Значит, обстановка требует дальнейшего отступления. — Капитан направляет луч фонаря на карту, которую держит в левой руке: — Сводный отряд нашей дивизии отходит двумя маршрутами. Наш батальон следует... — Перечислив населенные пункты, через которые мы пойдем, Тонконоженко уточняет: — На переправе через реку Рутавечь мы пропускаем вперед главные силы отряда и в дальнейшем следуем за ними...

Отдав необходимые распоряжения, комбат отпустил нас.

В то тяжелое время взводным и ротным командирам трудно было, конечно, понять причину отступления наших войск после успешного отражения вражеских атак. Поэтому мы, молодые лейтенанты, весьма критически отзывались о полученном приказе. Многие из нас заболели в те дни весьма заразной «болезнью», которую кто-то метко назвал «лейтенантской краснухой». Нам казалось, что «там, в штабах» не знают истинного положения и отдают не соответствующие обстановке приказы. Подобная ситуация облегчала рождение провокационных слухов о том, что в штабах якобы засели изменники. Правда, такие слухи решительно пресекались.

Непонимание причин отхода возникло потому, что нас плохо информировали об оперативной обстановке. То ли потому, что наш батальон постоянно действовал в отрыве от своего полка, то ли времени не хватало, во всяком случае, командиры не всегда могли растолковать подчиненным, почему приходится оставлять позиции, удержанные в ожесточенных боях. Если бы мы знали, хотя бы в общих чертах, обстановку, которая сложилась в середине июля 1941 года к востоку от Витебска, то никаких сомнений в правильности применявшейся командованием тактики ни у нас, ни у бойцов не возникло.

А обстановка, вынудившая советское командование отдать приказ на отступление 19-й и 20-й армий к Смоленску, была в середине июля 1941 года чрезвычайно неблагоприятной для войск Западного фронта. К этому времени 2-я и 3-я танковые группы фашистской армии, составлявшие половину всех подвижных соединений врага, спешили завершить глубокий обход главных сил Западного фронта севернее Витебска и южнее Смоленска. Северо-восточнее Витебска широкую брешь в обороне советских войск проделал мощный танковый каток группы генерала Гота. Второй танковый каток, состоявший из танковых и моторизованных дивизий генерала Гудериана, стремительно продвигался из района Орши. Обе фашистские танковые группы должны были соединиться в районе Смоленска. В результате главные силы 19-й и 20-й советских армий попадали в кольцо.

Нарисовав сейчас в общих чертах обстановку, в которой нами был получен приказ на отступление, я невольно подумал: «А может быть, и не следовало нам, взводным и ротным командирам,

знать весь масштаб опасности? Знать об угрозе окружения, нависшей над нами дамокловым мечом? Если бы нам это было известно, то вряд ли мы с такой стойкостью удерживали обороняемые позиции».

Объединенная рота, которой я командовал, должна была по замыслу комбата следовать в головной походной заставе вслед за разведывательным дозором, куда Тонконоженко отобрал наиболее опытных бойцов во главе с коренастым, очень подвижным лейтенантом-казахом, на скуластом лице которого черными точками блестели живые глаза. Все отобранные в разведку были вооружены трофейными автоматами, патронов для которых у нас было много. Предвидя, что нам придется постоянно взаимодействовать, подхожу к лейтенанту, называю свою фамилию и должность.

— Лейтенант Акынбаев, — отрекомендовался он.

— Будем взаимодействовать, товарищ лейтенант?

— Будем!

Лейтенант оказался неразговорчивым. С трудом допытался, что в нашем батальоне он всего третий день, а вообще воюет от самой границы. Его дивизия попала в окружение в районе Лепеля. Из окружения они пробивались отдельными отрядами. Его с остатками взвода, которым он командовал, капитан Тонконоженко оставил в нашем батальоне.

— Когда отойдем к Смоленску, через штаб двадцатой армии разыщу свою дивизию, — заявил Акынбаев. — А пока буду воевать в вашем батальоне. Капитан мне понравился. Командует грамотно.

Возвратившись в роту, разъясняю обстановку командирам и ставлю задачи взводам, указав порядок оставления позиций. Отделение для прикрытия отхода приказываю выделить из состава взвода, объединявшего уцелевших бойцов стрелковой роты. Не прошло и четверти часа, как ко мне вихрем ворвался лейтенант Спирин, командовавший этим взводом.

— Товарищ лейтенант! — Голос Спирина от сильного возбуждения прерывается. — Бойцы отказываются покинуть позиции!

— Как это отказываются? — Наверное, я не смог скрыть растерянности, впервые столкнувшись с отказом выполнить приказ.

— Говорят: «Мы не для того похоронили на этой земле больше половины роты, чтобы добровольно отдавать ее немцам...» Да вы сами поговорите с ними и поймете их настроение, — предложил лейтенант и с досадой махнул рукой.

Мы бежим во взвод. Уже темно. У дзота слышны возбужденные голоса. Когда мы протиснулись в середину, голоса смолкли.

— В чем дело, товарищи? — изо всех сил стараюсь говорить спокойно. — Мне доложили, что вы отказались выполнять приказ?

Бойцы в сильном возбуждении пытаются отвечать, перебивая друг друга.

— Тихо, товарищи! Не забывайте, что нас может подслушать враг. Объясните кто-нибудь: чем вы недовольны?

Мой негромкий голос, звучавший в ночной тиши весьма обы-

денно, подействовал успокаивающе. Стоявший рядом со мной сержант, пожав могучими плечами, степенно поясняет:

— Нервы, товарищ лейтенант, все нервы. Поливаем кровью каждый рубеж, набьем морду фашисту, а потом бежим. Вчера, чтобы удержать вот эту позицию, мы потеряли больше половины роты. А сейчас, когда побитый немец утихомирился, мы добровольно оставляем ее. Вот и прошел слух, что в штабе засели изменники.

— Зачем оставлять врагу хорошие позиции?! — снова зашумели бойцы.

— Не пускать фашистов дальше!

Слушаю не перебивая. Подобное проявление подчиненными недовольства почему-то не вызывает гнева. «С такими солдатами можно воевать», — думаю о «строптивых» бойцах с неожиданной нежностью, пытаясь в темноте разглядеть их лица.

— Товарищи, — начал я тихо и доброжелательно, — приказ есть приказ, он должен выполняться беспрекословно. Разве у вас есть основание не доверять нашему командованию?

— Нет, конечно, — громко откликнулся сержант. — Мы верим, хоть нам и непонятно, почему отступаем.

— Ну раз так, — заключил я, — давайте на этом нашу беседу закончим. В более благоприятной обстановке я постараюсь объяснить, почему мы вынуждены отступать. А теперь, — приказываю Спирину, — выводите, лейтенант, свой взвод в район сбора.

Лейтенант Спирин, подождав, пока бойцы взяли вещевые мешки и разобрали боеприпасы, молча махнул рукой и двинулся по ходу сообщения. Опустив головы, тяжело передвигая ноги, бойцы последовали за командиром.

Записав на листке из блокнота названия деревень, через которые мы пройдем, и район привала, где отделение, остающееся на позициях, должно присоединиться к нам, отдаю последние инструкции командиру этого отделения.

Из района сбора на восток верхом на неоседланных крестьянских лошадях ускакали батальонные разведчики. Через полчаса, получив последнее напутствие от Тонконоженко, выступаю и я со своей ротой. Шагаем по лесной дороге, держа направление на деревню Новоселки. Время от времени сверяясь по карте и компасу, мы без приключений продвигаемся на восток. В начале пути слышатся позади редкие и короткие пулеметные очереди. Темное ночное небо озаряется осветительными ракетами, выпускаемыми фашистами через определенные промежутки времени. Видимо, они опять прозевали наш отход. Над горизонтом поднялось зарево большого пожара, там, где, судя по карте, находился город Лиозно. Из темноты доносится конский топот. Разведчик лейтенанта Акынбаева докладывает, что путь через ближайшую деревню свободен. Колонна втягивается в нее. Ночную тишину нарушает лишь собачий лай. В окнах домов не видно ни малейших признаков жизни. Сквозь собачий перебрех слышится, как всегда, веселый голос Василия Сероштана:

— Эх, хлопцы, молочка бы сейчас холодненького!

Словно в ответ на его мечтательный возглас, из-за угла ближайшей избы выскочила темная фигура.

— Товарищи! Так вы наши? Советские?

— Советские, советские, — откликается Сероштан. — А вы что — не советские?

— Как же не советские! — обиделся человек в рубашке с расстегнутым воротом, опущенной поверх штанов. Шагая рядом с Сероштаном, он поясняет: — Здешние мы, колхозники...

— Так что ж вы попрятались от нас? — не унимается Сероштан.

— Думали, немцы пришли, — вздохнул мужчина. — Мой старший брат прискакал из Жичиц, говорит, что туда со стороны Демидова ворвались немецкие мотоциклисты.

Эти сведения меня встревожили. Деревня, которую упомянул местный житель, расположена на дороге Демидов — Рудня. Можно предположить, что Демидов захвачен немцами. Следовательно, надо успеть пересечь дорогу, пока ее не оседлали фашисты. Останавливаю роту, приказав бойцам не расходиться.

— Как вас зовут? — спрашиваю колхозника.

— Федей, — отвечает тот и добавляет: — Акромя меня еще три брата: старший — за бригадира в колхозе, еще два брата в армии воюют, а я вот — самый младший — тоже в колхозе, конюхом работаю. Просился на фронт, а в военкомате ответили: подожди, призовем.

— Сколько же тебе лет? — удивился я, оглядывая крепко сбитую, рослую фигуру паренька.

— Уже шешнадцать. Может, вы меня возьмете с собой, а?.. Я крепкий, — просительно сказал он, с силой хлопая себя по широкой выпуклой груди.

Послав лейтенанта Воронова с докладом к комбату, отвечаю Феде, что не могу зачислить в роту, и советую идти в Смоленск, а там явиться в облвоенкомат. Прошу паренька разыскать старшего брата, чтобы уточнить у него сведения о немцах, но Федя говорит, что брат с мужиками организует перегон скота в лес и прячет колхозное добро. Пока переговаривались, возле колонны собрались местные жители. Стоят молча, слушают разговор. Охрименко, попросив у одного из стариков закурить, сказал:

— Громадяне, може, молочком угостите? Давно не пробовал, даже вкус забыл.

Сгорбленный дед, опиравшийся на толстую палку, неожиданно зло проворчал:

— Не молоком, а палкой бы вас угостить, дармоедов! Куда вы от немца бежите? Для чего вам оружие дадено? Присягали жизнь за Родину положить, сукины сыны?! — распаляясь, повышал голос старик.

— Ну ты, дид, не очень-то... — смутился старшина. — Мы не бежим, а отступаем. Приказано было держать позицию, держали. Многих товарищей там потеряли. А теперь отходим... Значит, так надо, если командование приказывает... — И, вспомнив, видимо,

мои слова о необходимости маневра в бою, добавил: — Маневрируем, диду, пока маневрируем...

— Вы, дедушка, напрасно обижаете нас, — вмешиваюсь я. — Обстановка так складывается.

И громко, стараясь, чтобы слышали все собравшиеся вокруг местные жители, рассказываю о прорывающихся к Смоленску фашистских войсках, которые обходят нас с севера и юга. Смоленск надо спасать, поэтому и приказано нам отступить: иначе погибнем без пользы, и Смоленск будет захвачен. Неожиданно к строю пробились женщины. Они принесли горшки с молоком и ломти ржаного хлеба, угощают бойцов. Те смущенно благодарят. Их настроение нетрудно понять: им, как и мне, было стыдно, что без боя оставляем женщин, стариков и детей на милость врага.

В разгар беседы на немецком мотоцикле с коляской, захваченном в последнем бою, подъезжает Тонконоженко. С трудом вытащив левую ногу, он поднимается, опираясь рукой на крыло коляски. Подробно доложив о полученных сведениях, спрашиваю:

— Где будем переходить шоссе, товарищ комбат?

Развернув карту, Тонконоженко задумался, потом решительно ткнул карандашом в точку, где дорога проходила через лес:

— Вот здесь. Если встретимся с немецкими танками, укроемся в заболоченном лесу, за дорогой. Там танки нас не достанут. От мотопехоты отобьемся.

Прощаемся с подавленно-молчаливыми колхозниками. Не слышим ни упреков, ни добрых пожеланий. Но что мы можем сделать! Если бы нам приказали остановиться у этой деревни, мы стояли бы до последнего. Удаляясь, Охрименко оборачивается и кричит:

— Диду! Мы вернемся! Обязательно вернемся!

И всем нам хотелось тоже облегчить душу таким вот обнадеживающим обещанием. Мы твердо верили, что вернемся.

Только вышли из деревни, как впереди послышался топот. Не доезжая до головы колонны, конник резко останавливается, видимо, прислушивается.

— Кто едет?

— Свои! — слышу в ответ.

Через несколько секунд передо мной останавливается верховой. По неоседланному коню и немецкому автомату угадываю разведчика лейтенанта Акынбаева. Он доложил, что дорога свободна, и ускакал к комбату.

Начинает светать. Идем быстро, не останавливаясь в деревнях, стараясь не глядеть на жителей, которые молча, с тревогой провожают нас. Женщины вытирают глаза кончиками завязанных под подбородками платков.

По проселочным дорогам, да еще ночью, ориентироваться нелегко. На карте показана одна тонкая черная ниточка, а выйдешь за околицу деревни — и неожиданно появляется множество ответвлений, столь же хорошо наезженных, как и основная дорога. Куда ведут эти ответвления, знают только местные жители. На одно подобное ответвление перед рассветом свернула и наша колонна.

А когда рассвело, уткнулись в болото, которым на Смоленщине нет конца и края.

Пока я так и этак крутил компас и карту, Охрименко подвел ко мне рослого парня.

— Федя? — удивился я. — Ты как здесь оказался?

— Решил пробираться в Смоленск.

За спиной у Феди белеет туго набитый холстинный мешок.

«Хозяйственный малый, — подумал я. — Обстоятельно собрался в путь».

Обрадованный тем, что Федя знает хорошо все места вокруг и берется провести роту «с закрытыми глазами», попросил его показывать дорогу.

С проводником мы без приключений пересекли большак Рудня — Понизовье. Когда километра через три-четыре подошли к следующему, из-за поворота внезапно выскочили три мотоциклиста с колясками, вероятно разведка. Лейтенант Воронов, лежавший у обочины с группой бойцов, не растерялся: ни один из шести их выстрелов не пропал даром, все фашисты были убиты наповал, а наше вооружение пополнилось автоматами и тремя винтовками. Одной из винтовок завладел Федя. В мотоциклах мы нашли запас патронов и три десятка гранат с длинными деревянными ручками.

Неожиданное появление мотоциклистов встревожило. Отдаю приказ отойти от дороги и, развернувшись, замаскироваться. Однако больше никто на дороге не появлялся. Доложив комбату о происшествии, двигаемся дальше. Предприимчивый Воронов, сложив в коляску одного из мотоциклов боеприпасы и добытое оружие, неумело завилял по неровной лесной просеке. Остальные мотоциклы и убитых мы затащили в лес. Но недолго «гарцевал» на мотоцикле лихой лейтенант: не смог своевременно затормозить перед какой-то канавой и влетел в нее. К счастью, верткий Воронов успел спрыгнуть с седла. Когда бойцы выволокли разбитую машину, лейтенант раздал трофейное оружие, засунул за пояс три гранаты и зашагал вслед за бойцами.

Июльское солнце поднялось высоко над горизонтом. Мы стоим на опушке леса. Перед нами огромное открытое поле, засеянное не то рожью, не то пшеницей: издали трудно разобрать. За полем виднеются сгрудившиеся деревенские строения. Прежде чем двигаться дальше, надо выяснить, можно ли проскочить по дороге через эту деревню. На этот вопрос должны ответить разведчики лейтенанта Акынбаева. Но где они? Вдруг послышался конский топот. Перед нами появились два бойца на неоседланных лошадях. Они сообщили, что следом за ними едет комбат. Вот из-за поворота появляется Тонконоженко верхом на гнедом мерине, старенькое седло сильно потрепано, стремена низко опущены. Ступня правой ноги засунута в стремя, левая нога свободно опущена. Видимо, в какой-то деревне комбат обменял мотоцикл на коня, сообразив, что на мотоцикле в лесу далеко не уедешь.

Пока я докладываю комбату обстановку, со стороны деревни появляются всадники. Мы без труда узнали наших разведчиков.

Въехав в лес и увидев комбата, лейтенант Акынбаев лихо спрыгивает с коня, бросив поводья спутнику, неторопливо подходит к нам и докладывает, что в деревнях немцев нет, но по шоссе Демидов — Рудня движутся бронетранспортеры с мотопехотой. В одной из деревень разведчики Акынбаева встретились со взводом конной разведки, высланной полковником Бурчем. Узнав, что главные силы сводного отряда сосредоточились в лесу северо-западнее деревни, Акынбаев разыскал полковника Бурча и доложил ему о местонахождении второй колонны. Полковник потребовал капитана Тонконоженко к себе.

Капитан ускакал, а наша колонна расположилась на отдых в лесу. Вернувшись от полковника, Тонконоженко сообщил, что получил приказ: в пятнадцать часов возобновить марш.

Незадолго до выступления к роте присоединилось отделение, которое маскировало отход. Командир отделения доложил, что введенные в заблуждение периодическим огнем и ракетами фашисты спокойно дожидались утра, поэтому отделению удалось беспрепятственно покинуть рубеж обороны и незаметно оторваться от противника.

И вот опять мы отступаем. Походный порядок несколько изменен: в голову колонны комбат выдвинул первую роту. Идти в середине колонны намного легче и спокойнее. Сразу почувствовал, что с плеч свалился груз ответственности. Теперь можно расслабиться. Шагаю впереди роты, наслаждаюсь тишиной, но недолго. Послышался гул мотора. Поднимаю голову и вижу старую знакомую — двухвостую «раму». Проморгав отход, немцы теперь разыскивают нас. Тонконоженко высказал опасение, что авиационная разведка, сообщив в свой штаб направление движения наших сил, поможет прорвавшимся в Демидов подвижным фашистским частям надежно закрыть шоссе, которое нам предстоит пересечь.

Не прошло и часа с начала движения, как появились «юнкерсы». Лес укрыл нас. Но, как мы ни «применялись к местности», потерь не удалось избежать.

Впервые в этой войне мне пришлось пережить ожесточенную бомбежку в лесу. Лес хорошо маскирует от наблюдения с воздуха, но находиться в нем во время бомбежки намного хуже, чем в открытом поле. От разрывов бомб валятся гигантские деревья, свистят осколки, с глухим звуком впиваясь в мягкую древесину. Небольшие деревья словно жалобно стонут от боли, чуть не до земли склоняясь под напором взрывной волны...

Когда приходится читать о том, как фашистская авиация с немецкой скрупулезностью периодически «прочесывала» лесную партизанскую зону, я легко себе представляю, что переживали партизаны, застигнутые бомбежкой вдали от надежных укрытий. Даже наши, умевшие хорошо скрывать чувство страха шахтеры вышли после бомбежки на лесную дорогу с глазами, расширенными от пережитого.

Получив от Акынбаева сведения о броде через реку Рутавечь, Тонконоженко стремительно проводит через него батальон и, вы-

полняя приказ полковника Бурча, обеспечивает переправу главных сил сводного отряда. Теперь сводный отряд двигался по одному маршруту, а батальон капитана Тонконоженко должен был следовать в арьергарде. Видимо, в ходе вытягивания в колонну батальон задержался и слишком оторвался от главных сил. С этого, насколько мне помнится, и начались все наши дальнейшие злоключения.

Когда мы подошли к шоссейной дороге, ведущей от Демидова на Рудню, пришлось остановиться: впереди разгорелась ожесточенная перестрелка. От дороги доносятся длинные очереди автоматов и пулеметов. Пули посвистывают вокруг. Оставив роту, бегу на поиски комбата. Нахожу его в передовой цепи вместе с командиром головной стрелковой роты. С ходу падаю рядом. Увидев меня, Тонконоженко с досадой махнул рукой:

— Не успели проскочить — мотопехота оседлала шоссе. Надо прорываться.

— А может, дождаться темноты? — робко предлагает командир стрелковой роты.

— Нельзя, — устало качает головой комбат. — Мы уже отстали от главных сил, кроме того, могут догнать преследующие нас части, и мы окажемся в мышеловке. Пока этого не случилось, надо прорываться...

Две 45-миллиметровые пушки Тонконоженко решил поставить на флангах, оба 76-миллиметровых орудия — в центре боевого порядка, здесь же навьюченные лошади, взвод снабжения с боеприпасами и медпункт с ранеными. Собрав командиров, Тонконоженко объявляет им решение: прорываться широким фронтом, развернув все роты в линию. Моей роте предстояло выдвинуться на левый фланг. Как только мотопехота будет сбита с дороги, рота вместе с расчетом батальонной пушки должна занять оборону фронтом на север, чтобы обезопасить главные силы от возможных ударов со стороны Демидова.

Выведя роту на назначенный ей рубеж, нетерпеливо ожидаю сигнал атаки. Наконец справа раздается выстрел из 76-миллиметрового орудия. После третьего выстрела вскакиваю и, крикнув: «За мной!», бегу к дороге. Не оглядываюсь, но краем глаза фиксирую, что почти одновременно вскочили Стаднюк и Воронов. Ветки, сбиваемые пулями, дождем падают сверху. Кто-то ойкнул, кто-то вскрикнул, но топот за спиной усиливается. Бегу, как на соревнованиях, стараясь опередить секунды. И все же перед самым придорожным кюветом меня обгоняет Воронов. С криком «Бей фашистов!» он метнулся через шоссе и обрушился на пулеметчика всей тяжестью своего жилистого тела. Бойцы молча прыгают через кювет. Бежавший следом лейтенант Спирин, прыжком перескочивший через глубокий кювет, метким выстрелом сразил здоровенного фашиста, замахнувшегося штыком в спину Воронова. И в тот же миг его поджарая высокая фигура, словно споткнувшись о невидимое препятствие, ничком распласталась у ног сраженного им фашиста. На левой стороне гимнастерки по спине расплывалось красное пятно. Я приподнял лейтенанта и в самом центре нагрудного кармана уви-

дел входное пулевое отверстие. Подбежавший Петренко бережно принял в свои руки лейтенанта, а я бросился вдоль дороги, чтобы убедиться, какая опасность угрожает нам со стороны Демидова.

Потеряв надежду остановить атакующих, фашисты бегут к лесу. Воронов со своими бойцами преследует их, а передо мной задача удержать отбитый участок шоссе. Вместе со Стаднюком расставляем бойцов и приказываем быстрее окапываться. Тем временем остальные подразделения батальона пересекают дорогу, переносят раненых, переводят навьюченных лошадей. Когда стали перекатывать полковые орудия, с севера на шоссе появились танк и три бронетранспортера с пехотой. Командир хорошо замаскированной сорокапятимиллиметровой пушки не торопится, выжидает, пока танк подставит под выстрел бортовую броню. Именно поэтому артиллеристы выбрали позицию несколько впереди, справа от дороги.

Когда бронетранспортеры подошли ближе, наступил черед бойцов, вооруженных связками гранат и бутылками с горючей смесью. И в этот критический момент я увидел, что вдоль дороги бежит Стаднюк, держа в правой руке бутылку. Когда танк поравнялся с ним, политрук занес бутылку над головой и в тот же миг упал навзничь. Танк все ближе. Когда до него осталось метров пятьдесят, раздался выстрел противотанковой пушки. Танк вильнул в сторону и завалился в кювет. Бронетранспортеры резко затормозили, пехотинцы, вываливаясь из-за бортов, словно тараканы, разбегаются в стороны и открывают огонь. Подбегаю к Стаднюку. Он лежит с открытыми глазами, откинув в сторону сжатый кулак. Голова прострелена чуть ниже виска. Поднимаю его тело и, пригибаясь, несу в тень большой ели.

Бронетранспортеры, отступив, поливают дорогу пулеметным огнем, не давая возможности перескочить ее остальным нашим подразделениям. Пятью меткими выстрелами артиллеристы заставили два бронетранспортера замолчать. Третий, закрытый подбитыми машинами, продолжает стрелять вдоль шоссе. Возвратившиеся в роту бойцы лейтенанта Воронова помогли артиллеристам протащить между деревьями их легкую пушку. С этой удобной позиции артиллеристы уничтожили третий бронетранспортер. Подбитые бронетранспортеры забаррикадировали дорогу. Это было выгодно для нас. Мотопехота дважды пыталась атаковать, но каждый раз меткий огонь укладывал ее на землю. Движение через дорогу возобновилось. Наконец от комбата прискакал верховой и передал мне приказ отходить по указанному ранее маршруту. Лейтенант Воронов со своими бойцами помогает артиллеристам тащить пушку, мы следуем за ними. Могучий Охрименко бережно несет тело Ивана Афанасьевича, а бойцы — на плащ-палатках смертельно раненного лейтенанта Спирина и солдат, раненных в ноги. Идем понурив головы. Даже Василь Сероштан не отрывает взгляда от перепачканных сапог. У меня вид, наверное, не лучше. Растерянность овладевала мною. Чувство самосохранения подсказывало: нужно как можно быстрее уходить из опасного района, где нас могут в любую минуту перехватить преследователи. Как быть с ранеными?

Я все еще жду чуда: вдруг Охрименко скажет, что Иван Афанасьевич не убит, а только ранен. Я никак не могу смириться с мыслью, что этот мудрый и душевный мой боевой товарищ, который поддерживал меня в самые трудные минуты, уже никогда не улыбнется, не скажет: «Ну что, Саша, приуныл? Не журись. Нам, коммунистам, не к лицу падать духом». Я принимаю решение: отдать последние почести боевому другу, даже если фашисты бросятся сейчас в атаку.

— Стой! — командую я и объявляю: — Товарищи! Мы не можем оставить тело нашего дорогого Ивана Афанасьевича на поругание фашистам. Предлагаю похоронить его вот здесь, под этой могучей сосной.

— Правильно, товарищ комроты! — отзывается Охрименко. — Похороним нашего дорогого товарища политрука по всем правилам. — И, бережно опустив на разостланную Федей плащ-палатку тело Стаднюка, вытащил саперную лопатку, стал энергично трассировать контуры могилы. Бойцы дружно бросились ему помогать.

Я вытащил из нагрудного кармана Ивана Афанасьевича партийный билет и аккуратно завернул его в клеенку вместе со своим.

Охрименко запеленал тело Стаднюка в плащ-палатку, поднял его высоко перед собой и медленно, торжественным шагом направился к могиле. Все с непокрытыми головами следовали за ним. У края могилы Охрименко остановился. Мы с Вороновым приняли из его рук тело Стаднюка. Спрыгнув на дно могилы, Охрименко бережно опустил его на песчаное дно. Подождав, когда старшина поднимется наверх, я сказал:

— Прощай, наш дорогой товарищ, наш боевой друг и наставник! Ты с честью, как и подобает коммунисту, выполнил свой долг перед Родиной. Прости, что мы не прощаемся с тобой залпами боевого салюта. Мы выпустим эти залпы по врагам. Мы отомстим за тебя фашистам! Клянемся!

— Клянемся! — послышался металлический голос Воронова.

— Клянемся! Клянемся! — дружно повторили за ним все присутствующие.

К счастью, фашисты не успели обнаружить нас и помешать проводить Ивана Афанасьевича в последний путь. Мы уже готовы были тронуться, когда раздались первые выстрелы нашего охранения. Сразу вспыхнула ожесточенная пальба. Пули засвистели вокруг. Прислушавшись, я понял, что стреляли с трех сторон. Лишь со стороны шоссе было тихо. Видимо, фашисты решили оттеснить нас назад, к шоссе, и на открытом месте уничтожить. Приказываю занять круговую оборону. Прячась за деревьями, мы стреляем по атакующим фашистам. Вдруг, перекрывая выстрелы, по лесу разнесся резкий голос Воронова:

— Товарищи! За нашего политрука, за наших товарищей по фашистам... За-а-ал-пом... пли!.. За-а-ал-пом... пли! За-а-ал-пом... пли!

Дружный интенсивный огонь заставил фашистов попятиться. Убежденные в том, что мы в ловушке, они выжидали. Нетрудно

было догадаться, что основные силы атакующих наседают с востока, из леса, через который проходит наш путь к своим, а с севера и юга одиночные автоматчики, маскируясь в кустарнике, стараются наделать побольше шума. Поняв это, перебегаю к дереву, за которым прятался Сергей Воронов. Увидев меня, он бросает вопросительный взгляд.

— Надо отогнать автоматчиков, — показал я на юг. — Бери Лысова, Браженко и действуй. Мы будем отходить за вами.

Кивнув, Воронов стремительно перебежал к Лысову, потом они вместе с Браженко скрываются в густом кустарнике.

Пока группа Воронова просачивалась в тыл автоматчикам, фашисты предприняли новую атаку. Мы отвечали расчетливыми одиночными выстрелами. Убедившись, что мы на месте, гитлеровцы выжидающе затихли.

Вот раздались более близкие автоматные очереди, я понял, что группа Воронова начала действовать. Поставив задачу старшему сержанту Поливоде, который с группой минометчиков должен был прикрыть наш маневр, я с артиллеристами и бойцами, несущими раненых, осторожно продвигаюсь на юг. Пройдя два километра, резко поворачиваю на восток, и вскоре наш отряд углубляется в заболоченный лес. Теперь главная опасность — болото. Однако и на этот раз нас выручает Федя, который по одному ему известным приметам легко обходил гибельные участки.

В пути ко мне приблизился Петренко и на ухо шепнул:

— Лейтенант Спирин скончался.

Делаем первый привал. Уточняем свои силы: нас осталось двадцать пять человек. С нежностью рассматриваю своих испытанных товарищей: хладнокровного и молчаливого Воронова, сурового и непреклонного парторга Лысова, неунывающего Сероштана, на теле которого, казалось, не оставалось места, не задетого пулей или осколком, степенного и невозмутимого Поливоду, Браженко, по-прежнему хлопотливого Охрименко, Петренко, Вострикова, Шлевко, умопомрачительного Сусика с неизменным телефонным аппаратом на боку. Рассудительный не по возрасту Федя старается спрятаться за спину Охрименко. А мой ординарец Миша Стогов из-за глубокой ссадины во всю спину вынужден свой вещевой мешок и оружие постоянно держать в руках. От бывшей стрелковой роты уцелела группа бойцов во главе с богатырски сложенным сержантом Соколовым. Из них двое — тяжело ранены в ноги. Они молча лежат на плащ-палатках. Возле них хлопочет заботливый Петренко. В нескольких шагах лежит тело Спирина.

Сержант Соколов с несколькими бойцами вырыл неглубокую могилу, которая сразу наполнилась водой. Все молча столпились вокруг нее, низко склонив головы. Сержант Соколов, бережно поправив плащ-палатку, в которую завернуто тело лейтенанта, печально оглядел бойцов из стрелковой роты.

— Из нашей третьей стрелковой осталось в живых девять человек, — сказал он тихим печальным голосом. — Сегодня мы прощаемся с лейтенантом Спириным. Он единственный сын у матери.

И пусть тот, кто останется из нас в живых, сообщит ей о судьбе сына. Адрес ее у меня есть. — Повернув лицо к погибшему, сержант, быстро смахнув набежавшую слезу, с глубокой сердечностью добавил: — Прощай, дорогой наш командир. Пусть смоленская земля будет тебе пухом!

После похорон сержант Соколов нацарапал штыком звание, фамилию, имя и отчество погибшего лейтенанта на своей каске и аккуратно положил ее у изголовья могилы.

Наша сводная рота пополнилась теперь тремя степенными артиллеристами. С интересом разглядываю пестрое вооружение бойцов. У некоторых помимо винтовок трофейные автоматы, что весьма кстати: трофейных патронов нам досталось много. Однако для противотанковой пушки сохранилось всего два снаряда, но пушкари не бросят свою сорокапятку, даже если им придется тащить ее на руках. Ведь мы спешим к Смоленску, а там большая нужда в противотанковой артиллерии. Сероштан и Браженко кроме стрелкового оружия прихватили тяжелый ствол миномета с треногой. Боец, тащивший опорную плиту, погиб в перестрелке. К великой радости Сероштана, артиллеристы, насмотревшись на страдания минометчиков, привязали минометный ствол к станине пушки.

Выбрав место посуше и привалившись к стволам могучих елей, бойцы вытащили из мешков сухари и немецкие консервы и нехотя принялись за еду. Если бы не мой приказ, они и не притронулись бы к пище: настолько были измучены. Мы с Вороновым тоже сидим над раскрытой банкой консервов и с трудом глотаем куски растаявшей от июльской жары тушенки. Не только усталость лишила нас аппетита. Угнетала трагичность положения. Я думал: «Каждый день мы теряем товарищей. Сейчас чудом пробились сквозь вражеский заслон. Люди изнурены. А что дальше?.. Куда идти? Где искать наш батальон? Какова обстановка в районе Смоленска? Идем словно слепые. Есть от чего прийти в отчаяние. Мои шахтеры держатся еще молодцом, а на лицах некоторых бойцов из стрелковой роты написано отчаяние...» Мои размышления прерывает лейтенант Воронов:

— В каком направлении пойдем дальше, командир?

— Судя по названиям населенных пунктов, которые капитан Тонконоженко указал мне для ориентирования, — ответил я, заглядывая в последний лист карты, — наш батальон должен следовать севернее Витебского шоссе на Смоленск. Выходит, и нам нельзя уклоняться от этого маршрута, если не хотим лишиться надежды догнать своих.

— А если наши выйдут на Витебское шоссе?

— Не выйдут, — уверенно возразил я. — Комбат предупредил, чтобы мы не сворачивали на шоссе.

— Понятно, — согласился Воронов. — Значит, будем держаться следующего маршрута... — Воронов перечислил пять или шесть деревень и с досадой воскликнул: — На этом карта у меня обрывается! Через какие пункты пойдем дальше?

— Дальше будем выбирать маршрут исходя из обстановки.

— Надо бы побеседовать с людьми перед выступлением, — неожиданно предложил Воронов.

— Да, — согласился я, — надо рассказать им...

Не успел я закончить свою мысль, как из группы сержанта Соколова послышались возбужденные возгласы.

— А чего ждать, товарищ сержант? — услышал я тонкий, дребезжащий от обиды голосок. — Нас фашисты чуть не прищучили здесь, пока мы похоронами занимались! Дальше еще хуже будет. Немцы, говорят, уже к Москве подбираются...

— Кто это тебе набрехал?! — взревел возмущенный Соколов. — Язык поганый вырвать за такую брехню. Скажи, кто?

— Да... говорят, — неуверенно пропищал тонким голосом высокий худой боец.

— «Говоря-я-ат»! — возмущенно басил Соколов. — Говорят, в Москве кур доят, растудыт твою мать!.. Идем к лейтенанту! — Соколов схватил упирающегося бойца за ворот и поволок, словно родитель провинившегося сынишку.

— В чем дело, товарищ сержант? — поспешил я навстречу. — Что случилось?

— Да вот, товарищ лейтенант, — Соколов выпустил воротник гимнастерки бойца и показал пальцем на провинившегося, — боец Нахалкин...

— Не Нахалкин, а Махалкин...

— Ну, Махалкин,— разозлился Соколов. — Так вот этот Махалкин подговаривал некоторых отделиться от отряда и пробираться самостоятельно. У-у-у... предатель! — угрожающе покосился на него сержант.

— И никакой я не предатель! — Писклявый голос Махалкина зазвенел на самой высокой ноте. — Я не к немцам уговаривал иттить, а к своим!

— Почему вы хотите отделиться от отряда?

Махалкин исподлобья взглянул на меня и сердито пропищал:

— Потому что такой кучей незаметно проскользнуть к своим не удастся: опять нас где-нибудь прищучат. А поодиночке или по два-три человека мы невидимками проскочим...

Слушая бойца, я убедился в своевременности предложения Воронова побеседовать с людьми. За своих шахтеров я не беспокоился: их и насильно не оттащить друг от друга, хотя задушевная беседа не была бы лишней и для них. А вот для новых бойцов, которых я мало знал, такая беседа была крайне необходима: не у всех еще, как видно, я завоевал доверие. Некоторые, видимо, не уверены, что мы, безусые лейтенанты, сумеем вывести их к своим.

Подав команду всем подойти ко мне, я сказал:

— Товарищи! Сейчас боец Махалкин признался, что он хотел бы отколоться от отряда и пробираться к своим в одиночку или вдвоем-втроем...

— Вот «герой» выискался! — удивленно воскликнул Сероштан.

— Да, — подтвердил я, — нашелся такой среди нас. Я должен предупредить, что мы представляем воинское подразделение Крас-

ной Армии, и я — ваш командир. Как во всяком воинском подразделении, невыполнение приказа командира является нарушением воинской присяги, иначе говоря — преступлением. Особая обстановка, в которой мы оказались, дает мне право принимать любые меры для пресечения преступления, вплоть до расстрела. Прошу бойца Махалкина учесть это разъяснение. Однако все это я сказал в порядке информации для тех, кто еще плохо знает законы военного времени. Главное же состоит в том, что поодиночке пробиться к своим труднее: любой фашистский патруль может перехватить, да и маршрут дальнейшего следования нам, командирам, известен лучше, чем любому из вас... И не надо, товарищи, паниковать, как это делает боец Махалкин. Мы на своей земле, поэтому смело пойдем по ней, а если фашисты попытаются нас остановить, будем бить их, как били до сих пор, несмотря на их численное превосходство. Ведь мы бойцы Красной Армии!

Я с радостью отметил, как к концу моего взволнованного обращения к бойцам их плечи распрямились, лица прояснились, а во взглядах сквозила непреклонная решимость.

— Верно, товарищ лейтенант, — первым откликнулся парторг Лысов, — мы на своей земле! Будем бить фашистов, где бы они ни оказались: перед нами или позади нас!.. А главное — мы и дальше пойдем на врага плечом к плечу, в этом наша сила. Правильно я говорю?

— Правильно, Михаил Андреевич, правильно! — дружно поддержали минометчики.

— И мы согласны с парторгом! — под одобрительный гул стрелков пробасил сержант Соколов.

— А вы, боец Махалкин, что скажете? — с иронией спросил я, приближаясь к нему.

— А что я? — не поднимая глаз, пропищал Махалкин. — Я как все... — На мгновение он поднял глаза, но не выдержал и снова опустил голову.

— Тогда в путь, товарищи! — объявил я. — Лейтенант Воронов, постройте людей в колонну по два. Пушку — в середину колонны. В помощь артиллеристам выделить шесть наиболее сильных бойцов.

Когда Воронов определил порядок следования, я приказал ему отобрать трех бойцов и вместе с ними идти метрах в двухстах — трехстах впереди.

Мы шли по едва заметной лесной тропе. Я рассчитывал до наступления темноты уйти подальше от шоссе, в районе которого появились крупные силы противника. Когда под ногами ничего уже невозможно было различить, остановились на опушке лесной поляны на отдых.

Во время почевки Федя, ухитрявшийся собирать по пути летние подберезовики и сыроежки, угостил нас грибным «шашлыком» и каждому выдал по маленькому кусочку сала, которое он прихватил из дома. Внешне Федя выглядит теперь очень воинственно: немецкая винтовка за спиной, другая в руках, за широким кожаным по-

ясом, который он снял с фашистского офицера, торчат длинные деревянные рукоятки немецких гранат, холщовый мешок набит патронами. Хозяйственный паренек нравится старшине Охрименко. Он одобрительно хлопает его по крутому плечу и каждый раз заверяет, что, как только они доберутся до своей части, попросит командира полка назначить Федю в нашу роту. Федя явно доволен такой перспективой. Только Миша Стогов ревниво на него косится: на марше Федя все время старается держаться поближе ко мне.

Июльские ночи коротки. В три часа светло даже в лесу, а в четыре мы продолжаем путь. Впереди с тремя бойцами — неутомимый Сергей Воронов.

Подходил к концу второй день наших скитаний по смоленским лесам и болотам. К вечеру мы вошли в еловый лес. Нас окружали высокие могучие ели, и, хотя было еще не поздно, под их могучими кронами было уже темно. Присматриваю место для ночлега и решаю сразу же послать Охрименко с бойцами в ближайшую деревню за продуктами. Наконец деревья словно раздвинулись, показался просвет. Мы выходим на поляну, на опушке которой намереваемся разбить лагерь. Неожиданно в просвете мелькнула фигура — навстречу нам стремительно бежит Воронов.

— Товарищ комроты! Немцы! — шепчет он на ухо. — Там, на поляне.

Знаками подаю сигнал опасности. Люди замерли. Тихо передав команду замаскироваться, мы с Вороновым осторожно выползаем на опушку. Бойцы, шедшие в дозоре, лежат под кустами не шевелясь. Еще относительно светло, поэтому видно, как по поляне снуют немецкие солдаты. Сначала не могу понять, зачем фашисты стаскивают хворост в кучи. Потом по расположению куч и по тому, что эти кучи поливают какой-то жидкостью из канистр, понял, что ночью они превратятся в костры. Значит, фашисты готовят небольшой лесной аэродром. Откуда, однако, здесь немцы? Это стало ясно, когда Воронов молча показал мне на купол парашюта, отчетливо белевший на темно-зеленой хвое ближайшей ели. «Головная группа десанта», — решил я. Первой мыслью было немедленно уйти отсюда, уклониться от боя. «Ведь мы должны скорее попасть в Смоленск». И тут же стыжусь своих попыток найти оправдание желанию избежать боя.

— Что предпримем, лейтенант? — тихо спрашиваю Воронова.

— Нападем! — решительно рубанул он и добавил, показывая на подготовленные костры: — Уничтожим, пока не подоспело подкрепление.

— Да, нападем, — подтверждаю я, — и немедленно. Удобнее всего подобраться к фашистам вон там, где кустарник углом выдается на поляну. Возьмем на прицел всех фашистов, дружно откроем по ним огонь, оставшихся в живых добьем в рукопашной схватке.

План понравился Воронову. Разбившись на шесть групп, без

единого шороха заняли назначенные места. Мы с Вороновым и бойцами нашей группы подобрались к фашистам почти на пятьдесят метров. Можно даже разглядеть каждую черточку на лице наблюдателя. Видно, что июльская жара разморила его, а спокойно прошедший день убаюкал. Он то ли о чем-то задумался, то ли дремал. Подаю сигнал Воронову. Поймав на прицел офицера, распоряжающегося работами, стреляю, тот валится, как подрубленное дерево. Выстрел служит сигналом для остальных.

Вскоре все было кончено. К сожалению, и эта счастливо закончившаяся для нас схватка не обошлась без потерь. Погиб один боец из группы сержанта Соколова. Спешно хороним убитого, пополняем за счет трофеев боеприпасы. Прихватив мясные консервы и нечерствеющий немецкий хлеб в упаковке, покидаем поляну.

Наверстывая упущенное время, ускоряем шаг. Бойцы, несущие раненых, все чаще меняются. Не прошло и двух часов, как сзади послышались взволнованные крики. «Фашисты?» — мелькает тревожная мысль. Бросаюсь назад и вижу непонятную картину: могучие руки Охрименко бережно поддерживают бойца, а Петренко нащупывает у него пульс. Спрашиваю, что случилось. Старшина, подняв голову, недоуменно пожимает плечами.

— Обморок, товарищ лейтенант, — объясняет Петренко, — только и всего. — И, помолчав, добавляет: — Обессилел боец...

Слова санинструктора подсказали мне, что уставшие, голодные бойцы достигли предела своих сил. Стало понятным, почему они чаще начали спотыкаться. Пришлось объявить привал. Охрименко при помощи Феди быстро разжег костер. Зачерпнув воды из ближайшей лесной канавы, бойцы расставили котелки вокруг ярко пылающего огня, но, не дождавшись кипятка, уснули. Лишь Воронов, Охрименко, Миша Стогов, Федя и, к моему великому удивлению, Сусик еще держатся на ногах. Сусик мелко семенит ногами, поддерживая тонкий конец высохшей березы, которую Федя тащит к костру. Сгоняя с лица нахальных комаров, Хома оставляет на лбу и щеках грязные полосы, отчего пухлощекое лицо его с выпученными светлыми глазками невольно вызывает улыбку. Заметив, что вода в котелках уже закипает, Охрименко машет рукой:

— Довольно, хлопцы! Вы что, зимовать здесь собираетесь?

Федя, вскрыв банку мясных консервов и достав из мешка какую-то крупу, принялся варить суп. Хома, прилегший рядом с ним, с минуту помешивал деревянной ложкой в котелке, да так и уткнулся лицом в землю, не выпуская ложку из руки. Охрименко бережно приподнимает Сусика и переносит его под ближайший куст. Утолив голод, заснули и Охрименко с Вороновым. Мы с Мишей бодрствуем. Старшина так оглушительно храпит, что приходится его переворачивать с боку на бок. Затем и нам со Стоговым выпала возможность поспать в течение целого часа.

Открыв глаза, вижу бойцов, сгрудившихся у костра; они жадно уничтожают похлебку, сваренную Федей. Это первое горячее блюдо за последние дни, поэтому меня не удивляет старательность, с какой бойцы выскабливают котелки.

Солнце только показалось из-за горизонта, а наш небольшой отряд уже продолжал движение на восток. Идем по району, который на имеющейся у меня карте не обозначен. Держим направление по компасу. Внезапно лес кончился, и нашим взорам открылась пойма какой-то реки, заросшая высокой, уже начинающей жухнуть травой.

Бойцы, сбросив каски и позабыв об опасности, погружают разгорячепные головы в прохладную прибрежную воду, смывают с лиц засохшую пыль и пот.

Река широкая и глубокая, а в отряде, как выяснилось, почти половина бойцов не умеет плавать. Надо искать выход из сложившейся ситуации.

К берегу группами и поодиночке подходят люди. Здесь собралось немало бойцов и командиров, а также беженцев с котомками и узлами. Разные люди, разные лица, но на всех выражение бесконечной усталости и печали. Серый налет пыли свидетельствует о дальнем и горьком пути. Одни сидят или лежат на траве, другие в нерешительности нервно расхаживают вдоль берега. Кое-кто, связав ремнем обмундирование и забросив за спину винтовку, поплыл к противоположному берегу.

Неподалеку от меня расположился смуглый черноволосый старший лейтенант с артиллерийскими эмблемами в петлицах. Увидев в его руках карту, подхожу. Артиллерист полулежит на траве, опираясь на согнутую в локте руку. Фуражка с черным околышем брошена рядом. Назвав себя, предлагаю старшему лейтенанту переправляться через реку вместе. Услышав мой голос, артиллерист посмотрел мне в лицо, и в его глазах я прочитал безмерную усталость и безразличие. Поняв, что он не расслышал моих слов, повторяю предложение.

— Не могу, товарищ. Не умею плавать, — отвечает артиллерист и с явным безразличием рассматривает лежавшую на траве карту.

С любопытством склоняюсь над ней и я. С севера на юг прочерчена синяя ниточка реки, преградившей нам путь. Внимательно всматриваюсь в синюю извилистую нить и с радостью обнаруживаю выше по течению условное обозначение моста, где мы можем переправиться на другой берег. И главное, сразу после переправы попадем в огромный массив заболоченного леса, в котором встреча с фашистами почти исключается.

Громко и отчетливо выговаривая каждое слово, предлагаю артиллеристу свой вариант переправы. Он заметно оживляется, неправильные, резкие черты его смуглого лица освещаются подобием улыбки.

— Можно попробовать, лейтенант. — Артиллерист с трудом поднимается с земли и впервые внимательно оглядывает меня лихорадочно заблестевшими карими глазами.

— Вы не ранены? — встревожился я.

— Нет, — устало махнул он рукой. — Был засыпан землей, поэтому плохо слышу.

То ли из-за слуха, то ли из нежелания продолжать разговор артиллерист отворачивается от меня и, прихрамывая, идет к воде. Не желая докучать ему, приказываю Воронову построить людей.

Через час с небольшим выходим к месту, где на карте был обозначен мост. Однако вместо него находим обгоревшие деревянные сваи. Это настораживает. Лейтенант Воронов вызвался вместе с Сероштаном сходить в разведку. Зная, что на теле Сероштана, что называется, живого места нет, предлагаю Воронову взять с собой кого-нибудь другого. Василь Сероштан, беззаботно щуря под яркими лучами солнца карие глаза, уверяет меня, что совершенно здоров, и в доказательство энергично крутит головой так, что повязка на шее ослабла и опустилась, обнажив воспаленную рану.

— Прекратите, Сероштан! — строго обрываю я и приказываю Петренко немедленно сменить повязку на шее сержанта.

В разведку вместе с Вороновым идут Браженко и Федя, гражданская одежда которого была весьма кстати. Пробираясь под мостом от опоры к опоре, разведчики благополучно преодолели реку и поползли по противоположному склону. Несколько минут они что-то внимательно разглядывали, затем двинулись к поселку.

Прошло около сорока томительных минут. Наконец появляется Воронов. Переплыв назад, лейтенант с необычным для него возбуждением докладывает о результатах вылазки. На том берегу разведчики наткнулись на трупы восемнадцати красноармейцев, потом побывали в поселке, спешно покинутом местными жителями. Браженко и Федя в поселке разыскивают лодки.

Вскоре появляются Браженко и Федя в сопровождении местного жителя, весьма старого человека. Он спускается к реке и показывает рукой. Федя, не раздеваясь, прыгает в воду и, нырнув, вытаскивает железную цепь. Ухватившись за нее, он подтягивает к берегу затопленную плоскодонку. На помощь ему бросается Браженко. Подтянув к берегу, они переворачивают лодку, выливая воду. Федя приносит длинный шест и, ловко орудуя им, направляет лодку в нашу сторону. Вместе с Вороновым и Охрименко садимся в лодку, переправляемся на противоположный берег. Сердечно здороваюсь с древним стариком, отвечающим на каждый вопрос только после троекратного «ась?».

Приказываю Охрименко в первую очередь перевезти раненых и контуженого старшего лейтенанта. Спрашиваю старика, как погибли красноармейцы. Оказывается, их перестреляли фашистские диверсанты, которых в последние дни очень много сброшено с самолетов. Услышав стрельбу, местные жители скрылись в лесу.

На месте разыгравшейся трагедии валялись плотничьи топоры. Очевидно, саперы восстанавливали разрушенный мост, когда на них внезапно напали диверсанты и в упор расстреляли. Увлеченные работой, бойцы не успели даже схватиться за винтовки, которые стояли неподалеку, составленные в козлы.

Возвратившись к переправе, вижу картину, которая вызывает улыбку. Федя длинным шестом толкает лодку, а Охрименко, стоя на коленях, держит в могучих руках, словно кучер вожжи, концы

многочисленных солдатских обмоток, за которые судорожно уцепились бойцы, не умеющие плавать. Первым попадается мне на глаза тщедушный Сусик, висящий на обмотке, как пескарь на крючке. Выпучив от страха глаза, бойцы изо всех сил тянутся вверх и, теряя опору, плюхаются лицом в воду. Однако обмотки из рук не выпускают. Охрименко, покрасневший от натуги, подгоняет Федю, не переставая подбадривать «пловцов»:

— Держись, орлы! Берег близко!

И «орлы», глотая взбаламученную воду, медленно продвигаются к спасительной суше. Облегченно вздыхаю, когда Охрименко выносит на берег последних почти захлебнувшихся «орлов», держа их под мышками. А Петренко уже хлопочет над ними, стараясь привести, как он любил выражаться, «в боеспособное состояние».

Главная трудность возникла при переправе сорокапятки. Перевезти на лодке невозможно, а бросить — и в мыслях не было. Мы с командиром орудия стоим на берегу, не зная, что предпринять. Вдруг мой взгляд скользнул по катушке телефонного кабеля, который упорно тащил Хома Сусик.

— А что, если протащить пушку по дну?

Артиллеристы быстро разматывают кабель и плетут из него два троса. Переправив лошадей вплавь, командир орудия аккуратно крепит тросы к осям и к конской сбруе. Когда тросы были зацеплены, все державшиеся на ногах бойцы, помогая лошадям, дружно потянули за них. Пушка медленно поползла по дну. Облегченно вздыхаю, когда больше половины пути осталось позади. Оказалось, что успокаиваться рано. Тросы натянулись как струны, лошади и люди напряглись изо всех сил, но... пушка словно приросла к месту. После нескольких неудачных попыток сдвинуть ее командир орудия, коренастый крепыш, решительно сбрасывает с себя обмундирование и плывет к тому месту, где застряла пушка. Набрав воздух в легкие, он ныряет, потом, с шумом отфыркиваясь, кричит:

— В яму колеса скатились! Поднажми!

И снова ныряет. Хлестнув лошадей, дружно тянем, но пушка по-прежнему ни с места. Над водой опять показалась голова артиллериста. Он ложится на спину и минуты две отдыхает. Молча оглядываю стоявших вокруг бойцов. Трое, в том числе и Охрименко, словно угадав мое желание, быстро раздеваются и плывут на помощь артиллеристу. По моему сигналу все четверо ныряют, а мы, ухватившись за тросы, нещадно стегаем лошадей...

— Ура-а-а-а-а! — разносится по реке, когда проклятая пушка тронулась наконец с места и поползла к берегу. И словно в ответ на наши крики, с ближайшей к нам опушки раздаются автоматные очереди. Одна лошадь падает. Кто-то хватает топор и перерубает постромки. Пушку, вытянутую на берег, волокут за бугор, а раздетые и полураздетые красноармейцы хватают оружие и разбегаются вдоль берега, стараясь найти хоть какое-нибудь укрытие от пуль. Воронов по-кошачьи приземляется рядом со мной.

— Немцы, товарищ комроты, — докладывает он. — Внезапно

выскочили из леса. Мы сыпанули по ним из автоматов. Залегли пока... Собираются с силами, наверно.

На мой вопрос о численности фашистов Воронов пожимает плечами. Осматриваюсь вокруг. Ближе всего к нам опушка, откуда нас обстреляли.

Правее открытое ровное поле, засеянное клевером. Пересекающая его дорога упирается в дальнюю кромку леса. По ней мы и намеревались следовать дальше. Однако под огнем противника это невозможно. Посоветовавшись, решаем прежде всего отогнать фашистов в глубь леса. Подождав, пока бойцы оделись и собрали снаряжение и боеприпасы, перебежками продвигаемся к опушке. Артиллеристы выпустили последние снаряды. Когда до опушки осталось около двухсот метров, огонь начал стихать. Пули летят уже откуда-то из глубины, это была беспорядочная, бесприцельная пальба.

Отбросив фашистов, решаем двигаться к противоположной опушке леса. Вспомнив, что на карте этот лес показан сильно заболоченным, советуюсь со стариком, который во время перестрелки оставался около раненых, где легче его пересечь. Поняв мой вопрос, старик покачал головой:

— Не пройтить вам, мил человек, через энтот лес: гибельные места, заблукаете и пропадете.

— Что же делать, дедушка?!

Старик долго молчит, шевеля губами. Полагая, что он не расслышал, повторяю вопрос громче. В моем голосе растерянность. Подняв на меня светлые, словно вылинявшие, глаза, старик неожиданно заявляет:

— Провожу вас, лес энтот я знаю с малых лет.

С сомнением гляжу на согбенную фигуру старика: сможет ли он прошагать десять километров по лесным тропинкам? Ведь еще и возвращаться надо...

Старик словно догадался о моих колебаниях. Опершись на толстую палку, изогнутую в виде рогача, натужно кряхтя, он медленно встает с земли и, перекрестившись, неожиданно бодро шагает по дороге, бросив на ходу:

— Тронулись, мил человек, с богом!

Под прикрытием группы бойцов, возглавляемых Вороновым, наш маленький отряд следует за стариком. К моему удивлению, среди нас не оказалось контуженого артиллериста. Оказывается, старший лейтенант, как только прекратился обстрел, не ожидая остальных, отправился к лесу. Отряд, мол, нагонит.

Отряд благополучно вступил в лес. Охрименко и Федя пытаются поддерживать старика под руки, но тот решительно отвергает их помощь. Сгорбившись, он размеренно шагает по лесной тропинке. Проходит час, другой, но на след артиллериста мы не вышли. Так и разминулись в этом лесу наши пути.

Только далеко углубившись в лес, начинаю осознавать, какая опасность подстерегала нас. Шагаем по едва заметным тропинкам, все чаще попадаются заболоченные участки, на которых, не зная

леса, не определить верное направление. Особенно тяжело приходится с пушкой. Местами мы вынуждены тащить ее на руках. Если бы мы пересекали эту лесо-болотную глухомань без проводника, наверное, запутались бы.

Наконец почва под ногами становится тверже. Начинаются перелески, цветистые поляны. Старик останавливается, усаживается на высокую кочку и, перекрестившись, объявляет:

— Ну вот, мил человек, слава богу, конец болоту. Теперь вы в безопасности. Идите с богом, а я отдохну маненько и тронусь в обратную.

Мы делаем привал. Петренко осматривает раненых. Охрименко и Федя быстро разводят костер. Сварив суп, все жадно набрасываются на еду. Ставлю котелок возле старика и предлагаю подкрепиться. Старик недоверчиво смотрит на алюминиевую ложку и отрицательно качает головой:

— Губы сварить можно...

Охрименко приносит деревянную. Одобрительно оглядев ее, старик медленно зачерпывает ложкой из котелка и осторожно пробует суп губами. Он показался ему горячим. Отложив ложку, старик ждет, пока остынет. Из вежливости следую его примеру. Разговор между нами не клеится: мне приходится выкрикивать каждое слово. Поэтому говорит один старик:

— Я, мил человек, тоже был солдатом. Давно энто было, еще с туркой воевали на Балконах.

— На Балканах! — пытаюсь поправить я.

— Ась?

— На Балканах, дедушка, на Балканах! — кричу я.

— Так, мил человек, так, истинно так говоришь: на Балконах. — Старик одобрительно кивает. — Мы там огромадную речку переплывали, не таку, как вы, мил человек, седни. На энтом берегу турка, а тута мы, значит. Турка стрелят, а мы плывем... Много нашего брата на дно раков кормить отправилось... Царствие им небеспое... — Старик крестится. — Но как ни бушевал турка, а мы приплыли к энтому берегу. Турка на нас кидается, а мы в штыки его... Отбились. Медаль мне потом выпала за энто дело. — Помолчав, старик горестно вздохнул: — Мы, мил человек, на Балконах речки переплывали, а вы теперя на своей родной земле переплываете, да все в обратную сторону... Непорядок это.

Я смущенно развожу руками. Старик смягчается:

— Ну, давай, мил человек, поснедаем маненько, путь вам далекий, да и мне десять верст киселя хлебать...

Ест старик медленно. Поднося ложку ко рту, старается не пролить ни одной капли на траву. Под ложкой держит ломоть немецкого рыхлого хлеба. Проглотив пару ложек супа, отламывает кусочек хлеба и тщательно разжевывает его, но неожиданно выплевывает и морщится:

— Не нашепский хлебушек, дрянь... как трава.

После короткого отдыха тепло прощаемся с проводником. Испытывая к нему чувство глубокой признательности и жалея его,

крепко обнимаю за худые плечи. Старик растроганно машет нам вслед.

Вскоре лес кончается. На опушке переночевали, а на рассвете снова в путь. Минуем деревню за деревней. Идем со всеми мерами предосторожности: прежде чем вступить в деревню, посылаем туда разведку. Шагаем с огромным напряжением сил. Люди, несущие раненых, сменяются через каждый час. И все же они едва держатся на ногах, но ни одной жалобы. На третий день изнурительного марша, около полудня, Воронов, как обычно следовавший в головном дозоре, на подступах к одному из сел наскочил на окопы, занятые красноармейцами. Отряд задержали, а меня и Воронова привели к пожилому майору.

— Кто вы и куда следуете? — Майор подозрительно поглядывает на немецкие автоматы в наших руках.

Молча выкладываем перед ним удостоверения личности, мою кандидатскую карточку и комсомольский билет Воронова. Внимательно прочитав их и сверив фотокарточки с нашими запыленными и обгоревшими на солнце физиономиями, майор, видимо, не нашел между ними большого сходства. Он долго расспрашивал нас: откуда наша дивизия выступила на фронт, где выгрузились из эшелона, дальнейшие действия. Потом, оставив нас под присмотром вооруженных бойцов, куда-то ушел. Вернувшись, заявил:

— Мы пропустим ваш отряд, если сдадите оружие.

— Товарищ майор, — неожиданно вспылил Воронов, — обезоруживать себя мы не позволим. Оружие нам еще пригодится.

— Сдадите, лейтенант, никуда не денетесь, — холодно парирует майор.

Заметив острый взгляд, брошенный майором на висевший у меня на груди немецкий автомат, я понял, что его больше всего интересует. Автоматов у нас в то время было мало. Каждый командир мечтал заполучить их для своего подразделения. Охотно пользовались трофейными.

Строго попросив Воронова «не вмешиваться в разговор старших», предлагаю майору забрать у нас все трофейное оружие и боеприпасы, а наше штатное оружие оставить: иначе с чем же мы явимся в родную дивизию?

— Ладно! — Майор решительно махнул рукой. — Винтовки можете взять с собой, остальное оружие сложить вот здесь, у этой землянки.

Когда мы сдали трофеи, майор передал нам распоряжение: следовать в штаб 19-й армии, а артиллеристов вместе с пушкой направить в Смоленск. Он объяснил, что в Смоленск ворвались фашистские танковые и моторизованные дивизии. Незначительные силы советских войск, оказавшиеся в районе Смоленска, атакуют фашистов, пытаясь выбить их из северной части города. Они остро нуждаются в противотанковой артиллерии.

С сожалением прощаюсь с полюбившимся мне степенным и невозмутимым сержантом, проделавшим вместе с нами нелегкий путь. Однако нет худа без добра: без пушки наш маленький отряд обрел

еще большую подвижность. Теперь не составляло труда на попутной машине за несколько часов добраться до деревни Кардымово, где, по словам майора, размещался штаб 19-й армии. Прошу майора помочь отправить в госпиталь раненых. Майор обещал сопроводить их в ближайший полевой госпиталь.

На следующее утро мы были в Кардымово.

Большая деревня под Смоленском выглядит оживленной и шумной, как во время ярмарки. Везде стоят машины, повозки, привязаны кони, толпятся люди, дымятся кухни. С тревогой поглядываю в малооблачное небо, понимая, что в любой момент могут появиться фашистские самолеты. С трудом разыскав дежурного по штабу, докладываю ему о своем отряде и прошу указать дальнейший путь следования. Молодой артиллерийский капитан в новом, еще не помятом обмундировании выглядит не по-фронтовому свежо. Позвякивая шпорами, он энергично шагает от телефона к большой карте, разложенной на гладко выструганных досках, концы которых опирались на подставки, сколоченные из свежеотесанных толстых жердей. Подозвав меня, капитан ткнул карандашом в небольшой населенный пункт, расположенный примерно в четырех километрах от Вязьмы:

— Вот здесь, лейтенант, район сбора частей 162-й стрелковой дивизии. Топайте туда. Транспортом обеспечить не могу.

И мы потопали. Свободных попутных машин, на нашу беду, не оказалось. Лейтенант Воронов по привычке шагает несколько впереди отряда. За ним с трудом поспевают пять самых выносливых бойцов. Всего в отряде осталось вместе со мной девятнадцать человек. Мой взгляд с особой грустью задерживается на бойцах минометной роты. Кроме Воронова от нее уцелело еще одиннадцать человек. Тяжело шагают Василь Сероштан и Федор Браженко: после ухода артиллеристов миномет снова лег на их плечи тяжелым грузом. Петренко загрустил: его медицинская сумка пуста. Лысов, Поливода, Востриков, Шлевко держатся кучкой. Отощавший Миша Стогов следует за мной неотступно, словно тень. Бедный Хома Сусик высох за эти трудные июльские дни так, что гимнастерка болтается на нем, как на вешалке. Он все время отстает, но Федя заботливо и настойчиво подталкивает его, не позволяя замедлить шаг. Приуныл Охрименко. Продовольствие, захваченное после разгрома фашистского десанта на лесной поляне, съедено подчистую. В штабе армии ничего не удалось получить. Дежурный направил к коменданту штаба, а последний потребовал продовольственный аттестат, как будто мы находились в командировке. Торопясь в свою дивизию, мы не стали терять времени на хождение по хозяйственным инстанциям. И вот теперь заботливый старшина, который всегда болезненно переживал, когда бойцы вовремя не получали паек, ломал голову над тем, где накормить голодных людей. Его верный помощник Федя предлагает сделать привал в ближайшей деревне и попросить в правлении колхоза выдать нам что-нибудь из съестного. Одобряем его предложение.

Когда я поднялся по ступенькам дома, где находился сельсовет,

дверь распахнулась и на крыльцо вышли двое мужчин с искаженными от гнева лицами.

— А вам что здесь надо?! — столкнувшись со мной, закричал рослый мужчина с замотанной льняным полотенцем рукой. — В сельсовете печего грабить! Мародеры!!!

Я был огорошен таким приемом, но, сдержавшись, спокойно ответил, что не понимаю, чем заслужил оскорбление. Мужчина с перевязанной рукой сразу сник. Его товарищ выступил вперед:

— Моя фамилия Нефедов. Я секретарь райкома партии. Группа мародеров в военной форме взломала склад райпотребсоюза и похитила цептнер сыра.

Случай из ряда вон выходящий. Не допускаю и мысли, чтобы красноармейцы могли совершить такое. Ясно, бесчинствуют переодетые уголовники. На вопрос, куда скрылись грабители, секретарь райкома показал на дорогу, ведущую на восток:

— Далеко не могли уйти. Пытались угнать машину, милиционеры не дали.

Появилось острое желание во что бы то ни стало догнать мародеров. Воронов и Охрименко одобрили мое предложение. Отбираю девять самых надежных бойцов и вместе с секретарем райкома, его спутником, оказавшимся председателем сельсовета, и двумя милиционерами катим на полуторке вдогонку за преступниками.

Не проехали и трех километров, как увидели группу красноармейцев, расположившихся на лужайке, за которой темной стеной высился лес. Машина останавливается. Секретарь райкома с криком «Они!» спрыгивает с подножки и решительно устремляется к лужайке. На ходу приказываю Воронову отрезать мародерам путь отхода к лесу, обгоняю секретаря райкома и напрямик бросаюсь к отдыхающим, крича:

— Товарищи! Вы из какой дивизии?

Сидевшие схватили винтовки. Подбежав ближе, замечаю разбросанные головки сыра, бутылки с водкой. Двенадцать человек в красноармейской форме стоят в настороженных позах вокруг длинноногого и длинноволосого молодого человека. Длинные пряди закрывают низкий лоб, падают ему на глаза. Пытаясь откинуть их со лба, он нервно дергает головой и кричит:

— Чего надо?! Чего надо?!

Я молча продолжаю идти.

— Стой! Будем стрелять! — истерично взвизгивает он и командует: — Приготовься!

Я весь дрожу от переполняющей меня ярости и не представляю, как поступлю, но ничто уже не могло меня остановить: ни щелканье затворов винтовок, ни нацеленный в мою грудь револьвер.

Длинноволосый с заметной растерянностью выкрикивает угрозы, однако какая-то неведомая сила помимо моей воли несет меня прямо на него. Когда между нами остается последний шаг, я буквально задыхаюсь от водочного перегара.

— Ну чего тебе? Чего тебе?! — истерично повторяет он, размахивая револьвером перед моим носом.

И такое омерзение охватывает меня, что я, не думая о последствиях, изо всей силы ударяю по револьверу. Раздался выстрел, пуля просвистела над моей головой, пьяный с визгом валится навзничь. Падаю на него, теряя с головы каску и одновременно сознание от тупого удара по затылку. Очнулся от жгучего теплого спирта, который пытались влить мне в рот. Это заботливый Петренко расходует на меня остатки своих медицинских запасов.

— Жив! — улыбается сидящий возле меня на корточках секретарь райкома. — Спасибо, лейтенант, за помощь. Идти можешь? Или донести до машины?

Молча поднимаюсь. В голове шумит. Ни пилотку, ни каску надеть невозможно — такое количество белых полосок от нательной рубахи накрутил на мою бедную голову санинструктор. Оказывается, меня «угостили» прикладом, из глубокой ссадины на затылке все еще сочилась кровь. Потоптавшись и удостоверившись, что могу идти, направляюсь к машине. Прохожу мимо обезоруженных мародеров, сбившихся в кучу. Охрименко что-то гневно им выговаривает.

Из объяснений секретаря райкома стала ясна картина происшедшего. Пока все внимание пьяной компании было направлено на меня, Воронов с бойцами отрезал путь к лесу. И в тот момент, когда мародеры сгрудились вокруг меня, бойцы окружили их, а Воронов, сделав предупредительный выстрел, своим металлически звонким голосом закричал:

— Бросай оружие, изменники!

Все тут же повернулись к нему, и какой-то верзила выпалил в лейтенанта. К счастью, пуля, посланная пьяной рукой, прошла над головой Воронова. Метким выстрелом Воронов уложил бандита, остальные, мгновенно протрезвев, бросили винтовки.

Первым рейсом милиционеры увезли арестованных. С ними уехали и секретарь райкома с председателем сельсовета. Потом полуторка доставляет меня и бойцов прямо к сытному обеду.

После обеда секретарь райкома предлагает отвезти меня на станцию Издешково, где, по его словам, находится военный госпиталь. Решительно отказываюсь, заявив, что последую со своими бойцами в дивизию. Тогда он вызвал из города Сафонова грузовую машину и поручил шоферу доставить наш отряд в Вязьму.

Мы так устали, что, усевшись в машину, молча помахали нашим гостеприимным хозяевам и тотчас уснули. Часа через четыре прибыли в указанный нам пункт под Вязьмой. Штаб разыскали без труда, так как всюду были расставлены стрелки-указатели: «К пункту сбора». У входа в здание, где разместился штаб, сталкиваюсь с худощавым и очень подвижным голубоглазым майором. Выслушав меня и внимательно оглядев наш отряд, он предложил мне следовать за ним. Мы вошли в просторную светлую комнату. Справа, у окна, над разложенной на столе картой склонились капитан и лейтенант. По комнате, словно тигр в клетке, мечется полковник лет сорока пяти. Дойдя до стены, он отработанным движением, как на строевых занятиях, поворачивается кругом и

быстро шагает к противоположной стене, что-то объясняя на ходу внимательно слушавшим его подполковнику, батальонному комиссару, интенданту 2 ранга и майору-артиллеристу. Не обращая внимания на вошедших, полковник продолжает говорить:

— Значительная часть бойцов приходит в район сбора без оружия. Словом, не скоро нам удастся сколотить вполне боеспособную часть...

— Товарищ полковник, пополнение прибыло—девятнадцать человек, и притом все с оружием. Привел их лейтенант. — Майор подталкивает меня вперед.

Строевым шагом подхожу к полковнику, представляюсь. Полковник подробно расспрашивает о батальоне, о капитане Тонконоженко, заставляет повторить рассказ о бое, в котором роту отрезали от батальона. На вопрос полковника, по какому маршруту намеревался следовать капитан Тонконоженко, называю несколько населенных пунктов и район сбора в лесу севернее озера Каспля, где впоследствии батальона не оказалось. По расспросам я понял, что батальон наш еще не прибыл и о его судьбе полковнику ничего не известно. Получив ответ на все интересующие вопросы, полковник сказал:

— Ну, показывайте своих орлов! — и стремительно направился к выходу. Вслед за нами вышли и остальные собеседники полковника.

Увидев начальство, Воронов подает команду «Смирно, равнение на середину!» и становится на правый фланг, приложив руку к каске. Полковник, выйдя на середину, громко приветствует:

— Здравствуйте, товарищи!

Услышав дружное и бодрое ответное «здравствуйте...», он улыбается и, подав команду «Вольно», медленно обходит строй, пристально вглядываясь в лица бойцов и командиров. Зная от меня о подвигах Воронова, полковник, подойдя к нему, спрашивает:

— Воронов?

— Так точно, товарищ полковник, Воронов.

Лейтенант, как всегда, невозмутим. Полковник протягивает ему руку. Впервые замечаю на лице своего невозмутимого взводного краску смущения.

— Старшина товарищ Охрименко! — рапортует наш бравый Николай Федорович, выпячивая колесом грудь. От смущения он назвал себя в третьем лице.

Полковник, оглядывая крупную фигуру старшины, ласково похлопывает его ладонью по плечу.

— Раны серьезные? — поинтересовался полковник, поравнявшись с Сероштаном.

— Совсем несерьезные, товарищ полковник, — пренебрежительно отмахивается Василь. — Так себе, царапины...

— Немедленно накормить, — приказывает полковник интенданту. — Всех раненых внимательно осмотреть в медсанбате и, если необходимо, направить на лечение... Ведите, лейтенант, свою роту, размещайтесь. Место вам укажет комендант штаба.

Командую «Направо» и, следуя указаниям лейтенанта, которого перед этим видел в комнате за картой, веду свой отряд к коменданту штаба. По дороге спрашиваю, кто этот полковник, который с нами беседовал.

— Заместитель командира дивизии полковник Бурч, — нехотя отвечает лейтенант, всем своим видом показывая, что он не намерен вступать в разговор со случайным знакомым.

Молча дошагали до комендантской роты, так же молча разошлись. Комендант штаба, высокий, сухощавый старший лейтенант, ведет нас на другой конец улицы и показывает на большой деревянный дом в пять окон:

— Размещайтесь здесь. Продпаек получите у старшины комендантской роты.

В сенях меня и Охрименко приветливо встречает молодая женщина.

— Мама, к нам красноармейцы на постой! — кричит она, приоткрыв дверь.

Мы входим в комнату. На деревянной лавке у стола сидит крупная худая старуха и перебирает гречневую крупу. Уцепившийся за складки ее широкой юбки малыш с любопытством разглядывает нас.

— Здравствуйте, — ласково отвечает на наше приветствие хозяйка. — Проходите, соколики, проходите в избу. Сколько же вас будет?

— Девятнадцать, мамо, девятнадцать едоков у нас, — бодро отвечает Охрименко.

— Дак где ж мы вас разместим всех, соколики? — пугается старуха. — Тут и половина не поместится.

Я успокаиваю старую хозяйку, заявив, что мы, с ее позволения, спать будем в сарае. Такой вариант, видимо, старуху вполне устраивал, она сгребла со стола крупу и засуетилась, приказав молодайке тащить из погреба молоко, чтобы угостить «соколиков». Выпив по кружке молока с хлебом, мы стали устраиваться на ночлег, а Охрименко поспешил за продуктами в комендантскую роту. Натаскав в сарай свежескошенной травы, впервые за дни скитаний устраиваем для себя сравнительно уютный ночлег.

Охрименко принес двадцать буханок пышного белого хлеба. Каждая буханка была разрезана надвое, и в середину ее вложен большой кусок сливочного масла. Увидев масло, решил попробовать снять хромовые сапоги. Раньше все попытки проделать эту нелегкую «операцию» оказывались безуспешными. Тонкий хром от воды, грязи и солнца так прикипел к коже, что отодрать его можно было, только разрезав голенища и головки сверху донизу. А мне хотелось сохранить сапоги. Под удивленными взглядами бойцов, щедро мажу сапоги быстро таявшим маслом. Воронов с интересом смотрит на мою работу. Закончив дело и помыв руки, принимаюсь с аппетитом уплетать белый хлеб, запивая его колодезной водой. Тяжело вздохнув, Воронов тоже натирает маслом свои сапоги. Спустя два или три часа началась процедура стаскивания сапог

с меня и Воронова. Не знаю, что чувствовал Сергей, не произнесший ни слова, пока с его ног стягивали присохшие сапоги, но мне казалось, будто вместе с сапогами с ног сдирают кожу. Я изо всех сил крепился, чтобы не заорать, когда Охрименко, как клещами, ухватившись сильными руками за задник, стаскивал сапог. По обильным ручейкам пота на лбу он догадывается, какую нестерпимую боль причиняет мне, и от этого сам покрывается потом. Наконец сапоги сброшены. Петренко, осмотрев левую ногу, побледнел: хлопчатобумажный носок истлел и его кусочки приклеились к кровавым мозолям. Мне стыдно, что я забыл об элементарных мерах походной гигиены, которым нас настойчиво обучали в училище. Этот случай послужил мне хорошим уроком. Петренко не менее часа провозился, очищая кровавые мозоли от остатков носков и обрабатывая раны спиртом. Стиснув зубы, терпеливо переношу «экзекуцию».

Старшина где-то раздобыл старую галошу, в которую я с трудом втискиваю забинтованную ногу. Так и хожу: одна нога в хромовом сапоге, другая — в галоше. На мое счастье, столь «экзотически» обутых бойцов и командиров немало. Одни ходят без сапог по той же причине, что и я, другие — из-за ранения, у третьих сапоги расползлись в длительных переходах, и пришлось обуться в то, что оказалось под рукой: резиновые тапочки, солдатские ботинки, галоши.

За двое суток люди вновь обрели вполне боевой вид. Бойцы в свое удовольствие попарились в бане, побрились, выстирали обмундирование. В комендантской роте старшина добыл нитки и иголки и заставил всех тщательно заштопать гимнастерки, брюки, нательное белье.

В дни отдыха я все чаще с грустью вспоминаю нашего душевного и энергичного Стаднюка. Трудно смириться с мыслью, что его уже нет в живых. Казалось, вот сейчас появится он с пачкой свежих газет и скажет: «Товарищи, есть хорошие новости. Слушайте...»

Теперь я и парторг Лысов ежедневно проводим политинформации, рассказываем о положении на фронтах, о растущем отпоре, который встречает агрессор. Свежие номера армейской газеты «За честь Родины» бойцы зачитывают до дыр: в газете публиковались зловещие откровения фашистских заправил. Они вызывали у людей беспредельную ненависть к агрессору. Порой не узнаю своих товарищей, когда читаю им выдержки из пресловутой книги Розенберга «Миф XX века», в которой тот, в частности, писал: «...В великой борьбе за существование, честь, свободу и хлеб, которую ведет столь творческая нация, как германская, недопустимо считаться с поляками, чехами, русскими и тому подобными нациями, столь же импотентными и ничтожными, как требовательными и нахальными. Эти нации необходимо отбросить на восток, чтобы освободить земли, которые будут обрабатываться немецкими руками».

Охрименко задел непонятный эпитет «импотентные». Когда я объяснил смысл этого слова, он погрозил кулаком:

— Мы их самих, гадов фашистских, скоро сделаем импотентами.

Большую пропагандистскую работу развернули мы в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение ложных слухов». Лысов, ознакомив бойцов с указом, рассказал, что враг специально засылает своих агентов для распространения панических слухов, желая подорвать боевой дух советских воинов. Призывая товарищей решительно бороться с распространителями слухов, он прочитал ставшее популярным стихотворение Николая Асеева:

У страха — не глаза велики, а руки.
Не потакай фантазии шаткой!
Если слышишь, что кто-нибудь врет,
Рот затыкай ему шапкой.

Результаты разъяснительной работы не замедлили сказаться. Бойцы стали таскать ко мне перепуганных любителей поделиться «новостями». Они, как правило, оказывались из соседних подразделений. Только успел отправить в штаб одного паникера, «по секрету» рассказывавшего, что «немецкие танки уже на Москву наступают», как Сероштан тащит за шиворот упирающегося растрепанного красноармейца. Сероштан вытянулся и, приложив руку к каске, возмущенно доложил:

— Товарищ лейтенант, послухайте, что брешет этот гад!

Мельком окидываю рыхлую, неопрятную фигуру задержанного. Пристально гляжу в его испуганно бегающие белесые, словно бельмами закрытые, глаза. Стараюсь говорить спокойно:

— Мне тоже хотелось бы услышать новости, которые вы распространяете, а также узнать, из какого источника вы их черпаете?

«Информатор» пристально разглядывает носки своих ботинок. Повторяю вопрос. Задержанный упрямо молчит. Крупные капельки пота, стекающие со лба, скапливаются на кончике его картофелеобразного носа. Теряя терпение, сердито говорю:

— Доставь, Василь, этого подлеца в штаб. Доложи, какие он слухи распространяет.

Встрепенувшись, красноармеец бросает быстрый злобный взгляд на Сероштана и плаксиво вопит:

— Да ничего я не брешу! Это он все выдумывает!

— Ах ты, гнида! — замахивается на него сержант, отчего тот в испуге приседает. — А кто нашим бойцам только что брехал, что все наши командиры изменники, что ты, гадюка, лично расстрелял при отступлении трех полковников, нескольких капитанов и лейтенантов?! Спросите, товарищ лейтенант, у наших бойцов! — Сероштан поворачивает ко мне побагровевшее от гнева лицо.

— Вы действительно говорили все это? — спрашиваю я, крайне удивленный услышанным.

Задержанный угрюмо отводит глаза в сторону. Повторяю приказ сдать распространителя ложных слухов в штаб. А вечером произошло событие, подтвердившее своевременность работы по повы-

шению бдительности. Мы с Вороновым сидели в избе за столом. Только успели проглотить по ложке гречневой каши с молоком, которой нас угостили заботливые хозяйки, как дверь неожиданно распахивается и в комнату стремительно входит незнакомый пехотный капитан, а за ним вваливаются Охрименко и два бойца с винтовками наперевес.

— Что случилось, товарищ старшина? — строго спрашиваю я, недовольный тем, что прервали ужин.

Но капитан не дает Охрименко рта раскрыть.

— Как вы смеете, лейтенант, так распускать подчиненных! — кричит он, брызгая от ярости слюной. — Вы за это ответите. Я требую немедленно арестовать старшину за оскорбление старшего командира, иначе вы горько пожалеете о случившемся.

Оторопевший от неожиданного нападения, наш добродушный старшина что-то невнятно бормочет, чаще обычного повторяя любимое «едят его мухи».

Выйдя из-за стола, подхожу к растерянному Охрименко. Положив руку на его плечо, ободряюще говорю:

— Успокойтесь, Николай Федорович, доложите вразумительно, что произошло.

Охрименко распрямляет могучие плечи и с обидою в голосе рапортует:

— Товарищ лейтенант, извиняйте, но хлопцы задержали вот их. — Старшина кивнул в сторону капитана. — Они, едят их мухи, ходили по деревне и собирали у ребят письма. Нам такой «почтальон» показался подозрительным. Раз они, — старшина снова кивает на капитана, — оказались в нашем расположении, я попросил показать документы. Они отказались и обозвали меня дураком. Обидно, товарищ лейтенант: мы действовали по приказу...

— Прекратите балаган, лейтенант, — язвительно перебил задержанный. — Ваши шерлоки холмсы явно перестарались. Но, учитывая тревожную обстановку, я прощаю их. А вам советую принять меры, чтобы подобные глупости не повторялись.

Тон задержанного, его манера говорить действовали мне на нервы. А главное, этот самозваный «почтальон» казался подозрительным. Подойдя к нему, по всей форме представляюсь и прошу предъявить документы. Высокомерно поглядывая на меня, капитан неторопливо достает из кармана шерстяной гимнастерки непромокаемый футляр, вытаскивает из него какой-то документ и с презрительной усмешкой протягивает мне.

— Ваши подчиненные, лейтенант, переусердствовали. Я хотел помочь им отправить письма родным, поскольку сейчас выезжаю в Вязьму. А ваши солдаты вместо благодарности арестовали меня. Это глупо, лейтенант.

— Надеюсь, товарищ капитан, бойцы не грубили вам?

— Нет, — капитан снисходительно махнул рукой, — они просто перестарались, я прощаю их.

— Вот и хорошо, — заключил я. — Проверим сейчас ваши документы и на этом закончим формальности.

Глаза капитана сузились от злости, но он продолжает со снисходительной усмешкой поглядывать на меня. Раскрыв протянутый мне документ, убеждаюсь, что это почти новенький партбилет, выданный на имя Конькова Ивана Васильевича. Меня удивило, что капитан предъявил не удостоверение личности, а партбилет, но он объяснил, что сдал удостоверение в штаб для замены, так как при переправе через Днепр оно было испорчено. Внимательно разглядываю партбилет: все в порядке. Однако фотография настораживает. Партбилет был выдан в 1935 году, а на фотографии капитан выглядел таким, каким я видел его перед собой, даже гимнастерка была такой же. Перехватив настороженный взгляд Воронова, вежливо извиняюсь за задержку и, сославшись на приказ, прошу капитана следовать за мной в штаб. Смутное подозрение не покидает меня, но почему-то стесняюсь проявить открытое недоверие к старшему по званию. Поэтому самонадеянно махнул рукой Охрименко: оставайтесь, мол, один пойду. И эта самонадеянность чуть не стоила мне жизни.

Мы шагаем с капитаном почти рядом. Держусь настороженно, готов в любую секунду выхватить из кобуры револьвер. Однако совсем забыл, что кобуру нужно расстегнуть. Это обстоятельство, видимо, не осталось незамеченным моим спутником. И когда мы повернули в глухой проулок, ведущий к штабу, он по-кошачьи прыгает в сторону. В его руке матово блеснул ТТ. Ясно сознаю, что промахнуться на таком расстоянии невозможно, и, выхватывая оружие, надеюсь лишь на то, что сумею выстрелить до того, как револьвер выпадет из моих рук. Но нажать курок не успеваю: почти одновременно раздаются два выстрела, пуля просвистела возле моей головы, а капитан, со стоном схватившись за руку, роняет пистолет. Обернувшись, вижу непонятно откуда появившегося Сергея Воронова. Подняв пистолет, он насмешливо цедит сквозь зубы, глядя на «капитана» в упор:

— Плохо тебя учили стрелять, гадюка, долго целишься.

— Как ты здесь оказался, Сергей?

— Вы же запретили следовать за вами Охрименко, а не мне,— лукаво улыбается Воронов и, нахмурившись, добавляет: — Почему-то не понравился мне его взгляд, брошенный на застегнутую кобуру.

Поняв, что лишь чудом избежал смерти, испытываю огромное чувство признательности к своему спасителю. Однако на фронте мы быстро привыкаем к сдержанности. Подойдя к Воронову и крепко пожав его сильную руку, произношу лишь одно слово:

— Спасибо!

— Не стоит.

Мы отвели «капитана» в штаб, доложили о случившемся. В первом часу ночи меня вызвали в особый отдел. Майор, потирая усталые глаза, попросил меня подробнее рассказать, почему «капитан» вызвал у нас подозрения. Объясняю. Внимательно выслушав, майор улыбнулся:

— Молодцы и бойцы ваши, и вы, лейтенант. Действовали правильно. Поздравляю. Капитан липовый. Абвер поручил ему собирать сведения о резервах в ближайшем тылу.

Слушаю майора и размышляю о том, какой поучительный урок преподала мне судьба.

— Может, согласитесь перейти к нам? — неожиданно предложил майор. — Видите, какая обстановка в прифронтовой полосе? Нам очень нужны бдительные люди.

Поблагодарив за доверие, ответил, что чувствую себя более подготовленным для встречи с фашистами в открытом бою.

— Жаль, лейтенант. — Майор протягивает мне руку. — Я все же прошу подумать над предложением. Завтра доложите свое решение.

Однако мне не пришлось раздумывать. Утром нас с Вороновым вызвали к полковнику Бурчу. Встречи с ним дожидались не знакомые мне командиры и политработники. Мы поприветствовали собравшихся. Я хотел поинтересоваться у рядом стоявшего лейтенанта о причине вызова, но в этот момент дежурный пригласил всех к полковнику. Когда мы вошли в просторную комнату, заместитель командира 162-й стрелковой дивизии полковник Бурч нервно расхаживал по комнате. Дежурный доложил, что все вызванные командиры прибыли. Испытующе посмотрев на нас, полковник объявил:

— Товарищи командиры, в районе города Ярцево идут ожесточенные бои с выброшенными там воздушными десантами. Для их ликвидации не хватает сил, поэтому командующий девятнадцатой армией приказал выделить для борьбы с десантом всех, кто может выступить немедленно. Мы формируем сводный батальон...

Вытащив из кармана гимнастерки лист бумаги, он зачитал приказ о назначении командного и политического состава сводного батальона.

Батальон возглавил старший лейтенант Грязев, комиссаром назначен старший политрук Степченко, чем-то напомнивший мне батальонного комиссара Панченко, адъютантом старшим, а попросту говоря, начальником штаба, — лейтенант Васильев. Второй старший лейтенант, одетый в мешковато сидевшую на нем хлопчатобумажную гимнастерку и непомерно широкие синие галифе, стал командиром второй роты. Мне выпала доля командовать первой ротой, Воронову — третьей. Зачитав приказ, полковник стал знакомиться с каждым из назначенных командиров. Дойдя до меня и заметив на левой ноге галошу, полковник удивился:

— Вы, лейтенант, в таком виде собираетесь в бой?

— Нет, — отвечаю я и чувствую, что краска стыда бросилась мне в лицо, — надену сапог.

— А сможете? — В голосе полковника слышится недоверие.

— Смогу, обязательно смогу!

Выйдя от полковника Бурча, комбат собрал всех командиров и политработников под навесом хозяйственного двора. Окинул собравшихся быстрым изучающим взглядом карих глаз.

— На долгое знакомство времени нет, — заявил он. — Узнаем друг друга в бою. Сегодня до пятнадцати ноль-ноль примите людей по спискам, а также получите оружие и снаряжение. Готовность к выступлению — восемнадцать ноль-ноль. Вопросы есть?

Вопросов, естественно, было много. Комбат терпеливо отвечал на них. В заключение комиссар батальона рекомендовал до выступления в поход обязательно провести в подразделениях короткие партийные и комсомольские собрания. Когда стали расходиться, он вручил каждому пачку номеров армейской газеты и «Правду», которую мы не получали с начала войны.

Не теряя времени, направляюсь к домам, в которых разместилась первая рота. Около одного из них дымила походная кухня. Узнав у возившегося возле топки красноармейца, что командир роты находится в доме, медленно поднимаюсь на крыльцо. Дверь стремительно распахнулась, и в ее проеме появился высокий худой старший лейтенант. Одернув почти новую хлопчатобумажную гимнастерку и поправив сползающий поясной ремень, он вежливо осведомился:

— Вы к кому, товарищ лейтенант?

Узнав, что я назначен командиром первой стрелковой роты, он, стараясь пошире развернуть узкие плечи, отрекомендовался:

— Старший лейтенант Папченко, командую третьим взводом и, как старший по званию, временно исполняю обязанности командира роты. — Облегченно вздохнув, добавил: — Принимайте, пожалуйста, роту: не по Сеньке шапка, у меня и со взводом хлопот полный рот. Я по профессии преподаватель русского языка и литературы, привык дело иметь с детьми, а не с великовозрастными шалунами. Вот только что красноармейцы такое учудили! Вытащили из сарая хозяйскую свинью, приклеили ей длинную челку из выкрашенной в черный цвет пакли, нарисовали углем усики, на лбу свастику и в таком виде затащили бедную хавронью на импровизированную трибуну. Вся рота расселась перед трибуной, а красноармеец Кочерыгин стал дергать свинью за хвост. Она, естественно, возмущенно захрюкала, потом завизжала, а зрители, слушая ехидные комментарии красноармейца Елкина, неистово хохочут и бурно аплодируют. Уж очень живо хавронья напомнила им получившую вчера карикатуру на Гитлера. Хозяйка, услыхав отчаянный визг свиньи, выбежала из дома и такой крик подняла! Обиделась, что ее животину уподобили извергу Гитлеру. Еле упросил ее не ходить в штаб с жалобой. Долго растолковывал ей, какую важную пропагандистскую роль сыграла ее хавронья.

Папченко приглашает меня в дом. Входим. Высокая, широкая в кости старуха, одетая в черную кофту и юбку с многочисленными складками, растапливает огромную печь. На мое вежливое «здравствуйте, хозяйка» она не отвечает и молча продолжает возню у печки.

— Все еще сердится, — шепчет Папченко и показывает на дверь, ведущую во вторую половину дома: — Проходите, там мы и размещаемся.

Входим в чистую, светлую комнату, в углу которой стоит высокая кровать с целой горой пуховых подушек. Пол застлан домотканными половиками, у окна стол, покрытый вышитой скатертью.

— Вот здесь, — говорит Папченко, кивая на пол у противоположной стены, — спим мы, командиры. Если возражаете, мы разойдемся по взводам.

Сказав, что вместе веселей, прошу показать список личного состава роты. Папченко вытаскивает из полевой сумки блокнот и, раскрыв, подает мне. Присев у стола, изучаю список, который давал полное представление о возрасте бойцов и командиров, их военной специальности, о наличии у них боевого опыта. Отныне под моим командованием будет свыше ста двадцати пяти бойцов и командиров, что в два с половиной раза больше, чем мне довелось командовать в первые недели войны. Следовательно, и ответственность возрастет. Сто двадцать пять бойцов и командиров — сила немалая, и если мои новые товарищи по оружию окажутся столь же хорошо подготовленными, как минометчики, то мы еще покажем фашистам, где раки зимуют.

Возраст бойцов и командиров колебался от 20 до 30 лет. Самым «пожилым» был Папченко, которому исполнилось 34 года. Остальные командиры взводов оказались моими ровесниками. Политруком роты числился Стольников, с которым мне еще не довелось встретиться.

На вопрос об экипировке роты Папченко ответил без энтузиазма. Не хватало даже винтовок, а из автоматического оружия пока всего один ручной пулемет; не было ни саперных лопат, ни противогазов, ни ротных минометов — все это надо добывать, а времени в обрез: в любую минуту могут поднять по тревоге.

Не медля ни минуты, спешу со списком недостающего оружия и снаряжения к комбату. Тот встречает меня в тесном окружении командиров. Из весьма оживленных переговоров понял, что все командиры пришли с аналогичными просьбами. Во всех ротах ощущается нехватка самого необходимого для боя. Комбат сообщает, что подал рапорт в штаб о недостающем вооружении и плохой экипировке батальона. Остается ждать решения полковника Бурча.

Подходя к дому, в котором обосновались командиры, я увидел красноармейцев, выстроившихся в две шеренги.

Заметив меня, Папченко надрывно кричит:

— Пожалуйста, равня-а-йсь! Смир-р-но! — и степенно, медленно, по-гусиному, не сгибая ног, приближается ко мне: — Товарищ командир роты! Первая стрелковая рота построена в составе ста восемнадцати бойцов и командиров, остальные в наряде и больные. Докладывает старший лейтенант Папченко.

Командую:

— Вольно!

Папченко повторяет и снова добавляет «пожалуйста».

Обходя взводные шеренги, внимательно всматриваюсь в лица бойцов, вместе с которыми, может быть, через несколько часов предстоит идти в бой.

Смотрю на них и думаю: «Все они уже опалены порохом войны. Не внесло ли отступление смятения в их души?» Встречаюсь с прямыми, твердыми взглядами, в глазах не замечаю ни страха, ни подавленности и успокаиваюсь.

— Ваша фамилия, товарищ? — спрашиваю у синеглазого красноармейца, на лице которого застыла задорная усмешка.

— Красноармеец Сечкин! — вытягиваясь, звонко чеканит боец.

— В боях участвовали?

— Так точно! — И, смутившись, добавил: — В основном... отступал.

— Ничего, — успокоил я, с удовольствием оглядывая бойца, стройная фигура которого выделялась свежевыстиранным обмундированием и чистыми, блестевшими от дегтя сапогами, — за битого двух небитых дают. Научимся и мы наступать.

Нахмурившись, красноармеец тихо, словно делясь сокровенной тайной, выдохнул:

— Я верю в это, товарищ командир.

Вид нескольких бойцов вызывает раздражение. Сквозь порванное обмундирование сереет грязное нижнее белье, сапоги в засохшей грязи. А выражение лиц! На одном — безысходная тоска, на другом — застывший испуг. Эти люди не оправились еще от пережитого в боях потрясения.

Приказав отвести роту в предназначенные ей дома, прошу командиров взводов остаться, чтобы поближе с ними познакомиться. Командиры первого и второго взводов лейтенанты Калинин и Валежников похожи бравым видом, отличной воинской выправкой и каким-то неуловимым изяществом, обычно присущим хорошим гимнастам. На их ладных фигурах даже просоленные и пропыленные гимнастерки выглядят красиво.

На мою просьбу кратко рассказать о себе Калинин, расправив мощные борцовские плечи, с едва уловимой добродушной усмешкой басит:

— Родился в одна тысяча девятьсот двадцать первом в деревне под Рязанью. Закончил неполную среднюю школу и ФЗУ. Райкомом комсомола направлен в военно-пехотное училище. Выпущен в июне сорок первого и 11 июля в составе 501-го стрелкового полка прибыл на фронт под Витебск. Неделю назад вышел из окружения. Вот и вся моя биография.

В надежде получить хоть какие-нибудь сведения о судьбе нашего 720-го стрелкового полка, прошу лейтенанта Калинина подробнее рассказать о боях под Витебском. Но сообщил он немногое. Полк смело атаковал и погнал фашистскую пехоту, но на следующий день под натиском танков вынужден был отойти. В ходе боя рота, в которую входил взвод лейтенанта Калинина, была отрезана и прижата к реке. Бойцы и командиры сражались до последнего патрона. Те, кто уцелел, попытались переплыть реку под шквальным огнем противника. Противоположного берега удалось достичь лишь лейтенанту Калинину и пяти красноармейцам его взвода. О 720-м стрелковом полку он ничего не знал.

Из лейтенанта Валежникова слова пришлось вытягивать, словно гвозди клещами. Говорит он медленно, задумываясь над каждым словом.

— Где учились, товарищ Валежников?

— В Киевском... пехотном.

— Когда закончили?

— В июне сорок первого.

— В боях довелось побывать?

— Довелось...

— Каким подразделением командовали?

— Взводом... стрелковым...

Во время беседы подошел политрук Вадим Николаевич Стольников и с ходу забросал лейтенантов вопросами. Когда Валежников не смог припомнить фамилию одного из коммунистов, загорелое красивое лицо Стольникова омрачилось.

— Как же так? Ведь коммунисты и комсомольцы — опора в бою. Вы должны знать каждого из них как самого себя.

Когда у Стольникова иссякли вопросы, коротко рассказываю о себе. Затем наступает очередь политрука. Он, словно извиняясь, заявил, что в боях еще не участвовал. Военно-политическое училище окончил в 1940 году. Работал в политотделе стрелковой дивизии...

Разговор прерывает неожиданное появление моих минометчиков, которых привел старшина Охрименко. По его команде они перестраиваются в одну шеренгу и подчеркнуто молодцевато вытягиваются под удивленными взглядами командиров.

— Так что, товарищ комроты, ввереннный вам личный состав прибыл за получением указаний! — гаркнул Охрименко, подойдя ко мне строевым шагом. Разгладив обеими руками пшеничные усы, он смотрит на меня в упор немигающими светло-голубыми глазами, в которых светится тревожное ожидание.

Я растерялся. Стыдно было признаться, что за всеми делами, свалившимися на меня с момента вызова к полковнику Бурчу, забыл о своих верных боевых друзьях. Пока я собираюсь с мыслями, командиры с интересом разглядывают бойцов. Молчание затягивалось, и Охрименко, взволнованно кашлянув в кулак, пояснил:

— Мне лейтенант из штаба, едят его мухи, сказал, что всех нас, — старшина махнул рукой на внимательно слушавших минометчиков, — передают в резерв, а вы другую роту принимаете. Возьмите нас к себе...

Волна признательности захлестнула мое сердце. Подхожу к минометчикам и с нежностью всматриваюсь в их взволнованные лица. Стоявший правофланговым Сидор Петренко машинально перебирает ремень санитарной сумки. Встретившись с укоризненным взглядом санинструктора, перевожу глаза на старшего сержанта Степана Поливоду, в серых усталых глазах которого читаю: «Нельзя бросать боевых товарищей, лейтенант». Его сосед Востряков обиженно раздувает свои и без того пухлые щеки. Федор Браженко, вытянув по

швам необычайно длинные руки, шмыгает утиным носом. Смуглое лицо Лысова, на котором твердые частицы угольной пыли оставили неизгладимые следы, как всегда, спокойно, а его глаза словно бы говорят: «Ну куда ж ты без нас, командир». На круглом курносом лице высокого узкоплечего Шлевко спокойствие и добродушие. Увидев в шеренге бывшего учителя Павла Митина из стрелковой роты, с остатками которой в последних боях объединились уцелевшие минометчики, искренне радуюсь. Он единственный из стрелков, кто остался с минометчиками. Встретившись с ним взглядом, дружески улыбаюсь. Мне определенно нравится этот интеллигентный человек, не терявший самообладания в самые трудные минуты боевой обстановки. Но особенно меня радует перспектива заполучить в роту бойца, сносно владеющего немецким языком. Мой верный ординарец Миша Стогов выражает свою обиду, буравя сердитым взглядом землю под ногами. Только маленький Хома Сусик, положив худенькие руки на свой неизменный полевой телефонный аппарат, смотрит на меня с детски открытой улыбкой. Нелепое одеяние Феди, стоявшего последним, невольно заставляет и меня улыбнуться. На нем домашние полосатые штаны, заправленные в неумело накрученные обмотки, и огромные солдатские ботинки. Широкие плечи обтягивает видавшая виды солдатская гимнастерка с кавалерийскими петлицами. Она явно мала для этого богатыря. Из коротких рукавов смешно высовываются крупные руки, воротник не застегивается. Казалось, Федя боится вдохнуть полной грудью — того и гляди гимнастерка разлезется по всем швам. А на голове его по-прежнему домашний картуз из коричневой материи, только над козырьком уже сверкает красная звездочка. В таком виде Федя похож на анархиста времен гражданской войны, какими их нередко показывают в кинофильмах.

— Кто это тебя так вырядил? — удивился я.

— Сам, — отвечает Федя горделиво.

— Товарищ Охрименко! — стараюсь говорить как можно суровее. — Почему Федя не передан в распоряжение штаба?

— Не берут, едят его мухи. Сказали, щоб шел вин в Вязьму и обратился там в военкомат... Вот бурократы! — сердито разводит руками добряк старшина.

Я напрасно ищу сержанта Сероштана. Его нет. Словно опережая мой вопрос, Охрименко огорченно сообщает:

— А Василя увезли в медсанбат...

Еще раз внимательно оглядев своих товарищей, глубоко вздыхаю, невольно перебирая в памяти короткий, но трудный и опасный путь, пройденный вместе с ними. Не могу я смириться с мыслью, что придется идти в бой без испытанных боевых друзей. Я твердо решил: не расстанусь с ними, во что бы то ни стало добьюсь, чтобы их включили в мою новую роту.

Когда рассказал об испытаниях, выпавших на нашу долю, Стольников горячо воскликнул:

— Я вместе с тобой, командир, пойду упрашивать комбата, чтобы включил этих молодцов в нашу роту!

Дав подробные наставления командирам взводов о подготовке к предстоящим боям, отпускаю их. Вспомнив неуставную манеру Панченко подавать команду, останавливаю его и говорю, что слово «пожалуйста» при подаче команды звучит нелепо.

— Извините, пожалуйста, — отвечает он со смущенной улыбкой, — сила привычки. Это слово выскакивает помимо моей воли.

Мы с политруком спешим к комбату. Старший лейтенант, выслушав нашу просьбу, решительно отказывается идти к полковнику Бурчу, заявив, что перевести минометчиков в стрелки тот не разрешит. Стольников резонно возражает, что среди бойцов нашей сводной роты есть даже саперы и артиллеристы. После долгих уговоров комбат сдается и обещает решить этот вопрос. Считая включение минометчиков в состав роты делом решенным, Охрименко развил бурную организационную деятельность, совершенно оттеснив степенного сержанта Востокова от исполнения обязанностей старшины роты. Последний покорно ходит по пятам за энергичным украинцем и беспрекословно соглашается с его распоряжениями. Вскоре хозяйственный Охрименко раздобыл три термоса, наполненных бензином, натащил разнокалиберной стеклянной тары и организовал «производство» самодельных противотанковых средств. Узнав, что старшина комендантской роты тоже украинец, Охрименко навестил его и вскоре притащил ворох различного поношенного обмундирования, которое весьма пригодилось. Подобрали по росту гимнастерку и брюки Феде. Только пилотки для него не нашлось. Вместо пилотки Охрименко надвинул ему на голову огромную каску, в которой Федя выглядел бывалым солдатом.

В спешке приготовлений мы совсем забыли, что судьба минометчиков еще не известна. Поэтому появление посыльного, передавшего приказ мне и политруку прибыть к комбату, вызвало тревогу: а вдруг отказ! Как же я объявлю об этом моим боевым друзьям? Отгоняя беспокойные мысли, почти бегу к дому, где разместился комбат. Стольников едва поспевает за мной. Ввалившись в избу, молча козыряю и вытягиваюсь в ожидании. Комбат, видимо поняв причину моего волнения, с улыбкой объявляет:

— Лейтенант! Все минометчики остаются в твоей роте: полковник удовлетворил ходатайство...

«Только минометчики, — мелькает в голове, — а Митин? А Федя? Ведь о них-то я и забыл доложить комбату».

Когда я рассказал о Митине, комбат решительно махнул рукой:

— Одним больше, одним меньше — какая разница!

После некоторого раздумья комбат разрешил оставить и Федю, приказав зачислить в список роты с указанием точного адреса родных.

— Мало ли что может случиться в бою, — пояснил он. — Нельзя, чтобы родные не узнали о его судьбе. Как только выполним задание и вернемся в дивизию, представим необходимые сведения о нем в штаб.

Возвращаюсь в роту. Радуюсь, что навстречу новым испытаниям пойду плечом к плечу с проверенными боевыми товарищами. Мое

сообщение о согласии полковника Бурча зачислить минометчиков в состав сводного батальона они встречают ликованием.

Тем временем на улице стемнело. Ночную тишину изредка нарушают окрики часовых. Надо хоть немного поспать. Убедившись, что недостающее оружие получено и роздано, что боеприпасами рота обеспечена, что люди накормлены, объявляю «Отбой».

ЭТО БЫЛО ПОД ЯРЦЕВО

Ночью батальон подняли по тревоге. Комбат Грязев коротко сообщил, что мы выступаем в район города Ярцево, чтобы ликвидировать воздушный десант, сброшенный в ближайшем тылу наших войск. Всем подразделениям надлежит быть в полной боевой готовности. О численности десанта и его местонахождении комбат не сказал. Возможно, такими сведениями он не располагал.

Потрепанные ЗИСы натужно ревут. Бойцы тревожно посматривают по сторонам, готовые немедленно вступить в бой. Темной стеной огораживает дорогу лес. Ночью он кажется особенно таинственным. Где-то в его чащобе скрывается враг. Каждый кустик, отдельно стоящее дерево заставляют пристальнее всматриваться и вслушиваться, чтобы сквозь шум моторов уловить посторонние звуки. Но лес, окутанный темнотой, безмолвен.

Я сижу в кабине идущей впереди машины. Изредка высовываю голову, чтобы убедиться, что остальные машины идут следом, и каждый раз вижу передние ряды сидящих в кузове бойцов. Придвинувшись к Сероштану, они слушают его неистощимые байки. Появился Василь за четверть часа до посадки на машины, без оружия, с непокрытой головой и... в галошах, привязанных бечевкой.

— Ты откуда, Василь? — удивился я. — Сбежал из медсанбата?

— Как можно, товарищ лейтенант?! — с едва уловимой усмешкой возразил он. — Бегают дезертиры, а я отпросился на передовую... Правда, очень торопился и кое-что позабыл в медсанбате...

Только я хотел высказать свое мнение по этому поводу, как запасливый Охрименко уже сунул Сероштану пилотку и стоптанные солдатские ботинки.

— Садись в машину, сержант! — решительно сказал я.

Когда доложил комбату о возвращении Сероштана, он приказал начальнику штаба в очередном донесении сообщить, чтобы не разыскивали сержанта.

На рассвете мы беспрепятственно вышли в назначенный район. Заскрежетали тормоза. Машины остановились. По колонне разнеслось:

— Выгружа-а-а-айсь!

Командиры развертывают подразделения, высылают охранение. Ротные окружили комбата, возле которого стоит пожилой мужчина, одетый в полосатый пиджак и такие же брюки, заправленные в сапоги. Несмотря на теплое летнее утро, в руках незнакомца шапка-ушанка, которую он, волнуясь, нещадно тискает крепкими сухими пальцами.

— Вот, товарищи командиры, — говорит Грязев, — местный житель Степан Тимофеевич Воротников видел вооруженных до зубов фашистов между шоссейной и железной дорогами.

По просьбе комбата Степан Тимофеевич повторил рассказ: под вечер около десяти самолетов выбросили десант. Воротников, знавший в районе каждую тропку, пробрался в глубь леса и на одной из больших полян насчитал более сотни парашютистов.

— Обстановка ясна? — Грязев обвел взглядом присутствующих.

— Ясна, — ответил за всех лейтенант Воронов, — но хотелось бы уточнить, чем вооружены парашютисты.

— Повторите, товарищ Воротников, какое оружие у парашютистов, — попросил комбат.

— Почти у всех вот такие штуки. — Воротников показал на автомат комбата. — Только у них они короче и все железные. Некоторые несли вдвоем длинную железяку на рогульках.

— Из рассказа уважаемого Степана Тимофеевича нетрудно понять, что большинство парашютистов вооружены автоматами, — подчеркнул Грязев. — Имеются у них и пулеметы. Это обстоятельство вы должны хорошенько запомнить. У них — автоматы, у нас — винтовки. Поэтому будьте осторожны. Главный расчет на внезапность, засады и меткий огонь. Помните: без разведки — ни шагу...— Комбат развернул карту, жестом пригласил подойти ближе. — Смотрите. Судя по рассказу Степана Тимофеевича, нам надлежит прочесать вот этот участок.—Он обвел красным карандашом лесной массив к югу от шоссе. — Мы погоним фашистов к железной дороге, вдоль которой заняли оборону подразделения одной из наших частей. Если парашютисты не примут боя, они напорются на этот заслон. Если они не смогут пробиться через этот заслон, тогда мы окажемся объектом их атак. Возможно, они попытаются прорваться через наши боевые порядки. Напрашивается вывод: позади боевого порядка каждой роте надо иметь сильный резерв — не менее трети всех сил.

Дав ряд рекомендаций по организации боя, Грязев распределил между ротами полосы леса для прочесывания. Нашей роте предстояло действовать на правом фланге, поэтому комбат мне и командиру левофланговой роты приказал принять необходимые меры, чтобы противник не обошел нас.

Стремясь сэкономить время, подробно разъясняю сложившуюся обстановку и полученную задачу одновременно командирам взводов и отделений. Попутно выясняю, есть ли в роте охотники. Охота вырабатывает наблюдательность и умение метко стрелять по внезапно появляющейся цели, к тому же охотники, как правило, передвигаются бесшумно и хорошо ориентируются в лесу. К моему удивлению, первыми объявили себя «охотниками» почти все мои минометчики.

— На какую дичь охотились, Федор Мефодьевич?

Браженко, переступая с ноги на ногу и шмыгая утиным носом, смущенно молчит.

— На вальдшнепов, — поспешил на помощь своему другу Серошапп.

Но Браженко лишь подозрительно посмотрел на него, опасаясь подвоха.

— Ну уж на курей и домашних кочепят, товарищ лейтенант, наш Хведор Мефодьевич охотился наверняка, — с прежней серьезностью добавил Василь.

Смущенный всеобщим вниманием и веселыми улыбками товарищей Браженко тихо пробормотал:

— На разное, товарищ лейтенант, охотился...

В общем, из беседы с добровольцами я понял, что никто из них охотой всерьез не увлекался. И все же я без колебаний поручил вести разведку своим испытанным минометчикам.

В резерве оставляю взвод лейтенанта Калинина. Не только потому, что Калинин был наиболее опытным командиром, но и по той причине, что в составе его взвода оказались все мои минометчики. А в них я видел опору.

Не успел я развернуть роту в боевой порядок, как появился Охрименко, за ним — шесть бойцов с термосами в руках.

— Товарищ комроты! — Охрименко задыхается от быстрого бега. — Разрешите раздать хлопцам горячий суп? Еще на ужин был приготовлен, пропадет, едят его мухи...

Времени до сигнала оставалось менее получаса.

— Ладно, Николай Федорович, — махнул я рукой, — быстро разливай суп, и пусть немедленно расходятся по местам.

Миша Стогов протягивает мне слегка паривший котелок. Приглашаю Стольникова. Пшенный суп с мясом оказался не особенно горячим, и мы быстро его съедаем.

К назначенному времени взводы развернулись на указанных им направлениях. Как всегда неожиданно, в воздух взвилась красная ракета, извещавшая о начале боя. Бойцы, перебегая от дерева к дереву, молча двинулись вперед. В лесу стоит пугающая тишина. По личному опыту знаю, что ожидание опасности значительно тяжелее действует на психику, чем встреча с ней. Невольно ускоряю шаг.

— Скорей, скорей, — шепчу, — где же ты, притаившийся враг? Ну покажись! При одном только взгляде на тебя сердце всколыхнет ярость, которая заглушит все чувства, кроме одного — во что бы то ни стало раздавить тебя, как ядовитую гадюку...

Первые винтовочные выстрелы раздались на левом фланге роты. Их сразу же заглушил треск автоматов. Рывком бросаюсь к толстой сосне, останавливаюсь за ней и осматриваюсь вокруг. С началом перестрелки бойцы залегли. Молча продвигаюсь вперед. Рядом перебегают Миша Стогов и Петренко, не отстающие от меня ни на шаг. Вдруг из-за ближайших деревьев метнулась фигура. С трудом сдерживаю желание выстрелить, и правильно: в бегущем навстречу человеке узнаю нашего повоявленного «охотника» долговязого Браженко.

— Германцы... там, — прохрипел он, задыхаясь, и показал в сторону, откуда бежал, — около сорока штук...

Сразу стало легче: враг обнаружен. То, что Браженко сосчитал фашистов поштучно, заставляет меня улыбнуться.

Тот, кто первым обнаруживает противника, получает возможность захватить инициативу в бою. Эту истину я усвоил в годы учебы. Останавливаю передовые взводы. С ними остается политрук Стольников, а мы с лейтенантом Калининым, прихватив группу бойцов из его взвода, идем за Федором Браженко, надеясь зайти диверсантам в тыл. Однако тыла у парашютистов не оказалось: они, как сообщили разведчики, заняли круговую оборону. Наиболее плотной она была со стороны шоссейной дороги. Фашистская разведка все-таки обнаружила развертывание на шоссе батальона, и теперь парашютисты, видимо, приготовились к бою. Соседняя рота, судя по ожесточенной перестрелке, уже вступила в бой.

Василь Сероштан разжился немецким автоматом. Я поинтересовался, от кого он «получил такой подарок». Оказывается, он, Лысов и Браженко, пробираясь подлеском, выползли на немецкий пост, расположившийся несколько впереди линии обороны. Пока парашютисты прислушивались к шуму, поднятому Лысовым и Браженко, Сероштан незаметно прополз по неширокой канавке и оказался позади зазевавшихся немцев. Дальнейшее было минутным делом, как выразился Сероштан: он «отобрал у них оружие, чтобы не баловались».

Двумя автоматами можно вызвать немалый переполох, если действовать изнутри вражеского кольца. Следовало воспользоваться «щелью», пробитой разведчиками, пока ее не обнаружили фашисты. Прикинув, сколько на это уйдет времени, посылаю связного к Стольникову с распоряжением поднять роту в атаку через сорок минут.

Возглавляемая Сероштаном группа благополучно достигла «щели»: над канавкой торчат ботинки со стершимися подковками — ноги убитого парашютиста. Сержант по-змеиному скользнул в канавку, мы ползем вслед за ним. Тянутся томительные минуты. Мы затаились в кустах, опасаясь, что будем преждевременно обнаружены. Чем это грозило нам, нетрудно представить. Однако неугомонный Сероштан и тут не смог усидеть на месте. Не успел я оглянуться, как он исчез. Вернулся так же неслышно, как и уполз. По его словам, впереди нас в трех лесных ямах находится временный склад боеприпасов, охраняемый часовыми. За такую приятную весть простил ему самодеятельную разведку.

К нашему счастью, унтер-офицер, обходивший расположение парашютистов, обнаружил убитых слишком поздно. Едва успел он поднять тревогу, как Стольников начал атаку. Фашисты открыли отчаянную стрельбу. Воспользовавшись разгоревшейся перестрелкой, мы кинулись к складу. Глубокие заросшие ямы, забитые ящиками с патронами и гранатами, оказались прекрасными естественными укрытиями. К тому же наше вооружение пополнилось автоматами,

снятыми с убитых часовых и унтер-офицера. Теперь нужно попытаться лишить фашистов их огневого «пайка».

Вскоре к складу устремились подносчики боеприпасов и наткнулись на пули. Обнаружив, что склад боеприпасов захвачен, парашютисты сосредоточили против нас автоматный и пулеметный огонь. Головы не дают высунуть. Пришлось взяться за гранаты. Парашютисты залегли. Они, видимо, не поняли, что нас всего горстка. Нервы их сдали. Они начали отходить в глубь леса, откуда доносились «лающие», как метко заметил Стольников, очереди немецких автоматов. Прячась за деревьями, мы преследуем отступающих и лицом к лицу сталкиваемся с бойцами своей роты, впереди которых бежит Стольников с винтовкой наперевес. Увидев меня, он поднимает винтовку вверх и торжествующе кричит:

— Победа! Фашисты драпают...

Нескольким бойцам поручаю собрать с убитых все автоматы и захватить обнаруженные боеприпасы, остальным приказываю продолжать преследование. Однако рой разрывных пуль, вызвавших невероятную трескотню в лесу, вынуждает нас остановиться и укрыться за надежными стволами деревьев. Выбрав между высоко возвышающимися над землей толстыми корнями могучей сосны довольно сухое местечко, устланное опавшими высохшими иглами, приглашаю к себе Стольникова и командиров взводов, чтобы посоветоваться и уточнить план дальнейших действий. Неожиданно появляется комбат Грязев в сопровождении лейтенанта Калинина и группы бойцов. Перебегая от дерева к дереву, он прыжком приземляется рядом со мной. В редких рябинках на лице Грязева блестят капельки пота, глаза сверкают, старший лейтенант тяжело дышит:

— Докладывай обстановку, лейтенант!

Выслушав, как нам удалось разгромить окопавшихся парашютистов, Грязев спросил:

— Сколько уничтожил фашистов?

— Не считал, товарищ комбат, — усмехнулся я, — времени не было, но не меньше двадцати — двадцати пяти штук уложили.

Слово «штук» вызвало на губах Грязева веселую усмешку.

— А сколько «штук» в плен взяли?

— Ни одна фашистская зараза не попалась, — в тон ответил я. — Отбиваются, как грешники, когда их черти волокут на сковородку.

— Ну и хрен с ними, с пленными, — махнул рукой Грязев, — возись тут, людей отрывай от дела. Для меня фашист хорош только мертвый... Что ты теперь думаешь делать? Так и будешь сидеть под сосной?

— Нет, товарищ комбат, — спокойно возразил я, — сейчас с командирами взводов разберемся в обстановке и уточним дальнейший план. Думаю, незачем лезть напролом.

— Ну что ж, разбирайтесь, а я послушаю. — Грязев вытащил из нагрудного кармана измятую пачку «Беломора», нервно закурил.

Из докладов командиров взводов мне стало ясно, что уцелевшие парашютисты отступили к песчаному холму, на котором воз-

вышатся несколько могучих сосен. Укрывшись за их стволами, они заняли круговую оборону. Место вокруг холма открытое, каждый метр под плотным автоматным и пулеметным огнем. Что делать? Атаковать немедленно? Но без поддержки артиллерии и минометов понесем большие потери... Что же делать?

— Итак, какое решение назрело у командира роты? — прервал мои размышления комбат.

Вспомнив, как облегчил нам атаку удар с тыла, решительно заявляю:

— Скуем фашистов с фронта силами первого взвода, остальными взводами осуществим обходный маневр, чтобы затем одновременно атаковать с двух сторон. Думаю, что, если наши бойцы откроют огонь и с той стороны, куда парашютисты, по всей вероятности, намереваются ночью отступить, они драпанут. В светлое время, я думаю, они не решатся покинуть насиженное место.

— Ну что же, — согласился Грязев, — замысел верный: бросаться под пули без надобности нет смысла. Попытайтесь отрезать парашютистам путь к отступлению, что сразу скажется на их стойкости. Одобряю, осуществляйте маневр. Только имейте в виду, что в двух километрах к востоку от этого очага сопротивления на высоте Круглая окопались остальные силы противника. Наши роты дважды атаковали высоту с южной и западной стороны, с тем чтобы преградить путь парашютистам к линии фронта, однако из-за сильного огня пришлось отказаться от продолжения атак, иначе много людей потеряем. Я решил сковать противника огнем, а с наступлением темноты нанести удар. Ночная атака — дело сложное, поэтому сейчас проводится тщательная подготовка. Поскорее кончайте здесь и присоединяйтесь к нам. Если атака не удастся, прекратите ее и готовьтесь ворваться на холм под покровом темноты. Все ясно?.. Ну, лады, я пошел.

Пожелав нам успехов, комбат ушел, а мы детально обсудили и согласовали план действий. Рассчитав время, необходимое на осуществление обходного маневра, мы условились возобновить бой через полтора часа. Первым должен начать взвод Калинина, а когда он прикует к себе внимание противника, без излишнего шума на высоту должны прорваться бойцы Валежникова и Папченко.

В условленный час взвод Калинина широким фронтом, под прикрытием пулеметного огня, двинулся на песчаный холм. Калинин и его бойцы, стремительно перебегая, выкрикивали команды: «Рота, вперед!», «Быстрее!», «Приготовиться к атаке!». Словом, старались создать впечатление, что против окопавшихся на холме парашютистов наступают крупные силы. Успеху «демонстрации» способствовал мелкий кустарник, близко подступавший к холму. Фашисты только слышали шум и стрельбу, а никого не видели. Однако и стрельба подействовала: не жалея патронов, парашютисты открыли по кустарнику огонь. Он оказался столь плотным, что вынудил нас прижаться к земле и выкрикивать команды лежа. А на противоположной стороне холма тишина. Я уже начал волноваться, полагая, что Валежников и Папченко опоздали и намеченная атака со-

рвалась, как вдруг на холме поднялась стрельба, а к нам пули стали залетать все реже и реже. «Неужели Валежников и Папченко уже прорвались?» Эта мысль подбросила меня с земли, и с криком «Вперед, в атаку!» я бросился к холму.

Выскочив вместе с Калининым на вершину холма, мы с удивлением остановились: ни парашютистов, ни наших бойцов здесь не было, хотя наспех отрытые окопы и еще не остывшие гильзы свидетельствовали, что парашютисты только что скрывались за стволами огромных сосен. Яростная перестрелка и крики слышались в заболоченном мелколесье. Мы поспешили туда и вскоре натолкнулись на наших бойцов. Увидев Валежникова, которому боец лежа бинтовал руку выше локтя, я с разбегу упал рядом. Ветки, сбиваемые пулями, сыпались на голову.

— Почему упустили фашистов? — сдерживаясь, хмуро спросил я.

— Не успели, — виновато ответил Валежников. — Тише ты, медведь косолапый, — простонал он, метнув сердитый взгляд на бойца, который туго затянул концы повязки. — Такие, товарищ комроты, хитрож... оказались. Мы обошли холм и стали тихонько подниматься. А они, не будь дураками, выдвинули боевое охранение во все стороны. Мы и наткнулись на него. Пока валандались с охранением, парашютисты бросились с холма наутек. Мы за ними. А они напоролись на автоматный огонь, по-видимому, наткнулись на оборону своего второго отряда и залегли. Теперь они оказались между двух огней...

— Батальон, как видно, не смог окружить высоту плотным кольцом, — добавил подошедший Стольников. — Отсюда были только дозоры. Они попали под удар отступающих фашистов. Один дозорный убит, другой тяжело ранен. Мы его перевязали и при первой возможности доставим в медпункт.

Я решил поговорить с раненым, уточнить имеющиеся сведения. Из беседы понял, что комбат не изменил решения штурмовать высоту с наступлением темноты. Чтобы не распылять силы, он сосредоточил обе роты на западных и южных скатах высоты.

Отправив раненого в медпункт, мы пошли в третий взвод. Командир взвода Папченко, лежа за поваленным деревом, выпускал по врагу пулю за пулей и по привычке приговаривал речитативом:

— Ридна Батькивщина! Решение принято. Вперед, в атаку на ненавистного врага!..

— Правильно, товарищ Папченко, — подтвердил я. — Только атаку мы начнем, когда стемнеет, одновременно с остальными ротами. Потери большие?

— Один убит, двое ранены, — доложил Папченко.

Мы отошли в безопасное место, вызвали Калинина и Валежникова и обсудили план ночной атаки.

«А что, если парашютисты попытаются сейчас, не дожидаясь темноты, соединиться со своими? — вдруг подумал я. — Нельзя ли воспользоваться этим и на их плечах ворваться на высоту?» Поделился своими соображениями с взводными. Они горячо ухватились

за эту идею. Уточнив задачу каждого, направил Сероштана к комбату с донесением о принятом решении.

По команде бойцы осторожно, под прикрытием пулеметов стали сближаться с парашютистами, постепенно оттесняя их к высоте. Не выдержав напора, парашютисты бросились через мелкий кустарник вверх. Укрепившиеся на высоте фашисты открыли по ним ураганный огонь. Парашютисты залегли и дружно завопили:

— Нихт шисс! [1]

— Нихт шисс! — подражая немцам, закричал Митин, а вслед за ним и другие бойцы.

В непрерывной трескотне пулеметов и автоматов трудно было разобрать, кто умоляет не стрелять. Во всяком случае, огонь на некоторое время стихает.

Отступающие поднялись в рост и последним усилием пытаются добежать до своих. А по пятам за ними продираемся через кусты мы. Дружными бросками гранат бойцы не дают немцам опомниться и врываются в окопы. Разгорается ожесточенный ближний бой.

Как мы и рассчитывали, рота подковой охватила высоту: взвод Калинина продвинулся вперед, а Валежников и Папченко развернулись уступом вправо и влево.

Парашютисты отрыли на высоте множество окопов, да еще повсюду виднелись старые заросшие ямы. И наши бойцы, и фашисты засели в этих окопах и ямах почти рядом и вели ожесточенную перестрелку.

Гранатами нам удалось выгнать немцев из окопов и ям. «Что делать дальше? — тревожила мысль. — Если продолжать углубляться, мы окажемся во вражеском кольце. Удержаться на высоте до наступления темноты трудно: фашисты постараются выбить нас...» Не успели мы со Стольниковым обменяться мнениями, как со всех сторон на нас пошли в атаку парашютисты.

— Словно в муравьиную кучу попали, — усмехнулся Стольников.

— Хороши «муравьи», — зло усмехнулся я и крикнул: — Стогов! Передай Калинину: ни шагу назад, держаться до последнего! Отрезать его не позволим.

Около двух десятков фашистов сумели прорваться к окопам, где засели бойцы Валежникова. Завязалась рукопашная. Стольников, бросив на меня отчаянный взгляд, побежал к месту схватки. Я поспешил за ним вместе с минометчиками, которые постоянно находились поблизости от меня и выполняли роль отделения управления.

С ходу мы свалились на головы дерущихся. Стольников прыгнул на плечи дюжего фашиста, пытавшегося дотянуться до горла лейтенанта Валежникова. Я поспешил на помощь сержанту Романову. Взводу Валежникова грозила бы гибель, подоспей сюда еще с десяток фашистов. К счастью, парашютистам уже было не до нас: на южных и западных скатах высоты началась ожесточенная стрельба, донеслись крики «ура». Они приободрили нас и внесли смятение в

---

[1] Не стреляй!

ряды противника. Он заметался, ища путь к отступлению. Густые кусты помогали ему маскироваться и отступать.

Стремясь не упустить парашютистов, я подал команду неотступно преследовать их. Продираясь через кустарник, неожиданно столкнулся с лейтенантом Вороновым. Обнялись на радостях, затем, посоветовавшись, повернули своих бойцов на восток, куда, судя по перестрелке, отступали уцелевшие парашютисты.

На восточных скатах высоты мы встретили командира и комиссара батальона, которые ставили задачу командиру второй роты Самойлову. Увидев нас, старший лейтенант Грязев крикнул:

— Скорее ко мне: уточним задачи!

Когда мы подбежали, Грязев показал на карте автотрассу, проходящую между железной дорогой и Минским шоссе:

— Гоните парашютистов к автодороге. Там курсируют наши бронемашины. Фашистам не прорваться. Вторая рота отрезает их с юга. Вы, Воронов, должны обойти их с севера, не позволить прорваться за Минское шоссе. Вам, Алтунин, надлежит развернуть роту и широким фронтом прочесывать лес, выкуривая оттуда парашютистов.

Указав разграничительные линии между ротами, комбат спросил:

— Задача ясна?

— Ясна! — в один голос ответили мы и поспешили к своим ротам.

Чтобы обойти все взводы и уточнить задачи, потребовалось бы много времени. И я обрадовался, что у меня под рукой мои минометчики. Разъяснив существо новой задачи, направил старшего сержанта Поливоду и сержанта Вострикова к Валежникову и Папченко, а сам решил догнать лейтенанта Калинина и в дальнейшем следовать с его взводом.

В этот день я на практике убедился, что руководить боем в лесу чрезвычайно трудно: необходимо не потерять связь с ротами, иначе можно неожиданно столкнуться и перестрелять друг друга; нельзя, чтобы взводы перепутались и чтобы враг выскользнул через постоянно образующиеся между ними разрывы. Поэтому все мое «отделение управления» в непрерывной беготне. «Вот бы радиостанции заполучить!» Но это неосуществимая мечта.

Бой постепенно переходит в разрозненные стычки. Я продолжаю двигаться со взводом Калинина. За кустами мелькают настороженные лица Браженко, Лысова, Сероштана, Шлевко и других бойцов бывшей минометной роты. Миша Стогов все время старается опередить меня, внимательно осматривает густой кустарник. Выйдя на проторенную тропинку, ускоряем шаг, и вдруг метрах в десяти впереди, там, где шел мой ординарец, раздается взрыв, эхо которого далеко разносится по лесу. Стогов, вскрикнув, падает. Подбегаю к нему и вздрагиваю, увидев вместо ступни кровавое месиво. Миша отчаянно стонет. Опускаюсь рядом, выдергиваю из полевой сумки перевязочный пакет... Не зная, как обработать такую рану, приказываю немедленно разыскать Петренко. А он уже бежит. Скинув на ходу сумку с медикаментами, достает ножницы и срезает остатки ботин-

ка. Поручив Стогова попечениям санинструктора, догоняю взвод, посматривая под ноги. Сомневаться не приходится: отступающие разбрасывают противопехотные мины. Предупреждаю об этом командиров взводов. Не проходит и десяти минут, как меня едва не постигла участь моего ординарца. Опускаю ногу и вдруг замечаю свежесорванную сосновую ветку. Делаю отчаянный прыжок в сторону. Под веткой обнаруживаю блюдцевидный предмет. Хотя мне не приходилось до этого видеть немецкие мины, догадаться, что это такое, было нетрудно. Лихорадочно припоминаю все, чему нас учили на уроках саперного дела. Кладу на землю автомат и, вытащив перочинный нож, осторожно осматриваю почву, чтобы узнать, не тянется ли от мины проволока. Убедившись, что мина в спешке уложена на грунт, поднимаю ее. Мне хочется сохранить мину, чтобы на досуге изучить, а потом и ознакомить бойцов и командиров роты с ее устройством. Хотя и небольшой, боевой опыт подсказывает, что люди должны уметь обращаться с подобными «гостинцами». В бою саперов искать некогда. Времени на обезвреживание мины нет. Передаю ее Лысову и прошу, чтобы сберег.

Несмотря на предупреждение, подорвались еще два бойца, а четверо погибли, наскочив на засаду. Поэтому продвигаемся с повышенной осторожностью. Впереди за деревьями открылась небольшая лесная поляна, противоположная сторона которой заросла густым кустарником. Сероштан и Браженко ускоряют шаг, чтобы побыстрее преодолеть открытое пространство. Неожиданно Сероштан упал на траву и замер. Браженко следует его примеру. Значит, они что-то заметили. Бросаюсь с остальными бойцами в обход поляны. Нервы у парашютистов не выдержали, они открыли огонь, но мы уже зашли им во фланг. Боясь оказаться отрезанными, фашисты, отстреливаясь, отходят. Бойцы преследуют их.

Уже несколько часов гоняемся по лесу за парашютистами, выкуривая их из леса. От усталости еле двигаемся. Взвод Калинина поредел. Где-то затерялся Охрименко со своими «запасами». Моя резервная группа набрела на лесной хуторок. Жители, видимо, попрятались: ни в хате, ни в сарае никого. Увидев неглубокий колодец, мы с наслаждением пьем холодную воду. По неопытности я не додумался проверить, не отравлен ли колодец. Федя, отыскав в хате порожнюю бутыль, наполнил ее и положил в вещевой мешок. Бойцы присели на траву. Вдруг Федя, стиснув мое плечо, показал на картофельное поле, отделявшее хату от леса. По нему торопливо, не таясь, шагали двенадцать парашютистов. Видимо, жажда выгнала их из леса. Они явно не замечают нас. Молча отползаю за хату, остальные следуют за мной. Заняв удобные позиции, мы приготовились к встрече «гостей». Степан Поливода и Федор Браженко забрались на чердак хаты, и теперь колодец у них как на ладони. Парашютисты, забыв об осторожности, бросились к колодцу.

Когда вода заплескалась в поставленном на землю ведре, парашютисты побросали автоматы и стали черпать воду котелками. Они

так увлеклись, что ничего не замечают. Мою команду «Хенде хох!» [1] услышал только унтер-офицер. Он отчаянно заверещал и вскинул автомат, но было поздно — моя очередь насквозь прошила его. Парашютисты, схватившиеся за оружие, мгновенно скошены очередями из чердачного окошка. Остальные покорно подняли руки.

Федя, деловито сопя, быстро собирает автоматы. Времени на возню с пленными нет. Окружив захваченных молодых крепких солдат, мы в растерянности стоим, не зная, что с ними делать. Словно поняв мою озабоченность, Браженко притащил из сарая пеньковую веревку.

— Може, скрутим германцев? — спросил он.

Предложение понравилось. Построили парашютистов в колонну по одному. Митин приказал им сложить руки на пояснице. Браженко крепко связал им кисти и, передав конец веревки мне, гордясь своей начитанностью, пояснил:

— Так гоняли негров на продажу. На картинке видел в «Хижине дяди Тома»...

Заметив, что слабосильный Сусик едва держится на ногах от усталости, решил дать ему передышку. Подзываю Хому к себе и вкладываю веревку в его детские ручки:

— Давай, Хома, гони эту восьмерку к шоссе.

Хома ошеломленно глядит то на дюжих бандитов, то на конец веревки, которой они связаны, моргает белесыми ресницами, и ручейки пота катятся по его раскрасневшимся щекам. Он настолько испуган, что я спешу добавить:

— А сопровождать тебя будет товарищ Митин...

Хома радостно смотрит на Митина, а тот уверенно командует:

— Форвертс, зольдатен! [2]

Парашютисты рванулись, словно застоявшиеся откормленные кони, и поволокли за собой Сусика. Хома, боясь выпустить из рук веревку, вприпрыжку побежал за ними, придерживая телефонный аппарат. Все с доброй улыбкой провожали уморительную фигурку конвоира. Догнав колонну, Митин пошел сбоку, держа автомат наготове.

Стычки с парашютистами становятся все реже. Вместе со Стольниковым и Калининым без опаски выходим на большую поляну, заросшую высокой травой. На этот травостой да косарей бы в ярких рубахах! На дальнем от нас участке стоит ветхий сарай, предназначенный, по всей вероятности, для хранения сена. Подношу к глазам бинокль, чтобы осмотреть поляну, и около сарая четко различаю разгоряченные, потные лица немцев. Они лихорадочно поджигают большие охапки соломы, набросанные возле дырявых (кажется, тоже соломенных) стен сарая. Сухая солома вспыхивает как порох, и в одно мгновение строение охватывает пламя. Мелькает страшная мысль: «А вдруг там пленные красноармейцы или местные жители?» Медлить нельзя. Что-то в ярости крикнув и полоснув из автомата по мечущимся немцам, бросаюсь к сараю. Немцы залегли в траве,

---

[1] Руки вверх!

[2] Вперед, солдаты!

отстреливаются. Стольников, решив отрезать им путь отхода, бежит с бойцами вдоль противоположной стороны поляны. Парашютисты, испугавшись, что вот-вот их окружат, вскакивают и скрываются в кустарнике. Их преследует почти весь взвод Калинина. Мы со Стольниковым в сопровождении санинструктора, Феди и Браженко бросаемся к сараю, откуда все слышнее вопли охваченных ужасом людей. Подбежав, мы оцепенели: из ворот объятого огнем сарая ползут, карабкаются... раненые парашютисты! Петренко, привыкшего с риском для жизни помогать раненым, эта картина потрясла... Он растерянно повторяет:

— Звери! Якие ж зверюги! Своих же раненых жечь!

Позабыв, что перед нами враги, вбегаем в полный дыма сарай, хватаем беспомощных, задыхающихся людей и тащим к выходу. Могучий Федя волочит сразу двоих. Заметив, что крыша вот-вот рухнет, с силой отталкиваю Петренко, пытающегося в очередной раз вскочить в пылающий ад. Брови санинструктора опалены, на лице ожоги, гимнастерка во многих местах прожжена.

Неожиданно к небу взметнулся кроваво-черный столб дыма и пламени, а из распахнутых ворот вырвалось облако искр — это рухнула крыша. Мы разглядываем одиннадцать спасенных нами раненых.

— Вот схлопотали себе заботу! — восклицает Стольников. — Разве мог я подумать, что с риском для жизни брошусь спасать врагов?.. Ну и оказия!.. Надо, командир, сообщить в штаб: пусть пришлют за ними машину.

Раненые, облизывая спекшиеся губы, жалобно стонут:

— Вассер! Вассер! Битте, вассер! [1]

Знакомое со школьной поры слово! Поколебавшись, приказываю Феде отдать раненым припрятанную бутыль с водой и охранять их. Сами продолжаем гоняться за парашютистами. Лишь перед вечером удалось наконец выбить их на дорогу, ведущую от железнодорожной станции к шоссе. Зажатые со всех сторон, расстрелявшие последние боеприпасы, парашютисты сдались.

С удивлением наблюдаю, как смертельно уставшие бойцы, собрав брошенное сдавшимися оружие, окружили не менее уставших парашютистов — крепких, рослых, как на подбор, парней. Враждующие стороны в упор разглядывают друг друга. Наши бойцы и командиры, задымив махоркой и папиросами, всматриваются в лица пленных, словно пытаясь обнаружить что-то такое, что внешне резко отличало бы фашистских вояк от прочих людей. И не видели особого различия. Если бы не форма, невозможно было бы определить, где немцы, а где русские, украинцы, белорусы. Лишь выражение глаз иное. Глаза победителей светились любопытством, в них удовлетворение и добродушие, свойственное трудовому, хорошо поработавшему человеку. В глазах пленных сквозил страх. Они, видимо, ожидали, что грязные и уставшие в погоне за ними русские набросятся на них и растерзают. Каково же было их удивление, когда, насмотревшись на

[1] Воды! Воды! Пожалуйста, воды!

пленных, бойцы стали угощать их махоркой. Первым это сделал маленький рыжеусый боец. Растянув в добродушной улыбке сочные губы, он подошел к самому молодому пленному и, ткнув пальцем в его грудь, спросил:

— Ты хто?

— Ich verstehe nicht [1], — замотал головой пленный.

— Я, — ткнул рыжеусый себя в грудь, — колхозник, а ты?

Видя, что пленный непонимающим взглядом уставился в рыжеусого бойца, возвратившийся Митин перевел:

— Dieser Soldat ist der Bauer, wer sind Sie? [2]

— О! — оживился пленный. — Ich bin Student [3].

Когда Митин перевел, рыжеусый уважительно протянул:

— Ишь ты, студент, грамотный, значит. Не какой-нибудь темный, забитый крестьянин. — Подумав, он попросил Митина: — Спроси, как его зовут и зачем он в фашисты пошел?

Митин задал вопрос и, получив ответ, сказал:

— Говорит, что зовут его Фридрихом, что он не наци [4] и не считает себя фашистом.

— Ишь ты! Скажи ему, браток, что все они фашисты, раз пошли воевать против рабоче-крестьянского государства. Несознательный он тип. Но ничего, вот прочистим ему мозги, он и поймет свою ошибку. — Добродушно посматривая на пленного, боец достал кисет, вытащил пачку папиросной бумаги и, оторвав листок, свернул цигарку, раскурил и, протянув пленному, предложил: — На, германец, попробуй нашего тамбовского самосаду.

Пленный недоверчиво принял самокрутку, с опаской повертел ее в руках: нет ли подвоха?

Молодой широкоплечий красноармеец, сердито покосившись на рыжеусого, зло бросил:

— Ты что, дядя, драгоценную махорку на фашиста расходуешь? Свинца ему в рот, гаду!

— Во-первых, он не фашист, а студент, во-вторых, свинцом врагов надо угощать в честном бою. После драки кулаками не машут.— Взяв из рук Фридриха папироску, он раскурил ее и, вернув, ободряюще улыбнулся: — Попробуй, попробуй русского табачку, такого в Германии, чай, нету.

Пленный с жадностью сделал две затяжки и закашлялся так, что слезы выступили.

— Ничего, ничего, — добродушно засмеялся рыжеусый, — приобвыкнешь к нашему табачку, поймешь, что в России все крепкое: и люди и табак.

Строгий строй пленных нарушился. Поняв, что убивать их не собираются, они расправили плечи и охотно вступали в разговор, который велся, как выразился Стольников, «по-неандертальски». Однако я заметил, что некоторые пленные с трудом скрывали звериную

---

[1] Не понимаю.

[2] Этот солдат — крестьянин, а кто вы?

[3] Я студент.

[4] Член гитлеровской национал-социалистской партии.

ненависть к нам, старались отвернуться или спрятаться за спины однополчан.

Неожиданная команда «Становись!» мгновенно выровняла ряды пленных. Под конвоем они зашагали на станцию. А победители отправились к подкатившим походным кухням.

После ужина Грязев построил батальон. Полковник, руководивший ликвидацией десантов, выброшенных в этом районе, торжественно объявил:

— Товарищи бойцы и командиры! За образцовое проведение операции по ликвидации десанта от имени командующего группой войск генерал-майора товарища Рокоссовского объявляю вам благодарность!

Несколько мгновений бойцы молчали, потом спохватились и вслед за командирами недружно прокричали:

— Служим Советскому Союзу!

— Поздравляю вас, товарищи, и желаю вам громить фашистов с таким же упорством, как сегодня!

Старший лейтенант Грязев крикнул «ура».

— Ура-а-а-а! Ура-а-а-а! Ура-а-а-а! — трижды прогремело над строем.

Благодарность командующего свидетельствовала, что первый бой, который батальон провел в тяжелых условиях и с чрезвычайно опытным противником, показал его способность выполнять боевые задачи.

Батальону досталось много немецких автоматов. Однако полковник, к нашему огорчению, приказал оставить на каждую роту по пять автоматов, остальные сдать в его распоряжение.

Бессонная ночь, затянувшаяся схватка с десантом свалили бойцов с ног. Раскатав шинели, они мгновенно забылись в тяжелом сне. Многие вскрикивают, видимо, вновь переживают перипетии лесного боя. Командиры хлопочут о раненых, о питании, боеприпасах.

Я никак не могу заснуть. Думаю о завтрашнем дне, о будущем. Вспомнил о мине, на которую едва не наступил, велел Лысову принести ее. Он нес ее в вытянутой руке, с опаской поглядывая под ноги. Осторожно положил черное смертоносное «блюдце» на мою ладонь и, присев рядом, облегченно вздохнул:

— Вот зараза! Дышать на нее боишься: того и гляди без руки, а то и без головы останешься. Ни на минуту не прикорнул, все ее, треклятую, сторожил: как бы кто ненароком не наступил.

Не успел я как следует осмотреть мину, как раздался громкий храп Лысова. Стараясь не потревожить его, осторожно встаю и несу опасную находку к комбату. Тот долго вертит ее в руках, потом приказывает вызвать командира первого взвода третьей роты.

Пришел худенький, небольшого роста белобрысый лейтенант. Комбат молча протянул ему мину. Повертев металлическое «блюдце» в руках, лейтенант вытащил перочинный нож и через минуту подал комбату взрыватель, небрежно бросив на землю безопасный теперь корпус. Комбат просит медленно повторить операцию. Лейтенант не-

Торопливо вставляет взрыватель и вновь вывертывает его. Комбат, наморщив лоб, проделывает то же. И протягивает мину мне. Обезвредив ее, ощущаю нестерпимое желание закурить. Тем временем комбат собрал всех командиров подразделений и приказал лейтенанту научить их обращению с противопехотной миной.

Возвращаюсь в роту с мыслью при первой возможности передать приобретенный опыт подчиненным. Ночную тишину нарушает богатырский храп да невнятное бормотание спящих. Около одинокой березы слышу, как кто-то негромко, нараспев читает стихи. Из темноты доносятся незабываемые пушкинские строки:

...И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча...

Да это же Папченко! Его приглушенный бархатистый баритон звучал в ночи особенно задушевно.

Вдруг он зазвенел торжественно, с яростной силой:

...Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит.
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи...

Он умолк, а слушатели продолжают сидеть. Затянувшуюся паузу прерывает Сильченко:

— Товарищ старший лейтенант! Будьте ласковы, «Гайдамакив»...

— Спать, спать, хлопцы, — встрепенувшись, замахал руками Папченко. — Ведь завтра бой...

— Правильно, товарищ старший лейтенант, завтра, а вернее, уже сегодня нам предстоит трудный бой. Надо отдыхать.

Папченко резко поворачивается ко мне и, подойдя вплотную, с неожиданной тоской, тихо, почти шепотом, говорит:

— Не спится, товарищ комроты. Как подумаешь, что через несколько часов снова кровь польется, снова будем хоронить своих товарищей... И так каждый день... Как подумаешь об этом, жить не хочется. Я человек мирный. Учил ребят красоте слова, музыке поэзии, а сейчас учу, как лучше и побольше... убивать!

— Разве наша в том вина?! — возражаю я. — Я тоже хотел бы мирно трудиться. Да ведь не дают нам такой возможности! То отцам нашим мешали — лезли на Советскую Россию со всех сторон. Теперь нам. Им, видишь ли, рабов не хватает, «жизненного пространства» маловато!.. Поэтому у нас нет выбора: мы должны уничтожать фа-

шистскую нечисть во имя свободы и счастья наших близких, во имя будущего нашей Родины...

— Да, — подтвердил Папченко, — как ни тяжело лишать жизни человека, приходится. Я утешаю себя тем, что фашисты — не люди, они — взбесившиеся звери. И все же... Когда у меня тревожно на душе, я успокаиваю себя стихами. Авторов выбираю по настроению. Стихи великого Тараса читаю, когда сердце о родной Украине затоскует. Пушкин настраивает меня на торжественный, боевой лад. Маяковский будит злость ко всему пошлому и мерзкому на земле...

Расставаясь с Папченко, я желаю ему хорошенько отдохнуть перед новыми испытаниями.

Среди ночи возвратился Федя, доложил, что всех раненых парашютистов сопроводил в тыл. Из допроса пленных стало известно, что спасти из огня удалось лишь половину. Один из них заявил, что у парашютистов такой, мол, закон: раненых уничтожать, если вывезти в тыл не представляется возможным. Парашютистов запугивали мучениями, которым их якобы подвергнут русские, если они попадут в плен.

Под утро батальон опять подняли по тревоге. И снова машины мчатся по шоссе, и предрассветная прохлада овевает сонные лица бойцов. Все явственней доносится артиллерийская канонада. Где-то за горизонтом, на западе, растет тусклое зарево пожара. Сомнений нет: мы приближаемся к линии фронта. Тактическая авиация фашистов еще не начала разбой, и мы беспрепятственно продвигаемся навстречу неизвестности.

На рассвете колонна свернула с шоссе, и вскоре батальон был высажен на опушке большой рощи. Впереди вырисовывались деревянные домики городка, в котором полыхали многочисленные пожары и слышалась то затухавшая, то разгоравшаяся перестрелка. На востоке из-за верхушек деревьев едва пробились первые лучи солнца, когда к штабной машине подкатили две черные эмки. Из первой почти на ходу выскочил подтянутый, худощавый полковник с советским автоматом на плече. Комбат неторопливо приблизился к нему, представился.

— Я командир тридцать восьмой стрелковой дивизии, — назвал себя прибывший. — Ваш батальон поступает в мое распоряжение. Задачу получите от полковника Мешкова, — кивнул он на грузного пожилого полковника, прибывшего на второй машине. — Он познакомит вас с обстановкой...

Ознакомившись с численностью, вооружением и состоянием батальона, командир дивизии уехал, а полковник Мешков приказал вызвать к нему всех командиров подразделений.

— Товарищи командиры! — обратился он к нам. — В районе Смоленска сложилась чрезвычайно сложная обстановка. Моторизованные и танковые части противника 16 июля ворвались в Смоленск. Вслед за этим севернее Смоленска танковые и моторизованные части другой фашистской группировки прорвались от города Демидов к городу Ярцево и соединились с выброшенным здесь крупным воздушным десантом. Пытаясь выбить противника из Смоленска, части

129-й стрелковой дивизии и полк нашей 38-й дивизии несколько дней вели ожесточенные бои в северной части города. Танковым и моторизованным частям Гота и Гудериана удалось соединиться восточнее Смоленска и отрезать наши части, ведущие бои за Смоленск. Вчера враг форсировал реку Вопь и ворвался на восточную окраину Ярцева. Решительной атакой к вечеру он был отброшен на правый берег реки. Всю ночь продолжался бой по ликвидации отдельных вражеских групп, засевших в каменных домах. Частям нашей дивизии, усиленной батальонами московских ополченцев и вашим батальоном, предстоит форсировать реку Вопь и разгромить противостоящие силы противника. Задачу батальона и его соседей объявлю в Ярцево, а сейчас вам, комбат, необходимо по возможности скрытно вывести батальон на левый берег реки в район текстильной фабрики, во-о-о-н туда, где высится фабричная труба, — показал он на город...

Назначив комбату час встречи, Мешков уехал, а мы повели роты в указанном направлении.

В полдень батальон занял исходный рубеж для наступления, который проходил по территории фабрики. В одном из цехов мы со Стольниковым наткнулись на огромные барабаны с узорным шелком. Красноармейцы деловито отрывали большие куски и, сняв сапоги или ботинки, наматывали шелк на распухшие ноги взамен истлевших грязных портянок.

— Сколько народного добра пропадает! — с досадой махнул рукой Стольников. — Надо бы взять под охрану.

«Надо, конечно, надо, — мысленно соглашаюсь я. — Но возможно ли уберечь это добро в обстановке, когда город переходит из рук в руки? Пойдут красноармейцы в атаку, и снова некому будет охранять продукцию».

В этот день наступление так и не началось. Противник, заметив, видимо, оживление на левом берегу реки, во второй половине дня открыл такой ураганный огонь из минометов и орудий, что люди не могли и носа высунуть из укрытий.

Едва обстрел стих, возобновилась подготовка к атаке. Полковник Мешков с командирами батальонов ополченцев и нашим комбатом долго отрабатывал по карте и на местности порядок атаки. Возвратившись под вечер в батальон, Грязев объявил, что атака начнется на рассвете.

Скрытно выведя командиров рот на берег реки Вопь, он на местности уточнил задачи и показал направление атаки батальона и его соседей. Нам предстояло во взаимодействии с батальонами московских ополченцев форсировать реку, атаковать противника, закрепившегося в районе железнодорожной станции, и к исходу дня выйти на реку Песочная. Командир батальона сообщил, что на главном направлении вдоль шоссе Вязьма — Ярцево наступают части 38-й стрелковой дивизии.

Показывая Воронову направление атаки его роты, Грязев предупредил, чтобы после захвата железнодорожного переезда он совместно с первым батальоном ополченцев воспрепятствовал подходу резервов противника с севера. С удивлением присматриваюсь к Сергею. Он

заметно изменился. Обычно замкнутый и невозмутимый, он выглядит сегодня оживленным, улыбчивым. Указания комбата слушает с подчеркнутым вниманием, часто задает вопросы, высказывает свое мнение. Чувствуется, новое назначение его окрылило.

Нашей и второй роте лейтенанта Самойлова комбат Грязев приказал наступать непосредственно на железнодорожную станцию. Левее нас должен был действовать второй батальон ополченцев.

Заканчивая рекогносцировку, Грязев предупредил, что атака должна быть стремительной, иначе противник успеет увести скопившиеся на станции железнодорожные составы. Он предупредил, что до начала наступления нужно навести штурмовые мостики через Вопь и во время артподготовки переправить роты на правый берег.

Пока было светло, бойцы старались найти местечко поспокойнее, чтобы написать родным.

После отъезда из училища я послал домой всего одно письмо, в котором обещал приехать в июле в отпуск. Но июль уже кончается, и провожу я его совсем не так, как мечтал. Многим хотелось поделиться с родными, да разве обо всем напишешь! Удивительная способность человеческой памяти: когда сердце тоскует о близких, она, словно на фотографии, отпечатывает их образы, особенно когда закроешь глаза, вырисовывает одну картину за другой: четко видится единственная подковообразная улица родной сибирской деревни с удивительным названием Стеклянка. По обеим сторонам улицы ровными рядами выстроились приземистые, в основном саманные, домишки с примыкающими к ним хозяйственными постройками. В одном из таких домов живет наша семья. Дом мы строили сами. До создания колхоза хлеба частенько не хватало до нового урожая, питались чем придется. Поэтому я всегда остро сочувствовал тем, кому жилось еще хуже. Однажды в хату забрели погорельцы: старуха с двумя мальцами моего возраста. Оборванные, грязные и такие голодные, что, увидев ломоть хлеба, они не сводили с него глаз. Мне стало жаль их. Обшарил я тогда чулан и собрал все, что нашел съестного: краюху черствого хлеба, десяток яиц, чугунок вареной картошки, кусочек сала. Подал все старухе. Она и взять не решается, а девочка глядит на продукты и ревет. Наконец старуха сложила припасы в холстяной мешочек, повернулась к иконе и, крестясь, прошептала:

— Матерь божия! Не пожалей для него милости своей, как он не пожалел для нас хлеба насущного. Сохрани его и помоги в минуту трудную!

Вечером вернулись с поля родители и старший брат, собрались ужинать, а в доме шаром покати. Выслушав мою невразумительную речь о необходимости помогать голодающим, отец тяжело вздохнул, вышел во двор, стал свертывать цигарку. Брат Михаил, проходя мимо, исподтишка влепил мне затрещину и хохотнул:

— Эх-ты, помощь голодающим! С тобой последних штанов лишишься.

— Тоже мне, учитель! Иди лучше корову встречай, — замахнулась мать на Михаила полотенцем. — Слышишь, стадо гонят. — А сама ободряюще улыбнулась мне: ничего, мол, переживем...

Хотелось броситься к ней, но сковала мальчишеская стеснительность, и я только благодарно покосился в ее сторону.

Одно воспоминание вызывает другое... Мне живо представилась деревенская улица в предвечерний час: блеет и мычит скотина, которую пастух гонит с пастбища; голосисто перекликаются ребятишки, помогая загонять ее по дворам; возвращаются с поля взрослые... А вот и мать, Ирина Андреевна, гремя подойником, выходит из избы. Ее нестарое, но изборожденное морщинами красивое и доброе лицо (для каждого сына мать самая добрая и самая красивая!) озабочено. Ясно вижу задумчивое лицо моей сероглазой, не по годам серьезной шестнадцатилетней сестренки Машеньки, которая относилась к братьям покровительственно. Следила, чтобы выглядели опрятно. Старшего брата, Михаила, заставляла регулярно бриться. Где-то он теперь? На каком фронте? Жив ли? Отца, Терентия Дмитриевича, сорокавосьмилетнего жилистого мужчину, я почему-то всегда представляю верхом на коне. Страстный любитель этих умнейших животных, он всю свою жизнь работал конюхом в колхозе. Гордился знанием лошадей. Выберет, бывало, на ярмарке самую дохлую на вид лошаденку, под насмешливыми взглядами соседей дотащит ее до двора, а потом выхаживает, как дитя. Зато какая гордость светилась в его глазах, когда он ехал по улице на преобразившемся, словно в сказке, красавце коне!

...Не вдаваясь в детали, начинаю письмо: «Здравствуйте, дорогие отец, мама и сестренка!» Скупо сообщаю, что нахожусь на фронте, что жив и здоров, что пока в серьезных боях мне не довелось участвовать... Словом, как все фронтовики, старался не волновать близких: они и так живут в страхе получить похоронку.

...Вечером Стольников, отозвав меня в сторону, озабоченно сказал:

— В роте распространился слух, что в Смоленске окружены главные силы фронта, что, как только фашисты покончат с ними, они навалятся на нас. Поэтому наступать, мол, в такой обстановке — значит ускорить свою гибель. Кто-то хитро распускает слухи, времени для выявления распространителей нет. Надо побеседовать с бойцами.

Собираем роту. Стольников, как всегда, говорит страстно и откровенно:

— Только скрытый враг может распространять лживые сведения, чтобы подорвать нашу веру в победу! Вместо того чтобы решительно пресекать слухи и арестовывать их разносчиков, вы, товарищи бойцы, передаете их друг другу и невольно становитесь пособниками врага... Помните предупреждение товарища Сталина: «Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и в распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны...» — Окинув присутствующих быст-

рым взглядом, Стольников продолжает: — Я хочу прочитать вам строки народного поэта Казахстана Джамбула:

...С собакой сравнить их,
злодеев лихих?
Собака, завыв, отшатнется от них...
Сравнить со змеею предателей злых?
Змея, зашипев, отречется от них...
Проклясть их дела и фальшивую речь их,
Лишить их, чудовищ, имен человечьих...

Успокаиваясь, политрук кивает в мою сторону:

— Вот командир подробно расскажет об истинном положении на фронте, и вы убедитесь, что распространители слухов — хуже фашистов: они вредят исподтишка.

Как можно спокойнее рассказываю о сложившейся на смоленском направлении обстановке. Не скрываю, что неприятельским частям удалось прорваться в тыл смоленской группировке наших войск, но и сами немцы оказались между молотом и наковальней. Наковальней являются наши части, сражающиеся в Смоленске, а молотом — ярцевская группа войск, в которую входит и наш батальон.

Сравнение, видимо, понравилось слушателям: их лица веселеют. Подчеркиваю, что пассивных всегда бьют. Поэтому, чтобы разгромить фашистские части, вышедшие в тыл нашим смоленским дивизиям, нам надо с удвоенной активностью и яростью сражаться с врагом.

После собрания взволнованные красноармейцы подтащили к Стольникову упиравшегося бойца. Удерживая его за плечи, рослый красноармеец в каске возмущенно говорит:

— Это он, наш главный «информатор». Куда-то бегает, а потом нашептывает на ухо сведения, будто бы полученные «от верного друга из штаба»...

— В каком же штабе у тебя верный друг, снабжающий точными сведениями? — сердито спрашивает Стольников побледневшего красноармейца.

— Не верьте им, — испуганно зачастил болтун. — Я не распространял ложные слухи. Я иногда пересказывал факты, которыми со мной делился мой старый друг.

— Где этот друг? — настаивает Стольников.

После продолжительного увиливания и запирательства красноармеец называет фамилию бойца из третьей роты. Оказалось, что знакомы они всего несколько дней. Документы у «старого друга» показались подозрительными, и его для выяснения личности отправили в штаб дивизии.

Воспользовавшись тем, что почти вся рота была в сборе, Стольников предложил парторгу Лысову зачитать собравшимся недавно опубликованный Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении института военных комиссаров. Зачитав указ, Лысов изложил содержание Положения о военных комиссарх Рабоче-Крестьянской Красной Армии и кратко рассказал о его значении.

— Разрешите мне, — заключил Стольников, — закончить беседу словами нашего армейского поэта Шемонаева, который так охарактеризовал роль военных комиссаров:

В дыму сражений,
В зареве пожаров
Бойцы увидят
Вновь перед собой
Знакомый облик
Славных комиссаров
С железной волей,
С пламенной душой.
В опасный час,
В минуту грозовую
Они слова
Зовущие найдут,
За Родину,
За партию родную,
За Сталина
К победе поведут.

Бойцы и командиры долго не могут угомониться. Все взволнованы предстоящим наступлением. Ведь это будет первое наступление, в котором нам доведется участвовать, и хочется, чтобы оно стало началом изгнания врага с родной земли. Обходим со Стольниковым роту, стараемся побеседовать с каждым бойцом, узнать о настроении. Возвращаясь в полночь с позиций боевого охранения, наткнулись на расположившихся полукругом красноармейцев. Из темноты доносится баритон Папченко. Он читает Маяковского, читает мастерски, страстно, вдохновенно, умело подчеркивая особенности поэтической рифмы. Я впервые понял мощь стихов пролетарского поэта.

— Не дает спать бойцам! — возмутился Стольников. — Нашел время для стихов!

— Он верит в мобилизующую силу поэзии. Убежден, что стихами можно смягчить человека, настроить его на лирический лад или возбудить в нем чувства гнева, ненависти, поднять ослабевший дух.

— Никогда не слышал о таком предназначении поэзии, хотя неравнодушен к ней и преклоняюсь перед поэтами...

Услышав голоса, Папченко умолк, шагнул навстречу. Узнав нас, доложил, что взвод к наступлению готов, а сейчас он, по просьбе бойцов, читает им Маяковского.

— Неужели сами попросили? — не поверил Стольников.

— Конечно! — Папченко пожимает плечами. — Каждую свободную минуту просят что-нибудь почитать...

Ночью справа от нас неожиданно заговорили минометы, а над позициями противника вспыхнули осветительные ракеты. Вскоре разгорелась ожесточенная стрельба из всех видов стрелкового оружия.

Побывав у командира батальона, я узнал, что в первом часу ночи он послал поисковую группу на участке роты лейтенанта Воронова. Так как наш батальон оказался отдельной частью и к тому же наступал не на главном направлении, старшему лейтенанту Грязеву пришлось самому позаботиться о «языке».

Вылазка разведгруппы не удалась. Однако разведчики выяснили, что до самого переднего края нет минных полей. Это нас обрадовало: отсутствие минных полей облегчало атаку и свидетельствовало, что противник думает не обороняться, а наступать.

Еще засветло нам доставили из саперного батальона сборный штурмовой мостик, который бойцы взвода лейтенанта Валежникова должны были перед началом наступления перекинуть через реку.

На рассвете, как только противник прекратил артиллерийско-минометный обстрел наших позиций, мы со Стольниковым спустились к реке. Тренировка в сборке штурмового мостика, проведенная в тылу, помогла. Теперь бойцы под руководством сапера-инструктора споровисто наращивали звено за звеном, и вскоре мостик заколыхался на воде под тяжестью пробежавшего по нему лейтенанта Валежникова. Возвратившись на свой берег, лейтенант вполголоса доложил:

— Товарищ комроты! Переправа готова.

Предрассветный туман поднялся над рекой и залил прибрежные кусты. Как ни старались мы бесшумно навести переправу, фашисты, видимо, услышали всплески. Внезапно вдоль всей реки поднялись фонтаны разрывов фашистских мин. К счастью, никто не пострадал. Мы скрытно вернулись в окопы.

В половине четвертого на позициях батальона все замерло. Тишину нарушали лишь фашистские пулеметчики, методично стрелявшие короткими очередями. Стольников усмехнулся:

— Словно роботы стоят за пулеметами.

Было довольно светло, хотя лучи солнца еще не позолотили горизонт. Воздух по-утреннему свеж и чист, пороховая гарь пока не пропитала его, не поглотила запахов разнотравья. Мы со Стольниковым поднимаемся на чердак двухэтажного каменного здания и внимательно осматриваем противоположный берег — ровный и открытый. Представив, как трудно будет преодолеть его под ружейно-пулеметным огнем, я зябко поежился.

— Да, утро сегодня прохладное, — заметил Стольников, по-своему поняв мое невольное движение.

...Артиллерийская подготовка началась ровно в восемь утра. Солнце было нашим союзником — слепило фашистских наблюдателей. Свист снарядов заглушается воем мин: ведут огонь поддерживающие нас артиллерийские и минометные подразделения.

В воздух взвилась красная ракета — сигнал к форсированию реки. Под прикрытием пулеметного огня взводов Калинина и Панченко бойцы лейтенанта Валежникова бросились к штурмовому мостику и стали быстро перебегать на противоположный берег. Заговорили немецкие минометы. Где-то рядом приглушенно вскрикнул раненый. Петренко пополз на стон. По опыту я знал, что огневой

палет может на время парализовать волю. Кто-то должен первым покинуть укрытие. Сам я этого сделать не мог: надо протолкнуть оставшуюся часть роты на противоположный берег. Я встретился взглядом со Стольниковым. Поняв меня, политрук тихо, как бы про себя, сказал:

— Вот она, минута грозовая, — и, рывком выскочив из укрытия, крикнул: — За мной, товарищи!

Следом за политруком скатился вниз лейтенант Калинин, за ним бросились бойцы его взвода. Махнув рукой старшему лейтенанту Папченко, спешу к штурмовому мостику. Прыгаю по шатким, неустойчивым дощечкам, оглядываюсь и вижу, как в окружении бойцов спускается Папченко, размахивая руками и что-то крича на ходу. Наконец можно облегченно вздохнуть: командиры взводов доложили, что переправа закончилась без потерь.

Ожидаем сигнал о начале атаки. Рядом со мной устанавливает штык в боевое положение мой новый ординарец Митин. Поблизости располагается «группа управления» — Поливода, Сероштан, Лысов, Бражепко, Востриков, Шлевко, Сусик. Отсутствуют Охрименко и его верный помощник Федя. Они «организовывают» питание, боеприпасы и эвакуацию раненых.

Невольно восхищаюсь Стольниковым: мне, уже побывавшему в ожесточенных боях, с трудом дается спокойствие, а политрук, перебегая от бойца к бойцу, что-то говорит, от чего у многих появляются улыбки.

— Что за радостные вести принес, Вадим Николаевич? — спросил я, когда политрук возвратился.

— Я сообщил бойцам, что наши части, наступающие вдоль Минского шоссе, ворвались в расположение врага и выкуривают фашистов из нор. — Заметив, что Сероштан сосредоточенно грызет сухарь, он с шутливым испугом спросил: — Василий Андреевич, вы уничтожаете свой НЗ? Берегитесь: увидит Охрименко, лишитесь шевелюры.

— Ничего, товарищ политрук, — смеясь отвечает сержант, — я займу провизии у фашистов, когда мы к ним заявимся. Им-то вряд ли она понадобится.

Безоблачное небо прочертила ракета — сигнал атаки, а я никак не могу заставить себя вскочить. А надо. Таков закон: в решающую минуту командир должен быть впереди!

Делаю огромное усилие, вскакиваю и с автоматом в руках, не оглядываясь, бегу, как на спринтерской дистанции. Кажется, громко кричу призывное «Вперед!», но голоса своего не слышу. Выстрелов тоже. Лишь догадываюсь о них по свисту пуль. Чувствую, что фашисты ведут неприцельный огонь, иначе уложили бы меня на мать-сыру землю. До ближайших окопов около сотни метров. С радостью убеждаюсь, что все роты бегут почти на одной линии с нами. Вот справа и слева прорвалось «ура-а-а-а!». И подхваченный сотнями разгоряченных глоток древний боевой клич вторгается в шум боя. Взрывы гранат заставляют фашистов прятаться в окопы. Это помогает нам преодолеть оставшиеся метры. Мы пры-

гаем им на головы. Видим искаженные злобой и страхом лица вражеских солдат, и ненависть, накопившаяся в душе, выплескивается яростным воплем. Ожесточение обоюдное. Вижу, как Василь Сероштан прижал рыжего детину к стенке окопа и цепко схватил его за горло. Короткой очередью срезаю двух убегающих фашистов и вдруг падаю под тяжестью рухнувшего на меня тела. Сбрасываю его, поворачиваюсь — и сердце пронзает боль: Митин! На гимнастерке расплываются два огромных пятна. Видимо, фашист, что корчится под навалившимся на него Степаном Поливодой, метил в меня, но сразил моего ординарца. Подбегает Петренко, на ходу разрывая перевязочный пакет. Взглянув в неподвижное лицо Митина, тяжело вздохнул и закрыл ему глаза.

Фашисты сопротивляются яростно. Особенно ожесточенная схватка разгорелась на правом фланге батальона, ближе к железной дороге, где действуют рота лейтенанта Воронова и батальон ополченцев. Их контратакуют подошедшие со станции резервы, что заметно приободряет обороняющихся, их сопротивление усиливается по всему фронту.

Услышав нарастающий шум на правом фланге, где ведет бой взвод Папченко, спешу туда. От меня не отстают Браженко и Поливода. На бегу замечаю, как Стольников, бросив гранату, стремительно перескочил в ближайший окоп. Прыгаю следом. Стольников ожесточенно отбивается трофейной винтовкой от наседающих на него немцев. Услышав мою команду «Ложись!», он падает на дно окопа, а я даю несколько коротких очередей.

— Как Папченко?! — кричу сквозь треск выстрелов. — Жив?

— Минут пять назад был жив. Сейчас не могу ручаться...

Схватка продолжается. Красноармейцы теснят фашистов. Вот рослый фашист, не выдержав, выскакивает из окопа, бросает винтовку и, размахивая руками, с отчаянным криком бежит прочь. Машинально вскидываю автомат, но сразу же опускаю, вспомнив, как заразительна паника. И тут же убеждаюсь, что поступил правильно. Душераздирающие вопли бегущего вносят замешательство в ряды гитлеровцев. Только что отчаянно дравшиеся, они испуганно оглядываются и один за другим поворачивают спины. Нельзя упустить момент: только на плечах бегущих мы сможем без потерь ворваться на следующую линию окопов. Призывно крича, бросаюсь за убегающими фашистами.

Вдруг обратившиеся в бегство немцы валятся, словно срезанные взмахом опытного косаря колосья. В расчетливой жестокости фашистов я уже имел возможность убедиться, и все же хладнокровный, почти в упор, расстрел своих солдат, ради того чтобы задержать атакующих, заставляет меня внутренне содрогнуться.

Уцелевшие немцы отчаянно вопят:

— Нихт шисс! Нихт шисс! Нихт шисс!

Бросив на ходу последнюю гранату, бегу, инстинктивно сознавая, что спасение в быстроте. Назад возврата нет. Стоит только остановиться и повернуть, как нас всех перестреляют на выбор, словно глухарей на току. Бойцы не отстают от меня.

По небольшой плотности огня догадываюсь, что у фашистов мало автоматов. Это нам на руку. Ведь для винтовки нужен не только меткий, но и хладнокровный стрелок. А когда на тебя мчится орава разъяренных, орущих людей с винтовками наперевес, даже у самого смелого рука дрогнет. Поэтому мы, можно сказать, благополучно добежали до второй линии окопов. И все повторяется снова.

Оказывается, человек привыкает даже к кромешному аду. Если в первых боях все мелькало перед глазами в каком-то тумане и поступки определялись инстинктом самосохранения, то теперь я различал детали, следил за схваткой, словно со стороны, и пытался влиять на ее исход.

Неожиданно раздается громкий голос Сероштана:

— Товарищ командир! Гляньте: германцы поспешают до нас!

И в самом деле, несколько десятков фашистов перебежками приближаются к месту, где ведет бой взвод Папченко. Приказываю пулеметчикам сосредоточить по ним огонь и посылаю Сусика предупредить Папченко о грозящей ему опасности. С удовлетворением слежу за работой пулеметчика Бориса Улыбина. От его коротких и точных очередей фашисты, нелепо подпрыгивая, валятся на землю и больше не поднимаются. Облегченно вздыхаю и, кивнув Сероштану, Браженко и Вострикову, выскакиваю из окопа, бегу к очередному укрытию. Делаю последний рывок, хочу прыгнуть в окоп и вдруг с ужасом замечаю нацеленный мне в грудь кинжаловидный штык. Остановиться или отпрыгнуть в сторону уже не могу. Инстинктивно отбив штык, всей тяжестью наваливаюсь на фашиста и мельком замечаю впереди офицера, который целился в меня из пистолета. Пуля просвистела возле самого уха. Подняв голову, вижу, как Василь Сероштан выдергивает из горла офицера окровавленный штык. В который уже раз Василий спасает меня от смерти! Надо бы поблагодарить его, да некогда. «Ладно, — сказал я себе, — после боя по-дружески обниму и скажу: спасибо, друг». Я не допускал мысли, что такой возможности у меня не будет.

Комбат прислал связного с приказом продолжать атаку на станцию. Связной сообщил, что наши части, атакующие вдоль Минского шоссе, отражают яростную контратаку фашистов, поддержанных танками. Значит, там сейчас решается успех наступления, и прорыв нашего и московских коммунистических батальонов к станции поможет главным силам.

Я возвратился во взвод лейтенанта Калинина и ожидал сигнала к новой атаке, когда послышались тревожные возгласы:

— Танки! Танки!

Невольно вздрагиваю, увидев, как из-за ближайших к станции домов медленно выползают уже знакомые приземистые фашистские танки. В разгар знойного июльского дня мне становится вдруг холодно. Однако острое беспокойство о том, как поведут себя бойцы, вытесняет из сердца притаившийся в нем страх. «Успел ли Охрименко доставить во взводы гранаты и бутылки с бензином? Только бы не вспыхнула паника!» Эти мысли заставляют меня тревожно

всматриваться в боевые порядки взводов. Деловая суета бойцов — они стремительно рассредоточиваются в поисках надежных укрытий, углубляют окопы — постепенно успокаивает, хотя положение батальона становится отчаянным: поддерживающие нас орудия ведут огонь с закрытых позиций, и, естественно, им нужно время для уточнения данных. В этот момент в мой окоп, будто с неба, сваливается запыхавшийся Охрименко.

— Усе в порядке, товарищ командир! — хрипит он, протягивая мне две бутылки с бензином и связку гранат. — Двадцать склянок и восемь связок раздал по взводам. Пусть только сунутся, едят их мухи!

Гора свалилась с плеч: теперь нас голыми руками не возьмешь! С любовью смотрю на распаренное лицо старшины. Хочется обнять его, но я нарочито сердито говорю:

— Непорядок, Николай Федорович, с голодухи скоро ноги протянем! Когда обедом кормить будете?

Охрименко, воспринимавший все мои слова всерьез, без улыбки отвечает:

— Усе готово, товарищ командир. Суп хлопцы заховали близенько. Як ликвидуем танки, можно и поснедать.

А вокруг танков уже вскипают разрывы: видимо, артиллерийские наблюдатели корректируют огонь орудий. Машины идут зигзагами, что замедляет их ход. Однако расстояние, разделяющее нас, все-таки заметно сокращается. За танками мелькает пехота. Приказываю по цепи:

— Прицельным огнем отсечь пехоту от танков!

Треск винтовочных выстрелов и автоматных очередей усиливается. «Почему молчит станковый пулемет?» Смотрю на пулеметчиков, укрывшихся за стальным щитком «максима», и ничего не могу понять: над щитком то появляется, то исчезает голова, а пулемет по-прежнему не работает. Не выдержав, стремительно бросаюсь к пулемету и вижу: Улыбин лежит с окровавленной головой, а его помощник Степин, грузный и медлительный тридцатилетний мужчина, засовывая в патронник длинный грязный палец, чертыхаясь, пытается толстым ногтем зацепить и извлечь из патронника оторвавшийся конец гильзы.

— Почему не извлекателем?! — кричу я, падая рядом и оттесняя растерявшегося пулеметчика.

— Нетути его, потеряли.

«Спокойно, спокойно», — твержу я себе, подавляя рвущийся из горла крик, и лихорадочно вспоминаю, как поступить. Вспомнил! С силой загоняю патрон в патронник и резким рывком отвожу назад замок. Облегченно вздыхаю: обломок гильзы накрепко засел на верхнем конце патрона. Протягиваю ленту и, дав пристрельную очередь, передаю рукоятки Степину. Тот, сплюнув погасшую самокрутку, сильными лапищами стискивает их и, бурча под нос: «Ну, мы счас им, гадюкам, покажем», нажимает на гашетку. Длинная пулеметная очередь заставляет вражескую пехоту залечь.

Переключаю внимание на танки. Их шесть. Три идут на позиции роты. Перебегаю в свой окоп. Калинин и Валежников прислали связных с донесением, что их бойцы готовы к встрече с танками. Встревожен отсутствием вестей из третьего взвода. Наконец возвращается запыхавшийся Сусик и докладывает:

— Политрук в третьем взводе. Там все в порядке.

Танки надвигаются. Мое внимание приковано к стрелковым ячейкам, в которых укрылся лейтенант Калинин со своими бойцами. Там синхронно курсу одного из танков перемещается какой-то черный предмет. Вспоминаю о сюрпризе, о котором мне докладывал Калинин. Один из его сержантов нашел немецкую противотанковую мину, обвязал ее сплетенным из телефонного кабеля тросом. Видимо, теперь сержант пытается подтащить мину точно под гусеницу танка... Чья-то огромная ладонь накрыла мою руку. Я услышал хриплый шепот Охрименко:

— Е-дя-ят его мухи! Куда он прет?!

Удивленно посмотрел в его сторону и увидел, что второй танк, резко изменив курс, идет на стрелковые ячейки, в которых укрылся пулеметчик Степин со своим новым помощником, совсем юным бойцом, фамилию которого я не запомнил.

— Эх, едят его мухи, — воскликнул Охрименко, пытаясь втиснуть свое грузное тело в узкую стрелковую ячейку, — сгинут пулеметчики со своей колонбиной в такой ямке!

Необходимо остановить танк прежде, чем он начнет утрамбовывать пулеметчиков и всех нас в землю. Связки гранат только у меня и у Сероштана. Хочу подать команду «Вперед!», а язык словно присох к гортани. Как трудно посылать в огонь человека, да еще такого, кто уже не раз спасал тебе жизнь! Неожиданно для себя с бутылкой в руке выпрыгиваю из окопа. Меня опережает Сероштан. Метров через пять-шесть он падает, потом снова бежит... И с разбегу прыгает в какой-то окопчик, рядом с которым вскипает вспаханная пулеметной очередью земля. Заметили!

Не в силах отвести взгляд от дорогого мне человека, перестал следить за полем боя. «Ах, Василь, Василь, — взволнованно шепчу про себя, — как тебе помочь?» А Степин короткими, точными очередями (словно и не на него надвигался танк) не давал пехотинцам продвигаться вперед. Видимо поняв, что из окопа не забросить тяжелую связку, Сероштан стремительно бросился наперерез танку. Вот он размахнулся, но рука повисла как плеть.

— От беда! — слышу полный отчаяния голос Охрименко. — Василю руку повредило! — И, схватив бутылку с бензином, старшина с неожиданным для его грузной фигуры проворством помчался к пулеметчикам.

В это время Сероштан, взяв связку в левую руку, в трех-четырех шагах от танка рывком сверху вниз кинул ее под гусеницу. Оглушительный взрыв отбросил его в сторону. Танк, ревя, как смертельно раненный зверь, закрутился на месте. Улучив момент, Охрименко снова вскочил и, сделав несколько грузных прыжков, забросил бутылку с бензином на моторный отсек... И упал лицом

вниз. «Неужели погиб? — Заметив, что Охрименко ползет назад, облегченно вздохнул: — Жив курилка!» Не отрывая глаз от вспыхнувшего на броне яркого пламени, расстреливаю танкистов, выскакивающих из горящей машины. «Допрыгались!» А Степин, словно дятел на дуплистом дереве, продолжает выстукивать короткие очереди, будто исход поединка с танком его не волновал.

Внимательно всматриваюсь в боевые порядки батальона и радуюсь, что бой идет на прежних позициях. Вражеская пехота остановлена, хотя трем фашистским танкам удалось прорваться в тыл. Один из них прошел через позиции взвода Папченко. Я чувствовал себя виноватым в случившемся и готов был в горячке повернуть часть сил вслед танкам, однако другая беда заставила на время забыть о них.

Страх перед бронированными машинами был так велик, что приковал к ним внимание всех бойцов и командиров. Огонь по фашистской пехоте резко ослаб. Этим и воспользовались немцы: с громким криком «хох» они прорвались к нашим окопам. Ненависть переполнила сердца бойцов, увидевших орущих фашистов лицом к лицу, и вытолкнула их из окопов. Почти одновременно весь батальон поднялся навстречу гитлеровцам. Какая-то неодолимая сила подняла и меня. На бегу оценивая обстановку, я заметил, что бойцы, группируясь вокруг своих командиров, словно магнитом притягивают к себе вражеских солдат. Цепь их раскололась. Схватка приняла очаговый характер.

Я сразу заметил, что в наиболее трудном положении оказался взвод старшего лейтенанта Папченко. Окруженным бойцам во главе со Стольниковым и Папченко грозила гибель. Помощи ждать неоткуда: взводы Калинина и Валежникова тоже атакованы немцами. В этот критический момент я мог распорядиться только собой и своими «гвардейцами». Бросился вперед, не сомневаясь, что они последуют за мной. Вскоре со мной поравнялись Охрименко, Браженко, Востриков, Шлевко, Федя и Сусик.

Охрименко пытается обогнать меня, умоляюще кричит:

— Потише, товарищ комроты! Задыхаюсь, едят их мухи!

Продолжаю бежать, не сбавляя скорости. Охрименко сердито ворчит:

— И куды його, едят их мухи, поперед батьки несе!

Федор Браженко бежит слева от меня. Он медленно и плавно, по-верблюжьи, выбрасывает вперед длинные худые ноги, крепко спеленутые до колен обмотками. За ним тяжело сопят Шлевко и Федя. Хома Сусик крепко вцепился в штанину необъятных Фединых галифе и несется вприпрыжку, словно ребенок, не поспевающий за широким шагом взрослого. Левой рукой Хома придерживает болтающийся на груди автомат.

Справа от Охрименко без усилий поспешает натренированный Николай Востриков.

Сначала в толпе мечущихся людей трудно разобрать, где свои, а где фашисты: все перемешалось. Вблизи стало видно, что толпа разделилась на три изолированные группы, окруженные бешено

прыгающими и вопящими фашистами. Бо́льшая часть бойцов сконцентрировалась вокруг Стольникова и Папченко.

Фашисты слишком поздно заметили приближение нашей группы. Нам оставалось пробежать не более трех десятков метров, когда ближайшие к нам солдаты, услышав топот, повернули головы. Браженко, словно опытный спринтер на финише, опередил меня на два-три корпуса; с возгласом «Бей фашистов!» он бросил гранату и устремился на врагов. За первой гранатой полетели еще две: моя и Охрименко.

Фашисты заметались между двух огней. Их натиск сразу ослаб. Используя сумятицу в рядах фашистов, группа Стольникова и Папченко стала теснить их.

Совершенно преобразился наш добродушнейший Охрименко. Его круглое, пухлощекое лицо по-бульдожьи расплылось, светло-голубые глаза побелели от гнева и по-совиному округлились. Когда на меня с двух сторон налетели три дюжих фашиста, он бросился на выручку. Мощным встречным ударом отбил в сторону шты́к одного немца, ловко увернулся от второго и одновременно нанес ему страшный удар ногой в пах. Солдат скрючился, держась за живот, и с криком ужаса попятился от разъяренного старшины.

Однако фашисты быстро оправились от сумятицы и снова пошли на нас. Неожиданной контратакой они разрезали надвое группу Стольникова и Папченко, к которой пробились Браженко и Федя. Вместе с красноармейцем Калугиным они самоотверженно закрыли собой израненного Папченко.

Охрименко, Востриков, Шлевко, Сусик и я соединились со Стольниковым и общими усилиями начали пробиваться к группе Папченко, которая была на краю гибели. Словно стая волков, почувствовавшая слабость преследуемого, гитлеровцы яростно атаковали Папченко. Наш дружный натиск разорвал вражеское кольцо. Несколько шагов отделяло нас от Папченко, когда два дюжих фашиста вонзили штыки в Калугина и, отбросив его, ринулись на Папченко. Заметив смертельную угрозу старшему лейтенанту, Федор Браженко стремительно прикрывает истекающего кровью Папченко. Охрименко и я обрушиваемся на фашистов. Старшина, выхватив винтовку из рук падающего немца, молниеносным движением вырвал штык из груди Федора Браженко. Тот взглянул на нас расширившимися глазами и медленно повалился навзничь. Я бережно положил его рядом с окровавленным старшим лейтенантом.

Теперь, когда за нашими спинами раненые товарищи, отступать было нельзя. Это поняли, видимо, и фашисты. Их натиск усилился. Отбивая их наскоки, заметил, что рядом нет Сусика. Когда он отстал, не видел.

Бой длился какие-то минуты, но мне казалось, что он продолжался долго. Мы отбивались из последних сил, когда со стороны железнодорожного моста раздались дружные артиллерийские залпы.

Я не мог понять, куда бьют артиллеристы. Вдруг слева и справа раздалось «ура». Атаковавшие нас фашисты дрогнули, побе-

жали. Вскинув винтовку, нажал курок — выстрела не последовало: магазин был пуст. Загнав в магазин новую обойму, я бросился вслед за отступавшими.

Мы позволили фашистам оторваться метров на шестьдесят — семьдесят. Этим немедленно воспользовались вражеские пулеметчики. Хлестнули кинжальным огнем, и наша цепь, подобно морской волне, набегающей на пологий песчаный берег, прокатилась по траве и затихла.

Усиливающийся с каждой минутой пулеметный и минометный огонь противника вынудил нас отползти. Разгорелась ожесточенная огневая дуэль. Наступление застопорилось.

Осмотревшись, я понял, почему отступила фашистская пехота: три танка, которым удалось прорваться в наш тыл, догорали. Славно поработали артиллеристы!

Отправив Охрименко и Федю на розыски Сусика, бросил взгляд на Стольникова. Заметив мое удивление, политрук сказал:

— Всю гимнастерку, гадюки, изрешетили, придется просить старшину достать другую: эту невозможно починить.

— Рана серьезная? — с тревогой спросил я.

— Нет, осколком царапнуло. Вот Папченко, бедный, много крови потерял.

— Как же вы пропустили танк? — не удержался я от упрека.

— Три связки израсходовали, а под гусеницу не попали, — виновато ответил Стольников. — Плохо натренированы.

Стольников повел санинструктора к Папченко, чтобы выяснить: нужно ли старшего лейтенанта немедленно отправлять в тыл? Я направился следом, но неожиданно появился комбат.

Надо сказать, что из-за отсутствия проводной связи во время боя нам ни разу не удалось переговорить.

— Доложите обстановку, лейтенант! — крикнул он, спрыгнув в окоп и с трудом переводя дыхание.

— На вашем лице кровь, товарищ старший лейтенант, — сочувственно заметил я.

— Ранка небольшая, а кровоточит... Ну, давай о деле. Почему не преследовали врага?

Я доложил, что мы были остановлены сильным пулеметным и минометным огнем. Комбат спросил:

— Какие потери в роте?

— Не успел еще уточнить, — ответил я.

— Уточняйте скорее и присылайте донесение о числе бойцов, оставшихся в строю, о неизрасходованных боеприпасах. — Закурив папиросу, Грязев сказал с горечью: — Наделали вы беды, пропустили танки в тыл.

— Только один сумел проскочить через позиции роты, — обиженно уточнил я и рассказал, что третий взвод использовал все связки гранат, а подорвать танк не смог.

— Мало тренировали людей! — не скрыл огорчения комбат. — Нелегкое дело — забросить связку точно под гусеницу... Тут не только сила и сноровка нужны. И стальные нервы тоже. — По-

молчав, бросил недокуренную папиросу на дно окопа и, с силой растоптав ее, сказал: — Танки натворили дел: сровняли с землей штаб батальона и уничтожили батальонный пункт боепитания. Погибли комиссар и начальник штаба. Мне повезло. А вот раненые... — Комбат скрипнул зубами. — У, гады!.. Танк ворвался на батальонный медпункт и начал давить беззащитных раненых... Маша Зарубина, санитарка, встала на его пути и, пытаясь защитить раненых, в упор метнула гранату. Она не сдвинулась с места, когда танкист хладнокровно направил машину прямо на ее хрупкую фигурку...

Слушая комбата, я стиснул руками голову, с трудом сдерживая рвущийся из груди стон.

Заметив слезы на моих глазах, Грязев сказал:

— Ничего, мы им еще отплатим! Немало уложили и еще уложим! Готовься к новой атаке, я пойду в третью роту, там танки такое понаделали...

Едва успел проводить комбата, как в окоп спрыгнули Калинин и Валежников.

— В тыл вас придется отправлять, товарищи командиры? — огорчился я, увидев на них окровавленные бинты.

— Если таких отправлять в тыл, в роте не останется ни одного человека, — хмуро возразил Калинин. — Кость не задета, на ногу наступать можно.

— И я автомат удержу. Штыком вскользь распороло мышцы ниже локтя.

— Рад, братцы, рад, что вы живы, очень рад!..

Я действительно почувствовал, как близки и дороги мне эти люди, с которыми несколько дней назад не был даже знаком.

Стольников, вернувшийся из третьего взвода, сообщил, что у Папченко в строю осталось 17 человек. У Калинина и Валежникова — 68 да минометчики. Всего наберется человек девяносто. Это, как я убедился на собственном опыте, большая сила. Значит, рота сохранила боеспособность. «Так что еще повоюем!» — мелькнула у меня мысль.

— Сколько людей потеряли, командир! — горестно восклицал политрук. — Сколько людей! А станцию так и не взяли... Как же так, командир?

Что я мог ответить? Фашисты потеряли намного больше.

Постарался утешить Стольникова. Но разве можно найти слова, способные умерить горе утраты боевых товарищей, с которыми успели сродниться в боях?! Для каждого из нас первый бой, вид первых убитых и раненых — серьезное потрясение. Ко многому привыкаешь на войне, но к смерти товарищей привыкнуть невозможно. Только что они вместе с тобой радовались успеху, еще четверть часа назад дружески улыбались, мы называли их по имени, и вот уже лежат они, бездыханные, иногда изуродованные так, что невозможно узнать, как не узнать веселого и обаятельного Василия Сероштана в обезображенном взрывом трупе.

Мы сидим над ним и все еще не верим, что больше не услышим его задорного голоса. Рядом с Сероштаном Хома Сусик. Федя долго ползал по лугу, прежде чем отыскал его под трупом довольно плотного фашиста. «Сколько пережито вместе! — с грустью думал я. — Сколько раз ты, Васпль, отводил от меня смерть!»

Посыльный комбата передал: «Закрепиться на достигнутом рубеже». Охрименко, радуясь передышке, незамедлительно организовал доставку в роту припрятанных где-то термосов с обедом. Поручаю ему любой ценой раздобыть патроны и гранаты, и с политруком отправляемся к командиру батальона. Мы нашли его на совершенно разрушенном танками командно-наблюдательном пункте. Старший лейтенант Грязев, поправляя бинт на голове, приказал доложить о состоянии роты. Узнав о потерях, тяжело вздохнул:

— Могло быть хуже, если бы одновременно с танками на позиции ворвалась пехота.

— Товарищ комбат! — заговорил раздраженно Стольников. — Нельзя же идти в атаку, когда система огня противника не подавлена, когда фашистские пулеметы не дают головы поднять...

— Товарищ политрук, — досадливо поморщился Грязев, — запомните: чтобы надежно подавить огневую систему противника, надо не двадцать орудий и минометов на километр фронта, а по крайней мере в пять раз больше. Где их взять? В нашем батальоне, как вам известно, нет даже минометной роты.

— Трудно в такой обстановке наступать!—не сдавался политрук.

— Да, трудно, но необходимо! — сказал комбат. — Напоминаю, в районе Смоленска отрезано несколько наших дивизий. Им приказано пробиваться из окружения, и они могут оказаться в безвыходном положении, если мы не поможем им. Вы согласны со мной, лейтенант? — повернулся ко мне Грязев.

— Согласен! — решительно подтвердил я и добавил: — Товарища Стольникова можно понять — это его второй бой. Я подобное уже пережил...

Стольников с надрывом возразил:

— Нам, командирам, понять эту необходимость нетрудно, но как объяснить красноармейцу, что он должен идти на фашистские пулеметы...

— Разъясните бойцам сложившуюся обстановку, — ответил комбат. — Они поймут...

Разговор прервался с приходом лейтенанта Самойлова, командира второй роты, и его политрука. За ними подошел незнакомый мне лейтенант. Оказывается, лейтенант — командир первого взвода третьей роты; он — единственный из оставшихся в живых командиров этой роты. Я не верил своим ушам: погиб Воронов! Сердце словно камнем придавило. Из командного состава минометной роты остался один я. Невольно мелькнула мысль: «Теперь очередь за мной!»

Обстоятельно расспросив командиров о состоянии рот, Грязев объявил время новой атаки — семь часов утра. Расстановку рот комбат несколько изменил. Вторая рота по-прежнему должна ата-

ковать станцию с юга, а наша и третья роты — со стороны переезда, то есть с востока.

По дороге в свою роту предложил Стольникову заскочить на батальонный медпункт, узнать о судьбе Федора Браженко и Николая Вострикова. Я был потрясен вестью о смерти обоих, шел пошатываясь от горя. Стольников обнял меня:

— Что поделаешь, Александр! Не рви сердце!.. Проклятая война! Проклятые фашисты!

Ночью представители взводов собрались на участке, скрытом от наблюдателей противника высоким густым кустарником. Погибших бережно опустили в могилу. Мне вдруг захотелось закрыть глаза и представить, что все это — кошмарный сон, но голос Стольникова возвращает к действительности.

— Дорогие товарищи! — говорит он. — Сегодня мы провожаем в последний путь наших боевых друзей. Пусть смоленская земля будет им пухом. Все они честно выполнили свой долг перед Родиной. Они пожертвовали жизнями во имя спасения бойцов и командиров, пробивающихся из окружения. Вечная слава павшим героям!

Бросая прощальную горсть земли, я заметил, что Охрименко бережно опустил на грудь Хомы Сусика какой-то предмет. Присмотрелся. Телефонный аппарат! Это было так непохоже на нашего бережливого старшину!

К полуночи так обессилел, что на минутку присел передохнуть и... мгновенно заснул, как говорится, мертвым сном. Очнулся оттого, что меня кто-то с силой тряс за плечо.

— Товарищ комроты! Товарищ комроты! — гудел над ухом Охрименко, щекоча лицо усами. — Вставайте, вставайте скорее! Беда, едят ее мухи!

— Какая беда! — вскрикнул я, хватая старшину за гимнастерку. — Что случилось? Да говори же скорее, Охрименко!

Спросонья так трясу бедного Николая Федоровича, что тот слова не может выговорить, только мычит нечленораздельно. Наконец, придя в себя, отпускаю его.

— Изменника, едят его мухи, поймали! Трошки не успел к фашистам удрать, гадюка! Политрук приказал доложить...

— Где изменник?

— Во втором взводе.

В окопе, приспособленном Валежниковым под наблюдательный пункт, натыкаюсь на Стольникова. Перед ним какая-то скорчившаяся фигура в гимнастерке с оторванным рукавом.

— Что случилось, товарищи?

— А! — махнул рукой Стольников. — Я виноват, что эту сволочь, — кивнул он на перебежчика, — вчера не согласился передать в особый отдел! Пусть Валежников доложит, что произошло. Он видел все от начала до конца.

— Да тут и докладывать нечего, — неохотно начал командир взвода. — В четвертом часу ординарец сильно толкнул меня в бок и закричал: «Товарищ лейтенант! Кто-то с белым флагом идет к

немцам!» Выглянул я из окопа и вижу: на левом фланге, размахивая над головой белой тряпкой, какой-то боец идет в сторону противника и кричит: «Нихт шисс! Нихт шисс!», точь-в-точь, как кричали парашютисты, когда сдавались в плен, а наперерез ему во весь дух, как на стометровой дистанции, летит Савинов. К счастью, фашисты проспали. Пока они разобрались, в чем дело, Савинов добежал до изменника и, схватив его за шиворот, поволок назад.

— Ну и напрасно, — заметил я, с трудом сдерживая ярость. — Надо было пристрелить подлеца, как бешеную собаку!

— За что? За то, что я ненавижу войну и не желаю проливать человеческую кровь! Я — пацифист, как мой отец и братья, которые живут в Англии!

Неожиданный выпад изменника буквально ошарашил всех.

— Вот те на, — нарушил молчание Стольников. — Все мы, выходит, убийцы, а он столь «человеколюбив», что даже на фашиста руку поднять не может. — Повернувшись ко мне, Стольников заключил: — Этот мерзавец пытается оправдать измену некой «политической» платформой, отправим его в тыл, пусть там разберутся.

Спустя час к нам пришел комбат, увидев меня и Стольникова, он вместо приветствия воскликнул:

— Эх вы, гуманисты! Нашли время заниматься изучением мотивов измены. Трус и изменник всегда остается трусом и изменником. Надо было расстрелять гада на месте, а не задавать работу трибуналу... А сейчас слушайте задачу...

Плотные дождевые тучи закрыли горизонт, и серое небо низко-низко опустилось к земле. Приближение дождя радовало. Мы невероятно устали от июльского зноя.

Первые залпы пушек и минометов взметнули высокие фонтаны дыма и пыли в расположении противника. Казалось, там не уцелеть ни одной огневой точке. И в самом деле, из вражеских окопов не раздалось ни пулеметных, ни автоматных очередей.

Взмахнув над головой трофейным автоматом, бегу вперед. На правом фланге роты замечаю Стольникова, почти одновременно со мной выскочившего на бруствер окопа. Не успели мы пробежать и тридцати метров, как пыль над передней линией вражеских окопов стала оседать и вокруг засвистели пули. Фашистские пулеметчики стреляют длинными очередями. Коротким клекотом вклиниваются автоматы. Чувствую, как будто провели раскаленным прутом по левой руке. «Неужели серьезно задело?» — обжигает мысль, но, встряхнув левой рукой, сразу успокаиваюсь: царапина, как, бывало, говорил Василий Сероштан. Словно наткнувшись на невидимое препятствие, падают бойцы. Внезапно роняет из рук автомат лейтенант Калинин.

Поняв, что при таком огне добежать до вражеских окопов удастся немногим, я кричу во весь голос:

— Ложи-и-и-сь!

Осмотревшись, понял, что третья рота залегла еще раньше. Лишь на левом фланге бойцы лейтенанта Самойлова короткими перебежками передвигаются к линии немецких окопов: там пулеметы почему-то молчат.

Передаю по цепи: «По-пластунски, вперед!» — и первым пашу носом землю. Каждый шаг вперед стоит огромных физических усилий. Гимнастерка пропитывается потом, он стекает по распаренному лицу, разъедает глаза, начинает саднить раненая рука. Смахиваю пот пыльным рукавом и продолжаю ползти, шепчу про себя: «Вперед, вперед». Пронзительно нарастающий свист мины заставляет инстинктивно вдавиться в землю. Земля вздрагивает, осколки дзинькают по каске, комья поднятой в воздух высохшей земли барабанят по телу. Стреляют из 81-миллиметрового миномета. К счастью, подавляющее большинство мин ложится позади роты. Хорошо, что мы продвинулись. Еще один урок: чем ближе к противнику, тем в большей безопасности от его артиллерии и минометов.

Командир батальона пытается помочь залегшим ротам. Залпы 45-миллиметровых пушек достигли цели: умолкли ближайшие пулеметы, не дававшие нам поднять головы. Заметив, что в двух десятках метров впереди нас стали рваться вражеские гранаты, догадываюсь, что до фашистских окопов осталось не больше семидесяти метров. Выждав, когда вся рота подтянулась поближе, крикнул лежавшим рядом со мной Поливоде и Лысову:

— Передайте: «Приготовиться к атаке!»

Тело мое невольно напрягается, обретает силу сжатой пружины: казалось, распрямись она — и тело в неожиданном рывке преодолеет смертельную зону. Лежавший справа от меня командир отделения Степан Поливода, видимо, заметил мои приготовления к броску. Он вдруг вскакивает во весь свой немалый рост, совершает три стремительных прыжка, с диким криком бросает гранату и, с усилием поворачиваясь ко мне искаженным гримасой от боли лицом, медленно оседает, держась за живот. Сердце рванула тупая боль. Я понял, что теряю еще одного из боевых друзей.

Поднялась вся рота. В такие мгновения невольно становишься сильнее и смелее, чувство самосохранения улетучивается, все мысли концентрируются на одном желании: поскорее добежать до врага. Множество одновременно возникших целей рассеивают его внимание, а разрывы гранат вносят в ряды обороняющихся смятение. Этим только и можно объяснить тот факт, что огонь, который они ведут почти в упор, наносит нам меньше потерь, чем в начале атаки. И поэтому я могу призывно кричать и, кинув на бегу гранату, бежать на врага, строча из автомата. Несколько поредевшая цепь атакующих с криком «ура-а-а-а!» врывается во вражеские окопы.

Из головы не выходит приказ комбата: «Не задерживаться. Немедленно прорваться к станции». Но я медлю подавать ставшую уже привычной команду «В атаку! За мной, вперед!»: все командиры взводов ранены, и лишь Валежников еще держится на ногах, и плотный пулеметный и автоматный огонь с окраины станции не да-

ет возможности высунуть голову из окопа. Особенно ожесточенная перестрелка слышится со стороны шоссейной и железной дорог, над которыми постоянно висят фашистские самолеты.

Неожиданно появляется рослый сержант с автоматом. Он подает свернутый лист бумаги:

— От командира батальона.

Развернув лист, вырванный из школьной тетради, я прочитал: «Командиру 1-й роты. Части 38-й стрелковой дивизии и батальон московских коммунистов успешно отражают уже третью контратаку. Приказываю: не задерживаться. Немедленно прорваться к станции».

Однако «немедленно прорваться к станции» я не смог. Возникла неустойка на стыке с соседом справа. Стольников, постоянно находившийся в третьем взводе, сообщил, что на позиции соседней с нами роты прорвались около шестидесяти фашистов, которые оттеснили ее и угрожают ударить в тыл нашей роте. Сообщив об этой угрозе, Стольников поднял взвод в атаку и помог третьей роте отразить контратаку. Возвратившись, огорченно махнул рукой:

— В третьей роте уже некому продолжать атаку: танки нанесли ей невосполнимые потери. Хорошо, если она удержится на занимаемых позициях...

Если справа от нас, в районе железной и шоссейной дорог, продвижение наступающих заметно застопорилось и каждый метр там доставался после ожесточенного боя, то на левом фланге рота Самойлова и второй батальон ополченцев прорвались к окраине пристанционного поселка и с боем продвигались к станции. Спешно собираю роту, чтобы продолжать атаку. Неожиданно появляется командир батальона. Левая рука его висит на повязке. Лицо выражает крайнее раздражение и усталость.

— Почему остановились?! — кричит он. — Почему не атакуете? Самойлов с ополченцами уже к станции подходят. Надо помочь им.

Выслушав мой доклад, Грязев здоровой рукой взял меня за рукав:

— Очень прошу тебя, Алтунин, поднимай всех, кто может держать оружие, и немедленно выбей противника с переезда. Это поможет и ополченцам, и Самойлову.

Смертельно уставший Грязев тяжело опускается на землю, а мы со Стольниковым готовим людей для новой атаки. Заметив, что он морщится от боли, которую ему причиняет наспех перевязанная сквозная пулевая рана в предплечье, предлагаю ему отправиться в медпункт, но политрук молча покачал головой и побежал в третью роту, чтобы поднять ее в атаку одновременно с нашей.

Получив от Стольникова сообщение о готовности третьей роты к атаке, поднимаю своих бойцов и веду к железнодорожному переезду. Интенсивный пулеметный огонь вынуждает нас залечь. Вдруг несколько позади нас артиллеристы на руках выкатывают 45-миллиметровую пушку и четырьмя меткими выстрелами заставляют пулеметы умолкнуть. Под ружейным и автоматным ог-

нем мы продвигаемся короткими перебежками. Переезд как на ладони. Остались последние, самые трудные метры. Как бьется сердце! Нижняя рубашка горячим компрессом прилипла к телу, гимнастерка потемнела от пота. Перед решительным броском необходима хоть небольшая передышка. Ведь эти метры надо пробежать на максимальной скорости, после чего быть готовым схватиться с врагом врукопашную.

Выжидаю, пока Стольников подтягивает третью роту. Передаю по цепи «Приготовиться к атаке», но поднять людей не успеваю: около восьмидесяти фашистов, подбадривая себя криками «Форвертс!», бегут на нас с винтовками наперевес.

Контратака была неожиданной. Бойцы без команды открывают по противнику залповый огонь. В действие вступают пять автоматов и два ручных пулемета. Пулеметчики удивительно расчетливо и метко распределяют короткие очереди по разорванной цепи фашистов. Лишь третья часть их преодолела половину расстояния до нашей цепи, а добежали бы, наверное, единицы. Невольно вздрагиваю, представив, какая участь ожидала нас, если бы наша атака была встречена таким же плотным и метким огнем.

Уцелевшие гитлеровцы внезапно, словно по команде, поворачивают назад. Создался на редкость благоприятный момент для того, чтобы прорваться на переезд. Стремясь не упустить его, прыжком выскакиваю вперед и бегу не оглядываясь. Расстояние до переезда небольшое. Вот и шлагбаум, еще несколько секунд — и я проскочу его. Вдруг откуда-то сбоку под ноги падает граната, полыхнул взрыв, ослепивший меня. По инерции делаю несколько шагов — и проваливаюсь в темную бездну.

Сознание вернулось от острой боли. Сколько времени прошло, определить трудно. Еще светло, лежу на плащ-палатке, которую ползком тащит куда-то боец. Разрывы вынуждают его поминутно припадать к земле. Бой, судя по всему, продолжается.

— Куда ты меня тащишь?

Думал, что я кричу, но вопрос приходится дважды повторить, прежде чем боец расслышал мой слабый голос. Повернувшись ко мне, он радостно кричит:

— Живой, товарищ лейтенант! Живой!

Широкое, покрытое легким юношеским пушком лицо бойца светится лаской.

— Федя! — обрадовался я, узнав в спасителе паренька из белорусской деревушки. — Живой и здоровый?!

— Живой и здоровый! — с гордостью подтвердил Федя. — Нас голыми руками не возьмешь. Бог не выдаст, фашистская свинья не съест.

— Станцию взяли?

— Взяли, товарищ лейтенант. Навалились со всех сторон и побили там фашистов видимо-невидимо. — Помолчав, Федя добавил: — И наших там полегло немало. Товарищ политрук из офицеров один остался, да и то ранен в плечо. Товарищ старшина ранен в ногу... Толстую палку я ему разыскал, шкандыбает потихоньку с

ее помощью, ну совсем как мой прадед... Хо-о-ороший человек Мыкола Хведорович, — ласково улыбнулся Федя, — хотел ему помочь дошкандыбать до медпункта, а он говорит: «Ты, Хведор, командира доставь поскорее, а то, не дай бог, помрет». Это он потому, что вы в сознательное состояние не приходили...

— С ротой что? — заторопил я замолчавшего парня.

— Станцию заняли наши... — На мгновение Федя просиял, но тут же печально склонил голову: — Товарищ лейтенант Калинин убит... Товарищ лейтенант Валежников тоже... Товарищ старший лейтенант Папченко скончался от раны.

— А Поливода тяжело ранен? — с тайной надеждой спросил я.

— Помер товарищ Поливода, — тяжело вздохнул Федя и, помолчав, добавил: — Две разрывные пули в живот угодили, целый час мучился.

— А Петренко?..

Вопросы, словно занозы, застревают на языке, который уже не слушался меня. Пытаюсь смахнуть капельки пота, но пальцы почему-то становятся красными. Последнее, что вижу, испуганное лицо Феди — и снова теряю сознание.

«КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ»

Словно сквозь сон слышу мужской голос:

— А с этим что?

— Лейтенант ранен в голову и руку, — отвечает женщина. — Осколком повреждена черепная коробка. Задет ли мозг, установить не удалось: раненый в сознание не приходил.

— Лейтенанта в операционную, немедленно.

Мужчина продолжает отдавать какие-то распоряжения, а я, приоткрыв глаза, пытаюсь определить свое местонахождение. Темно. Тихо шелестит листва. Над головой мерцают звезды. Лежу на чем-то мягком. Где-то я прочитал: «Мыслю — значит, живу». Спешу удостовериться, насколько «жива» моя телесная оболочка. Пытаюсь согнуть ноги — поддаются. Поднимаю поочередно руки — левую, забинтованную, пронизывает боль. Голова налита свинцом, под черепной коробкой будто молоточки по наковальне стучат: «тук-тук, тук-тук...» Скосив глаза, вижу неподвижные фигуры. Слышится протяжный стон. Заметив мои «упражнения», ко мне устремляется женщина в белом халате и косынке.

— Проснулись, лейтенант? — спрашивает она, наклонясь.

— Проснулся, — охотно подтверждаю я.

— Сейчас вас возьмут на перевязку. Постарайтесь больше не засыпать... Ладно?

— Ладно, — обещаю с готовностью, — не буду.

Четверть часа спустя лежу в операционной. Ярко светит электролампочка. Невольно зажмуриваю глаза. Чувствую, как, бережно приподняв мою голову, снимают толстый слой бинтов, пропитанных кровью. От сознания, что это моя кровь, мутит. С трудом припо-

минаю, сколько литров ее в человеческом организме. Кажется, около семи. Сколько же я потерял? От слабости незаметно засыпаю.

Очнулся на рассвете. С трудом приподнял голову. Чувствую легкое головокружение. Опираясь на здоровую руку, медленно отрываю туловище от ватного матраца, встаю на колени, неуверенно выпрямляюсь. Боясь упасть, робко делаю шаг, второй, третий... Так же осторожно возвращаюсь. В палатку вбегает худенькая девушка в белом халате.

— Что вы делаете, раненый?! — всплескивает она руками, заботливо обхватив меня за талию, строго добавляет: — Вам нельзя вставать.

— Ничего, сестренка, — пытаюсь отшутиться. — Туда, куда царь пешком ходил, я в состоянии самостоятельно добраться.

Медсестра сердится, считая мой шутливый тон неуместным.

— Больше не вставайте, если что понадобится, позовите меня.

— А как вас звать?

— Катя... — И тут же, вздернув курносый, покрытый веснушками носик, поправилась: — Екатерина Ивановна. Буду сопровождать вас в эвакогоспиталь.

Принесли кружку крепкого сладкого чая с бутербродом. Есть не хочется, хотя со вчерашнего утра во рту ни крошки не было, зато чай пью с наслаждением.

Не успел покончить с завтраком, как, запыхавшись, прибежала Екатерина Ивановна.

— Товарищи раненые! — закричала она. — Сейчас начнется погрузка. Первыми грузим лежачих, ходячих потом.

Меня почему-то зачислили в лежачие. Два пожилых санитара подняли меня в кузов грузовой машины, заваленный свежим сеном, и привалили спиной к переднему борту кузова. Рядом посадили старшего сержанта с перебитой ногой. Красноармейца, у которого осколком был задет позвоночник, оставили на носилках. Остальные раненые расположились кто где смог.

Проверив, все ли удобно размещены, Катя звонким голосом скомандовала:

— Поехали!

Водитель осторожно ведет машину по лесной дороге. На каждый толчок раненые реагируют такими выражениями, которых я в свои девятнадцать лет и не слышал. Вскоре тряска прекратилась, машина выбралась на асфальт, и раненые, вытирая вспотевшие лбы, разговорились.

— Кто знает, куда нас везут? — ни к кому не обращаясь, спросил рыжеволосый боец, покачивая руку, уложенную в лубок.

— В госпиталь, известно, — отозвался тщедушный пехотинец, довольный тем, что остался жив, что какое-то время будет спокойная жизнь, без выстрелов и бомбежек. — Куды же еще?

— В го-о-шпиталь, — передразнивает рыжеволосый. — Ясно, что не на живодерню. А где он находится?

— Из слов сестры, сказанных шоферу, я понял, что везут нас в

Дорогобуж, — вступает в разговор черноусый сержант с забинтованной шеей.

— В Дорогобуж? Это сколько же верст трястись?

— Сколько верст, не знаю, — вмешивается худой лейтенант, через раскрытый ворот гимнастерки которого виднелась забинтованная грудь, — а километров сто будет. При такой скорости, как сейчас, к обеду доберемся.

— Если фашист позволит, — замечает старший сержант с перебитой ногой, не спуская тревожного взгляда с покрытого легкими облаками неба. — В любую минуту могут вынырнуть самолеты и... начнется такое светопреставление, не приведи господь. Посмотрите, что творится вокруг...

По шоссе течет непрерывный встречный поток: пехота, автомашины, артиллерия, повозки. По обочине бредут беженцы, нагруженные узлами, мешками. Кто-то ведет за собой упирающуюся корову. Армейские регулировщики, стремясь поскорее пропустить спешащие к фронту автомашины, задерживают транспорт, движущийся в тыл, поэтому наша машина часто останавливается. Во время одной из остановок послышались отдаленные взрывы. Оглянувшись, видим фашистские бомбардировщики. Они сбрасывают бомбы на шоссе. Крики беженцев, бросившихся врассыпную, испуганный рев животных, жалобный плач детей действуют сильнее, чем страх перед самолетами. Из оцепенения нас вывел испуганный голос медсестры.

— Товарищи раненые, — кричит она, откидывая задний борт, — быстрее в поле! Помогите тем, кто не может передвигаться!

Катя ухватилась за ручки носилок, на которых лежит раненный в позвоночник боец, пытается сдвинуть их. Четверо легкораненых помогают ей. Другие стягивают с машины старшего сержанта. Он морщится, вскрикивает от боли. Отстранив лейтенанта, раненного в грудь, и усатого сержанта, старавшихся помочь мне, пытаюсь сползти с машины самостоятельно, но срываюсь и теряю сознание.

Очнулся в редких придорожных посадках. От оглушительных взрывов сотрясается земля, валятся молоденькие деревца. Взглянул на дорогу и ужаснулся: наша машина превратилась в дымный факел. Бомбардировщики улетели, истребители поливают пулеметным огнем посадки, в которых мы укрылись. Доносятся предсмертные крики, стоны. Страх заползает в душу.

Страх ведом всем, но в бою он подавляется сознанием долга, стремлением во что бы то ни стало уничтожить врага. Пассивное ожидание расслабляет. Стараясь не думать о себе, помогаю понадежнее укрыть старшего сержанта с перебитой ногой.

А фашистские истребители продолжают свое черное дело: из пятнадцати раненых осталось в живых восемь.

— Милые, давайте в поле, там не так опасно, — умоляет Катя.

Поддерживая друг друга, раненые расползаются по полю.

Насколько мне удалось отойти от посадок, не заметил, ибо ноги подкосились, и, обессилев, я медленно опустился в высокую траву. Дурманящие запахи луга успокоили, отвлекли от происходящего. Огороженный высокой травяной стеной, почувствовал себя изолиро-

ванным от всего мира и впал в сонное забытье. Очнулся от прикосновения нежных пальцев. Раскрыв глаза, вижу встревоженную медсестру. Не допуская мысли о возможности сна в такой обстановке, она решила, что мой организм не выдержал перенапряжения. Встретив удивленный взгляд, обрадованно всплескивает руками:

— Живой, слава богу!

Со всех сторон к шоссе тянутся раненые. Машинально подсчитываю: семь человек. «А где же восьмой?» Сообщаю Кате, что одного не хватает. Девушка молча вздыхает, а рыжеволосый шепчет:

— Сержанта добили, гады.

Усадив нас на траву, Катя растерянно спрашивает:

— Что же нам теперь делать, товарищи?

Мы смотрим на шоссе. Там суетятся люди: сбрасывают на обочину сломанные повозки и убитых лошадей, обгоревшие остовы автомашин.

Предлагаю добираться на попутной машине. Катя быстро шагает к дороге. Расположившись на обочине, мы смотрим, как наша миниатюрная медсестра безуспешно пытается остановить проходящие мимо машины. На восток их идет мало, и все они до отказа забиты ранеными. Отчаявшись, Катя подходит к нам:

— Товарищи раненые! Отойдите от дороги метров на двести, на случай нового нападения фашистских самолетов, и ждите меня. Я доберусь до Дорогобужа и вернусь за вами.

Горячо поблагодарив девушку, мы распрощались. Кате удалось сесть в кузов одной из автомашин.

Мы долго лежим в траве, страдая от ран и жажды. Шоссе опустело: фашистская авиация вынудила попрятаться все живое. Лишь отдельные машины проносятся в сторону фронта. Кто-то предложил идти к виднеющейся вдали деревне, и мы, поддерживая друг друга, медленно плетемся полем. Вскоре выбрались на проселочную дорогу. Солнце, лишь временами закрываемое облаками, отнимает у нас последние силы. Мы еле-еле передвигаем ноги. Неожиданно за спиной послышался рокот мотора. Останавливаемся. Мимо нас ползет колесный трактор с прицепом, на котором сидят колхозницы. Они подбегают к нам, помогают влезть на прицеп, жалостливо приговаривают:

— Родимые, куда же вы пешком-то?

Объясняем, что фашисты беспрерывно бомбят и обстреливают шоссе, что машина, на которой мы ехали, сгорела, поэтому решили, не дожидаясь ночи, идти в Дорогобуж.

Колхозницы жадно расспрашивают о боях под Смоленском. Рисую им общую обстановку, не вдаваясь в детали. В заключение сообщаю, что возле Ярцева наши войска успешно атакуют фашистов.

— Ну слава богу! — осеняя себя крестным знамением, говорит пожилая колхозница. — Может, остановят антихриста, а там, глядишь, и погонят обратно...

В деревне нас накормили. Председатель колхоза, широкоплечий костистый мужчина лет пятидесяти, сказал, что в глубинку,

от греха подальше, эвакуируют женщин и детей, решено также отогнать из прифронтовой полосы скот. Мужчины до последнего часа будут беречь колхозное добро, а если фашисты прорвутся, уйдут в леса.

Председатель распорядился запрячь две повозки и тепло распрощался с нами, пожелав скорейшего выздоровления.

В Дорогобуж мы въехали уже под вечер. Он чем-то напомнил мне Калачинск — районный центр Омской области: такие же одноэтажные деревянные дома под железной крышей, немощеные пыльные улицы, водоразборные колонки.

После долгих расспросов отыскали госпиталь. Как и следовало ожидать, машина за нами еще не вышла: начальник госпиталя приказал ждать темноты. Обрадованная Катя суетится вокруг нас, виновато приговаривает:

— Вот хорошо! Вот молодцы, что добрались!

Врачи быстро обработали наши раны, и с наступлением темноты нас увезли за город, где стоял готовый к отправке санитарный поезд.

Под мерный перестук колес погружаюсь в какой-то кошмарный полусон. Снятся «юнкерсы», с воем пикирующие прямо на меня. Голова раскалывается от боли.

Продвигаемся медленно. Поезд простаивает на запасных путях: пропускает на фронт эшелоны или выжидает, когда восстановят разрушенный путь. На окраине какого-то города нас выгрузили из вагонов и на санитарных машинах привезли в одноэтажную районную больницу, утопавшую в зелени густо разросшихся лип. Нам дали возможность умыться и поменяли белье. Впервые за последний месяц сплю на мягкой постели с белыми хрустящими простынями, ощущаю непередаваемое блаженство. Еще более благотворно влияет тишина, от которой отвык. Ее нарушает лишь хлопанье дверей да стоны раненых. Врачи и сестры ходят бесшумно, разговаривают вполголоса. Было так хорошо, что головная боль стала меньше беспокоить. Хотелось подольше побыть в этом раю. Однако состояние раны вызвало тревогу у главного врача больницы, хрупкого на вид старичка в пенсне. Он объяснил, что необходимо вмешательство специалиста — нейрохирурга, а такого в больнице нет. Поэтому меня решили немедленно отправить в госпиталь. Очень не хотелось покидать тихое уютное местечко.

— Доктор, — обращаюсь я к старичку, — не изгоняйте меня, пожалуйста, из рая. Вы же опытный врач.

— Дорогой юноша, — старик с доброй усмешкой склоняется ко мне, — мудрые люди справедливо утверждают, что перочинный ножик в руках искусного хирурга лучше, чем острейший скальпель в руках терапевта. Не будем рисковать: пусть вас обследует нейрохирург.

— Скажите, доктор, положа руку на сердце: могу я надеяться на скорое возвращение на фронт?

Посмотрев на меня долгим взглядом, старик снял пенсне, тщательно протер стекла полой халата и отрицательно покачал головой:

— Нет, юноша. У вас затронута черепная коробка. Придется, как выражаются инженеры, встать на капитальный ремонт.

Поздним вечером меня и нескольких других раненых погрузили в санитарный поезд. Теплым августовским утром я, поддерживаемый сопровождавшей нас медсестрой, осторожно спустился на перрон. На фронтоне двухэтажного вокзала прочитал: «Тула». Так судьба занесла меня в город, название которого ассоциировалось с недавно прочитанной повестью Лескова.

Прильнув к окошку автобуса, с интересом всматриваюсь в прилегающую к вокзалу длинную улицу. Она кажется узкой из-за трамвайных путей, проложенных посреди нее. По сторонам тянутся вросшие в землю домишки, построенные, казалось, во времена Левши.

Когда автобус свернул на широкую асфальтированную улицу, замелькали двух- и трехэтажные кирпичные здания, тоже старинной постройки.

Миновали памятник Владимиру Ильичу, повернули направо и выехали на прямую как стрела улицу, которая, судя по кинотеатрам и магазинам, была главной. Позднее я узнал, что это — улица Коммунаров. Почти в конце ее располагались корпуса новой городской больницы, превращенной в госпиталь.

Раненым предстояло пройти через санпропускник. В раздевалке шумно. Санитарки спокойно и споро помогают раненым раздеваться. Мужчины в годах, привычные к женским рукам, жмурятся от удовольствия. Молодежь встречает женскую заботу смущенно, пытаясь скрыть это за неестественным оживлением. Слышатся смех, шутки.

— Тиша! — кричат щуплому светловолосому бойцу с забинтованной ногой, который, отчаянно краснея, не позволяет молоденькой санитарке стянуть с него кальсоны. — Не поддавайся! А то она по неопытности чего-нибудь второпях оторвет у тебя. С чем же ты к невесте явишься?

Под раскатистый хохот окружающих девушка смущенно отступает и, чуть не плача, зовет:

— Марь Петровна! Раненый не хочет раздеваться! Брыкается, как норовистый конь.

На помощь спешит высокая крутобедрая женщина с добрым круглым лицом и светлыми глазами. Поглаживая бойца по взъерошенным волосам, она укоризненно говорит:

— Ну что ты, сынок, развоевался с девушкой? Она ведь помочь тебе хочет.

— Я сам, — оправдывается паренек. — Без няньки обойдусь.

— Да как же ты сам? — ласково возражает женщина. — Не сумеешь, как ни старайся: шина мешает, ногу согнуть не можешь.

Женщина сильными руками легко отводит руки раненого и лов-

ко стаскивает с него кальсоны. Боец испуганно прикрывается ладонями и низко опускает голову.

— Караул! Раздевают! — слышится насмешливый возглас с соседних носилок.

Не обращая внимания на смущение и шутки раненых, женщины быстро раздевают их и уносят или уводят в большую комнату, где, обвязав забинтованные участки тела клеенкой, заботливо и осторожно, словно маленьких детей, трут их давно не мытые тела мочалкой, смывают мыльную пену теплой водой. Бойцы постепенно успокаиваются, блаженно крякают и спокойно ждут, когда их, переодетых в чистое белье и халаты, возьмут в палаты.

Я поглядываю на хлопотливых, взмокших от напряжения женщин. Чувствую прилив сыновней нежности. Вот такими заботливыми и самоотверженными мы видели наших женщин с первых дней пребывания на фронте, где они, не обращая внимания на свист пуль и осколков, оказывали помощь раненым, выносили их с поля боя. Один мудрый человек метко подчеркнул, что война в равной мере облагает данью и мужчин, и женщин, но только с одних взимает кровь, а с других — слезы. Следовало бы добавить, что современная война берет с женщин двойную дань: и слезы, и кровь.

На следующий день меня осмотрел нейрохирург. Несколько дней пролетело незаметно, тем более что бо́льшую часть времени я спал.

Скучать раненым не приходилось. Нас навещали рабочие и работницы тульских заводов, школьники; приносили подарки: папиросы, носовые платки, рассказывали о работе; школьники пели, читали стихи. Особенно частым гостем был старый токарь Митрофан Васильевич Хрусталев. Однажды он пришел в сильном возбуждении. Потрясая газетой, торжественно объявил:

— Наши бомбили Берлин!

Новость так обрадовала, будто сообщили о взятии города.

Из газеты «Коммунар», которую мы зачитывали до дыр, узнали, что фашистские армии получили жестокий отпор на дальних подступах к Ленинграду, у стен Таллина, восточнее Смоленска, под Киевом и Одессой. Особенно радовали сообщения, что наши войска продолжают атаковать врага в районе Ярцева. Очень хотелось узнать, как там идут дела, кто командует ротой, живы ли Стольников, Охрименко, Петренко, Федя и другие бойцы, которые ходили в ту роковую для меня атаку. Я выпросил лист чистой бумаги и написал письма Стольникову и Петренко в надежде, что кто-нибудь из них еще в роте.

Нашу офицерскую палату обслуживает медицинская сестра, высокая, статная, черноволосая красавица Маргарита. Все раненые радуются, когда она входит в палату. Даже тяжелораненые, поймав ласковую улыбку Риты — так мы звали ее между собой, — перестают стонать, приободряются. Особенно приворожила она молоденького лейтенанта — танкиста Володю Синицына. Ранение у него тяжелое. Парнишка очень страдает, выглядит изможденным.

Осунувшееся красивое лицо его приобрело восковой оттенок. И лишь светло-серые глаза не сдаются: в них отражается живейший интерес к товарищам по несчастью, ко всему происходящему вокруг. Просыпаясь по утрам, он не забывает поинтересоваться у соседей, как они чувствуют себя. Когда из-за резкого ухудшения состояния здоровья командование госпиталя решило поместить лейтенанта в отдельную палату, он решительно заявил:

— Нет, вы уж не разлучайте меня с товарищами.

И начальник отделения, видя, как огорчен Синицын, отменил распоряжение.

Володя буквально оживает при появлении сестры: безжизненное лицо его освещается слабой улыбкой; преодолевая одышку, он пытается шутить. Рита, заметив, как благотворно влияет ее внимание на Синицына, обойдя палату, обязательно присядет рядом с койкой лейтенанта, ласково поговорит с ним, прочитает письма от его матери и сестренки. После таких встреч лейтенант преображался. Узнав, что до войны Рита училась на историческом факультете Тульского пединститута, Володя попросил познакомить его с историей Тулы.

— Решил поселиться здесь после войны, — пошутил он.

Однажды под вечер Рита вошла в палату с пачкой мелко исписанных листов и, подойдя к койке Синицына, объявила:

— Ну, наберись терпения, лейтенант: сегодня начну лекции по истории моего города. Сам напросился.

Мы дружно заявили, что тоже хотим быть слушателями.

— Конечно, Рита, это всем интересно, — обрадовался лейтенант.

Медленно вышагивая между койками и стараясь оставаться в поле зрения Синицына, Рита начала свою первую лекцию вопросом:

— Знаете ли вы, кто старше, Москва или Тула?

— Москва, конечно, — послышались уверенные голоса.

— Не совсем так, — улыбнулась сестра. — Наша Тула на целый год старше Москвы. Историки утверждают, что Тула известна с 1146 года. Так что скоро мы будем отмечать 800-летие нашего города. Поначалу он был заложен в нескольких километрах от современного, на реке Тулице, правом притоке Упы. От Тулицы произошло и его название. А знаете ли вы, — снова спрашивает Рита, — что до 1503 года Тула являлась личным владением ханов Золотой Орды? В четырнадцатом веке, например, ею владела жена хана Джанибека, которую звали Тайдула.

— Вот оно что!.. Тогда понятно, откуда восточная красота тульских девушек, — пытается острить сосед Синицына, намекая на смуглую кожу и слегка скуластое лицо Риты, но, встретив ее сердитый взгляд, оправдывается: — Простите, сестра, виноват...

— Только с 1503 года Тула вошла в состав Великого Московского княжества, — невозмутимо продолжает Рита, — и с той поры стала мощной крепостью на его южных границах. В 1509 году город был обнесен земляным валом и дубовой стеной, а в 1514—

1521 годы на левом берегу Упы был построен существующий и поныне кремль...

Рита увлеченно рассказывает, а Синицын не сводит восхищенного взгляда с лица девушки. Мы готовы слушать до ночи, но госпитальный режим соблюдался строго. Маргарита объявляет, что продолжит свой рассказ в следующее свое дежурство.

Утром произошло радостное событие. В палату пришел полковник из горвоенкомата и зачитал Указ Президиума Верховного Совета о награждении лейтенанта Синицына Владимира Алексеевича орденом Ленина. Прощаясь, полковник ласково погладил Володю по потному лбу и сказал:

— Крепись, голубчик, не поддавайся болезни. Борись с нею, как сражался против фашистов...

Володя улыбнулся. Между тем здоровье его ухудшалось. Лейтенант таял. По ночам дышал хрипло, во сне стонал. Днем его увозили на процедуры, но они не помогали. Оживал он лишь к началу очередной лекции. Рита садилась на стул рядом с ним, и в наступавшей тишине голос ее был хорошо слышен в самом дальнем углу палаты. Лейтенант держал ее руку в своих и не выпускал. Наконец пришел день, когда Рита, рассказав, каким стал ее родной город в предвоенные годы, объявила, что на этом свои лекции заканчивает. Мы наперебой благодарили девушку, а Володя прижимал ее руку к своей груди, и ласковая улыбка не сходила с его бескровных губ. Когда лейтенант устало закрыл глаза, девушка попыталась высвободить руку, но он удержал ее. Заметив усиливающуюся бледность Синицына, Рита в тревоге выбежала за врачом. Лейтенанта унесли.

Больше мы его не видели. Не появлялась и красавица Рита. Заменившая ее сестра сообщила, что Маргарита заболела, а Володю Синицына похоронили с воинскими почестями.

Смерть лейтенанта потрясла нас. Казалось, продли сестра свои лекции, и он нашел бы силы дослушать их до конца.

Головные боли почти прекратились, рана затягивалась. В середине августа меня перевезли в Ессентуки. В пути мне «стукнуло» двадцать. Впервые день рождения, несмотря на то что дата была круглой, проходит тихо и незаметно. Мысленно побывал дома. И невольно задумался: вспомнили мама и сестренка, что сегодня я благополучно завершил второе десятилетие жизни?

В Ессентуках нас поместили в здании санатория. После больницы, хотя и приличной, казалось, что попали в великолепный дворец. Да и порядки здесь были поистине санаторные: выздоравливающие в длинных байковых халатах, многие на костылях, целый день бродили по парку. Главный хирург госпиталя, как мне сказали, считает, что у непоседливой молодежи раны закрываются быстрее, а кости срастаются в невиданно короткий срок. Поэтому врачи и медсестры на прогулки раненых смотрят снисходительно. Лишь после ужина двери и окна первых двух этажей запираются

наглухо. Таким образом пресекаются попытки некоторых ретивых молодых людей сбегать на свидание к знакомым девушкам или даже на танцы в городской парк.

В один из вечеров, когда закончился ужин и были розданы лекарства, а в коридорах остались бодрствовать лишь дежурные сестры, в нашей палате шло бурное обсуждение плана, как попасть на вечеринку к работницам одной из местных фабрик. Все легальные пути были отрезаны. Красивый, светловолосый и голубоглазый лейтенант Леня Гаврилов предложил выбраться через окно. Двенадцати простыней, по его расчетам, с избытком хватит, чтобы спуститься с третьего этажа. В вылазке участвуют четверо юных лейтенантов из нашей палаты, у троих раны почти затянулись и уже не особенно беспокоят, лишь у Гаврилова правая нога в гипсе. Меня не берут из-за ранения в голову. Леня Гаврилов после некоторого раздумья решительно заявил:

— Нельзя тебе. Вниз ты спустишься, а подняться на третий этаж не сможешь: черепок не выдержит.

Мое предложение отпроситься у дежурной отклоняется как совершенно нереальное. Когда же я высказал опасение, что они тоже не смогут влезть обратно через окно, неукротимый Гаврилов, засучив рукав халата, показал вздувшийся бицепс:

— На таких мускулах я без риска спущусь с любого этажа и поднимусь назад. Напрасно, что ли, нас тренировали в училище?

Гаврилова решительно поддержали другие лейтенанты, заявив, что все они были отличниками физической подготовки и имеют разряды по гимнастике.

Вопросительно поглядываем на старшего лейтенанта Шелехова, отрастившего для солидности светлые усики. Он старше нас всего лет на семь, но нам, двадцатилетним холостякам, он кажется стариком, степенным семьянином.

Гаврилов, стараясь заручиться поддержкой Шелехова, говорит:

— Поймите, мы не хотим терять, может быть, единственный шанс побыть со своими невестами в домашней обстановке.

— Если все вы возлагаете на свидание столь серьезные надежды, я готов вместе с вами отвечать перед комиссаром.

— Вот, — воскликнул обрадованный неожиданной поддержкой Гаврилов, — пожилой человек, а понимает! В общем, ребята, давайте сюда простыни.

Через несколько минут Шелехов уже проверял, надежно ли завязаны узлы, а Гаврилов тем временем придвинул свою койку к раскрытому окну и закрепил на ней один конец самодельного «каната».

Вечера на юге темные, а плотно зашторенные окна не пропускают ни единого лучика света, но туго скрученный жгут из белых простыней должен быть хорошо виден. Погасив свет и подняв маскировочную штору, Гаврилов бросил в чернильную темноту связанные простыни, потом с трудом вскарабкался на подоконник, ухватился за «канат» обеими руками и, перекинув костыли через плечо, лукаво подмигнул нам.

— Лиха беда начало, — шепнул он и скрылся за окном.

За ним друг за другом благополучно спустились остальные лейтенанты. Мы с Шелеховым подняли «канат» и стали терпеливо ожидать возвращения «женихов».

— Я заметил, — сказал, улыбаясь, Шелехов, — что, после того как наши лейтенанты нашли себе подруг, они очень изменились: стали веселыми, бодрыми. По-моему, они по-настоящему влюблены. Кто знает, вдруг это у них на всю жизнь?.. А на фронте легче, когда тебя кто-то ждет. — Старший лейтенант достал из тумбочки конверт и, вытащив из него фотографию, протянул мне:— Взгляни, лейтенант, на частицу сердца моего...

С фотографии глядела на меня улыбающаяся миловидная женщина с мальчиком трех-четырех лет на коленях. Шелехов с глубокой нежностью продолжал:

— Это моя жена и сынишка. Долго ничего не знал об их судьбе. Накануне войны мы жили в Проскурове. Я с первых дней на фронте... Из госпиталя вот написал матери в Ульяновск и неожиданно получил письмо от жены и фотографию. Она с сынишкой благополучно добралась до моих родителей. — Помолчав, он закончил: — Великое это дело, лейтенант, пустить на земле корни. Ты и Родину после этого любишь конкретнее. Когда говорят о Родине, я почему-то прежде всего вижу моих близких, особенно сынишку. Смотрю на него, и на душе легче становится: если погибну, в нем продолжится жизнь. Будет жить род Шелеховых!

Раздумывая каждый о своем, мы незаметно задремали. Разбудил меня довольно увесистый камень, упавший мне, к счастью, на грудь. Склонившись над подоконником и услышав внизу тихий свист, быстро опустили простыни. Шелехов уселся на конец койки, за которую они привязаны, а я приготовился принимать возвращающихся товарищей.

Вот из темноты появился ухмыляющийся Гаврилов. Ухватившись за подоконник, он шутливо пробормотал:

— Принимай, куме, гостей из всех волостей.

Очутившись в комнате, он снял с шеи костыли и дернул за простынный жгут. Вскоре, кряхтя, вскарабкался взмокший от чрезмерных усилий Савинов. Простыни снова натянулись, но никто почему-то не появлялся. Гаврилов сердито крикнул вниз:

— Ну что, спать там устроились?

— Не могу, сил нет подняться, — послышался виноватый голос Тиунова.

— Спускайся назад, пусть Нилов попробует, а ты отдохни, — распорядился Гаврилов. — Тоже мне, жених...

Нилов преодолел значительно большее расстояние, чем его предшественник, но добраться до окна не сумел, выдохся.

— Эх, слабаки, слабаки! — сокрушался Гаврилов, не зная, что предпринять. — Вот что значит иметь троечку по физподготовке. Спускайся вниз, пусть снова попробует Тиунов.

Новая попытка Тиунова, а за ним и Нилова, окончилась неудачей.

— Идите, несчастные, к входной двери! — крикнул Гаврилов и заковылял из палаты.

Мы молча последовали за ним. Спустились на первый этаж, разбудили дежурную медсестру и попросили открыть входную дверь.

— Зачем? — удивилась сестра.

— Два наших товарища выпали из окна, — неожиданно ляпнул Гаврилов.

— Как это выпали?! — Сестра испуганно посмотрела на нас.— Разбились?!

— Успокойтесь, — вмешался Шелехов, — с нашими товарищами все в порядке. Они случайно оказались на улице после отбоя и не могут попасть в палату. Сжальтесь над беднягами.

Растерянная, ничего не понимающая дежурная хватает ключи и спешит к входным дверям. Распахнув их, она видит двух целых и невредимых лейтенантов. Возмущенно всплеснув руками, женщина закричала:

— Да что же это деется! Все порядочные люди спят, а вы где-то шляетесь! Ну погодите: завтра все товарищу комиссару доложу. Как фамилии?

— Уважаемая сестрица, — ласково говорит Леня Гаврилов, прыгая на костылях позади разъяренной дежурной, — к чему вам их фамилии? Ну задержались ребята на свежем воздухе. Так свежий воздух им не повредит!..

— Фамилии! — не сдавалась дежурная, мощной грудью оттесняя от двери смущенных лейтенантов.

С обреченным видом виновники переполоха признали свое поражение.

— Лейтенант Нилов из двадцать восьмой палаты.

— Лейтенант Тиунов оттуда же.

Гаврилов долго стыдил своих «сподвижников» за слабую физподготовку, а в заключение презрительно заявил:

— Несчастные слабаки! Не умеете — не беритесь.

На следующий день разразился грандиозный скандал. Комиссар госпиталя вызвал всех нас к себе и, пристально оглядев наши смущенные лица, сердито сказал, обращаясь к Шелехову:

— Ну, вам, как старшему по возрасту и званию, и докладывать о ЧП.

Старший лейтенант замялся. Тогда Гаврилов, решительно шагнув вперед, попросил:

— Товарищ комиссар! Разрешите мне обо всем подробно доложить.

— Докладывайте, лейтенант! — Старший политрук с интересом оглядел горбоносое загорелое лицо Гаврилова.

— Так вот, товарищ комиссар, — откашливаясь, начал Гаврилов, — с одного предприятия нас посетила делегация — женская бригада Клавдии Ведерниковой. Подарки принесли, рассказали о работе. Мы рассказали о себе. В общем, познакомились. Каждую свободную минуту они нас навещали. Словом, полюбили мы, това-

рищ комиссар. Не знаю, как они, — кивнул Гаврилов на своих товарищей, — а я, как только выйду из госпиталя, женюсь.

Лейтенанты дружно поддержали это заявление, подтвердив, что они тоже имеют самые серьезные намерения.

— Вы в сторону уклоняетесь, — сухо заметил старший политрук. — Доложите, почему ваши товарищи оказались вне стен госпиталя?

— Так вот, товарищ комиссар, я и подхожу к этому, — спокойно продолжал Леня Гаврилов. — Бригаде, в которой трудится моя невеста Даша, за ударную работу дали премию. Мы и решили поздравить девушек...

— Кто это «мы»? Докладывайте конкретно.

— Я и лейтенанты Савинов, Нилов и Тиунов. — Гаврилов бросает виноватый взгляд на остальных, словно оправдываясь: ничего, мол, не поделаешь, врать нельзя.

— А почему же дежурная докладывает только о Нилове и Тиунове? — удивился комиссар. — Почему вы и Савинов оказались в палате, а ваши товарищи — на улице?

— Слабая физподготовка подвела, — с нескрываемой досадой ответил Гаврилов, глубоко вздохнув. — Никогда не забуду бывшего своего учителя лейтенанта Колодкина. Гонял он нас до седьмого пота на турнике, брусьях, через «коня», по канату и при этом всегда поучал: «Запомните, курсанты, тот, кто успешно оседлает все эти снаряды, может рассчитывать на успех в любом деле, требующем силы и ловкости». Мои товарищи убедительно подтвердили вчера справедливость слов нашего командира. Им надо было всего-навсего подняться по канату на третий этаж. Да задача оказалась не под силу.

— А вам, выходит, под силу? — недоверчиво спросил комиссар, поглядывая на загипсованную ногу лейтенанта.

— А мне вот удалось, — скромно подтвердил Гаврилов.

— Ну вот что, товарищи лейтенанты, — комиссар встает со стула и медленно прохаживается мимо застывших возмутителей спокойствия, — благодарите судьбу, что никто из вас не пострадал в ходе вашей «операции по налаживанию культурных связей». Пока ограничусь предупреждением, но, если подобное повторится, будут приняты самые строгие меры. Вам лечиться надо, а не о свиданиях думать. Все, прошу запомнить это предупреждение.

После этого инцидента за нашей палатой был установлен строжайший контроль.

Спустя несколько дней я распрощался с товарищами: меня отправили долечиваться в Сочи.

Город поразил меня не только пышной субтропической растительностью, но и великолепнейшими дворцами-санаториями, в которых разместились госпитали.

Был сентябрь, а в Сочи не ощущалось никаких признаков осени...

Заботливый уход, а главное, чудесная природа и живительный воздух ускорили выздоровление. От раны на руке осталось одно

воспоминание, да и головные боли все меньше и меньше давали о себе знать. Я совершал длительные прогулки и чувствовал себя совсем здоровым.

На очередном осмотре пожилой и весьма опытный доктор Никодим Степанович ободряюще сказал:

— Ну вот, молодой человек, можно и повязку снять. Пусть вашу голову ветерком обдует.

— Значит, могу рассчитывать, что теперь пошлете меня на комиссию?

— Через недельку, через недельку, не раньше. — Никодим Степанович похлопывает меня по плечу.

«Неделька! — обрадовался я. — Всего неделька, а там можно проситься на фронт».

Молодости свойствен оптимизм. Воображение часто рисовало, как измотанные фашистские войска поворачивают вспять под ударами Красной Армии. Радовали и газетные сообщения, особенно весть о сокрушительном разгроме фашистских войск под Ельней. Но еще больше воодушевил меня доклад комиссара госпиталя о положении на фронтах и о наиболее важных событиях в стране и в международных отношениях. Комиссар еженедельно выступал с такими докладами.

Когда я в первый раз пришел в клуб, передо мной открылась удивительная картина: в зрительном зале полным-полно народу, даже на авансцене носилки с ранеными, которые не могли самостоятельно передвигаться. Они лежат тихо, не поднимая головы. Вот на трибуне появился высокий, аскетического вида старший политрук, и раненые задвигались. Взгляды всех устремились на трибуну.

— Товарищи! — воскликнул старший политрук, голос у него резкий, скрипучий. — Начиная войну против Советского Союза, бесноватый фюрер и его генералы хвастливо трубили на весь мир, что их войска будут в Москве через две-три недели! Они рассчитывали завершить свой разбойничий поход на Страну Советов так же молниеносно, как военные кампании в Западной Европе. — Выдержав паузу, комиссар спросил, обращаясь в зал: — Какое сегодня число?

— Шестнадцатое сентября! — отозвались из зала.

— Так вот, уже не две-три, а целых одиннадцать недель с хвостиком промелькнуло, а Москву фашистские изверги не могут увидеть даже в телескоп.

Аплодисменты взорвали тишину, царившую в зале, и долго не давали комиссару говорить. Однако это его не огорчило. Он спокойно стоял, вытянувшись во весь свой немалый рост, и улыбался. Наконец поднял руку и, дождавшись тишины, продолжил:

— Вот уже больше двух месяцев фашистские армии не могут ни на шаг продвинуться в районе Смоленска, а под Ельней нашли себе могилу многие гитлеровские дивизии. Фашистский зверь обломал зубы под Ленинградом, Киевом, Одессой. Словом, план «молниеносной войны» трещит по всем швам. На Центральном направлении

фашистская армия уже давно перешла к обороне, а сейчас Красная Армия изматывает врага и на Северо-Западном, и на Юго-Западном направлениях...

Комиссар рисует обстановку в стране, а я уношусь в мечтах на фронт, к своим боевым товарищам, и вместе с ними гоню фашистов с родной земли. Естественно, мне хотелось не опоздать к поворотному моменту в ходе войны. Усилив физические нагрузки, я с нетерпением ожидаю день выписки из госпиталя...

Вдруг разнесся слух, что оставлен Киев. Нам, командирам среднего звена, слабо разбиравшимся в вопросах оперативного искусства, трудно было понять, почему наши войска, так успешно отбивавшие атаки противника на подступах к Киеву, теперь добровольно сдали город. Что же произошло?

С этим вопросом мы обратились к комиссару. Он сказал, что попытается ответить в двадцать часов в клубе.

К назначенному времени зрительный зал был переполнен. На сцене висела большая карта Советского Союза, на которой флажками обозначена линия советско-германского фронта.

Стремительно выйдя из-за кулис, комиссар подошел к карте.

— Товарищи! — взволнованно произнес он. — В любой войне возможны зигзаги. В такой гигантской битве, какую ведет сейчас наша страна, внезапные изменения неизбежны. У нашего народа и его армии хватит сил для достижения победы, но на пути к ней могут быть любые неожиданности. Такие, например, как оставление столицы Украины. Так решила Ставка Верховного Главнокомандования, решила потому, что дальнейшее удержание киевского выступа, глубоко вклинившегося в территорию, оккупированную фашистскими армиями, угрожало окружением наших войск. Кроме того, героическая оборона Киева уже дала свои плоды: она помогла армиям, сражавшимся на Центральном направлении, остановить врага. Защитники Киева отвлекли на себя танковые и моторизованные дивизии и тем вынудили фашистское командование отказаться от дальнейших попыток наступать на Москву...

Слушая комиссара, я восхищался его способностью по скупым газетным сообщениям давать глубокий анализ событий.

Осложнение обстановки на юге подтолкнуло многих командиров, чувствовавших себя способными держать оружие, наведаться к комиссару с рапортом о выписке из госпиталя. Ходил и я. Подобные визиты вынудили комиссара собрать всех выздоравливающих и объявить, что рапорты о досрочной выписке из госпиталя рассматриваться не будут. Решение по этому вопросу принимает медицинская комиссия по представлению лечащего врача.

— Все мы военные, — заявил комиссар, — поэтому никакой самодеятельности.

Считая, что выписка из госпиталя во многом зависит от меня самого, все свободное время провожу на воздухе, в длительных прогулках по чудесным сочинским паркам. Они поражали меня экзотической растительностью. Раньше мне не доводилось видеть такие деревья, кустарники и цветы.

Однажды в госпитальном парке я встретил очень симпатичного старика, который медленно ходил по аллеям и что-то отмечал в записной книжке. Подойдя к нему, робко спросил:

— Дедушка, не знаете ли, как называется гигантское дерево с конической кроной и светлой хвоей? У нас в Сибири много хвойных деревьев, а таких нет.

Старик положил блокнот в наружный карман легкого парусинового пиджака и, проведя рукой по седой бородке, добродушно улыбнулся, отчего многочисленные складки, избороздившие его лицо, стали более глубокими.

— Это дерево, юноша, называется лжецуга тисолистная, — ответил он. — Родина ее — Северная Америка. Этому экземпляру еще далеко до гиганта. Лжецуга, пожалуй, самое высокое дерево в мире. Оно достигает ста метров, а толщина ствола может перемахнуть за пятиметровую отметку...

Мы разговорились. Старик назвался Трофимом Николаевичем, спросил, как меня зовут, где воевал, при каких обстоятельствах ранен. Мои ответы он слушает с неподдельным интересом, часто горестно приговаривает:

— Бедные, бедные мальчишки!

Трофим Николаевич рассказал о своей тревоге за внуков, которые были моими ровесниками. Оба они на фронте: один — в пехоте, другой — в саперных частях.

Растроганный воспоминаниями, Трофим Николаевич положил руку мне на плечо и ласково сказал:

— При встрече ты назвал меня дедушкой. Так и зови впредь, мне приятно: невольно вспоминаю своих мальчиков.

Пожелав мне быстрейшего выздоровления, он зашагал было по аллее, но вдруг остановился:

— Внучек! Погоди.

Я приблизился.

— Завтра мне предстоит поездка в большое хозяйство, которое занимается выращиванием посадочного материала для парков Черноморского побережья. Там великолепный дендропарк. Если хочешь, милости прошу со мной.

— С удовольствием!— обрадовался я.— Только разрешат ли мне отлучиться из госпиталя?

— Это я беру на себя. Завтра в одиннадцать часов жди меня у входа.

На следующий день во время утреннего обхода лечащий врач сказал, что начальник госпиталя разрешает мне поездку в дендропарк.

За полчаса до назначенного времени с нетерпением прохаживаюсь у ворот. Заметив издали сухонькую фигуру Трофима Николаевича, радостно спешу навстречу.

По пути в дендропарк Трофим Николаевич интересуется моим самочувствием, спрашивает, не беспокоит ли рана. С улыбкой заверяю, что «к бою готов» и со дня на день жду вызова на комиссию.

— Эх, молодость, молодость! — вздыхает старик. — Как вы все торопитесь. Вот и внуки мои, еще и годы не призывные, а они двадцать второго июня побежали в военкомат... и добились-таки своего: воюют...

На полуторке мы быстро доехали до реки Мзымты, на берегу которой раскинулись поля Сада южных культур. Здесь еще до революции Трофим Николаевич под руководством выдающегося садовода Скриванка начинал свою деятельность.

— Весь этот великолепнейший парк, — старик с гордостью обводит вокруг себя широким жестом, — заложен каких-нибудь тридцать лет назад. Сейчас он занимает шестнадцать с половиной гектаров. Тут представлена флора почти всех субтропиков. — И предложил: — Ты, внучек, погуляй. Я договорюсь в конторе, чтобы выписали нам посадочный материал, и познакомлю тебя с парком.

Оставшись один, с интересом рассматриваю невиданные деревья и кустарники. Скоро вернулся Трофим Николаевич.

— Вот посмотри на наиболее типичных представителей субтропиков, — сказал он, указывая на пальмы и бананы. — А вот пампасская трава. На своей родине, в Южной Америке, она достигает двух с половиной метров высоты. Из нее можно делать бумагу и различные плетеные изделия. Это араукария, живет до двух тысяч лет...

— Я слышал, что дубы живут сотни лет, но чтобы тысячу! Невероятно!

— Ничего удивительного, — возразил Трофим Николаевич. — И среди деревьев есть долгожители. Вот, например, болотный мексиканский кипарис. Дерево мощное, с чрезвычайно широкой кроной и нежной хвоей, доживает до четырех тысяч лет.

Заметив, что я рассматриваю неестественные по форме кустарники, Трофим Николаевич добродушно улыбается:

— Квадратная и шарообразная форма кустарников — дело рук человеческих: парковые рабочие регулярно подстригают самшит.

Мы остановились в тени могучих, незнакомых мне деревьев.

— Вот самый распространенный представитель нашего кавказского леса — бук восточный, — объясняет старик. — Он занимает на Кавказе более четверти всей лесной площади и имеет важное народнохозяйственное значение. У него красивая, крепкая и гибкая древесина. Буковые орешки содержат масло, используемое в пищевой промышленности.

Увидев молодую бамбуковую рощу, я не удержался:

— Вот это да! Готовые удилища стоят!

— Бамбуки — древовидные злаки. В Америке, Африке и Юго-Восточной Азии они достигают шестидесятиметровой высоты при диаметре ствола до сорока сантиметров. Такую удочку одному человеку и не поднять. Некоторые бамбуки поразительно быстро растут: за сутки на метр. Говорят, когда-то китайцы использовали это их свойство для мучительной казни своих врагов: сажали обреченного на отросток бамбука. Представить страшно, что испытывал несчастный! А может, сочиняют писатели?..

Несколько часов пролетели как один миг. Заметив, что начинает темнеть, Трофим Николаевич спохватился, повел меня к конторе, где нас дожидалась госпитальная машина.

Посещение дендропарка оставило неизгладимое впечатление.

Через несколько дней меня вызвали на комиссию. Я чувствовал себя совершенно здоровым и постарался убедить в этом врачей. К моей радости, со мной согласились. Еще два дня ушло на оформление документов.

И вот наконец настал долгожданный день. Было солнечно и тепло, как бывает в Сочи в последние дни сентября. Натянув видавшую виды хлопчатобумажную гимнастерку и брюки, яловые сапоги, пилотку и прихватив просторную солдатскую шинель, вместе с другими командирами направляюсь к автобусу, который доставит нас на вокзал. Узнав, что до отъезда еще не менее получаса, спешу попрощаться с Трофимом Николаевичем. С трудом отыскал его в дальнем углу парка. Увидев меня в походном снаряжении, он огорченно всплескивает руками:

— Уже! Ах ты, господи! Как все быстро! Так мало показал тебе...

— Ничего, спасибо за внимание. Вернемся с победой — обязательно приеду в гости.

— Смотри не забудь обещание. Хочу увидеть тебя живым и здоровым. Счастливо!

Приподнявшись на цыпочки, Трофим Николаевич по русскому обычаю трижды целует меня, потом, отстранив, внимательно всматривается в мое лицо и вдруг — крестит.

— Ну, внучек, храни тебя бог, да и сам не плошай.

Взволнованный отеческой лаской чужого мне человека, порывисто обнимаю старика и, резко повернувшись, бегу к автобусу...

После войны я приехал на отдых в Сочи и, бросив вещи, поспешил в санаторий, где размещался госпиталь. Но старика в живых не застал.

Едва устроился на сиденье, автобус тронулся. Через пятнадцать минут мы уже стояли на перроне вокзала и ожидали поезд на Армавир, где находился тогда штаб Северо-Кавказского военного округа.

ПЕРЕД НОВЫМИ БОЯМИ

В отделе кадров моего личного дела не оказалось. Оно, видимо, осталось в 19-й армии. Оформили новое. В автобиографии описал свой жизненный путь.

Внимательно изучив мое личное дело, майор-кадровик объявил:

— Отправляйтесь в станицу Славянскую, лейтенант, в шестьдесят пятую запасную стрелковую бригаду: будете командовать учебной стрелковой ротой.

— Почему в запасную? — не сдержал я огорчения. — Мне бы на фронт. Я же боевой опыт имею.

— Вот потому и пойдете в запасную бригаду, — строго сказал майор. — Она готовит кадры для фронта. А кто это сделает лучше,

чем побывавшие в боях командиры? И вообще запомните, лейтенант: военный человек, тем более командир, должен быть готов в любую минуту последовать туда, куда прикажут. Зарубите себе на носу. — Заметив, что я глубоко огорчен, майор смягчился: — Вы, лейтенант, наверно, недолго пробудете в запасной: обстановка такова, что в любой момент можете оказаться на фронте. Не переживайте, еще навоюетесь.

В станице Славянской, в штабе бригады, нас, командиров, прибывших из госпиталей, принял комбриг, худощавый, среднего роста пожилой полковник. Он расспросил каждого, на каком фронте воевал и в какой должности, затем не торопясь прошелся вдоль строя, оглядел нас изучающим взглядом.

— Товарищи командиры! — сказал он. — Несмотря на то что в летней кампании немецко-фашистские войска не решили стоявших перед ними задач и понесли огромные потери в живой силе и технике, обстановка остается сложной. С начала октября на московском направлении фашисты начали генеральное наступление силами группы армий «Центр». Два мощных танковых катка продвигаются сейчас севернее и южнее Вязьмы, а третий — через Орел на Тулу. Возникла прямая угроза столице нашей Родины — Москве. В чрезвычайно трудном положении находятся защитники Ленинграда. Город блокирован с суши, снабжение возможно только по Ладожскому озеру. Войска Юго-Западного фронта стойко удерживают оборону по реке Псёл, но прорыв обороны на Брянском фронте создает угрозу глубокого обхода и выхода фашистских войск в тыл Юго-Западного фронта. Не лучше обстоят дела и на Южном фронте. Таким образом, товарищи командиры, развертываются события, исход которых решит судьбу всей осенне-зимней кампании. И во многом он будет зависеть от того, насколько быстро действующая армия получит подготовленные резервы. Помните об этом в своей работе. Не жалейте ни сил, ни времени...

Батальон капитана Николаенко, в котором мне предстояло командовать стрелковой ротой, располагался на недействующем хлопкоочистительном заводе. Николаенко был третьим моим комбатом за прошедшие пять месяцев войны, поэтому я невольно сравнивал его с прежними командирами. Больше всего он напоминал мне капитана Тонконоженко. И не только внешним видом и строевой выправкой, но и умением четко и лаконично формулировать мысли и отдавать распоряжения. Однако была у Николаенко черта, заметно отличавшая его от педантичного Тонконоженко, — глубокое чувство юмора.

Однажды Николаенко пришел ко мне на занятия. Он был в тщательно отутюженной гимнастерке и блестящих сапогах. Я невольно смутился, взглянув на свое помятое обмундирование и давно не чищенные сапоги. Николаенко не сделал мне замечания, но, уходя, тихо сказал:

— Плохой у вас старшина, лейтенант. Совсем не заботится о своем командире. Прикажите ему раздобыть утюг и сапожную щет-

ку. — И, не сдержав улыбки, добавил: — А то ни одна девушка взглянуть на вас не захочет.

Меня не очень-то задели его слова, поскольку я считал, что на войне внешний вид не главное. Но как мне хотелось походить на своего комбата! Он был всесторонне подготовленным командиром: одинаково сильным и в решении тактических задач, и в физических упражнениях, и в стрельбе из всех видов стрелкового оружия.

Изучение личного состава роты, организация учебы захватили меня так, что я не заметил, как пролетел месяц.

Сразу после Ноябрьского праздника весь комсостав учебного батальона во главе с капитаном Николаенко вызвали в штаб бригады и объявили приказ о включении батальона в 633-й стрелковый полк 157-й стрелковой дивизии Закавказского фронта. Особенно обрадовало, что в дивизию меня направляют во главе учебной роты, с командирами и бойцами которой я уже основательно познакомился.

В середине ноября 633-й полк перебросили в Туапсе, а оттуда побатальонно рассредоточили вдоль Черноморского побережья. На полк была возложена охрана побережья от Новороссийска до Адлера и подготовка оборонительных сооружений. Третьему стрелковому батальону достался участок от Новороссийска до Туапсе. Нашей восьмой роте — Туапсе и побережье на шесть — восемь километров к северу и югу от города.

Непривычная масштабность задачи ошеломила. Когда я склеил все полученные листы, карту пришлось расстелить на полу. На каждый взвод досталось почти пять километров побережья.

В центре участка был город Туапсе — крупный портовый и промышленный центр. Конечно, фашистское командование будет стремиться в первую очередь овладеть им. Нужно принять оптимальное решение для его охраны, а опыта не хватает.

В училище нам постоянно внушали: везде сильным быть невозможно, надо концентрировать силы в решающих пунктах. Следовательно, первоочередная задача состоит в том, чтобы найти такие пункты. Мы изучаем участок сначала по карте, затем на местности. Прежде всего пытаемся взглянуть на побережье глазами противника, намечающего высадку десанта с моря. И сразу отпали те места, куда на шлюпках и катерах трудно подойти даже в спокойное время. Главные усилия сосредоточили на охране и обороне порта и причалов.

Вместе с политруком роты Митрофаном Васильевичем Абраменко мы облазили все побережье. Возвратясь к вечеру третьих суток из последней рекогносцировки, Абраменко с трудом сполз с лошади и смущенно заявил:

— Ну, Александр Терентьевич, для кавалерии я определенно не гожусь. Еще одна подобная скачка — и тебе придется просить нового политрука. — Широко расставляя ноги, он заковылял к одноэтажному домику, в котором вы квартировали. — После такой тряски у меня все внутренности местами поменялись.

Взглянув на политрука, я понял, какие муки он терпел во время наших поездок, и искренне удивился, как он, горожанин, никогда не ездивший верхом, ухитрялся не свалиться с лошади!

Прошу ординарца принести обед. Митрофан Васильевич у окна перелистывает блокнот.

— Присаживайтесь, Митрофан Васильевич, — предлагаю я.

— Нет уж, — смущенно улыбается политрук, — я лучше постою: чувствую себя так, словно меня жестоко высекли розгами и посыпали солью.

Невысокий плотный ординарец Олесь Семенченко, неслышно проскользнув в дверь, ставит на стол два солдатских котелка, наполненных чем-то жидким, кладет толстые ломти черствого хлеба и, шмыгая простуженным носом, приглашает:

— Сидайте, товарищи командиры, поснедайте трошки... — Спохватившись, осторожно вытягивает из кармана пол-литровую бутылку, заполненную на одну треть. — Товарищ старшина прислал наркомовский паек [1].

Абраменко усмехнулся:

— Не вошло бы в привычку, Александр Терентьевич! Что тогда прикажете делать в мирное время: ведь жена не будет каждый день ставить чарку к обеду.

— По какому случаю пьянствуете, товарищи? — раздалось вдруг с порога.

Обернувшись на голос, мы увидели в дверях капитана Николаенко. Его голубые глаза насмешливо сверкали из-под козырька фуражки.

— Присоединяйтесь к нам, товарищ комбат! — радушно затопал вокруг Николаенко Митрофан Васильевич. — Как раз обед подоспел, снимите пробу с нашего ротного котла.

— Спасибо. — Комбат подошел к столу, присел на грубо сколоченную табуретку.

Митрофан Васильевич принес старинный стул с мягким сиденьем, которым хозяйка чрезвычайно дорожила.

— Садитесь сюда, товарищ комбат, — предложил он, поставив стул возле Николаенко. — Удобнее и не скрипит.

— А вы, товарищ политрук, почему стоите?

Митрофан Васильевич осторожно опустился на табуретку, но сразу же вскочил, морщась от боли.

— Не могу, товарищ капитан, из своего седалища сделал сегодня отбивную, гоняясь на коне за командиром.

С трудом сдержав улыбку, комбат укоризненно покачал головой:

— Что же вы, товарищ лейтенант, не поможете политруку освоить правильную посадку при верховой езде? Научите его, дружище, на фронте пригодится. — Капитан отодвинул стул. — Вам, товарищ политрук, сидеть на мягком, а мы — люди привычные.

Я протянул комбату ложку. Николаенко вытащил из-за голенища свою.

[1] По приказу Наркома обороны СССР каждому бойцу и командиру в холодное время года ежедневно выдавалось 100 граммов водки.

— «Личное оружие» всегда при мне. — Проглотив несколько ложек пшенного супа, заметил: — Если в этот «габер-суп» добавить свежей картошки, будет вкуснее. Посоветуйте старшине. Картофель можно получить в ближайшем колхозе: есть договоренность.

Когда мы опорожнили котелки, комбат попросил доложить, как мы думаем организовать охрану побережья. Я подробно изложил наш замысел: основные силы роты сосредоточить в районе Туапсе, а вдоль берега, к северу и югу от города, создать наблюдательные пункты и стрелковые позиции. Их займут пехотинцы из резерва, когда поступят донесения о приближении противника.

Одобрив наш план, комбат решил проехать на полуторке по участку роты. Он внимательно изучал места, где мы наметили оборудовать опорные пункты, и, расставаясь, обещал прислать две грузовые машины, чтобы мы могли маневрировать резервом.

Мы долго ломали голову: как ускорить получение донесений с наблюдательных пунктов? В колхозе нам обещали выделить лошадей для каждого взвода, но это все равно слишком медленно. И тут мне припомнился способ, каким казачьи дозоры давали знать о подходе врага: сигнальные костры! А что, если применить дымовые шашки? Количество зажженных шашек означало бы примерную численность десанта.

— Если не раздобудем дымовых шашек, — сказал Митрофан Васильевич, — соберем на берегу сушняк и поищем старые покрышки. Этим я займусь лично.

Под вечер в роту вместе с машинами нежданно-негаданно прибыл радист. Комбат прислал его для поддержания связи между батальоном и ротой.

Быстро мелькают дни напряженной работы. Мы готовим маршруты выдвижения взводов к возможным местам высадки десанта, налаживаем системы наблюдения и сигнализации, строим опорные пункты на десантоопасных участках. Помимо укрепления побережья занимаемся огневой подготовкой, через день проводим тактические занятия по отражению десанта и боевые стрельбы. Большую помощь в подготовке и проведении занятий оказывает мой заместитель лейтенант Ступицын. В первую нашу встречу в Туапсе он поразил меня внешним видом. Все на нем было с иголочки. Видимо, к его обмундированию приложил руку отличный портной. Чисто выбритое, ухоженное лицо Ступицына заметно отличалось от наших обветренных и облупленных физиономий. С нескрываемой гордостью Ступицын сообщил нам, что после окончания военного училища он больше года служил в административно-хозяйственном аппарате штаба военного округа. К счастью, хорошая огневая выучка, полученная лейтенантом в училище, не успела еще выветриться. Мы возложили на него пристрелку оружия и проведение боевых стрельб.

В середине декабря среди бойцов пошли разговоры, что скоро в Севастополе мы «дадим фрицам прикурить». Трудно объяснить причину появления таких слухов. Возможно, они порождались желанием помочь защитникам Севастополя: 17 декабря фашисты начали

второе генеральное наступление на город. Около десяти вражеских дивизий предпринимали яростные попытки прорваться в Севастополь. Во взводах с нетерпением ждали Митрофана Васильевича. Каждый рассказ о непоколебимой стойкости севастопольцев он старался проиллюстрировать примерами. После того как он рассказал о бессмертном подвиге семи моряков-комсомольцев, которые трое суток отбивали бешеные атаки фашистов, посыпались рапорты с просьбами отправить в Севастополь. Даже мне приснился сон, что батальон на рассвете высаживается в Севастопольском порту. Словом, ни у кого не было сомнения, что такая возможность появилась, когда 22 декабря к нам неожиданно приехал капитан Николаенко. Узнав, что я на строительстве инженерных сооружений, комбат примчался в порт.

Не дослушав моего рапорта, Николаенко сощурил глаза и показал на капитальное сооружение, которое мы возводили на пирсе:

— Вы, никак, решили отсидеться здесь до конца войны?

— Мы хоть сегодня готовы отбыть в Севастополь, — с обидой возразил я. — Бойцы и командиры засыпали меня рапортами...

— Вот и хорошо, — засмеялся комбат, — можете немедленно собираться. — И строго добавил: — В двадцать один ноль-ноль рота должна быть готова к посадке на корабль, во всеоружии и со всем имуществом. Задача ясна?

— Ясна! — с готовностью откликнулся я и подумал: «А сон-то в руку».

Точно в назначенное время рота в полной боевой готовности выстроилась в порту.

Мы вышли в открытое море. Шторм разыгрался не на шутку, и шестибалльная волна раскачивала корабль словно ореховую скорлупу. Я чувствовал себя плохо.

— Крепись, лейтенант, — с усмешкой крикнул пробегавший мимо матрос. — говорят, прославленный адмирал Нельсон всю жизнь страдал морской болезнью!

За ограждение бортов цепко держатся лишь самые крепкие, остальные бойцы и командиры нашей «непромокаемой» роты, как в насмешку окрестили ее, расползлись по углам и тихо стонут.

Да, нелегко давалось пехоте морское крещение.

Конечный пункт плавания был известен только мне и политруку. Поэтому, когда на рассвете вдали показались очертания города, кто-то удивленно спросил:

— Братцы, уж не Севастополь ли это?

— Ну и сказал! — послышался насмешливый голос. — До Севастополя пилять да пилять.

— Скажи, браток, — окликнул боец показавшегося на палубе матроса, — это Севастополь?

— Новороссийск...

— Тогда другой коленкор, — обрадовался боец. — Теперича есть надежда ступить на землю-матушку.

Хотя волна по-прежнему швыряла корабль, из всех углов и укрытий к бортам потянулись красноармейцы. Они с тоской и надеж-

дой смотрели на берег. По себе чувствовал, как хочется им поскорее ощутить под ногами твердую землю.

Корабль долго не мог отшвартоваться. Как только удалось закрепить трап, красноармейцы ринулись на берег, как пираты на абордаж вражеского судна.

В порту нас ожидал лейтенант Вениамин Соловьев, адъютант старший, иначе говоря, начальник штаба батальона. Выслушав доклад о благополучном завершении перехода, он сообщил, что рота будет размещаться в здании школы, которая находится в районе цементных заводов.

Вскоре мы уже осваивали свое новое жилье. Меня больше всего занимает мысль: зачем нас с такой поспешностью доставили в Новороссийск? От этого зависит, насколько прочно мы должны здесь обосновываться.

Вечером все проясняется. Нас, командиров и политработников, вызвали на совещание в штаб полка. С шумом рассаживаемся в просторной комнате двухэтажного кирпичного здания. Слышатся взаимные приветствия. Мы с Митрофаном Васильевичем с любопытством всматриваемся в лица командиров. Со многими из них мы встречались в запасной стрелковой бригаде.

Распахнулась дверь. Через порог, звякнув шпорами, шагнул командир полка майор Георгий Иванович Андреев. За ним — батальонный комиссар Трофимов и начальник штаба полка капитан Мансырев. Говорят, Мансырев служил еще в старой армии и дослужился до штабс-капитана, а в гражданскую войну командовал батальоном. В армию снова призвали с началом войны. Рядом с ним Андреев выглядел мальчишкой.

Когда в комнате установилась тишина, Андреев привычным движением провел по лицу, словно стер с него усталость, и начал знакомить нас с предстоящей задачей: мы должны участвовать в морском десанте. О времени и районе высадки будет сообщено, как заявил Андреев, «в свое время».

Потом начштаба Мансырев ознакомил нас с распорядком дня. Заниматься предстоит по четырнадцать часов, причем больше ночью.

Когда все вопросы были обговорены, неторопливо поднялся батальонный комиссар Трофимов. Наклонив голову, словно силясь вспомнить что-то, он с минуту помолчал, затем окинул взглядом собравшихся:

— Товарищи командиры! — Комиссар говорит негромко, но его хорошо поставленный голос отчетливо слышен даже в самом дальнем углу. — Из указаний командира и начальника штаба нетрудно понять, что полку предстоит чрезвычайно сложная задача. В морском десанте у нас никто не участвовал, хотя большинство бойцов и командиров уже побывали в море, хлебнули, как говорится, соленой водицы. Следовательно, необходимо настойчиво готовиться к десантированию. Мы должны ценно и нощно помнить, что 157-я стрелковая дивизия, в которую влился наш полк, уже познала радость первых побед над фашистскими захватчиками в сентябре на

подступах к Одессе. Она с честью пронесла свои знамена через жестокие бои в Крыму. Так давайте же не пожалеем сил, чтобы заслужить право гордиться боевыми делами дивизии, как гордятся ими ее ветераны.

После совещания капитан Николаенко распорядился представить ему к трем часам ночи на утверждение ротные расписания занятий. По дороге в роту мы гадаем: куда нам предстоит высаживаться? В конце концов сошлись на том, что все-таки направят нас на помощь героическим защитникам Севастополя.

Наутро во всех взводах начались занятия. Мы учим бойцов стремительным атакам на укрепленные опорные пункты, обучаем их тактике боя в городе. Политрук при помощи местных властей раздобыл несколько рыбацких лодок, и мы провели высадку на берег при довольно мощной накатной волне. Не обошлось без происшествий: одна лодка перевернулась, и бойцы оказались в ледяной воде. Зато с каждой высадкой уменьшался страх перед грозной морской стихией и росла уверенность, что скоро мы будем в Севастополе. Бойцы спешат поделиться этой новостью с родными. С нетерпением ждут ответные весточки из дома.

Письма! Сколько радости и горя приносят они бойцам, особенно тем, чьи семьи остались на временно оккупированной врагом территории. Как завидуют они бойцам, которым почтальон вручил заветное письмецо, и как ворочаются с боку на бок, и не спят, несмотря на усталость, и вздыхают тяжко, и жалобно зовут кого-то, если удается забыться в мимолетном сне.

Нетрудно представить, с каким волнением вскрывал я долгожданное письмо из родной Стеклянки. С жадностью читаю слова, написанные сестренкой Машей, и вдруг словно иглой пронзает сердце: под Москвой погиб Михаил!

Я смотрю на расплывшиеся от слез строчки и не верю своим глазам. Сестренка написала, что отец, прочитав похоронку, оседлал коня и ускакал в район. Вернулся поздно вечером, сказал маме, чтоб собрала продуктов на дорогу. Через две недели получили от него письмо, в котором он сообщил, что едет на фронт. Больше вестей от него не было.

Когда я дочитал письмо, на моем лице, видимо, отразилось такое страдание, что Митрофан Васильевич воскликнул, впервые назвав меня по имени:

— Что стряслось, Александр?!

Молча протянул письмо. Быстро пробежав его, Абраменко тяжело вздохнул:

— Мужайся, Александр!

Смерть брата, отсутствие вестей от отца вывели меня из равновесия. Допоздна просидел я, уткнувшись в расписание занятий, с трудом вникая в смысл написанного.

Мои детские годы неразрывно связаны с братом Михаилом. В деревне, когда взрослые с утра до позднего вечера заняты в поле, старший брат или сестра были для малолетних нянькой. Михаил таскал меня за собой повсюду: на игрища со сверстниками и на

рыбалку, по грибы и даже воровать горох на чужом поле. Однажды, напав на грибное место, он так увлекся, что забыл, где оставил меня. В отчаянии бегал по лесу и, чем больше волновался, тем дальше уходил от меня, и потому не слышал моих жалобных призывов. С ревом прибежал он домой и рассказал о случившемся. Отец, мать, все родственники и соседи бросились на поиски. Лишь под утро случайно наткнулись на меня, сладко спавшего на густом мягком мху. С той поры, к моему величайшему огорчению, родители стали брать меня и сестренку с собой в поле.

В школьные годы я снова был неразлучным спутником Михаила, который старался развить во мне смелость и ловкость. Он никогда не вступался за меня. И, утирая мой разбитый нос подолом рубахи, приговаривал: «Ничего, за битого двух небитых дают. Ты нюни не распускай, умей постоять за себя».

Я самозабвенно любил брата. Зная его смелый и решительный характер, с нетерпением ждал вестей о его подвигах на фронте, а он в первом же бою был наповал сражен пулеметной очередью.

«Эх, Миша, Миша, — повторял я мысленно, — наверное, ты лез напролом, а на войне одной безрассудной смелостью не возьмешь — нужны точный расчет, выдержка и хорошая боевая выучка».

В комнату шумно ввалился лейтенант Соловьев, балагур и насмешник, с которым мы очень сдружились в последнее время.

— Привет, пяхота, — насмешливо окликнул он командиров взводов. — работать лень, а есть охота!

Удивившись, что присутствующие хмурятся и не реагируют на его шутку, он сел и внимательно посмотрел на меня:

— Что с тобой, Ляксандр? На тебе лица нет. Как же я поведу тебя к медсанбатовкам на свидание? Прогонят.

— Пойдем-ка, Вениамин. — Митрофан Васильевич слегка коснулся плеча лейтенанта. — Не мешай командиру. — И, выталкивая его за дверь, сердито буркнул: — Горе только рака красит, а у командира горе, и не приставай ты к нему с шуточками.

Через час Вениамин тихо проскользнул в комнату, осторожно присел рядом со мной и поставил на стол алюминиевую фляжку:

— Прости, дружище, не знал я. — Не получив ответа, он собрал с подоконника жестяные кружки и, плеснув в них понемногу из фляжки, предложил: — Давай, Александр, помянем, как полагается, твоего брата и всех павших в боях... Присоединяйтесь, друзья, — пригласил он Митрофана Васильевича и командира первого взвода лейтенанта Афанасия Украинцева и, подняв кружку, проникновенно сказал: — Пусть земля им будет пухом! Вечная память павшим в боях за Отчизну!

Я благодарно взглянул на товарищей и смахнул невольную слезу.

На следующий день в роте узнали о моем горе. Командиры и бойцы старались проявить ко мне максимум внимания. Особенно удивил меня грубоватый и ворчливый сержант Бочков. Во время перекура он подошел ко мне и, неловко потоптавшись, сказал:

— Товарищ комроты! Я намедни тоже получил письмо от сестры. Она пишет, что немцы застрелили мою бабу прямо на пороге дома за то, что не давала угонять корову. А мальчонку меньшого, который был с нею рядом, ранили. У, гады! — потряс он могучим кулаком, и крупные слезы скатились по его обветренным щекам. — За все получат сполна! Только бы добраться...

— Недолго осталось ждать, товарищ Бочков. Скоро и до нас очередь дойдет. Обязательно за все рассчитаемся. А сейчас идите занимайтесь.

— Есть, заниматься! — козырнул Бочков с необычной для него старательностью.

ФЕОДОСИЙСКИЙ ДЕСАНТ

Утром 28 декабря погода резко изменилась. Бушевавший несколько дней шторм начал стихать. Плановых занятий не было, и батальон после завтрака строем направился в городскую баню. Спешу вдогонку, но путь мне преграждает Вениамин Соловьев. Таинственно подмигнув, он заговорщически шепчет:

— Ты не знаешь, дружище, какой выдающийся человек сегодня родился? — Заметив мое недоумение, лейтенант весело смеется: — 28 декабря 1921 года появился на белый свет Вениамин Викентьевич Соловьев, ваш покорный слуга!

Узнав, что я тороплюсь в баню, Вениамин запротестовал:

— Баня не убежит! Сейчас мы пойдем в нашу столовую: заведующая обещала выделить из своих запасов бутылку рислинга. Поспешим, а то передумает...

Навстречу нам мчится тачанка. В ней, нахлестывая лошадь ременными вожжами, стоит комиссар полка Трофимов. Заметив нас, он так натянул вожжи, что лошадь поднялась свечой. Мы бросились к тачанке.

— Где комбат?! — нетерпеливо крикнул комиссар.

— В шта-а-а-бе, — ответил Соловьев, задыхаясь от быстрого бега.

— Поднимайте батальон по тревоге! Командованию батальона и командирам рот немедленно прибыть в штаб полка! — И, стегнув коня, умчался.

— Что случилось?! — крикнул вдогонку Соловьев.

Не получив ответа, он побежал в штаб батальона, а я поспешил за ушедшей ротой.

Полк, поднятый по тревоге, следует походным порядком в порт, а в нашей восьмой роте отсутствуют пятнадцать красноармейцев и сержантов: пятерых уроженцев Новороссийска мы с политруком ранним утром отпустили навестить родных, остальные два часа назад отправились на их розыски сразу по двум адресам — к родителям и к женам. Всю дорогу одолевают тревожные мысли: успеют ли они возвратиться? Командир полка предупредил: если не успеют, меня и политрука ждет трибунал.

Причалы Новороссийского порта забиты судами самого различного назначения. Нас остановили возле огромного многопушечного корабля. Это крейсер «Красный Кавказ».

На трапе показались майор Андреев, батальонный комиссар Трофимов и капитан Мансырев в сопровождении морского офицера. Раздалась команда:

— Командиры и комиссары батальонов, командиры и политруки отдельных подразделений, к командиру полка!

Командиры и политработники окружили майора Андреева. Пока они совещались, мы с Митрофаном Васильевичем с тревогой поглядываем: не появятся ли отставшие?

Вернулись командир и комиссар батальона. Николаенко объявил порядок посадки. Подошла очередь нашей роты, а отставших не видно. Митрофан Васильевич, шагнув к трапу крейсера, невесело роняет:

— Трибунала нам, товарищ командир, не миновать.

Смотрю на волны, с грохотом бьющие о высокую стенку причала. Штормит уже меньше, но белые барашки на гребнях снежными бороздами чертят поверхность моря.

Батальон закончил посадку. Ждем команду «Трап поднять». Стоим у борта, вцепившись в леера, и смотрим на город. Абраменко морщит крутой лоб и не спускает глаз с портовых ворот. Он все еще надеется на чудо. А я мысленно вижу бойцов в объятиях близких. Они ведь не знают, удастся ли еще увидеться. Мысль о счастье, которое я подарил бойцам, как-то облегчает бремя тяжелой ответственности за принятое решение. «Ребята свое отвоюют, — думаю я. — Война только разгорается».

Лучи солнца пробились сквозь сизые тучи, осветили здания на берегу. Вдруг у входа в порт появилась группа красноармейцев. Мне стало жарко, я различил впереди сержанта Бочкова. Политрук, узнав своих, толкает меня в плечо и протягивает пачку «Казбека»:

— Закурим, Александр Терентьевич, угощайся. — И, выждав, когда мои негнущиеся от холода пальцы зацепили толстую папиросу, заметил: — Последние... придется переходить на махорку.

Тем временем красноармейцы подбежали и, обессилев, повисли на поручнях трапа. К ним на помощь бросилась вся рота. Бережно поддерживая уставших товарищей, бойцы спешат затащить их на корабль. Убедившись, что прибыли все, спешу к капитану Николаенко. Выслушав мой доклад, он облегченно вздыхает:

— Ваше счастье, лейтенант. Не надо было отпускать их домой.

Тем временем убрали трап, подняли якорь, и крейсер, вздрогнув могучим корпусом, плавно отошел от стенки причала. Я посмотрел на часы: 18 часов 40 минут.

Выйдя за акваторию порта, корабли перестроились. В центре, словно две утки в окружении утят, идут крейсеры «Красный Кавказ» и «Красный Крым». Их сопровождают небольшие корабли различного боевого назначения. Митрофан Васильевич, не имевший

ни малейшего представления о боевом предназначении кораблей, вежливо окликает пожилого моряка с нашивками старшины первой статьи.

— Послушайте, товарищ, никак не уразумею, почему такие малютки, — он показал на юркие катера, — защищают такого гиганта, как наш корабль, у которого столько грозных пушек?

— Видите ли, товарищ, — рассудительно объясняет моряк, — военные корабли строятся в определенном порядке, который мы, моряки, называем походным ордером. У каждого корабля свое место и своя конкретная задача. Крейсер предназначается для защиты других кораблей и высадки десанта. В нашем походном ордере крейсеры «Красный Кавказ» и «Красный Крым» являются главной ударной силой, поэтому именно против них будет направлен основной удар противника: авиации, кораблей и подводных лодок. От авиации крейсер защитит себя зенитной артиллерией, против кораблей — у него мощная артиллерия, а вот с подводными лодками ему бороться трудно. Здесь выручают малые быстроходные корабли. При десантировании они обеспечат высадку десанта первого броска...

— Вот те на! — удивляется политрук. — Такие безобидные букашки, а без них не видать нам успеха!..

Подошел комиссар батальона. Предложил собрать роту в кубрике, где установлен репродуктор.

— Будут передавать важное сообщение...

В кубрик набилось столько народу, что дышать нечем.

— Товарищи бойцы и командиры, — раздался в репродукторе голос майора Андреева, — выполняя приказ, наш передовой отряд на рассвете 29 декабря десантируется в город Феодосия. Конкретные задачи командиры подразделений получат перед высадкой, а сейчас слушайте обращение Военного совета сорок четвертой армии... «Товарищи! Боевой приказ Верховного Главнокомандования Красной Армии — взять Крым... — донеслось из репродуктора. — В суровый и грозный для нашей Отчизны час вы идете на смертный бой с заклятым врагом. Смело идите вперед на врага, не зная страха в борьбе, презирая смерть во имя победы... Выполним приказ Родины. Разгромим немецких бандитов. Даешь Крым!»

Репродуктор умолк, а бойцы не расходятся, ожидают чего-то. Тишину разорвал взволнованный голос Митрофана Васильевича:

— Товарищи! Нам поставили боевую задачу: ступить на берег родного Крыма и очистить его от фашистских захватчиков. Это — приказ Родины, и мы его выполним во что бы то ни стало!.. Через час состоятся ротные партийное и комсомольское собрания. На повестку выносится один вопрос: об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в предстоящих боях.

Последние слова политрука утонули в оживленном гуле. Бойцы горячо обсуждали предстоящую высадку в Феодосию. Красноармеец Климук, крутоплечий парень лет двадцати, сдвинув шапку на затылок и запустив пальцы в густые нечесаные волосы, удивленно воскликнул:

— Мать родная! Вот не думал, не гадал, что к тетке Параске на рождество попаду. Она уже лет двадцать, с той поры как выскочила замуж за матроса, живет в Феодосии. Обрадуется, наверное, если заявлюсь в гости. В каждом письме кличет: приезжай да приезжай, вот и приеду.

— Думаю, времени в гости ходить у тебя не будет, — насмешливо заметил Булавин. — А фрицы окажут тебе такое горячее «гостеприимство», что теткин адрес забудешь.

— Не забуду! — отмахнулся Климук. — У меня память не то что у сынка твоей матери.

— Как же так, а говорили, что в Севастополь идем? — удивляется пулеметчик Чаленков.

— Мало ли что говорят люди, — возражает ему его напарник Бондарев, скуластый суровый мужчина, обладающий незаурядной силой и с отеческой нежностью опекающий своего юного товарища. — Командиры знают, что делают: немцы, вишь, ждут нас в Севастополе, а мы шасть в Феодосию — и заявимся к ним с тылу.

— «Заяв-и-и-мся»! — насмешливо протянул сосед пулеметчиков пожилой красноармеец Птахин. — Ходила кума в гости, да честь там оставила... Сначала до берега доберись и Феодосию займи, тогда и рассуждай, а то видишь, как море разъярилось...

— Ничего, главное — не дрейфь, — усмехнулся Бондарев. — Смелость города берет, возьмем и мы Феодосию, коль приказали.

Обсуждая новость, красноармейцы покидали кубрик. Поднялись на палубу и мы с политруком.

Море вновь разыгралось не на шутку. Даже тяжелейший крейсер подбрасывает. Многих укачало. С трудом пробираемся по обледенелой палубе к комбату. Ледяной коркой покрылись борта и корабельные надстройки. Передвигаться можно, лишь крепко держась за что-нибудь.

У Николаенко собрались командиры рот и отдельных подразделений. Комбат подошел к карте, приколотой к обшивке каюты, и, обведя карандашом Феодосию, кратко сообщил:

— После высадки наш полк очищает от фашистов центральную и северо-восточную части города. Затем с юга атакует гору Лысая. Семьсот шестнадцатый полк наступает вдоль шоссе на станцию Сарыголь [1], с ходу захватывает ее и движется на Лысую с востока. Двести пятьдесят первый горнострелковый полк очищает юго-западную часть города, овладевает мысом Ильи и высотами, примыкающими к городу с северо-запада...

Комиссар батальона напомнил, что успех операции решают люди, поэтому нужно, чтобы каждый красноармеец проникся важностью задачи и чтобы подвиг каждого из них незамедлительно становился известным всему батальону.

— Шире используйте рукописные листовки, — наставляет комиссар. — Не забывайте о раненых. Ни один из них не должен остаться без помощи.

---

[1] Теперь Айвазовская.

С совещания расходимся молчаливыми и сосредоточенными. Поднимаемся на палубу. Нас оглушают отчаянные крики. Оказывается, шедший позади нас эсминец наскочил на мину. Он тонет у нас на глазах, а с ним уходят в морскую пучину несколько сот десантников. Ближайшие к эсминцу корабли спешат на помощь, но спасти тонущих при такой волне задача, как я убедился, чрезвычайно трудная. От мысли, что на месте несчастного экипажа могли оказаться мы, стало не по себе. Все подавлены: ничего нет страшнее и горше, чем быть свидетелем гибели товарищей и не иметь возможности помочь им. Страстно захотелось поскорее добраться до берега.

Спустился в кубрик. Здесь взводные агитаторы читают вслух «Памятку бойцу, идущему в десант».

С Митрофаном Васильевичем, парторгом Вековым и комсоргом роты Гришей Авдеевым обсудили порядок проведения партийного и комсомольского собраний. Митрофан Васильевич неожиданно предложил провести открытое партийно-комсомольское собрание.

— Времени, товарищи, в обрез, — заявил он, — а повестка общая.

Нам понравилось предложение, не возражал и комиссар батальона.

Собрание открыл Веков. Глуховатый голос выдает волнение парторга. Предоставив слово Митрофану Васильевичу, он напряженно слушает его.

— Над героическими защитниками Севастополя, — говорит политрук, — нависла смертельная угроза. Наш священный долг — прийти им на помощь. Поэтому полк вместе с другими частями должен высадиться в Феодосии и ударить по фашистам так, чтобы они забыли о Севастополе. У коммунистов и комсомольцев есть одно преимущество перед остальными воинами — право быть впереди. Помните об этом, товарищи!

— Комсомольцы, — с юношеской страстностью заявил Гриша Авдеев, — не отстанут в бою от коммунистов!

Выступление своего вожака комсомольцы поддержали дружным одобрительным гулом.

Выступили почти все коммунисты и комсомольцы, и каждый клялся с честью выполнить воинский долг. Когда парторг Веков предложил принять решение, поднялся Бочков, выпрямился во весь свой немалый рост и возмущенно закричал:

— А что нам, беспартийным, нельзя сказать?!

— Почему же нельзя, товарищ Бочков? — удивился Митрофан Васильевич. — Говорите.

— Товарищи! — взволнованно забасил Бочков. — Нешто мы, беспартийные, не горим желанием выполнить свой долг?! Мы тоже хотим так бить заклятых фашистов, чтобы от них мокрое место осталось. У меня сердце щемит, как вспомню, что на пороге дома фашистские изверги застрелили мою жену и ранили мальчонку... Так дайте ж мне до фашистов добраться, вот этими руками готов

душить их, сукиных сынов! Вот этими! — повторил Бочков, потрясая огромными кулаками.

— Верно говорит! — прорвался сквозь шум трубный голос сержанта Малышко. — Все мы горя хлебнули! Раз коммунистам такая привилегия — идти впереди, принимайте и меня в партию!

— И меня! — басит Бочков. — Я тоже хочу идти в бой коммунистом!

— И меня! И меня! — Взволнованные бойцы вскочили с мест.

— Что делать? — Растерянный парторг поворачивается к Митрофану Васильевичу: — Не можем же принять вот так сразу?

— Почему не можем?! — Широкая, довольная улыбка осветила смуглое утомленное лицо Митрофана Васильевича. — Пусть все, кто хочет идти в бой коммунистом, напишут сейчас заявления. После боя мы выполним необходимые формальности. А пока будем считать всех условно принятыми. Согласны, товарищи коммунисты?

— Согласны! Согласны! — дружно поддержали политрука члены партии.

Молодые бойцы, не состоявшие в комсомоле, воодушевленные единым порывом старших, заявили, что они тоже хотят идти в бой комсомольцами.

— До конца жизни буду помнить это необыкновенное собрание! — взволнованно сказал Митрофан Васильевич.

— Я тоже. Только утвердит ли политотдел принятое решение?

— Утвердит, обязательно утвердит. Я уверен, люди в бою докажут свое право быть коммунистами...

Старшина Санькин с гордостью доложил, что все бойцы обеспечены двойным боекомплектом патронов и тремя ручными гранатами. Он страшно обиделся, когда я вместо похвалы выразил неудовлетворение проделанной работой. Старшина, безусловно, раздобыл боеприпасов больше, чем нужно для начала боя, но я считал, что рота должна быть обеспечена хотя бы на ближайшие сутки: этого требовали, как мне казалось, особые условия боя в городе. К сожалению, комбат Николаенко меня не поддержал. Выслушав мою просьбу, он возмущенно воскликнул:

— Вы что, лейтенант, в верблюдов хотите превратить бойцов?

Тогда я приказал старшине сразу после высадки организовать сбор трофейных гранат, автоматов, винтовок и патронов к ним: я не забыл, как выручали они нас в боях на Смоленщине. Когда я рассказал об этом Митрофану Васильевичу, он, усмехнувшись, заметил:

— Боевой опыт — лучший учебник. Он учит не повторять ошибок.

Занятый подготовкой роты к высадке и к бою в условиях города, я забыл о рогатых минах, поджидавших корабль, о качке и о морской болезни. Но когда в четвертом часу ночи все дела были закончены, внимание снова сосредоточилось на разбушевавшейся стихии. Чтобы отвлечься, решил узнать, как будем высаживаться.

— Смотря по обстановке, — неопределенно ответил комбат. —

Может, на катера пересядем, а может, крейсер сумеет подойти к причалу.

Такой ответ меня не удовлетворил. Решил поговорить с опытным моряком, но командиры, занятые делом, не склонны были вступать в разговор. Наконец, ухватив за бушлат старшину 1-й статьи, я крикнул, стараясь перекрыть шум моря:

— Скоро ли Феодосия, браток?

— Скоро, — ответил старшина и, вырвавшись, побежал по палубе, широко ставя ноги.

Сколько я ни всматривался, очертаний берега не видел. На раскачивающейся палубе невозможно устоять. Признаться, мне, сухопутному человеку, было страшновато глядеть на набегающую волну, трудно поверить, что она не накроет корабль. Чуть не цепляясь руками за палубу, потащился к Митрофану Васильевичу.

— Что это море так разъярилось? — пытается шуткой прикрыть свое беспокойство Митрофан Васильевич, но тревожные нотки выдают его. — Тебе не кажется, что наше путешествие затянулось? Ведь в такой темноте немудрено сбиться с курса.

— А приборы на что?

— Все же на суше надежнее: заблудишься, постучишь в ближайшей деревне в окошко — и тебе точно укажут, куда путь держать.

— Феодо-о-о-сия! — закричал кто-то на палубе.

— Где? Где? — послышались голоса. — Ни черта не видно!

Мы выскочили из укрытия.

— Где Феодосия, товарищ?

— Во-о-он два огонька, — показал моряк.

Пристально вглядываюсь и вижу два мерцающих огонька.

— Почему вы считаете, что это Феодосия?

— Подводные лодки указывают нам направление на вход в гавань.

Огоньки приближаются.

Наконец в бинокль я разглядел туманные очертания города.

— Эх, маяк бы зажечь! — сказал моряк, наблюдавший по левому борту.— Он где-то здесь, слева от входа в порт: еще в июне мы по нему ориентировались, когда заходили в Феодосию.

Внезапно с берега полоснул яркий луч.

— Гляди-ка,— радостно воскликнул Митрофан Васильевич,— маяк зажегся!

— Это не маяк, маяк правее. Кто-то со скалы нам сигнал подает. Вот лихие ребята! [1]

С командного пункта передали:

— Начать высадку!

Осветительные ракеты на берегу взлетали с прежней методичностью.

---

[1] После войны мне удалось узнать, что лихими ребятами были лейтенанты Д. Г. Выжгул и В. Е. Моспан, высадившиеся с подводной лодки.

— Так, — удовлетворенно констатирует капитан-лейтенант,— пока все идет как по маслу: фрицы нас, как видно, не обнаружили.

Вдруг палуба под нами подпрыгнула, словно корабль наскочил на препятствие. Яркая вспышка на мгновение раздвинула горизонт. Город появился, подобно декорации на сцене.

— Мать честная! — испуганно перекрестился пожилой пехотинец. — Корпусь взорвался!

— Эх ты, пехота! — снисходительно усмехнулся коренастый матрос. — Это бабахнули по фрицам из главного калибра.

Орудийные залпы «Красного Кавказа» и «Красного Крыма» заглушают выстрелы с других кораблей: о них можно догадываться лишь по вспышкам.

А город будто вымер: ни одного ответного выстрела. Видно, немцы, отмечавшие рождество, не ожидали нападения, не думали, что советские войска осмелятся высадиться при таком шторме.

Десять минут длилась артиллерийская канонада. Под ее прикрытием быстроходные катера устремились к берегу.

Катер, ворвавшийся в порт первым, высадил группу моряков у Феодосийского маяка. И только тогда немцы опомнились. Воздух прочертили яркие трассы пулеметных очередей, раздались первые орудийные выстрелы, и вокруг кораблей взметнулись водяные смерчи. По разрывам гранат и автоматным очередям нетрудно представить, сколь яростная схватка разгорелась на берегу.

И все-таки хотелось поскорее вцепиться в твердую землю. Сказал об этом Митрофану Васильевичу.

— Пехотинец подобен мифическому Антею: оторви его от матери-земли, он потеряет уверенность в себе. Нет, море не наша стихия, — заявил он, зябко поведя плечами.

Восемь минут, показавшихся нам часами, потребовалось морским пехотинцам, чтобы захватить Большой мол и причалы. Бой еще продолжался, когда по сигналу с «Красного Кавказа» в порт влетел эскадренный миноносец.

— «Шаумян» пошел, — с гордостью заметил старшина 2-й статьи. — Два года на нем прослужил. Замечательный корабль, и командир там лихой, капитан-лейтенант Федоров... Гляди, гляди, что делают, сволочи! — закричал он вдруг, указывая на водяные смерчи, что поднялись вокруг подходившего к причалу эсминца.

Один за другим в порт прорываются еще два эскадренных миноносца и тральщик. В труднейших условиях, под непрерывным огнем они высаживают морских пехотинцев.

С «Красного Крыма», стоявшего недалеко от входа в порт, спускают несколько вместительных баркасов. Маневрируя между водяными смерчами, они устремляются к причалам. А к борту крейсера встает тральщик, успевший высадить первых десантников. Один из вражеских снарядов разрывается на его палубе.

Наблюдая за развитием событий в порту, мы не заметили, как многоопытный командир нашего крейсера капитан 2 ранга Гущин подвел корабль к внешней стенке Большого мола. Однако остановившийся крейсер стал удобной мишенью для вражеской артилле-

рии. Оглушительный взрыв раздался вдруг в носовой части корабля. Взрывной волной многих десантников смело в бушующие волны. Матросы и пришедшие им на помощь красноармейцы бросают тонущим спасательные круги. Слышится второй взрыв. Мы продолжаем вылавливать людей и не догадываемся, что сидим буквально на пороховой бочке...

Уже после войны, когда мы с А. М. Гущиным вспомнили этот эпизод, он рассказал, что снаряд разорвался в орудийной башне главного калибра. От взрыва загорелся один из пороховых зарядов, гасить который было некому: все в башне погибли. Еще минута, и пламя добралось бы до других зарядов, затем до погреба с боеприпасами... К счастью, в этот критический момент в башню проникли моряки Пушкарев и Пилипко. Они расчистили путь аварийной команде и предотвратили катастрофу.

Убедившись, что «Красный Кавказ» не может отшвартоваться и перекинуть на мол трап, командиры сторожевых катеров, высадив морскую пехоту, подвели свои корабли к крейсеру.

Мы готовы были закричать «ура», когда нашей роте приказали высаживаться первой. Красноармейцы с видимым удовольствием покидали корабль. Без понуканий хватались они за толстый канат и, закрыв глаза, съезжали по нему на палубу пляшущего на волне катера. Вглядываясь в напряженные лица и конвульсивно перебиравшие канат пальцы, я вспомнил сентябрьскую ночь, юных лейтенантов, спускавшихся по «канату» из простыней с третьего этажа, и в ушах зазвучал задорный голос лейтенанта Гаврилова: «Троечники по физподготовке на свидание не идут». Я невольно рассмеялся.

— Что с тобой, Александр Терентьевич?

— Вспомнилась одна смешная история.

— Ну, раз тебе в голову приходят еще смешные истории, значит, все в порядке, а то я подумал: уж не того ли?.. — Митрофан Васильевич выразительно покрутил указательным пальцем у виска.

Я решил идти с первым взводом. Прощально махнул Митрофану Васильевичу рукой и, слегка придерживая канат ногами, стремительно скольжу вниз.

— Идите с третьим взводом! — кричу политруку. — Встретимся на берегу!

Перегруженный катер, переваливаясь с волны на волну, устремляется к берегу. Оглядываюсь на корабль и вздрагиваю: там, где только что стоял наш катер, взметнулся гигантский водяной смерч. Промедли мы еще немного — и очутились бы на дне.

Замечаю, что, чем ближе к берегу, тем реже разрывы мин. Хотел крикнуть «А вот и земля, товарищи!», как раздался оглушительный свист и справа по борту взметнулся и обрушился на палубу столб воды. Всех находившихся на палубе с ног до головы окатило ледяным душем. Выплевывая соленую воду, кричу «Вперед!» и прыгаю с уткнувшегося в берег катера. Меня накрыло накатной волной, но я устоял на ногах. Выбегаю на берег и тотчас возвращаюсь назад, чтобы выловить бойца, сбитого волной. А с катеров

высаживаются все новые и новые подразделения. Кричу Украинцеву, показывая в сторону набережной, откуда доносится ожесточенная перестрелка:

— Вперед!

За моей спиной громыхает коваными сапогами Малышко.

Укрыв взвод за кирпичной оградой порта, выскакиваем с Украинцевым на площадь и с ходу плюхаемся за груду камней рядом с морскими пехотинцами.

— Почему не атакуете? — спрашиваю ближайшего ко мне пехотинца.

Тот молча показывает на трупы товарищей и на окна третьего этажа, откуда строчат пулеметы.

Осмотрев площадь, я понял, что наиболее опасными являются первые двадцать — тридцать метров. Они интенсивно простреливаются пулеметами. Надо заставить пулеметчиков смолкнуть хотя бы на пятнадцать — двадцать секунд, тогда бойцы успеют проскочить смертельную зону.

Приказываю Украинцеву развернуть взвод чуть левее отряда морских пехотинцев.

— Взвод к атаке готов! — доложил Украинцев.

— Кто у тебя самый меткий пулеметчик? — спросил я, хотя заранее знал, что лейтенант назовет Грищенко: на проверочных стрельбах он стрелял снайперски.

Как я и ожидал, Украинцев назвал Грищенко. Приказываю ему точно рассчитать прицел до правого фашистского пулемета, а сам примериваюсь к окну, из которого беспрерывно поливают нас свинцовым дождем. В бинокль хорошо вижу лицо фашиста за пулеметом. Показываю Украинцеву на приземистые строения за распахнутыми воротами.

— Как только мы откроем огонь по пулеметам, вы со взводом на спринтерской скорости пересечете площадь, ворветесь во двор и очистите от фашистов постройки.

Ровно через десять минут мы с Грищенко длинными очередями хлестнули по окнам. Огонь оказался не только неожиданным для фашистов, но и метким: пулеметы умолкли. Украинцев с бойцами, подбадривая себя криками «ура», бросились к воротам. Беспорядочная ружейная стрельба не принесла им вреда. За бойцами первого взвода поднялись морские пехотинцы. Их поддержал только что высадившийся 633-й полк.

Слева от нас разгорелась перестрелка. Я вспомнил, что одновременно с нашим полком высаживались подразделения 251-го горнострелкового полка полковника Магалашвили, и понял, что они начали очищать от фашистов западную часть Феодосии.

Расстреляв по одному диску, мы с Грищенко догоняем взвод. Бойцы выкуривают фашистов, засевших в двухэтажном каменном строении. Судя по редким выстрелам, фашистов немного. Однако оставить их нельзя: во-первых, они не дают нам проскочить на следующую улицу, а во-вторых, под их огонь попадут другие под-

разделения. Посылаю сержанта Малышко с группой на помощь морякам, очищавшим многоэтажное здание.

Наша задача облегчалась тем, что в домах не было местных жителей. Мы еще не знали, что фашисты не терпели «русского духа» и потому выгоняли жителей из домов, где селились сами.

Сначала мы выкурили фашистов из приземистой постройки, окна которой выходили на площадь, затем окружили двухэтажный дом во дворе. Вряд ли удалось бы нам обойтись без потерь, если бы не лейтенант Украинцев, удивительно метко бросавший гранаты. Он воспользовался тем, что мы сосредоточили огонь по окнам, молниеносно вывернулся из-за угла и забросил в окна одну за другой две гранаты, а третьей вышиб дощатую дверь. Едва отзвучали взрывы, бойцы ворвались в дом. Через пять минут все стихло.

Громкие крики «ура» заставили нас выскочить наружу. Двор заполнился бойцами нашего батальона, впереди которых я увидел встревоженного Митрофана Васильевича.

— Жив! — радостно воскликнул он. — А мы уж думали, что вас тут фрицы перебили.

Не успел я расспросить, успешно ли закончилась высадка передового отряда, как меня вызвали к командиру батальона. Капитан Николаенко сидел в каком-то складском помещении, рассматривая план города. Доложил о прибытии. С удивлением оглядев мою непокрытую голову, Николаенко спросил:

— Где твоя шапка?

— В море, — огорченно махнул я рукой.

— Телегин! Телегин! — нетерпеливо позвал Николаенко.

— Слушаю, товарищ комбат, — отозвался командир взвода снабжения, протискиваясь вперед.

— Шапку лейтенанту Алтунину.

— Есть! — Телегин стащил с себя новую шапку и протянул мне. Заметив мою нерешительность, успокоил: — Мне сейчас принесут, товарищ лейтенант.

— Ну вот, теперь можно и боевую задачу ставить, не вылетит из головы: шапка помешает, — пошутил Николаенко и весело рассмеялся своей остроте. — Слушайте боевой приказ. Противник, превратив прочные каменные постройки в опорные пункты, пытается задержать продвижение передового отряда. Задача нашего, третьего батальона: захватив центральную часть города, продвигаться на северо-восточную окраину, по пути уничтожать опорные пункты. Ближайшая задача: овладеть рубежом Церковь, Кирпичный завод; последующая — наступать на гору Лысая. Справа наступает первый батальон, слева — второй.

Указав разграничительные линии между нашим батальоном и соседями, Николаенко с минуту молчит, уткнувшись в план города, потом поочередно подзывает к себе командиров и красным пунктиром намечает направление движения каждой роты. Мы записали названия улиц, по которым надлежало наступать, и уповали главным образом на гору Лысая, которая была видна из любой точки города.

— Задача ясна, товарищи командиры? — спросил комбат.

— Ясна! — в один голос ответили мы.

— Выполняйте!

Я поспешил в роту. Меня встретил лейтенант Ступицын и доложил, что попытка роты продвинуться по магистральной улице, ведущей от городского рынка на северо-восток, не удалась: противник закрепился в прилегающих домах и ведет такой плотный огонь, что мышь не проскочит. Приказываю вызвать командиров взводов. И, ожидая их, обдумываю план дальнейших действий.

Неожиданно появляется старшина Санькин и выкладывает передо мной стопку нового шерстяного нижнего белья.

— Что за барахло? — спрашиваю строго.

Санькин, потрогав черную щеточку усов, невозмутимо объясняет:

— Это мы у фрицев на складе обнаружили. Смените белье, товарищ командир, на вас сухой нитки нет.

Хватаю комплект белья и скрываюсь в ближайшем подъезде. С наслаждением натягиваю на себя сухое шерстяное белье, а вошедший следом Санькин протягивает второй комплект:

— Наденьте еще: верхнее станет влажным, сбросите, да и теплее будет.

Молча следую совету. С трудом натянув поверх белья влажное обмундирование и сменив мокрые хромовые сапоги на немецкие с широкими голенищами, в которых удобно размещать автоматные обоймы, сразу ощутил, как тепло обволакивает мое иззябшее тело.

— Всем выдали, кто искупался? — поинтересовался я.

— Не-е-ет... — протянул Санькин. — Не успел.

— Как же так! — вскипел я и невольно сравнил: «Охрименко давно бы уже позаботился о бойцах». — Немедленно уточните у командиров взводов, кто из бойцов и сержантов побывал в воде, и выдайте им по два комплекта белья. Чтобы каждому досталось по два комплекта! — строго предупредил я. — Обыщите все дома, но раздобудьте!

Санькин, бросив отрывистое «есть», кинулся из подъезда, но я, все еще сердясь, окликнул его:

— А где трофейные гранаты, патроны и оружие?

— Нечего было собирать, все автоматы и гранаты, найденные у убитых, сразу же расхватали.

Снова вспомнил рачительного и дальновидного Охрименко, с упреком посмотрел на старшину и предупредил, чтобы в его распоряжении постоянно был запас гранат, патронов и бутылок с горючей жидкостью. По одной бутылке с горючей жидкостью КС было выдано каждому бойцу, но я опасался, что они не сберегут их до возможной встречи с фашистскими танками.

Я о такой возможности не забывал. В моей памяти часто вставали картины смертельного единоборства пехотинцев с фашистскими танками в боях на Смоленщине. Я помнил, как выручали тогда нашу роту «склянки» Охрименко. Теперь у нас имелись бутылки, заправленные особой горючей смесью, которая самовоспламенялась

на воздухе. Впервые увидев такую бутылку и испытав ее, я потребовал беречь их как зеницу ока. Однако поручил Санькину при первой возможности собрать побольше пустых бутылок и наполнить их трофейным бензином. В трудную минуту и «домашнее» средство пригодится, если придется выжигать фашистов из укрытий. Это позволит сберечь бутылки с КС для встречи с танками и бронемашинами. То, что Санькин не понял важности данного ему поручения, меня огорчило. Сдержанно говорю ему об этом и ловлю себя на мысли, что постоянно сравниваю ротного старшину с Охрименко, к которому, что называется, сердцем прикипел. Так уж, видимо, устроен человек: все познается им в сравнении.

Доклады командиров взводов подтвердили, что продвинуться вперед возможно лишь после того, как немцы будут выбиты из каменных зданий по обеим сторонам улицы. Предупреждаю командиров взводов, чтобы у небольших зданий не задерживались: пусть фашисты продолжают отсиживаться, с ними покончат моряки, которые остаются в городе, наша задача — поскорее прорваться к Лысой горе.

Для ведения боя в городе во взводах еще на корабле были созданы штурмовые группы, в которые мы включили кроме стрелков и пулеметчиков сапера с запасом взрывчатки и бойца с ранцевым огнеметом.

В моем резерве оставалось отделение сержанта Малышко. Мне был глубоко симпатичен этот флегматичный богатырь, который в минуту крайней опасности преображался, становился стремительным и ловким. Кроме того, на ход боя я мог влиять огнем двух станковых пулеметов и приданных роте батальонных минометов.

Подав сигнал к атаке, вместе с резервом продвигаюсь по улице, что ведет к шоссе на Старый Крым. Пули, роем зажужжавшие вокруг, заставили нас отпрянуть. Обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. И тут мы услышали шум мотора и увидели автомобиль, несущийся на предельной скорости. Когда черная легковушка поравнялась с нами, Малышко с такой силой бросил гранату, что она пробила лобовое стекло и разорвалась внутри. Мотор взревел, машина подпрыгнула и врезалась в ближайшее здание. Дым окутал ее, но юркий Гриша Авдеев, распахнув заднюю дверцу, выволок из машины черный блестящий портфель вместе с мертвым немецким майором. Попробовали открыть портфель, а он заперт. Малышко намерился разорвать. Я не разрешил и приказал доставить портфель в штаб батальона.

Над нами низко прошли шесть немецких пикирующих бомбардировщиков в сопровождении истребителей. «Ну теперь начнется», — с огорчением подумал я, всматриваясь в серое, неприветливое небо. Со стороны гавани послышалось методичное аханье корабельных зениток, заглушаемое разрывами авиационных бомб. Стало тревожно за транспортные корабли.

Вдруг в примыкавших к улице зданиях началась перестрелка, бабахнули разрывы гранат, зазвенели выбитые стекла, донеслись

яростные вопли на немецком, русском, украинском языках. То вели бой взводы Украинцева и Емельянова.

Мы медленно продвигаемся дворами, с трудом протаскиваем минометы и пулеметы через заборы. Бойцы прочесывают каждый дом. В комнатах ни единой живой души. Лишь в некоторых подвалах прятались испуганные женщины, дети и старики. Первыми осмелели ребята. Они с любопытством рассматривают оружие. Малышко достал из-за пазухи клеенчатый мешочек, вытащил потемневший кусок сахара и протянул дрожащему от холода черноглазому мальчугану лет одиннадцати. Схватив сахар, как белка лакомство, мальчуган отскочил, потом дернул Малышко за полу шинели:

— Откуда вы, дяденька?

— С неба свалились, — улыбается Малышко.

— Не-е! — не соглашается мальчуган. — Морем пришли. Я слышал, как корабли из пушек шарахнули, аж дом зашатался.

Пронырливые мальчишки деловито собирали и куда-то утаскивали немецкие винтовки. «Опять Санькину ничего не достанется», — подумал я и, подозвав одного из них, сказал:

— Вот что, дружище, объяви всем ребятам: кто найдет старшину нашей роты, его фамилия Санькин, и сдаст ему немецкую винтовку с патронами, получит кусок сахара, за автомат — в три раза больше. Так и старшине передай: мол, командир роты приказал...

— Дяденька! А у меня есть автомат. Я уволок его из комнаты, в которой жил офицер.

Я внимательно посмотрел на парнишку. На бледном круглом, как подсолнух, личике с забавно вздернутым маленьким носиком сияли озорные синие глаза. «Вот пострелёнок, — подумал я, окидывая тонкую, как стебелек, фигурку, — не испугался утащить оружие из-под самого носа фашиста!»

— Мальчик, — спросил я отчаянного парнишку, — как тебя зовут?

— Петька.

— Так вот что, Петька. Я уважаю храбрость, но, прошу, больше не рискуй.

— Какая она тебе, дяденька, «мальчик»?! — хихикнул мальчишка, поправляя сползавшую на глаза огромную фуражку. — Она самая настоящая девчонка, хоть ее и кличут Петькой.

— Да ну?! — искренне удивился я. — Петька — и девочка... Ты правда девочка?

— Угадайте! — Петька кокетливо крутнулся на одной ноге.

По этому неуловимому кокетству и легкой краске, проступившей на бледных щеках, я понял, что передо мной действительно девочка.

— Вот так номер! — Я расхохотался и ласково обнял ее.

Так у нашего старшины появились добровольные помощники в сборе трофейного оружия и патронов. От их зоркого глаза ничто не ускользало.

Дворами мы вышли к улице, пересекающей нам путь, и наткнулись на группу бойцов. Присев возле каменной стены, они курили самокрутку, передавая ее из рук в руки.

— Где командир?

— Там, в доме, — показал на двухэтажное здание красноармеец, фамилию которого я не мог вспомнить.

Застаю Емельянова в комнате второго этажа. Он и сержанты, укрывшись в межоконных проемах, осторожно разглядывают противоположную сторону улицы. Немцы ведут сильный ружейный и автоматный огонь. Пули со свистом влетают в распахнутые окна.

— Почему остановились, товарищ младший лейтенант? — тихо спрашиваю я, встав за спиной Емельянова, увлеченного наблюдением.

Он медленно поворачивает голову и спокойно отвечает:

— Понимаете, товарищ комроты, какая досада. На перекрестке находится дот, одна из амбразур которого смотрит в нашу сторону. Пулеметным огнем простреливается каждый сантиметр улицы. В зданиях на противоположной стороне забаррикадировались стрелки. С ними мы справились бы, но как пересечь улицу под пулеметным огнем? Вот в чем загвоздка. — Иван Васильевич снимает шапку, приглаживает реденькие, светлые и мягкие, как у ребенка, волосы, тяжело вздыхает.

— Ваше решение?

— Да какое тут может быть решение! — с нескрываемым отчаянием восклицает Емельянов. — Перемахнем через забор и с «ура» — на ту сторону. А там уж покажем фрицам. — Он угрожающе машет кулачком.

— Не утверждаю. Вряд ли половина взвода сумеет перебежать улицу.

— Что же делать? — Иван Васильевич растерянно смотрит на меня. — Как подобраться к доту?

Не отвечая на его вопрос, внимательно прислушиваюсь к перестрелке, которая доносится со стороны набережной.

«Бой на набережной идет где-то впереди, — размышляю я. — Нельзя ли воспользоваться этим, чтобы по набережной обойти фашистов и атаковать с тыла?..»

Мои мысли прервал прокуренный голос сержанта Гареева:

— Товарищ комроты, тут до вас мальчуган прорывается. Говорит, что самому главному должен о важном деле доложить.

— Где он?

— Тут...

В полутемной прихожей с трудом разглядел паренька в стеганом ватнике и кепке.

— Что тебе, дружок?

— Дядя командир, я здесь все дворы, как свой собственный, изучил. Проведу вас к домам на той стороне так незаметно, что ни один фашист ни в жисть не догадается... Не верите? — спросил он. — Вот честное пионерское!

— Верю, верю, дружок! Только мал ты еще, чтобы под пули тебя подставлять.

— Мне уже скоро пятнадцать, — гордо сообщил он, явно прибавив себе года два-три, не меньше. — Я с отцом в море ходил.

— А где отец?

— В партизанах. У нас все мужики воюют: кто — в Красной Армии, кто — в партизаны подался, вот только мы, — он ткнул себя в грудь, — остались без дела: не доверяют...

— Как тебя звать, мужичок? — спросил я, сдерживая улыбку.

— Остап... Остап Миколаич Моторный.

— Ладно, Остап Миколаич, — решил я, — показывай дорогу. Только, чур, уговор: как начнут стрелять, сразу прячься.

— Есть, сразу прятаться! — Мальчуган вскинул руку в пионерском салюте, и впервые его бескровные губы раскрылись в улыбке.

Выйти в тыл фашистам я поручил отделению Малышко, усилив его штурмовой группой из взвода Емельянова. Условились: как только группе Малышко удастся выйти к цели, он выпустит красную ракету. По этому сигналу мы откроем огонь из всех имеющихся средств и отвлечем внимание гитлеровцев на себя.

— Я с ними, Александр Терентьевич! — крикнул Митрофан Васильевич, догоняя группу.

— Прошу вас остаться, Митрофан Васильевич, вы здесь нужны! — Видя, что он колеблется, добавил: — Там хватит одного комсорга.

С видимой неохотой Митрофан Васильевич поворачивает назад.

Тем временем Малышко, молниеносно перекинув своих бойцов и мальчугана через двухметровую каменную стену, с удивительной для его грузной фигуры легкостью преодолевает ее сам.

Вместе с Емельяновым выбираю наиболее удобные места для пулеметов и расставляю бойцов так, чтобы все огневые точки на противоположной стороне улицы оказались под обстрелом. Взяв на прицел места, откуда фашисты могли вести огонь, бойцы начали потихоньку пристреливаться. И что тут началось! Немцы стреляли из окон, из щелей, которые мы не заметили. В комнате, где находились мы с Емельяновым, повисла завеса пыли от измельченной штукатурки. Нам не удавалось даже на секунду выглянуть в оконный проем.

Вернулись связные, которых я посылал во второй взвод к Терешину и в первый — к Украинцеву. Они принесли неутешительную весть: дот на перекрестке мешает, как кость, застрявшая в горле. Все попытки подобраться к нему пресекаются огнем из ближайших зданий. Теперь надежда на группу Малышко.

Минуты ожидания казались нам долгими.

Наконец в комнату ворвался запыхавшийся наблюдатель и, не разглядев меня в полумраке, возбужденно закричал:

— Красная ракета!

Бросаюсь к станковому пулемету и, оттолкнув пулеметчика, даю длинную очередь-сигнал по окну напротив. Красноармейцы открыли такую ураганную, а главное, целенаправленную стрельбу, что

фашистский огонь резко ослаб. Скоро в противостоящем доме послышались глухие разрывы гранат. Внезапно с верхнего этажа посыпался вниз хлам, загораживавший окно, за ним с отчаянным воплем вылетел фашист, и в проеме окна показалось страшное, окровавленное лицо Малышко. Он воинственно помахал кулачищем и скрылся.

Еще некоторое время на противоположной стороне слышалась перестрелка, изредка рвались гранаты, потом все стихло.

Теперь нужно уничтожить дот. Фашисты по-прежнему поливают оттуда улицы свинцовым дождем. Были бы у нас дымовые шашки, можно бы попытаться под прикрытием дымовой завесы по-пластунски преодолеть улицу. Я высказал эту мысль Емельянову. Он куда-то скрылся, потом позвал меня во двор. Я вышел и сразу закашлялся от черного дымного смрада.

— Что случилось? Что горит? — забеспокоился я.

— Фрицевские покрышки, — удовлетворенно пояснил Иван Васильевич.

Протерев слезящиеся глаза, я насчитал четыре костра, на которых вовсю чадила резина. Все ясно: Иван Васильевич решил применить их вместо дымовых шашек.

Емельянов махнул бойцам. Те, обмотав руки мокрым тряпьем, покатили горящие покрышки к воротам, с силой вытолкнули их на улицу. Порывы ветра не давали дыму подняться вверх, и он, растекаясь над мостовой, быстро достиг перекрестка.

Фашистские пулеметчики продолжали стрелять наугад.

Я первым пополз по мостовой, почти касаясь ее щекой. Кто-то обогнал меня справа, кто-то испуганно ойкнул позади, но вскоре весь взвод Емельянова уже находился на противоположной стороне. Лишь одного бойца слегка царапнуло пулей.

Навстречу мне вразвалку шел Малышко с юным проводником.

— Товарищ комроты! Задание выполнено...

Что он докладывал дальше, я не уловил. Мое внимание было сосредоточено на его забрызганных кровью шапке, лице и шинели.

— Что с вами, товарищ Малышко? Вы ранены?

— Нет. А что?

— Да вы весь в крови!

Удивленный богатырь провел руками по лицу, взглянул на свои ладони и пошатнулся. Еле успел подхватить его, помог доковылять до стены дома и опуститься на землю. Он виновато улыбнулся:

— С детства не выношу вида крови, меня от нее мутит.

— Петин! Петин! Позвать Петина! — нетерпеливо кричу я, не зная еще, насколько серьезно ранен Малышко.

Переваливаясь по-утиному, подбежал Петин. Молча показываю на Малышко. Санинструктор вытащил из сумки бутыль с какой-то жидкостью, намочил ватный тампон и, сняв с раненого шапку, протер ему лицо. Пока он осторожно ощупывал голову и богатырскую грудь, лицо Малышко опять покрылось капельками крови, видимо сочившейся из многочисленных царапин. Петин начал густо сма-

зывать их йодом и вдруг — взлетел в воздух! Стремительно вскочив, Малышко высоко поднял за шиворот дрыгающего ногами санинструктора и разъяренно рычал:

— Ты что, издеваешься?! С живого шкуру сдираешь?!

— Что ты, что ты, товарищ сержант! — лепетал испуганный Петин. — Это для дезинфекции, чтобы заражения крови не случилось.

Не удержавшись от смеха, с трудом вырываю Петина из рук Малышко и опускаю на землю, после чего ротный эскулап не замедлил скрыться.

Подошедший Митрофан Васильевич удивленно посмотрел на поспешно убегавшего Петина. Я рассказал об «инциденте».

— Ну и герой! — усмехнулся политрук. — А мы его так разрисовали. — Он протянул мне лист бумаги, где довольно умело черным карандашом был набросан рисунок: грозная физиономия сержанта в окне, а в воздухе распластался испуганно вопящий фашист, выброшенный им из окна. И подпись: «Так сержант Малышко расправляется с фашистами. Бей их, распроклятых!» А наверху: «Прочитай и передай товарищу».

— Все правильно, — подтвердил я. — Пусть все посмотрят.

Неожиданно во дворе появился лейтенант Соловьев, с которым мы так и не успели отметить его день рождения. Увидев меня, Вениамин крикнул:

— Комбат недоволен твоим топтанием на месте! Седьмая рота обогнала вашу и девятую на целый километр!

Когда я объяснил причину задержки, Соловьев деловито спросил:

— Что намереваешься делать?

— Передай командиру, что взвод Емельянова немедленно будет развивать успех, а я со своим резервом покончу с гарнизоном дота и расчищу путь остальным взводам.

— Ладно, так и доложу комбату! — крикнул начштаба. — Удачи тебе!

Политрук ушел со взводом Емельянова, а я с Малышко и сапером попытался проскочить перекресток, чтобы с тыла подойти к доту. Едва мы высунулись, вокруг зацокали пули. Стало ясно, что, пока мы не выбьем фашистов из комнат, окна которых выходят на перекресток, подойти к доту не удастся. Молча переглянулся с Малышко. Поняв меня, богатырь махнул своему отделению. Разделив его на группы по три человека, он в своей обычной манере, больше жестами, чем словами, указал направление движения каждой группы и стремительно побежал через улицу. Слишком поздно я обнаружил, что Остап ни на шаг не отстает от Малышко. Крикнул, чтобы он вернулся, но мальчуган сделал вид, что не слышит. К счастью, он благополучно проскочил простреливаемую улицу. Скоро в доме поднялась стрельба, послышались взрывы гранат, а потом появился, как всегда, невозмутимый Малышко в сопровождении парнишки и красноармейца. Еще издали подняв свой огромный кулак в популярном довоенном приветствии «Рот Фронт!», он хрипло пробасил:

— Порядок!

— Где остальные? — встревожился я.

— Там, — махнул он рукой в сторону здания, — караулят, чтобы не помешали нам фрицы.

— Ты что же, Остап Миколаич, дисциплину нарушаешь? — стараясь сделать строгое лицо, спросил я сияющего и гордого собой мальчугана.

— Не-е-т, — смутился тот, — не нарушаю.

— Почему не вернулся? Я же приказал.

— Я не слышал... Шум кругом.

— А если честное пионерское?

Бледные щеки Остапа порозовели, потупив взгляд, он схитрил:

— Слышал, но побоялся идти назад: улица ведь простреливалась.

— Ну ладно, — заключил я, — больше не высовывайся, наблюдай через забор и докладывай, если что заметишь. Вот тебе бипокль.

— Есть, наблюдать и не высовываться, товарищ командир! — с готовностью вытянулся Остап, стараясь пошире развернуть узенькие плечи.

Пулеметчики, словно предчувствуя свои последние минуты, беспрерывно строчат. Только с тыла, где вход, амбразуры не было. Воспользовавшись этим, мы бросаемся к доту. Малышко бежит, легко удерживая в одной руке тяжелый заряд взрывчатки, в другой — гранату, у меня наготове две гранаты.

Малышко осторожно кладет взрывчатку под дверь, сапер присоединяет к ней бикфордов шнур. Вот он загорелся, и мы, отбежав на безопасное расстояние, прижимаемся к земле. Раздается взрыв. Бросив в распахнувшуюся дверь гранату, мы с Малышко протискиваемся внутрь дота. Малышко сразу же, пошатываясь, поворачивает назад. Присмотревшись, вижу на полу окровавленные трупы и тоже спешу к выходу.

Нас окружают возбужденные бойцы второго взвода. Кто-то на радостях крикнул:

— Качать командира роты!

И только мой строгий окрик останавливает бойцов. Расступившись, они пропускают старшего сержанта Терешина. Поблескивая озорными карими глазами, он докладывает, что во взводе ранен и отправлен в медпункт боец Чабанов.

— Где взвод Украинцева?

— Доколачивает фрицев в дальних домах.

— А лейтенант Ступицын к Украинцеву ушел?

— Не знаю, после высадки я его не видел.

— Я же послал его к вам и в первый взвод...

— Наверное, он прямо в первый взвод к Украинцеву махнул, — старается успокоить меня Терешин.

— Возможно, — соглашаюсь я, а сам думаю: «Что же могло с ним приключиться?»

Приказываю Терешину продвигаться по магистральной улице

вверх, а одно отделение послать осмотреть дворы: не спрятались ли где-нибудь уцелевшие фашисты.

Сам с отделением Малышко направляюсь на розыски первого взвода. Подошел к угрюмо стоявшему в одиночестве Малышко, тронул его за плечо. Он повернулся ко мне, и в его потускневших глазах я заметил такую боль и отвращение к происходящему, что у меня невольно мелькнула мысль: «Какая легкоранимая душа у этакого великана!»

— Я приказал Петину оказать помощь раненым фрицам и отправить в медсанбат.

Малышко кивнул и молча зашагал следом за мной. Рядом пристроился Остап, о существовании которого я забыл.

— Товарищ командир, — доложил он, — задание выполнено: ничего подозрительного вокруг не замечено.

«Что же делать с мальчишкой? Как вернуть его домой? Ведь он теперь не отстанет от роты и наскочит на шальную пулю», — размышляю я, внимательно разглядывая его старенькую одежонку. И тут у меня родилась спасительная идея.

— Товарищ Моторный! — сказал я. — Мы не успели как следует прочистить город, кое-где могли затаиться фашисты. Назначаю тебя комендантом участка, границы которого проходят в полукилометре вокруг твоего дома. Собери ребят и внимательно разведай весь участок. Если обнаружите фашистов, немедленно доложите военному коменданту, которого разыщите в порту. Задача ясна?

— Ясна, товарищ командир! — воскликнул Остап и распахнул телогрейку, чтобы виден был пионерский галстук.

Подарив ему на память старенький бинокль — мне достался в бою совершенно новый, цейсовский, — с нежностью прижимаю к груди голову мальчика, затем, мягко отстранив его, приказываю:

— Выполняйте задание.

— Есть, выполнять задание! — воскликнул Остап и, неумело повернувшись через правое плечо, зашагал по улице.

Я смотрю ему вслед и с волнением думаю: «Эх, мальчишки, мальчишки! Лишили вас проклятые фашисты счастливого детства. Сидеть бы вам сейчас за партами, а не в холодных подвалах!»

Осторожно продвигаемся по улице, параллельной той, на которой стоит дот. В одиннадцатом часу утра догоняем наконец взвод лейтенанта Украинцева. Еще издали я увидел широкоплечую фигуру командира позади группы бойцов, настороженно шагавших гуськом с оружием наготове. По другой стороне улицы двигалась вторая группа. Вокруг было тихо.

Я окликнул Украинцева. Он остановил взвод. Бойцы мгновенно перескочили через невысокие каменные изгороди и принялись тщательно обследовать окружающие дворы.

— Взвод продолжает наступать по намеченному маршруту, — доложил Украинцев. — Ликвидировали укрепленный опорный пункт, который трудно было обойти. Уничтожено восемнадцать фашистов, в плен сдались шесть. С нашей стороны погиб красноармеец Лебедев, легкораненый Будкин остался в строю.

— Лейтенант Ступицын у вас?

— Нет, не был.

Ответ Украинцева озадачил меня.

«Куда же пропал мой боевой заместитель? Неужели погиб? А если, раненный, лежит в каком-нибудь дворе и ждет помощи? Что же делать?»

Приказываю Украинцеву послать бойцов прочесать все дворы и улицы до перекрестка, на котором находится дот. Если лейтенант ранен, то только в этом районе. Украинцев выделил двух красноармейцев, я разъяснил им задачу, после выполнения которой они должны прибыть к церкви. Посмотрев вслед удаляющимся бойцам, я спросил:

— Где пленные?

— Мы их обезоружили, я приказал им держать перед собой белую тряпку на палке и строем двигаться в порт. Не терять же время с ними! — пожал плечами Украинцев, заметив, что я сердито нахмурился.

— Почему идете по улице словно на прогулке? А если в каком-нибудь дворе засада?

— Все предусмотрено, — спокойно возразил лейтенант, — прилегающие к улице дворы и здания проверяют мои дозоры. В подозрительных местах, где могут притаиться фашисты, задерживаемся и тщательно осматриваем все вокруг.

Прощаюсь с Украинцевым и приказываю ему, как выйдет на магистраль, выводящую к шоссе на Старый Крым, прислать к церкви связного за получением дальнейших указаний.

Очищая квартал за кварталом, рота продвигается к северо-восточной окраине города. Такого упорного и организованного сопротивления, как на перекрестке улиц у дота, мы больше нигде не встретили.

Как всегда внезапно появились командир и комиссар батальона. Красивое волевое лицо капитана Николаенко выглядело оживленным и добродушным. Выслушав доклад о ходе наступления, он удовлетворенно потер руки:

— Молодцы! Молодцы! Так держать! Ну, чем вам помочь?

Услышав мою неизменную просьбу о патронах, гранатах и бутылках с горючей смесью, укоризненно сказал:

— Что у меня, собственный завод? Транспорты с боеприпасами еще не разгрузились. Есть небольшой запас, а наступать долго. Вдруг выгрузка боеприпасов задержится? — Однако, прощаясь, смягчился: — Ладно, пришлю тебе ящик-другой патронов и три десятка гранат. Но, смотри, — погрозил он пальцем, — береги боеприпасы, не растрачивай понапрасну.

Возвратившийся из взвода Емельянова Митрофан Васильевич с восхищением рассказывает, как смело действовали бойцы третьего взвода. Наконец отыскался и лейтенант Ступицын. Увидев его живым и невредимым, я поначалу заулыбался, но, вспомнив, что па его розыски посланы бойцы, спросил:

— Вы где пропадали, товарищ лейтенант? Почему не были во взводах Терешина и Украинцева?

— Невозможно было пройти, товарищ комроты, улицы простреливались, а когда стрельба закончилась, потерял следы обоих взводов.

В голосе лейтенанта не чувствовалось и тени смущения. Я задохнулся от возмущения. С трудом сдержав себя, предупредил, подчеркивая каждое слово:

— Запомните, лейтенант, если подобный случай трусости повторится, пойдете под трибунал.

— Это не трусость, — покраснев, возразил Ступицын, — а проявление осторожности, естественное, так сказать, чувство самосохранения, присущее каждому нормальному человеку. Разве я нужен вам мертвым?

— Вы не нужны мне никаким! — взорвался я.

Внимательно слушавший наш разговор Митрофан Васильевич притянул Ступицына за пуговицу шинели, приподнявшись на носки, пристально посмотрел ему в глаза. Потом оттолкнул лейтенанта и с нескрываемой насмешкой сказал:

— Запомните, лейтенант Ступицын, осторожность и трусость — понятия разные. Постарайтесь не путать их.

Размолвка с заместителем оставила неприятный осадок. В дальнейшем я стал меньше встречаться с ним, передавал распоряжения через других и поручил ему вместе со старшиной заботиться о питании бойцов, о боеприпасах, доставке раненых на медпункт и похоронах убитых.

Продвигаясь от одного квартала к другому, бойцы иногда натыкались на небольшие группы солдат или полицаев. Вместо того чтобы использовать для ликвидации их часть сил, в атаку бросалась вся штурмовая группа. Это задерживало продвижение. Все же к полудню взводы Терешина и Емельянова пробились к возвышавшейся над городом церкви, окруженной каменным забором. Подступы к церкви простреливались ружейно-пулеметным и автоматным огнем.

Пока мы с Митрофаном Васильевичем пытались выяснить обстановку, меня разыскал посыльный от капитана Николаенко. Он проводил меня к комбату.

— Кстати подоспел, лейтенант! — увидев меня, воскликнул капитан. — Досадная задержка! — Заметив, что я удивленно смотрю на пожилых мужчин в гражданской одежде, Николаенко пояснил: — Это местные товарищи. Они помогли нам раскрыть систему круговой обороны церкви. За ее оградой укрылись немалые силы. Задача усложняется тем, что на территории церкви находятся также военнопленные. Они не должны пострадать. Посоветовавшись с товарищами, — Николаенко кивнул на местных жителей, — я решил атаковать церковь вместе с подразделениями первого батальона. Вы, лейтенант, начнете атаку и отвлечете внимание гарнизона на себя. Как только бой разгорится, основные силы, которые скрытно сосредоточатся в прилегающих к церкви садах, атакуют противника с

противоположной стороны. — Помолчав, капитан спросил: — Уяснили замысел и цель вашей атаки?

В голову лезут неприятные мысли: «За демонстрацию атаки рота заплатит жизнями бойцов и командиров. Но что делать? Кто-то должен выполнить и эту задачу». Подавив сомнения, ответил как можно тверже:

— Замысел ваш и задача роты ясны. Когда начало атаки?

— В вашем распоряжении сорок минут, за пять минут до атаки по территории церкви откроют огонь все батальонные минометы...

В комнату стремительно вошли майор Андреев и батальонный комиссар Трофимов. Николаенко вскочил, начал докладывать о сложившейся обстановке, но командир полка перебил его:

— Вы что, капитан, на ночлег расположились около церкви? Почему не атакуете?

— Пытались атаковать с ходу, товарищ майор, но уж очень хорошо организована система огня: каждая пядь земли пристреляна, особенно свирепствуют пулеметы, установленные на колокольне. С капитаном Бужинским мы разработали план совместных действий.

— Когда начало атаки? — спросил Андреев.

Комбат назвал время. Майор пообещал прислать полковую пушку: она поможет сбить пулеметы с колокольни.

Возвращаюсь на позиции, занятые ротой, и с радостью узнаю, что прибыл взвод Украинцева. Внимательно присматриваюсь к местности. На противоположной стороне улицы высится церковная ограда. Прикрытая мощным огневым заслоном, она кажется неприступной. Постепенно вырисовывается план атаки, его детали. Собираю командиров взводов, кратко разъясняю им создавшуюся обстановку, ставлю задачи, уточняю направление атаки каждого взвода и требую наделать как можно больше шума: стрелять, погромче и почаще кричать «ура», но по возможности избегать лезть под пули. Как только фашистские пулеметы сосредоточат огонь на роте, разъяснял я, укрываться, а едва они умолкнут, двигаться вперед с громким «ура».

Вдруг я увидел старшину Санькина с ватагой городских ребят.

— Что такое? — удивился я.

— Товарищ комроты! Атаман этой ватаги по всей форме доложил, что вы поручили ребятам помогать мне в сборе трофейного оружия и боеприпасов. Они славно потрудились! Целую гору немецких винтовок, патронов и даже два пулемета притащили, а сейчас в соседних дворах шесть лестниц отыскали. Думаю, лестницы нам пригодятся: помогут через забор перемахнуть.

— Молодцы! — не удержался и похвалил я, хотя только что собирался отругать старшину за то, что допустил мальчишек в район боевых действий. — А теперь немедленно уведи их подальше и займи каким-нибудь безопасным для жизни делом.

Лестницы, найденные мальчишками, Санькин раздал взводам. Когда в воздух взвилась красная ракета, бойцы открыли бешеный

огонь. Донесся трубный голос Малышко. Словно запал в мощном заряде, он вызвал взрыв могучего раскатистого «ура-а-а-а!». Этот громовой раскат на мгновение заглушил яростный огонь из-за церковной ограды. Никогда не думал, что сотня человеческих глоток может поднять такой оглушительный рев.

Дважды взводы поднимались в атаку и отползали в укрытия, когда пулеметы сосредоточивали на них свой огонь.

Артиллеристы прямой наводкой гвоздят в проемы колокольни, где укрылись фашистские пулеметчики, но никак не могут попасть в цель.

После второй атаки во время короткой передышки около меня появился капитан Николаенко:

— Много потерь в роте?

Узнав, что трое бойцов отделались незначительными царапинами, комбат облегченно вздохнул:

— Хорошо. Надо быстрее кончать здесь. Главные силы полка уже выходят на северо-восточную окраину. После захвата Кирпичного завода предстоит решающая атака Лысой горы. Пока мы ею не овладеем, город нельзя считать освобожденным. Мины у тебя есть?

— Шесть осталось: по три на ствол, — ответил я.

— Давай, лейтенант, последними минами по фашистам — и в атаку, — решительно махнул рукой Николаенко.

Передаю команду минометчикам:

— Огонь!

Когда взводы в третий раз поднялись в атаку, огонь со стороны церкви вдруг резко ослаб, а за оградой послышались взрывы гранат и частая пальба, заглушаемые мощным «ура». «Наконец-то!» — облегченно вздыхаю и, взмахнув винтовкой, бросаюсь к стене. За мной бежит Малышко со своими бойцами. Он одной рукой придерживает лестницу. Пока Малышко прилаживает ее к стене, скидываю шинель и набрасываю на колючую проволоку, протянутую поверх ограды. Малышко карабкается по лестнице, которая под его тяжестью прогибается, грозя ежесекундно переломиться. Ухватившись руками за туго натянутую проволоку, Малышко перемахивает через забор. Спешу за ним. И вижу, что Малышко атакуют три фашиста. Держа за ствол ручной пулемет, сержант другой рукой ухватил за шиворот визжащего фашиста и прикрывается им, словно щитом. Прыгаю. Мое появление отвлекает внимание вражеских солдат. Воспользовавшись этим, Малышко неожиданно швыряет фашиста и, размахивая пулеметом, «угощает» прикладом остальных.

Фашисты отступают к церкви. Малышко по-медвежьи преследует их. Мельком взглянул на поверженного его страшным ударом гитлеровца и вздрогнул: головы у него не было видно, словно каску посадили прямо на плечи.

Все больше и больше бойцов роты включается в разгоревшуюся на территории церкви схватку. Среди них вижу старшину Санькина, орудующего немецкой винтовкой с кинжаловидным штыком. «А он, оказывается, храбрый!», — подумал я с чувством внезапно

вспыхнувшей симпатии к своему молчаливому и недостаточно, как мне казалось, инициативному старшине.

Опасаясь, что недобитые фашисты укроются за толстыми стенами церкви, кричу Емельянову, чтобы он со своими людьми пробивался к входу.

Мы врезаемся в гущу рукопашной. Фашисты ожесточенно отбиваются. Желание поскорее пробиться к церковным дверям, как я заметил, возникло не только у меня. С разных сторон туда прокладывают дорогу несколько групп. Чем ближе к входу, тем труднее дается каждый шаг. Вокруг меня сгруппировались со своими отделениями сержанты Гареев, Гречин, Хмыров. Емельянов не отстает от меня. Стреляет он экономно, тщательно прицеливаясь и почему-то придерживая револьвер обеими руками. На лице его удивительное спокойствие. Лишь однажды он побледнел: когда фашист, выставив штык, кинулся сбоку на сержанта Хмырова.

— Хмыров! — фальцетом прозвучал взволнованный голос Емельянова. — Берегись!

Почти не целясь, Иван Васильевич выстрелил в фашиста. Пуля, видимо, обожгла тому щеку. Это замедлило удар, и Хмыров успел отклониться.

Почти у самых церковных дверей, на паперти, ожесточенно сопротивляется группа рослых гитлеровцев. Плотным кольцом они окружили офицера и отбивают атакующих. Я так и не понял, почему вдруг Иван Васильевич оказался впереди. Почувствовав, что он опрокидывается на меня, я, пригнувшись, пытаюсь поддержать его и благодаря этому спасаюсь: первая пуля, выпущенная офицером, попала в голову Ивана Васильевича, а две другие просвистели уже над моей головой. Я осторожно поддерживал младшего лейтенанта, а разъяренные бойцы мгновенно смяли фашистов и подняли на штыки офицера.

С болью в сердце гляжу я на Емельянова. Глаза его, устремленные в низкое зимнее небо, подернулись дымкой, на лице застыло обычное для убитого выражение спокойной деловитости. Подбегает сержант Гареев, поднимает тело своего командира, осторожно укладывает его на скамейку. Я присоединяюсь к бойцам, пытающимся открыть массивную церковную дверь. Четверо дюжих красноармейцев во главе с Бочковым приволокли откуда-то бревно. Его подхватили десятки рук, и мощные удары обрушились на дверь. После нескольких ударов она распахнулась. Наши взгляды устремлены в темный провал церкви, из которой почему-то никто не показывается. Мы не выдерживаем и разом бросаемся к входу, но внезапно останавливаемся как вкопанные: из темноты медленно выползают военнопленные. Вид их ужасен: скелеты, обернутые в тряпье.

Бой закончился. Лица бойцов и командиров, озаренные радостью победы, при виде живых скелетов мрачнеют.

Бочков вдруг не выдерживает, решительно сбрасывает с себя шинель и накидывает ее на плечи посиневшего от холода, дрожащего седоголового мужчины. Шмыгая носом, ласково говорит:

— Укройся, дедуся, а то богу душу отдашь, и свобода тебе не свобода.

— Ка-а-а-к-кой я тебе деду-уся? — с обидой возражает седоголовый, не попадая зуб на зуб. — Мне все-г-го тридцать че-е-тверт-ый по-о-шел. Во-о-зьми ши-и-нель, сам о-ос-тынешь.

— Прости, браток, — смутился Бочков, — не хотел тебя обидеть, осечка вышла, не присмотрелся. Тебя бы подкормить, так ты фашистам еще покажешь кузькину мать.

— Д-дай... да-а-ай мне о-о-ру-жие, — простонал военнопленный, задохнулся, опустился на землю и от сознания своего бессилия заплакал.

Бочков легко поднял его с земли.

— Не спеши, браток, — сказал он участливо, — наберись силов маленько, подлечись, а потом к нам на подмогу...

Надо было спешить к Лысой горе. Опасаясь, что сержант, чего доброго, так и пойдет в бой в одной гимнастерке, приказываю бойцам снять шинели с убитых, а также с пленных фашистов и раздать освобожденным.

— Слушайте и вдумайтесь, лейтенант, — сказал Николаенко, знакомя меня с общим замыслом штурма Лысой горы. — Командир полка утвердил такой план дальнейших действий: все батальоны сосредоточиваются у Лысой горы и по сигналу — серия зеленых ракет — дружно атакуют нижний ярус окопов противника. В это время один из батальонов семьсот шестнадцатого полка попытается обойти гору справа и ударить во фланг и тыл фашистам с северо-востока. Необходимо отвлечь внимание фашистов от главных сил и с запада. Эту задачу командир полка возложил на наш батальон. Наступать на левом фланге будет ваша рота, лейтенант. Вы должны не только обеспечить нам открытый фланг, но и способствовать успеху атаки. Действуйте, сообразуясь с обстановкой, но как можно активнее. Выступайте немедленно.

...Петляя по узеньким улочкам и переулкам, восьмая рота подходит к северной окраине города. Все слышнее ожесточенная перестрелка.

— Похоже, фрицы все еще удерживают Кирпичный завод, — предполагает Митрофан Васильевич.

Я утвердительно киваю и прикидываю, что, если завод в руках немцев, роте надо приготовиться к бою. Говорю об этом политруку.

— А может, обойдем завод стороной и прямо к горе? — предлагает он.

— Обход займет слишком много времени, — возражаю я, — можем опоздать. Кроме того, пока завод в руках немцев, полк не сможет атаковать Лысую гору.

Решили двигаться к Кирпичному заводу. Не успели миновать один из крайних жилых домов, как из-за угла неожиданно вывернулся худощавый мужчина в суконной куртке. Слегка прихрамывая, он подбежал к нам и с радостной улыбкой сообщил:

— Товарищи! Я партизан. Отряд наш восемь дней назад нарвался на засаду, лишь трое, в том числе мне, удалось отбиться. Я здешний житель, знаю все ходы и выходы, могу провести вас в любое место такими путями, что ни одна фашистская гадюка не почует.

Я колебался. «А если это провокатор, подосланный фашистами?» Мой подозрительный взгляд смутил незнакомца. Волнуясь, он заявил, что неподалеку спрятаны его оружие и документы, мы можем проверить правдивость его слов.

— Показывай! — решительно махнул я рукой, встретившись с одобрительным взглядом Митрофана Васильевича.

Мужчина привел нас к тайнику, вытащил из него немецкий автомат, запас патронов и десяток гранат. Бережно развернув кусок клеенки, он предъявил советский паспорт и вложенный в него листок, которым удостоверялось, что «предъявитель сего» — боец партизанского отряда. Крепко жму ему руку и рассказываю, что рота следует на Кирпичный завод, после захвата которого будет наступать на Лысую гору.

— Послушайте, товарищ командир, — обрадовался партизан, — оврагами мы можем незаметно подойти к Кирпичному заводу и ударить германцам с тыла.

Предложение понравилось. Высылаем вперед дозор, сами скрытно движемся следом, готовые к любой неожиданности.

Партизан действительно великолепно ориентировался в лабиринте оврагов. Мы долго петляли, слыша перестрелку то спереди, то справа. Наконец от старшего дозора прибежал красноармеец и встревоженно доложил:

— Товарищ комроты! Фрицы рядом, товарищ сержант спрашивают, что делать?

Развернув роту, мы с Абраменко выдвигаемся к дозору. Старший дозора сержант Голованов шепчет:

— До фрицев рукой подать.

Осторожно высунувшись из оврага, я увидел приземистые заводские здания, между которыми разбросаны штабеля красного кирпича. Внимание фашистов сосредоточено на десантниках, полукольцом охвативших территорию завода. Атакующие медленно, но неуклонно приближаются. Понимаю, что они готовятся к решающему броску. Надо помочь. Подтянув взводы, мы с Митрофаном Васильевичем почти одновременно бросаемся вниз, к заводским зданиям. Бежим и слышим позади тяжелый топот солдатских сапог. Митрофан Васильевич громко и протяжно крикнул:

— Ура-а-а-а!

Его призыв многоголосым эхом разнесся вокруг.

Не ожидавшие нападения с тыла, фашисты заметались. Некоторые повернули оружие в нашу сторону, пули засвистели вокруг, но было поздно: мы уже у заводских стен, и во весь рост бегут к заводу десантники, атакующие с фронта. Бой идет уже внутри цехов. Фашисты отчаянно сопротивляются.

Заметив, что значительная группа гитлеровцев отходит к жилым домам, собираю бойцов своей роты и под командованием Украинцева посылаю вслед за отступающими. Немногим гитлеровцам удалось уйти.

Перестрелка еще не закончилась, а из укрытий уже высыпали жители поселка. Вот разъяренные женщины тащат солдата, пытавшегося спрятаться на чердаке. Костистая широколицая женщина держит в руках автомат.

— Принимайте трохвей, товарищ командир, — говорит она, кланяясь в пояс. — Это вместо хлеба-соли, бо ни того, ни другого у нас нету: усе сожрали германцы.

Когда я взял автомат, женщина, обхватив мою шею сильными руками, трижды меня поцеловала.

— За всех наших баб тебя, соколик, благодарствую и низко кланяюсь.

Высокая стройная брюнетка с задорной улыбкой крикнула:

— Это почему ж ты, Марийка, за всех нас решила расцеловать ослобонителей? Аль мы, бабоньки, не можем? А ну, хватай их, наших героев! — С этими словами она схватила Гришу Авдеева и, приподняв над землей, крепко чмокнула в обе щеки. — Спасибо вам, сынки, что не забыли о нас! — растроганно воскликнула она и осторожно опустила смущенного, раскрасневшегося комсорга.

Женщины с радостными улыбками, со слезами на глазах целовали бойцов. Отовсюду слышались смех, шутливые реплики.

Растолкав толпу, в середину врывается низкорослый мужичонка и плачущим голосом кричит:

— Товарищ командир! Окажите божецкую милость, помогите! Баба моя с испугу рожать начала. Кричит истошным голосом, сама может помереть и ребятенка загубит. Ну помогите, ради христа!

— Чем же я могу помочь? Я в этих делах ничего не смыслю, проси женщин.

— Нечего ей помогать! — сердито закричала худая женщина, из-под платка которой падали на лоб растрепанные седые волосы. — Его Катря с германцами путалась. Пущай германское отродье в сйной утробе сгинет.

— Ну ты, тетка Степанида, скажешь, — сурово осадила ее женщина, передавшая мне автомат. — Детенок не котенок. Ведь германцы заявились к нам не девять, а всего три месяца назад...

Последние слова потонули в общем гомерическом хохоте. Смех разрядил обстановку. Из толпы сердобольных женщин послышались сочувственные возгласы:

— Надо бы помочь, а то отдаст Катря богу душу!

Спрашиваю у Петина, приходилось ли ему принимать роды. Санинструктор усмехнулся:

— Эх, товарищ лейтенант, к сельскому фельдшеру бабы по всем вопросам обращаются. Скольким ребятишкам я путевку в жизнь выдал — и не сосчитать.

— Тогда тебе и карты в руки. Иди с гражданином, — показал я на расстроенного мужа роженицы, — окажи помощь его жене.

Отойдя в сторону, мы расспрашиваем партизана, как нам незаметно пробраться на Лысую гору с западной стороны.

— Не беспокойтесь, товарищ командир, — заверил партизан, — мы хорошо изучили оборонительные позиции фашистов на горе. Нам не раз приходилось обходить ее во время ночных вылазок. Поведу вас там, где оборона у них совсем слабенькая: только две пушки стоят.

Не задерживаясь больше, мы снова отправляемся в путь. Скоро нас догнал Петин. Вытирая взмокший лоб, он с улыбкой сообщил:

— Мальчонка народился. Такой горластый оказался. Едва вылупился — как завопит. Жить будет. — Довольный благополучным завершением привычного для него в мирное время дела, Петин расчувствовался: — Ведь вот какая петрушка получается — кругом кровь, смерть, а среди всего этого ужаса росток новой жизни пробивается и заявляет о себе во весь голос.

— Да вы, товарищ Петин, философ, — улыбнулся шагавший рядом со мной Митрофан Васильевич.

— Я не философ, товарищ политрук. Я — гуманист, — с серьезным видом возразил Петин. — Философы бывают разные, некоторые своим блудливым языком могут хитро оправдать любую пакость, а гуманистов объединяет одно — любовь к человеку, ибо человек, как утверждают мудрые люди, — это конечное звено всей эволюции в живой природе. Только существование человека оправдывает смысл зарождения всей жизни на нашей планете.

— Фашист ведь тоже принадлежит к роду человеческому, — заметил Митрофан Васильевич, — следовательно, ты, как гуманист, должен возлюбить фашиста.

— Если фашист ранен и нуждается в моей помощи, я, как медик, окажу ее, но, если у него в руках ружье, я не колеблясь убью его. — Молча сделав несколько шагов, Петин продолжал: — Человечество, к стыду своему, вынуждено признать, что фашист — тоже гомо сапиенс, однако это взбесившаяся часть человечества; поэтому тех, кто поддается лечению, надо лечить, а буйных и неизлечимых — уничтожать, как бешеных собак.

— За такой гуманизм я голосую обеими руками, — рассмеялся Митрофан Васильевич.

Я с интересом прислушивался к словам Петина и думал: «Советский человек идет на войну не слепым исполнителем чужой воли, а с глубоким пониманием гуманности своей миссии. В этом — один из источников непобедимости Красной Армии».

— Я от кого-то слышал, что некоторые люди подобны колбасе: чем их начинят, то они и носят в себе, — сморщив свой красносизый нос, с простодушной улыбкой сказал Петин. — Фашистским заправилам удалось значительную часть соотечественников начинить национал-шовинистическим фаршем. Одно утешает: не все немцы воспринимают такую начинку. Когда перевязывал раненых пленных, видел совершенно нормальных людей...

Наш проводник уверенно петляет по оврагам, уводит роту все дальше от завода. И мы не знаем, что противник, стремясь любой

ценой отбить Кирпичный завод, значительными силами атаковал выдвинувшийся вперед второй батальон капитана Мартынова и окружил пятую стрелковую роту. Командир полка майор Андреев, капитан Мансырев и комсорг полка Комиссаров в самый критический момент пробились с группой бойцов комендантского взвода к окруженным, подняли их в атаку и заставили гитлеровцев отступить.

А в это время наша восьмая рота нехоженными тропами продолжала глубоко обходить Лысую гору с запада. Скрытности маневра способствовал редкий для Крыма снегопад, который с каждым часом усиливался. Кажется, сверху, из-за серого полога, кто-то, словно из мешка, разбрасывает горсти белейшей соли, а ветер подхватывает ее и бросает нам в лицо. От постоянного ожидания столкновения с противником, от частых подъемов и спусков стало так жарко, что я перестал ощущать леденящие порывы северо-восточного ветра.

Наш опытный проводник уверенно углубляется в расположение противника. И в самом деле, его оборона здесь довольно жиденькая. Разведчики своевременно обнаруживают окопы охранения, и мы незамеченными обходим их стороной.

Стемнело. Обрывистый склон оврага превратился в ледяную горку. С таких у нас в Сибири ребятня любит кататься на ледянках [1]. Мы поднимаемся по крутому обледеневшему скату. Нам бы ледоруб и ботинки с шипами. Ни того, ни другого, естественно, нет. Бойцы карабкаются, врубаясь в лед саперными лопатками. То один, то другой из них срывается и скользит, пока не зацепится за какой-нибудь выступ или куст. Уже почти на самой вершине горы мы наскочили на фашистское охранение. Поднялась беспорядочная стрельба.

— Теперь, по-моему, пора и «ура» кричать, — бросил Митрофан Васильевич.

— Пора, — соглашаюсь я.

Почти одновременно вскакиваем и кричим «ура». Нас дружно поддерживают бойцы. На свежем снегу мелькают их серые тени. Фашистское охранение мгновенно смято. Бойцы растекаются вдоль вершины...

А на противоположном скате Лысой горы все слышнее ожесточенная перестрелка. Развернувшись в цепь, рота движется на шум боя.

Появление советских солдат с тыла и крики «ура» окончательно подорвали стойкость гитлеровцев и вызвали переполох. Теснимые со всех сторон, они мечутся по плоской вершине горы в поисках спасения.

Как бы в такой сумятице своих не перестрелять! Мы останавливаем роту и готовимся встретить отступающих фашистов огнем, но стрельба постепенно стихает. С восточного и южного склонов доносится приглушенный порывами ветра гул голосов.

---

[1] Плетеная корзина с низкими бортами, дно которой обмазывалось свежим коровьим навозом и поливалось на морозе водой.

— Немцы! Немцы! — послышались тревожные возгласы.

Передаю по цепи:

— Стрелять только по моей команде!

Голоса приближаются. Из-за порывов ветра трудно расслышать, на каком языке переговариваются люди. Показалось, что крикнули: «Форвертс!» Хотел уже скомандовать «Огонь!» и вдруг явственно услышал, как кто-то в темноте, видимо споткнувшись, от неожиданности громко ругнулся так, как могут ругаться только коренные русаки. Сердце у меня похолодело: чуть не ударили по своим!..

— Кто идет? — кричу во весь голос.

Никто не отвечает. Потом хорошо знакомый голос командира девятой роты спрашивает:

— А вы кто?

Убедившись, что идут свои, во все легкие радостно ору:

— Свои! Свои! Алтунин! Черти вы полосатые! Чуть не перестреляли вас!

— Жив, дружище! — Командир девятой роты тискает меня в объятиях, приговаривая: — Жив! Жив! А комбат уже похоронку на тебя собирался сочинять.

Я коротко рассказал, как мы карабкались по обледенелым склонам.

— Да-а, трудная выпала вам задача, — сказал лейтенант, сочувственно качая головой, — но и нам, брат, досталось. После Кирпичного завода фашисты озверели: с такой яростью поперли в контратаку на батальон Мартынова, что нам пришлось поспешить ему на помощь. Отбросили мы их к Лысой. И тут началось!.. Засели фашисты в норах от самой подошвы горы до вершины и палят, не жалея патронов. А склоны, сам видел, какие! Вот так, шаг за шагом, и выкуривали фашистов из нор. Лишь к вечеру дело пошло быстрее. Темнота скрыла нас от наблюдателей противника. А тут соседи справа — два батальона семьсот шестнадцатого полка — ворвались на высоту с северо-востока и отвлекли значительные силы противника. И уж совсем переполошились фрицы, когда неожиданно раздалась стрельба в их тылу, на северо-западных скатах. Мы не могли понять, с кем там идет перестрелка, да капитан Николаенко подсказал, что, вероятно, это ты со своей ротой. Так, оказывается, и есть...

А через четверть часа я докладывал командиру батальона, как рота выполнила приказ и с какими потерями. Выслушав, капитан Николаенко хитро улыбнулся:

— А ты, лейтенант, случайно, не заблудился? Может, потому и оказался в тылу противника?

Зная нрав комбата, я в тон ему ответил:

— Если и заблудился, товарищ комбат, то только согласно вашему приказу.

— Ха-ха-ха! — не выдержал Николаенко. — Молодцы! Так и объяви своей роте: мо-лод-цы!

Я взглянул на часы: около полуночи. На Лысой горе не слышно ни выстрела. Ночную тишину нарушают лишь оклики часовых.

И на горе Митридат и на других высотах, прилегающих к Лысой горе с юго-запада, затихла перестрелка. Разбитые фашистские части отступили на Коктебель (Планерское).

Капитан Николаенко объявил, что противник, возможно, попытается ночью отбить гору, поэтому батальоны занимают оборону, развернувшись вдоль восточных, северных и западных скатов. Так как окопы были отрыты фашистами только на скатах, обращенных к Феодосии, каждому бойцу предстояло выдолбить в мерзлой земле хотя бы ячейку для стрельбы стоя. Раздобыв одну саперную лопатку на двоих, мы с политруком поочередно усердно долбим землю. Мы понимаем, что таким образом командование полка надеется согреть бойцов, уберечь от обморожения. Мороз, по нашим сибирским меркам, пустячный: около 12 градусов, лишь под утро ртутный столбик опустился до минус 19. Однако мне, коренному сибиряку, он показался страшнее сорокаградусного. Верно говорят, что на юге холод переносится тяжелее, чем на севере.

Подошел старшина Санькин. Сняв с плеч огромный термос, спросил:

— Товарищ комроты! Разрешите накормить бойцов горячим обедом? Вот их жены, — он показал на мужчин, толпившихся за его спиной, — сварили суп, а товарищи помогли принести, да и боеприпасы прихватили.

— Раздавайте быстрее!

При мысли о горячем супе мучительно засосало под ложечкой, а весть о доставленных боеприпасах словно камень с души сняла: рота снова готова к бою.

Горячо благодарю местных жителей за помощь. Они отвечают смущенно:

— Да что там... Мы завсегда готовы... Спасибо вам за освобождение.

— Ради победы над извергами мы, командир, на все готовы, — сказал пожилой простуженный мужчина. Сплюнув и вытерев вислые усы, он заключил: — Дай нам оружие и веди в бой!

— В бой вести вас, отец, я не уполномочен, — возразил я. — А вот если раненых поможете доставить в город, еще раз скажу спасибо.

— Все сделаем, не сумлевайтесь...

Прослышав о горячем супе, бойцы побросали лопатки и окружили старшину. Получив свою порцию, они сжимали в ладонях горячий котелок, и, закрыв глаза, блаженно вдыхали душистый пар. Никогда больше не ел я с таким наслаждением простой домашний картофельный суп!

Пообедав, бойцы повеселели и охотно вернулись к работе. Терешин среди имущества, доставшегося от фашистов, обнаружил ломы и большие острые лопаты. Работа пошла быстрее. Задолго до рассвета стрелковые ячейки были готовы. Бойцы, укрывшись в них от ветра, стали засыпать. Командиры по очереди обходили окопы, будили бойцов, заставляли бегать.

На себе испытал, как легко было заснуть вечным сном. Часам к четырем ночи, основательно умаявшись, присел отдохнуть в окопчике. Вскоре почувствовал, что перестаю ощущать мороз: словно потеплело, а затем сковал предательский сон. Очнулся от сильного толчка в плечо.

— Вставай, Александр Терентьевич, — услышал я голос политрука, — вставай, не спи.

— А я и не сплю, — бурчу в ответ, но ни ногой, ни рукой двинуть не могу. С большим трудом поднимаюсь и усиленно разминаю суставы, а затем бегаю, чтобы согреться.

— Иди, Александр Терентьевич, в землянку, погрейся, — уговаривает Абраменко, стряхивая с меня толстый слой пушистого снега. — А то «шарики» застынут, как командовать будешь?

Он еще пытается шутить!

— Вот что, Митрофан Васильевич, — решил схитрить и я, — днем у нас не было минуты, чтобы поговорить с бойцами о событиях на фронте, о нашей сегодняшней победе и, наконец, о наших ротных героях. Вы, пожалуйста, воспользуйтесь передышкой и поговорите с каждой очередной сменой: бойцы в теплой землянке охотно вас послушают.

— Да ведь они в первую же секунду, как попадают в тепло, засыпают, — возражает Абраменко.

— Ничего, если сообщение интересное, не заснут.

— Попробую, — нерешительно говорит Митрофан Васильевич, направляясь к землянке.

А я выскакиваю из расчищенной от снега ямы и в очередной раз совершаю пробежку, высоко подпрыгивая и стараясь сильнее ударить подошвами о заледеневшую землю. И снова мысли уносят меня в училище. Как хорошо, что нас со всей суворовской суровостью закаляли командиры. С первых дней пребывания в училище мы разучились ходить шагом. На стрельбище, до которого без малого восемь километров, бегом, обратно — тоже, да притом в полном боевом снаряжении и частенько в противогазах. Зимой при сорокаградусном морозе регулярно совершали форсированные марши на лыжах. В зимнем лагере с утра до вечера в поле, даже ночевали в снежных окопах или в шалашах из еловых веток.

И вот теперь все пригодилось: судя по страданиям подчиненных, мне было не так тяжело в эту декабрьскую ночь на Лысой горе, я смог позволить себе отказаться от удовольствия погреться в землянке.

На рассвете меня разыскал Санькин:

— Товарищ комроты! На завтрак пшенная каша с мясом. Когда разрешите раздать?

— Немедленно, — распорядился я, — и накормить досыта: день предстоит трудный.

— По две порции на каждого получил, — успокоил старшина, — за ужин и завтрак, да еще и наркомовские на каждую душу, пьющую и непьющую.

Со всех сторон к термосам повалили люди. Получив свою порцию каши и водки, каждый спешит поскорее проглотить их в надежде хоть немного согреться.

— Тебе, Бочков, порцию надо на два раза разделить, а то захмелеешь, — с серьезным видом говорит Малышко своему другу, который, перекрестившись, собрался плеснуть водку в широко раскрытый рот.

Такое пожелание богатырю Бочкову вызывает хохот.

— Ну чего ржете, черти? — возмущается Бочков. — Тут ума не приложишь, как этой капелюхой язык смочить. — И осторожно слизывает водку из крышки котелка, что вызывает новый взрыв смеха.

Сердце радуется, видя, как оживились бойцы. И трудно было поверить, что они не спали две ночи, насквозь промокшие, набегались, промерзли до костей. Близится час боя, а они находят в себе силы шутить!

Мороз и ветер к утру усилились. Снегопад замел все дороги и тропинки — редкостное явление для Крыма. В землянку капитана Николаенко набилось столько народа, что мне чудом удалось втиснуться. Комбат объявил, что на рассвете наступление возобновится. Командир отряда майор Андреев [1] приказал 716-му стрелковому полку майора Калинина наступать севернее Симферопольского шоссе. Нашему, 633-му — вдоль дороги на Старый Крым, 251-й горнострелковый полк должен был расширить захваченный плацдарм в юго-западном направлении до Коктебеля.

Николаенко подчеркнул, что от того, насколько быстро продвинутся части передового отряда, зависит дальнейший успех операции. И в заключение сообщил, что батальоны капитанов Бужинского и Мартынова будут взаимодействовать с 716-м стрелковым полком при взятии населенных пунктов, лежащих вдоль Симферопольского шоссе и севернее его, а наш батальон, наступая на Старый Крым южнее шоссе, должен следить, чтобы фашисты не прорвались в тыл на стыке между нашим и 251-м горнострелковым полком.

Наступление возобновилось на рассвете. Едва бойцы попытались начать спуск, как их подхватило и с нарастающей скоростью понесло вниз. Только чудом они смогли за что-то зацепиться и приостановить падение. Спускаться по обрывистым склонам обледеневшей горы оказалось труднее, чем подниматься.

Командиры взводов приказали саперными лопатками вырубать подобие лестниц. Однако это могло надолго затянуть спуск. Первым нашел выход Терешин. Он схватил большую саперную лопату, сел на нее верхом и, тормозя ногами, скоро был внизу. Бойцы последовали его примеру, а те, кому не досталось ни большой лопаты, ни

---

[1] Майор Андреев, являясь командиром 633-го стрелкового полка, одновременно командовал всем передовым отрядом десанта.

лома, воспользовались малой саперной лопаткой, острие которой послужило неплохим тормозом. Однако без синяков и шишек не обошлось.

Вот наконец мы у подножия проклятой горы. Видимость плохая: снегопад не стихает, ориентиров никаких. Указываю командирам взводов азимуты движения. Уверен, что до крупного населенного пункта, который растянулся вдоль дороги на Коктебель, мы не встретим ни одного фашиста. При мысли, что они, забаррикадировавшись в своих норах, сидят в тепле и блаженствуют, возникло такое нестерпимое желание поскорее выкурить их на мороз, что ноги помимо воли понесли меня вперед, вслед за дозорами. Посиневший от холода Митрофан Васильевич вприпрыжку поспешает за мной, хрипит простуженным голосом:

— Командир! Куда тебя несет нечистая сила? Не зарывайся. Помнишь, что говорил Чапаев? Где должен быть командир, когда обстановка неясна?

Я молча ускоряю шаг. А когда щеки политрука порозовели, останавливаюсь и, не удержавшись от смеха, говорю:

— Прав был Василий Иванович, дорогой вы наш политический руководитель, командиру никогда не следует соваться поперед батьки. И раз вы, я вижу, уже оттаяли, так теперь можно и приотстать немного.

Отдуваясь и вытирая шапкой лоб, Абраменко рассмеялся:

— Ну и хитрец ты, Александр Терентьевич, совсем меня запарил, хоть шинель сбрасывай...

Справа от шоссе, где должен быть поселок Ближняя Байбуга, раздалась ожесточенная пальба. «Наткнулись на фашистскую оборону, — мелькнула мысль. — Теперь их не выкурить из тепла на мороз, будут драться до последнего». Неожиданно по цепи прокатилось:

— Танки с тыла! К бою!

Роты одна за другой развернулись фронтом к Феодосии. Залегли. Внимательно оглядев горизонт, обнаруживаю танки. Они движутся из города. Чьи? Сквозь снежную пелену определить трудно. Судя по всему, наши. А вдруг фашистские? С тревогой поглядываю на бойцов. По опыту знаю: победить танкобоязнь нелегко. Однако моя тревога напрасна: ни один боец не дрогнул. Когда танки подошли ближе и мы смогли хорошо разглядеть их силуэты, я с облегчением вздохнул: советские Т-34! Вот и танкисты обнаружили нас. Передовой танк остановился. Машины, шедшие чуть позади, поравнялись с ним и тоже встали, угрожающе поводя пушками. Но пехотинцы разглядели красные звезды на башнях и с радостными возгласами вскочили, бросились к танкам. Танкисты откинули люки, выпрыгнули из машин. Пехотинцы окружили их, подхватили на руки и стали подкидывать вверх.

Вырвавшись из объятий, один танкист крикнул:

— Кто здесь старший?

— Я! — откликнулся Николаенко и, шагнув навстречу танкисту, громко назвал себя: — Командир третьего батальона шестьсот

тридцать третьего стрелкового полка сто пятьдесят седьмой стрелковой дивизии капитан Николаенко!

— Командир танкового батальона двести тридцать шестой стрелковой дивизии капитан Костенко! — представился танкист и с такой силой стиснул протянутую комбатом руку, что тот невольно поморщился от боли.

— Ладонь мою пожалей, медведь косолапый, — попытался улыбнуться Николаенко, вырывая руку. — Чем я оружие буду держать, зубами, что ли?

Костенко объяснил, что его батальон будет вместе с нами наступать на Старый Крым. Капитан Николаенко познакомил его с обстановкой. Весть о прибытии танкистов обрадовала утомленных бойцов. Они увереннее двинулись на запад. Однако вскоре танки повернули на восток и скрылись за белой завесой снегопада. От Николаенко мы узнали, что командир танкистов получил по радио приказ поспешить на помощь 716-му стрелковому полку майора Калинина. К нам танки уже не вернулись.

Справедливо утверждают, что слухи распространяются быстрее, чем телеграфные сообщения.

— Ты слышал? Говорят, фашисты зашли нам в тыл. Семьсот шестнадцатый полк уже окружен, — сказал здоровяк Будкин тщедушному, спотыкающемуся от усталости Мигуле.

Сержант Малышко молча сорвал с Будкина шапку, схватил его своими пальцами-плоскогубцами за ухо и, трижды пригнув ему голову к земле, сердито рявкнул:

— Не учил тебя батько не брехать? Так я тебя, дубина стоеросовая, поучу...

— Ой, ой! — взмолился боец. — Отпустите, товарищ сержант, ей-богу, больше не скажу ни слова.

— Смотри, Будкин, — Малышко погрозил пальцем, — еще раз услышу брехню, оба уха начисто оторву.

У верзилы Будкина был настолько пристыженный и по-детски обиженный вид, что Мигуля, а за ним и остальные бойцы весело рассмеялись.

— Говорил я тебе, — поучал пострадавшего тихий, рассудительный Лотков, — поменьше трепи языком: вот и схлопотал за распространение панических слухов.

— Ну ты, гужеед, помолчи, — сердито замахнулся на него Будкин, — а то получишь.

— Но-но, ты, Будкин, не хорохорься, — спокойно осадил товарища Лотков, — радуйся, что легко отделался, а то и под трибунал за такие штуки угодить можно. На войне, брат, слухи распускать — врагу помогать. А гужеедом ты, может, скорее моего земляка станешь, не покорми тебя ден десять.

Гужеедом Лоткова прозвали после того, как однажды в минуту откровения он рассказал, что в их деревне в голодный год один крестьянин до того дошел, что украл у богатого соседа кожаные гужи, разрезал их на мелкие кусочки и сварил.

— Тише! — прервал перебранку Бочков. — Слышите?

Все остановились, прислушались. Где-то позади поселка Ближняя Байбуга, в котором, как сообщил комбат, уже находились батальоны стрелкового полка майора Калинина, нарастал шум боя: доносились глухие разрывы мин, резкие выстрелы полковых пушек, пулеметная и ружейная перестрелка. Вдруг из снежной завесы на полном скаку вынеслась лошадь, позади которой, чудом не опрокидываясь, высоко подпрыгивала походная кухня, оставляя за собой густой шлейф дыма. Сидящий рядом с ездовым повар левой рукой вцепился в поручень сиденья, а в правой держит перед собой, словно казак пику, большой черпак на длинной ручке.

Комсорг Гриша Авдеев, заметив стремительно приближавшуюся кухню, насмешливо крикнул:

— Ну пропали фрицы, если даже безобиднейший и тишайший наш повар самолично пошел на них в атаку!

— Стой! Куда ты, дуролом? Стой! — Митрофан Васильевич, широко раскинув руки, преградил путь скачущей лошади.

Но ее, видимо, было не остановить. Она летела на политрука, и, казалось, несчастье не предотвратить. Вдруг политрука заслонила мощная фигура Малышко. Он подпрыгнул, уцепился за хомут и всей тяжестью тела повис на взмыленной лошади. Она рухнула на колени, завалилась на правый бок, опрокинув кухню. Ездовой и повар, по инерции перелетев через лошадь, зарылись лицами в пушистый снег. Повар так и лежал, не выпуская из рук черпак. Со всех сторон сбежались бойцы из взвода Украинцева. Перевернули на спину ездового и повара, поставили на колеса кухню, подняли дрожащее каждой жилкой животное. Все оживленно обсуждали неожиданное происшествие и радовались избавлению политрука от неминуемой смерти. Тем временем виновники происшествия, ошеломленные неожиданным сальто-мортале, пришли в себя. К счастью, они отделались ушибами.

— Никакие органы не растеряли по дороге, горе-ездоки? — съязвил Гриша Авдеев. — Чуть кашу к фрицам не увезли. Да за такое дело в трибунал могли попасть, как за попытку подорвать боеспособность нашего «непромокаемого» батальона... — Подождав, пока стихнет смех, комсорг добавил: — Чую, братцы, быть беде: увезут они когда-нибудь наш обед фрицам.

— Куда вас черти несли? — поинтересовался у ездового Митрофан Васильевич.

— Дык это все она, Зорька, — заговорил наконец ездовой. — До того перепужалась, разрази ее гром, что никакого сладу: закусила удила и прет куды глаза глядят...

— Вы когда-нибудь лошадью управляли? — перебил его политрук.

— Не, мы в городе жили. Сапожники мы.

— То-то и оно, что сапожники, — махнул рукой политрук. — И кто только назначил вас ездовым? — Повернувшись ко мне, добавил: — Сегодня же доложу комиссару, чтобы навели порядок. Ну, а повар тоже из сапожников?

— Никак нет, товарищ политрук, — по-военному четко ответил скуластый молоденький повар. — Я курсы поварские прошел и год работал в полковой столовой.

— Обед скоро будет готов? — подобрел Митрофан Васильевич.

— Так точно, товарищ политрук! Приготовим вовремя.

— Как только мы очистим поселок Насыпной, чтобы вы были там незамедлительно. — Усмехнувшись, Абраменко добавил: — Только раньше нас не прискачите.

Происшествие разрядило тревожное настроение. Бойцы зашагали быстрее.

О том, что так переполошило наши тыловые подразделения, мы узнали вечером.

Случилось же вот что: командир 716-го стрелкового полка майор Иван Антонович Калинин с двумя батальонами с ходу ворвался в Ближнюю Байбугу. Гитлеровцы, используя густой снегопад, выдвинули резервы, которые обошли селение с востока и прорвались в тыл наступавшим батальонам. Майор Калинин, отличавшийся незаурядной храбростью, один батальон оставил для отражения контратаки с фронта, другой бросил против оказавшегося в тылу врага. Одновременно комиссар полка Ульян Яковлевич Апикеев повел в атаку третий батальон, только что прибывший из Феодосии. Фашисты, несмотря на отчаянное сопротивление, были полностью уничтожены.

Майор Андреев настойчиво продвигал батальоны 633-го полка вдоль шоссе на Старый Крым. Через каждые десять минут капитан Николаенко слал в роты связных с одним приказом: «Ускорить продвижение». Легко сказать — ускорить. Бойцы с трудом шли по заснеженному полю. Вдруг засвистели пули. Мы увидели, как высланный вперед дозор, отстреливаясь, поспешно отходит. Красноармейцы развернулись в цепь и попадали в снег, готовые встретить контратакующих огнем. Сержант Дужкин, возглавлявший дозор, подбежал к командиру взвода Терешину, о чем-то доложил. Выслушав сержанта, Терешин показал рукой на нас с политруком. Дужкин стремительно бежит к нам и на ходу, задыхаясь, кричит:

— Фрицы! Идут прямо на нас!

— Сколько?

— Много, — не задумываясь, отвечает сержант. — Точно не скажу: плохо видно.

Из белой завесы выступили плотные цепи вражеской пехоты. Из-за густого снегопада столкновение было неожиданным. Нас разделяла какая-нибудь сотня метров. Такая внезапность вызвала явную нервозность с обеих сторон, о чем свидетельствовал беспорядочный огонь. Фашисты, подбадривая себя громкими воплями, надвигались на наши залегшие цепи.

«Эх, из станкача бы резануть!» — подумал я, но пулеметчики, увязнув в снегу, как назло, отстали. Вражеские цепи неумолимо приближались.

Я вспомнил одно из поучений лейтенанта Ефименко, моего взводного из Новосибирского училища: «Никогда не ждите, пока противник навалится на вас, атакуйте, контратакуйте, но не ведите себя пассивно. Пассивных бьют». Я находился метрах в семидесяти позади взводов. Решив поднять их в контратаку, короткими перебежками спешу к цепи бойцов первого взвода. Но не успел я добежать до Украинцева, как он, а за ним Малышко, вскочил и с криком «ура» бросился на врага. За командирами дружно поднялся весь первый взвод.

Атака возобновилась по всему фронту. Нервы фашистов не выдержали: отстреливаясь, они стали отходить.

Снег, еще недавно такой белый и пушистый, был обагрен кровью и превращен в серо-бурое месиво сотнями солдатских сапог.

Движение по заснеженному полю изматывает обе стороны. Немцы отступают, еле передвигая ноги, часто падают в снег и пытаются задержать нас беспорядочной стрельбой. Едва пули начинают со свистом рассекать воздух, красноармейцы дружно валятся в снег, чтобы передохнуть. Однако, видя, что командиры продолжают идти, неохотно поднимаются.

Главная наша задача — на плечах фашистов ворваться в Насыпной, не дать им закрепиться в каменных постройках. Однако немцам удалось проскользнуть в поселок раньше. Они засели в нескольких домах и складском помещении. Теперь предстоит ликвидировать очаги сопротивления.

Выяснив у сержанта Гареева, что лейтенант Ступицын жив, но отстал, остаюсь в третьем взводе. На мой вопрос, что он думает предпринять, Гареев решительно отвечает:

— Будем атаковать!

— А план атаки продумали?

— Будем бить фашистов по частям! Сначала навалимся на крайний слева, — он показал на кирпичный пятиоконный дом на высоком фундаменте, — остальные здания будет держать на прицеле отделение Гречина. Как покончим с фрицами в этом доме, займемся следующим, потом складом. — Подумав, Гареев заключил: — Так мы сможем побить фашистов с наименьшими потерями.

— Разумно, — согласился я. — Такая последовательность обеспечит взводу превосходство в силах.

Восемнадцать бойцов изготовились к штурму первого дома. А сержант Хмыров пытается незамеченным подобраться к нему со стороны каменной пристройки. Неожиданно появляется Гриша Авдеев. Он крадется к чердачному окну, из которого, не смолкая, строчит пулемет. Прижимаясь к стене дома, Гриша подбирается вплотную к окошку и, дождавшись паузы в стрельбе, с силой бросает гранату. Неотступно следовавший за комсоргом Хмыров отстраняет его, ударом ноги выбивает раму и исчезает в образовавшемся проеме. За ним прыгают Авдеев и бойцы.

Гареев, махнув рукой, бросается к входной двери, но тут же падает под градом пуль и замирает. «Убит?!» Зарываясь в снег,

ползу к сержанту. А в доме раздаются приглушенные взрывы гранат, пулеметы умолкают.

Гареев неожиданно легко вскакивает, бежит к двери, которая от взрыва гранаты распахнулась настежь, и скрывается в доме.

Прошло несколько томительных минут. И вот в дверях дома появляются невредимые Гареев и Хмыров, волоча тяжелые немецкие пулеметы с металлическими лентами, набитыми блестящими патронами. Сложив их у порога, Гареев докладывает:

— Мы используем их при штурме следующего опорного пункта.

Ко второму дому подобраться от надворных построек оказалось невозможным: все подступы простреливались из каменного склада, а приблизиться к складу мешает плотный огонь из дома. Остается одно: ворваться в дом с парадного входа. И вот к нему осторожно, под прикрытием всех огневых средств штурмовой группы ползут Птахин, Степанко и Мельников. Фашисты не замечают их. Подорвав дверь, все трое бросаются внутрь, расчищая себе путь гранатами. Переполох, вызванный взрывами, отвлекает внимание фашистов. Штурмовая группа, воспользовавшись этим, устремляется к дому.

На очереди каменный склад, который взять уже легче. Уверенный и в его успешном штурме, спешу во взвод лейтенанта Украинцева. Нахожу командира взвода на чердаке одного из занятых домов. Он рассматривает в бинокль прилегающие строения. Увидев меня, Украинцев устало приподнимается, докладывает:

— Заканчиваем, товарищ комроты. Сейчас Малышко выколачивает фрицев из того здания.

Посмотрев в сторону, куда показывал лейтенант, увидел приземистое каменное строение, обнесенное забором. Мы спустились с чердака и пошли к месту боя. Перестрелка стихла. Навстречу нам пулеметчик Грищенко вывел пятерых обезоруженных фашистов. Когда Грищенко поравнялся с нами, Украинцев спросил:

— Куда направляешься?

— Товарищ сержант приказал сдать их в батальон.

Проводив пленных, входим во двор. Группа красноармейцев окружила своих товарищей, лежавших на снегу. Заметив нас, бойцы расступились. В одном из убитых узнаю Лоткова. На белом как снег лице застыло присущее ему выражение спокойствия и деловитости. Лицо другого обезображено разрывными пулями. Смотрю вопросительно на Украинцева.

— Мигуля...

— Как же его так?..

Из здания выходит бледный Малышко.

— Товарищ комроты, двенадцать убитых и пять пленных, — устало докладывает он. Бросив быстрый взгляд на убитых, добавляет: — Мы потеряли Мигулю и Лоткова.

Пока я добирался до взвода Терешина, в поселке установилась тишина. У Терешина встретился с живым и невредимым Митрофаном Васильевичем. Смертельно усталый, но довольный исходом боя, он сообщил, что во втором взводе трое легкораненых и один

убитый. Раненых Петин перевязал, они просят разрешения остаться в роте до освобождения Старого Крыма.

— Разрешим? — спрашивает политрук. — Пусть ребята поедут в медсанбат освободителями Старого Крыма.

— Разрешим.

Идем к комбату. Нетерпеливо выслушав мой доклад, Николаенко сказал:

— Товарищ Алтунин, не теряйте времени, немедленно выступайте на Ак-Мелез [1]. Обойдите его с юга и перехватите пути отхода на запад.

— А как с обедом? — неожиданно вмешивается Митрофан Васильевич. — Люди с шести утра не ели. Бой в Насыпном измотал их. Хотя бы короткую передышку дать.

— Нельзя, — в голосе комбата глубокое сожаление, — дорога каждая минута. Если мы позволим противнику создать организованную оборону, то заплатим жизнями бойцов.

И снова, спотыкаясь от усталости, мы, голодные, месим снег, держа направление на южную окраину старинного татарского селения.

Ветер постепенно стихает. В предвечерних сумерках мы беспрепятственно преодолеваем глубокую заснеженную балку и выходим к селению, из которого доносится ожесточенная стрельба. Судя по тому, что мы не слышим свиста пуль, стреляют в противоположную сторону. Широкой цепью движемся к селению с запада и неожиданно для противника появляемся на его окраине. Уцелевшие фашисты прорываются по дороге, ведущей к шоссе.

Вечерняя мгла окутывает селение. Красноармейцы совершенно обессилели. Зайдя в теплые помещения, они опускаются на пол и мгновенно засыпают.

Идем по селению в поисках комбата. Находим его в просторном доме на северной окраине.

— Все, все, товарищи, — комбат машет рукой, — на сегодня хватит. Организуйте оборону, располагайтесь на ночлег и быстрее кормите людей. Кухни уже прибыли. — Подозвав меня к карте, Николаенко уточнил: — Ваша рота займет дома на южной окраине. Выставьте круговое охранение. Кто знает, может, недобитые фрицы и со стороны Феодосии появятся. Пулеметы держать в полной готовности, пулеметчикам отдыхать поочередно. На рассвете продолжим наступление на Старый Крым. Слушайте меня внимательно, лейтенант: главные силы батальона будут продвигаться по шоссе, а вы со своей ротой пойдете по целине на юго-запад, скрытно выйдете к Старому Крыму с юга и оседлаете шоссейную дорогу. Во что бы то ни стало перережьте пути отхода противника, пока мы будем теснить его вдоль шоссе... Вопросы есть?

— Задача ясна, а вопрос, как всегда, один: гранаты и патроны. Все израсходовано.

— На многое не рассчитывайте, — предупреждает капитан. —

---

[1] Ныне Ключевое.

Боеприпасы еще не подвезли. К пяти часам присылайте людей за патронами.

Пока мы обсуждали план действий на 31 декабря, начальник штаба распределил жилые дома между ротами и указал рубежи, на которых должно быть выставлено боевое охранение. Соловьев выглядел чрезвычайно усталым: лицо побледнело, обычно задорные, серые глаза потускнели, под глазами темные круги. Он уже не подтрунивал над пехотинцами, и при встрече я не услышал его любимую присказку: «Ну что, пяхота, работать лень, а есть охота?» Увидев меня, Вениамин лишь устало улыбнулся и бросил коротко:

— Привет.

А когда я, уходя, сказал ему прощальное «Пока», он крикнул:

— А мой день рождения мы все равно отметим... В Старом Крыму!

Когда мы возвратились в роту, бойцы уже разместились в домах. Возле одного из них стояла походная кухня, вокруг которой оживленно, как на восточном базаре.

В помещениях с низкими потолками душно. Бойцы сидят вдоль стен, лежат на полу. Люди настолько изнурены бессонными ночами, морозом, недоеданием и беспрерывными боями, что заснули, не притронувшись к еде.

В полночь неожиданно появился старшина Санькин. Его шинель, лицо, руки испачканы машинным маслом.

— Товарищ комроты, — докладывает он простуженным голосом, — раненые доставлены в полковой медпункт. Трофейные гранаты, винтовки и патроны привез.

— Привез? На чем?

— На немецком грузовике. Мы приметили его в Насыпном, но мотор не заводился. Вместе с красноармейцем Пановым отремонтировали. Я немного разбираюсь в двигателях, а он перед войной работал на тракторе...

— Вы не видели лейтенанта Ступицына? — поинтересовался я.

— Лейтенант погиб. Наскочил на фашистов, прорвавшихся за Ближней Байбугой, и в рукопашной был насквозь пронзен штыком в грудь. — Помолчав, Санькин добавил: — Об этом я узнал в медпункте, куда доставили смертельно раненного лейтенанта.

— А как он оказался за Ближней Байбугой?

— Говорят, вместе с легкоранеными шел...

— Зачем?

— Не знаю, — пожал плечами Санькин.

Вызываю Петина. Заспанный санинструктор протискивается в дверь. Весь его вид выражает недовольство тем, что разбудили.

— Вы знали, что лейтенант Ступицын ранен? — спрашиваю его.

— Знал, — бурчит Петин.

— Почему не доложили?

— А чего докладывать? — удивляется санинструктор. — Рана пустяковая: пуля царапнула предплечье, кость не задета. С такими ранами у нас полроты ходит.

«Здорово подвела Ступицына осторожность», — подумал я.

Приказываю Санькину выдать командирам взводов третью часть гранат, винтовок, патронов, остальные отвезти в распоряжение командира батальона.

Вернувшись, Санькин доложил:

— Командир батальона приказал передать вам благодарность за боеприпасы. А меня пообещал представить к награде. — Потоптавшись на месте, старшина смущенно добавил: — А машину капитан забрал. Сказал, что взводу снабжения она нужнее.

— Леший с ней, — успокоил я огорченного старшину, — по бездорожью да по балкам на ней не пройти.

Митрофан Васильевич, тихо войдя в комнату, устало опустился на ковер и с чувством удовлетворения сказал:

— Ну, гора с плеч: все, кто перед высадкой подал заявление с просьбой принять в партию, утверждены политотделом кандидатами... Сейчас же объявим об этом. Жаль, что Бондарева, Лебедева и Мигули уже нет среди нас... В письмах родным обязательно сообщим, что они пали в бою, как и подобает коммунистам.

Выслушав сообщение о смерти Ступицына, политрук горько усмехнулся:

— Вот ведь судьба какая: как берег себя лейтенант, как осторожничал, а погиб раньше нас, да еще в тылу. — Помолчал и заключил: — Нет, далеко не героем был наш лейтенант. Рука не поднимется сообщить родным: пал смертью храбрых.

— Мы тоже далеко не герои. Никому не хочется умирать, — возразил я, расстроенный мыслями о горе матери погибшего.

— Нет! — горячо воскликнул Митрофан Васильевич. — Бойцы, которые вот уже третьи сутки шагают сквозь огонь, не прячась за спины товарищей, — истинные герои! Ты слышал от них хоть слово жалобы, недовольства? Нет, не слышал. Зато видел, с какой страстью добивались они права идти в бой, а может быть, и умереть коммунистами. Мужество, стойкость, готовность к самопожертвованию — это ли не черты истинного героя? Разве видели мы в тихом Мигуле что-то особенное, героическое? А он погиб, спасая Лоткова. И в бою, скажу тебе, бойцы проявляют поистине массовый героизм. Именно поэтому обидно, когда видишь отсутствие таких черт у командира...

Нашу беседу прервал парторг Веков. Договорились собрать коммунистов в пять часов. Пришел Украинцев, доложил, что в расположении роты спокойно, дежурство передал Терешину и идет спать. После Терешина наступала очередь Митрофана Васильевича, мне сменять его. Сбросив шинель, я с наслаждением вытянулся и мгновенно заснул. Разбудил меня тревожный крик:

— Товарищ комроты! Товарищ комроты!

Открываю глаза. Возле меня стоит на коленях Санькин. Никогда еще я не видел его в таком отчаянии. Сняв шапку, он, почему-то перейдя на шепот, повторяет:

— Товарища политрука убили. Убили товарища Абраменко. Митрофана Васильевича убили, гады...

— Кто убил?! — кричу я, ошеломленный страшной вестью.

— Фрицы, фрицы проклятые, — простонал Санькин.

— Где?

— В третьем взводе.

Выскакиваю на улицу и бегу к боевому охранению, полагая, что Митрофан Васильевич погиб там.

— Не туда! — Санькин показывает на приземистое строение, где разместился на ночлег взвод сержанта Гареева.

Страшная весть подняла на ноги всю роту. Со всех сторон бегут вооруженные красноармейцы. Во дворе сталкиваюсь с группой разъяренных бойцов третьего взвода, окруживших каких-то мужчин в восточном одеянии.

— Кто они? — спрашиваю громко, но ответа не получаю.

Красноармейцы, пытаясь достать кулаками задержанных, теснят бойцов, которые их охраняют.

— Смирно! Прекратить безобразие!

На этот раз меня услышали. Бойцы отпрянули от задержанных и недовольно повернулись ко мне. Красноармеец Шиян весь дергается от негодования.

— Кого задержали, Шиян?

— Притаившихся гадюк, фрицев проклятых, товарищ комроты! — Он грозит кулаком задержанным. — Они хотели зарезать товарища политрука.

— Где Митрофан Васильевич?

— Там. — Шиян показывает на дверь, ведущую в жилое помещение.

— Задержанных охраняйте до выяснения, — приказываю я.

В комнате при свете керосиновой лампы Петин проворно бинтует плечо политрука. На лбу Митрофана Васильевича выступили капельки пота.

— Что случилось? Рана серьезная? — спросил я, опускаясь рядом.

— Да нет, — небрежно отмахнулся Митрофан Васильевич, — пустяковая: лезвие кинжала распороло шинель и скользнуло по плечу. Во время обхода увидел я три крадущиеся к хозяйственным постройкам фигуры, закутанные в женскую одежду. Показались они мне подозрительными: и рост слишком высокий для женщин, и походка не женская. Кричу «Стой!», а они бежать. Выхватил револьвер, бросился следом, у сарая кто-то нанес мне удар. Падая, нажал курок. На выстрел прибежал сержант Гречин с бойцами. Они окружили двор и задержали четырех мужчин, непохожих на местных жителей.

Когда я доложил о ЧП, капитан Николаенко распорядился тщательно обыскать все постройки, заглянуть во все укромные уголки.

До Нового года оставалось семнадцать часов. Мы выступили на рассвете, раньше главных сил, потому что нам предстояло совершить глубокий обходный маневр. Я подошел к Абраменко, которого уговорил остаться в селении вместе со старшиной, и протянул руку:

— До свидания, Митрофан Васильевич.

— До встречи в Старом Крыму, — ответил он тихо.

— До встречи, Митрофан Васильевич, до скорой встречи!

Я не предполагал, что встреча эта никогда не состоится.

Было еще темно, когда взводные колонны спустились с юго-западной окраины Ак-Мелеза в глубокую низину и зашагали по ней, утопая в снегу.

Погода резко изменилась: холодный северо-восточный ветер стих, температура резко подскочила вверх, в воздухе потянуло сыростью. Пробившееся сквозь тучи солнце растопило снег. Мы идем по щиколотку в воде, которая просачивается в сапоги. Все чаще над нами пролетают фашистские бомбардировщики, но свой смертоносный груз они сбрасывают главным образом на шоссе, где наступают основные силы полка. Из-за гряды высот со стороны Старого Крыма вынырнули юркие «мессеры». Летят они низко над землей, почти над нашими головами, и, уже проскочив, неожиданно разворачиваются. Едва успеваю подать сигнал: «Рассредоточиться». Бойцы разбегаются по полю. Истребители ястребами кружат над ротой. Наконец, расстреляв последние патроны, они улетают. Командую: «Собраться во взводные колонны и продолжать путь». Внимательно осмотрев поле, облегченно вздыхаю: фашисты впустую потратили боеприпасы. Поравнявшись с первым взводом, замечаю, что по шее рослого Бочкова стекает струйка крови.

— Бочков! — кричу. — Вы ранены?

— Так, — отмахивается тот, — обожгло слегка.

Петин быстро накладывает повязку на его простреленное ухо.

Медленно карабкаемся по склонам высоты, которая поднимается над Старым Крымом с северо-востока. Подозвав командиров взводов, выдвигаюсь с ними вперед и выхожу на гребень. Перед нашими глазами открывается неожиданная картина: лучи солнца освещают низину, в которой расположен Старый Крым, как на ладони видны его дома. По шоссе к северо-восточной окраине поселка течет беспрерывный поток вражеских машин с солдатами и грузами. Вид отступающих фашистов лишил меня хладнокровия. В памяти всплывает приказ комбата: «Оседлайте шоссе и закройте фашистам дорогу».

Развертываю роту в цепь и ускоренным шагом веду ее вниз. Когда цепь достигает середины низины [1] и можно уже четко различить все происходящее на шоссе, какая-то неудержимая сила подхватывает меня и выбрасывает вперед. Почти вырываю ручной пулемет из рук Малышко и выпускаю длинную очередь по колонне автомашин, набитых фашистами. Те бросаются врассыпную. Мы устремляемся вперед.

Со стороны наша атака показалась бы дерзкой авантюрой: чуть больше сотни бойцов атакуют численно превосходящего противника, правда разбросанного вдоль шоссе. Однако наш расчет был на

---

[1] Теперь эта низина является дном искусственного водохранилища.

внезапность, на то, что батальон, а затем и полк придут нам на помощь.

Поворачиваю голову влево, чтобы окинуть взглядом цепь наступающих, и правую щеку и шею прожигает словно расплавленным свинцом. Рот наполняется кровью. Споткнувшись, падаю. А фашистский пулемет, установленный на бронетранспортере, косит все вокруг. Рядом со мной падают раненые и убитые. Пытаюсь подавить вражеский пулемет, но от сильной отдачи теряю сознание. Очнувшись, вижу, что Малышко короткими очередями продолжает дуэль с пулеметчиком. Залегшие бойцы метким огнем вынудили фашистов прервать движение по шоссе. Вдруг слышу спокойный голос Украинцева:

— Товарищ комроты! Слева от нас фрицы спешиваются с машин, переправляются через ручей и бегут к гребню высоты, с которой мы спустились. Не меньше двух рот.

— Задержи их, — с трудом тихо выговариваю я. — Передай команду: «Всем следовать за командиром роты».

Спускаясь с гребня высоты, я заметил, что между высотой и шоссейной дорогой протекает небольшая речушка, скорее, ручей с обрывистыми берегами. С помощью бойцов поднимаюсь и, пересиливая боль, шагаю к ручью. Слышу, как четко работают наши пулеметы, не дают фашистам броситься в преследование, с особой теплотой думаю о лейтенанте Украинцеве. Я спокоен: если погибну, рота останется в надежных руках.

Прежде чем скрыться под обрывистым берегом ручья, внимательно оглядываю поле боя, и чувство радости охватывает меня: рота организованно отходит, пулеметчики отступают поочередно, не видно и признаков растерянности. Бредем по ледяной воде. Подняться на берег нельзя: скосят.

Бесконечным и мучительным показался мне этот путь. Шея становится липкой от крови, постепенно ею пропитывается ворот гимнастерки, чувствую, как с каждым шагом усиливается слабость, все сильнее кружится голова, меня покидают последние силы. Прислоняюсь к берегу и даю понять, чтобы позвали Петина. Гареев докладывает, что санинструктор убит, и виновато добавляет, что все перевязочные материалы израсходованы. Чистых тряпок ни у кого не оказалось. Мелькнула мысль раздеться и разорвать на куски нижнюю шерстяную рубашку, но тут же отказываюсь от этой затеи, ибо мы стоим по пояс в ледяной воде, а пули над головами свистят непрестанно. Мы еще не выскочили из огневого мешка. Нельзя терять драгоценное время. С усилием отталкиваюсь от берега и бреду дальше. Рядом шагает Гареев, готовый в любую минуту поддержать меня.

Наконец недалеко от Изюмовки встречаемся с батальоном. С трудом спрашиваю, где комбат, и лицом к лицу сталкиваюсь с комсоргом батальона старшиной Синельниковым.

— Вы же кровью изойдете! — кричит он, вытаскивая из кармана индивидуальный пакет. — Давайте я перевяжу!

Расстегнув шинель и гимнастерку, он долго примеряется, как лучше наложить повязку. Это оказалось делом нелегким: входное отверстие было на щеке, а выходное — на шее. Решает перевязать сначала шею, потом щеку. Делает он это неумело и причиняет мне сильную боль, но я креплюсь, терплю. Закончив перевязку, Синельников молча подает мне записку: «Лейтенанту Алтунину. Я тяжело ранен. Командование батальоном возлагаю на Вас. Командиру полка доложил. Желаю успехов. Николаенко». Не веря своим глазам, вновь пробегаю неровные строчки. Сознание возросшей ответственности вызывает неожиданный прилив сил. Словно и боль приутихла, и ноги окрепли.

Вместе с комсоргом иду на командный пункт батальона. Лейтенант Соловьев, увидев меня, забинтованного неопытными руками, огорченно свистнул:

— Вот это разукрасили тебя, дружище! Как же ты поведешь батальон в бой? Тебя из-под бинтов и не видно!

— Ничего, поведу, раз приказано, — прохрипел я. — Докладывай обстановку.

Из доклада я понял, что в Старый Крым полку ворваться не удалось. В город вступили свежие моторизованные части противника и с ходу начали бой.

Через час майор Андреев собрал командиров батальонов. Увидев меня, спросил, смогу ли я командовать. Я утвердительно кивнул и присел на свободное место. На многих командирах, как и на мне, белеют бинты. Я вслушиваюсь в спокойный голос майора Андреева и вдруг чувствую, как скамья уползает из-под меня. Комната закружилась, и я провалился в какую-то бездну: сказалась потеря крови.

Очнулся в кузове грузовика. Светло. Кузов подбрасывает на выбоинах. Надо мною склонилась девушка, осторожно поправляет бинт.

— Как себя чувствуете, товарищ лейтенант? — участливо спрашивает она.

Поднимаю большой палец.

— Вот и хорошо, — улыбается девушка. — Сейчас приедем в Феодосию, положим вас в госпиталь, и скоро опять сможете воевать.

Въехали в город. Машина остановилась у какого-то здания. Меня внесли в комнату, где уже лежали пехотный лейтенант и пожилой артиллерист с четырьмя шпалами в петлицах. «Видно, большой командир», — мелькнула мысль.

Санитар помог мне снять шинель и сапоги. Остальную одежду я снять не решился: комната не отапливалась — и улегся на грязной койке, натянув на себя тонкое старое одеяло.

— Как дела на передовой, лейтенант? — поинтересовался полковник. — Наши далеко продвинулись?

— К Старому Крыму... Извините, мне трудно говорить.

— Молчу, молчу. — Полковник в знак сочувствия поднял руку.

В палате надолго воцарилась тишина. Я задремал.

Поздним вечером пришли медсестра и четыре еле передвигающих ноги санитара, чтобы взять меня в операционную. Худенький старичок из местных врачей внимательно осмотрел и обработал мои раны. Когда швы были наложены, доктор, ободряюще улыбнувшись, сказал:

— Ну что ж, голубчик, судя по всему, у вас огромная потеря крови. Будем лечить.

Потянулись мучительные дни и ночи. Страдал я от холода и недоедания. Потом молодой организм приспособился: через неделю я уже мог ходить и понемногу разговаривать. Лейтенант, раненный в плечо, тоже быстро поправлялся. У полковника были ампутированы ноги. Он очень страдал. Днем старался скрыть свои переживания, а ночью, когда забывался в коротком и тяжелом сне, бредил, громко стонал или подавал команды. Как только мы просыпались, то стаскивали со своих коек одеяла и укрывали ими полковника. Под ворохом одеял ему становилось теплее, он словно оживал, начинал расспрашивать нас или рассказывал, как командовал батареей в гражданскую войну.

Мы с лейтенантом по крохам собираем сведения о положении наших войск в Крыму и сообщаем их полковнику. Однажды он с сожалением воскликнул:

— Эх, жаль, нет у нас карты Крымского полуострова!

На следующий день лейтенант достал где-то большую школьную карту Украины с Крымским полуостровом. Полковник потребовал красный и синий карандаши. На аккуратно сложенной карте он расставил точки и попросил меня соединить их жирной красной линией, которая от берега Сиваша протянулась восточнее Старого Крыма и оборвалась на берегу Черного моря у Коктебеля. Синим карандашом он нанес те скудные сведения о противнике, которыми мы располагали.

Каждый день мы подолгу изучаем карту, а полковник с увлечением анализирует ход высадки десанта и достигнутые им результаты. Высоко оценивая значение этой морской десантной операции, он говорит нам:

— Вы, ребята, если останетесь в живых, с гордостью будете говорить после войны: «Я участвовал в Феодосийском десанте в декабре 1941 года».

В первой половине января 1942 года советские войска прочно удерживали Керченский полуостров. Я и лейтенант каждый день ожидали известие о начале нового наступления и очень переживали, что оно начнется без нашего участия.

В десятых числах января в палате неожиданно появился Вениамин Соловьев. Подойдя вплотную, он внимательно оглядел меня и протянул руку:

— Здорово, дружище! Обнять-то тебя можно? Не рассыплешься? — Осторожно обнимает, поглаживая по спине. Отступив на шаг, спрашивает: — Ну, как дела? Скоро в строй?

— Хоть сейчас! — обрадовался я. — Можно одеваться?

— Ну уж, так сразу и одеваться, — засмеялся Вениамин. — Ты ж разоришь нас на бинтах: все запасы батальонного медпункта на тебя уйдут. Подлечись маленько. Как снимут бинты, давай телеграмму — сразу прискачу и умыкну.— Помолчав, добавил:— Меня майор Андреев командировал в Феодосию, я воспользовался оказией, чтобы навестить тебя.

Я забросал его вопросами о положении в роте, в батальоне, во всем полку, а полковник, протянув карту, попросил:

— Лейтенант, взгляни, насколько наши данные расходятся с истинным положением.

Соловьев, взглянув на карту, заметил:

— Ваша «разведка», товарищ полковник, располагает не совсем точными данными. Линия фронта, например, на вашей карте проходит значительно западнее, чем на самом деле...

Собираясь уходить, Соловьев участливо спросил:

— Харч плохой, Саша?

Я отрицательно покачал головой.

— Почему же ты так похудел? Тебя можно в качестве учебного пособия по анатомии использовать: весь скелет вырисовывается.

Услышав, что несколько дней я ел крошечными порциями и только жидкую пищу, он хлопнул себя по лбу:

— Чуть не забыл, я же привез тебе гостинец! — расстегнул полевую сумку, вытащил небольшой сверток и, протягивая мне, пояснил: — Здесь кружок краковской и кусок сыра, подкрепитесь. Желаю поскорее поправиться.

Я вышел его проводить. Вениамин, подняв указательный палец, сказал:

— Помни, Александр, как только доктора снимут повязки, черкни пару слов на нашу полевую, я сразу примчусь. Майор Андреев будет рад выцарапать тебя отсюда.

— Спасибо, друг, обязательно напишу, и, надеюсь, скоро.

После отъезда Соловьева я с еще большим нетерпением стал ждать, когда с меня снимут бинты. И на перевязках с надеждой спрашивал врача:

— Ну как, товарищ доктор, скоро повязки будете снимать?

— Потерпите, голубчик. — Старик сокрушенно качает головой.— Что-то не заживают ваши раны. Витаминов бы, да где их достанешь...

— А сколько ждать?

— Трудно сказать, — разводит руками доктор. — Это от вашего организма зависит.

Внезапно возобновились налеты фашистской авиации. С северо-запада стали доноситься глухие раскаты артиллерийской канонады. «Неужели наши перешли в наступление?»

Под вечер 18 января в палату вбежал старичок доктор — на голове не было обычной белой шапочки, седые волосы растрепаны.

— Товарищи раненые! Голубчики! Случилось несчастье: комендант города сообщил, что наши войска, чтобы избежать окружения, оставляют Феодосию! Сейчас в порту находится последний транс-

порт. Если вы не успеете на него, попадете в плен. Спешите, голубчики, спешите, а я побегу остальных оповещать.

— А вы, доктор?! — кричу я вслед.

Он на мгновение останавливается, огорченно машет рукой:

— Нет, куда уж мне, буду дожидаться вашего возвращения.

Мы с лейтенантом начали одеваться.

— Ребята, у вас пистолет есть? — спросил полковник. — Оставьте мне.

— Зачем вам пистолет, товарищ полковник? — поинтересовался я.

— Живым я им не дамся...

— Что вы говорите, товарищ полковник! — возмутился лейтенант. — Разве мы вас оставим?! Ты что молчишь, Саша?! — крикнул он мне.

— Мы донесем вас, товарищ полковник! Я уже и способ придумал. — Я выбежал из комнаты и возвратился с толстой палкой, которую приметил еще раньше. — Мы с лейтенантом держим эту палку, вы, товарищ полковник, садитесь на нее и руками обхватываете наши плечи...

— Да куда вам, доходягам, — огорченно машет рукой полковник, — сами еле на ногах держитесь. Оставьте меня, сынки, спасайтесь. Я свое отвоевал.

Искренне возмущенные, мы наперебой упрекаем полковника, что он толкает нас нарушить закон товарищества.

— Ладно, ладно, сынки, — прерывает нас полковник, и улыбка освещает его смуглое осунувшееся лицо, — сдаюсь! Давайте попробуем.

Помогаем ему одеться, обрубки ног кутаем в одеяла. Больших трудов стоило нам усадить грузного полковника на палку. Когда мы подняли его, шею пронзила такая острая боль, что я пошатнулся и с трудом удержал палку. Лицо лейтенанта тоже дрогнуло от боли.

И начался мучительный путь.

Ноги скользят по крупной гальке, каждый шаг вызывает боль. Пройдя сто метров, мы останавливаемся, сажаем полковника на гальку и в изнеможении ложимся рядом. Когда до корабля осталось каких-нибудь триста метров, я почувствовал, что рана на шее открылась. «Только бы не упасть, только бы успеть!» Мы одолели еще сотню метров, когда я от дикой боли покачнулся и потерял сознание. Придя в себя, увидел взволнованное лицо полковника.

— Как чувствуешь себя, сынок? — участливо спросил он, встретив мой взгляд.

— Ничего, — попытался я улыбнуться. — Проклятая рана подвела. Сейчас пойдем дальше.

— Нет, ты уж лежи! — Полковник решительно пресек мою попытку подняться. — Сейчас лейтенант приведет кого-нибудь на помощь.

Вскоре прибежали лейтенант и четыре матроса. Двое подхватили полковника, другие попытались взять на руки меня. Я ре-

шительно воспротивился и двинулся следом за полковником, поддерживаемый матросами.

Когда мы поднялись на палубу, к нам подошел рослый моряк и распорядился отнести полковника в корабельный лазарет. Полковник, притянув нас к себе, взволнованно сказал:

— Спасибо, сынки, желаю вам дожить до победы.

Оглядевшись вокруг, мы увидели, что корабль до отказа забит людьми и техникой. Видя, что мы сиротливо оглядываемся, к нам подошел худенький матрос и предложил проводить в трюм, где разместились легкораненые. Мы чувствовали, что без перевязки не выдержим перехода. Обняв матроса рукой за плечо, я доверительно шепнул ему, что у меня и моего товарища открылись раны, и спросил, нельзя ли здесь, на корабле, сделать нам перевязку.

— Конечно, можно! — воскликнул матрос. — Идемте в лазарет.

Он подвел нас к двери, приоткрыл ее. Мы увидели просторную, хорошо освещенную каюту. Над операционным столом склонился молодой врач. Не поднимая головы, он что-то тихо сказал своим помощникам. Матрос закрыл дверь.

Через некоторое время из каюты осторожно вывели моряка с перебинтованной грудью. Один из помощников корабельного врача выбежал вслед за раненым.

— Возьми, Федор, осколок фашистский на память, — предложил он. — Еще сантиметров десять — и пришлось бы искать его в правом легком... А вы, товарищи, кого ожидаете? — спросил он удивленно.

Выслушав сопровождавшего нас матроса, он распахнул дверь:

— Заходите, пожалуйста.

Нам помогли раздеться. Когда с меня стянули гимнастерку и нательную рубашку, обнажилось левое плечо, покрытое свежими кровавыми потеками, тянувшимися из-под бинта на шее. Стараясь причинить мне меньше боли, один из помощников врача осторожно снял насквозь промокший бинт и стал смывать следы крови вокруг раны.

— Как же это вы умудрились разорвать шов? — недовольно покачал головой врач.

Выслушав объяснение, он понимающе кивнул:

— Неудивительно, что шов разошелся...

Когда новые швы были наложены, а раны перевязаны, врач устало сказал своим помощникам:

— Теперь в награду за испытания, выдержанные этими ребятами, выделим им из наших скромных запасов по пятьдесят граммов спирта. — Он дружески подмигнул нам: — Сейчас это для вас будет лучшим лекарством.

Терпеливо ожидавший нас у двери матрос предложил:

— Пойдемте, покажу вход в трюм, там вам будет теплее.

Осторожно спускаемся вниз. Где-то тускло светит лампочка. Повсюду плотными рядами лежат раненые. После дневного света чувствуем себя ослепшими и в нерешительности стоим у лестницы.

— Проходите, товарищи, в противоположный угол, — доносится прокуренный голос какого-то доброжелателя, — там свернут канат, на нем и устроитесь. Больше свободных мест нет.

Раненые лежат так плотно, что, передвигаясь, мы не можем не задеть кого-нибудь. Послышались стоны, возмущенные крики. Осыпаемые ругательствами, наконец натыкаемся на плотно свернутый канат. Подложив под себя шинели, в изнеможении растягиваемся на нем.

Невыносимо душно. Я весь в липком поту. Краем гимнастерки вытираю лоб, нос. Страшно хочется пить. Лейтенант что-то бормочет.

— Ты не спишь, Семен? — спрашиваю я.

— Одна тысяча сто тридцать шесть дьяволов фашистам, — несется в ответ. — Одна тысяча сто тридцать семь дьяволов фашистам... — Прервав свой странный счет, Семен поясняет: — Отвлекаю себя таким образом... успокаивает.

— И на каком же количестве дьяволов ты успокоишься?

— Не знаю, — неуверенно отвечает Семен, — пока не усну...

Однако ни ему, ни мне уснуть не удается. Не выдержав, лейтенант поднимается и решительно заявляет:

— Ты, Саша, как хочешь, а я выбираюсь наверх.

Снова сопровождаемые недовольными возгласами, пробираемся к выходу. С трудом выползаем на палубу и, сделав несколько глубоких вдохов, пьянеем от холодного морского воздуха. Долго стоим, прислонившись к металлической обшивке надстройки, потом, шатаясь, словно пьяные, медленно подходим к матросам и просим принести воды.

— Сейчас, братки!

Плотный широкоплечий моряк с добрыми глазами принес воду и по одному сухарю.

— Не знаешь ли, почему стоим?

— До рассвета невозможно идти: вода нашпигована минами, как колбаса шпиком.

Любопытство толкает нас к борту. На одной из лодок матросы отталкивают шестами какой-то рогатый шар. Догадываюсь, что это морская мина, и мгновенно забываю о холоде.

Первая ночь кажется нам особенно длинной. Когда холод одолевает нас, мы спускаемся в трюм и, присев на последних ступенях лестницы, дышим теплым загазованным воздухом, пока голова не начинает кружиться.

Наконец выглянуло солнце, его лучи разогнали предрассветную мглу.

Командир осторожно ведет корабль. Около полудня вдруг поднялась суматоха: послышались громкие команды, матросы забегали по палубе, корабль заметно увеличил скорость хода, открыли огонь зенитное орудие и крупнокалиберные пулеметы — три фашистских самолета сбрасывают бомбы. Забыв о минах, командир, маневрируя, кидает корабль из стороны в сторону, не дает фашистским летчикам прицелиться.

Пожилой солдат, недоверчиво поглядывая то на море, то на небо, говорит соседу:

— Вот так! Самолеты нас обстреляли, в море мины подстерегают, того и гляди наскочим и попадем к самому господу богу, хотя и не получали от него приглашения.

— Ну, если бог нас не приглашал, на кой ляд мы ему нужны. А черт из наших краев, говорят, убрался, как только война началась, не перенес здешнего ада. Так что есть надежда, Ефим Петрович, что мы с тобой живыми и невредимыми доберемся до Новороссийска.

Ефим Петрович и после такого заверения не успокоился. Он остановил проходившего мимо матроса:

— Скажи, браток, а шторма не ожидается? Вроде ветерок подул.

Матрос внимательно посмотрел вокруг, даже носом потянул и успокоил:

— Не бойся, дядя, пока тихо, море спокойное. Должны добраться благополучно.

Ефим Петрович покрутил головой, тяжело вздохнул. И вдруг тихонько запел глуховатым, но приятным баритоном:

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно,
В роковом его просторе
Много бед погребено...

Сосед Ефима Петровича, красноармеец с интеллигентным, немного грустным лицом, просит:

— Ефим Петрович, не пагоняй тоску. Романс этот я очень люблю и с удовольствием послушаю его в другой раз. А сейчас спой что-нибудь повеселее.

Но Ефим Петрович никак не мог перестроиться. Прищурившись, он поглядывает на море.

— Посмотри вокруг, Сергей Ильич, — предлагает он вдруг. — Что ты видишь? Одну холодную, мрачную сырость без конца и края. А вспомни, какой штормище был, когда в Феодосию шли, ужас. Думал, хана, до берега не доберемся. До войны не видел, но слышал, что море — красота непередаваемая. Насмотрелся теперь на эту красоту. Жив буду, по доброй воле ни за что сюда не приеду.

Сергей Ильич неодобрительно качает головой.

— В Сибири, — продолжает Ефим Петрович, — моря нет, одни леса. И лучше их для меня ничего нет. Зайдешь в лес — воздух чистый, пахучий, вдыхаешь его — и все мало. Прозрачность и звонкость в нем необыкновенные. Березы — одна другой красивее: одна раскидистая, величавая, другая тоненькая, как молоденькая девушка. Протягивает тебе веточки, словно поиграть приглашает. Листочками шелестит. Срубить такую — ровно жизнь загубить. Или сосны. Стоят так важно: мол, знаем большую тайну, да не скажем никому. Верхушки, точно золотой пылью осыпаны, на солнышке

греются. А уж как птицы поют! Коленца немыслимые выводят, одна птаха перед другой старается...

Сергей Ильич слушает с улыбкой.

— Любишь ты лес, Ефим Петрович, хорошо о нем рассказываешь. Только на море напраслину не возводи. Видел ты его не в лучшее время: то шторм, то студеная, промозглая погода, когда все окрашено в серый цвет. Думаю, что и лес в такую погоду непривлекателен.

Ефим Петрович машет рукой, возражая. А его сосед, задумчиво глядя вдаль, продолжает:

— Жаль, что не пришлось тебе видеть море в летний солнечный день. Тогда оно соперничает с небом своей красотой, яркостью и чистотой красок. Поезжай летом на море, не пожалеешь...

Пригретые солнышком, мы вслушиваемся в неторопливую беседу бойцов. Незаметно подкрадывается дремота и смежает веки...

И еще одну ночь корабль простоял в открытом море. К холоду мы постепенно притерпелись, но голод давал о себе знать все сильнее. Экипаж раздал все, что мог выделить из своих весьма ограниченных запасов. На нашу долю выпало по два сухаря и миске жидкого супа. Зато на третий день мы жадно всматривались в знакомые очертания Новороссийска и с нетерпением ожидали, когда корабль пришвартуется к причалу.

В ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ С ВРАГОМ

Томительно течет время в Ворошиловске [1]. Вспоминаю Сочи, где целые дни проводил в парках. Здесь двери госпиталя закрыты — зима в самом разгаре.

Во время перевязки случайно услышал разговор об ухудшении здоровья капитана Николаенко. «Неужели комбат?» — подумал я встревоженно. У сестры узнал номер палаты.

— Алтунин? И ты здесь! — удивленно развел руками Николаенко, когда я предстал перед ним. — Вот не ожидал, думал, батальоном командуешь... Ну, как дела в полку? Давно оттуда?

— Следом за вами, — усмехнулся я. — Не успел командование принять.

Выслушав рассказ, как рота пыталась перерезать шоссе в Старом Крыму, Николаенко тяжело вздохнул:

— Успели фрицы подтянуть свежие силы!

Мы с жаром начали анализировать результаты высадки десанта, пытались строить прогнозы дальнейшего развития событий в Крыму. Николаенко, выпросив у кого-то карту, нарисовал радостную картину, как наши войска с Ак-Монайских позиций нанесут решающий удар по фашистской группировке и очистят Крым. Однако шли дни, а радио и газеты не сообщали о переходе войск в наступление с Ак-Монайских позиций. Николаенко, прощаясь со мной перед эвакуацией в тыловой госпиталь, сказал:

---

[1] Ныне Ставрополь.

— И все-таки наша десантная операция войдет в летопись войны и станет одной из славных ее страниц. Ведь появился новый фронт...

Из госпиталя часто пишу домой. Ответные письма не радуют: от отца все еще нет вестей.

Между тем раны мои затянулись, и во второй половине февраля 1942 года медицинская комиссия госпиталя выписала меня в строй.

Солнечным днем покидаю госпиталь. Зажав в руке крохотный сверток, в котором поместилось все мое имущество: полотенце и кусок мыла, — топаю на вокзал, чтобы выехать в Армавир в распоряжение отдела кадров военного округа.

В Армавир добрался товарным поездом. В городе обратил внимание на множество различных агитплакатов. По дороге к штабу с интересом рассматриваю их. И вдруг застываю перед огромной черно-зеленой вошью в рогатой каске. На плакате читаю: «Вошь — союзник Гитлера! Она — переносчик тифа!»

Каска со зловещей свастикой на голове гадкого насекомого вызвала невольный смех. Не думал я в ту минуту, что этот плакат надолго осядет в моей памяти.

Отдел кадров разыскивать не пришлось. Он размещался в старинном двухэтажном здании неподалеку от вокзала. Меня вызвал на беседу высокий, аскетического сложения подполковник. Он расспрашивает о родных, интересуется, где я получил военное образование, сколько времени учился, кто был начальником училища. Потом вдруг без всякой, как показалось мне, связи спросил:

— Вы знаете, что такое маршевый батальон?

— Я знаю организацию стрелкового, отдельного и неотдельного танкового, наконец, воздушно-десантного батальона, — пожав плечами, отвечаю я, — но о маршевом нам в училище ничего не рассказывали.

— Маршевые батальоны создаются только на период следования в действующую армию. Вы думаете, наверное, зачем я об этом рассказываю? Объясняю: вы назначаетесь командиром маршевого батальона, который вам надлежит сформировать к двадцать седьмому февраля. В вашем распоряжении меньше недели. Поторопитесь сегодня же выехать в Ворошиловск. Выписку из приказа возьмете у майора Колесова, он же укажет, где получить необходимые для формирования батальона документы. Вопросы есть?

— Никак нет.

Так вроде бы начала сбываться надежда снова попасть на фронт.

Во второй половине следующего дня военный комиссар Ворошиловска представил меня комиссару батальона Васильеву, начальнику штаба старшему лейтенанту Улитину и командирам подразделений. Рядом с Васильевым я выгляжу недорослком. Внешность и грубоватые манеры Васильева резко отличают его от всех политработников, с которыми мне прежде доводилось работать. Начальник штаба Улитин, сверля меня темными глазами, допытывается, сознаю ли я сложность стоящей перед нами задачи: за четверо суток сформировать полуторатысячный маршевый батальон! Его

взгляд откровенно говорит: «И как такому молокососу доверили столь ответственное дело?»

Двое суток пролетают без отдыха. Днем мечемся по городу, размещая прибывших людей, комплектуя подразделения, организуя питание, а ночью обобщаем итоги прошедшего дня и уточняем план работы на следующий день. Количество прибывающих в наше распоряжение людей подавляет. Мне довелось вести в бой полторы сотни бойцов и командиров. В маршевом батальоне самая малочисленная рота раза в три больше. Начальник штаба, когда численность батальона перешагнула за четырнадцатую сотню, схватился за голову и простонал:

— И как мы доставим на фронт такую прорву людей?!

— Ничего, Улитин, доставим в целости и сохранности, — рокочет Васильев, широко шагая по комнате. — Вот если бы в бой вести такую махину, то я усомнился бы в наших способностях, а здесь все дело в организации и поддержании порядка. Для того чтобы был у нас порядок, нам самим надо его соблюдать. Вот вы, товарищ лейтенант, — комиссар поворачивается ко мне, старается говорить нарочито сурово, — клюете носом, скоро дырку в столе продолбите, а спать ни себе, ни нам не даете. Предлагаю сейчас же разойтись и три-четыре часа поспать.

Согласившись с предложением комиссара, я собираюсь улечься на составленные вместе два канцелярских стола, но комиссар решительно протестует и зовет в гостиницу, которая находится в трехстах метрах. Нас разместили в разных комнатах. Там, где нашлась свободная койка для меня, по-богатырски храпят три офицера. Тихо, не зажигая света, пробираюсь на место, раздеваюсь, залезаю под простыню и впервые за последние трое суток ощущаю под собой мягкую постель.

Шум, поднятый проснувшимися соседями, будит и меня. Семь утра. Быстро одевшись, направляюсь в казармы, где разместились маршевые подразделения. Красноармейцы и младшие командиры завтракают. Из столовой доносятся запахи, вызывающие спазмы в желудке. Питание красноармейцев организовано хорошо: продовольствие поступает в столовую регулярно, а строгий контроль за приготовлением и раздачей пищи обеспечивает каждому получение установленной нормы. Красноармейцы довольны. В худшем положении оказались командиры, прикрепленные к военторговской столовой. Их завтраки, обеды и ужины не выдерживают никакого сравнения с питанием подчиненных. Недовольство вызывает не только плохое качество пищи, но и обслуживание. А вчера многие командиры остались без ужина, потому что опоздали на пять — десять минут.

— Я вас, товарищи, приучу к порядку, — сухо и непреклонно заявила заведующая столовой.

Узнав о случившемся, в столовую примчался Васильев. Со свойственной ему решительностью он приказал закрыть все двери, пока командиры не будут накормлены. За превышение власти комисса-

ра, а за компанию с ним и меня потребовал к себе начальник гарнизона.

— Через сорок минут мы должны предстать пред грозные очи начальника гарнизона, — говорю я Васильеву за завтраком. — Будет нам, Илья Сидорович, баня.

— Ничего, — усмехается комиссар, — бог не выдаст, свинья не съест. За правое дело готов и пострадать. Плох тот политработник, который равнодушно смотрит на безобразное отношение к исполнению служебного долга.

Ровно в десять мы нервно ходим по просторной приемной начальника гарнизона: столько дел, а приходится терять время на разбирательство вчерашнего инцидента! Наконец адъютант приглашает в кабинет. Пожилой полковник, устало откинувшись на спинку кресла, спрашивает:

— Почему терроризируете работников столовой? Кто дал вам право вмешиваться в ее работу?

— Ваш вопрос, товарищ полковник, касается только меня, — спокойно басит Васильев. — Это я вмешался в работу столовой, поскольку половина командиров батальона оставлена нерадивой заведующей без ужина.

— Правда? — Полковник удивленно смотрит на интенданта, вытянувшегося у стола. — Вы мне об этом не докладывали.

— Распорядок работы столовой утвержден мною, товарищ полковник, а командиры явились на ужин с опозданием.

— Всего на пять — десять минут, — пояснил Васильев.

— Неважно на сколько, главное — опоздали, — настаивает интендант.

— А вы знаете, сколько работают командиры? — сдерживая гнев, спросил Васильев. — За четыре дня они должны принять, одеть и обуть, разместить и накормить полторы тысячи человек! Им нелегко выкроить время не только на столовую, но и на сон. А вы... о распорядке работы столовой печетесь. Забываете, что время военное...

— Почему вы два часа не отпускали работников столовой домой? — прервал Васильева полковник.

— А что было делать? — удивленно пожал плечами комиссар. — Командиры уличили работников столовой в жульничестве и потребовали объяснения у заведующей. Претензии командиров обоснованны. Я попросил заведующую выйти в зал, но она через официантку сообщила, что спешит домой. Тогда я и приказал закрыть все выходы из столовой. Вот и весь «инцидент», товарищ полковник. Начальнику военторга, вместо того чтобы жаловаться, следовало бы навести порядок в своем хозяйстве.

— Политрук прав, — укоризненно бросает полковник покрасневшему интенданту. — Наведите порядок, пока не поздно. А вам, — поворачивается к Васильеву, — запрещаю вмешиваться в работу столовой. Если работа не улучшится, доложите мне...

— Не смогу, — бурчит Васильев, — завтра выезжаю с эшелоном.

— Неужели готовы к отправке? А ну, лейтенант, докладывай-

те.— Выслушав, воскликнул: — Вы хоть и «террористы», но молодцы! Завтра в десять буду смотреть ваш батальон.

Выйдя на улицу, Васильев полной грудью вдохнул холодный воздух.

— Фу, кажется, пронесло! А я, признаться, опасался, что влетит мне от начальника гарнизона по первое число.

— Если хотите благополучно доехать до фронта, не ввязывайтесь больше в подобные истории.

— Ладно, не буду, — усмехается комиссар.

Вторая половина дня и вечер промелькнули в хлопотах. Вечером, когда все вопросы были решены, Васильев пробасил:

— А теперь, братцы, можно попрощаться с городом.

— Мне бы только до койки добраться, — жалобно простонал Улитин, растирая поясницу.

На следующий день после смотра и обеда батальон начал погрузку. Мы с комиссаром зашли к коменданту вокзала, чтобы получить документы. Выслушав его добрые напутствия, поворачиваюсь к выходу. И вдруг меня зашатало, словно пьяного. Если бы не могучие руки Васильева, наверное, упал бы, ноги словно чугунные.

— Что с тобой, командир? Что случилось? — участливо рокочет над ухом комиссар.

Пересилив внезапный приступ головокружения, решительно шагаю к выходу, бросаю на ходу:

— Переутомился, видно, без сна, вот высплюсь в вагоне, и все будет в порядке.

Однако до вагона добираюсь с трудом. Подняться в теплушку не хватает сил. Васильев, заметив мое нерешительное топтание перед вагоном, подхватывает меня на руки и, подтолкнув вверх, кричит:

— Принимайте командира!

Мне помогают десятки рук. Влетев в теплушку, чувствую новый приступ слабости, шагаю к нарам и валюсь на них, не раздеваясь. Меня знобит.

С этого момента в памяти сохранились лишь отдельные эпизоды: словно во сне слышу рокочущий бас Васильева: «Командир, вставай, покушай горяченького». Но я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Язык не повинуется. Мысленно успокаиваю себя: «Слабость вызвана бессонными ночами, вот высплюсь, потом покушаю».

На какой-то станции меня бережно поднимают с нар и выносят из теплушки. Вдохнув холодного воздуха, прихожу в себя, с удивлением оглядываюсь вокруг и, устыдившись, что меня, словно дряхлого старика, поддерживают под руки, делаю попытку освободиться и идти самостоятельно, но тут же падаю на руки товарищей. Поддерживаемый с обеих сторон, вхожу в какое-то душное помещение, пропахшее лекарствами. Нас встречает худенький старичок с бородкой клинышком и в пенсне. Старичок пристально всматривается в мое лицо и встревоженно замечает:

— Да он у вас в бреду, бедняга. Раздевайте, посмотрим.

Старичок долго осматривает меня, потом устало опускается на стул.

— Что с ним, доктор?

Оглушительный бас Васильева заполняет небольшую комнату. Старичок виновато разводит руками:

— Какой я тебе доктор, я всего-навсего фельдшер. — И делает неопровержимый по своей гениальной простоте вывод: — А товарищ ваш болен.

— Это и дураку понятно,— сердится Васильев.— Чем болен-то?

— Жар у него, простудился, наверное. Я дам вам жаропонижающие лекарства, давайте по одному порошку три раза в день: может, пройдет само собой в дороге.

Меня заставляют открыть рот, и старичок высыпает в него содержимое порошка, льет из стакана воду. Захлебываясь, глотаю ее вместе с лекарством. Прихватив оставшиеся порошки, Васильев несет меня к теплушке, укладывает на нары. Под мерный стук колес снова впадаю в забытье...

Очнулся в каком-то длинном коридоре на носилках. Сколько времени лежу здесь, не знаю. Рядом останавливается группа людей в белых халатах. Слышу усталый женский голос:

— Что с ним?

— Не знаем, сегодня сняли с поезда в бессознательном состоянии.

— Снимите гимнастерку и рубаху.

Женщина наклоняется. Я вижу ее покрытое тонкой сеткой морщин измученное лицо. Она внимательно осматривает мою грудь и вдруг бледнеет. Быстро выпрямившись, отрывисто командует:

— Немедленно в изолятор. Сыпняк...

Это было последнее слово, которое я услышал. Дальше снова провал памяти.

Прихожу в сознание от оглушительного грохота: на меня что-то валится сверху. Широко раскрываю глаза и... ничего не вижу. Обжигает тревожная мысль: «Неужели ослеп?» Лежу словно в телеге, которая подпрыгивает на ухабах. Рядом кто-то жалобно причитает:

— Ах ты, господи, несчастье какое!

Вдруг в глазах светлеет. Вижу белую гладь потолка, свисающий матовый абажур. Перевожу взгляд влево и замечаю стройную фигурку в белом халате, пытающуюся приставить к стене огромный лист фанеры. Видимо, фанера закрывала разбитое окно, из которого теперь несет холодным сырым воздухом. Откуда-то издалека доносится взрыв. Над моей койкой низко склоняется девушка лет шестнадцати-семнадцати. Я вижу ее испуганные глаза. Девушка радостно вскрикивает:

— Живы, товарищ лейтенант, живы!

— Что случилось? Где мы?

— Фашисты проклятые, опять бомбят станцию! — Огромные синие глаза девушки сужаются в гневе, она поправляет выбившуюся из-под косынки темную прядь. — Не бойтесь, товарищ лей-

тенант, — успокаивает она, а сама дрожит как осиновый листок, — бомбы падают рядом, а в здание не попадают...

Вид хрупкой девчушки, пытающейся ободрить фронтовика, настолько умилителен, что я не могу сдержать улыбку.

— Ну, раз вы не боитесь, сестренка, то и я не буду. А где я все-таки нахожусь?

— В госпитале. Он размещается в здании бывшей железнодорожной школы, недалеко от станции, — поясняет девушка. — Станцию бомбят почти ежедневно, поэтому и нам достается.

— Что за станция?

— Лихая.

— Тебя-то как звать-величать, сестренка?

— Марина.

— А меня — Александр... Терентьевич. Что со мной приключилось, Марина?

— Сыпной тиф у вас. Двенадцать суток не приходили в сознание, думала, и не поправитесь. Теперь, слава богу, очнулись.

Девушка продолжает оживленно щебетать, а я снова впадаю в забытье.

Так повторялось несколько раз.

Трудно сказать, сколько дней находился я в таком состоянии. Постепенно сознание становится отчетливее. Я уже реальнее воспринимаю окружающий мир, ограниченный полутемной комнатушкой изолятора.

В очередной раз пробуждаюсь от сильного озноба: одеяло сползло, а в комнате холодно. Хочу достать его, но не могу поднять руки; хочу крикнуть, а из горла вырывается хрип. Облегченно вздыхаю, когда появляется Марина. Она укутывает меня, потом присаживается рядом и пытается влить в рот что-то горячее. Аппетита совершенно нет, запах пищи вызывает отвращение. Виновато поглядываю на сестру и отворачиваюсь...

Однажды, отчаявшись, Марина спрашивает:

— Ну чего бы вам хотелось?

Чувствуя невыносимый жар, представил, как дома в июльскую жару пил когда-то холодную простоквашу, и почти машинально шепчу:

— Простокваши...

— Достану, ей-богу, достану! — оживляется Марина. — В семи километрах отсюда живет моя подруга. У ее родителей есть корова. Сбегаю!

— Ничего себе, семь верст!

— Я мигом, одна нога здесь, другая — там, — заверяет Марина. — Ночью сбегаю, пока все будут спать.

Когда я снова прихожу в себя, то на подоконнике замечаю стеклянную банку, наполненную чем-то белым.

«Все-таки сбегала! — удивился я. — Четырнадцать километров по весенней распутице!» И вдруг с ужасом почувствовал, что при одной мысли о кислом молоке меня затошнило.

В комнату вбегает сияющая Марина. Бодрая, словно и не было

бессонной ночи и четырнадцати километров бездорожья. Увидев, что я открыл глаза, радостно приветствует:

— Добрый день, Александр Терентьевич!

Она хватает банку, наливает простоквашу в кружку и подносит к моим губам, ласково приговаривая:

— Вот и простокваша! Можно покушать. — И вдруг, заметив, с каким отвращением я делаю первый глоток, горестно опускает руки: — Неужели не нравится?

Мне так жалко Марину, что я решительно говорю:

—Давайте, давайте, Марина, вкусная простокваша!

Быстро проглатываю и, обессиленный, закрываю глаза, отчаянно борясь с попытками моего желудка выплеснуть простоквашу обратно, а вскоре снова теряю сознание.

Однажды утром я впервые очнулся с почти ясной головой, но весь в поту: нательную рубашку хоть выжимай. К счастью, возле меня сидела Марина. Она сует мне под мышку градусник и тут же выбегает из комнаты. Возвращается с чистым бельем. Переодеваюсь и радуюсь, что руки уже немного повинуются мне. Впервые ощущаю голод. Марина приносит кружку крепкого сладкого чая с печеньем.

Кризис миновал. Меня переводят в общую палату. Здесь двенадцать коек. Мой сосед, маленький черноволосый человечек с ястребиным носом, улыбаясь, приветствует меня:

— С прибытием, кацо! — Приблизив лицо ко мне, доверительно шепчет: — Эта койка только сегодня освободилась: твой предшественник умер. Хороший был человек...

— Ну как вы тут, Александр Терентьевич, устроились? Лучше, чем в изоляторе? — Нежный голосок Марины звучит, как пение весеннего жаворонка.

— Светлее и теплее, но не лучше, — говорю я с серьезным видом. — В изоляторе между мной и костлявой ведьмой с косой всегда бдительно стояла ты, Марина, и я не боялся ее. А теперь боюсь. Днем еще ничего, а ночью она может застать меня врасплох.

— Ну, теперь костлявой злюке с вами не справиться,—улыбается Марина, — вы стали совсем хорошим.

— Принеси мне зеркало, Марина, хочу взглянуть, какой я «хороший».

— Ладно, принесу, — обещает Марина и ласково гладит мою руку.

Я впервые рассмотрел освещенное утренними лучами солнца лицо Марины. Меня притягивают ее удивительно ласковые глаза, они кажутся двумя небольшими лесными озерками, в которых отражается голубое небо. Марина живо напомнила мне сестренку. Закрываю глаза и ласково шепчу:

— Маруся.

— Что, Александр Терентьевич? — встрепенулась Марина.

— Ничего, — смущаюсь я, — вспомнил сестренку, ее Марусей зовут.

На следующее утро Марина появилась в палате с глиняным кувшином в руках.

— Я вам молочка принесла, — радостно сообщила она, ставя кувшин на тумбочку. — Пейте, Александр Терентьевич, молоко парное. Сегодня специально пораньше подоили корову.

Значит, она опять пробежала четырнадцать километров по грязной весенней дороге! Сердце мое наполняется одновременно благодарностью и жалостью. Сделав знак, чтобы девушка наклонилась, шепчу:

— Прошу тебя, не ходи больше за молоком. Я его с детства не люблю.

— Как же так, — огорчается Марина, — а доктор сказал, что молоко вам полезно, как лекарство.

— Но доктор ведь не знал, что меня в детстве опоили молоком...

— Просьбу вашу выполнила, — спохватывается Марина и протягивает маленькое круглое зеркальце. — Теперь сами можете убедиться, что костлявая от вас отстала.

Положив зеркальце на тумбочку, она ласково улыбается и убегает. А я прошу своего соседа Шалву разлить молоко по кружкам всем обитателям палаты.

— Вот это здорово! — оживляется Шалва, вставая с койки. Склонившись над кувшином, мечтательно добавляет: — Домом запахло...

С каждым днем в нашей палате становится оживленнее. Постепенно улучшается аппетит. Я предпринимаю первую попытку встать. Медленно спускаю на пол ноги и, держась за койку, выпрямляюсь. В тот момент я, наверное, был похож на младенца, впервые поставленного на непослушные ножки и предоставленного самому себе. Постояв несколько минут, чувствую головокружение, падаю на койку и долго лежу не шевелясь. Потом решаю повторить попытку. Поднимаюсь снова и стою, опираясь на тумбочку. Эти мои упражнения не остаются незамеченными: Шалва одобрительно хлопает в ладоши, а лежащие поблизости вымученно улыбаются. Вспомнив о Маринином зеркальце, беру его, подношу к лицу и в испуге опускаю руку. Я не узнаю себя: скелет с выпирающими скулами и ввалившимися щеками, с копной спутанных русых волос. Я и не предполагал, что болезнь может так изуродовать человека! В памяти оживает плакат, изображавший тифозную вошь в рогатой фашистской каске. Я невольно шепчу:

— Что ж ты со мною сделала, фашистская гадина?

Однако с каждым днем чувствую себя увереннее, уже свободно расхаживаю по палате, беседую с теми, кто еще не может подняться с койки.

Часами просиживаю возле пожилого красноармейца, отца пятерых сыновей, фотография которых лежит у него на груди. Когда я впервые присел около него, он протянул мне фотокарточку и с гордостью прохрипел слабым голосом:

— Это мои орлята! В сороковом были всей семьей в городе, снялись...

Я с интересом всматриваюсь в фотографию. Позади сидящих мужчины и женщины стоят пятеро симпатичных ребят, очень раз-

ных по возрасту и по обличью. Взяв у меня фотокарточку, солдат сказал, показывая на троих ребят справа:

— Мои старшенькие, уже воюют. Первенец — танкистом, эти двое — в пехоте. Вот если бы ты, сынок, помог мне письма им написать. Пошлю домой жене, а она переправит ребятам.

Охотно соглашаюсь. Марина принесла чистую школьную тетрадь, и я каждый день пишу по одному письму: на большее не хватает сил ни у него, ни у меня. Письма одинаковые. Они начинались примерно так: «Здравствуй, дорогой сынок Яков (Николай, Иван)! Пишет тебе твой родной отец Кузьма Петрович. Во первых строках своего письма извещаю тебя, что у меня все хорошо. Лежу в госпитале, доктора здесь хорошие, уход хороший, поправляюсь помаленьку...» Далее следовал наказ сынам «не посрамить честь их семьи, чтобы не стыдно было возвернуться домой», а потому бить фашистов как следует, но «зря башку не подставлять».

Завершающим было письмо к жене.

— Здравствуйте, уважаемая супруга наша Павлина Мефодьевна! — Слабый голос старого солдата звучит строго и слегка торжественно. — Шлет вам низкий поклон супруг ваш, богом данный, Кузьма Петрович Веретьев. Извещаю вас, что жив пока, но чуть было богу душу не отдал...

На мое замечание, что не стоит пугать жену, солдат строго сказал:

— Мало ли что может случиться, надо, чтобы она готова была ко всему. Пиши... Что будет дальше, одному богу известно. Но вы, уважаемая супруга наша Павлина Мефодьевна, ребятам об этом ни гугу. Старшим пошли мои письма, и только. Пущай воюют спокойно! А Федюньке и Антоше скажи, что папка шлет, мол, привет. И еще вам мой наказ: сберегите хозяйство, чтоб возвернулись не к разбитому корыту. Знаю, одной вам трудно будет, однако корову Милку и пяток овец неяловых сбереги, Федька и Антошка уже не маленькие, помогут. Курей там всяких и другую мелкую живность можно будет быстро развести, а корову, как наша Милка, и породистых овец с бухты-барахты не заведешь...

Солдат долго еще диктовал различные советы по хозяйству, а в заключение благословил младших сыновей и перечислил всех родственников и односельчан, которым просил передать «низкий поклон». После столь утомительного занятия Кузьма Петрович обессиленно откинулся на подушку. Я тоже устал и хотел уже пошутить, что одно письмо, мол, двух солдат упарило, но, взглянув на Кузьму Петровича, прикусил язык: лицо его посерело, лоб покрылся бисеринками пота, дыхание прерывалось. Весь день Кузьма Петрович лежал недвижимо, с закрытыми глазами, лишь изредка шевелил пальцами, прижимая к груди семейную фотографию. Его дважды уносили на какие-то процедуры, да они ему, видно, не помогали. Лишь один раз он поднял веки, когда я спросил у него домашний адрес.

— Мы саратовские, — прошептал он и назвал район и деревню. Затем мечтательно добавил: — Эх, сынок, места у нас расчудесные: лес рядом, речка чистая, рыбная! Приезжай после войны. Если меня

не будет, супруга моя, Павлина Мефодьевна, и ребята встретят, как родного, когда расскажешь им, как мы с тобой бедовали тут вместе.

Даже такой короткий разговор утомил солдата, он снова закрыл глаза, а я вернулся на свою койку.

Проснувшись и пожелав всем доброго утра, я по привычке направился в дальний угол, чтобы спросить у Кузьмы Петровича, как он себя чувствует, однако койка его была пустой.

— Где Кузьма Петрович? — спросил я удивленно.

— А хто ж его знае? — пожал могучими плечами его сосед-украинец. — В ничь унесли санитари...

«Может, на процедуру какую? — подумал я, стараясь отогнать пугающую мысль, но тут же усомнился: — Какая же процедура почью?»

Не увидали мы больше Кузьму Петровича, простодушие и спокойствие которого тронули мое сердце. Его койку занял молоденький младший лейтенант. Он был строен и нежен, как наша Марина, и так же застенчив. Когда он увидел Марину, то засмущался, плотнее запахнул халат и, незаметно поплевав на ладонь, пригладил непокорный русый вихор. Он не сводил с нее удивленных серых глаз, затененных густыми длинными ресницами. С тех пор младший лейтенант не отходил от меня ни на шаг. Он где-то раздобыл трость с выгнутой рукояткой и заботливо поддерживал меня, когда я прогуливался сначала по палате, а затем по коридору. Мы познакомились. Младший лейтенант назвался Володей, я сказал, что меня зовут Сашей. Однако он так и не осмелился называть меня по имени, хотя был моложе всего на два года.

Почти ежедневно ч навещал Марину, и Володя неизменно сопровождал меня. На пятый день нашего знакомства он, потупив глаза, робко спросил:

— Товарищ лейтенант, Марина — ваша невеста?

— С чего ты взял? — удивился я. — Она меня, можно сказать, с того света вернула, и я люблю ее, как сестренку. Для невесты Марина еще мала, — с искренней убежденностью заявил я.

Бледные щеки Володи порозовели. Он удивленно посмотрел на меня:

— Какая же она маленькая? Вполне взрослая девушка. На Украине в шестнадцать лет замуж выходят.

— Вот и женись! — засмеялся я. — Ты же, говоришь, родом с Украины, а я сибиряк, у нас порядки иные.

Володя повеселел. И каждый раз, когда я собирался навестить Марину, долго прихорашивался перед кругленьким зеркальцем, оставленным ею на моей тумбочке. Однако, как я заметил, наши совместные «визиты вежливости» не доставляли удовольствия Марине. Она весьма неласково отвечала Володе, отвергала все знаки его внимания.

Не желая себя расстраивать, я в зеркало больше не заглядывал. Мне казалось, что стоит вырваться из стен госпиталя — и я воспряну. Поэтому после каждого осмотра доктором, женщиной пожилой и

очень сердечной, просительно складываю ладони и, засматривая ей в глаза, спрашиваю:

— Марь Степанна, можно на комиссию?

— Нет и нет, дружок, — отвечала она, — рано еще.

Но в двадцатых числах апреля Мария Степановна, прежде чем ответить на мой традиционный вопрос, задумалась. Еще раз пристально оглядев меня с головы до ног, покачала головой:

— Не внушает, дружок, твой внешний вид надежды на положительное решение медицинской комиссии.

— Я поправлюсь, Марь Степанна!

— За три дня-то?! — усмехается она.

— Я постараюсь.

— Ну хорошо, попробуем, раз уж тебе так «воли» захотелось, — решительно махнула рукой Мария Степановна, хлопнув сильной ладонью по моей костлявой спине.

Медицинская комиссия заседала по четвергам. Оставалось трое суток для приведения меня, выражаясь словами нашего славного ротного санинструктора Сидора Петренко, «в боеспособное состояние».

Своими надеждами и сомнениями делюсь в первую очередь с Володей и его соседом Иваном Михайловичем Свириденко.

— Да-а, хлопче, — чешет затылок добряк Свириденко, — який же ты еще доходяга... Не, не возьмут лекаря греха на душу, щоб тебя выпустить из лекарни.

— А я предлагаю немного подмарафетить товарища лейтенанта,— загорается вдруг Володя.

— Як це, подмарафетить? — удивляется Свириденко.

— А так. — Володя снимает с меня панаму, приглаживает мою растрепанную буйную шевелюру. — Сначала подстрижем его «под бокс», потом побреем, а перед комиссией натрем ему щеки порошком из красного кирпича: наши девчата иногда так делали, собираясь на гулянье.

— А що? Це дило хлопец балакает, — добродушно усмехается Свириденко. — Вот если бы тебя, хлопче, салом ще подкормить...

И друзья начали готовить меня к медицинской комиссии. Свириденко усиленно подкармливает, наивно надеясь за три дня нарастить на моем скелете мясо. В обмен на зеленый лук, выращенный в консервных банках, он получал в столовой доппаек, приносил его мне и не отходил, пока я не проглатывал последнюю ложку каши или супа. Каждый день он срезал зеленые стебли с одной из луковиц и, выдавая их мне к обеду, приговаривал:

— Цибуля, хлопче, гарно помогает.

В среду меня всей палатой подстригали. Володя выпросил ножницы и, наточив их на камне, пытался с помощью гребня подстричь меня «под бокс». Через несколько минут всем стало ясно, что парикмахер он никудышный, и Свириденко, не выдержав, выхватил у него ножницы. В его исполнении моя голова стала похожа на голову запорожца, сочиняющего письмо турецкому султану. К счастью, товарищи вовремя остановили увлекшегося украинца.

Наконец стрижка закончилась. С любопытством рассматриваю себя в зеркальце и прихожу в изумление: моя прическа больше всего походила на любимую нашими предками стрижку «под горшок». Поскольку в приведении моей шевелюры в порядок участвовали все присутствующие, критических замечаний не последовало.

Однако на этом мои злоключения не кончились. Неугомонный Свириденко долго и тщательно соскабливал юношеский пушок с моих щек, а примерно за час до комиссии Володя притащил горсть красного порошка, которым можно было выкрасить щеки всем молодайкам моей родной Стеклянки. Выполняя обещание, Володя потрудился в поте лица и растер обломок кирпича в тончайший порошок. Но я решительно воспротивился его попыткам подкрасить мои запавшие землистые щеки. Стараясь убедить меня в необходимости «косметической операции», Володя поплевал на указательный палец и растер кирпичную пыль на своих щеках, после чего они зардели малиновым цветом. Его физиономия выглядела так забавно, что все мы весело рассмеялись.

— А чего смешного? — удивился Володя. — Все так поступают, когда надо выглядеть получше.

Красивый майор Латушкин, задыхаясь от смеха, простонал:

— Если ты, Володя, в таком виде покажешься на глаза Марине, она немедленно влюбится в тебя по уши.

А Свириденко советовал:

— Ты, хлопче, молчи перед лекарями да раздувай щеки — и все будет як надо...

Час спустя врачи внимательно разглядывали мою отощавшую фигуру, и хотя я не раздувал свои впалые щеки, однако старался держать грудь «колесом». Вид у меня, наверное, был очень забавный. Члены комиссии, глядя на меня, улыбались. А еще через четверть часа товарищи по палате горячо поздравляли меня «с выздоровлением».

Последние сутки пребывания в госпитале кажутся особенно длинными. Поздним вечером Марина, сдав дежурство, попросила меня выйти в садик. Володя, как обычно, собрался было сопровождать меня, но Марина одарила его таким взглядом, что он смутился и, сославшись на какое-то неотложное дело, отстал. Мы долго прохаживались по садику, не решаясь начать разговор. Не знаю, какие чувства обуревали в этот момент мою юную сиделку, а мое сердце переполняли безграничная благодарность и братская нежность. Мне хотелось обнять хрупкие плечики Марины, наговорить ей много нежных и ласковых слов, но юношеская стеснительность сковала язык. Мямлю что-то о погоде, о том, что здесь уже трава зазеленела, а в моих родных краях еще снег не сошел...

— А мы, наверное, больше уж и не свидимся, — вдруг грустно говорит Марина.

— Почему же не свидимся? — неожиданно для себя возражаю я. — Как только окончится война, приеду в гости.

— Приедете?! — встрепенулась Марина.

— Постараюсь, Марина, обязательно постараюсь повидать тебя, когда ты вырастешь совсем большая.

— Вы все шутите, а я ведь уже не маленькая, — обиделась девушка.

Сторож, закрывавший входные двери, прервал нашу беседу. Марина пожелала мне спокойной ночи, взяв обещание, что зайду к ней завтра попрощаться.

На следующий день после завтрака одеваюсь. Мое обмундирование стало слишком просторным. Брюки, которые я привык носить без ремня, едва держатся на бедрах. Заметив мое бедственное состояние, майор Латушкин пожертвовал мне кавказский ремень с металлическими бляшками.

Медленно и торжественно обхожу товарищей по несчастью, горячо желаю им скорейшего выздоровления. В ответ слышу добрые напутствия и все больше убеждаюсь, что общая беда сближает людей.

Володя проводил меня до вещевого склада, где я получил шапку-ушанку, шинель и вещевой мешок, а оттуда — к Марине. Увидев меня, она вскрикнула:

— Уже уходите?! — Ее бледное худое личико покрылось легким, словно восковым, налетом.

Не найдя нужных слов, киваю. Приблизившись вплотную, Марина пожелала:

— Ну что ж, счастливого вам пути. Напишите, пожалуйста...

Она пытается улыбнуться, а из ее больших синих глаз медленно скатываются две прозрачные слезинки.

Чувства жалости и благодарности к милой девчушке переполняют мое сердце. В порыве нежности неожиданно для себя обнимаю ее за плечи и, поцеловав, горячо заверяю:

— Напишу, обязательно напишу, Марина! Сразу же, как попаду в часть.

Вырвав из рук Володи шинель и вещмешок, быстро шагаю к выходу. На пороге оборачиваюсь и вижу устремленные на меня взгляды друзей. Марина прощально машет рукой, а Володя, крепко стиснув в рукопожатии ладони, поднял их над головой. Так они и запечатлелись в памяти.

Мне удалось уговорить военного коменданта отправить меня ближайшим поездом в Сталинград, где мне надлежало явиться в штаб округа.

Последняя декада апреля 1942 года в Сталинграде была солнечной и теплой. В шинели и шапке-ушанке жарко.

В комендатуре штаба от меня потребовали заполнить анкету и написать автобиографию. Затем отнесли их вместе с моим удостоверением личности к какому-то майору из управления кадров. Время тянулось нестерпимо медленно. Меня терзали муки голода: покидая госпиталь, я второпях забыл выписать продовольственный аттестат. От голода и слабости подкашиваются ноги. Чтобы отвлечься от мыслей о еде, с головой погружаюсь в чтение «Красной звезды», под-

шивку которой мне предложил работник комендатуры. Внимательно изучаю сводки Совинформбюро, начиная с 1942 года.

— Ого-го, сколько славных событий произошло на фронте и в стране, пока я отлеживался в госпитале! — невольно воскликнул я, перелистав толстую подшивку.

В сводках часто упоминалось об успешных наступательных действиях Ленинградского и Волховского фронтов и почти ежедневно — о сокрушительных ударах войск Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов. Целая фашистская армия под Демянском оказалась в огромном котле, на котором оставалось только захлопнуть крышку. Больше всего меня порадовали успехи наших войск на смоленском направлении. Прикинув расстояние, которое за зиму преодолели войска Калининского и Западного фронтов, я с удовлетворением подумал, что фашисты отброшены на запад почти на двести километров.

На фоне огромных успехов советских войск, наступавших на Центральном направлении, глубокий, но узкий клин, вбитый войсками Юго-Западного и Южного фронтов к югу от Харькова, не привлек моего внимания. Я не мог предположить, что спустя три месяца здесь развернутся события, положившие начало весенне-летнему наступлению фашистской армии на сталинградском и кавказском направлениях.

Просматривая газеты, я в первую очередь интересовался событиями в Крыму. Но сообщений о Крымском фронте почти не было. «Значит, — решил я, — там пока не начали действовать, все еще впереди, и я могу успеть к началу наступления».

Общие итоги зимней кампании 1941/42 года вселяли оптимистические надежды на приближавшееся лето. Казалось, стратегическая инициатива окончательно вырвана у фашистов. Появилась надежда, что с окончанием весенней распутицы наступление советских войск возобновится. Кому из нас, переживших горечь отступления, не хотелось оказаться среди наступающих! Поэтому я с волнением ожидал встречи с кадровиком, который должен определить мою дальнейшую судьбу. Обнаружив у гардероба большое зеркало, несколько раз прохожу мимо и украдкой окидываю себя оценивающим взглядом, стараюсь понять, достаточно ли бодро выгляжу для будущего фронтовика.

Начало вечереть, когда меня наконец вызвали на беседу. Усталый пожилой майор задал несколько вопросов, восполнявших пробелы в написанной мною биографии, а в заключение сказал:

— Направляем вас, лейтенант, в запасной полк.

— Почему в запасной?! — вскакиваю я, крайне огорченный услышанным. — Прошу вас, товарищ майор, направить на Крымский фронт, в составе которого действует мой шестьсот тридцать третий стрелковый полк.

— Садитесь, лейтенант, — раздраженно машет рукой майор, — мы не можем направить вас сразу на фронт. Все пополнения формируются в запасных частях. В полку, куда мы вас направляем, заканчивается формирование отдельного артиллерийско-пулеметного ба-

тальона, поедете командиром пулеметной роты. А сейчас идите к коменданту штаба, он устроит вас на ночлег.

На следующий день спешу в штаб, где мне и еще трем офицерам вручают общее предписание, в котором сказано: «С получением сего убыть в город Дубовку Сталинградской области в распоряжение командира Н-ского запасного стрелкового полка...»

Майор из отдела кадров показал на карте, куда нам следовать, и посоветовал найти попутный транспорт. Воспользовавшись его советом, мы уже на вторые сутки прибыли в городок. Первый же встречный мальчуган в коротких штанишках на вопрос, где стоят военные, с озорной улыбкой ответил:

— Запасные-то? Пойдемте покажу.

И повел нас, посвящая на ходу во многие тонкости полковой жизни. Вскоре мы убедились, что ничего удивительного в осведомленности нашего проводника нет: большинство командиров квартировало в городе, и их хозяева, а через них и все население городка, были в курсе событий. Однако в казармах, к которым привел нас мальчишка, размещался лишь полковой карантин для вновь прибывающих, полк же перебрался в летний лагерь.

На следующий день в карантин приехал невысокий худощавый майор Янин, командир запасного полка, и вызвал вновь прибывших офицеров в свой кабинет. Старший лейтенант Федченко представил нас и доложил, что все мы прибыли в полк «для прохождения дальнейшей службы».

— Знаю. Выписку из приказа о вашем назначении получил. Вы, старший лейтенант, — обратился командир полка к Федченко, — назначены заместителем командира пулеметной роты пулеметного батальона, лейтенант Алтупин — командиром пулеметной роты учебного батальона, младший лейтенант Мятлев — командиром стрелковой роты третьего стрелкового батальона, а младший лейтенант Гамовский — командиром взвода истребителей танков. Готовы к исполнению своих служебных обязанностей?

— Готовы, товарищ майор! — в один голос отвечают мои товарищи, а я молчу, ошеломленный услышанным: ведь в Сталинграде мне объявили, что буду назначен командиром пулеметной роты отдельного артиллерийско-пулеметного батальона, формируемого для действующей армии.

— А вы, лейтенант, не готовы? — Майор Янин вопросительно смотрит на меня. — Опасаетесь, что по состоянию здоровья не сможете командовать ротой? Ничего, поправитесь: мы попросим командование бригады разрешить назначить вам усиленное питание.

— Да нет, товарищ майор. — Я наконец обретаю дар речи. — В отделе кадров округа мне сказали, что я назначаюсь в часть, которая формируется для фронта, поэтому учебный батальон — для меня полная неожиданность. Как же так?

Мое лицо, видимо, выражало такое глубокое огорчение, что командир полка ободряюще похлопал меня по плечу:

— Ничего не поделаешь, лейтенант. Отдельный маршевый батальон, о котором вы упомянули, я уже лично сопроводил в Сталин-

град, и теперь он находится по дороге на фронт. Так что придется вам принять пулемётную роту в учебном батальоне. — Помолчав, он заключает: — Да и нельзя вам еще на фронт: врачи докладывают, что рановато вышли из госпиталя. — Вернувшись к столу и подписав какую-то бумагу, майор распорядился: — А теперь, товарищи командиры, получите в штабе полка выписку из приказа и сегодня же принимайте подразделения.

Рота находилась на стрельбище. Познакомился с начальником штаба батальона лейтенантом Плитманом. До запасного полка он командовал взводом в военном училище. Он поразил меня, наизусть цитируя статьи из военных уставов. На прощание Плитман снабдил меня кипой различных уставов и наставлений. Я пообещал заглядывать в них каждую свободную минуту.

Освежить теоретические знания было нетрудно. Труднее восстановить силы. А иначе какой же из меня командир учебного подразделения? Не терпелось проверить, смогу ли я выполнить на спортивных снарядах упражнения, перечисленные в Наставлении по физической подготовке. По моей просьбе старшина роты Барановский сопроводил меня в спортивный городок.

— Выполните восьмое и девятое упражнения на перекладине,— попросил я старшину.

Барановский неплохо выполнил оба упражнения. Я попытался повторить, но безрезультатно. В голове от усилий словно молоточки по наковальне постукивают. Мгновенно покрываюсь обильным потом. Барановский, глядя на меня, с сочувствием замечает:

— Уж очень вы худой, товарищ лейтенант, совсем ослабли. Надо подождать со снарядами, пока не окрепнете.

— Ничего, старшина, — проклиная свою слабость, возражаю ему, — не пройдет двух-трех недель, и я смогу выполнять как надо все упражнения на снарядах.

— Мышцы, товарищ лейтенант, на базаре не продают.

— Кто в нашей роте лучше всех работает на снарядах?

— Лейтенант Катученко, — не задумываясь, отвечает старшина.

— Хорошо, ровно через месяц проведем соревнование на снарядах с участием командиров взводов, меня и вас.

Барановский недоверчиво качает головой.

Вспомнив, что в училище самым действенным стимулом повышения уровня боевой подготовки всегда были соревнования, я рискнул бросить вызов физически более крепким товарищам в расчете, что самолюбие не позволит им показать результаты хуже, чем у их только что выписавшегося из госпиталя командира.

Рота еще не вернулась со стрельбища, когда меня пригласили к комбату Темнову. В палатке рядом с Плитманом сидел грузный широкоплечий лейтенант лет тридцати с загорелым обветренным лицом. Взгляд его светлых глаз сосредоточен и напряжен.

— Товарищ лейтенант, командир пулеметной роты лейтенант Алтунин представляется в связи с назначением на должность.

Комбат устало поднимается и протягивает широкую костистую руку:

— Поздравляю с назначением, товарищ лейтенант, и желаю успехов.

Опустившись на табуретку и предложив мне сесть, Темнов устало прикрывает глаза и трет пальцем прямой мясистый нос.

— Расскажите-ка о себе, лейтенант.

Когда я закончил краткий рассказ об учебе в военном училище, об участии в боях, комбат сделал неожиданный для меня вывод:

— Итак, личная подготовка у вас хорошая. Командиров среднего звена с такой подготовкой у нас в полку не наберется и двадцати процентов. Однако опыта в организации боевой подготовки и методике проведения занятий, прямо скажем, нет, как нет его у подавляющего большинства командиров взводов и рот. Следовательно, всем нам особое внимание необходимо обратить на повышение своей методической подготовки.

...В ротной канцелярии собрался весь средний комсостав роты. Внимание присутствующих приковано к невысокому младшему политруку. Весь он какой-то кругленький: полное лицо, мягкие, овальные плечи, выпирающий из-под длинной для него хлопчатобумажной гимнастерки животик, круглый, похожий на молоденькую картофелину нос и добродушные, спокойные голубые глаза. Заглядывая в блокнот, младший политрук зачитывает результаты только что проведенных стрельб и укоризненно покачивает головой:

— Плохо, товарищи, ох как плохо мы еще стреляем. Сколько нужных на фронте пуль послали мы сегодня «за молоком»! А главное, скольким бы фашистам подарили жизнь, если бы это происходило на фронте!..

Заметив меня, младший политрук прерывает речь. Здороваюсь с сидящими за столом командирами. Они дружно поднимаются и, представляясь, называют себя.

— Командир взвода истребителей танков лейтенант Катученко!

— Командир второго пулеметного взвода лейтенант Вакуров!

— Командир первого пулеметного взвода младший лейтенант Кузьмичев!

— Сержант Гулин. Исполняющий обязанности командира взвода противовоздушной обороны.

— Лейтенант Садовников!

— Здравствуйте, товарищ лейтенант, — приветливо улыбаясь, говорит младший политрук. — Я политрук пулеметной роты Захаров, а вы, если не ошибаюсь, ее новый командир.

— Не ошибаетесь, товарищ младший политрук, моя фамилия Алтунин. Кажется, мое появление прервало подведение итогов сегодняшних стрельб?

— Да, говорили о печальных результатах по огневой подготовке.

— А в чем причина?..

Из беседы с командирами взводов мне стало ясно, что в учебной пулеметной роте, командиром которой я назначен, четыре взвода: два пулеметных, один — истребителей танков, на вооружении кото-

рого противотанковые ружья, и взвод противовоздушной обороны, оснащенный зенитными установками, каждая из которых скомпонована из четырех или двух пулеметов со специальным прицелом для стрельбы по воздушным целям. Таким образом, мне снова предстояло осваивать малознакомые виды оружия и их боевое применение.

После ужина долго сижу в подавленном настроении. На фронте я не раз задумывался над тем, как лучше решить боевую задачу, а когда подавал команду, знал, что ее выполнят. Но чтобы команды выполнялись правильно, бойцов и командиров кто-то должен подготовить. От качества подготовки зависят результаты боя. И я впервые понял, что подавать команды легче, чем учить выполнять их. В годы войны многие сержанты и даже солдаты, усвоившие азбучные истины военного дела и обладавшие необходимыми личными качествами, становились неплохими командирами взводов и рот. Объясняется это не только храбростью и смекалкой, но и тем, что их команды выполняли люди обученные. А для того чтобы обучать, нужно самому многое знать и уметь. В этом мне пришлось вскоре убедиться. В запасном полку я познакомился с командирами, отличившимися в боях, но, к сожалению, не прошедшими военной школы и не владевшими методикой обучения.

Мне приходится подниматься раньше обычного. До шести часов утра на самодельных спортивных снарядах, словно новобранец, тренирую мышцы: обещание провести через месяц соревнование на снарядах среди командиров не выходит из головы. Первые шаги даются тяжело. Решил ежедневно делать на одно подтягивание больше, чтобы к июню подтягиваться не менее тридцати раз.

Рабочий день начинался в шесть часов утра, а заканчивался в лучшем случае в двенадцать ночи. Частенько, возвращаясь в землянку, я огромным усилием воли заставлял себя раздеться, снять сапоги и разобрать постель: так велико желание, не раздеваясь, рухнуть на скрипучий топчан. Все тело ныло, ноги дрожали и гудели от усталости. Скудный тыловой паек не снимал постоянного ощущения голода. Я прошел суровую фронтовую школу, но здесь, в тылу, мне было физически ничуть не легче. Лишь сознание, что наша работа крайне необходима для фронта, для победы, и надежда на возвращение в действующую армию помогали преодолевать и непосильную физическую нагрузку, и холод, и недосыпание, и недоедание.

30 апреля полк перешел на летнюю форму одежды. Весь день до команды «Отбой» мы приводили себя в образцовый вид: завтра Первое мая! Хотя мы знали, что и в праздничные дни нам предстоит заниматься по десять часов, все были в приподнятом настроении.

Праздник пролетел в трудах и заботах. И все же второго мая удалось выкроить немного времени для отдыха. Большинство моих товарищей, как всегда в редкие часы отдыха, сели за письма. Я тоже написал домой длинное письмо, в котором, подробно описав свою жизнь в тылу, засыпал сестренку вопросами об отце, о родных, об односельчанах, просил ее подробно написать, как идут дела в колхозе, как справляются с севом. Закончил письмо домой и вспомнил, что не выполнил обещания прислать весточку в госпиталь. Долго не

знал, с чего начать это первое письмо девушке. Вдруг вспомнил ее грустные глаза. И уже не ищу слов, их столько, что рука едва поспевает записывать.

«Марина! — писал я. — В моем сердце постоянно жили только мама, отец, сестренка и брат, а теперь самый светлый уголок в нем отдан тебе. Никогда не забуду, кому я обязан вторым рождением. Если бы не твоя самоотверженная забота, мне бы не выстоять перед зловредной костлявой ведьмой с косой. Всю нелегкую дорогу из госпиталя до нового места службы мне сопутствовал и придавал силы ласковый взгляд твоих нежных и глубоких, как наш Байкал, глаз. Теперь у меня две любимые сестренки: одна — в родной Стеклянке, другая — на станции Лихая. И когда настанет мой черед бить ненавистного врага, буду драться с фашистами до последней капли крови и за матерей наших, и за вас, дорогих и любимых наших сестренок. Только теперь я до конца осознал, что всеми добрыми делами двигает любовь. Она вдохновляет на подвиг и на жертву во имя Отчизны и наших любимых. Я постараюсь доказать, что и моему сердцу это животворное чувство не чуждо. Но пока мне выпала доля снова взяться за учебу самому и готовить к боям младших командиров. Времени свободного совершенно нет, и, когда, как сейчас, удается выкроить свободную минуту, в мыслях уношусь в родную деревню и... на станцию Лихую. Если до родной сибирской деревни добраться нет никакой надежды до окончательной победы над врагом, то на станцию Лихую надеюсь заскочить по пути на фронт. Эта надежда, я чувствую, поможет мне жить и все преодолеть. А может быть, тебя счастливая случайность забросит под Сталинград? Вот было бы здорово! Пока будем жить надеждой на счастливую случайность, и главное — на победу, которая станет нашим пропуском к счастью.

До свидания. Обнимаю тебя с братской нежностью.

Твой верный друг *Александр*».

Майор Янин выполнил свое обещание: всем командирам, прибывшим в полк из госпиталей, было назначено усиленное питание. Благодаря этому я стал ощущать, как с каждым днем прибавляются силы, но, к сожалению, не так быстро, как хотелось бы. Это я понял во время первого марш-броска. Крепился, крепился и все же на обратном пути, почти у самого лагеря, споткнулся и упал. Поднялся с большим трудом: ноги подкашивались. Ко мне подбежал Барановский с четырьмя крепкими курсантами. Застыдившись своей слабости, я стиснул зубы и затрусил из последних сил. Барановский, тяжело топая рядом, уговаривал лечь на плащ-палатку:

— Да не стесняйтесь, товарищ лейтенант, все ж понимают, что после госпиталя вы еще не оправились! Тут и здоровые мужики еле держатся. Вон в соседней роте бойцы лейтенанта Горшкова с самого начала марш-броска на руках несут, иначе он и полкилометра не пробежал бы: у него обе ноги перебиты.

Я и сам заметил, что многих ослабленных тяжелыми ранами и болезнями командиров бойцы поочередно несут на руках. Однако,

желая прервать настойчивые уговоры старшины, который, видимо, опасается, что я снова упаду, нарочито строго кричу:

— Отстаньте, товарищ старшина, у меня ноги целы! — Заметив, как измотали младшего политрука Захарова оставленные позади километры, пытаюсь шуткой смягчить окрик: — Кладите товарища Захарова, уж очень завистливо он посматривает на плащ-палатку.

— А я не против, — смеется Захаров, на бегу смахивая пилоткой пот со лба.

Радуюсь, что в расположение роты добрался «со щитом», а не «на щите». Во избежание повторения подобного конфуза стал выкраивать время для тренировок в беге.

С каждым днем ближе узнаю товарищей по работе. Очень нравится младший политрук Захаров. Добрый и сердечный, он умеет подобрать ключи к сердцам людей. Для политработника это особенно важно. Военная подготовка у него слабая, в методике обучения он целиком полагается на меня, однако обладает способностью увидеть «основное звено» в тех задачах, которые нам приходится решать. И неудивительно, что Захаров сразу понял мою озабоченность низкими результатами боевых стрельб и приложил много сил, чтобы помочь мне добиться более высоких показателей. Во время занятий по огневой подготовке Захаров постоянно находился во взводах. Его можно было видеть в группах, изучающих станковый пулемет и отрабатывающих приемы стрельбы из него, среди бойцов, овладевающих мастерством стрельбы из противотанкового ружья. Он старается использовать каждый перерыв, чтобы побеседовать с бойцами о положении на фронтах, о самоотверженной работе тружеников тыла, о трудовом героизме комсомольских фронтовых бригад [1].

Командир первого пулеметного взвода Кузьмичев до войны работал снабженцем на одном из заводов. Веселый, энергичный, физически очень крепкий, он явно тяготится повседневной, кропотливой работой по обучению и воспитанию бойцов. Да и трудно ему приходилось. На краткосрочных курсах он не особенно утруждал себя учебой и кое-как освоил программу обучения. Оружие, как я убедился, изучил нетвердо, да и стреляет из него недостаточно стабильно. Некоторые сержанты из его взвода показали себя более подготовленными. Это обстоятельство мучает самолюбивого Кузьмичева. Однако он не пытается упорной учебой ликвидировать свое отставание, стыдится, видимо, признать свою недостаточную компетентность. Приходится уделять ему много внимания. Зная о его повышенном самолюбии, стараюсь почаще обращаться к нему с просьбами помочь мне разобраться в том или ином вопросе. Это ему приятно и одновременно вынуждает копаться в уставах, наставлениях, думать о том, как лучше организовать занятие, и я с удовольствием наблюдаю, с какой гордостью он «просвещает» меня по некоторым вопросам, в которых сам впервые сумел разобраться до конца. Но однажды Кузьмичев в присутствии Захарова заявил:

[1] Так назывались комсомольские бригады, выполнявшие нормы на 300—400%.

— Не гожусь я учить других! Отправьте меня на фронт. Там я покажу, на что способен.

— Младший лейтенант Кузьмичев, — голос политрука неожиданно зазвучал жестко, а добрые глаза сузились, — на фронт посылают не в наказание. Эту честь надо заслужить. Каждодневный, напряженный, самоотверженный труд требует от человека большого мужества и стойкости. Еще не известно, где вы принесете вреда больше: в тылу или на фронте. В тылу допущенные вами ошибки может исправить старший командир, а на фронте за них будут расплачиваться кровью ваши подчиненные. Запомните это, младший лейтенант. Больше настойчивости проявляйте в обучении, да и сами учитесь самым серьезным образом, тогда и проситься на фронт будете иметь моральное право.

Голос политрука звучит сурово. Кузьмичев то краснеет, то бледнеет. Обиженно посмотрев на нас, он раздраженно восклицает:

— Я же на фронт прошусь, а не в заведующие столовой!

Мы еще долго беседуем с упрямым командиром, пытаясь пробудить в нем интерес к учебе и воспитательной работе. Он внимательно слушает, соглашается, высказывает свое мнение, но, уходя, неожиданно спрашивает:

— А если мои бойцы сдадут экзамены хорошо, отпустите меня на фронт?

— Толковали, толковали с вами, а все, оказывается, впустую. — Политрук в досаде сильно хлопает ладонями по коленям.

С таким же упорством, как и Кузьмичев, добивался направления на фронт лейтенант Катученко, и если первый рвался туда из-за неумения обучать подчиненных и ущемленного самолюбия, то второй мечтал в боевой обстановке проявить свои знания.

С командиром взвода истребителей танков лейтенантом Катученко мы были одногодками. В одно время закончили училище. После выпуска он был назначен командиром стрелкового взвода одной из частей, стоявших в Сибири. Поэтому в методике проведения занятий лейтенант Катученко уже имел некоторый опыт. Однако тактика действий и огневая подготовка истребителей танков были и для него делом новым. Можно сказать, что он учил своих подчиненных и одновременно учился сам.

Так вот, через два дня после моего вступления в командование ротой Катученко вручил мне рапорт, в котором просил ходатайствовать о зачислении его в маршевый батальон. Мы с Захаровым пытались доказать лейтенанту, что, обладая хорошей военной подготовкой, он принесет большую пользу, обучая младших командиров для действующей армии.

— Поймите, — убеждал Захаров, — это нужно для победы!

— У нас в полку есть старики и инвалиды, им и карты в руки. Пусть они учат, а молодежь должна воевать.

— И почему это вы, лейтенант, считаете меня стариком? — насмешливо спрашиваю я. — Ведь мы с вами ровесники.

— Речь не о вас, товарищ лейтенант! — Катученко на мгновение смущается. — Таких молодых, как я и вы, в полку немного,

большинству же за тридцать перевалило, многим за сорок и даже за пятьдесят... К тому же вы уже побывали на фронте, а я еще нет.

Так и не смогли мы убедить Катученко. Уходя, он предупредил:

— Все равно буду добиваться отправки на фронт.

В душе я ему сочувствовал.

В двадцатых числах мая впервые заступаю дежурным по части и лишь теперь понимаю, насколько многочислен запасной полк. На котловом довольствии состоит около восьми тысяч бойцов и командиров! Столько не насчитывали даже стрелковые дивизии, в которых я воевал. А сколько различных специалистов готовится здесь! Чтобы поддержать в части твердый порядок, нужны четко налаженные внутренняя и караульная службы. Целые сутки на моих плечах лежит ответственность за несение службы как внутренним нарядом, так и караулами. Все для меня оказывается новым, незнакомым, ибо прежде никогда не приходилось дежурить. И снова с благодарностью вспоминаю своих наставников, которые сумели дать нам, курсантам, представление о том, как практически осуществляются обязанности дежурного по части, определенные соответствующими уставами.

В один из воскресных дней, а они тоже были учебными, мы перед ужином выкроили часик для проведения соревнований на спортивных снарядах. Членами жюри Захаров пригласил комбата Темнова и начштаба Плитмана. Комбат, узнав о цели командирского соревнования, охотно согласился выступить в качестве судьи.

Ежедневные упорные тренировки не пропали даром. Я настроен по-боевому.

Соревнования начинаются с обязательного упражнения: мах вперед и резкий выход всем туловищем на перекладину. Первым делает упражнение Барановский. Комбат Темнов, не удержавшись, крикнул: «Молодец, старшина!» Барановского сменяет у снаряда сержант Гулин. Он выполнил упражнение несколько слабее, но достаточно уверенно. Затем к снаряду нерешительно подходит Кузьмичев. На нем, как и на других участниках, только брюки и сапоги. На атлетическом торсе младшего лейтенанта перекатываются бугорки упругих мышц. Со стороны кажется, сейчас Кузьмичев сделает легкий рывок — и птицей взлетит на перекладину. Но он неоправданно долго раскачивается и с трудом, некрасиво болтая ногами, взбирается на перекладину. Замечаю, как недовольно морщатся оба члена жюри. Легко выполняет упражнение Вакуров. Если бы он обратил побольше внимания на четкость исполнения каждого элемента, мог бы претендовать на первое место.

Наступает очередь Катученко. Фигура у него далеко не атлетическая, но, когда он, словно разжатая пружина, взлетает на перекладину, я с восхищением любуюсь им. Зафиксировав «ласточку», Катученко с изяществом гимнаста высокого класса делает соскок и строевым шагом становится в строй.

Шагаю к снаряду. Знаю, что Катученко мне не догнать, однако прилагаю все силы, чтобы по возможности приблизиться к его результату.

Комбат поздравляет меня с отличным выполнением упражнения, но при этом с лукавой улыбкой объявляет, что первое место жюри все-таки присуждает Катученко. Я поздравил лейтенанта с победой и предупредил, что через месяц попытаюсь взять реванш. Катученко загадочно улыбнулся. Лишь несколько позднее догадался, что скрывалось за этой улыбкой.

Очередные боевые стрельбы, проведенные в конце мая, показали, что общие усилия в огневой подготовке дали первые положительные результаты: нашу роту отметили в приказе по полку за хорошую стрельбу из станковых пулеметов. О таких оценках в стрельбе из противотанковых ружей и зенитных установок пока приходится только мечтать. Мы с Захаровым болезненно переживаем неудачи истребителей танков и зенитчиков и почти ежедневно тренируемся вместе с бойцами в стрельбе по танкам и самолетам.

Обстановка на фронте вновь стала напряженной. Если в середине мая Захаров с воодушевлением и удовольствием подчеркивал активные действия советских войск на харьковском направлении, то в двадцатых числах мая сводки Совинформбюро уже вызывают тревогу из-за внезапного ухудшения положения под Харьковом и в Крыму. Когда политрук с горечью сообщил, что наши войска оставили Керченский полуостров, в сердце поселилось беспокойство за судьбу моих товарищей из 633-го полка. В тот же день написал еще одно письмо Вениамину Соловьеву. Очень хотелось узнать, жив ли он и другие товарищи. Однако ответа я так и не дождался.

Ежедневные тренировки и хорошее питание помогли мне окрепнуть: во время регулярно повторяющихся марш-бросков старшина Барановский уже не пытается уложить меня на плащ-палатку. Бодрость духа поднимают приятные вести: пришло письмо из госпиталя.

«Александр Терентьевич, дорогой, — писала Марина, — здравствуйте, здравствуйте и еще раз здравствуйте! Сейчас, когда я пишу это письмо, полночь. В госпитале удивительная тишина. Дежурство сегодня особенно спокойное: нас еще не бомбили, даже тяжелораненые не зовут на помощь. И я — уже в который раз! — перечитываю ваше письмо. Когда его вручили, долго не решалась развернуть. Волновалась: что меня ожидает? Прочитала и заплакала. Думала, плачут только с горя, а у меня слезы и радость перемешались.

Спасибо за ласковые слова, за надежду, которую вы мне подарили. Как все посветлело вокруг! Даже война не кажется теперь страшной. Незнакомое и удивительное чувство овладело моим сердцем. И я не знала, что жизнь так прекрасна со всеми ее неурядицами и невзгодами. Может, это и есть та таинственная любовь, о которой старшие подруги прожужжали мне уши? Если это так, то я теперь знаю, что любовь — это страстное желание жить и бороться за счастье. И я буду бороться за свое счастье, за наше

счастье. Теперь я такая сильная, что никакие ужасы войны меня уже не испугают. Я спокойно смотрю в будущее. А ведь недавно весь мир был для меня окрашен в черный цвет. Заходила в палаты, заполненные ранеными и больными, и все казалось, что на одной из коек увижу вас. Работы было много. Если выпадала спокойная минута, готовила перевязочные материалы, кипятила инструменты, но мысли были далеко: где-то он теперь? Что с ним? Стоило закрыть глаза, и вы передо мной словно живой: то лежите на койке, а я сижу рядом; то гуляем по саду, и я спешу высказать вам все, что не успела до нашей разлуки. Теперь мне легче. Ваше письмо согревает. Оно всегда при мне. Дороже этого треугольничка сейчас для меня ничего нет: ведь это частица вашей души, Саша. Можно мне так называть вас? Мысленно я давно называю вас так, а вот написала и смутилась, не рассердитесь ли: ведь для вас я всего лишь глупая девчонка!

Господи, какая я глупая, и эгоистка притом! Захотелось вдруг, чтобы вас снова привезли к нам, только совсем легко раненным. Ох, как бы я вас выхаживала!

Перечитала написанное и невольно застыдилась. Я действительно эгоистка. Война продолжается, вокруг рвутся бомбы, льется кровь, гибнут наши близкие, страдают раненые, а я мечтаю о счастье. Но, с другой стороны, сердцу не прикажешь. Да и зачем приказывать, если любовь помогает жить, делает тебя сильной? Как мне хочется, чтобы вы, Саша, помогли мне остаться такой сильной, какой я чувствую себя сейчас. И тогда я все выдержу, все преодолею. Знайте, вы для меня все: и брат, и сестра, и отец, и мать — дороже никого нет. Мне кажется, что жизнь связала мою судьбу с вашей таким узлом, развязать который у меня нет ни сил, ни желания. Вы пишете, что я отбила вас у смерти. Знайте, что я готова биться за вашу жизнь с тысячью смертей. Вы все время стараетесь подчеркнуть, что я еще ребенок. Вы ошибаетесь: девушка в 17 лет значительно серьезнее воспринимает жизнь, чем парень в 20, а проклятая война заставила повзрослеть даже детей.

Нас сейчас очень часто бомбят, ходят слухи об эвакуации госпиталя. Может, к вам поближе? А там вместе с вами и я на фронт... Вот было бы здорово! Что бы ни случилось, я верю в нашу встречу и буду жить надеждой на эту встречу. Только вы пишите мне, очень прошу. Неизвестность страшнее разлуки и самых далеких расстояний. Не забывайте, пожалуйста. Жду, жду, жду!..

Ваша *Марина».*

Долго всматриваюсь в неровные строчки письма, и передо мной вновь возникают синие глаза и две прозрачные слезинки на щеках. Когда писал письмо, уверял себя, что делаю это из чувства сердечной признательности, выполняя обещание, а прочитал ответ — и понял, что новое, незнакомое чувство зародилось в сердце. Под свежим впечатлением немедленно пишу ответ, в котором не жалею добрых и нежных слов.

А через неделю получил добрую весточку из деревни. Сестренка сообщила радостную весть об отце: он был ранен, теперь поправился и снова воюет, и она отправила отцу мой новый адрес. С улыбкой читаю ее рассказ о том, как вместе с двоюродной сестрой Таней осваивает трактор и комбайн. Мне трудно представить рядом с огромными машинами их неокрепшие девичьи фигурки. «Милые мои, — думаю я, — пришлось вам взвалить на свои хрупкие плечи мужские заботы...»

Июль закончился успешно: бойцы показали твердые знания и неплохие практические навыки по всем разделам учебной программы, в том числе и по огневой подготовке, и, получив звания «младший сержант» или «сержант», убыли в маршевые роты. Полагая, что теперь можно обратиться с просьбой отправить на фронт, иду к комиссару полка.

Батальонный комиссар Казаков, которому я доложил, что прибыл за советом как коммунист к коммунисту, добродушно усмехается:

— Знаю, за каким советом явились. Пришли просить об отправке на фронт? — Заметив мое смущение, он смеется: — Не вы первый советуетесь подобным образом.

Я объясняю, что уже оправился от последствий болезни, чувствую себя здоровым и способным сражаться на фронте. Добродушное лицо комиссара суровеет. Он молча шагает по комнате, потом останавливается и, пристально посмотрев мне в глаза, говорит:

— Вы еще молодой коммунист, лейтенант, и я прощаю вам такую выходку. Но впредь зарубите себе на носу: коммунист должен быть там, где он может принести больше пользы.

— Мне говорили, что у коммунистов есть одна привилегия: быть всегда впереди, там, где труднее. А сейчас труднее всего на фронте...

— А разве вам не говорили, — Казаков мягко кладет руку на мое плечо, — что первейший долг коммуниста беззаветно отдавать силы тому делу, которое ему поручили? Мы сейчас решаем очень важную задачу — готовим кадры для действующей армии. И мы обязаны выполнить свой долг. Помните: это нужно для победы!

Комиссар произнес фразу, сказанную как-то Захаровым лейтенанту Катученко. Я понял, чьи слова повторил политрук, и догадался, что он, Захаров, ходил к комиссару с аналогичной просьбой.

Начались занятия с бойцами очередного набора, а взвод истребителей танков едва не лишился своего командира. Произошло следующее. Лейтенанта Катученко по протекции старшего лейтенанта Гуморина командировали сопроводить маршевую роту до Сталинграда. Подошло время начинать занятия с новым пополнением, а командир взвода истребителей танков еще не возвратился. Полетели запросы. Наконец Катученко доставляют в полк. Выясняется, что

его сняли с эшелона, которым маршевые роты следовали в действующую армию. Лейтенант объяснил свой легкомысленный поступок желанием поскорее попасть на фронт. Когда мы с политруком стали прорабатывать беглеца, он взорвался:

— Не могу дырявить мишени, когда на моей Полтавщине зверствуют фашисты! — Катученко бледнеет, обычно смешливый и добродушный, он скрипит зубами. — Как прочту в газетах, что творят на нашей земле немцы, сердце заходится от ненависти к ним, от тревоги за судьбу отца, матери и сестренки!

В мрачном раздумье Катученко склоняет голову, рассеянно слушает наши внушения. Когда же политрук Захаров, сердясь, предупреждает его, что командование может передать дело о его самовольной отлучке в военный трибунал, лейтенант печально машет рукой:

— Э-э, все равно, может, через трибунал скорее на фронт попаду!

Пришлось и нам с Захаровым выслушать обвинения в слабой воспитательной работе с командирами. Особенно неприятный осадок оставила беседа с комиссаром полка Казаковым. Когда мы с Захаровым пришли к нему, он, не дав нам раскрыть рта, разразился гневной тирадой, из которой следовало, что мы «воспитываем дезертиров». Излив свой гнев, батальонный комиссар Казаков окинул нас испепеляющим взором и воскликнул:

— Позор! Позор! Позор!

Всегда добродушное лицо младшего политрука Захарова стало мрачным.

— Позор, когда люди убегают с фронта, — обиженно насупившись, возражает он, — а Катученко следовал на фронт. Он несколько рапортов подал с просьбой отправить его туда! — Захаров вплотную приближается к комиссару, словно желая доверительно сообщить ему что-то сокровенное. — Я бы и сам дезертировал на фронт, не будь у меня партийного билета в кармане!

Комиссар несколько мгновений с удивлением смотрит на Захарова, словно не веря, что эти крамольные слова слетели с уст тишайшего, добродушного и дисциплинированного младшего политрука, каким он знал его.

— Ну и ну! — разводит руками Казаков. — Не ожидал от вас, Захаров, такого. Не к лицу так говорить члену партии.

— Член партии имеет право на собственные желания. — Сдержанный Захаров заметно смущается своего невольного порыва. — Только он обязан подчинять их интересам дела. Так я и поступаю.

Разнос, который нам учинил комиссар, закончился неожиданно мирно. Казаков постепенно смягчал свой голос, а в конце беседы откровенно признался, что сам он тоже мечтает быть там, где сейчас решается судьба страны.

Сводки Совинформбюро с мая 1942 года становились все тревожнее. Особенно огорчили сообщения об оставлении Керченского

полуострова — ведь эта земля полита и моей кровью! — и неудаче войск Юго-Западного и Южного фронтов в районе Харькова.

Несмотря на ожесточенный отпор, который оказали советские войска в июне и июле, фашистскому командованию, бросавшему в пекло сражения все новые силы, удалось продвинуть свои армии на восток как на воронежском направлении, так и в Донбассе. Об ухудшавшемся положении войск на южном участке советско-германского фронта свидетельствовала также интенсивная эвакуация промышленных предприятий и населения из этих районов. Командиры, сопровождавшие маршевые подразделения в Сталинград, рассказывали, что железнодорожные узлы забиты поездами, на шоссейных дорогах нескончаемые потоки груженых автомашин, вывозящих за Волгу людей и ценные грузы.

Все сильнее тревожит судьба Марины. Станция Лихая оказалась за линией фронта. «Успел ли эвакуироваться госпиталь?» Эта мысль не дает мне покоя, тем более что ответа на второе мое письмо я так и не получил.

Во второй половине июля бои развернулись в излучине Дона. Молодые командиры лелеяли надежду, что полк со дня на день двинут на фронт. Частенько засиживаясь допоздна, они горячо обсуждают события на фронте. Однажды я стал участником такой беседы. Несколько взводных и ротных командиров, как обычно, принялись оценивать последние сообщения Совинформбюро. Юные «стратеги» наперебой выдвигали собственные «планы» ведения операций и даже войны в целом. Спор о том, как выправить положение на южном крыле советско-германского фронта, затянулся. Многие командиры ушли спать. Лишь самые заядлые «стратеги» младшие лейтенанты Вася Барабанов и Гриша Педалькин, три месяца назад покинувшие стены военного училища и по наивности считавшие себя постигшими все премудрости военного дела, да наш неугомонный Катученко продолжали осипшими голосами отстаивать свои взгляды. Меня разбудил громкий возглас Васи Барабанова:

— А я утверждаю, что Педалькин неправильно оценивает замыслы Гитлера! Нет, разбить советские войска в открытом бою он не надеется. Весь его расчет основан на том, чтобы взять нас измором. Фашистскую армию снабжает вся Европа! А нас?.. Вот то-то и оно.

— Ты, Барабан, не разобрался ни в замыслах, ни в стратегии нашего Верховного Главнокомандования! — горячится Педалькин, вскочив на ноги и размахивая руками. — Вспомни слова товарища Сталина: время работает на нас. Все заметнее слабеет влияние на ход войны такого привходящего фактора, как внезапность, и вступают в силу постоянно действующие факторы... — Педалькин торжественно перечисляет все эти факторы и, с победоносным видом посмотрев на Барабанова, заключает: — Если Гитлеру не удастся нанести именно сейчас, летом, решающее поражение нашим войскам, то его дело — швах!

— Неверно ты понимаешь замысел Гитлера, не-е-верно! — Барабанов презрительно машет рукой и отворачивается.

— Сам ты, Барабан, ни черта не понимаешь в стратегии! — кричит Педалькин, до глубины души оскорбленный столь открыто выраженной недооценкой его способности мыслить в «стратегическом масштабе».

А лейтенант Катученко с иронической улыбкой посматривает на усталые лица младших лейтенантов.

Я взглянул на часы и не поверил глазам: было три часа ночи.

Громкие взаимные обвинения Барабанова и Педалькина в военной безграмотности будят всех уснувших. Они лениво поднимаются и расходятся по своим местам.

А ранним утром все участники ночного сборища как ни в чем не бывало спешат со своими взводами и ротами на учебное поле или стрельбище.

...Жарким августовским утром наша рота находилась на стрельбище. Вдруг дежурный подал сигнал «Сбор командиров» и, когда все собрались, объявил:

— Товарищи! Командир полка приказал всем подразделениям немедленно возвратиться в лагерь.

— Вот и подошел наконец-то наш черед идти на фронт! — не удержался Катученко.

Весь путь к лагерю преодолеваем бегом. С удивлением оглядываю строй: ни одного отстающего. Все бегут легко, с напряженными лицами. Такими я привык видеть бойцов и командиров только перед боем.

В лагере комбат Темнов зачитал неожиданный для нас приказ: полк в спешном порядке выводился в глубокий тыл. В 16 часов 30 минут на следующий день (7 августа) он должен начать переправу через Волгу. Наш батальон переправлялся в первом эшелоне.

Командиры по-разному реагировали на объявленный приказ. Одни засыпали командира батальона вопросами о порядке передислокации, особенно вооружения и имущества, другие, в основном молодежь, выражали явное огорчение, что их надежда немедленно вступить в бой с врагом не сбывается. Как только комбат Темнов объявил совещание законченным, командиры разбились на группы, медленно расходясь по подразделениям, горячо обменивались впечатлениями. В одной из групп, в которой оказался и Катученко, сошлись на том, что в столь грозный для Сталинграда час стыдно уходить за Волгу, что всем командирам надо проситься на фронт. Катученко, стянув с головы пилотку и размахивая ею, предложил:

— Братцы! Давайте обратимся к командиру полка с просьбой доложить командованию о нашем желании выехать на фронт!

— Правильно! — послышались голоса единомышленников лейтенанта. — Обратимся с просьбой: пусть направят желающих на фронт!

Узнав об этих настроениях, командир и комиссар полка собрали весь средний комсостав.

— Товарищи командиры! — Майор Янин пристально посмотрел на собравшихся. — Я буду краток: времени на разговоры у нас нет. Из батальонов поступили рапорты, в которых изложена одна

просьба: направить на фронт. Я не имею возможности ответить каждому, поэтому объявляю свое решение всем: категорически отказываю и прошу учесть, что больше рапорты с просьбами об отправке на фронт рассматривать не буду. Запомните, товарищи, что, чем тяжелее складывается обстановка на фронте, тем важнее, чтобы каждый командир и политработник соразмерял свои желания с железной необходимостью. Победа куется не только на фронте! Поэтому настоящий патриот тот, кто не щадит ни сил, ни жизни во имя исполнения своего гражданского долга на том посту, который доверила ему Родина! Прошу учесть...

— Товарищ майор! — неожиданно послышался справа от меня хрипловатый голос. — Командир роты первого батальона Ковалев, прошу разрешения обратиться...

— Пожалуйста, товарищ Ковалев.

— Я понимаю, — в голосе Ковалева волнение, — что каждый командир должен исполнять свой долг на том посту, который ему доверила Родина. Но ведь могут быть особые обстоятельства. У меня жена и дочь в Сталинграде. Разве могу я бросить их и удрать за Волгу? Нет уж, разрешите мне остаться здесь, чтобы сражаться с врагом.

— Вы не правы, Ковалев. — Командир полка спокоен, но суров. — Разве можно распустить всех командиров, чтобы они сражались только там, где живет их семья?

— Но, товарищ майор... — В голосе Ковалева отчаяние.

— Все, товарищ командир роты, — сухо обрывает его Янин, — если до вашего сознания не дошли мои слова, приходите, побеседуем, а сейчас надо спешить со сборами. — Повернувшись к Казакову, он вопросительно смотрит на него.

Кивнув, комиссар сказал:

— Товарищи! Я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что в труднейшей обстановке, которая сложилась на сталинградском направлении, когда враг рвется к Волге, наше Верховное Главнокомандование отводит десятки тысяч воинов за Волгу. О чем это свидетельствует?.. О том, что наше Верховное Главнокомандование уверенно контролирует события на фронте и твердо осуществляет свой стратегический замысел. В решающий момент оно двинет резервы, которые готовятся в тылу, и мы с вами должны помочь в подготовке этих резервов. Поэтому долой хныканье и сомнения! Все наши усилия на передислокацию и на то, чтобы как можно быстрее возобновить учебу. Всем ясна задача, товарищи?

— Всем! Всем!

— В таком случае по местам! — скомандовал командир полка.

В назначенный час наш учебный батальон начал переправу. Подразделения пересекали Волгу на катерах, лодках, паромах. С тревогой поглядываем на безоблачное небо. Когда катера, на которых переправлялась наша рота, подходили к середине реки, неожиданно завыла сирена. А минут через пять там, где только что виднелись лодки и паромы, поднялись огромные фонтаны. Над рекой разносятся громкие команды, крики отчаяния, возгласы «Спаси-

те!». Мое внимание приковано к идущему вслед за нами катеру, на котором переправляются взводы Кузьмичева и Катученко. Разорвавшиеся по обоим бортам катера бомбы вызвали панику: бойцы шарахаются из стороны в сторону. Легкое суденышко страшно кренится и ложится то одним, то другим бортом на воду. Казалось, катер неминуемо перевернется... Но в этот момент фашистский самолет неожиданно задымил и, оставляя позади черный шлейф, стремительно ринулся к земле. Увидев это, бойцы застыли на местах. Громкий взрыв, донесшийся оттуда, где упал фашистский самолет, вызвал крики радости.

Самолеты с паучьей свастикой еще ревут над головами переправляющихся бойцов, но они уже спокойнее реагируют на вздымающиеся поблизости фонтаны. С катера, уцелевшего, казалось, от неминуемой гибели, послышался звонкий голос Катученко, запевшего о несгибаемой воле русских моряков:

Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает...

Слова припева, подхваченные десятками голосов, заглушили свист падающих бомб.

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

Песню подхватили на ближайших катерах, лодках, паромах, плотах, и под ее волнующие слова подразделения одно за другим благополучно причаливают к берегу.

Солнце стояло на полпути к зениту, когда последние повозки полкового обоза, переправившиеся через Волгу, укрылись в широких балках на левом берегу.

Под вечер комбат Темнов собрал командиров взводов и объявил, что через два часа полк выступает. Тяжелое вооружение и ротное имущество нужно было сдать в батальонный обоз. Так как нам предстоял длительный пеший переход, комбат строго предупредил командиров о необходимости соответственно подготовить бойцов. Предупреждение было нелишним. Мне невольно припомнилось отступление нашего батальона к Смоленску, когда я, к своему стыду, оказался в числе тех, кто чуть не выбыл из строя из-за того, что не позаботился о своих ногах. В пути малейшая потертость ног может вывести из строя.

Наступил вечер, но прохладнее не стало. Температура около тридцати градусов. Обливаемся потом, который смешивается с дорожной пылью. По сторонам выжженная степь со скудной и неизвестной мне растительностью: какие-то дикорастущие иссохшие злаковые, полынь, кустики жесткой травы, которую один из бойцов назвал «солянкой». Удивляюсь, что при такой чахлой растительности в Прикаспийской низменности развитое скотоводство.

Казавшаяся безжизненной степь вечером оживает: под ногами мелькают ящерицы, в стороне группками собираются тушканчики, множество насекомых.

На рассвете справа от нас заблестела вдали извилистая лента реки.

— Братцы! — послышался чей-то радостно-возбужденный голос. — Гляди-ка, к Волге-матушке снова возвернулись!

— Попал пальцем в небо! — осадил его кто-то. — Ты что, Степан, Волгу забыл? Это ж ручей...

— А что ж это за река, коль не Волга?

— Спроси у командиров, им все положено знать...

— Товарищ лейтенант! Что это за река?

Вопрос явно застал Катученко врасплох: карты у него не было. Однако лейтенант не любил признаваться в незнании. Мгновение поколебавшись, он насмешливо ответил:

— Все знать будете, Водолазкин, скоро состаритесь. Если потребуется, все будет вам сказано: и где мы сейчас находимся, и куда следуем, и какая это река.

Незаметно приотстав от взвода, Катученко оказывается рядом со мной и, словно бы невзначай, спрашивает:

— Случайно, не знаете, товарищ комроты, что за задрипанная речушка справа от нас?

Несколько мгновений шагаю молча, припоминая названия рек, впадающих в Волгу между Сталинградом и Астраханью. Неожиданно всплывает в памяти название «Волго-Ахтубинская пойма».

— Ахтуба, левый рукав Волги, товарищ Катученко, — отвечаю мимоходом, а в душе радуюсь, что память не подвела. — В нижнем течении Волги на левом берегу притоков у нее нет... У вас по географии какая оценка была?

— Удочка... [1] А что?

— Вот потому и не смогли ответить на вопрос бойца, — не удержался я, чтобы не уколоть заносчивого лейтенанта.

Когда все чаще стали попадаться бахчи, огороды и сады, среди которых можно было замаскировать подразделения, полк был остановлен на дневку [2].

В восемнадцать часов полк снова вытягивается в походную колонну и продолжает путь на юг. Едва начали движение, как в воздух взвилась красная ракета и по колонне пронеслось: «Воздух!» Подразделения быстро рассредоточиваются. Посматривая на бойцов, без труда определяю, кто из них уже бывал под бомбежкой. Они бегут неторопливо, спокойно поглядывая в небо. А те, кому бомбежка еще в новинку, несутся, низко пригибаясь к земле, словно над их головами свистят пули.

Пятерка фашистских бомбардировщиков, сопровождаемая истребителями, проносится над нами. Комья окаменелой земли и облака пыли вздымаются в небо. Сделав два захода, бомбардировщики поворачивают на запад, а истребители вступают в бой с тремя появившимися «мигами».

На другой день ситуация повторяется: едва полк вытянулся в

---

[1] Удовлетворительно.

[2] Отдых в наиболее жаркое время суток.

маршевую колонну, появилась пятерка фашистских бомбардировщиков.

На третий день я заступил дежурным по полку. Помощник дежурного худенький, очень маленького росточка младший лейтенант Трушин. Все в нем миниатюрное: круглое морщинистое личико, небольшой вздернутый носик, маленькие пытливые глазки.

Незадолго до начала марша я собрался объехать расположение полка, чтобы проверить готовность походного охранения к выходу. Дав необходимые поручения помощнику, вскакиваю на подножку полуторки, но Трушин трогает меня за рукав. Оглядевшись по сторонам, он с таинственным видом шепчет мне в ухо:

— Через два часа нас будут бомбить...

— Тебе об этом немцы сообщили? — насмешливо спрашиваю я.

— Нет, — отвечает он без тени обиды, — сам догадался. Еще вчера доложил о своих подозрениях комиссару, а он, занятый каким-то важным делом, обещал разобраться позднее. Хотел сообщить командиру полка, а доказательств нет...

— Каких доказательств? — продолжаю недоумевать я.

— Понимаешь, какая история... — Трушин стаскивает с головы пилотку и яростно чешет затылок. — В июле ехал я в полк на попутной машине. В кузове нас было шестеро: двое мужчин и четыре женщины. Мое внимание привлекла блондинка лет двадцати пяти, редкую красоту которой не портила даже простенькая пыльная косынка, стягивавшая пышные волнистые волосы цвета спелой пшеницы. С трудом заставил себя смотреть по сторонам, но при этом внимательно прислушивался к беседе, которую лениво вели женщины. Они, оказывается, жили в городке, куда мы направлялись, а блондинка — в Сталинграде. Мужа ее мобилизовали в армию, жить в Сталинграде стало трудно, и она решила переехать в какой-нибудь небольшой городок. По совету знакомых избрала Дубовку. Но не знает, как устроиться с жильем. Сердобольные попутчицы наперебой стали приглашать блондинку поселиться у них: места, мол, хватит, поскольку все они живут в собственных домах. Поэтому я не удивился, когда неделю назад увидел блондинку в нашей полковой хлебопекарне. Меня насторожило другое. Начальник хлебопекарни сказал, что она эвакуирована из Гомеля... — Трушин выразительно посмотрел на меня. — Помнишь, в разговоре с попутчицами она иначе объясняла свой переезд в Дубовку?.. Вот об этих своих подозрениях я и доложил комиссару батальона. Он обещал проверить, а тут полк внезапно снялся с места...

Младший лейтенант замолчал. Заинтригованный его сообщением, я спросил:

— Какая же связь между твоим рассказом и предположением о скором налете немцев?

— Самая непосредственная! — оживился Трушин. — Когда полк выступил из лагеря, я при каждом удобном случае стал крутиться возле хлебопекарни. В прошедшую ночь я видел, как она возвращалась от реки с чемоданчиком, волосы мокрые, вроде бы купалась...

— А может, действительно ходила помыться, ведь жара невозможная.

— А если у нее передатчик? — перейдя на шепот, спросил Трушин. — Разве трудно сообщить координаты дневки и время выступления? Ведь фашистские бомбардировщики прилетают, когда полк выстраивается в колонну. Словно немцы заранее знают, когда мы выступаем. Теперь посудите сами: если через два часа нас будут бомбить, значит, мои подозрения справедливы.

Я был ошеломлен. На первый взгляд все казалось нелепым. Однако совпадение времени прилета самолетов и начала движения полка настораживало. Преодолев опасение вызвать насмешки, предлагаю Трушину немедленно пойти к командиру полка.

Майора Янина мы нашли в небольшой армейской палатке, замаскированной в прибрежном кустарнике. Выслушав, он посоветовался с незнакомым мне высоким сухопарым старшим лейтенантом и принял неожиданное решение: задержать выступление полка из района дневки на час.

— Если самолеты прилетят, — сказал он старшему лейтенанту,— действуйте по своему плану.

Старший лейтенант оставил Трушина при себе, а я выехал в подразделения передать приказ командира полка тщательно замаскироваться.

Нетерпеливо поглядываю на часы, на безоблачное небо. Наконец часовая стрелка перевалила цифру «6», а в небе ни одного самолета. Со стыдом думаю, что, кажется, помог Трушину ввести в заблуждение командира полка. «Тоже мне, пинкертоны!» — мысленно ругаю себя за доверчивость. И вдруг напряженный слух уловил далекий гул самолетов. Неужели летят? Машинально гляжу на циферблат: 18 часов 25 минут! Гул нарастает, и в белесом небе все четче вырисовываются силуэты самолетов. Как и вчера, в нижнем ярусе идут бомбардировщики, только на этот раз их четыре. А над ними, словно юркие голуби, три быстроходных истребителя...

Замаскировав полуторку, с опаской посматриваю на бомбардировщики. Они медленно проплывают вдоль дороги, словно коршуны, высматривая добычу. Однако бомбы почему-то не сбрасывают. «Не видят походной колонны! — мелькает догадка. — Ищут ее. Ищите, ищите, сволочи!» — злорадствую я.

Самолеты улетают на юг, возвращаются обратно. Не обнаружив колонну, сбрасывают бомбы на дорогу и наносят урон только овечьей отаре.

А полковая хлебопекарня к этому времени была оцеплена дежурной ротой. Когда я приехал туда, все работники хлебопекарни стояли в шеренге. Среди женщин сразу узнаю белокурую красавицу. Она спокойна, в руках небольшой узелок.

Трушин, увидев меня, прошептал:

— Она...

— Здесь присутствуют все работники пекарни? — спросил майор Янин растерявшегося начальника пекарни.

— Так точно, товарищ майор!

— Все взяли свои личные вещи?

— Так точно, все!

— Дайте список личного состава.

Командир полка молча передал список сухопарому старшему лейтенанту. Тот начал зачитывать фамилии и, услышав ответное «я», внимательно смотрит на откликнувшегося. Наконец список проверен, а блондинка еще не отзывалась.

— Разве здесь присутствуют посторонние? — спросил командир полка.

— Виноват, товарищ майор! — Голос начальника хлебопекарни дрогнул. — В Дубовке попросилась с нами эвакуированная из Гомеля жена капитана Красной Армии. Я не успел доложить вам, чтобы оформить приказом...

— Я же запретил вам принимать на работу! — вспыхнул Янин.

— Виноват, товарищ майор, думал помочь жене командира...

Осмотрев личные вещи, сухопарый старший лейтенант спросил:

— Это все личные вещи?

— Все. все, — подтверждают работники пекарни.

Старший лейтенант смотрит на командира дежурной роты, по сигналу которого два бойца выносят фанерный ящик и небольшой обшарпанный чемоданчик, обитый черным дерматином.

— А это чьи?

— Ой, батюшки, мой! — кричит плотная молодка, показывая на фанерный ящик. — Хотела посылочку матери послать, да не успела.

— Что в ящике?

— Сахарку, соли и мыльца — всего понемногу, — не задумываясь, отвечает женщина.

По знаку старшего лейтенанта боец отрывает штыком крышку ящика и вытаскивает из него перечисленные женщиной предметы, разложенные в белые наволочки.

— А кому принадлежит этот чемоданчик?

Вопрос старшего лейтенанта остается без ответа. Молчание затягивается. Женщины переглядываются. Блондинка безразлично смотрит на старшего лейтенанта.

— Виктория Петровна! — раздается вдруг голос начальника пекарни, в котором слышится удивление. — Ведь это же ваш чемоданчик! Вы сказали, что в нем все имущество, которое успели захватить из Гомеля...

— Вы ошибаетесь, товарищ лейтенант, — невозмутимо отвечает блондинка, — у меня никогда не было такого потрепанного чемодана, место которому на свалке.

Начальник пекарни растерялся. Командир дежурной роты передает чемоданчик старшему лейтенанту и помогает открыть его. Все с удивлением рассматривают вмонтированную в чемоданчик аппаратуру, поверх которой лежат наушники.

— Рация! — не выдержал кто-то из командиров.

— Что же это, товарищи? — Начальник пекарни с трясущимися

губами медленно идет к раскрытому чемоданчику и с ужасом разглядывает его. — Как же это, братцы?..

Старший лейтенант быстро подходит к белокурой женщине и молча показывает, куда идти. Устремив перед собой неподвижный, невидящий взгляд, она нетвердо шагает впереди старшего лейтенанта.

Отобрав у начальника пекарни револьвер, Янин приказывает взять его под стражу. Увидев сияющего Трушина, командир полка поманил его к себе:

— Молодчина, товарищ младший лейтенант! От лица службы объявляю вам благодарность!

— Служу Советскому Союзу!

Больше фашистские самолеты не тревожили полк. Вскоре он благополучно разместился в лагерях. Сразу же возобновилась учеба. Бойцы занимаются с какой-то яростной одержимостью. С каждым днем растет их огневое мастерство.

Наш комбат регулярно проводит соревнования командиров в стрельбе из личного оружия. И когда кто-нибудь неудачно выполнит упражнение, Темнов насмешливо укоряет:

— Да разве можно такого командира на фронт посылать?

День, как правило, начинается с политинформации, которую проводит политрук Захаров. Все жадно интересуются событиями на фронте, особенно в Сталинграде, где фашистам удалось прорваться к Волге, отрезать 62-ю армию от основных сил фронта и завязать бои на ближайших подступах к городу. Захаров умело иллюстрирует рассказ волнующими примерами героизма советских воинов, а однажды закончил политинформацию стихами:

Есть на Волге утес,
Он бронею оброс,
Что из нашей отваги куется,
В мире нет никого,
Кто не знал бы его,
Он у нас Сталинградом зовется.
Там снаряды гремят,
Там пожары дымят,
Волга-матушка вся потемнела,
Но стоит Сталинград,
И герои стоят
За великое, правое дело.

Во второй половине сентября стало известно, что фашистские дивизии ворвались в Сталинград, что идут ожесточенные уличные бои. Участились налеты фашистской авиации и на расположение запасных частей. Это вынудило командование перебросить запасные части в более спокойный район.

30 сентября объявлен приказ о передислокации. Вечером следующего дня батальон погрузился в железнодорожный состав. Распоряжался погрузкой новый комбат — старший лейтенант Орлов, сменивший тяжело заболевшего лейтенанта Темнова. Новый комбат не похож на спокойного, уравновешенного Темнова. Он стремите-

лен и резок в обращении с подчиненными. Замечая непорядки, громко возмущается, расцвечивая речь «крепкими» словечками.

11 октября наш эшелон проскочил Бугуруслан и остановился на небольшой станции. После сухих солнечных дней под Астраханью здешняя промозглая осенняя сырость показалась нам особенно неприятной. Построившись в колонну, двигаемся по размокшей дороге к новому местожительству. Беспрестанно моросит мелкий холодный дождь. Шинель, словно губка, впитывает в себя сырость, хлопчатобумажная пилотка лежит на голове размокшим блином. Оживленно, с надеждой обсушиться вступаем в земляной город, вдоль улиц которого ровными рядами выстроились длинные просторные землянки, оборудованные двухъярусными нарами. Квартирьеры во главе с полюбившимся мне старым артиллеристом Никитой Флегонтовичем Якушиным быстро разводят подразделения. Начинаем осваивать отведенные пулеметной роте землянки.

Ночью, когда все улеглись спать, сел за письма. Не терпелось узнать, все ли в порядке дома, жив ли отец. Написал также в Главное санитарное управление Красной Армии. Убедительно просил сообщить о судьбе медицинской сестры Марины Дмитриевой и новый адрес госпиталя, если он успел эвакуироваться со станции Лихой.

В лагере дни настолько заполнены напряженными занятиями, походами и различными хозяйственными хлопотами, что у командиров и бойцов оставались свободными лишь часы, отведенные для сна. Наши труды не пропали даром: за короткое время полк подготовил и отправил на фронт несколько маршевых подразделений.

Выход в свет Боевого устава пехоты явился началом широкого внедрения новых тактических принципов в практику боевой подготовки. Самым активным пропагандистом устава стал политрук Захаров. Он так преуспел, что уже со знанием дела давал советы командирам взводов по совершенствованию методики обучения. А однажды вечером вдруг заявил:

— Знаешь, Александр, хочу просить об одном одолжении: поддержи мое ходатайство о переводе меня на командную должность, пусть для начала даже командиром пулеметного взвода. — Заметив удивленный взгляд, добавил: — Хочется самому командовать подразделением в бою.

— Ну, Иван Дмитриевич, удивили! — воскликнул я, разводя руками.

— Почему же? Сейчас среди командиров среднего звена огромная убыль. А я уже кое-чему научился...

— Политработники, Иван Дмитриевич, столь же необходимы, как и командиры.

— Не думал, Александр, что ты такой консерватор! — рассердился Захаров.

А через три дня он прибежал на стрельбище и, разыскав меня, сообщил:

— Я был прав, Александр Терентьевич, обвиняя тебя в консерватизме!

— В чем же мой консерватизм? — удивился я.

— А в том, что не хотел поддержать ходатайство о переводе меня на командную должность.

Рассказав об упразднении института комиссаров и политруков, о решении укрепить командные кадры за счет наиболее подготовленных в военном отношении политических работников, Захаров торжествующе спросил:

— Теперь поддержишь мою кандидатуру?

— Не поддержу.

— Почему? — В голосе Захарова послышалась обида.

— Не хочу расставаться!

— Не будь эгоистом, Александр. — Легкая улыбка скользнула по его губам. — Ты же партийный человек. Это обязывает горячо откликаться на все решения партии.

— Ладно, откликнусь, — поспешил я его успокоить, — буду обеими руками голосовать за назначение вас ротным командиром вместо меня, если вы, конечно, поддержите мое ходатайство о направлении на фронт.

— Нет, кроме шуток, — заволновался Захаров, — пусть меня направят на краткосрочные курсы...

Вечером в ротной канцелярии мы долго сидим над рапортами, потом вместе шагаем к комбату и сдаем ему свои «сочинения».

Захаров по-прежнему ежедневно проводит короткие политинформации. Бойцы идут на них с радостью. Под Сталинградом все заметнее усиливается отпор советских войск наступающим фашистским армиям. 20 ноября утренняя политинформация, начавшаяся сообщением о том, что советские войска под Сталинградом перешли в решительное контрнаступление, неожиданно переросла в стихийный митинг. Все присутствующие встретили сообщение громогласным «ура». Я еще не видел своих товарищей такими счастливыми. Они словно помолодели, сбросили усталость, глаза сверкают... Ведь так ждали этого часа! И все последующие дни у нас было поистине праздничное настроение. А 24 ноября состоялся общеполковой митинг по поводу завершения окружения 300-тысячной сталинградской группировки немцев. Такого еще не бывало, даже в битве под Москвой. Бойцы и командиры словно опьянели от радости: кричали и обнимались, провозглашали здравицы великой партии Ленина, Красной Армии, Верховному Главнокомандующему Советскими Вооруженными Силами.

...В один из морозных декабрьских дней в расположении учебного батальона появились майор Янин и незнакомый нам молодой суетливый подполковник с нашивками, свидетельствующими о двух тяжелых ранениях. Орлов, подбежавший к Янину, не успел и рта раскрыть, как тот указал на подполковника:

— Докладывайте товарищу подполковнику, теперь он ваш командир.

Когда Орлов доложил, подполковник громко спросил:

— На фронте были?

— Нет, товарищ подполковник.

— Как же вы обучаете своих подчиненных воевать, если сами пороху не нюхали?

— Согласно уставам и наставлениям Красной Армии! — с обидой в голосе ответил Орлов.

— Этого, комбат, теперь мало: уставы и наставления были написаны до войны, поэтому надо положениями уставов руководствоваться с учетом боевого опыта.

— Откомандируйте на фронт, наберусь и я опыта, не по своей воле здесь. — Выражение обиды не сходило с лица Орлова.

— При первой возможности откомандируем, — холодно заметил подполковник.

Новый командир долго ходил по расположению батальона и, критикуя Орлова за какое-нибудь упущение, приговаривал:

— Обленились вы все тут, в тылу, жирком обросли...

— Это точно, товарищ подполковник, — неожиданно рассмеялся Янин, — жиру, как у Кащея Бессмертного. — Он иронически оглядел высохшего, как вобла, Орлова.

Подполковник недовольно посмотрел на своего предшественника, но промолчал. Когда новый командир ушел в другой батальон, Орлов тихо спросил одного из командиров:

— Как фамилия нового командира?

— Контран...

— Значит, Контра... — задумчиво, словно про себя, повторил Орлов.

Раздался смех. Орлов удивленно посмотрел на командиров и, догадавшись о причине их смеха, улыбнулся. С этого дня фамилию нового командира все называли без последней буквы.

Вскоре подполковник Контран приступил к претворению своего намерения обновить комсостав. Первым убыл начальник штаба капитан Смирнов. За ним последовал заместитель командира полка, тридцатилетний кадровый капитан, очень опытный методист, к которому командиры подразделений могли обратиться по вопросам обучения в любое время суток. Ежедневно то одного, то другого командира освобождали от должности. И однажды мы узнали, что наш комбат Орлов сдает дела. Прошу Орлова разрешить мне обратиться к командиру полка.

— О чем хочешь просить?

— О направлении на фронт, а вас прошу ходатайствовать.

— Просись, просись, — великодушно разрешает Орлов, — а ходатайствовать, извини, не могу: я уже, считай, не комбат.

Мысль о предстоящей встрече с командиром полка не выходит из головы. Стараюсь приободрить себя, думаю: «Может, повезет. Раз он так легко расстается с более опытными командирами, то и мне посодействует...» Весь день не могу встретиться с подполковником Контраном. Застать его на месте просто невозможно. Лишь в двенадцатом часу ночи я смог предстать пред его грозные очи. Окинув меня недовольным взглядом, он спросил:

— Что случилось, лейтенант?

— Товарищ подполковник! Очень прошу ходатайствовать о направлении меня на фронт. Я старался заслужить это право...

— В боях участвовали?

— С января сорок второго года уже не участвую...

— А до января сорок второго?

— Так... немного командовал ротой.

— Командовал ротой... — Подполковник задумчиво разглаживает глубокие морщины на лбу. — Значит, видел, что такое современный бой, а большинство командиров в полку не видело... Так как же я тебя отпущу? Вот сначала я их отпущу на фронт, а потом уж и таких, как ты. А пока иди трудись и... не рыпайся, чтоб я тебя больше не видел. Иди...

Выслушав мое сообщение о результатах встречи с командиром полка, Захаров хихикнул:

— Ну и правильно! Неужели направлять на фронт командиров, уже побывавших в боях, если большая часть из нас еще не была там? Теперь наша очередь, дружище... Умный командир наш, хоть и Контра.

А два дня спустя я застал Захарова с вещевым мешком в руках. Вытряхнув из него содержимое, он разбирал свое скромное имущество.

— Куда это вы, Иван Дмитриевич, собрались?

— И мы, дружище, выходим в люди. Наш Контра так и заявил мне сегодня, когда я зашел получить ответ на мой рапорт с просьбой направить на фронт или на командные курсы. «Молодец, — говорит, — младший политрук, в люди выходишь! Все должны пройти через горнило войны». И так, знаешь, смачно произнес слово «горнило», так расчувствовался от моего героического решения, что подошел и крепко пожал мне руку. У меня такое впечатление, что, если бы ему дали волю, он весь наш полк завтра же в «горнило» двинул.

Наутро мы тепло проводили Захарова, который ехал на краткосрочные командные курсы, и Катученко. Он с маршевым батальоном уезжал на фронт. Катученко сияет, крепким пожатием отвечает на добрые напутствия и клятвенно заверяет:

— Будьте спокойны. Или грудь в крестах, или голова в кустах, но с фрицами мы посчитаемся за все.

На место лейтенанта Катученко прибыл младший лейтенант Ванин. Он заметно хромал. Рекомендуя его, командир батальона Сучилин, сменивший Орлова, с гордостью сообщил:

— На его личном счету четыре подбитых танка!

Оказалось, Ванин командовал взводом противотанковых ружей. Ему не раз приходилось вступать в единоборство с танками и выходить победителем. В конце августа юго-западнее Сталинграда взвод Ванина атаковали девять танков, пять из них бойцы подбили. Окончания неравной схватки Ванину не удалось увидеть: после боя его нашли в полузасыпанном окопе и доставили в медсанбат. В госпитале Ванина долго «сшивали»: несколько операций он перенес, прежде чем встал на ноги.

«Пожалуй, нашей роте придется во время марш-бросков носить командира на руках», — думал я, глядя на младшего лейтенанта. А бойцы, узнав, какой боевой у них командир, готовы были действительно носить его на руках.

Уехавшего Захарова заменил младший политрук Яковлев, тихий, небольшого роста человек, с лица которого не сходила добрая улыбка. Он также только что выписался из госпиталя. Глядя на этого внешне неприметного человека, трудно было поверить, что он лично подбил противотанковыми гранатами два фашистских танка — об этом свидетельствовал орден Красного Знамени на узкой, костлявой груди.

Какой удивительный прилив сил отмечался у всех бойцов и командиров накануне 1943 года! И шестнадцатичасовые занятия, и напряженные марш-броски в полном боевом снаряжении, и наступившие в Приуралье холода помогали вынести добрые вести с фронта. Приятно было сознавать, что и наш напряженный труд не пропал даром. В полк, да и в нашу роту, шли письма с фронта, в которых бойцы рассказывали о своих успехах. Ведь они доносили до нас дыхание реальной боевой жизни.

В январе 1943 года объявили приказ Наркома обороны о введении погон. Замполит полка Казаков на совещании командно-начальствующего состава коротко рассказал историю введения погон в русской армии.

—Погоны стали одним из символов воинской доблести русской армии, — говорил он. — Воин, опозоривший свою честь, как правило, лишался погон. Мы, бойцы Красной Армии, являемся законными наследниками славы русских солдат. Поэтому мы берем из арсенала боевых традиций наших отцов и дедов все лучшее, что способствует поднятию воинского духа, укреплению дисциплины, высокого сознания, чести, долга. Введение погон еще раз подтверждает преемственность славных традиций и будет способствовать дальнейшему укреплению единоначалия, повышению ответственности командно-начальствующего состава.—Помолчав, замполит закончил выступление непривычным для нас обращением: — Товарищи офицеры! — Услышав глухой гул голосов, он поднял руку: — Да, товарищи офицеры нашей доблестной Красной Армии! С честью и гордостью носите погоны, свидетельствующие о принадлежности к самой прогрессивной; свободолюбивой народной армии!..

Зима принесла новые заботы. Выявилось, что многие солдаты не умеют ходить на лыжах. Пришлось создавать специальные группы, а для обучения выделить наиболее подготовленных лыжников.

В один из воскресных дней командир полка организовал лыжные соревнования на 20 километров. Неожиданно для себя я занял первое место. Сказалась закалка, полученная в юности. Средняя школа, в которой я учился, находилась в семи километрах от дома, и ежедневно при любой погоде я бегал на лыжах туда и обратно. В училище закрепил эти навыки.

Вскоре после полковых лыжных соревнований состоялись бригадные, на которых я занял второе место.

— Не болеете вы, Алтунин, за честь полка, — укоризненно сказал мне командир полка. — Почему не добились первого места?

— Сил не хватило, — объяснил я. — До того на середине дистанции ослаб, что в желудке голодные спазмы начались.

— Ладно, — махнул рукой подполковник, — прикажу на время подготовки к окружным соревнованиям выдавать вам в столовой усиленную порцию... — Погрозив пальцем, добавил: — Но, смотри у меня, если не придешь первым...

К повседневным заботам прибавились лыжные тренировки. Они доводили меня до изнеможения. К полуночи с трудом добирался до нар и мгновенно засыпал. Усиленное питание помогло быстро окрепнуть. Поддерживали товарищи. Однажды утром командир второго взвода лейтенант Вакуров выложил передо мной кусок сала.

— Откуда такое богатство? — удивился я.

— Я же в женихах хожу, — лукаво подмигнул лейтенант. — Невеста моя, Даша, прислала вам. Когда вчера прибежал к ней, высунув язык от усталости, она меня пожалела. «Бедняжка, — говорит, — пятнадцать верст отмахал, как же обратно-то побежишь?» «Я, — отвечаю, — один раз в неделю такую дистанцию бегаю, да не на скорость, а мой командир — каждодневно». Вот она и сунула мне кусок сала, сказав, чтобы передал вам...

История любви Вакурова началась вскоре после нашего размещения в лагере. На торжественное собрание, посвященное 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, прибыли представители партийной и комсомольской организаций ближайшего колхоза. Секретарю комсомольской организации Даше Рюмкиной приглянулся кареглазый Вакуров. Поначалу Даша изредка наезжала к своему любимому на часок, а когда выпал снег, Вакуров воскресным вечером стал убегать на лыжах в деревню, а утром возвращался к началу занятий.

— И как ты выдерживаешь? — спросил я однажды.

— У любви есть крылья! — улыбаясь, ответил Вакуров.

В день отъезда на окружные соревнования ко мне подошел незнакомый худенький смуглый боец с угольно-черными глазами.

— Цыган Вася Жемчужин! — отрекомендовался он, лихо козырнув, и открыл в улыбке ровные белые зубы. — Разрешите обратиться, товарищ лейтенант?

— Обращайтесь, цыган Вася. Из какой роты?

— Из маршевого батальона, товарищ лейтенант. Мне сказали, что вы едете в Оренбург?

— Да, еду. А в чем дело?

— Пожалуйста, передайте письмо. — Вася протянул мне треугольник.

Я внимательно рассматриваю его, но адресата, кому вручить, не нахожу.

— Кому же передать письмо?

— Все равно, первому встреченному цыгану или цыганке. Скажите, что от Васи Жемчужина, они найдут, кому передать.

— Ладно. — соглашаюсь я, нерешительно вертя треугольник в руках. передам, если увижу...

— Обязательно увидите, — обрадовался Вася, — наши всегда на вокзале крутятся...— И, помолчав, добавил: — А то я скоро на фронт... попрощаться надо...

Выйдя на перрон Оренбургского вокзала, я неожиданно попал в окружение шустрых цыганят. Полураздетые, с посиневшими личиками, они пытались улыбаться. Старший из них, лихо хлопнув ладонями по ляжкам, крикнул:

— Товарищ командир! Дай десятку, спляшем на пузе и на голове!

Мне стало жалко замерзших ребятишек. Достав из кармана деньги и протянув их старшему цыганенку, сказал:

— Плясать не надо, ребята, идите лучше в здание вокзала, погрейтесь.

— Спасибо, товарищ командир! — Паренек лихо вскинул кулак с зажатыми в нем купюрами к истрепанной солдатской ушанке.

— Интересно, — невольно усмехнулся я, вспомнив его предложение, — как это вы ухитряетесь плясать «на пузе и на голове»?

— Очень просто, товарищ командир, — лукаво улыбнулся мальчишка и, подпрыгнув, с возгласом «эх, чавелы» несколько раз ударил ладонями по животу и по голове. — Вот и сплясал.

Я рассмеялся. Сделал несколько шагов к выходу в город и вдруг вспомнил о письме, что вручил мне цыган Вася.

— Ребята! А родители ваши где?

— Кто? — не понял старший.

— Родители, отец или мать...

— А зачем вам? — Ребята подозрительно уставились на меня черными глазищами.

— У нас в части служит Вася Жемчужин, он просил передать письмо...

— Давай письмо! — Старший мальчишка приблизился и решительно протянул руку. — Не бойся, передадим.

Отдал письмо и поспешил к месту сбора участников соревнований.

Весь следующий день был отдан знакомству с маршрутом. Узнав, что в соревнованиях участвуют мастера спорта, я приуныл: где уж тут рассчитывать на призовое место! Но, поразмыслив, успокоился: если надежды на победу нет, так и волноваться нечего.

Наступил день соревнований. Мороз хватает за нос, щиплет щеки. Даже мне, привычному к сибирской стуже, не стоится на месте. С удовольствием срываюсь со старта. Я никогда не участвовал в гонках на двадцать километров. Однако опыт, приобретенный в родной деревне, подсказал, что не следует брать с места в карьер: быстро выдохнешься, собьешь дыхание. Преодолеваю первые пять километров. На контрольном судейском посту встречают безразлично: ни советов, ни замечаний. Понимаю, что показал плохое время. Пе-

ред глазами возникает образ сердитого командира полка: «Смотри у меня, если не придешь первым». Первым! Хоть бы в первой десятке оказаться. Может, тогда не упрекнут за дополнительный харч. «Неужели сибиряки на лыжах будут в хвосте плестись?» Мысленно подбадриваю себя и постепенно ускоряю бег, обгоняю трех участников, ушедших раньше. На десятикилометровом посту встречают уже заинтересованными взглядами, один из контролеров приветливо машет рукой. Примерно на двенадцатом километре оставляю позади еще двух лыжников. Азарт гонки захватывает. Едва завидев бегущего впереди, набираю темп и разгоняюсь до тех пор, пока соперник не остается за спиной. На пятнадцатикилометровом контрольном посту встречают и провожают криками: «Хорошо идешь! Жми на всю железку!» Как это подстегивает! И усталость сразу ощущается меньше, и дыхание становится ровнее.

К финишу приближаюсь под всеобщий гул одобрения, который вызывает в душе радостное недоумение: «Неужели в победители выхожу?» Остались какие-нибудь пятьдесят метров — и вдруг соскакивает левая лыжа, я спотыкаюсь и растягиваюсь на лыжне. Вскакиваю и, не обращая внимания, пробегаю оставшийся отрезок на одной лыже. По многим протянутым для пожатия рукам догадываюсь, что результат неплохой, во всяком случае, в первой десятке буду. Когда же судейская коллегия подвела итоги, я был приятно ошеломлен: третье место! Не стыдно возвращаться в полк.

Моя скромная победа на соревновании не привлекла, однако, особого внимания. В полку ликовали по поводу грандиозных успехов Красной Армии, успешно наступавшей на огромном фронте. Совсем недавно фашистские войска превращали в руины Сталинград, рвались к перевалам Главного Кавказского хребта, а сейчас они отбиваются где-то уже под Харьковом! Быть там, в составе наступающих войск, стало сокровенным желанием большинства командиров. Поэтому проводы очередных маршевых рот проходили торжественно.

Станция забита провожающими. Отъезжающие с гордыми улыбками слушают добрые напутствия. Возле одного из вагонов собралась огромная толпа, слышны надрывные звуки гитар, задорные крики. Сюда со всех сторон стекаются любопытные. С трудом протиснувшись вперед, с удивлением вижу лихо отплясывающих цыган. Они кружатся вокруг смуглого бойца, в котором я сразу узнал цыгана Васю. Стоя в центре пляшущих, он в такт музыке хлопает ладонями по всем местам своего жилистого тела. Несмотря на то что Жемчужин был без шинели, щеки его пылали. Я догадался, о чем он написал своим родственникам и друзьям. Получив письмо, цыгане нагрянули на станцию.

Когда горнист подал сигнал «По вагонам», Вася подошел к бородатому цыгану. Тот положил ему на плечи руки, что-то сказал, затем крепко обнял и решительно оттолкнул от себя. Боец сразу же оказался в объятиях соплеменников. Женщины громко голосили, мужчины звонко хлопали бедного Васю по костлявой спине, а мальчишки и девчонки смотрели на него широко раскрытыми гла-

зами и старались ухватить озябшими ручонками за широкие галифе. Наконец Жемчужин вырвался из объятий своих близких. Взобравшись в теплушку, он повернулся к провожающим и, взмахнув шапкой, закричал:

— Прощайте, романы! Я докажу фашистам, что у нас тоже есть родина!

Поезд медленно тронулся и, набирая скорость, скрылся за поворотом.

Подполковник Контрап не успел полностью осуществить намерение обновить командный состав за счет фронтовиков. Едва он откомандировал своего заместителя по строевой части капитана Носкова, как неожиданно исчез и сам. Пронесся слух, что его спешно отозвали. Новый командир полка молодой стройный майор Королев стал частым гостем в подразделениях, ходил молча, внимательно ко всему присматривался. Вскоре он подписал приказ, где отмечались недостатки и ставились конкретные задачи по улучшению учебно-методической работы. Нашему комбату было указано на необходимость уделять больше внимания совершенствованию методического мастерства командиров подразделений. Лейтенант Сучилин, болезненно воспринявший критику в свой адрес, доложил командиру полка, что считает себя недостаточно подготовленным к проведению учебно-методической работы с командирами, и попросил откомандировать его в действующую армию. Королев не поддержал его просьбу, но пообещал подобрать ему опытного заместителя. И вдруг совершенно неожиданно на эту должность назначили меня, да еще присвоили очередное воинское звание «старший лейтенант». Начальник артиллерии полка Никита Флегонтович Якушин стал капитаном. По этому случаю в его землянке собрались товарищи. В числе приглашенных оказался и я.

Гуморин, объявив, что звание будет обмываться по старому офицерскому обычаю, положил две звездочки в жестяную кружку, налил туда немного водки и вручил виновнику торжества.

— Почти тридцать лет назад, — сказал он, — вот так же в кругу друзей я обмывал звание поручика. Позже я горько пожалел, что надел офицерские погоны, а сейчас радуюсь, что наш товарищ прикрепляет к своим офицерским погонам еще по звездочке. История повторяется. Давайте, Никита Флегонтович!

Якушин медленно цедит водку и высыпает обмытые звездочки на тарелку. Гуморин берет их и прикалывает к погонам новоиспеченного капитана, затем поднимает кружку:

— Предлагаю тост за здоровье и за дальнейшие успехи капитана Никиты Флегонтовича Якушина!

Когда все выпили, виновник торжества неожиданно напал на тамаду:

— Не-е-ет, приятель, история не повторяется! Я не согласен. Тридцать лет назад ты обмывал звание поручика царской армии, а сейчас мы обмываем звание капитана Красной Армии. Улавлива-

ешь принципиальную разницу? Не улавливаешь... Дело не в названии. Суть в содержании. Кто мог стать офицером в царской армии? Только дети богатеев, главным образом помещиков...

— Постой, постой! — перебил Гуморин. — А Шапошников?

— Ну, Шапошников из семьи чиновников. К тому же первая мировая война заставила царское офицерство потесниться, чтобы дать возможность образованным людям из мещан и отдельным храбрейшим солдатам из рабочих и крестьян надеть форму прапорщика и вести на смерть своих же товарищей. Так что дело не в названии, а в содержании. Я горжусь, что стал капитаном Красной Армии!.. Поэтому предлагаю тост за нашу славную Красную Армию! За наших красных офицеров — детей трудового народа!

— За нашу победу над врагом, за то, чтобы дошли советские бойцы до Берлина! — добавляет Гуморин.

Никита Флегонтович жаловался мне, дергая за портупею:

— Вот и капитана дали, а на фронт не пускают, говорят: старик. А какой я старик?! Разве я похож на старика?! — Он вскочил с табуретки, взмахнул рукой, словно в ней зажата сабля...

А на следующий день мы провожали на фронт новый отряд. Для уезжающих состоялся концерт. На открытой площадке соорудили сцену, вкопали скамьи. Неожиданно в число «артистов» попал и я. А случилось это так.

Одним из организаторов концерта был младший политрук Яковлев, замполит бывшей моей пулеметной роты. Встретив меня за несколько дней до концерта, он заявил, что никак не может найти чтеца-декламатора, и, сунув вырванный из тетрадки лист с переписанным стихотворением, попросил выручить.

Стихотворение мне понравилось. Все дни перед концертом, шагая на занятия или с занятий, я повторял полюбившиеся строки:

Я не хочу, чтоб все, что было свято
И предками для нас сохранено,
Вдруг оказалось взорвано и смято
И на кострах фашистских сожжено.

Концерт начался после обеда. Вначале выступил хор одного из батальонов, исполнивший песню Александрова «Вставай, страна огромная...». Затем баянист исполнил попурри на темы народных песен. Потом девушки пели частушки. Пели горячо, самозабвенно. Я настолько заслушался, что забыл о предстоящем выступлении и вздрогнул, услышав свою фамилию.

Робко поднимаюсь на сцену и леденею: забыл название стихотворения, которое должен объявить сам. Мучительно вспоминаю, пристально вглядываюсь в ряды сидящих, словно ожидаю подсказку. Пауза оказалась находкой. Зрители замерли. Внимание всех сосредоточилось на моей оцепеневшей фигуре.

В этой мертвой тишине отчетливо прозвучал мой голос:

— «Я не хочу». Стихотворение неизвестного поэта.

Читал я, как помню, громко, не очень выразительно, но последние строчки:

...Честь воина в боях не посрамлю!
Бесстрашным буду! Беспощадным буду!
Остановлю врага и разгромлю! —

выпалил с таким жаром, с такой яростью вознес руки над головой, что бойцы неожиданно повскакивали с мест и, потрясая кулаками, закричали:

— Разгромим врага! Уничтожим фашистов!

Не сразу успокоились зрители. А Яковлев дружески хлопнул меня по плечу:

— Молодец! Как настоящий артист прочитал!

Это был мой первый и последний успех на сцене. Лишь после войны я случайно узнал, что автором стихотворения был поэт Сергей Михалков.

И опять начались повседневные будни. Однако ни выматывающие все силы занятия, ни учения и марш-броски, ни различные бытовые заботы не могли вытеснить тревогу о судьбе отца и Марины. Получив письмо из дому, каждый раз волнуюсь: а вдруг сестренка сообщает о гибели отца? Ведь написала же она, что похоронки приходят в село все чаще и чаще... А когда почему-либо письма задерживаются, тревога доводит меня до бессонницы. Почему на передовой отец, а не я, молодой, здоровый? Правда, из писем отца можно понять, что воюет он где-то юго-восточнее Орла. Судя по сводкам Совинформбюро, там пока относительное затишье. Но фронт есть фронт: там и стреляют, и бомбят...

А где же Марина? Вот уж не ожидал, что чувство признательности к девушке, с сестринской заботливостью выхаживавшей меня в госпитале, так захватит. Неизвестность тревожит. Щемит сердце. На первый мой запрос в Главное санитарное управление Красной Армии о судьбе медицинской сестры Дмитриевой получил обескураживающий ответ: «Числится пропавшей без вести». Значит, госпиталь не успел эвакуироваться? Ведь наступление фашистских войск на Южном фронте в июне 1942 года началось столь стремительно, что такие малоподвижные учреждения, как госпитали, оказались в чрезвычайно трудном положении. На остальные мои запросы ответа вообще не последовало. Когда зимой 1943 года наши войска освободили Лихую, послал письма военному коменданту станции и военкому Зверевского района. Комендант сообщил, что госпиталь успел выехать, а о дальнейшей его судьбе ему ничего не известно, интересовался адресом родителей Марины. Если бы я его знал! Мне и в голову не приходило, что он когда-нибудь потребуется.

Поняв, что розыски зашли в тупик, твердо решил: если доживу до мирных дней, то в первый же отпуск поеду на станцию Лихая, обойду все окрестные села (в память отчетливо запало, что за простоквашей Марина бегала в деревню за 7 километров) и обязательно разыщу ее подругу...

Наступили тревожные июльские дни 1943 года. Занятия в ротах начинались с информации о событиях на Курской дуге. Сообщения

Совинформбюро о ликвидации фашистских войск как на северном, так и на южном фасах Курской дуги были отмечены общеполковыми митингами. Эхо первого артиллерийского салюта, прозвучавшего 5 августа в честь освобождения Орла и Белгорода, нашло радостный отзвук в наших сердцах.

Под гром победных салютов осенью 1943 года завершилась моя служба в запасном полку. Правда, сначала я попал в отдельный запасной офицерский полк Южно-Уральского военного округа. И уже оттуда в начале ноября направлен на Белорусский фронт.

Как поется в популярной песне, «были сборы недолги», и вот уже мелькают станция за станцией. И тревожно, и радостно: впереди бои... И где-то в этих же местах, на Белорусском фронте, воюет отец. Я и предположить не мог, что скоро наши фронтовые пути пересекутся на одной из речных переправ, что произойдет самое невероятное: на дорогах войны я встречу... Марину.

БРЯНСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ

Третий год по родной земле катится вал войны — рушатся города, горят села, уничтожаются творения человеческого разума.

Третий год кровь и пот: кровь — на фронте, неимоверное напряжение — в тылу. Миллионы людей оторваны от привычных дел; гибнут в боях, мерзнут в окопах, мокнут на маршах...

Третий год по дорогам идут эшелоны с пополнением, военной техникой, оружием, боеприпасами, снаряжением, ранеными, а люди живут суровыми законами военного времени: недоедают, недосыпают ради одного — все для фронта, все для победы.

И так день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем...

В одном из воинских эшелонов осенью сорок третьего я убывал на фронт. Стучали колеса на стыках рельсов, мимо проплывали пожухлые поля, расцвеченные осенними красками леса, деревни и села, пристанционные поселки, города.

В раскрытые двери теплушек врывался ветер. Воздух еще не успел полностью остыть, был свеж, чист, приятно бодрил. Местами вдоль железнодорожной колеи лежал пестрый сарафан листьев. Красоты осенних пейзажей навевали воспоминания, уносили нас в родные места. Бойцы и командиры разговаривали о военных событиях, вспоминали мирную жизнь, говорили о самом дорогом, сокровенном, что осталось за чертой 22 июня 1941 года, раз и навсегда перечеркнувшего миллионы людских судеб.

Народ подобрался бывалый. Большинство успело, как говорят, по самую маковку вкусить «прелестей» фронтовой жизни, побывать в таких переделках, откуда не всегда, да и не все, возвращаются. Война для них стала работой трудной, опасной, но необходимой,—

работой, без которой и мечтать нельзя было о победе. Поэтому если заводили разговор о военных делах, то говорили просто и понятно, рассудительно и с толком. Без излишних прикрас вспоминали бои и сражения, давали оценку противнику.

— Нет, не тот немец пошел, не тот, — свертывая самокрутку, ведет разговор с окружившими товарищами старшина Лузгин. На гимнастерке старшины бордовой эмалью отсвечивает орден Красной Звезды, поблескивают медали, видны нашивки за тяжелые ранения. — Помню, в сорок первом, сорок втором фриц лез напролом. Бывало, возьмешь в плен, хорохорится, руку тянет вверх: «Хайль Гитлер!» А как своротили ему скулу под Сталинградом да под Курском шею свернули — другую песню заводит: «Гитлер капут!»

Бойцы, окружившие старшину, смеются, отпускают колкости, соленые солдатские остроты в адрес Гитлера и верхушки рейха. Кто-то протяжным баском глубокомысленно замечает:

— Ко времени приспосабливаются, на Гитлера все валят, а сами-то где они были, да и теперь...

— Во-во! — подхватывает старшина. — И я только об этом «теперь» хотел сказать. Дерутся фрицы пока отчаянно, держатся до конца. Я это к чему? Да к тому, что кое-кто, возможно, думает, мол, теперь фрица шапками закидаем. Нет, шалишь. Недавно под Берестой — меня там еще осколок фашистской мины в плечо поцеловал — часа полтора наша артиллерия молотила немецкий передний край. Казалось, ничего живого там не осталось. Но только поднялись мы в атаку, как ожили фашистские огневые точки. Мы — туда, мы — сюда, а он чешет из пулеметов — и все тут. Пришлось поклониться матушке-земле, да и не один раз.

Подтянули артиллерию. Дело пошло сподручнее, но опять же огрызается фашист. Из каждой дыры приходилось выкуривать гада.

Чиркнув колесиком трофейной зажигалки, Лузгин прикурил и задумчиво произнес:

— Многих тогда ребят мы недосчитались. И каких ребят! Знающих, с фронтовым опытом. Горько об этом вспоминать.

Лузгин тяжело вздохнул и после небольшой паузы добавил:

— Думаю, и дальше немец будет упорствовать. После боя в штабном блиндаже наши разведчики нашли приказ, в котором помимо призывов умереть во имя фюрера и Германии была и угроза: оставление позиции карается смертью... Вот они какие, пироги-то.

Застучали буфера, заскрипели, состав сбавил ход, а затем и совсем остановился. От головного вагона раздался зычный голос дежурного по эшелону: «Из вагонов не выходи-и-ть! Не выходи-и-и-ть!» Но я уже выскочил. Поезд тронулся. Пришлось пересесть в соседнюю теплушку. Там встретился с невысоким, в ладно подогнанном обмундировании старшим лейтенантом Темирязевым, с которым за время следования уже успел познакомиться.

Присел на предложенный бойцом аккуратно обструганный чурбачок, прислушался. Политработник продолжал беседу. Речь шла

о семье Пучковых, которую, с приближением фронта, вместе с другими сельчанами фашисты выгнали из дома. В дорожных перипетиях умирает дочь. Мать гитлеровцы разлучают с сыном.

Трагедия фашистского нашествия... Подобных историй тысячи, десятки тысяч. Сколько горя враг принес на нашу землю! Бойцы и командиры слушают парторга, вздыхают. Возле меня пристально смотрит на отблеск солнечного луча сержант. В его больших серых глазах тоска и боль.

— Вот и мои где-то мыкаются, — шепчет. — Третий год под немцем. Ни слуху ни духу. Как они там? Живы ли?

Не выдержал, положил ему на плечо руку.

— Крепись, солдат, крепись. Не один ты такой. Скоро очистим нашу землю от фашистской нечисти, разыщешь семью, обязательно найдешь, и все наладится.

Состав трогается. Вначале медленно, затем все быстрее и быстрее катятся вагоны. На прощание нам моргает зеленым глазом семафор. Люди молчат, переживают услышанное.

Смотрю, Темирязев складывает газету, не торопится с комментариями. Да и что ему говорить? И так все ясно.

Теплое, хорошее чувство рождается у меня к этому пожилому человеку. Сумел так донести содержание статьи «Невольничий караван» до товарищей, что равнодушных нет. Лучшей агитации желать нечего.

Ветер свистит в дверном проеме вагона, упруго бьет в лицо, уносит махорочный дым. Желтые блики солнечных лучей пляшут по сосредоточенным лицам, гимнастеркам, шинелям, ватникам...

Слово за слово — вновь оживает разговор. Нить беседы в основном сплетается из последних фронтовых событий.

Разговоры переходят с общего на личное и вновь возвращаются к общей теме. Порой трудно отличить одно от другого: так тесно переплела и скрутила война судьбы отдельных людей с судьбой страны.

— Только начал жить, — делится мыслями с товарищами солдат с оспинами на широкоскулом лице. — Правление колхоза за ударную работу срубом на хату наградило. Отстроился. Хозяйство завел. А тут, понимаешь ли, война. И все пошло прахом. Ни двора ни кола не осталось. Все немец сжег.

— Та же история и у меня, Васильев, — вздыхает сосед. — Начисто все фашист спалил. Жена пишет: в землянке живет с детьми, а моему младшему всего четыре года. — И после небольшой паузы: — Ничего, выдюжим. Назло всему выдюжим и заживем не хуже прежнего.

Позади остались Вязьма и Смоленск. Состав вошел в зону Белорусских лесов. По сторонам железнодорожной колеи потянулись сосны, ели, осины, синеватые блюдца воды в напоенных досыта осенними дождями низинах, речушки. Справа и слева на добрых пару сотен саженей, а то и больше, лес вырублен, а у переездов,

стрелок, мостов, на возвышенностях — траншеи с укрытиями, амбразурами для пулеметов и автоматов, блиндажи.

— Фашисты понастроили, — кивает в сторону инженерных сооружений пожилой солдат. — Мне тут в партизанах пришлось воевать. Боялись немцы нашего брата. Ух как боялись! Вот и изводили лес, паразиты.

На откосах насыпи остовы сожженных вагонов, машин, почерневшие от огня, разбитые бронетранспортеры, танки, орудия и другая военная техника — следы недавних боев. Чаще стали встречаться печные трубы на месте сел, деревень и хуторов.

Белоруссия — партизанский край. Я был наслышан о делах народных мстителей.

Два с лишним года в глубоком тылу врага белорусские партизаны громили фашистские гарнизоны, выводили из строя железные дороги, мосты, пускали под откос поезда, вели разведывательную работу. Как позже стало известно, к концу 1943 года во всех областях оккупированной врагом Белоруссии действовали подпольные обкомы партии, более 185 горкомов, межрайкомов, райкомов и других подпольных органов, объединявших сотни первичных партийных организаций. Имена партизанских командиров В. Е. Лобанка, В. З. Коржа, Р. Н. Магульского, деда Мины и многих других облетели страну.

Земля горела под ногами захватчиков. Враг зверствовал. Его карательные отряды рыскали по партизанским зонам, вешали и расстреливали сельчан, предавали огню хутора, деревни.

Смотреть на содеянное фашистами было нелегко. Там, где еще год-другой назад была жизнь, хозяйничал осенний ветер, наводил тоску и печаль. Пожарища, обвалившиеся воронки на месте погребов и кресты, свежие и уже потемневшие от времени и дождя... Не припомню, о чем мы тогда говорили между собой, да это и не столь уж важно. Виденное усиливало ненависть, жгучую, беспощадную, к врагу, принесшему нашему народу эти неисчислимые страдания.

Разгружались на глухом полустанке. Сеял мелкий дождь. Подступавшие к самым строениям деревья выглядели сумрачно, а уходивший в распадок частокол сосен, елей, берез, осин сливался в темную массу. Лохмотья грязного тумана ползли по самой земле. Тянуло сыростью. Бойцы и командиры неторопливо переговаривались, время от времени посматривали на далекие зарницы — там проходила линия фронта.

Часа через полтора на полустанок прибыли представители штаба 11-й армии генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского. Началось распределение личного состава по частям. Меня вместе с группой офицеров направили в распоряжение командира 53-го стрелкового корпуса генерал-майора И. А. Гарцева. В отделе кадров корпуса получил назначение в 197-ю стрелковую дивизию.

На следующий день попутным транспортом прибыл на место. Представился начальнику отделения кадров капитану Таранову. Он расспросил меня о прохождении службы, сказал:

— Командира дивизии полковника Даниловского в штабе нет. Вместе с другими прибывшими офицерами вас примет начальник политического отдела.

Им оказался высокого роста, с впалыми щеками, глубокой морщиной между густых бровей, с большими серыми глазами подполковник.

— Петр Григорьевич Жеваго, — отрекомендовался он. — С прибытием вас, товарищи офицеры, в нашу Брянскую Краснознаменную дивизию.

Петр Григорьевич каждому из нас пожал руку, пригласил сесть. Коротко ознакомил с историей дивизии, с теплотой отозвался о ветеранах соединения, заметил: «Подробнее знакомиться будем в ходе боев. Дивизия со дня на день войдет в соприкосновение с противником». Поинтересовался, нет ли личных вопросов, на прощание пожелал нам всяческих успехов и отпустил.

Выходя из землянки, мы уносили с собой душевное тепло, вызванное этим, на первый взгляд суровым, человеком, и гордость за дивизию, в которой предстоит служить. Жеваго не призывал нас равняться на фронтовиков, нет. Но тон, которым поздравил с прибытием в Брянскую Краснознаменную, рассказ, вернее, даже информация о боевом пути одной из самых молодых дивизий были значимее высоких слов и призывов. Мы уходили с хорошим настроением, желанием найти себя в боевом коллективе.

В эти дни войска корпуса и армии вели бои на правом берегу реки Сож. Враг стремился задержать наше наступление. На многочисленных реках, в межозерных проходах и даже на болотах фашисты создали систему промежуточных рубежей, а деревни и хутора превратили в опорные пункты. На наиболее вероятных же направлениях нашего наступления противник сосредоточил танки и артиллерию, прикрыл подступы к своей обороне минными полями и инженерными сооружениями.

Для того чтобы понять причины упорства гитлеровцев, достаточно было взглянуть на карту: через Белоруссию можно кратчайшими путями выйти к Польше и Восточной Пруссии. Не берусь судить о других стратегических последствиях для немецко-фашистского командования в связи с потерей Белоруссии. О них хорошо сказано в исторических документах, мемуарах Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, А. М. Василевского и других военачальников.

Дивизия находилась во втором эшелоне корпуса. В штабе шла подготовка к предстоящему вводу ее в бой. За неимением вакантной должности командира батальона меня временно прикомандировали к оперативному отделению. Работа незнакомая. Но ничего не поделаешь, начал осваивать, знакомился с людьми, историей соединения.

Дивизия родилась 8 мая 1943 года на основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования. Формировалась в Воневском районе Тульской области из частей 120-й Чапаевской и 147-й курсантской бригад.

22 июля в составе 53-го стрелкового корпуса Брянского фронта приняла боевое крещение на правом берегу реки Рессета. Началось испытание на мужество — суровый экзамен для всех — от рядового до командира дивизии. И они выдержали этот экзамен. За несколько дней освободили от немецко-фашистских захватчиков пятнадцать населенных пунктов, при этом сотни воинов соединения проявили отвагу и мужество.

Мне не раз довелось слышать о боевых делах батарейцев старшего лейтенанта Леонида Быкова, а спустя тридцать с лишним лет, работая над архивными документами, я с волнением прочитал о коллективном подвиге минометчиков. В одном из июльских боев старшие сержанты Виктор Жервин, Петр Дряжев, Николай Демидов, Прокопий Климов, Николай Коломийцев, сержант Афанасий Филимонов, красноармейцы Александр Рожков, Иван Матвеев, Андрей Лавров (всего в группе было одиннадцать человек) отразили контратаку превосходящих сил противника, при этом уничтожили до роты пехоты и вражеский танк.

В другой схватке, когда фашисты окружили наблюдательный пункт, старший лейтенант Быков вызвал огонь артиллерии на себя. За это отважный офицер удостоился ордена Красного Знамени.

В памяти однополчан навеки остался подвиг красноармейца 8-й стрелковой роты 3-го батальона 862-го стрелкового полка Николая Талалушкина. У небольшого местечка Клын рота штурмовала опорный пункт противника. Продвижению подразделения мешал фашистский дзот. Бойцы залегли под кинжальным пулеметным огнем. Несколько человек было ранено. Застонал сосед. Подтянувшись на руках, Талалушкин метнулся в находившуюся рядом небольшую выемку. Над головой запели пули. Одна очередь, вторая, третья...

Нахлынула злость. Рука машинально скользнула к сумке. Есть! Талалушкин вытащил гранату. К лицу прилила кровь, стало жарко. Он еще не знал, что предпримет, но и бездействовать больше не мог. Рядом гибли товарищи, с которыми еще сегодня пил, ел из одного котелка, рассуждал о жизни и которые делились с ним, чем только могли. Теперь они, его боевые друзья, лежали на сырой после короткого июльского ливня земле, и не было возможности поднять голову под пулеметным огнем врага.

Талалушкин бросился в сторону невысокого ракитника. Преодолел кустарник, рывком пересек небольшую ложбинку и с разгона упал в густой репейник. Пополз. С каждым метром все ближе и ближе дзот. Уже слышно, как дробью стучат отшвыриваемые от пулемета гильзы. Пора! Коротким взмахом, как учили, он швырнул гранату в амбразуру.

Получай, собака! Пулемет смолк. Но когда Талалушкин уже собрался подняться, очередь полоснула вновь. «Ах ты, гад!» — сплюнул накатившуюся слюну солдат. Вновь вскипела ярость на фашистов, мешающих завершить атаку, и злость на себя — за то, что не сумел уничтожить дзот, хотя и не был в этом виновен: амбразура оказалась узкой, граната отскочила, разорвалась на склоне бруствера. Взрыв оглушил фашистов, а стеганувшие осколки заставили упасть на дно блиндажа. Но немцы почти тут же пришли в себя и вновь взялись за оружие. Животный страх за собственные жизни придавал гитлеровцам силы.

Совершенно другие мотивы руководили Талалушкиным — страстное желание спасти боевых товарищей, дать возможность роте, батальону и полку в целом продвинуться вперед, освободить еще один клочок родной земли.

Он вскочил на ноги, рывком перемахнул расстояние, отделявшее его от клокочущего свинцом дзота. Мало кто видел этот стремительный бросок: не до того было товарищам, искавшим выход из создавшегося положения. Но когда оборвалась дробь пулемета и наступила тишина, многие увидели над неприятельской амбразурой распростертое тело солдата. Они тогда не подумали о подвиге. Нет. Просто кто-то из них должен был заставить замолчать пулемет. С криком «ура» бойцы рванулись вперед и овладели опорным пунктом.

Осознание совершенного Николаем Талалушкиным пришло к ним позже, когда командир построил батальон, всех поблагодарил за выполнение задачи, теплое слово сказал о погибших, откинул край плащ-палатки. Всем открылось лицо солдата. Оно было спокойным, лишь немного утомленным, как будто после трудной дороги боец прилег отдохнуть и сейчас встанет и пойдет вместе со всеми дальше. Спокойным и удовлетворенным, исключающим даже малую тень страха. Таким бывает лицо человека, до конца выполнившего свой долг.

— Смотрите, товарищи, вот кому мы обязаны сегодняшним успехом. Рядовой Талалушкин пожертвовал собой ради выполнения задачи, во имя Родины...

Бойцы и командиры, стоя с непокрытыми головами, смотрели на распростертое тело боевого товарища. И что таить, не у одного из них выкатилась скупая мужская слеза. Не могли сдержаться, хотя и понимали: законы войны суровы и в ней без жертв не обойтись.

Вскоре павших в этом бою похоронили. Прогремел залп прощального салюта. Многих из них за проявленное мужество и героизм посмертно наградили, а комсомольцу красноармейцу Николаю Степановичу Талалушкину Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тем временем подходили к своему логическому завершению бои на орловском плацдарме, в которых принимали участие войска Центрального, Западного и Брянского фронтов. Вслед за Орлом были освобождены города Дмитровск-Орловский, Карачев и другие.

Советские войска подошли к оборонительному рубежу Хагена, созданному противником восточнее Брянска.

Враг упорно сопротивлялся. Это и понятно. В итоге наступления наших войск он лишался (так оно в дальнейшем и было) крупного узла железных и шоссейных дорог, дававшего ему возможность маневра силами и средствами по фронту и в глубину,— Брянска. Следует отметить, что победило наше превосходство в искусстве ведения наступательных операций. Войска 50-й и 3-й армий нанесли удар в тыл вражеской группировке, в направлении Бежицы, а соединения 11-й армии подходили к Десне в районе самого города. Немецко-фашистское командование не сразу определило направление главного удара.

Противник был лишен возможности вести воздушную разведку, поскольку в небе полностью господствовала советская авиация. Под ее надежным прикрытием с 11 по 13 сентября дивизия вела ожесточенные бои с противником на ближних подступах к Брянску. Оборону врага приходилось буквально прогрызать. Сплошные минные поля, дзоты, доты, другие инженерные сооружения прикрывали подступы к дорогам, хуторам, деревням, селам. Раскисший от прошедших дождей грунт, насыщенные водой низины, пойменные луга, болота мешали маневру. Тем не менее полки продвигались вперед. В эти дни частями дивизии были освобождены поселки имени Володарского, Толстого, Воровского, Фокина.

Впереди был Брянск. Разрезанный рекой Десна и ее притоком Болва, город горел. Трудно было понять, что там могло еще гореть: деревянные здания начисто были сожжены в ходе боев сорок первого и во время вражеской оккупации. Эсэсовские факельщики постарались. От старинного города осталось лишь несколько кирпичных зданий. Дивизионные разведчики доносили, что поблизости не наблюдают ни одного строения. То же доложил и командир 889-го стрелкового полка майор Филипп Федорович Заяц. Мост через Десну был взорван.

Полковник Даниловский собрал в штабе командиров частей, повел речь о форсировании Десны и овладении городом Брянском. Глядя на развешанную на стене палатки карту с нанесенной на ней обороной противника, офицеры хмурились. Их беспокоила прежде всего река. Переправочных средств в наличии не было, да и появление их в ближайшие часы не ожидалось; корпус и армия ведут наступление на широком фронте, везде водные переправы. Об этом знали, но все же каждый на что-то надеялся: а вдруг дивизионное начальство, связанное со штабами корпуса, армии, может, что и подбросит.

Между тем Федор Семенович Даниловский говорил:

— Вся надежда на вашу сообразительность. Используйте плоты, ищите рыбачьи лодки. У местного населения они должны быть, наконец, подумайте о приспособлении плетней, заборов. Единственное, чем могу помочь, — так это перед вашим выходом к урезу воды обозначить участок ложного форсирования. Мы тут присмотрели с начальником штаба участок местности для этого, — кивнул

он в сторону подполковника Абашева. — Выделили средства. Возможно, противник и клюнет на приманку, стянет туда артиллерию, минометы. Вы этим и воспользуйтесь.

Федор Семенович откашлялся и с хрипотцой в голосе продолжил:

— Форсировать нужно дружно. Промедление, разрозненность действий чреваты лишней кровью.

Остановившись на общих вопросах выполнения задачи, полковник Даниловский объявил решение на форсирование реки. Особое внимание обратил на организацию взаимодействия.

Совещание закончилось поздно вечером, а ночью полки начали выдвижение. На правом фланге гремел бой: там шло ложное форсирование. Скороговоркой заливались пулеметы, сыпали дробью автоматы, размеренно и монотонно ухали орудия, скрежетали немецкие шестиствольные минометы.

На направлениях основного форсирования пока было тихо. Гитлеровцы, изредка открывая огонь из пулеметов и автоматов, стреляли наугад. Полковые разведчики и саперы, высланные для подготовки мест переправ, не отвечали. И это, видимо, сбивало противника с толку. Враг не знал, что именно здесь развернутся основные действия. По показаниям взятых в ходе этого боя пленных, он начал перебрасывать на участок ложного форсирования пехотные подразделения, артиллерию и минометчиков.

На левом фланге передовые батальоны дивизии скрытно сосредоточились в складках местности, одновременно вышли к урезу воды и приступили к переправе на подручных средствах. Бойцы держались за бревна, бочки, толкали перед собой плоты, дощатые заборы, на которых были установлены пулеметы, противотанковые ружья, минометы, лежали ящики с боеприпасами.

В ряде мест удалось достичь противоположного берега бесшумно. Бойцы выскочили на сушу и вступили в рукопашные схватки с врагом. Вскоре берег Десны отозвался огнем. С противоположной стороны ударили наши орудия и минометы. Враг оказывал яростное сопротивление, контратаковал, стремясь сбросить в воду группы смельчаков, но к ним на помощь прибывали все новые и новые взводы и роты полков дивизии. Вскоре подошла артиллерия. Батальонные взводы сорокапяток, полковые батареи переправились по восстановленному саперами мосту.

Над переправами закружил немецкий самолет-разведчик и начал «вешать фонари». Но их мертвенный свет не мог пробить дым и пороховую гарь над рекой. Зачарованная Десна, как исстари ласково называют реку местные жители, бурлила, вздуваясь фонтанами разрывов.

Немецко-фашистское командование не рассчитывало на столь широкий фронт нашего наступления и оказалось не в состоянии наилучшим образом распорядиться силами и средствами. Под нажимом наших частей противник начал отходить. Большой успех выпал на долю батальона капитана Григория Головко. Почти без потерь он переправился через Десну, стремительным броском за-

хватил три траншеи и, сея панику среди немцев, начал громить артиллерию на огневых позициях и вражеские тылы.

Труднее пришлось 889-му стрелковому полку майора Филиппа Зайца. На направлении его наступления противник очень сопротивлялся. Но наши бойцы дрались отчаянно, командиры умело распоряжались имеющимися огневыми средствами. С каждым часом полк все больше и больше расширял плацдарм.

В грохоте канонады, в огне пожарищ части ворвались на улицы города и, не останавливаясь, устремились к центру Брянска. Командиры полков доносили в штаб дивизии о взятии зданий, улиц, кварталов. Фашисты продолжали упорствовать, порой даже контратаковали наши батальоны, но это были лишь попытки хоть как-то сдержать наступление дивизии. Не чувствовалось твердой, направляющей руки.

17 сентября дивизия совместно с частями 323-й стрелковой дивизии полковника Сергея Федоровича Украинца овладела Брянском. В тот же день бойцов и командиров облетела радостная весть. Приказом Верховного Главнокомандующего дивизии было присвоено почетное наименование — Брянская. В связи с этим на центральной площади города состоялся митинг.

— Брянцы! — обратился к воинам полковник Федор Семенович Даниловский. — Посмотрите на город, имя которого сегодня присвоено нашей стрелковой дивизии. Он весь в руинах. Фашистские варвары не пощадили ни жилых кварталов, ни школ и больниц, ни даже детских садов и яслей. Не нахожу слов, чтобы выразить свой гнев и возмущение гитлеровскими извергами. Призываю вас, мои боевые товарищи, беспощадно мстить коварному врагу, гнать его с нашей священной земли. Смерть фашистским оккупантам!

— Смерть, смерть, смерть!.. — вторили пехотинцы, артиллеристы, минометчики, саперы, связисты.

Представители местных партийных и советских органов горячо благодарили освободителей. Впервые за долгие месяцы на городских улицах вновь слышалась советская музыка, звенели песни, рассыпался дробный перестук русского перепляса. Жители Брянска праздновали освобождение.

Не сумев удержать Брянск, немецкая 9-я армия стала быстро отходить на запад, прикрывая свое отступление сильными арьергардами. Ее части стремились оторваться от наших войск и занять оборону по реке Сож, где, по планам немецкого командования, должно было быть окончательно остановлено наступление Красной Армии. Этот рубеж хотел использовать командующий 9-й армией генерал-полковник Модель для спасения своих войск от полного разгрома.

Перед Брянским фронтом была поставлена задача выйти на Сож 2—3 октября. В соответствии с ней получили задачи армия и корпус. Дивизия завязала бои на подступах к небольшому городу Почеп. Местность здесь изобиловала ручьями и болотами, низинами. Дороги же, как правило, оказывались заминированными. На

обезвреживание мин пришлось бросить не только саперов, но и подготовленные в инженерном отношении стрелковые подразделения.

Почеп стоит на реке Судость. Здесь сходилось две железные и пять шоссейных дорог. Фашисты заранее подготовили город к обороне. Несколько траншей полного профиля между собой были соединены ходами сообщения, отсечными позициями. В траншеи были врезаны доты, дзоты, поставлены орудия прямой наводки. Перед передним краем противник поставил в несколько рядов проволочное заграждение. Наиболее уязвимые места в обороне прикрыла спираль «Бруно». Все это предстояло советским войскам преодолеть. Штабы корпуса и армии требовали решительных действий.

В лоб взять город оказалось делом весьма трудным. Командование дивизии решило сосредоточить усилия на флангах. Полки начали обходить город. Выше и ниже города передовые части приступили к форсированию Судости. Противник спешно начал снимать подразделения с участков фронта обороны и перебрасывать их к местам форсирования. Этим воспользовался полковник Даниловский. Полком второго эшелона был нанесен удар по центру вражеской обороны, который позволил не только сбросить врага с правого берега реки, но и зацепиться за крайние дома Почепа на левом. Завязались уличные бои. Схватки продолжались до утра 21 сентября. Последние группы противника сдались перед рассветом.

В Почепе и прилегающих к нему хуторах было захвачено немало боевой техники, оружия. Некоторые бронетранспортеры и автомашины оказались в исправном состоянии. Их заправили горючим, маслом, приспособили для сбора и перевозки трофейного имущества.

Противнику нельзя было давать передышки. Это хорошо понимали вышестоящие штабы. Они торопили командиров с организацией преследования. В дивизию прибыл командир корпуса, в составе которого действовала тогда дивизия, генерал-майор Перерва. Ознакомившись с обстановкой и в ожидании, когда на неширокой, но глубокой речушке — притоке Судости саперы закончат постройку моста (старый был начисто снесен фашистской бомбой), вел разговор с командиром дивизии.

— Теперь Унеча... — говорил Петр Васильевич полковнику Даниловскому. — Крепкий орешек. По сведениям разведки, гарнизон там солидный, к тому же и для маневра у противника условия неплохие. Три железные дороги, не говоря уже о шоссейных. Тем не менее город нужно быстрее взять и выйти к Сожу.

Работа у саперов продвигалась споро. Бойцы тащили на себе ели, тут же обрезали до нужного размера, подгоняли и заводили под лаги. Командир корпуса время от времени посматривал на них, хмурился, наконец не выдержал:

— Вы лес-то берегите. Не один год растет это богатство.

— Товарищ генерал, — подбежал запыхавшийся командир са-

первого батальона, — берем лишь попорченные авиацией и артиллерией стволы, разбираем немецкие блиндажи.

— Значит, живете не только сегодняшним днем, капитан. Не от меня, от народа, которому здесь жить после наших с тобой дел, спасибо. — Перерва бросил взгляд в сторону моста: — Скоро?

— Минут через пять можно переправляться.

Командир корпуса встал, подал руку полковнику Даниловскому со словами:

— Жду от вас, Федор Семенович, решительных действий. Не давайте противнику оторваться, все время давите на него.

— Ясно. Будем жать, чтобы на его плечах ворваться в Унечу.

Генерал-майор Перерва, пожелав командиру дивизии успеха, убыл. Минут через сорок приступили к преследованию противника.

Вскоре начало хмуриться небо. Погода явно ухудшалась. Части и подразделения шли ускоренным шагом. По сторонам железной дороги тянулись лесные вырубки, сожженные хутора и деревни. Гитлеровцы истребляли вдоль дорог лес, предавали огню жилье, расстреливали женщин, детей, стариков. Тяжелые картины опустошения родной земли вставали перед глазами бойцов и командиров, рождая у людей боль и гнев.

Ближе к Унече начались столкновения с противником. Боевые охранения полков все чаще и чаще завязывали перестрелки с отходящими группами гитлеровцев, саперы снимали мины, проделывали проходы в заграждениях. Отдельные заслоны врага приходилось сбивать при поддержке артиллерии и танков.

Но, как ни торопились части к Унече, перед городом пришлось остановиться. Дивизионные разведчики подтвердили поступившие раньше сведения о заблаговременной подготовке фашистов к обороне. Инженерные сооружения враг прикрыл огнем артиллерии, минометов и стрелкового оружия. Без соответствующей подготовки атаковать его было трудно.

В ночь на 22 сентября полки, отдельные батальоны и роты дивизии сосредоточились в трех километрах от Унечи. Лесной массив надежно укрыл людей и боевую технику. Глухо шумели вымокшие под осенним дождем деревья, осыпая людей крупными холодными каплями, из низин тянулся туман. Костров не разводили. Бойцы прятали в рукава шинелей или под плащ-палатками огоньки самокруток. Разожгли лишь тщательно замаскированные походные кухни.

На первый взгляд все кругом казалось вымершим. Но это было далеко не так. В частях шла интенсивная жизнь. Командиры подводили итоги, штабы готовили документы, политработники проводили собрания, беседы, инструктировали партийно-комсомольский актив. Глухими лесными тропами, оврагами уходили и возвращались разведчики. Транспортники развозили боеприпасы.

Работая над архивными документами, я обратил внимание на строки: «Обходным маневром дивизия овладела крупным железнодорожным узлом и городом Унеча...» Они меня заинтересовали. Пройти за сутки больше двадцати километров, да еще и с боями, —

дело нешуточное, а тут еще и маневр. Не многовато ли? Однако встреча с бывшим командиром дивизии генерал-майором в отставке Федором Семеновичем Даниловским рассеяла сомнения.

«Унечей овладели в ночь на двадцать третье сентября, — рассказывал Федор Семенович. — Еще до подхода к лесному массиву перед городом сформировали из подразделений 862-го стрелкового полка майора Кожевникова механизированную группу с задачей обойти город с юго-востока, 828-й стрелковый полк выделил часть сил для обхода противника с севера.

Перед принятием этого варианта мнения разделились. Начальник штаба подполковник Федор Федорович Абашев настаивал на маневре. Операторы во главе с майором Петром Васильевичем Румянцевым придерживались другого мнения. И они в какой-то мере были правы. Обходы не разведаны, люди устали. Задуманный план может сорваться.

— Известный риск есть, — горячился Абашев. — Но кто на фронте не рискует! К тому же фрицы с самого Сталинграда боятся наших обходов как черт ладана. Они очень-то не будут разбираться, какими силами обойден город. Думаю, что игра стоит свеч.

— Что же касается людей, — поддержал Федора Федоровича начальник политического отдела подполковник Петр Григорьевич Жеваго, — они поймут. В группу выделим коммунистов, пошлем политотдельцев, поговорим с людьми, разъясним ситуацию. Овладеть городом малой кровью — дело заманчивое.

Весы склонились в сторону маневра.

Расчет строился на внезапности. Сделать же это было нелегко. В эфир выходить нельзя: противник может разгадать наш замысел. Решили действовать по времени. Тем не менее подготовили радиостанции. С началом боевых действий разрешили вести передачи открытым текстом. Нужно сказать, связисты майора Алексея Овчинникова сработали отменно.

Где-то ближе к двадцати двум часам полки, обойдя с флангов противника, без артиллерийской подготовки пошли на штурм Унечи. Стрелковые цепи в тылу противника появились настолько внезапно, что фашисты в первые минуты не оказали особого сопротивления. Когда же немцы начали выходить из шокового состояния, стрелковые роты открыли по ним плотный огонь.

Завязавшаяся на флангах и в тылу перестрелка вызвала тревогу у гитлеровцев, находящихся в первых траншеях. Этим воспользовались подразделения 889-го стрелкового полка майора Филиппа Федоровича Зайца. Опрокинув противника, они ворвались на городские окраины. Продвижение было настолько стремительным, что из отдельных домов немцы выскакивали полураздетыми. Большая часть гитлеровцев сразу же сдалась, а те, кто пробовал бежать, попадали под ружейно-пулеметный огонь.

Привели ко мне обер-лейтенанта — без головного убора, волосы растрепаны, в исподней рубашке, дрожит. Смотрю на конвоира. Высокий, стройный сержант отвечает:

— Выскочил, товарищ полковник, из дома и давай тягу. Мы его тут и взяли, гуся. В таком виде к вам и доставили. Честное слово!

— Верю, спасибо, товарищ сержант!

Пленный, выбивая зубами дрожь, как попугай, тараторил одно лишь слово по-русски: «Котел, котел...» Я заулыбался, а начальник разведки дивизии даже не выдержал: «Боятся русских котлов, товарищ полковник, спят и видят в них себя. Вот и этот заладил.— И к немцу: — Для тебя уже не котел, крышка, понял меня?!», — чем вовсе перепугал обер-лейтенанта.

Конечно, не все время полки продвигались успешно, как вначале. Отдельные дома и улицы приходилось блокировать, брать штурмом. Особенно враг сопротивлялся на территории железнодорожного вокзала. Однако и здесь был вынужден уступить нашему натиску. Да и как не уступишь, когда даже сейчас, спустя много лет после войны, трудно кого-либо выделить из участников этого ночного штурма. Все дрались храбро. Недавно от одного из них, бывшего пулеметчика 828-го стрелкового полка рядового Чернышова, ныне жителя совхоза «Красный Октябрь» Павловского района Воронежской области, мне передали письмо. Алексей Семенович пишет, что в бою при взятии Унечи он был ранен, но не покинул, как и многие его товарищи, ротной цепи, продолжал вести огонь по врагу. К этому остается добавить, что подвиг был массовым».

В полночь город Унеча был полностью освобожден. Из подвалов, погребов, садов и огородов на улицы повысыпали жители. Повысыпали все — от детей до стариков. Унечцы обнимали бойцов и командиров, не скрывая слез радости. Два с лишним года фашистская пропаганда неустанно твердила: «Красная Армия уничтожена! Советам воевать нечем! Их место за Уралом — в Сибири». Но время шло. Война продолжалась. Вопреки геббельсовской стряпне доносились иные вести: Москва живет, фашистов разгромили под Сталинградом, Курском... Их приносили подпольщики, партизаны, иногда пробалтывались и сами фашисты. И вот фронт докатился сюда. Пришло долгожданное освобождение...

На пристанционных путях Унечи было захвачено несколько эшелонов с вражеской техникой, боеприпасами, продовольствием. Трофейные команды взяли все на учет. С разрешения командира тыловики по просьбе представителей партийных и советских органов приступили к раздаче горожанам продуктов.

В первой половине дня 23 сентября состоялся общегородской митинг. Выступившие на нем представители общественности рассказали о зверствах оккупантов. Большинство горожан понесли тяжелые утраты в ходе гитлеровского нашествия. У того фашисты расстреляли родных, у этого казнили друзей. Члены сотен семей оказались разлученными. Люди томились на немецкой чужбине, гнили в застенках гестапо, тюрьмах, фашистских концлагерях, из-за куска хлеба батрачили на гитлеровцев, их приспешников.

Решительные действия соединения при овладении городом и железнодорожным узлом Унеча были высоко оценены Верховным Главнокомандованием, партией и правительством. Указом Президи-

ума Верховного Совета СССР дивизия была удостоена ордена Красного Знамени.

24 сентября части дивизии перерезали шоссейную дорогу Сураж — Клинцы, ликвидировали опорные пункты противника в районе хуторов Старый, Гута, Гнилуша и к исходу следующего дня вышли на реку Ипуть, где встретили организованное сопротивление неприятеля.

Больше суток дивизия задержалась на этом рубеже. Лишь подтянув артиллерию, танки, переправочные средства, части форсировали водную преграду. Однако дальше продвинуться не смогли. Систему траншей, окопов, дотов и дзотов противник опутал сотнями километров проволоки, оградил сплошными минными полями. Сказались и усталость личного состава, большая нехватка людей: в ротах и батареях оставалось в строю по 25—30 человек, а то и меньше. Да и боеприпасов было негусто: тылы завязли в грязи раскисших от осенних дождей дорог.

Затяжные бои с переменным успехом продолжались несколько суток кряду. Днем и ночью полки штурмовали фашистские укрепления, оттягивая на себя значительные силы противника.

Тем временем войска армии и фронта продолжали освобождать Белоруссию. Вслед за районным центром Могилевской области Хотимском были очищены от врага Климовичи, Костюковичи, а 30 сентября — город Кричев. 2 октября войска фронта вышли на берег реки Сож, форсировали водную преграду и захватили плацдарм на правом берегу, тем самым создав благоприятные условия для дальнейшего наступления на гомельском направлении.

3 октября дивизия передала свой участок левофланговым частям 3-й армии и правофланговым — 63-й армии и снова вошла в состав 53-го стрелкового корпуса генерал-майора Ивана Алексеевича Гарцева.

К вечеру поступил приказ о передислокации.

Дивизия убыла в тыл, где личный состав начал приводить себя в порядок: чистил и ремонтировал обмундирование, обувь, мылся. Бойцы и командиры писали письма. Чуть ли не впервые после двухмесячного пребывания на передовой спокойно принимали пищу. И что говорить, радовались долгожданному отдыху. После грохота разрывов, свиста осколков, яростных рукопашных схваток, гибели товарищей, крови, после пережитого и увиденного отдых был необходим всем: и солдатам, и сержантам, и офицерам. Нужно было забыться, сменить обстановку, обсудить прошедшие бои, извлечь из них уроки и опыт на будущее.

Затем дивизия передислоцировалась под Рославль. 8 октября части определились на постой в деревнях, названия которых нанесены далеко не на всех картах: Шумячка, Верещавичи, Федоровка, Роговой, Чернушки. Подразделения располагались в избах, палатках и землянках. Стало прибывать пополнение — люди приходили в основном из партизанских отрядов и освобожденных районов Белоруссии.

Началась боевая учеба. Шло сколачивание отделений, взводов,

состоялись сборы сержантского и офицерского составов. Командиры взводов, рот, батальонов побывали на показных тактических учениях с боевой стрельбой взвода, роты, батальона, занятиях по обкатке молодого пополнения танками. Фронтовики делились с молодежью опытом боев, учили новичков применять оружие, преодолевать проволочные заграждения, атаковать противника. Бывшие партизаны рассказывали о борьбе с фашистскими захватчиками и их приспешниками в тылу врага — диверсиях, налетах.

В частях и подразделениях шла партийно-политическая работа; создавались партийные и комсомольские организации, проходили собрания, на которых подводились итоги прошедших боев. Командиры и политработники на политических информациях, в докладах и беседах рассказывали воинам об успехах Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Если кратко суммировать эти успехи только на нашем направлении, то следует отметить, что войска Калининского, Западного и Брянского фронтов сокрушили оборону врага на фронте до 400 километров, продвинулись на запад на 250 километров, вышли в верховья Днепра, вступили в восточные районы Белоруссии и в начале октября вышли на рубеж южнее населенных пунктов Усвяты, Рудня, Ленино и далее по рекам Проня и Сож до Гомеля. Радио и газеты ежедневно приносили радостные известия. Так что поговорить было о чем.

В начале октября решением Ставки Верховного Главнокомандования Брянский фронт был упразднен. Дивизия в составе корпуса и армии была передана Центральному фронту. Памятным событием для личного состава явилось вручение боевых знамен. В частях состоялись митинги. Дивизионная газета «Чапаевец», рассказывая о подъеме среди солдат, сержантов, старшин, офицеров, вызванном вручением знамен, призывала: «Краснознаменцы! Герои Брянска и Унечи! Освободим родную Белоруссию!» И это было кстати. На центральном участке советско-германского фронта развернулись большие события.

Как стало известно из газет и передач радио, войска Калининского во взаимодействии с войсками Прибалтийского фронта наступали на витебском направлении, охватывая с севера белорусскую группировку врага. С востока, в направлении Орши и Могилева, прорывали оборону противника войска Западного фронта. С юга, на Гомель и Бобруйск, наступали соединения правого крыла Центрального фронта.

Личный состав дивизии еще не знал, что придется действовать на этом самом правом крыле и что ему уже отведено место в соответствующих планах командования.

...Сумрачным октябрьским днем части дивизии покидали места дислокации. Маршрут пролег через населенные пункты Рославль, Ворга, Корсики, Сураж, Клинцы, Новозыбков. Шли по шоссейным и проселочным дорогам. Погода испортилась. Небо затянули тучи, зарядил обложной осенний дождь. Речки, ручьи, озера взбухли, вода затопила низменные участки, мосты и переправы, дороги превратились в сплошное месиво.

Пехотинцы, артиллеристы, минометчики, связисты, медики толкали машины, орудия, повозки с боеприпасами и шанцевым инструментом, кляли на чем свет стоит «небесную канцелярию» со всеми ее атрибутами. Над батальонными и полковыми колоннами слышались надрывные голоса: «Раз, два — взяли! Еще раз — взяли! Пошла, поехала, милая!» Буксовали в жиже машины, гудели, на самых высоких тонах выли, тряслись как в лихорадке автомобильные двигатели. Лошади напрягались, храпели, рвали постромки. Выдерживали лишь люди, хотя подчас и выражались так, что высказанное не укладывалось ни в какие правила грамматики, но продолжали идти. И не просто идти, а тащить на своих плечах автомобили, повозки, санитарные фургоны.

Трудно было всем, однако в полную меру тяготы разбитых дорог, заболоченных пойм, местных переправ испытали на себе артиллеристы, толкая тягачи с боеприпасами, на руках выволакивая из непролазной грязи орудия. Командир 261-го артиллерийского полка донес в штаб дивизии: «Выбился из графика движения». Подобное донесение вскоре было получено и от командира 418-го истребительно-противотанкового дивизиона.

Участник тех событий, заместитель командира 889-го стрелкового полка по политической части подполковник запаса Николай Афанасьевич Кулябин вспоминает об этом марше: «Погода словно решила испытать нас. Проливной дождь не прекращался ни на минуту. Люди шли, проваливаясь по колено, а то и выше в болотистый грунт, помогали вытаскивать застрявшую технику, несли в руках ящики с патронами, гранатами, минами... Все исправно делали свое тяжелое солдатское дело. Словно так должно и быть, так надо. Цепляли тросами увязшие в грязи машины, повозки, выпрягали выбившихся из сил лошадей, впрягались сами и тащили все на себе, спасая оружие, боеприпасы, имущество. Бросались в мутную жижу и нередко скрывались в ней с головой.

В ходе марша не раз ловил себя на мысли, что неисчерпаема сила воли советских людей. Где и в чем истоки того, что позволяет им преодолевать сверхчеловеческое напряжение? Энтузиазм, окрыленность идеей, нашими успехами на фронтах? Это все так. Нельзя умолчать здесь и о партийно-политической работе. Многое было сделано, многое делалось в ходе выполнения задачи командирами, политработниками, партийным и комсомольским активом. Но, на мой взгляд, было еще одно, без чего нельзя рассуждать о возможностях советского солдата, его известных и неизвестных свершениях во имя Отечества. Имею в виду отличительное качество нашего народа — бодрость и крепость его духа».

Поздним утром 1 ноября 1943 года стрелковые полки дивизии сосредоточились в лесах излучины Ипути, рядом с небольшим белорусским городком Добруш. Штаб расположился в городе. Отставшие артиллерийский полк и отдельный истребительно-противотанковый дивизион прибыли лишь поздним вечером.

Началось обустройство. Подразделения ставили палатки, рыли землянки и блиндажи, оборудовали их, возводили накаты, стены

обкладывали сушняком, полы выстилали вечнозеленым еловым лапником и можжевельником. Связисты тянули нити цветного кабеля, саперы распускали бревна на доски ручными пилами, сколачивали походные столы, дверные рамы. Дымились воинские кухни, возле которых группировались штабные писаря, кладовщики, шоферы подразделений обеспечения и прочая, как они себя именовали, солдатская интеллигенция.

Со стороны Гомеля и прилегающих к нему окрестностей, где проходила линия фронта, доносился непрерывный гул. Порой он, усиливаясь, словно распадался на отдельные компоненты, и тогда явственно слышались разрывы снарядов большого калибра.

В эти дни войска Белорусского [1] фронта, в который теперь входила дивизия, продолжали охватывать Гомель с юга, расширяли захваченные еще в середине октября плацдармы на Днепре. Немецко-фашистское командование принимало срочные меры к тому, чтобы не допустить дальнейшего прорыва советских войск в южные районы Белоруссии, надеялось удержать Гомель. Для 2-й и 9-й немецких армий он был важнейшим железнодорожным узлом, где сходились их основные коммуникации. Потому здесь и продолжались жестокие бои.

В ожидании приказа части дивизии приводили себя в порядок. 3 ноября прибывшее пополнение было приведено к военной присяге. В этот же день штаб корпуса предварительно ориентировал комдива о предстоящем марше в район боевых действий. Начальник штаба подполковник Федор Федорович Абашев вместе со своим аппаратом засел за разработку документов. В полках продолжалось сколачивание подразделений, личный состав осваивал оружие, вверенную технику.

В это напряженное время я и прибыл в дивизию.

...Начальник оперативного отделения, невысокого роста, худощавый, даже скорее щупловатый, майор Румянцев в ходе первой же беседы предупредил: прежде чем исполнить документ, уясни, что от тебя требуется.

— Недопонимаешь что, спроси, — сказал Петр Васильевич.— Стесняться нечего.

Румянцев постоянно был занят: колдовал над картой или какой-либо схемой, расчетом, оформлял приказы, распоряжения, выбивал данные от командиров и штабов частей. Спокойный, усидчивый, напористый в работе, он заставлял своим примером трудиться подчиненных в полную силу. Любил повторять: «Быть осведомленным в событиях, своевременно передавать частям приказы и распоряжения, осуществлять контроль за их действиями на поле боя, четкость и аккуратность в разработке и оформлении документов — вот основные показатели, определяющие качество работы офицера-оператора».

[1] С 20 октября решением Ставки Верховного Главнокомандования Центральный фронт стал именоваться Белорусским.

Румянцев никогда не сетовал на свою хлопотливую должность. Выйдет, бывало, от командира или начальника штаба после крутого разговора, окинет нас взглядом, вздохнет и ровным голосом скажет:

— Живы будем — не помрем, тем паче от работы.

И вновь несколько часов кряду наносим на карты обстановку, решение, отрабатываем другие документы, уточняем данные, мотаемся по частям. Неточностей Петр Васильевич не терпел. Учил скрупулезно относиться к любому делу. За ошибки спрашивал по-своему. Посмотрит, бывало, с укором, поморщится и выразит свое недовольство ехидным вопросом. Стоишь и не знаешь, куда себя деть. И надолго запоминался тебе этот разговор.

Как-то я прибыл из 828-го стрелкового полка майора Николая Викторовича Красовского, доложил о выполнении задания. Петр Васильевич поинтересовался у меня:

— Что еще заметили, Александр Терентьевич, в обороне полка?

— Вроде ничего больше. — Вновь начал перечислять: — Два батальона в первом эшелоне, третий — во втором, пулеметные и минометные роты, взводы сорокапяток. Вот и все...

— Так ли? По имеющимся у нас сведениям, на опушке леса располагается полковая батарея, левее нее — приданный танковый батальон...

Он продолжал рассказывать мне о системе обороны полка. На поверку выходило, что я не увидел и трети того, что должен был не только узнать, но и проконтролировать. Петр Васильевич, заметив мое смущение, рассказал притчу, как барин приказчика нанимал. Четыре раза пришлось крестьянину бегать, для того чтобы узнать: чей обоз идет? что везут купцы? куда следует? почем товар?

— Поняли соль притчи? — спросил меня Петр Васильевич.

— Понял, товарищ майор, — во внимательности.

— То-то! — Румянцев улыбнулся, поспешил приободрить: — Не робейте, у вас получится. Трудиться любите. Освоить дело мы поможем, и все станет на свое место.

Признаться, коллектив оперативного отделения мне понравился. Здесь всегда царила непринужденная рабочая обстановка. Старшие помощники майора Румянцева — старший лейтенант Дмитрий Лаврухин и капитан Петр Герасимов — оказались людьми общительными, знающими дело. Они охотно вводили меня в курс штабной работы. Отзывчивым оказался и прикомандированный к оперативному отделению лейтенант Михаил Запарованный. Я учился у них умению оценивать обстановку, принимать решения, спокойствию и многому другому.

НА ОПАЛЕННОЙ ЗЕМЛЕ БЕЛОРУССИИ

6 ноября по радио мы прослушали доклад на торжественном собрании, посвященном 26-й годовщине Великого Октября. Успехи Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны и тру-

жеников тыла были впечатляющими. Не буду перечислять цифры и факты. Они общеизвестны. Напомню лишь мысль, высказанную в докладе Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина о том, что победы советских войск, одержанные в летне-осенней кампании, далеко вышли за пределы советско-германского фронта, изменили все дальнейшее течение мировой войны и приобрели крупное международное значение.

В моей памяти от этих дней запечатлелась карта освобожденных нашей армией районов, опубликованная в газете «Красная звезда» за 5 ноября. Мы радовались, глядя на нее. Киев, Харьков, Орел, Таганрог, Брянск, Смоленск, Сталино, Курск, Чернигов и многие другие крупные промышленные центры страны были очищены от гитлеровских захватчиков.

Петр Васильевич Румянцев, по привычке потирая ладонью висок, выразил наше общее мнение о том, что расчеты германского фашизма взять реванш за Сталинград, о которых в начале года упоминалось в газетных обзорах и приказах, провалились:

— Нет, теперь уж выкуси, господин Гитлер! Посмотрим, как ты запоешь, когда над твоей головой начнут рваться бомбы. Война придет туда, откуда пришла она к нам.

Во второй половине дня из штаба корпуса прибыло распоряжение о подготовке к маршу. И вновь за дело: отрабатывали маршруты выдвижения полков, специальных частей, поднимали карты, готовили донесения. Все нужно было продумать, все предусмотреть.

Под утро дел немного поубавилось. Вышел из прокуренной комнаты и с жадностью глотнул свежего воздуха. Ноябрьский ветер так вымел небосвод, что казалось, никогда я не видел таких четко очерченных звезд. Они ярко горели над головой, цеплялись за верхушки тополей и крыши домов вымершего ночного городка. Под лунным светом голубели постройки, мостовые, ветви деревьев и даже почерневшая от дождей трава. И если бы не военные машины, да прохаживающийся по двору часовой с автоматом за плечом, да пофыркивание оседланных лошадей у коновязи, была бы это обычная картина мирной погожей осенней ночи.

— Товарищ старший лейтенант! — послышался за моей спиной приглушенный голос.

Я оглянулся: у крыльца под раскидистой липой стоял солдат. Посыльный Селиверстов. Небольшого росточка, в наползшей на самые глаза ушанке, по поводу чего за несколько часов его дежурства штабные писаря уже успели отпустить не одну колкость. Боец невозмутимо переносил насмешки, разводил руками: мол, что поделаешь, раз я такой нескладный уродился, на гражданке носил шапки-маломерки или шил их по заказу. А может, покорностью заглаживал вину. Выданный накануне новый головной убор, из-за которого старшине комендантской роты пришлось изрядно пошарить по закоулкам дивизионных складов, подарил беспризорному мальчишке, за что получил взыскание и бывшую в употреблении, видавшую виды, на пару размеров больше шапку-ушанку.

— Вас вызывает майор Румянцев, — сообщил посыльный.

— Иду.

В комнате находились офицеры оперативного отделения. Петр Васильевич давал указания; увидев меня, произнес:

— Проходи ближе, Алтунин. Разъезжаемся по частям. Вам надлежит убыть к майору Зайцу. Проверьте отработку документов, зенитное обеспечение марша, проконтролируйте время выхода полка на свое направление и организацию службы регулирования.

Румянцев начертил на карте маршрут выдвижения 889-го стрелкового полка, подал ее мне со словами:

— Задача ясна?

— Так точно!

— Заодно захватите распоряжение командиру. Сейчас его законвертуют.

889-й стрелковый полк я застал на месте. Но по всему чувствовалось, что он вот-вот тронется. Палатки были сняты, догорал огонь походных солдатских кухонь. Бойцы крепили на повозках последнее хозяйственное имущество. Старшины проверяли укладку снаряжения, поторапливали ездовых, как правило, людей пожилого возраста. Невдалеке лейтенант проверял экипировку личного состава взвода.

Я подошел ближе. Офицер приложил руку к головному убору и представился:

— Командир взвода пешей разведки лейтенант Дмитриев.

— Вижу, что не конной.

— Как?

— Лошадей нет.

Дмитриев улыбнулся.

Познакомились. Иван Захарович Дмитриев выделил мне сопровождающего до штаба полка. Минут через десять мы были на месте. В небольшой избе лесного хутора шло совещание. После проверки документов меня пропустили в помещение.

— Саперы пойдут в отряде обеспечения движения, — говорил майор с большими серыми глазами. Отыскав взглядом плотного старшего лейтенанта, он спросил: — Лес не забыли заготовить, Отпущенников?

— Никак нет, погрузили.

— То-то, в прошлый раз вы здорово полк подвели. Что ни канава, то остановка. Нет даже слеги, чтобы перебросить. Нужно головой думать.

Присутствующие заулыбались, а командир полка закончил:

— Надеюсь, в этот раз все будет нормально?

— Так точно, товарищ майор.

— Садитесь.

Майор, напомнив присутствующим о своевременности докладов, отпустил офицеров. Я представился, доложил о цели прибытия.

— Здравствуйте, товарищ старший лейтенант, — дружелюбно

улыбнулся майор Заяц и протянул руку. — Значит, контроль и помощь?! Ох, Румянцев, Румянцев, беспокойный ты человек! Узнаю Петра Васильевича. — Майор бросил взгляд на часы: — До начала марша сорок минут. Завтракал?

— Нет.

— Я тоже.

Заяц позвал ординарца и отдал распоряжение. Солдат вышел. Но почти тут же в избе появилась хозяйка. Крупная старая женщина тяжело дышала, седые волосы выбились из-под черного в белых горошинах платка: видно, торопилась. Большими руками с узловатыми пальцами она поставила на стол что-то завернутое в расшитое красными крестами полотенце и отбросила в стороны его концы. Открылась алюминиевая миска, с верхом наполненная исходящей паром картошкой.

— Прошу вас откушать, сынки, — пригласила она певучим голосом.

— Что вы, мамаша, беспокоились! — начал было Заяц.

— И не говорите! Идете на такое дело, а я бы вас не покормила? Да я никогда себе этого не прощу.

— На какое такое дело, мамаша? — оторвался от бумаг начальник штаба капитан Модин.

— Так туда же, — махнула она рукой в сторону фронта.

— Верно, туда...

— Вот и я об этом. Сейчас огурчиков принесу, сама солила.

Женщина метнулась к двери и спустя пару минут возвратилась с тарелкой еще не потерявших цвет, пахнущих укропом огурцов. Почти тут же вошел плотный майор.

— Не будем обижать хозяйку, Филипп Федорович, — обратился он к командиру. — Перекусим на дорожку.

— Во-во, перекусите, сынки, перекусите.

— Кулябин, — протянул мне руку майор. — Заместитель командира по политической части.

Сели за стол. Хозяйка поставила чистые тарелки, соль, отошла в сторону и молча присела на краешек скамьи.

— А вы, мамаша? — поднял на нее глаза Кулябин.

— Нет-нет, я потом, после. Куда мне спешить, это вам вот другое дело. Надо.

Женщина смахнула слезы, вздохнула. Это не ускользнуло от майора Кулябина. Николай Афанасьевич мягко сказал:

— Не нужно печалиться, мать.

— Да ить не на свадьбу вас провожаю, под пули. Вы уж там поберегитесь, сынки. Матери, наверное, уже все глаза проплакали.

Я смотрел на эту простую белорусскую женщину, а перед глазами стояла мама. Как она там? Может быть, вот так же утирает слезы? Последнее письмо из Стекляшки, что привольно раскинулась на родной омской земле, получил месяц назад. Мама, Ирина Андреевна, писала, что дома все благополучно. Она никогда не жаловалась и нам, детям, прививала эту хорошую черту. Мама, бывало, любила, скрестив на груди руки, смотреть, как мы вечером

возвращаемся с работы. Лицо ее при этом светилось тем большим внутренним светом, от которого легко и радостно становилось на сердце.

— О чем размечтался? — дотронулся до моего плеча Филипп Федорович Заяц.

— О доме вспомнил.

— Это хорошо. Отчий дом забывать нельзя. В нем частица каждого из нас. Да еще и какая частица!

Распрощавшись с хозяйкой, мы вышли на улицу. С северо-запада, охватывая полукругом небо, наплывала бурая туча. Холодный, порывистый ветер гудел в подворотне, срывал последнюю листву с деревьев, гнал пожухлую траву.

— Никак, опять заневзгодило. Дождь будет.

— Бери выше, Алтунин, снег, — обернулся Филипп Федорович.

Из конца в конец хутора разнеслась команда «Смирно!». Заместитель командира, невысокого роста, подтянутый и моложавый майор, доложил майору Зайцу о готовности личного состава и техники к маршу.

— Николай Сергеевич! — окликнул Филипп Федорович начальника штаба Модина. — Когда убыл отряд обеспечения движения?

— Тридцать минут назад, — ответил Модин и, бросив взгляд на циферблат наручных часов, добавил: — По нашим расчетам, главные силы трогаются через пятьдесят.

— Значит, через десять минут выступаем. Николай Афанасьевич, у вас все готово? — обернулся командир полка к майору Кулябину.

— Да, Филипп Федорович, готово.

Обращение командира, его заместителя по политической части, начальника штаба капитана Николая Сергеевича Модина друг с другом и с подчиненными мне нравилось. Тон был спокойным, без нажима на голосовые связки. Потому, наверно, и отсутствовали суета и нервозность у людей. Каждый из них был занят своим делом. Подразделения полка, строго выдерживая расчетное время, начали движение. Лица людей были бодры. На них не лег еще серый, землистый оттенок усталости от марша.

Взводы, роты, батальоны четко и размеренно печатали шаг, шла артиллерия на конной тяге. В этой походной поступи угадывались слаженность и сила людей, спаянных одними заботами, мыслями и одним желанием.

Нелегко оказалось выдержать скорость марша, точно по срокам проследовать через рубежи регулирования. Под ногами чавкал сырой белорусский торфяник, а начавшийся вскоре дождь постепенно перешел в снег. Шинели, ватники, брюки, обувь намокли и мешали движению.

К вечеру снег усилился. В этот день мы ощутили первое дыхание зимы.

С наступлением темноты прошли через небольшой хутор. Окна крестьянских домов были затемнены, местные жители соблюдали

меры маскировки. Рядом располагалась наведенная армейскими саперами переправа, к которой сходились десятки фронтовых колонных путей, а неподалеку, на той стороне реки Сож, находилась передовая — и в хуторе действовали законы переднего края. На подходах к реке была налажена комендантская служба.

— Не останавливаться! — то и дело напоминали подразделениям регулировщицы.

Вскоре полк вышел на свое направление. Можно было возвращаться в штаб. Собственно говоря, особого моего вмешательства и не потребовалось. Все было спланировано, предусмотрено, разложено, как говорят, по полочкам, начиная от подъема маршрута на карте и кончая привалами и приемом пищи личным составом. Сказалась подготовка офицеров штаба и лично командира полка майора Зайца.

Случается так: встретишь человека, побудешь с ним всего несколько часов, но он надолго, иногда и на всю жизнь, остается в твоей памяти. С Филиппом Федоровичем Зайцем свели меня фронтовые пути-дороги во время эпизода, о котором уже рассказал выше, да были еще две-три короткие встречи в ходе начавшегося вскоре наступления на западном берегу реки Сож. Он мне запомнился своей быстрой походкой, мгновенной реакцией, прямотой в суждениях.

Филипп Федорович все время был в движении, до всего старался дойти сам.

— Привычка, старший лейтенант, — на одном из привалов признался он мне. — Еще с Халхин-Гола. Где сам проморгаешь, там, как правило, прореха. Да и эта война многому научила.

О себе за весь марш Филипп Федорович Заяц сказал буквально два слова, и то мимоходом, сравнивая природу родной Днепропетровщины со здешними блеклыми красками поздней осени. Лишь спустя некоторое время, когда я прибыл в полк на должность командира батальона, а майор Заяц в это время уже убыл с повышением в соседнюю дивизию, узнал от однополчан, что Филипп Федорович добровольцем пошел в армию. Окончил пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. За халхин-гольские бои удостоился ордена Красной Звезды. В том же году ему было досрочно присвоено звание старшего лейтенанта. Затем последовало повышение в должности. Перед самой войной он окончил академию.

Великую Отечественную войну встретил в 201-й стрелковой Латышской дивизии на должности начальника оперативного отделения. Испытал горечь отхода, не раз пришлось лежать под бомбежками, водить в контратаки обескровленные батальоны, сдерживая врага до последнего.

Филипп Федорович оборонял подступы к Москве. За умелую организацию боя, личную отвагу при освобождении города Боровска был награжден орденом Красного Знамени. Затем 197-я стрелковая. Бои под Брянском, Унечей. Человек неробкого десятка, он не терялся в трудных ситуациях. Под селом Мокрый Верх гитле-

ровцы прижали батальоны полка к земле. Личным примером поднял стрелковые цепи и опрокинул врага.

Боевым прошлым, наградами Филипп Федорович старался не выделяться среди окружающих его офицеров. Был скромен и ровен с подчиненными, заботился о них. С подходом полка к реке Сож разослал офицеров штаба по подразделениям, с тем чтобы они проверили обеспечение людей горячей пищей. Маленький штрих из полковой жизни, но говорит он о важном — командирской заботе о людях.

— Поймите, — говорил Филипп Федорович, — личный состав устал, намерзся, да еще и поест всухомятку. Какое тут может быть настроение! На пустой желудок дальше дело не пойдет. И организовать прием пищи нужно в темное время суток. С рассветом много не сделаешь. Не до того будет.

Командир полка как в воду глядел. Мне потом рассказали. Часов в восемь утра появилась «рама» [1], а спустя полчаса под охраной истребителей пожаловали бомбардировщики. Застучали зенитки, полк открыл по противнику огонь из стрелкового оружия. Тут уж было бы не до еды.

В течение дня налеты вражеской авиации продолжались с интервалами в несколько минут. Не успеют наши пилоты отогнать фашистских стервятников, как те появляются вновь. Однако потерь полк не понес, если не считать убитых лошадей из трофейной команды. И здесь сказалась предусмотрительность командира полка: заранее рассредоточил подразделения.

Таков он был, командир 889-го стрелкового полка майор Филипп Федорович Заяц.

Возвратившись в штаб дивизии, я доложил майору Румянцеву о выполнении задачи. Петр Васильевич был доволен. На мой недоуменный вопрос: какую я принес пользу полку? — заметил:

— Главным образом принесли пользу себе. Посмотрели, как работает штаб, командир. У Зайца многому можно поучиться — толковый, знающий офицер.

Я согласно кивнул.

— Ну вот, а говорил, что напрасно проболтался несколько часов. Я вас туда специально послал. Теперь будет что и с чем сравнивать в других частях.

Приказа о смене передовых частей корпуса, которые в ходе боев на правом берегу реки Сож понесли значительные потери, все еще не поступало. В ожидании прошло несколько дней. В один из них дивизия скрытно сосредоточилась у села Ветка. Теперь до передовой было, как говорят, рукой подать. Отчетливо слышалась не только артиллерийская канонада, но и ружейно-пулеметная перестрелка.

Наконец долгожданный приказ прибыл. В ночь на 20 ноября дивизия на левом берегу Сожа сменила левофланговые части 96-й и правофланговые части 260-й стрелковых дивизий. Смена прошла

---

[1] Так называли фронтовики немецкий двухфюзеляжный самолет-корректировщик «Фокке-Вульф-189».

быстро, без особых осложнений. Передавая районы обороны, командиры сменяемых частей ознакомили нас с системой огня противника, последними данными разведки. Фашисты не проявляли особого беспокойства: видимо, не знали о нашем перемещении.

Остаток ночи и следующий день 889-й и 828-й стрелковые полки, находившиеся в первом эшелоне дивизии, дооборудовали позиции, вели разведку переднего края противника, пополняли боеприпасы. Штабы с получением боевого приказа на наступление готовили документы. Командиры полков, батальонов и рот с офицерами приданных и поддерживающих частей и подразделений проводили рекогносцировочные работы; в этот раз дивизию усилили двумя танковыми, самоходным, артиллерийским полками, несколькими специальными дивизионами и батальонами. Правда, танковые и самоходный полки были изрядно потрепаны в предыдущих боях и насчитывали всего лишь десятка два боевых машин.

Следует сказать и еще об одной немаловажной детали: перегруппировка корпусом сил и средств, частичная передача нам боевых участков других дивизий значительно усилили мощь наших сил на сожском плацдарме.

Вечером из штаба корпуса прибыл приказ, согласно которому дивизия получила задачу прорвать оборону противника на участке хуторов Новая Жизнь, Золотой, овладеть высотой 144,1, Лопатино, поселком и железнодорожной станцией Костюковка.

По данным разведки, в полосе наступления дивизии гитлеровцы успели создать крупные узлы сопротивления, включающие в себя инженерные сооружения, доты, дзоты, отсечные позиции, сплошные минные поля, сеть проволочных заграждений. Местность благоприятствовала противнику. Оседлав холмы, немцы под перекрестным огнем держали подходы к переднему краю. Поэтому выполнение предстоящей задачи накладывало большую ответственность на организаторов боя.

По инициативе штаба дивизии полковая артиллерия, батарея истребительно-противотанкового дивизиона, частично подразделения артиллерийского полка были приданы стрелковым батальонам. Артиллерию предусматривалось использовать как орудия сопровождения пехоты. Исключение составили две батареи 418 иптад и рота ПТР. Они вошли в противотанковый резерв командира дивизии и заняли огневые позиции на танкоопасном направлении: перекрестке дорог Радуга — Хальч — Калиновка.

В штабе дивизии, полках, батальонах, ротах шла интенсивная подготовка к наступлению. Командиры, политработники в ходе работы с людьми использовали опубликованные в центральных газетах Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении ордена Победы» и «Об учреждении ордена Славы I, II и III степени». В штабе дивизии состоялась политическая информация. Начальник политического отдела подполковник Жеваго, выступая перед нами, сказал:

— Вдумайтесь, товарищи, в само слово — Победа. Оно олицетворяет мечту каждого из нас. Трудными фронтовыми дорогами мы идем к ней. В огне боев теряем товарищей, друзей, близких. Но как бы ни было тяжело, мы — победим. Придем к ней, на радость нашим матерям, отцам, женам, братьям и сестрам, всему советскому народу.

К исходу ночи на 21 ноября дивизия была готова к наступлению. Передовые полки заняли исходное положение, артиллеристы и минометчики — основные позиции. Возвратились с передовой саперы майора Константина Сергеевича Лапшина. Они проделывали проходы в проволочных заграждениях и минных полях противника. На счету батальона значились тысячи обезвреженных мин, не считая рытья и оборудования окопов, блиндажей, различного рода укрытий. И все это в темное время суток. Когда же наступал день, хватало работы в тылу: строили проезды, выезды, дороги. Когда бы я ни приехал к ним (ездить же перед наступлением, а чаще всего ходить с различными поручениями пришлось немало), саперы всегда были заняты работой. Комбата Лапшина трудно было застать в штабе. Невысокого роста, степенный, даже до некоторой степени флегматичный, Константин Сергеевич обыкновенно находился с людьми, а значит, там, где личный состав трудился. Спокойно меня выслушивал и не торопясь называл те или иные данные; если же что-то не было готово или в чем-либо он сомневался, просил подождать, называл сроки выполнения. Проверять его было не нужно. У него слова не расходились с делом. Таким он и остался в моей памяти.

Рассвет мы, офицеры оперативного отделения дивизии, встретили на ногах, хотя начальник штаба разрешил нам отдохнуть часок-другой. Не был против этого и наш начальник майор Румянцев. Сам Петр Васильевич продолжал проверять нанесенную на карте обстановку. Глядя на него, мы тоже не прекратили работу. Под утро же в штаб потянулись командиры приданных и поддерживающих подразделений, прибыли офицеры связи — стало и совсем не до сна.

Перед рассветом выпал небольшой снежок, ветер разогнал тучи, а легкий морозец начал схватывать проталины. Мы обрадовались: если погода наладится, то у нашей авиации появится возможность нанести удары по разведанным целям противника и объектам в глубине его обороны. Авиационная поддержка была необходима и с моральной точки зрения. Дело в том, что на этом небольшом плацдарме несколько дней подряд шли ожесточенные бои. Закрепившись, как уже отмечалось, на господствующих над местностью холмах, противник успел подготовить местность в инженерном отношении, создал хорошую огневую систему. К тому же имел возможность маневрировать силами и средствами. Неоднократные попытки дивизий первого эшелона нашего корпуса прорвать оборону немцев успеха не принесли. Между тем командование требовало решительных действий. Понятно, почему: перерезав железную дорогу у станции Костюковка, мы лишали фашистов маневра, охва-

тывали с севера Гомель, гарнизон которого продолжал сдерживать продвижение армии.

Однако нашим надеждам на поддержку авиации не суждено было сбыться. На рассвете началась оттепель, заклубился, поднимаясь из низин, туман. В начале восьмого из 889-го стрелкового полка поступило тревожное сообщение: передний край противника не виден. Подобная весть пришла и от майора Николая Викторовича Красовского — командира 828-го стрелкового полка. Вскоре в молочной пелене оказался и наш наблюдательный пункт. Забеспокоились представители корпуса, армии. Начались тревожные звонки.

Атаковать противника в назначенный срок не решились. В томительном ожидании прошел час, пошел второй... Нервничали командиры, офицеры штабов, личный состав на исходных рубежах для атаки. Всех томила неопределенность. Полковник Даниловский не подходил к телефонам, мерил шагами туда и обратно траншею, ведущую от наблюдательного пункта к блиндажу. На звонки отвечал начальник штаба дивизии. Приблизительно часов в десять он, взяв трубку и выслушав абонента, удивленно переспросил:

— Что, атаковать? Да ты в своем уме, Красовский! В двадцати шагах ничего не видно. Пушкари отказываются вести артподготовку.

И, чуть помедлив (видимо, выслушивал доводы командира 828-го стрелкового полка), продолжил:

— Давай-ка Забазнова сюда с вашими выкладками и предложениями.

Пока начальник штаба 828-го стрелкового полка капитан Алексей Прохорович Забазнов добирался до НП командира дивизии, предложение майора Красовского стало известно офицерам штаба. Кто-то съязвил: мол, Красовский привык брать противника по-тихому, из-за угла, вот и теперь предлагает без артподготовки идти на пулеметы, намекая на прошлое Николая Викторовича — до войны он был начальником погранотряда. Но полковник Даниловский так глянул на офицера, что тот поспешил замолкнуть.

Минут через сорок прибыл капитан Забазнов, уставший, в заляпанных грязью сапогах и шинели.

— Батальон капитана Левина, — докладывал капитан командиру дивизии и начальнику штаба, — используя туман, обошел охранение немцев, вплотную подошел к проходу в проволочных заграждениях противника, а выделенная в разведку группа продвинулась дальше. Немцы ведут себя спокойно, играют.

— Как «играют»?

— На губных гармошках, от скуки. Не ждут они нас, товарищ полковник. Левин предлагает, используя сложившуюся ситуацию, без артподготовки атаковать.

— Рациональное зерно в этом есть, — задумчиво произнес Даниловский. — Как, Федор Федорович?

— Думаю, что да, — ответил начальник штаба дивизии. — Чем черт не шутит! Как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Разрешите продолжать, — подал голос капитан Забазнов. — Мы с командиром предлагаем атаковать в двенадцать часов.

— Почему? — поинтересовался майор Румянцев.

— В двенадцать фрицы уходят в тыл обедать и на позициях остаются лишь дежурные. Об этом нас предупреждали предшественники — разведчики двести шестидесятой дивизии, да мы и сами вчера убедились. Даже личное оружие не берут с собой.

— Каковы нахалы! — покачал головой подполковник Абашев.

— Уверены, что их не потревожат, — подытожил полковник Даниловский. — Вот и ведут себя беспечно. — И уже задумчиво, сдвинув кустистые брови к переносице: — Знаете, какая в голову мне пришла мысль! Противник наверняка нас не будет ждать еще и потому, что за последнее время привык к нашему «классическому» наступлению: утро — артподготовка — атака. Немец, он по своей природе педант, хотя и извлекает для себя уроки, но, чуть что, подсознательно скатывается к своим принципам. Вот мы его и тряхнем не по сложившимся канонам. Доложу сейчас о своем решении комкору, да и командарму нужно донести, несколько раз справлялся. Недоволен генерал-лейтенант, считает, что на месте топчемся.

Федор Семенович Даниловский откашлялся, глянул на капитана Забазнова:

— Вам с Красовским спасибо, не забудьте поблагодарить Левина, да и его подчиненных, за сметку и дельное предложение. Можете идти.

Забазнов вышел. Командир дивизии посмотрел на часы и обратился к начальнику штаба Абашеву:

— Значит, в двенадцать. Готовьте распоряжение. Начнет Красовский, но и Заяц пусть выдвинется и будет наготове. А может, им одновременно атаковать? Подумайте, Федор Федорович.

— Хорошо, подумаем.

Было решено противника атаковать двумя полками. Основной удар наносил 828-й полк майора Красовского, в первом эшелоне которого действовали батальоны капитанов Левина и Головко, батальон капитана Иваницкого — во втором. Всем троим офицерам спустя трое суток было присвоено воинское звание «майор».

В полку Красовского мне довелось быть за полчаса до наступления. Спокойно, не торопясь, Николай Викторович отдавал последние распоряжения:

— Батальон капитана Иваницкого десантом на приданных нам танках и самоходно-артиллерийских установках прорывается в тыл противника с задачей подавить артиллерийские и минометные батареи врага. Они вот здесь. — Красовский красным карандашом обвел огневые позиции батарей противника на испещренной вдоль и поперек цветными карандашами карте, продолжил: — Мы в это время в первых траншеях будем доколачивать противника.

В его голосе было столько уверенности в успехе, что никто из окружающих не сомневался: именно так и будет протекать бой. И она, эта уверенность, передалась бойцам. Они пребывали в том

состоянии духа, в котором находится человек накануне свершения важного жизненного дела. Я заглянул в землянку к разведчикам. Бойцы осматривали оружие, курили. Один из них начал было вытаскивать из вещмешка свежее белье, но его тут же остановили:

— Ты что, помирать собрался? Погоди. Дел еще много впереди, успеешь.

Было видно, что все — от командира до солдата — живут предстоящей задачей, верят в то, что выполнят ее. Заместитель командира по политической части майор Салтыков, передавая со мной политдонесение, сказал:

— Передай начальнику политотдела: задача будет выполнена.

В двенадцать часов полк поднялся в атаку. Наше появление перед противником действительно было для него неожиданностью. Вражеские наблюдатели и дежурные пулеметчики в первой траншее бросили оружие и побежали, охранение врага было снято несколькими минутами раньше.

Призраками возникли бойцы Левина и Головко перед второй траншеей врага. Гитлеровцы принимали пищу и вначале не обратили внимания на вынырнувшую из тумана цепь, а когда разобрались, то в панике заметались по траншее, кинулись назад. Одни тут же попадали под пулеметные и автоматные очереди, корчились в предсмертных судорогах на припорошенной снегом земле, другие мчались в спасительный тыл. Бойцы и командиры гнали фашистов, расстреливали в упор, кололи штыком, били прикладом.

Русский человек страшен в гневе и необорим. Порой и росточком не вышел, и силенок немного, а идет напролом, крушит все на своем пути. В этом и проявляется сила духа, что испокон веков была заложена в нем. Она, эта сила духа, родила героев битв на Чудском озере, Куликовом поле, под Полтавой, на Бородинском поле и в ходе многих других сражений. Помогла нам одолеть фашистские полчища под Москвой, Сталинградом, Курском, на Днепре. Помогала нам теперь и на этом безымянном плацдарме, у реки Сож.

Постепенно бой на плацдарме принимал очаговый характер, батальоны и роты уничтожали противника в его узлах сопротивления. Но было в этих, на первый взгляд казавшихся разрозненными, действиях и общее — движение вперед, от траншеи к траншее, от позиции к позиции, в глубь обороны противника. Слышались голоса орудий разного калибра: глухо ухали сорокапятки, резче — противотанковые пушки, или, как их уже окрестили, «зверобои», и надрывисто, с каким-то аханьем подавали голоса гаубицы. Где-то в глубине обороны противника, сотрясая окрестности, раскатились взрывы снарядов РС: приданный нам дивизион «катюш» обрушил залп на выдвигающиеся резервы фашистов.

В штаб дивизии начали поступать данные о результатах боя. 889-й стрелковый полк майора Зайца за неполных два часа вышел на позиции полковых резервов врага. Красовцы продвинулись еще дальше. 3-й батальон полка, вырвавшись вперед на танках и САУ, продолжал уничтожать живую силу и огневые средства в тылах

противника. Взвод младшего лейтенанта Пономаренко захватил на позиции противника пять исправных шестиствольных минометов с полным комплектом боеприпасов. Отличились и другие подразделения, многие офицеры, сержанты и солдаты. Комсорг 1-го стрелкового батальона старший сержант Петр Вертей поднял в атаку прижатую пулеметным огнем противника роту. Рядовой этого же батальона Григорий Притыченко, увлекая за собой товарищей в атаку, уничтожил гранатой вражеский пулемет.

Командир дивизии, начальник штаба торопили полки.

— Не давай противнику опомниться, — требовал от майора Зайца полковник Даниловский. — Огрызается — дави его, дави, пока не пришел в себя.

— Это хорошо, что командир немецкой дивизии оставил в своем блиндаже парадный мундир с регалиями и сковородку с горячей яичницей, — довольно рокотал в трубку подполковник Абашев. — А вот что он сам ускользнул — жаль. Думаю, что ты не собираешься полдничать фашистским харчем, Красовский? Твоя задача — вперед и вперед. Главное для нас — Костюковка, железная дорога, понял меня?

Часов в шестнадцать выглянуло солнце. Туман начал редеть. Вначале проступили очертания кустов можжевельника и редких берез, затем обозначились траншеи с пулеметными гнездами, окопы, позиции легких минометов, зачернела оставленная врагом техника. Танки, бронетранспортеры, штурмовые орудия, зенитные установки на позициях, тягачи, уткнувшиеся тупыми носами в землю, — все это было хаотически разбросано по фронту и в глубину немецкой обороны. И все это было почти цело — так стремительно бежали фашисты. Вот что значит внезапность! Оборона врага, которую несколько суток кряду безуспешно штурмовали части корпуса, была преодолена малой кровью.

Полки продолжали вести бой в глубине обороны противника. К семнадцати часам были взяты хутора Контуровка, Новики, Канитов, Сташки, вернее сказать, места, где они раньше располагались: фашисты начисто уничтожили все строения, а жителей выселили, живность сама разбежалась по окрестным буеракам. Передовые батальоны подходили к большим хуторам Орел и Остров.

Наметился успех и у соседей. По поступающим в штаб сведениям, 96-я стрелковая дивизия вела уличные бои в селе Радуга, 260-я стрелковая хотя и медленно, но продвигалась на левом фланге.

Казалось, и дальше в этот день нам будет сопутствовать удача. Но — увы! Помню: мы, отправив очередное донесение о продвижении передовых полков в штабы корпуса и армии, уже готовились к перемещению на новый командно-наблюдательный пункт, когда из-под проглянувшего солнца вынырнули немецкие самолеты. Дружно ударили зенитные установки, донесся частый перестук наших зенитных орудий с переправы через Сож. «Юнкерсы», соблюдая четкий строй, прошли над самым штабом, разделились на две группы и ринулись на вытянувшиеся в походные колонны тылы стрелко-

вых полков. Сбросили бомбы. Смертоносный груз попал в цель. Обстреляв еще и пулеметным огнем машины и повозки с боеприпасами, продовольствием, различным имуществом, гитлеровцы улетели.

Минут через десять — пятнадцать под прикрытием истребителей появились наши бомбардировщики. Мы с радостью глядели на краснозвездные самолеты. И каково же было огорчение, когда пришло сообщение от майора Красовского, что под их бомбы попали и вырвавшиеся вперед подразделения нашего полка. Винить летчиков было бы несправедливо. До них еще не дошла последняя информация о положении частей. Дорогую цену пришлось заплатить за недостаточную связь наземных войск с авиацией.

Пока разбирались в причинах случившегося, отвечали на звонки и запросы, на землю опустились ранние ноябрьские сумерки. К этому времени передовые части достигли Лопатина, где их остановил противник. Нужно было принимать решение. Майор Румянцев разослал нас по полкам для уточнения достигнутых рубежей. Точно не помню, в котором уже часу, но приблизительно около полуночи я добрался до расположения 889-го полка. Пока разыскивал штаб — все говорили, что он где-то рядом, рукой до него подать, но точно никто не знал, — основательно продрог. Наконец встретил сержанта-связиста. Вернее, вышел на его ворчливый голос. Соединяя обрывки проводов, он на чем свет кого-то костерил:

— Понадают всякую зелень перед наступлением! Говорят: учи, Семенов, учи. А когда учить-то, тут работать нужно, задачу выполнять. Вот и делаешь все сам, так их разэтак...

— Это кого же так чихвостишь, сержант?

Взлетевшая вверх серия ракет осветила меня.

— Кого? Да помощников своих, товарищ старший лейтенант.

Сержант вздохнул и вновь принялся сращивать концы кабеля.

— Проложили провода вместе. Их одной миной и шандарахнуло. Штаб без связи остался. Командир полка пообещал баню нынче устроить. В общем, виноваты, кругом виноваты. А вы снова к нам?

— Разве мы встречались, сержант?

— Как же, виделись. Вы к нам в полк перед Сожем приезжали. Тогда-то вас и приметил.

— Ну коль так, проводи меня к штабу.

— Сейчас, сращу только концы.

Семенов соединил оголенные части провода и начал быстро заматывать их изолентой. Лицо, руки, не говоря уже о сапогах и шинели, у него были в грязи. Заметив, что я с интересом рассматриваю его, обронил:

— Угодил в воронку.

В это время небо вновь располосовали ракеты.

— Боятся фрицы, как бы еще ночью не шуганули их. Светят, обстреливают с высот, забрасывают минами и снарядами, лихоманка их забери. А толку-то что, лишь себя беспокойством изводят.

Сержант пустился было в рассуждение о бессмысленности фашистского сопротивления, но я его поторопил. Вскоре мы гуськом

шли по протоптанной связистами тропинке: впереди — Семенов, за ним — я, а следом — сопровождавшие меня автоматчики. Небо то и дело расцвечивалось каскадами ракет. Где-то недалеко послышался надрывистый гул самолета.

— Немецкая «рама», — пояснил словоохотливый сержант. — Сейчас подсветку вешать будет, трусят фрицы.

Вскоре действительно вспыхнули осветительные бомбы. Местность залило голубоватым светом. Ясно и отчетливо стали видны бугры, лощины, деревья, кустарник, залитые водой в низинах тропы, воронки.

— Хоть иголки считай, товарищ старший лейтенант, — обернулся Семенов.

— Не разговаривай, поторапливайся, пока немец «условия» создает.

Минут через двадцать прибыли в штаб полка. Вошли в добротно оборудованный блиндаж и сразу же попали в ритм полковой жизни. Звонили телефоны, из подразделений с сообщениями прибывали связные. Начальник штаба Николай Сергеевич Модин, выслушивая по телефону абонентов, связных, уточнял положение батальонов. На мое появление лишь кивнул, продолжая заниматься своим делом.

У задней стены блиндажа перебирал какие-то бумаги на сколоченном наспех походном столе командир полка. В углу, по правую сторону от командира, о чем-то вел разговор с комсоргом полка Николаевым майор Кулябин.

— Николай Сергеевич, напоминай комбатам о представлениях на отличившихся, — оторвал взгляд от бумаг майор Заяц. — Ни один человек не должен остаться забытым.

Филипп Федорович был весел и возбужден. Подписывая наградные реляции, майор вспоминал подробности эпизодов сегодняшнего боя.

— Нет, что ни говори, Николай Афанасьевич, — обернулся он к майору Кулябину, — а я сегодняшним днем доволен. Все дрались хорошо. Помнишь наводчика Мехонцева?

— Небольшого росточка, щупленький такой?

— Он самый. Этот «щупленький» две огневые точки подавил, а когда фрицы перешли в контратаку, остановил дрогнувшую было пехоту. Вот тебе и неказист, и в кости мелковат. Молодчага! А седьмая рота как дралась на хуторе! Тебе не докладывали? В полуокружении не сделала ни шагу назад, как ни старались ее выбить. Хотел уже подбросить в помощь ей взвод автоматчиков, а она перешла в атаку. Погнала немца, да еще как гнала! Мне тут представили к награждению красноармейцев Соплякова, Лунева, Мельникова. Почему нет сержантов, офицеров? Николай Сергеевич, поинтересуйся у командира батальона, в чем причина. Кстати, почему не вижу и фамилий разведчиков?

Затем разговор между командиром и начальником штаба перекинулся на систему огня, подготовку оружия к ведению ночного боя, вопросы охранения.

— Разведчикам ни на минуту не отрываться от противника, — напомнил командир полка. — Держаться как можно ближе к нему, неплохо бы заглянуть в его тылы.

— Сейчас поставлю задачу разведчикам.

Пока я наносил на карту начертание переднего края, из батальонов прибыли капитаны Сергей Юрков и Анатолий Вохминцев. Политработники подтвердили мнение командира о том, что о наступлении без артподготовки речи быть не может. Между тем старшие начальники торопили с наступлением.

Возвратившись на НП дивизии, доложил майору Румянцеву о выполнении задания и свои выводы относительно продолжения наступления.

— Уже решено, — махнул рукой Петр Васильевич. — На рассвете полки атакуют хутора Остров и Орел.

Однако атака успеха не имела. Затем противник подбросил подкрепление и начал сам контратаковать в стык 828-го полка и соседа слева — 96-й стрелковой дивизии. Острие фашистского удара было направлено на хутор Новая Жизнь, который обороняла приданная дивизии отдельная рота старшего лейтенанта Вениамина Макурина.

— Танки! Танки! — неслось от ячейки к ячейке. — Окружают! Заходят в тыл!

Слитный рев двигателей все отчетливее слышался с флангов занимаемой на развилке грунтовых дорог ротной позиции. Еще не пришедший в себя от бомбежки, с налитыми кровью глазами Макурин кричал командирам взводов в телефонную трубку:

— Окопов не покидать! Танки забрасывать гранатами и бутылками с горючей смесью! Отсекать пехоту...

В эти минуты схватка уже разворачивалась на позиции роты. Глухо щелкали противотанковые ружья, дробными переборами заливались станковые пулеметы. Танки, однако, упрямо лезли напролом. Первые два выползли на бруствер траншей, крутанулись над ячейками и пошли дальше. Вслед одному из них из окопа встал солдат. Примерился, с силой бросил бутылку в корму и юркнул вниз. Боевая машина продолжала двигаться, а вслед за ней потянулся шлейф черного дыма.

— Гори-и-ит! — прорезал грохот боя чей-то крик. — Бей немчу-ру! Бей...

Наша артиллерия открыла огонь по прорвавшимся в хутор немецким танкам и автоматчикам. Макурин радостно оглянулся назад, повел взглядом по обороне роты и в полные легкие закричал, как будто в этом адском шуме бойцы его могли услышать:

— Держись, ребята! Держись! На нас вся Россия смотрит!

И ребята держались. Раненые не покидали стрелковых ячеек, пока немецкая контратака не захлебнулась и фашисты не отхлынули, оставив на позиции роты четыре горящих танка и до полсот-

ний убитых автоматчиков. Только тогда бойцы начали перевязывать раны, хоронить погибших товарищей.

Пока рота Макурина отбивала контратаку врага, полки повторной атакой выбили немцев из хуторов Остров и Орел. Противник начал отходить. Наши части сумели продвинуться еще на три-четыре километра. Но трудное это было продвижение. Чуть ли не за каждый метр приходилось платить жизнями.

Впереди было Лопатино — небольшая деревенька, такая же, как сотни других, разбросанных по песчаным холмам белорусского Полесья. Уцелевшие деревянные домики окнами глядели на окаймляющие их низины. Деревушку немцы превратили в узел сопротивления. И этот узел оказался весьма крепким орешком.

Вновь пришлось ждать артиллерию, к танкам и САУ подвозить боеприпасы. А время шло. Короткий день проскочил незаметно. Из штаба корпуса поступило распоряжение овладеть Лопатино ночью. Пришлось подтянуть 862-й стрелковый полк. Однако его батальоны были также остановлены перекрестным огнем фашистов. Бой продолжался всю ночь.

Наступило утро 23 ноября, мглистое, холодное. Штабы корпуса и армии требовали решительных действий. Железная и шоссейная дороги пока находились в руках противника, а его артиллерия продолжала обстреливать наши боевые порядки. Поставленная перед дивизией задача пока еще не была полностью выполнена. Командиры и штабы продолжали искать наиболее приемлемый вариант овладения Лопатино, а вслед за ним и Костюковкой. Но пока не находили.

В течение суток бой проходил с переменным успехом и существенных изменений в положении сторон не внес, если не считать того, что 828-й стрелковый полк майора Красовского, отбивая контратаку, нанес немцам серьезный урон: батальоны сожгли шесть вражеских танков, четыре бронетранспортера, уничтожили несколько рот пехоты.

Не принесли перемен и последующие сутки, хотя штаб дивизии ставил перед частями самые решительные задачи. Но все усилия полков сводились на нет. Оборона противника была прочной и казалась неуязвимой. Наши атаки он встречал ураганным артиллерийским огнем и контратаками. На поле боя скапливалась вышедшая из строя техника.

В этой груде металла были и наши тридцатьчетверки. Глядя на них, невольно думалось: «Успели ли выбраться экипажи и где они, эти смелые ребята, всегда с уважением относящиеся к нам, пехотинцам? Живы ли?»

Однако ничем нельзя было удержать сжатую до отказа пружину нашего наступления. Она теперь могла только раскручиваться.

В ночь на 25 ноября по приказу штаба корпуса была проведена перегруппировка сил. 828-й стрелковый полк свой правый фланг

передал соседней 96-й стрелковой дивизии. Полоса наступления нашей дивизии сузилась, хотя задача осталась той же — овладеть деревней Лопатино и железнодорожной станцией Костюковка. Помню, поздним вечером мы колдовали над очередным донесением в вышестоящие штабы. Вошел полковник Даниловский. Поджарый, сухопарый, обладающий, казалось бы, неистощимой энергией, на этот раз Федор Семенович выглядел усталым.

— Не угостите ли чайком, операторы?

— С большим удовольствием, — ответил Румянцев.

— Тогда давай, Петр Васильевич, и покрепче, чтоб на сон не тянуло. Да и сами почаевничайте, отвлекитесь от писанины.

Мы чувствовали, что не ради чая заглянул к нам комдив. И когда, помешивая ложечкой густо заваренный напиток, Федор Семенович как бы между делом заговорил о Лопатино, поняли: командир решил посоветоваться или проверить наметившееся решение. За недолгий срок пребывания на должности комдива он уже не раз так поступал. Начинал обычно со слов: «Слушайте, стратеги, а как думаете вы?» — и выкладывал суть дела. Теперь же, помолчав, тяжело вздохнул:

— В печенках сидит у меня это Лопатино, а подступиться не могу. Но все же должен быть выход. Может, вместе подумаем, стратеги?

— Да ведь мы предлагали... — начал было майор Румянцев.

— Не то. Еще бы пару вариантов. Давайте думать, ребята, искать, как лучше сковырнуть фрица. Лопатино — ключ к Костюковке. Это понимаем и мы, и немцы. Дальше, разведчики доносят, у противника и обороны-то нет. Вот и держится он за это самое Лопатино как черт за душу.

Минут тридцать мы предлагали варианты, хотя «мы» сказано слишком обобщенно: в основном шел разговор между Румянцевым, его помощником старшим лейтенантом Герасимовым, полковником Даниловским и зашедшим вскоре в землянку начальником штаба дивизии подполковником Абашевым. Федор Семенович одни предложения сразу же отвергал, над другими просил еще подумать, с третьими, поразмыслив, не соглашался. И когда казалось, что уже все варианты исчерпаны, Петр Васильевич Румянцев, словно вспоминая, задумчиво произнес:

— Есть еще вариант. Правда, я его уже предлагал день назад, но тогда со мной подполковник Абашев не согласился.

— Ну это было тогда, — улыбнулся Федор Федорович. — Время течет, обстановка меняется. Давай, что у тебя там, Петр Васильевич, выкладывай.

— Предлагаю нанести удар по высоте с отметкой 141,6.

Майор Румянцев пододвинул к себе карту и, показывая остро отточенным карандашом на сходящиеся линии заложений у вершины высоты, продолжил:

— По имеющимся у нас данным, у немцев здесь не такие уж крупные силы, да и в инженерном отношении она оборудована слабее, нежели подступы к Лопатино. Одним полком прорываем здесь

оборону и дальше — на Еремино, зависая с запада над Лопатино. Немцы напуганы окружением, начнут перебрасывать к Еремино силы и средства, тогда-то остальными силами и ударить по противнику с фронта.

— Так, так, — протянул Даниловский, — значит, с фланга. В этом что-то есть. Как твое мнение, Федор Федорович?

— На этом участке мы не пробовали еще прорывать, Федор Семенович, — после небольшой паузы произнес подполковник Абашев. — Все больше штурмовали Лопатино. Думаю, что в создавшихся условиях в предложении майора Румянцева рациональное зерно есть. Этот вариант стоит продумать, взвесить.

В это время распахнулась дверь землянки.

— Вот вы где, — донесся из дверного проема голос.

— На ловца и зверь бежит, — обрадованно улыбнулся полковник Даниловский. — Легок ты на помине, Петр Григорьевич. Хотел за тобой уже посылать, а ты сам пришел. На расстоянии угадываешь мысли, что ли?

— Какое там — на расстоянии. Еле отбился от телефонных звонков. Сверху все теребят: взяли Лопатино? Будь оно неладно! Тебя и Федора Федоровича все добиваются, а дежурный в ответ: «Убыли в полки». Мне-то он сразу сказал, где находитесь, я и решил заглянуть сюда.

— Проходи, Петр Григорьевич, проходи. Кажется, операторы нашли зацепку, как перехитрить фрица и взять это самое Лопатино.

Начальник политотдела присел на ящик из-под снарядов, вытер ладонью лицо. Федор Семенович Даниловский изложил суть предложения.

— Заманчиво, — отозвался Петр Григорьевич Жеваго. — Я обеими руками «за». Кого будем готовить к прорыву?

— 862-й Кожевникова. Полк имеет меньше других потерь. Да и не успел отличиться в этом наступлении.

— Все это верно, — подал голос подполковник Абашев. — Но как бы Кожевников дров не наломал. Может, доверим Красовскому? Николай Викторович десять раз отмерит, но, уж будьте спокойны, отрежет точно.

— Майор Кожевников горяч, — обернулся к Федору Федоровичу начальник политотдела. — А мы на что? Давайте его обкатывать, учить, воспитывать, не будем же до самого Берлина во втором эшелоне держать. Да и человек для этого дела нужен с огоньком.

Петр Григорьевич помолчал, отхлебнул из предложенной кружки глоток уже остывшего чая и продолжил:

— Доверим Кожевникову прорыв. Я только что был у него, порадовался людям. Злы как черти, на месте топтаться не хотят, рвутся в бой. В этом усматриваю работу командира, его штаба, политработников. Кстати, замполит у Кожевникова Кузьма Иванович Кузнецов — человек уравновешенный. Думаю, что они дополняют друг друга.

Отведенное на подготовку документов время пролетело быстро. Майор Румянцев с готовыми бумагами отправился к начальнику

штаба. Мы с Петром Герасимовым тоже вышли из землянки. Передний край молчал. Лишь время от времени то с нашей, то с немецкой стороны взлетали ракеты да стучали дежурные пулеметы.

— Угомонился, — кивнул в сторону противника Герасимов после небольшой паузы. — Целый день палил.

— Какой там день! Считай, с двадцать первого беспрерывный грохот с его и нашей стороны — думал, перепонки полопаются. Особенно двадцать второго, когда фашистские самолеты нас утюжили.

— Ничего, выдержал и еще выдержишь. Человек, он ко всему привыкает. Все хочу спросить, Алтунин, не тянет к людям?

— Угадал, тянет, да еще и как! Ну что я у вас, как тот прилепок. Чувствую, не здесь мое место.

— Не скажи, у нас многому можно поучиться. Даниловский, Абашев, Румянцев, начальники служб дивизии — люди знающие. С ними побыть месячишко-другой — что твои высшие курсы окончить. С той лишь разницей, что тут все на практике. Как любит говорить наш Румянцев: на острие ножа опыт обретаем.

— Это-то да. Сегодняшний разговор надолго запомнится. Школа, еще и какая школа! Мне раньше казалось, что на фронте легко командиру полка, а уж про комдива и штабных офицеров нечего и говорить. Не то что нам, ротным и взводным, денно и нощно приходится пахать передовую. Теперь понял: у них своя передовая, да еще и похлеще нашей. Все больше головой работать надо, а не горлом. И прежде чем там мы крикнем: «В атаку — вперед!» или «За Родину — вперед!», они не раз за нас подумают, взвесят, что из нашего этого крика получится. Вот какие дела-то.

Наш разговор прервал майор Румянцев:

— Никак, на судьбу сетуете? Ну-ну, поплачьтесь в рукав. — И чуть тише: — Понимаю вас, ребята.

Петр Васильевич вздохнул, махнул рукой и пошел к землянке.

— Несколько рапортов писал, — кивнул ему вслед Герасимов, — с просьбой отпустить со штабной работы. Обещают, но все тянут.

В это время левее Лопатино взметнулась вверх серия разноцветных ракет. За ней — вторая, третья. Оттуда донеслось глухое урчание пулеметной и автоматной перестрелки. Вслед за этим громыхнули фашистские батареи. В ответ ударили наши. Началась артиллерийская дуэль, в которую все больше и больше включалось огневых средств с той и другой стороны. Небо засветилось синеватыми пунктирами трассирующих пуль.

— Майор Кожевников пошел.

— Да, по времени он.

Некоторое время мы еще смотрели на огневые сполохи переднего края. Они то разрастались, то сужались, но ни на секунду не меркли, выхватывая из ноябрьской темени деревья, кустарник, бугры, окопы, куски траншей на перепаханном вдоль и поперек поле. На левом фланге, где, по нашим расчетам, начался прорыв, они светились ярче и уходили в глубину немецкой обороны.

— Герасимов, Алтунин! — донесся голос майора Румянцева из раскрытой двери землянки.

Мы поспешили к Петру Васильевичу. Майор одной рукой прижимал к уху телефонную трубку, другой что-то быстро записывал на чистом листе бумаги, время от времени повторял: «Да, да, слушаю...»

Минуты через три Румянцев положил трубку. Лицо Петра Васильевича было радостным.

— Вот так, ребятки! Кожевников овладел первой и второй траншеями. Сейчас бой перекинулся на третью. Не ждал тут фриц, не ждал.

Деталей прорыва мы не знали, и Румянцев, нанося на карту обстановку, знакомил нас с ними. Передовые батальоны 862-го стрелкового полка сблизились с противником незаметно. На ночь фашисты сняли боевое охранение: были напуганы действиями наших дивизионной и полковой разведок, которым накануне удалось захватить несколько пленных. Наши разведчики, воспользовавшись этим, незаметно для гитлеровцев провели батальоны вплотную к первой траншее. Последовал короткий артналет, и перед противником, как из-под земли, появились стрелковые цепи. Пока немцы приходили в себя, подразделения взяли траншею и, не останавливаясь, рванулись дальше.

Тем временем третью траншею противника, пролегающую по гребню высоты, молотила наша артиллерия, а по огневым позициям батарей, расположенных за обратным скатом, и складам с боеприпасами вели огонь полковые минометчики. Атака продолжалась.

Воспользовавшись суматохой у противника, Кожевников выдвинул в тыл немцам взвод пешей разведки с саперами. Разведчики, подорвав склад с горючим, усилили панику в тылу фашистов.

К месту прорыва гитлеровцы начали подбрасывать подкрепления, оголяя и без того истощенные предыдущими сражениями участки обороны под Лопатино. Это нам было и нужно. Выждав некоторое время, на позиции противника, особенно на его фланги, обрушил огонь 261-й артиллерийский полк. Вскоре к нему подключились 418-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и артиллерия 828-го и 889-го стрелковых полков. Были уничтожены выявленные днем огневые точки врага, разрушены его наблюдательные пункты, нарушена связь.

Последние залпы были особенно эффективны. К артподготовке подключился приданный дивизион «катюш». Залпы РС по площадям буквально сметали мечущихся гитлеровских солдат.

После получасовой артподготовки 828-й и 889-й полки перешли в атаку. Тем временем полк Кожевникова овладел высотой 141,6 и продолжил наступление на Еремино, создавая возможность не только обойти Лопатино с запада, но и отсечь пути отхода противника.

Командир 862-го стрелкового полка майор Кожевников использовал любую возможность для успешного выполнения поставленной задачи. После овладения высотой Василий Антонович развернул правофланговый батальон на север, чем окончательно перетянул чашу весов в нашу сторону. Разрозненные части противника поспешно отходили к Костюковке. По пятам за ними двигались передовые подразделения полка.

Судьба Лопатино была решена. Правда, враг попытался остановить нас у самого населенного пункта, но, когда понял бесполезность своего упорства, поджег строения и оставил деревню. Однако ворвавшиеся в деревню батальоны, на радость жителям, сумели отстоять от огня некоторые избы.

На рассвете с поручением майора Румянцева я оказался в Лопатино. Повсюду следы недавнего боя: глубокие ямы-воронки, вырванные с корнем деревья, снесенные взрывами крыши домов и гильзы, много свежих блестящих гильз — от маленьких пистолетных до крупных артиллерийских. В придорожных кюветах остовы сгоревших машин, перекрученное железо, имевшее раньше свою форму и назначение, но теперь трудно узнать, чем была прежде та или иная груда металла.

Местные жители растаскивали дымящиеся бревна, гасили тлеющие головешки. Над распростертым телом молодой женщины навзрыд причитала старушка: «На кого же вы меня покинули, сиротинушку...» Рядом в луже крови лежал лет семи ребенок.

— Рассказывают, бежали в погреб, — остановился рядом со мной пожилой солдат, — а фриц очередью из автомата и секанул. Ничего не скажешь — зверье.

«Какая бессмысленная жестокость, — подумал я. — Мы — солдаты, но они-то тут при чем, женщины и дети».

Я повернулся, пошел разыскивать штаб полка. Старуха продолжала голосить над телами дочери и внука. Люди несли уцелевший домашний скарб. По деревне шли войска.

Весенним половодьем продолжало разливаться наше наступление на гомельском направлении. Соединения и части вклинивались в полосы обороны врага, рассекали их, и только потом обозначался общий успех освобождения белорусских земель.

К своему логическому завершению шла операция по окружению Гомеля — областного центра Белоруссии. Советские войска, продвигаясь на северо-запад, охватывали его кольцом. Положение группировки врага в этом районе становилось все более тяжелым. «После отчаянной двухдневной борьбы, — пишет об этих событиях Курт Типпельскирх, — командование армии вынуждено было доложить, что людские ресурсы армии находятся на грани полного истощения, что заслон южнее Гомеля прорван и армия не располагает силами, с помощью которых можно было бы остановить прорвавшиеся русские войска и закрыть образовавшиеся бреши».

В тылу врага на этом направлении активизировали деятельность партизаны. Валились под откос вражеские эшелоны с техникой, оружием, живой силой. Многие железнодорожные мосты были взорваны. Например, только в небольшом местечке Горваль народные мстители уничтожили свыше 150 фашистских солдат и офицеров, захватили 110 автомашин с военными грузами и удерживали этот населенный пункт до подхода частей Советской Армии.

Командование немецко-фашистской армии никак не могло стабилизировать положение. Соединения и части врага, несмотря на стро-

гие приказы, продолжали отходить, неся потери в живой силе и технике.

На рассвете 25 ноября передовые части дивизии вышли к Костюковке и завязали бой за поселок. Пока командование подтягивало артиллерию, а пехота сосредоточивалась для решительного броска, дивизионные разведчики майора Валентина Коротаева обошли станцию с флангов и оседлали железную дорогу Гомель — Жлобин; железнодорожный путь Гомель—Калинковичи был перерезан советскими частями семью днями раньше. Поставленная перед дивизией задача была фактически выполнена—перестала действовать последняя железнодорожная артерия, питающая врага в Гомеле и его пригородах. Бронепоезда противника вынуждены были отойти к Жлобину, и теперь их артиллерия огнем тяжелых батарей не могла поддержать полуокруженный гарнизон города.

Одновременной атакой трех стрелковых полков, при поддержке артиллерии, танков и самоходных орудий, железнодорожная станция и поселок Костюковка были взяты. Пристанционные пути оказались забиты эшелонами с техникой, оружием, боеприпасами, военным снаряжением, которые немцы не успели отправить в Гомель или хотя бы разгрузить для усиления местного гарнизона. Находились здесь и составы с зерном, картофелем, овощами и другими награбленными у местного населения продуктами. В одном из составов был заперт скот. Несколько паровозов стояло под парами.

Пристанционные постройки тонули в дыму и огне, горели вагоны, рвались боеприпасы, мычали коровы, визжали свиньи, блеяли овцы. Еще не остывшие от боя солдаты, сержанты, офицеры полков спасали народное добро.

— Быстрее, ребята, быстрее, — торопил подчиненных майор Николай Иваницкий. — Здесь ящики со снарядами. А ну-ка, поднатужимся.

Вагон медленно катился, гудел и трещал, разбрасывая снопы искр. Едва бойцы откатили его на запасный путь, Иваницкий во всю мощь голосовых связок закричал:

— От вагона — марш!

Не успели люди отбежать и на сотню метров, как грохнул взрыв. На месте, где стоял вагон, поразметало рельсы, а тяжеленные колеса вместе с осями отбросило метров на пятьдесят. Крышу и железные угловые стойки скрутило до неузнаваемости и кинуло в разные стороны.

Награбленное народное добро, скот были переданы представителям местной власти.

Наступление продолжалось. В этот день левофланговые соединения нашего Белорусского фронта с трех сторон подошли к Гомелю и завязали бои на улицах города. Утром первый областной центр Белоруссии был очищен от немецко-фашистских захватчиков.

По распоряжению штаба корпуса фронт наступления дивизии несколько изменился. Перед нами была поставлена задача: очистить от противника участок железной дороги в сторону Жлобина с прилегающими населенными пунктами. Предстояло форсировать небольшую,

но полноводную речушку Уза с ее топким восточным берегом. На западном, поросшем густым лесом, по показаниям пленных, фашисты успели организовать систему огня, оборудовать траншеи полного профиля, со всеми инженерными атрибутами.

Попытка передовых батальонов форсировать Узу с ходу не увенчалась успехом. Попав под шквальный артиллерийско-пулеметный огонь и под бомбежку, подразделения вынуждены были отойти в исходное положение. Пришлось ожидать темного времени суток.

С вечера, перегруппировав силы и средства, части вновь приступили к выполнению поставленной задачи.

В ходе короткой, но мощной артподготовки нескольким стрелковым ротам удалось преодолеть водную преграду. Дорогу к успеху пехоте проложили дивизионные и полковые разведчики. Под прикрытием артиллерийской канонады они сумели убрать дежурные смены наблюдателей, пулеметчиков и автоматчиков врага, растеклись по многочисленным ответвлениям траншей, забрасывали гранатами укрывшихся от огня артиллерии немцев.

С окончанием артподготовки по общему сигналу роты дружно рванулись вперед — в глубину обороны противника. Тем временем все новые подразделения переправлялись на другой берег реки. Немцы начали отходить в северо-западном направлении. «Не давать противнику передышки, — торопил нас штаб корпуса, — создавать новые рубежи обороны».

— Медленно, медленно продвигаетесь, — то и дело повторял в телефонную трубку комдив. — До рассвета нужно как можно больше пройти. Что с рассветом? — переспросил он майора Кожевникова. — А разве не знаешь, Василий Антонович? Повторится сегодняшнее: налетит авиация, а ты как на пупе. Понял? То-то! Наша задача — взять села Морозовщина и Потаповка, дальше начинается лес.

Не успел полковник Даниловский положить трубку, как вновь зазвонил телефон. К аппарату подошел начальник штаба подполковник Абашев. Назвав свой позывной, спокойно произнес:

— Да, слушаю вас.

По мере того как менялось выражение лица Федора Федоровича, нетрудно было догадаться: что-то произошло.

— Заяц правым флангом залег. Напоролся на минное поле. Докладывает, что несет потери. Прыгающие мины. Своими силами управиться не может.

Шпрингминен, или прыгающая мина, нам была хорошо известна. В ее металлическом корпусе находился цилиндр, заполненный 36-ю шрапнельными шариками. Три взрывателя ввинчивались в верхнюю крышку: один — нажимного действия и два — натяжного. При сдвиге торчащих усиков заряд подбрасывал мину на высоту до полутора-двух метров, где она взрывалась, поражая шариками людей в радиусе до пятнадцати—двадцати метров. Этот «сюрприз» пришлось испытать на себе подразделениям 889-го стрелкового полка.

Даниловский поискал глазами кого-то и, не найдя, спросил:

— Где дивизионный инженер?

— На Узе. Приданные полки подошли, форсируют реку. Помогает.

— Передайте ему: немедленно роту саперов к майору Зайцу. Предупредите, с чем будут они иметь дело.

Наступать приходилось в крайне сложных условиях.

Раскисли из-за начавшейся оттепели болота, труднопроходимыми стали ручьи с густым ольховым кустарником по берегам. Артиллеристы, минометчики, не говоря уже о танкистах, отстали. Пехота шла не останавливаясь. Стрелки, автоматчики, пулеметчики, оставив на попечение старшин нехитрые солдатские пожитки и набив вещевые мешки патронами и гранатами, устремились вперед. И все же стрелковые подразделения продвигались медленно. Не так, как хотелось нам и вышестоящим штабам. Однако винить командиров, тем более личный состав, было нельзя. Противник, используя любую возможность, чтобы нас задержать, дрался до последнего. Вся тяжесть схваток с ним легла на плечи пехотинцев. Противотанковые ружья, гранаты — вот чем в основном приходилось выбивать врага из дотов и дзотов.

С рассветом 889-й стрелковый полк сломил сопротивление фашистов в селе Морозовщина. Командир полка майор Заяц доложил свое решение по овладению Потаповкой. Комдив выслушал его, уточнил:

— Решил обойти село слева и ударить двумя батальонами с тыла? Действуй, только не забывай о флангах, оставляй хотя бы по взводу для прикрытия. И расчеты противотанковых ружей. Обязательно. Разведчики доносят: со стороны Будо-Кошелево слышен гул немецких танков. Пока неизвестно, сколько их, но скоро все прояснится. Мы тут меры уже принимаем. На подходе к тебе батарея иптадовцев, твои сорокапятки вот-вот догонят. Жди.

Маневр 889-го стрелкового полка удался. Подразделения ворвались в центр Потаповки. Батальон 828-го полка Льва Левина также завязал бой за северную окраину села. 862-й стрелковый полк вел бой западнее населенного пункта.

С рубежа Потаповки полки не продвинулись. Противник подбросил подкрепления и начал контратаковать. Двое суток части дивизии отбивали натиск врага. Двое суток беспрерывно клокотали пулеметы, автоматы, воздух сотрясался от разрывов бомб и снарядов. Двое суток горели фашистские танки. Двое суток командир корпуса генерал-майор Иван Алексеевич Гарцев требовал: «Держаться, перемалывать живую силу и огневые средства противника. Назад — ни шагу!»

И мы держались.

862-й стрелковый полк в течение двух первых часов отразил три контратаки противника. Последняя была особенно упорной. На батальон капитана Ивана Кузнецова навалились два десятка танков, бронетранспортеры с пехотой, четыре штурмовых орудия. Казалось, что в этом огненном месиве не должно было остаться ничего живого. Но из обвалившихся от взрывов, примятых гусеницами машин траншей, окопов, блиндажей вставали бойцы. Поднимались с гранатами и бутылками с горючей смесью, оружием. Рвали крупповскую сталь,

жгли хваленую фашистскую технику, в упор расстреливали вражеских солдат и офицеров.

Гибли и сами. Слишком был велик перевес врага в технике и живой силе. Командир полка, чем мог, помогал батальону. Здесь уже дрались петеэровцы, взводы разведки, саперы. На НП волновались за исход боя.

— Не выдержит Кузнецов, — оторвал от глаз бипокль заместитель командира по политической части. — Сомнет его фриц.

— Выдержит твой однофамилец, Кузьма Иванович, — обернулся к нему Кожевников. — На то он там и поставлен, чтобы выдержать.

— И все же нужно ему помочь, Василий Антонович.

— Сам вижу, что нужно, но чем? У нас с тобой в резерве рота автоматчиков, а бой-то еще впереди. — И, чуть помедлив, продолжил: — Хорошо, взвод автоматчиков пошлем.

— Мне тоже туда нужно.

— Ох и беспокойный ты человек, Кузьма Иванович! Иди, но береги себя. Не лезь на рожон.

Майор Кузнецов по пути присоединял к взводу автоматчиков писарей, связистов, всех, кто встречался по дороге. Даже раненых. Он не приказывал им. Нет. Но так уж получалось, что коммунисты, комсомольцы, а вслед за ними и все, кто только мог держать оружие, шли за политработником. Солидное пополнение влилось в батальон Кузнецова в критическую минуту боя. Враг был отброшен с большими для него потерями.

Полк не сделал и шагу назад. Так же упорно дрались все части дивизии.

1 декабря, согласно приказу командира корпуса, мы сдали свою и приняли полосу обороны 323-й Брянской стрелковой дивизии. Перегруппировка была связана с тем, что соседи в предыдущих боях понесли большие потери.

Смена произошла быстро. Перед дивизией была поставлена задача: прорвать оборону противника на рубеже севернее деревни Потаповка, юго-восточнее хутора Муравей, высота с отметкой 146,0. Местность изобиловала болотами с чахлым кустарником. Все время моросил дождь. С нетерпением ждали мороза и чертыхались по поводу слякотной зимы. Ходили постоянно в сырой одежде и обуви. Обсушиться было негде даже в тылу, а о передовой и говорить нечего.

Весь день первого и в ночь на 2 декабря шла подготовка к прорыву. Занимали отведенные места приданные дивизии силы и средства, вела пристрелку артиллерия. Командиры проводили рекогносцировочные работы, согласовывали вопросы взаимодействия. Шла передислокация тылов.

Мы отрабатывали документы, еще и еще раз уточняли исходное положение полков для прорыва. Майор Румянцев несколько раз выезжал на передний край.

— Нелегко нам дастся прорыв, — качал головой Петр Васильевич. — Противник зацепился прочно.

В эти дни до нас дошли сведения о том, что фашисты перебросили сюда значительные силы и средства с других направлений. Но они, эти сведения, были отрывочны. Прибывающие же из тылов противника разведгруппы ничего нового не приносили. И лишь после нам стало известно, что гитлеровское командование, боясь успешного продвижения советских войск к Жлобину и Рогачеву, перебросило в этот район пять пехотных дивизий из-под Мозыря, две пехотные дивизии и бригаду СС. Это помогло противнику остановить наступление войск фронта. К концу ноября фронт стабилизировался на рубеже Чаусы, Новый Быхов, восточнее Рогачева, Стрешин и далее по Припяти юго-восточнее Мозыря.

Начались бои за улучшение позиций — напряженные и трудные. Десять с лишним часов дивизия прорывала оборону севернее Потаповки, выйдя на рубеж восточнее хутора Святой, восточнее Парасля, северная окраина поселка Первомайский, продвинулась всего на три-четыре километра. Правда, к рассвету полки смогли вырвать у противника еще два километра и оттеснить его на западный берег реки Окра. Я не оговорился, употребив слово «вырвать». Именно так и было. Ожесточенные бои разгорались не только за выгодные рубежи и населенные пункты, но и чуть ли не за каждый метр земли. Многих офицеров, сержантов, солдат мы тогда потеряли. Смертью храбрых погибли капитан Иван Просвирков, старший лейтенант Александр Старчиков, лейтенант Маркали Курпеисов, младший лейтенант Александр Полин.

До последнего снаряда отражал контратаку врага командир батареи 76-миллиметровых пушек младший лейтенант Василий Контемир. И когда прорвавшийся на позицию фашистский танк начал давить замолчавшие орудия, офицер поднялся. В изодранной в клочья шинели, истекающий кровью, он выдавил из себя:

— Не пройдешь, гад!

Собрав остаток сил, младший лейтенант метнул гранату под гусеницу танка и потерял сознание. Его здесь и нашли в луже крови. Рядом стояла с распластанной гусеницей стальная фашистская громадина.

В памяти встает небольшое лесное село с крохотной железнодорожной станцией — Старая Рудня. Вернее, от села и станции осталось лишь одно название: оказавшись в центре фронтовых событий, Старая Рудня претерпела такие изменения, что даже коренные жители не узнавали ее. Вместо аккуратных белорусских изб — головешки или развалины, многие дома фашисты разобрали на устройство инженерных сооружений. Околица да и улицы села перепаханы траншеями, окопами, ходами сообщения, воронками от бомб и снарядов.

Попытка взять Старую Рудню с ходу успеха не имела. Наши подразделения были встречены мощным ружейно-пулеметным огнем, залегли и начали окапываться. Командиры, докладывая, сетовали на превосходство противника в живой силе и технике.

Позвонил майор Красовский. 828-й полк вырвался вперед и теперь залег под кинжальным непрерывным огнем противника.

— Потери несешь, Николай Викторович? — переспросил командир дивизии. — Это плохо. Нужно сделать так, чтобы не терять людей. Насчет артиллерии помочь не можем. Нет ничего. Отстала. Выходи из положения своими силами. Да, да, своими силами, Николай Викторович.

Федор Семенович Даниловский положил трубку, встал с походного стула, кинул взгляд под кроны стоявших рядом сосен, где саперы на некотором расстоянии от земли сооружали площадку.

— Хорошо видно полки? — спросил он.

— Так точно, товарищ полковник, — ответил усатый сержант. — Все как на ладони туточки.

— Поторапливайтесь, — обронил комдив.

— Заканчиваем, товарищ полковник, — произнес сапер, продолжая орудовать топором.

Прибыл командир разведроты. Пока водитель глушил двигатель трофейного мотоцикла, старший лейтенант докладывал:

— Еле проскочили. Противник стоит везде плотно. Разве что юго-восточнее, в самой низине, немного реже инженерные сооружения. Но там вода до самого оврага.

— Где? — оживился полковник Даниловский.

— Вот здесь, — показал на карте офицер на угол леса.

— Пойдем-ка глянем с высоты, — пригласил полковник командира роты на импровизированный НП.

Изучая местность, Федор Семенович минут десять о чем-то расспрашивал офицера. Затем пригласил к себе подполковника Абашева. Теперь уже втроем они рассматривали юго-восточную часть Старой Рудни.

— В вашем предложении, Федор Федорович, рациональное зерно есть, — сойдя с помоста, произнес Даниловский. — Поставь задачу разведчикам еще раз проверить подступы к селу с юго-востока.

Даниловский подошел к командующему артиллерией полковнику Копутенко:

— Ну что, бог войны, где твои пушкари? Подводишь сегодня, ох как подводишь! Прямо без ножа режешь.

Полковник Копутенко развел руками: мол, ничего не могу поделать.

— Это я уже с самого утра вижу. Мне батареи подавай...

— Товарищ полковник, — подбежал связист, — вас к телефону майор Заяц!

— Держишься, Филипп Федорович? — взял трубку Даниловский. — Это хорошо. Что? Контратакуют танки? А ты их не пропускай. Жги. Своими силами и средствами жги. Ничего пока не могу подбросить. Нет у меня. Бери пример с соседа. Красовскому труднее. С трех сторон приходится сдерживать. Подравняйся с его флангом. Жду от тебя добрых вестей, Филипп Федорович.

Федор Семенович положил трубку, смахнул с погона прилипшую хвою. Он был чисто выбрит, из-под воротника гимнастерки выглядывал белый подворотничок, сапоги блестели. Несмотря на то что чуть ли не сутки находился на ногах, выглядел бодро. Работал, как обыч-

но, спокойно и размеренно. Получал от командиров полков информацию, давал им указания, выслушивал офицеров штаба и нарочных из частей, не торопясь высказывал свое мнение по тому или иному вопросу, со всеми был ровен и тактичен.

Позвонил кто-то из старших начальников и, видимо, начал упрекать командующего артиллерией дивизии. Федор Семенович возразил:

— Не один полковник Копутенко и его штаб виноваты. Недосмотрел и я. Передоверился картам. Получилось по той пословице: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Не учли начавшуюся слякоть. Теперь и расплачиваемся. Подтягиваем артиллерию.

— Федор Семенович, — подбежал запыхавшийся полковник Копутенко, — офицер от иптадовцев прибыл! Две батареи на месте.

— Хорошо! Это уже кое-что значит.

Даниловский окинул взглядом командующего артиллерией, заметив, что полковник не все доложил, спросил:

— Что там у вас еще?

— Связался с командиром артполка. Первый дивизион вот-вот будет здесь, второй и третий — на подходе.

— Добре, — улыбнулся комдив и обернулся к начальнику штаба: — Федор Федорович, сведения от разведчиков еще не поступили?

— Только что доложили. Подтверждаются старые данные.

— Тогда, — полковник Даниловский глянул на часы, — готовьте боевое распоряжение Зайцу и Красовскому. Переход полков в атаку через полтора часа.

— Побольше нужно усилить Красовского, — подошел начальник политотдела. — Понес большие потери. Тяжело ему. А тут еще и наступать.

— Усилить? — Полковник Даниловский на мгновение задумался. — Нет. Помочь не могу ничем. — Даниловский отыскал глазами Абашева: — Федор Федорович, истребительно-противотанковые батареи и дивизион артполка подчинить Кожевникову. Ему же перебросить приданных нам танкистов и роту автоматчиков.

Стоявшие рядом с комдивом офицеры молчали. По их встревоженным лицам было видно, что они пока не поняли замысла командира. Было совершенно очевидно: раз главный удар наносят 828-й и 889-й стрелковые полки, то именно туда нужно посылать резервы. Однако никто из штабных работников не решался возражать Даниловскому.

— Федор Федорович, — после минутной паузы продолжал комдив, — поезжайте к Кожевникову и лично поставьте задачу. Начнете по моему сигналу через сорок минут, как только перейдут в атаку Заяц и Красовский. — И уже ко всем: — Красовский и Заяц наносят отвлекающий удар. Так сказать, заставляют противника увязнуть в бою. Тогда-то и ударит Кожевников. С юго-востока от Старой Рудни противник нас меньше всего ожидает. Там залитый водой луг, овраг. Надеется, что мы вряд ли осмелимся атаковать оттуда.

Но и теперь не все офицеры были согласны с замыслом комдива.

Дело в том, что майору Кожевникову предстояло совершить марш. Хотя и небольшой, но в условиях распутицы нелегкий. На фланг нужно было перемещать и артиллерию. Противник мог заметить маневр и разгадать замысел.

— Сомневаетесь! — улыбнулся Даниловский. — Ну и правильно делаете. Риск есть. — И после паузы: — Но, поймите, фашисты ждут нашей атаки в лоб. Они ее получат, и тогда уже им будет не до Кожевникова. Так, Петр Васильевич?

Майор Румянцев пожал плечами.

— Осторожничаешь, оператор. Непохоже на тебя.

Полковник поморщился, задумался, видимо, еще раз оценивал свое решение и через минуту-другую произнес:

— Всем по местам. Майор Румянцев, занимайте место начальника штаба, берите бразды правления в свои руки. Нам сегодня много придется поработать. Подполковник Абашев до конца боя будет у Кожевникова.

Федор Семенович Даниловский поднялся на свой «наблюдательный пункт» и вновь начал рассматривать раскинувшийся перед ним пейзаж. В это время с командного пункта сообщили: прибыл командир корпуса. Подъехала легковая машина. На подтаявший снег из нее вышел генерал-майор Гарцев. Бросил взгляд на настил на соснах.

— Это что еще за курятник?! Придумают же!

— Отсюда виднее, товарищ генерал, — спускаясь по крутой лесенке, объяснил Даниловский.

— Не бережешь ты себя, Федор Семенович, — укоризненно произнес Иван Алексеевич Гарцев. — Немцы только того и ждут, чтобы тебя ухлопать. Насолил им ты, ох и насолил! С самого Брянска разведчики докладывают: взяли фрицы тебя на заметку. Поостерегся бы. Не ровен час...

— Волков бояться — в лес не ходить.

— Знаю, знаю эту присказку, — махнул рукой Гарцев. — Докладывай обстановку. Почему до сих пор не взята Старая Рудня?

Командир дивизии пригласил было генерал-майора Гарцева к карте.

— Глянем вначале сверху, — показал Гарцев на настил.

Мы невольно заулыбались. Комкор только что распекал Даниловского за то, что пренебрегает опасностью, а теперь сам поступает так же. Вскоре они осматривали местность. По обрывкам доносящихся до нас фраз мы поняли, что комкор одобряет замысел Федора Семеновича.

— Задумка неплохая, — сойдя с настила, продолжал генерал-майор. — Немцы уверены: если перевес на нашей стороне, то мы и будем действовать прямолинейно. За сметку спасибо. А вот за то, что артиллерия прибыла несвоевременно, еще спросим. Где твой командующий артиллерией?

— Перебрасывает истребительно-противотанковые батареи и дивизион к Кожевникову. Вы уж с меня спрашивайте, товарищ генерал.

— Жалко? У нас говорят, богу — богово, кесарю — кесарево. Естественно, не обойдем и тебя, Федор Семенович.

Иван Алексеевич присел на походный стул, посмотрел на Даниловского:

— Занимайтесь своим делом, а то еще скажете, что комкор оторвал вас от организации боя. Я тут у вас еще побуду. Посмотрю, как решится вопрос со Старой Рудней. — И чуть тише: — У твоего соседа дела идут тоже неблестяще. Противник туго отходит.

Командир дивизии заслушал начальника разведки майора Валентина Коротаева, дивизионного инженера майора Даниила Литвинова, начальника связи майора Алексея Овчинникова, по телефону принял доклад от командующего артиллерией.

Ровно в пятнадцать часов 828-й и 889-й стрелковые полки начали атаку. Противник встретил головные батальоны плотным огнем, а спустя пятнадцать — двадцать минут сам перешел в контратаку.

Кто из командиров не знает, как мучительны эти минуты! Мысленно проверяешь себя: все ли продумал? верно ли оценил обстановку? не выпало ли что-то важное из поля зрения? Нечто подобное испытывал и полковник Даниловский. Помогая майору Румянцеву, я видел, как переживает комдив, хотя он и старался не показать этого. Федор Семенович хорошо понимал, что подчиненным небезразлично, как держится в сложной ситуации командир. Его самообладание всегда внушает уважение.

Внешне командир дивизии был, как обычно, спокоен, однако внутреннее напряжение нет-нет да и проскальзывало наружу. Вот он в тревожном ожидании смотрит на майора Румянцева и наконец не выдерживает:

— Что там, Петр Васильевич?

— Красовский докладывает: роту противотанковых ружей окружили фашисты.

— Лейтенанта Исламова?

— Да, его. Петеэровцы прикрывают правый фланг полка. Подожгли два танка и четыре бронетранспортера. Но враг наседает. Удержатся ли?

— Исламову не впервой, удержится.

По озабоченному лицу командира дивизии скользнула еле заметная улыбка. Видимо, вспомнилась недавняя встреча с молодым офицером, озорной блеск его черных глаз и уверенный голос: «За нас, товарищ полковник, не беспокойтесь. Люди надежные, не раз проверены в боях, не подведут. А уж о злости на немца и говорить нечего. Чуть ли не у каждого своя рана...»

— Передайте командиру полка: пусть обратит внимание на правый фланг, поможет Исламову. Напомните ему также о представлении лейтенанта, командиров взводов, особо отличившихся сержантов и солдат роты к наградам. Они достойны этого.

Новый звонок прервал разговор полковника с майором Румянцевым. Даниловский взял трубку, назвал свой позывной.

— Слушаю тебя, Николай Викторович.— Минуты три слушал.— Нет, отходить нельзя, не для того мы освобождаем землю, нашу рус-

скую матушку-землю, чтобы уступать ее врагу. Нужно навязывать противнику ближний бой, а ты — отходить. Командир лучшего полка майор Красовский — и вдруг уступает фашистам. Куда это годится, Николай Викторович? Никуда!

Подобный разговор состоялся вскоре и с майором Зайцем, с той лишь разницей, что в конце его комдив приказным тоном произнес:

— Филипп Федорович, твоя задача атаковать! Отвлечь на себя максимум сил противника! Понял меня? Ну вот и действуй. За левый фланг не беспокойся. Мы его прикроем. Петр Васильевич,— обернулся Даниловский к Румянцеву, — мне докладывали: прибыла батарея иптадовцев. Ее — на стык дорог. На левом фланге 889-го противник скапливает силы для нанесения удара.

Полковник Даниловский выждал некоторое время еще и, когда противник подтянул резервы к месту боя 828-го и 889-го стрелковых полков, бросил на прорыв полк майора Кожевникова. Фашисты, натолкнувшись на стойкость полков Красовского и Зайца, прочно увязли и не смогли ничего противопоставить замыслу командира дивизии.

После короткого огневого налета батальоны 862-го стрелкового полка под прикрытием артиллерии и танков пошли в атаку. Истребительно-противотанковые орудия повзводно двигались в боевых порядках стрелковых рот. Уничтожали огневые точки и живую силу противника, прокладывая путь пехоте. Пехотинцы помогали артиллеристам выталкивать орудия из залитых водой канав и воронок.

Схватка разыгралась в первой траншее. В рукопашной участвовали даже командиры батальонов.

— Овладел первыми домами Старой Рудни! — донес в штаб дивизии майор Кожевников.

— Спасибо, Василий Антонович, — поблагодарил командира полка Даниловский. — Не давай противнику опомниться, наседай на него. Передам о твоем успехе Красовскому и Зайцу.

Но передавать не пришлось. Не до этого было. Поднявшийся несколькими минутами раньше на площадку генерал-майор Гарцев крикнул:

— Федор Семенович, полк Зайца перешел в атаку!

Вскоре поднялись на врага и красовцы.

Через несколько минут позвонил майор Заяц:

— Большое спасибо за помощь. Батарея не только отразила контратаку врага, но и уничтожила до роты танков противника. Когда же до нас донесся гул боя с юго-востока Старой Рудни, батальоны поднялись в атаку. Уж не Кожевников ли там орудует?

— Угадал.

— Теперь наша роль понятна. До встречи в Старой Рудне, товарищ полковник.

— До встречи, Филипп Федорович.

Бой набирал высшую ноту, постепенно обтекал село с обеих

сторон. Командиры полков твердо и гибко управляли подчиненными подразделениями. Стрелковые батальоны и роты обходили отдельные узлы сопротивления противника — для овладения ими оставлялись штурмовые группы, — рвались к железнодорожной станции.

Немецкое командование пыталось навести порядок. Эфир был забит указаниями, но в ответ командиры подразделений просили помощи, сообщали тревожные вести о вклинивании в их боевые порядки русских.

Трудно отметить, кто лучше дрался за овладение Старой Рудней. Все действовали умело, решительно. В поступающих в штаб донесениях перечислялось много фамилий отличившихся солдат, сержантов, офицеров.

Взвод младшего лейтенанта Павла Кравцова фашисты отрезали от роты. Больше часа молодой офицер отражал атаки превосходящих сил врага. Когда же на исходе были боеприпасы, младший лейтенант принял решение на прорыв. С возгласом «За Родину, за партию — вперед!» повел оставшихся бойцов в атаку. Гранатами, огнем автоматов пехотинцы пробили себе путь, соединились с ротой и доставили на носилках смертельно раненного командира.

Орудийный расчет под командованием сержанта Ивана Москвина уничтожил две огневые точки противника. Не дрогнули артиллеристы, вступив в поединок с расчетом фашистского штурмового орудия. Счет шел на секунды. Кто опередит в выстреле. Наши пушкари оказались сноровистее. Немецкая бронированная махина вздрогнула и окуталась дымом.

Минометный расчет сержанта Алексея Соколова огнем решил исход контратаки гитлеровцев. Отважный воин до последнего мгновения своей жизни продолжал руководить боем. Старший сержант Тимофей Денисов в ходе наступления находился в боевом порядке стрелковой роты. Корректировал огонь взвода, уничтожившего три пулемета и свыше десятка гитлеровцев.

Красноармеец Петр Мясников в ходе наступления обеспечил командира надежной связью, срастил свыше 60 порывов телефонного кабеля. В ходе боя отличились также рядовые Алексей Мотасов, Василий Степаненко, Евгений Морошенко и другие.

В успех боя внесли свою лепту саперы, зенитчики, воины других специальностей. Двадцатитрехлетний санинструктор старший сержант медицинской службы Елена Долгова вынесла с поля боя 32 раненых. Это ли не подвиг!

Враг постепенно откатывался. Части дивизии теснили его в направлении небольшого белорусского города Жлобина, прикрываясь с фронта и флангов артиллерией.

Командир корпуса генерал-майор Гарцев на протяжении всего боя за Старую Рудню не вмешивался в дела комдива и штаба. По его веселому лицу нетрудно было догадаться, что он доволен организацией и ведением наступления. Хорошее настроение окончa-

тельно овладело им, когда дружно поднялись в атаку 889-й и 828-й стрелковые полки.

Комдив спустился вниз, подошел к майору Румянцеву.

— Петр Васильевич, командуй тут. Что доносит Абашев?

— Кожевников ведет бой за железнодорожную станцию. Упорствуют фрицы. Пришлось батареи истребительно-противотанкового дивизиона подтянуть вплотную к стрелковым батальонам. Сейчас штурмует вокзал.

— Передайте Абашеву, пусть предусмотрит артиллерийский заслон со стороны Жлобина. Как бы немцы не попытались использовать бронепоезд! Правда, последние полсуток он не подает голоса. Однако предосторожность, думаю, будет нелишней.

Зазвонил телефон.

— Подполковник Абашев, — протянул Даниловскому телефонную трубку Румянцев.

— Слушаю, Федор Федорович. Старая Рудня в наших руках?! Спасибо. Передай благодарность бойцам и напомни командирам: всех отличившихся представить к наградам. Сейчас порадую командира корпуса.

Полковник Даниловский и генерал-майор Гарцев направились к палатке офицерской столовой. Мы продолжали собирать данные, наносили на карты последние изменения обстановки. Тем временем бой постепенно отодвигался и уходил на запад.

В Старую Рудню был послан капитан Петр Герасимов с группой офицеров, чтобы найти помещение для штаба.

Нелегким это оказалось делом. Немногочисленные кирпичные постройки были разрушены авиацией или взорваны при отходе фашистами, а деревянные большей частью сгорели. В конце концов разыскали просторную избу. На ней и остановил выбор Герасимов. Командир с начальником штаба согласились с ним.

Пока штаб перебирался на новое место, опустились ранние декабрьские сумерки. В это время части дивизии вышли на рубеж западная окраина небольшого населенного пункта Хальч, совхоз Хальч, железнодорожная станция Хальч, перерезав на части группировку противника в этом районе. Однако дальше продвинуться не смогли. Враг прочно засел на заранее подготовленных позициях, проходящих по южным окраинам поселков Четверки, Луговая, Вирия. На этом рубеже части дивизии задержались на несколько дней. Вели разведку, подтягивали тылы.

В эти дни радио и газеты приносили радостные вести не только с фронтов войны и труда, но и с проходящей в Тегеране конференции глав Правительств СССР, США и Англии. Материалы Тегеранской конференции вызывали у нас — тружеников переднего края войны — большой интерес. На конференции речь шла об открытии второго фронта, о послевоенном устройстве Германии, а это значит о скором мире, с которым были связаны мысли и чаяния каждого из нас. Близость долгожданной победы окрыляла.

5 декабря был получен приказ о сдаче боевого участка. К трем часам следующего дня части сосредоточились в районе небольших

населенных пунктов Скельня-1 и Скельня-2. Дивизия поступила в распоряжение генерал-майора Хазова.

В тот же день согласно распоряжению штаба корпуса дивизия вышла к Днепру. Раньше нас на берег Днепра прибыли другие дивизии корпуса. Вскоре начали поступать средства усиления. На сравнительно небольшом участке помимо стрелковых за несколько дней были сосредоточены артиллерийская, отдельная гвардейская минометная дивизии, танковая бригада и другие части. Цель маневра — отрезать с запада жлобинскую группировку противника.

Наша дивизия находилась во втором эшелоне корпуса. Используя временное затишье, полки и батальоны продолжали возводить оборонительные рубежи по южной окраине Малого Стремина, Новая Каменка и Червоны Радутин, совхоз Каменка, отметка 145,5, Старая Каменка. Одновременно проводили рекогносцировочные работы на путях вероятного ввода в бой дивизии.

Утром 14 декабря после сильной артиллерийской подготовки корпус перешел в наступление. Действовавшая на направлении прорыва 273-я стрелковая дивизия овладела опорным пунктом Пудымов и вышла к безымянным высотам северо-западнее реки Добвстна. Здесь она подверглась мощнейшей контратаке врага. О накале схватки можно было судить по низкому зловещему гулу, явственно слышимому на наших позициях.

Через несколько часов гул усилился, начал расширяться, бой приближался к нам.

Вскоре пришло сообщение о том, что 273-я дивизия вынуждена оставить захваченные позиции. Обстановка осложнилась. Это подтверждало озабоченное лицо вернувшегося с переднего края майора Коротаева.

— Прут как оглашенные, — рассказывал начальник разведки, — не считаются с потерями.

Коротаев показал на карте направление контратак противника и положение частей 273-й стрелковой. В это время появился офицер штаба корпуса с пакетом. Подполковник Абашев разорвал конверт, ознакомился с содержанием находящегося в нем документа, прошел к командиру дивизии. Минут через десять Федор Федорович возвратился.

— Петр Васильевич, — пригласил он к своему столу майора Румянцева, — готовьте распоряжение частям на занятие исходного положения.

Они еще раз по карте уточнили районы сосредоточения частей, время их прибытия в назначенные места.

Началась подготовка к выдвижению. Ожили телефоны. Офицеры штаба разъезжались для оказания помощи командирам частей и контроля за их действиями. Темнело, приближалась ночь, что осложняло выполнение задачи, хотя маршруты полкам, батальонам заранее были известны. Нужно было соблюдать осторожность: не исключалась возможность работы наземных разведгрупп в тылу наших войск. Пошел густой мокрый снег. Крупные белые хлопья летели неторопливо, укрывали ровным слоем землю, постройки, пови-

сали на ветвях, в шапки одевали изгороди. В белой кисее скрывались отъезжающие от штаба верховые.

— Этого еще не хватало! — возмутился дивизионный инженер.— Как в бой, так — слякоть. И когда она только кончится, проклятая!

Погода и в самом деле не радовала нас — ни осень, ни зима. Снег то выпадет, то стает, наполняя ледяной водой и без того мокрые, раскисшие низины и болота. Влагой был густо насыщен воздух, вода хлюпала в обуви, сырая одежда знобила тело. Люди ругались, поминая бога и всех святых, грозили неизвестно кому кулаком, а погода по-прежнему не улучшалась. Постоит денек-другой морозец — и вновь оттепель. А ведь была уже середина декабря. В нашем положении, пожалуй, труднее всего приходилось саперам. И днем и ночью — в ледяной жиже. Снимали мины, строили укрытия, наводили переправы через многочисленные речушки и ручьи, гатили белорусские топи, заготавливали впрок лес. Особенно в последние дни, когда вышли на западный берег Днепра и стало известно направление наступления. Перед дивизией на десятки километров лежала топкая местность с островками кустов ольхи, ивняка и редкими березками.

Скоро в штаб начали поступать хорошие сведения. Полки и батальоны шли по графику. Уставшие прибыли от Зайца и Красовского полковник Даниловский с начальником политического отдела подполковником Жеваго. По их оживленным лицам нетрудно было понять, что дела обстоят совсем неплохо.

— Разведчики-то как настроены, Федор Семенович! — заканчивал начатый, по-видимому, еще в дороге разговор начальник политотдела. — Младший сержант Блюдо так заявил мне: «Пора кончать с немцем. Руки по работе соскучились. Сплю и вижу себя в поле. И не я один — все стосковались по привычному мужицкому делу. Только и слышишь в разговорах: а у нас, а у меня дома... Да и из этих болот пора выбираться, гнать фашистов дальше».

Выдвижение в исходный район прошло благополучно. Зато во время смены частей 273-й стрелковой дивизии чуть было не произошел неприятный казус. Не успели передовые батальоны наших полков подойти к переднему краю, как предшественники стали спешно покидать траншеи. Это не ускользнуло от разведки противника. Фашисты перешли в контратаку. И они бы осуществили свой замысел—заняли наши позиции, не появись батальон 862-го стрелкового полка капитана Ивана Кузнецова. Молодой, но опытный, волевой офицер не растерялся. Развернул свои роты и нанес контратакующим гитлеровцам удар во фланг. Противнику стало не до наших окопов. Завязался огневой бой, который с небольшими перерывами длился чуть ли не до самого утра, точнее, до тех пор, пока полки не заняли позиции, а Кузнецов не вывел батальон из-под огня. Однако поволноваться пришлось немало. Этот случай стал для нас хорошим уроком на будущее.

Утром 16 декабря полки перешли в атаку. Однако безуспешно. Артиллеристам не удалось разрушить систему огня, не говоря уж о ее надежном подавлении. Без этого же нечего было и мечтать

о выполнении задачи. Противник прочно удерживал занимаемые позиции.

Через два дня мы вошли в состав 48-й армии, затем были выведены во второй эшелон корпуса и приступили к оборудованию тылового рубежа обороны.

В эти дни состоялась встреча, мечтой о которой я жил с осени 1941 года. Промозглым декабрьским днем мне с группой штабных офицеров предстояло выехать в один из полков. Наш «виллис» стоял у обочины дороги, забитой военной техникой. Водитель — молоденький солдат — после неудачной попытки втиснуться на проезжую часть ждал, когда проскочит последняя машина очередной колонны. Мы, спрыгнув с «виллиса» и закурив, смотрели на натужно ревущие тягачи, тянувшие огромные понтоны: по дороге проходила саперная часть. Когда тяжелые машины переваливались из стороны в сторону на выбоинах разбитой грунтовой дороги, мне казалось, что огромные понтоны вот-вот покатятся в бурую кашу и увлекут за собой машины. Но тягач чудом выравнивался, и я облегченно вздыхал: пронесло!

— Кому-кому, а им-то достанется, — сочувственно произнес майор Румянцев, — пока не выберемся из этой трясины. Одним словом, Полесье...

— Не поле и не лес, — вырвалось у меня. — В наших краях всякие небыли рассказывали о таких гиблых местах. Мужики обходили их стороной, разве что в сорокаградусные морозы самые отчаянные отваживались ездить за валежником...

Я не успел договорить: чьи-то крепкие руки стиснули мои плечи. Обернулся. В упор меня разглядывали широко раскрытые радостно-испуганные и такие родные отцовские глаза. Отец опустил руки и замер. С минуту мы молча смотрели друг на друга. От неожиданной радости у меня в горле застрял комок. Наконец отец безмолвно пошевелил обветренными губами.

— Сынок... — скорее угадал, чем расслышал, я хриплый, но такой знакомый голос.

Глаза отца заблестели от слез, губы задрожали. Я, словно очнувшись от минутного забытья, пришел в себя.

— Батя! — схватил отца в объятия и, крепко стиснув, поцеловал его потрескавшиеся губы. — Дорогой мой ба-а-а-тя!

Не помню уж, сколько времени стояли мы так, не выпуская друг друга из объятий, словно опасаясь, что чудесное видение исчезнет. Мои товарищи окружили нас плотным кольцом и тоже молчали.

— Неужели отца встретил, Саша? — услышал наконец я взволнованный голос Румянцева.

Отец ослабил объятия и, опустив руки, со смущенной улыбкой повернулся к офицерам:

— Здравия желаю, сынки!

— Здравствуйте, отец! — протянул руку Румянцев. — От всего сердца поздравляю вас со счастливой встречей.

Отец бережно взял руку Петра Васильевича и крепко ее пожал, и тут плотина молчания прорвалась: все удивленно и радостно загалдели, толкаясь, спешили к отцу и крепко жали ему руку, тискали в объятиях меня.

— Вот так счастье подвалило тебе, Александр! — улыбнулся Петр Васильевич. — По этому случаю освобождаю тебя от поездки... Иди в штаб, побудь с отцом. Пошлю предупредить его начальство.

В палатке оперативного отдела мы застали Герасимова, клеившего с солдатом-чертежником очередную карту района боевых действий. Узнав о случившемся, он тепло поздоровался с отцом и заговорщически мигнул мне:

— Побеседуйте тут, а я мигом...

Он стремительно выскочил из палатки, увлекая за собой солдата.

Оставшись наедине и усевшись за стол, мы молча смотрели друг на друга.

— А мне, Саша, сердце словно вещало, что встретимся. Покажется вдали незнакомый офицер — и душа замирает: не ты ли это... А теперь вот не верится. — Накрыв своей ладонью мою, пояснил: — Все кажется мне, что это происходит со мной не наяву... Ведь сколько раз я тебя видел во сне!

— Наяву, батя, наяву, — сжал его ладонь. — Видишь, я живой и здоровый.

— А вот с Мишуткой нам уже не свидеться, — с горечью обронил отец. — И могилы его не отыскать.

В его глазах отразилась безмерная тоска, на мгновение погасившая всю радость нашей встречи.

— Ему бы жить да жить, — горестно вздохнул отец, — а оно, видишь, как получается. Я хожу по земле, хотя и, почитай, три войны за спиной, и насмотрелся на эту самую жизнь сзади и спереди... А что видел он, наш Михаил? Только на ноги начал становиться — и вот на́ тебе... Мать по сей день не находит себе места. Почитай, в каждом письме о нем пишет: «Может, жив...» А что я могу отписать ей, раз тут такая мясорубка. Если б жив был, то давно объявился. Да и в похоронке ясно было сказано: «Пал смертью храбрых в боях за Москву...» У меня на сердце камень лежит, а каково матери, которая каждый день ждет похоронку на нас с тобой. Трудно ей, ох как трудно ей, Саша!.. Ты уж пиши ей почаще.

— Война, батя, ничего не поделаешь...

— Да... Одно утешение: не зазря отдал свою жизнь наш Михаил, а сердце все равно болит.

Отец затянулся махорочным дымком и чуть тише добавил:

— Жалко мне вас, молодых, здоровых ребят. Какая несправедливость — гибнете, а такие, как я, живут. Намедни моего командира взвода фашист очередью срезал. А ведь локоть в локоть стояли. Бутили мы, значит, гать, а тут, откуда ни возьмись, самолет. Начал фриц пикировать, мы — кто куда, а лейтенант за пистолет и ну па-

лить по стервятнику. Да что это за оружие против самолета! Фриц и стеганул его.

— Ты все о смерти да о смерти. Давай, батя, о жизни.

— Да ведь и я о ней, сынок. Только по-другому, может, попростому: уж больно вы, молодые, подчас прете на рожон. Дурная смерть еще никогда и никого не славила...

Нашу беседу прервал приход Герасимова.

— Ну, побеседовали по душам, а теперь надо и отметить встречу, — заявил он, выкладывая на стол фляжку, банку тушенки, буханку.

Отец сбросил шинель, умылся, причесал поседевшую, но еще густую шевелюру. Несмотря на прожитые полвека, он выглядел осанистым, крепким.

Выпили за встречу, за победу, за благополучное возвращение домой. Вспомнили родных, друзей. Беседа затянулась.

Несколько часов пролетели как один миг. Отец неожиданно встрепенулся и, вытащив из кармана старинные часы, обеспокоенно воскликнул:

— Мать честная! Время-то как бежит! Теперь и батальон свой не знаю, где искать: поди, далеко ушел.

— Ничего, батя, догонишь свой батальон, — поспешил я успокоить отца. — А вообще-то куда тебе спешить? Майор Румянцев твое начальство предупредил.

Под утро Герасимов после долгих телефонных переговоров разузнал о местонахождении отцовской части. И мы двинулись в путь. За беседой не заметили, как прошагали несколько километров.

— Ну, хватит, — неожиданно остановился отец, — дальше я пойду один. Тебе пора возвращаться, сынок. Давай прощаться.

Мы постояли, глядя друг на друга, не решаясь сделать первый шаг. Наконец отец крепко прижал меня к груди и решительно повернулся. Он быстро зашагал по дороге, низко опустив голову. Так и шагал, не поднимая головы, словно боясь повернуться назад. Я долго смотрел вслед в надежде сделать последний, прощальный взмах рукой. Но вот отец остановился и оглянулся. Я помахал рукой. Он ответил и снова решительно двинулся на запад. А я, не отрывая взгляда от быстро удалявшейся фигуры, прошептал:

— Прощай, батя! Увидимся ли еще?

И снова фронтовые дороги развели нас в разные стороны. Но память об этой неожиданной встрече осталась навсегда. Она согревала меня холодными ночами, помогала выстоять в трудных боях. Помнил о ней и отец.

...С 14 по 16 января 1944 года дивизия вела оборонительные работы, выявляла систему огня противника. Относительное затишье давало возможность следить за событиями, развивающимися на других фронтах.

А они были радостными. Войска 1-го Украинского в районе Житомира и Бердичева продвинулись на расстояние от 80 до 200 кило-

метров, охватывая левым крылом группировку противника в районе Канева. 2-й Украинский фронт отбросил врага к западу от Днепра на 40—50 километров: 14 января началась операция войск Ленинградского и Волховского фронтов по снятию блокады с колыбели революции — города Ленинграда. В течение недели они разгромили фланговые группировки 18-й немецкой армии в районах Ропши, Красного Села и Новгорода.

— А мы пока топчемся на месте, — хмурил брови комдив полковник Вдовин.

Сергей Андреевич прибыл к нам совсем недавно. Полковник Федор Семенович Даниловский убыл в распоряжение командира корпуса. Естественно, новому командиру дивизии хотелось найти себя в должности, завоевать боевыми делами авторитет.

В ночь на 16 января нас сменила 273-я стрелковая дивизия. Полки вышли во второй эшелон корпуса.

В связи с прорывом противника на левом фланге армии поступил приказ на передислокацию. Вместе с другими соединениями мы перебрасывались туда. Марш прошел организованно и без потерь. Авиация немцев несколько раз пыталась штурмовать колонны, но нам удавалось ускользнуть, и бомбовые удары приходились по пустым местам.

Во второй половине дня 26 января 828-й и 889-й стрелковые полки вышли на рубеж Великий Бор, опушка леса, река Иппа, где ночью сменили части 399-й стрелковой дивизии полковника Даниила Васильевича Казакевича и вошли в соприкосновение с противником. Справа действовала 273-я стрелковая дивизия нашего корпуса, а слева — 172-я стрелковая дивизия 95-го стрелкового корпуса.

Обстановка на этом участке фронта сложилась следующая. После прорыва гитлеровцы под натиском наших войск вновь отошли на заранее подготовленные позиции на берегу реки Иппа. Первый и второй рубежи его обороны проходили по берегам реки, третий находился в тылу. Водное зеркало реки было нешироким, но из-за начавшейся оттепели Иппа разлилась и в отдельных местах достигла километровой ширины.

— Обстановочка, — глядя на карту, качал головой подполковник Заяц. — Нелегко придется тут. Куда ни кинь — везде клин: кругом вода.

Он исполнял обязанности начальника штаба дивизии в связи с убытием подполковника Ф. Ф. Абашева в штаб армии. Знающий штабную работу, выдержанный, но в то же время требовательный, Филипп Федорович Заяц всем пришелся по сердцу.

Командир дивизии принял решение нанести удар по противнику в двух направлениях: на правом фланге — на Михайловку и Притыку, на левом — на Дубраву, затем выйти на рубеж Раковичи, Николаевка. И теперь — в который уже раз! — подполковник Заяц и майор Румянцев прорабатывали возможные варианты предстоящего боя.

— Какие еще части кроме 87-й пехотной у фашистов, Петр Васильевич?

— Разведчики доносят: 31-й саперный батальон, а на стыке с соседом справа 134-я пехотная дивизия.

— Ничего себе!

— Правда, они не первой свежести.

— Но ведь противник в обороне, а нам нужно наступать. Улавливаешь разницу?

— Конечно улавливаю!

— То-то!

Дальше разговор пошел о средствах усиления полков. Но как ни ломали они голову, чего только ни придумывали — для перевеса над противником имеющихся средств не хватало.

— Авиация поддержит, — включился в разговор вошедший в землянку полковник Вдовин. — Да и артиллерией корпус обещал помочь.

— Не сбрасывайте со счета настрой наших людей, — напомнил начальник политотдела подполковник Жеваго. — Моральное превосходство на нашей стороне. Хотя у фашистов сейчас перевес в технике, все же они теперь не те, что были раньше. Сводки с фронтов их не радуют.

Все это было так. Тем не менее события развернулись для нас иначе, чем предполагалось. 828-й стрелковый полк был остановлен на позициях полковых резервов противника. Исполняющий обязанности командира 889-го стрелкового полка майор Валентин Евстафьевич Павлюк донес: вышел двумя батальонами к болоту у села Дубрава, но дальше продвинуться не смог. Цепи залегли под перекрестным огнем гитлеровцев.

— Не может противник быть сильным везде, — отвечал на звонки командиров Сергей Андреевич Вдовин. — Нащупывайте бреши в его обороне, ведите разведку.

Трое суток полки вели упорные бои. Враг непрерывно контратаковал то на одном, то на другом участке. Его авиация буквально висела в воздухе.

В ночь на 30 января гитлеровцы разрушили лежневку через болото у села Дубрава. Бойцы 889-го полка, приданные полку саперы рубили деревья, валили их в воду и жидкую грязь — восстанавливали переправу. Фашисты методически обстреливали бойцов, прокладывающих путь, накрывали артиллерийско-минометным огнем наспех вырытые в сыром грунте окопы.

Солдаты, ругая на чем свет стоит распутицу, местность, куда привела их фронтовая судьба, немцев, засевших на господствующих высотках, в хуторах и в теплых хатах Дубравы, Притыки, Михайловки, продолжали выполнять приказ. По ночам дивизионные и полковые разведчики переходили линию фронта, брали «языков». Майор Валентин Коротаев суммировал добытые данные, докладывал начальнику штаба. Сведения были нерадостные. Противник закрепился прочно, и выбить его оказывалось делом нелегким.

Для наращивания удара по врагу через боевые порядки 828-го

стрелкового полка была введена в бой 102-я стрелковая дивизия. Ей удалось несколько потеснить фрицев и оседлать дорогу Притыка — Радин. Но по-прежнему оставались нерешенными задачи, стоявшие перед частями нашей дивизии. Дубрава, Михайловка, Радин, Раковичи находились в руках фашистов.

Командиры, штабы искали выход из создавшегося положения. И нашли. Начало освобождению Дубравы положили разведчики старшины Петра Блохина из 889-го полка. Найдя болотные броды, они предложили ночью ворваться в деревню и выбить из нее немцев, в худшем случае овладеть их траншеями у Дубравы.

Инициатива вылазки принадлежала сержанту Киму Никишкину, известному не только в полку, но и во всей дивизии разведчику. Быстрый, решительный, подвижный — жизненным силам, казалось, было тесно в его некрупном теле, — он первым вызывался идти в поиск или засаду, в атаке всегда вырывался вперед.

В ночь на 31 января 1944 года Ким Никишкин и его товарищи пробирались через болото к Дубраве. С запада к деревне шли дивизионные разведчики, а также выделенные для этого этапа боя саперы, противотанкисты, минометчики и пулеметные расчеты.

Перейдя через топь, разведчики ликвидировали охранение противника и захватили крайние дома деревни. Однако немцы опомнились быстро. Последовала фашистская контратака, за ней, с нарастающей мощью, еще и еще. В конце концов им удалось выбить наш взвод из деревни. Отход разведчиков прикрывал пулеметчик младший сержант Серго Чегладзе — высокий, статный грузин. Ведя огонь, он все время менял позицию, и немцы вначале решили, что действуют несколько пулеметов. Но вскоре хитрость была разгадана, и солдаты начали справа и слева обходить бойца. Чегладзе, подпустив их поближе, выпустил ракету по офицеру. Тот закричал и ткнулся лицом в снег. Чегладзе начал бросать гранаты. Немцы вынуждены были отойти.

Спустя некоторое время они снова пошли в атаку. Чегладзе, успевший перезарядить пулемет, опять заставил гитлеровцев прижиматься к земле. Кончилась лента — младший сержант взялся за автомат. Опустел магазин автомата — пришлось еще раз прибегнуть к гранатам. Кончились и они... И в этот момент Серго вспомнил, что после одной из его очередей замолчал немецкий пулемет, стрелявший неподалеку. Молчал он и теперь. «Фашист наверняка не израсходовал боеприпасы», — пронеслось в голове.

Прошли томительные мгновения, и в темноте ночи вновь застучал пулемет. Истошно загалдели гитлеровцы.

— Серго, отходи! — услышал он голос Блохина.

— Сейчас, товарищ старшина, сейчас всыплю им, чтобы в другой раз было неповадно контратаковать ночью.

Младший сержант с разворотом повел стволом по поляне, на которой появились враги, и выхватил из гитлеровской цепи несколько человек сразу. Немцы залегли. Начали было перекликаться. Чегладзе стал бить, ориентируясь на голоса. Фашисты замолчали.

— Серго, отходи, — повторил приказ Блохин.

— Иду, товарищ старшина.

Он рывком пересек поляну, опустился рядом с Блохиным.

— Ну и мастак ты стрелять, — встретил его старшина. — Фрицев навалил сколько! Глаза, что ли, у тебя кошачьи?

— Привычка. Горец я, охотник.

— Пойдем, нас уже заждались.

Вскоре они были в отбитых у немцев траншеях, приспособленных разведчиками к круговой обороне. Из Дубравы доносились команды на немецком языке, слышался говор вражеских солдат, гул двигателей автомобилей, треск мотоциклов.

— Своих собирают, — глядя в сторону деревни, процедил сквозь зубы Никишкин. — Задали мы им шороху.

— Не только шороху, — подал голос Иван Нечаев. — Но и еще кое-чего. Видел, как вы, товарищ сержант, саданули гранатой в избу с офицерами. Подумал: вдруг кто-либо остался из них жив, добавил туда противотанковую.

— Это уже было ни к чему. Да и командир знает, что не по назначению гранату истратил, спросит.

— После будем разбираться, что к чему, — услышал реплику подошедший Чегладзе.

— Это ты, генацвале? — обернулся к нему Никишкин.

— Я, кто же еще.

— Спасибо, выручил нас сегодня, здорово выручил.

— Долг платежом красен.

Эти слова были сказаны не случайно. Чегладзе влился в армейскую семью, не имея фронтового опыта. Здесь многому научился. Товарищи помогли ему изучить русский язык, оружие, командиры — освоиться с боевой обстановкой. Секретарь комсомольской организации рядовой Алексей Кондратов вовлек в общественную работу. Парторг роты старшина Сергей Андреевич Шаров не однажды преподал урок мужества. В армии Чегладзе стал кандидатом в члены партии. Он был награжден двумя медалями «За боевые заслуги», орденом Славы III степени. На погонах появились нашивки младшего сержанта. Теперь это был умелый, знающий цену мужеству воин, которого уважали товарищи, в которого, как в самого себя, верил командир, поручая ему выполнение самых сложных задач. И совсем не случайно, что он нынче оказался у разведчиков, на которых командование возлагало большие надежды.

Через полчаса фашисты начали новую контратаку, но вновь откатились. Бой длился до самого утра. Ночью сумели преодолеть болото передовые батальоны полка. Переправился и штаб. Майор Модин вызвал к себе Петра Блохина. Невысокий, с острым лицом, старшина начал неторопливо докладывать:

— В Дубраве удержаться не удалось. Большой перевес у фашистов. Пришлось отойти, но за траншеи противника группа зацепилась намертво. Уничтожили до роты немецкой пехоты, четыре бронетранспортера. Наши потери...

— О них знаю из вашего донесения. Вот только почему об отличившихся не доносишь? Скромничаешь, что ли?

— Нет, не скромничаю, — пожал плечами старшина. — Не знаю, кого и отмечать. Все дрались достойно. Группа сержанта Никишкина забросала гранатами штабной блиндаж, дерзко действовала во время захвата домов в Дубраве. А уж когда до отражения атак дошло, то и говорить нечего. Как ни отсекали нас фрицы — вынесли раненых. Лишь одного убитого пехотинца не успели. Тут младший сержант Чегладзе проявил себя здорово. Попортил немцам нервы.

— Представляй ребят к наградам. Пиши материал на разведчиков и на временно подчиненных. Каждого по заслугам отметить нужно.

Разговор Модина с Блохиным прервала очередная контратака гитлеровцев. Подстегивая себя пьяными выкриками, они шли в полный рост.

— Во, психи! — кинул взгляд на немцев Блохин. — Побегу к ребятам.

— Да, да, идите.

Враг был отброшен. А потом перешли в атаку наши подразделения при поддержке противотанкистов и минометчиков. На околице Дубравы опять завязался бой.

В одной из схваток вновь отличился Серго Чегладзе. Прокладывая огнем путь товарищам, он в упор расстреливал фашистов. Был ранен. В тыл идти отказался.

— Место коммуниста в рядах атакующих, — ответил он парторгу роты. — После Дубравы будем долечиваться.

Однако долечиться отважному сыну грузинского народа не удалось: он был сражен на улице этой деревни.

Отважный воин-грузин так и не узнал, что в штабе полка лежит уже лист с представлением его к высшей награде Родины — званию Героя Советского Союза.

После взятия Дубравы полк повернул на север, чем способствовал овладению 862-м и 828-м стрелковыми полками населенными пунктами Притыка, Михайловка, а затем и Радин.

Дивизия в трудных условиях бездорожья успешно выполнила поставленную задачу. Многие воины в этих боях покрыли себя неувядаемой славой. Никогда не изгладятся из моей памяти коллективные подвиги взводов лейтенантов Кокарева и Шорина. Полностью окруженные бойцы и командиры до конца выполнили свой воинский долг. Смертью храбрых погибли командиры стрелковых рот старший лейтенант Виктор Платонов, лейтенант Иван Полоротов, комсорг батальона Евгений Книторчук, младший лейтенант Федор Липатов и многие другие офицеры, сержанты, солдаты.

Боевые дела однополчан были отмечены орденами и медалями. Правительственных наград удостоились многие воины дивизии. Среди них — офицеры Михаил Костров, Семен Ганин, Василий Егоров, старшие сержанты Михаил Сорокин, Константин Дыжин, Иван

Паперкай, младший сержант Гармат Гаипов, рядовой Владимир Костыхин и другие.

Части дивизии до 28 февраля 1944 года вели попеременно упорные наступательные и оборонительные бои с противником. В это время на других фронтах происходили важные события. Завершился разгром корсунь-шевченковской группировки противника. Фашисты потеряли здесь убитыми 55 тысяч солдат и офицеров, более 18 тысяч гитлеровцев попало в плен. В результате Луцко-Ровенской наступательной операции советские войска очистили от врага значительную часть Правобережной Украины. Успешно была проведена Криворожско-Никопольская наступательная операция.

Наступление советских войск в январе — феврале имело важные стратегические результаты. Врагу было нанесено сокрушительное поражение под Житомиром и Бердичевом, Кировоградом и Корсунь-Шевченковским, Ровно и Луцком, Никополем и Кривым Рогом.

ВО ГЛАВЕ БАТАЛЬОНА

Ночь на 28 февраля выпала спокойной. Лишь время от времени передний край бороздили отсветы ракет да стучали кочующие дежурные пулеметы. Авиация не работала. Сеял мелкий снег. Сквозь бегущие по небу разорванные тучи мелькал тусклый диск луны. В расположении штаба дивизии царило оживление, хлопали двери землянок, то и дело отъезжали коники, перекликались вестовые, спешили по делам посыльные. Мелькали незнакомые лица солдат, офицеров, слышались чужие голоса.

Утром прибыл приказ из штаба армии: дивизия выводилась в резерв. Днем появились представители сменщиков, затем — командиры частей и подразделений 194-й стрелковой дивизии. Несколько часов кряду с нашей помощью они изучали передний край, систему огня, инженерные сооружения противника, знакомились с разведданными, поведением немцев. Наносили себе на карты и схемы систему нашей обороны.

В первой половине ночи началось перемещение подразделений и частей. Наши пехотинцы, минометчики, артиллеристы, саперы уходили в тыл, и их места в стрелковых ячейках, на пулеметных площадках, минометных и артиллерийских позициях, в окопах и землянках занимали люди, коим по рангу и должности они и предназначались.

В просторном, в два наката, штабном блиндаже, с раскаленной докрасна железной печкой-времянкой посредине, трещали телефоны. Нагрузка на линии связи оказалась двойной. Офицеры утрясали непредвиденные вопросы, которых в таких случаях всегда оказывается немало.

Над походными столами начальников служб — дым коромыслом. Офицеры штаба рассказывают сменщикам об особенностях обороны, поведении противника, оформляют документы, наносят на карты обстановку. И почти все курят. Ничего не поделаешь — фронтовая привычка.

— Надымили-то как! — вошел в помещение полковник Даниловский. — Хоть топор вешай.

Все встали.

— Садитесь, — махнул рукой Федор Семенович. — Продолжайте работать.

Федор Семенович Даниловский возвратился в дивизию еще в начале месяца. Мы искренне обрадовались этому. С ним сработались и, как говорят, понимали его с полуслова. Следом за ним вернулся и начальник штаба подполковник Абашев.

Отъезд в распоряжение корпуса комдива, а затем и начальника штаба в разгар боев до некоторой степени повлиял на нашу работу. К руководству дивизией пришли другие люди. Иными стали требования. Естественно, перестройка нашей работы коснулась полков, батальонов, других звеньев дивизионного механизма и вызвала определенную реакцию, толки. Теперь, выражаясь словами Петра Васильевича Румянцева, все стало на свое место.

— Товарищ полковник, — подошел к Даниловскому начальник разведки майор Коротаев, — боевое охранение доносит: немцы ведут себя спокойно. Полки сменились, разрешите моим ребятам сдать позиции?

— Да, Валентин Иванович, меняйте разведчиков и выводите их в тыл.

Смена прошла организованно. Противник не проявил беспокойства: видимо, ничего не заметил.

Утро части встретили на марше. Дивизия шла по маршруту: Заиваньево, Еланы, Капустевич, Заходы, небольшая железнодорожная станция Василевичи.

— Поредел строй, — пропуская колонну полка, не выдержал подполковник Абашев. — Ох как поредел!

Мимо нас следовали подразделения 828-го стрелкового полка. В батальонных колоннах по семьдесят — девяносто человек, не больше. В пулеметных расчетах и расчетах противотанковых ружей — по одному, в минометных и артиллерийских — по два-три человека. Солдаты шли усталым шагом, равнодушно смотрели вперед или себе под ноги. На буланом коне возле нас остановился командир полка.

— Николай Викторович, сколько активных штыков в строю?

— Триста сорок.

Подполковник Красовский снял шапку, вытер платком бритую голову, тяжело вздохнул:

— Нелегко дались нам Дубрава с Притыкой. Много людей потеряли, да и каких людей — опытных, настоящих бойцов.

Подъехала машина с командиром дивизии, начальником политического отдела, а вслед за ней подкатил видавший виды трофейный автобус с начальниками служб. Офицеры вышли из машин.

— Штаб в сборе, — произнес Петр Григорьевич Жеваго. — Начнем, Федор Семенович?

Даниловский согласно кивнул,

— Товарищи! — Голос Жеваго звучал взволнованно. — Получен приказ. Второго марта погрузка в эшелоны. Станция назначения — Нежин. Мы убываем на доукомплектование, отдых и учебу.

Петр Григорьевич помолчал, посмотрел вслед удаляющейся от нас колонне саперного батальона и продолжил:

— Трудное испытание выдержали мы с вами. Вспомните Унечу, плацдарм на правом берегу Сожа, Дубраву, Притыку, десятки других мест, где пришлось драться с врагом. Везде бойцы и командиры проявили отвагу.

С волнением слушали мы политработника. Действительно, в тяжелейших условиях нам довелось вести бои. Не случайно дивизию окрестили «болотная, непромокаемая». Ночами нас еще долго будут преследовать тревожные сны — форсирование многих рек и речушек, болота, срывающиеся в трясину кони, техника, люди. Начиная от сорокапяток и кончая провиантом — бойцы все тащили на себе. Грязные, оборванные, уставшие, но непобедимые.

Начальник политического отдела дивизии рассказал нам о подвиге личного состава рот Тажимакина и Лягнева у местечка Бараков.

Вырвавшись вперед, подразделения вместе с поддерживающими их расчетами 45-мм орудий оказались в окружении. Одна за другой следовали атаки противника. Наши бойцы сдерживали натиск врага, истребляли немецкую пехоту, уничтожали его огневые средства, жгли танки и бронетранспортеры. Фашисты, не считаясь с потерями, лезли напролом. В полдень роты выдержали бешеную атаку усиленного батальона. Враг откатился с большими потерями. Наступила передышка. Но она длилась недолго. Гитлеровцы вновь нанесли по позициям рот артиллерийско-минометный удар, затем пошли в атаку.

Боеприпасы на исходе, а у артиллеристов они уже кончились; принято решение идти на прорыв. Подпустив врага, пехотинцы забросали его гранатами и кинулись вперед. Завязалась рукопашная схватка. Штыком, прикладом, лопатой наши бойцы прокладывали себе дорогу. На рядового Дивака бросилось несколько гитлеровцев. Прикладом карабина артиллерист оглушил одного, затем другого. Но тут случилось непредвиденное: ложе приклада разлетелось в щепки от очереди фашистского автомата. Что делать? Взгляд упал на лежавшую рядом немецкую гранату с длинной ручкой. Дивак подхватил ее и бросил. Фашисты шарахнулись в стороны, попадали. Этого времени было достаточно, чтобы солдат выхватил из рук убитого гитлеровца автомат. С возгласом «Получай, гады!» он начал расстреливать окруживших его врагов.

Но как ни старались наши воины — силы оказались неравными. Большинство храбрецов погибло. Об их мужестве и стойкости рассказали прорвавшиеся через кольцо противника старшина Корнилов, старший сержант Ходиков, рядовой Мальчиков.

Подполковник Жеваго откашлялся и глуховатым голосом заключил:

— Каждый подвиг бойцов и командиров мы должны довести до

оставшихся в живых. Не забудьте сказать спасибо солдату. Он достоин этого, наш солдат. Все вынес и сделал все, что смог.

Василевичи встретили нас черными проемами окон полусгоревших домов, грудами искромсанной, никому теперь не нужной воинской техники. Всего лишь несколько дней назад здесь шли бои.

2 марта началась погрузка в эшелоны. Первым убывал 862-й стрелковый полк. Управление дивизии вместе с ротой связи и саперным батальоном грузились во второй эшелон. На следующий день отправлялись артиллерийский, 889-й и 828-й стрелковые полки и остальные части и подразделения.

После бессонных фронтовых ночей сладко спится на вагонных нарах. Душисто пахнет сено, приобретенное заботливыми хозяйственниками у лесника под Василевичами. От сухой травы веет чем-то родным, близким. И если бы не мерное подрагивание теплушки да паровозные гудки, можно подумать, что находишься дома, на сеновале, на котором провел столько ночей за годы детства и юности!

Эшелон подолгу стоит на станциях и полустанках. «Зеленая улица» составам, идущим к фронту, поездам с красными крестами на вагонах.

Наша очередь — последняя.

— Вот уж действительно сонное царство, — машет в сторону теплушек на одной из остановок майор Румянцев.

Петр Васильевич проверял несение службы зенитчиками, караулом и внутренним нарядом.

— Завалились, как медведи в берлогах, — продолжает майор. — Храпят. И ты с ними, Алтунин?

Услышав фамилию, приподнимаюсь, говорю первое, что пришло на ум:

— Как все, так и я.

— Вижу. Сам бы тоже не прочь придавить эдак минуток шестьсот, но служба есть служба. У меня к тебе разговор. Слезай.

Сползаю с нар, черпаю котелком воду и лью ее на разгоряченный затылок.

— Не ровен час — застудишься. Вода-то небось ледяная.

— Нет, я привычный — сибиряк! Да и водица комнатной температуры.

Начальник оперативного отделения ждет, когда надену гимнастерку, и только потом приглашает сесть. Опускаюсь на сосновый пенек. Петр Васильевич раскуривает папиросу, как бы между делом говорит:

— Подошел ты нам, Саша. Есть штабная хватка, обрел некоторое умение...

— Вы это к чему, товарищ майор?

— Какой нетерпеливый! Ну да я тебя понял. По голосу понял: не останешься. — И, чуть помолчав, Румянцев продолжил: — На днях вызовет тебя кадровик, со мной он уже говорил. Не стану пе-

речить твоему уходу, не в тыл идешь-то, а на передний край. Так-то!

Майор Румянцев затянулся дымком, вздохнул, махнул рукой, бросил недокуренную папиросу в дверцу пышущей жаром «буржуйки», поднялся:

— Пойду вздремну.

Вот так новость! Не стал задавать вопросов Петру Васильевичу, хотя и хотелось узнать, куда пошлют. Но тактично ли расспрашивать? И я не решился.

Вагон дернулся и покатился по рельсам. Чей-то зычный голос торопил отставших. В квадрате крошечного окошка промелькнул зеленый огонек семафора. Состав уходил от линии фронта.

В теплушке гудела печка. Дневальный, низенький щербатый боец лет пятидесяти, бросал в огонь дрова, разморенный теплом, довольно крякал и блаженно щурил редкие рыжие брови. Во сне ворочались штабные офицеры. Иногда кто-либо из них вскакивал, некоторое время непонимающе смотрел на огонь и вновь валился на сенник.

Утро встретило нас солнцем. Отодвинув в сторону дверь теплушки, невольно зажмурился. В лицо ударил влажный, густо пахучий воздух. С крыши вагона обильно падали крупные капли воды. Сорвалась и на десятки разноцветных искрящихся осколков разбилась сосулька. Весна!

Командирская подготовка, как назвал разбор прошедших боев подполковник Абашев, состоялась в соседнем вагоне. К нашему приходу на стене уже висела стертая на изгибах карта района Дубравы.

— Опять болота, — не выдержал капитан Герасимов. — Они и так у меня засели в печенках на всю оставшуюся жизнь. Зачем напоминать?

Но тут вошло руководство дивизии. Начался разбор. Полковник Даниловский дал оценку решениям командиров и начальников, разобрал меры обеспечения. Похвалил разведчиков 889-го стрелкового полка за инициативу при взятии Дубравы. В адрес дивизионной роты разведки сказал, что «глаза и уши дивизии не всегда держали в курсе событий штаб», подчас действовали медленно и нерешительно, отрывались от противника. Майору Валентину Коротаеву, да и другим начальникам служб, не раз пришлось краснеть во время выступления командира дивизии.

— Особенно меня встревожило то, — посуровел Даниловский, — что не все доклады об обстановке соответствовали реальному положению вещей. Отдельные товарищи подчас грешили против истины, по той или иной причине выдавали желаемое за действительное, а этого допускать нельзя ни в коем случае. Фактически это дезинформация вышестоящих командиров. Конечно, сказать правду, какая бы горькая она ни была, — тут тоже требуется мужество, как и подняться в атаку.

Командир дивизии имел в виду случай с начальником штаба 828-го стрелкового полка. Во время боя за Дубраву полк «спотк-

нулся» на заполненной водой осушительной канаве. Не очень широкая (восемь — десять метров), но расположенная на открытом пространстве и пристрелянная противником, преграда эта попортила немало нервов. Несколько часов за нее шел бой. Штаб корпуса торопил со взятием деревни, а проклятая канава тормозила все дело. Мы, естественно, нажимали на командира полка Красовского. И наконец доклад: прошли канаву.

Начальник штаба дивизии довольно потер руки:

— Наконец-то, будь она неладна.

Румянцев соединился с 889-м полком — и вдруг у него вытянулось лицо. Оказывается, левофланговый батальон полка лежит перед канавой. Об этом сообщил начальник штаба Модин — человек, словам которого не верить нет причины. Рассерженный Абашев выхватил из рук майора трубку:

— Что вы там топчетесь, за канавой и немцев-то нет! Красовский давно их выгнал.

— Красовский за нами, на фланге лежит.

— Это точно?

— Точно, товарищ Второй.

— Хорошо. Сейчас к вам выедет офицер штаба. На месте разберемся.

Как выяснилось, виноват был начальник штаба 828-го полка майор Забазнов. Канаву преодолели несколько человек из роты Лаптева. Комбат сообщил об этом в штаб полка, а Алексей Прохорович Забазнов, донося нам, добавил от себя, что полк закрепился на рубеже. Пока же шли звонки, фашисты контратакой сумели оттеснить горстку наших бойцов на прежнюю позицию. Однако комбат не торопился докладывать о случившемся. Трудно сказать, чем он руководствовался. Одно было ясно — допущена халатность, граничащая с преступлением.

Во время боя может случиться всякое. Бывает, что он проходит не совсем так, как намечено на картах и заложено в планах. Но это не дает права командиру, какой бы он пост ни занимал, ни на йоту отходить от истины. Приукрашивание, несвоевременный доклад о состоянии дела вредны всегда, но особенно чреваты тяжкими последствиями и нетерпимы в боевой обстановке, где даже малейшее отступление от правды или минута-другая промедления могут обернуться лишними человеческими жизнями. От этого и предостерегал нас командир дивизии.

Разбор боев за Дубраву, а затем и Притыку дал многое всем, и особенно нам, молодым офицерам. Он заставил как бы со стороны взглянуть на себя, проанализировать свою работу и работу товарищей, нижестоящих командиров, штабов, соседей. Для меня это была большая школа командирского становления и обретения боевого опыта.

В один из дней меня попросил заглянуть начальник отделения кадров. Михаил Петрович Таранов встретил приветливо, пошутил насчет мартовской капели и скорой весны. Листая тонкую папку личного дела, с улыбкой произнес:

— Кончилась, Алтунин, твоя штабная служба, кончилась. Идешь комбатом. Рад небось? По лицу вижу, доволен. И правильно. Киснуть в штабе в твои годы да с твоим горячим характером негоже.

Капитан Таранов не спрашивал согласия, говорил о новом моем назначении как о деле уже решенном. Нетрудно было догадаться, что Михаил Петрович успел встретиться с майором Румянцевым, и они решили, по крайней мере на ближайший период, мою судьбу.

Нужно было представиться начальству.

— Командир дивизии нас ждет.

Вагон был разделен надвое солдатскими плащ-палатками. В одной половине размещалось отделение кадров, в другой — командир дивизии, начальник политического отдела и начальник штаба. Мы вошли туда. Помещение было аккуратно убрано. За покрытым красной материей столом что-то писал полковник Даниловский. По стенам стояли заправленные солдатскими одеялами кровати с белоснежными наволочками на подушках.

— Разрешите войти, товарищ полковник?

— Да, входите.

Даниловский приподнял от листа, исписанного мелким почерком, лицо, оглядел нас и, задержав взгляд на мне, произнес:

— А, Алтунин явился. Значит, бежишь из штаба. Нехорошо. — И уже к обоим: — Да вы, товарищи, садитесь.

Федор Семенович еще раз посмотрел на меня, продолжил:

— Разговор, Александр Терентьевич, у нас будет короткий. Вас мы знаем. В боях показали себя с хорошей стороны, а это — лучшая характеристика. Есть мнение назначить вас командиром второго батальона восемьсот восемьдесят девятого стрелкового полка. Как, потянете?

— Справлюсь!

— Другого ответа от вас и не ожидал. Принимайте батальон, вникайте в дела и ждите нас в гости.

Полковник поднялся, давая этим понять, что разговор окончен. Мы тоже встали. В это время в помещение вошел подполковник Жеваго.

— Петр Григорьевич, — обернулся к нему комдив, — у вас к новому комбату нет ничего?

— Алтунин! — улыбнулся подполковник Жеваго. — Что его напутствовать. Наш, знаем! Единственно, о чем бы хотел попросить вас, старший лейтенант: держитесь ближе к Елагину. Опытный, знающий у вас замполит. У такого не грех и поучиться работе с людьми. В общем, присмотритесь к нему, не пожалеете.

— Ну что ж, тогда желаю успеха, — пожал мне руку Даниловский. — И чтобы на новой должности долго не задерживаться, комбат. Теперь будем спрашивать с тебя не только за себя, но и за людей. Понял меня?

— Так точно, понял!

— То-то же!

Поздравил меня со вступлением в новую должность и начальник политотдела.

Я вышел из вагона. На сердце было и радостно, и тревожно. Состав стоял на перегоне, ожидая, когда семафор откроет путь. Светило солнце.

12 марта части дивизии закончили выгрузку на станции Нежин и в этот же день ушли из утопающего в садах небольшого украинского районного городка. Штаб убыл в Безугловку, 828-й стрелковый полк — в Куриловку, 862-й, 889-й стрелковые и 261-й артиллерийский полки и 418-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион соответственно расположились в населенных пунктах Пашковка, Дорогинка, Синдоровский, Талалаевка.

Дивизия вошла в состав 3-й гвардейской армии.

С вещевым мешком за плечом, легко соскочив с попутной подводы на кривой улочке Дорогинки, я пошел разыскивать штаб полка. Сады и огороды деревеньки еще были забиты снегом, а на выгоне уже появились проплешины с сырой, блестящей на солнце прошлогодней травой. Проваливаясь чуть ли не по колено в ноздреватый наст, подошел к первому попавшемуся дому, на широком дворе которого дымились две походные армейские кухни. Окликнул повара, помешивающего большим черпаком в котле.

— Где штаб полка, товарищ старший лейтенант? — переспросил веснушчатый солдат. — Эвон, дворов через пять, — показал вдоль переулка. — С большим крыльцом дом под зеленой железной крышей. Самый большой в здешней округе. Правление колхоза, а нынче там штаб.

— Полная информация, — улыбнулся я.

— А что, — не понял повар, — разве я лишнего сказал?

— Нет, нет, спасибо.

Минут через пятнадцать я вошел в помещение штаба. В комнате просторной пятистенной избы начальник штаба полка майор Модин (Николай Сергеевич получил очередное звание) проводил с офицерами занятие. Присев на свободный край широкой скамьи, стал дожидаться перерыва. Николай Сергеевич, заметив меня, улыбнулся:

— Слушаю вас.

Доложил о своем прибытии. Модин выслушал и в ответ радушно сказал:

— Кстати прибыл. Разбираем действия стрелковой роты в условиях лесисто-болотистой местности. Садись, послушай. Может, для себя что возьмешь. Тем более что майор Павлюк в отъезде. Докладывать некому, разве что представиться майору Кулябину, но и его сейчас нет. Решили баньку соорудить, пошел туда. Будет не раньше чем через час-полтора. Садись.

Николай Сергеевич продолжил занятие. Говорил спокойно, уверенно. Уставные положения подкреплял примерами прошедших боев, решений командиров и начальников в ходе выполнения поставленных задач. Часто обращался то к одному, то к другому из офицеров, не обошел вниманием и меня. Словом, шел деловой разговор.

После занятия Модин представил меня офицерам полка, познакомил с планами учебы части. Полумесячная подготовка личного состава в основном сводилась к практическим занятиям по действиям в различных условиях боя. Исключение составляли офицеры, для которых планировались теоретические лекции, тактические летучки, прием зачетов по уставам и наставлениям, семинарские занятия, да прибывающее пополнение, в основе работы с которым лежали изучение материальной части оружия и одиночная подготовка. Свыше двух третей времени отводилось на тактическую подготовку, венцом которой являлись учения с боевой стрельбой. Много времени уделялось ведению боевых действий в условиях лесисто-болотистой местности, форсированию водных преград, особенно ночью.

Поздно вечером, когда мое знакомство с документами подходило к концу, вернулись майоры Валентин Евстафьевич Павлюк и Николай Афанасьевич Кулябин. Они были возбуждены и радостны. В дивизию еще прибыло пополнение, стало известно, что материальная часть истребительно-противотанковой артиллерии заменялась зарекомендовавшими себя с самой лучшей стороны 57-мм орудиями.

Увидев меня, Павлюк довольно сказал:

— Наконец-то явился, пропащая душа! Спрашиваю сегодня Румянцева: «Куда моего комбата девал?» — «Какого, — говорит, — комбата?» — «Алтунина».—«Так ведь он еще приказом не утвержден в должности». — «Ну и что из этого? Приказ — бумажка, а мне человек нужен, комбат. Люди его ждут, живые люди». — «Да не кипятись ты, — отвечает. — Убыл твой Алтунин. Вчера вечером убыл. И наверное, уже на месте».

— Николай Сергеевич, — обернулся Павлюк к начальнику штаба, — ввел Алтунина в курс наших дел?

— Да, познакомил. Представил офицерам полка.

— Вот и хорошо. В батальоне был?

— Нет еще.

— Вместе пойдем. Как ты, Николай Афанасьевич, не составишь нам компанию?

— Как же, составлю! С Елагиным переговорить нужно. У него там в четвертой роте не создана парторганизация, а политотдел жмет.

— Точнее, рекомендует, Николай Афанасьевич.

— Пусть будет так.

Спустя минут двадцать зашли в штаб батальона — небольшую, но уютную под тесовой крышей избу. Здесь нас поджидали. Среднего роста, худощавый, с черными усами капитан лет сорока подал команду.

— Вольно! — остановил его Павлюк и кивнул в мою сторону. — С новым командиром батальона прибыли. Вам его уже представляли. От себя хочу лишь добавить — фронтовик! Прошу любить и жаловать.

Валентин Евстафьевич взял меня под руку и представил капитана:

— Бухарин Николай Яковлевич, ваш заместитель по строевой части, Александр Терентьевич.

Мы крепко пожали друг другу руки.

— Адъютант старший батальона капитан Охрименко, — представился другой офицер, четко взяв под козырек.

— Заместитель командира по политической части лейтенант Елагин, — встал по команде «Смирно» плотный мужчина.

— Иван Иванович, — добавил стоявший рядом майор Кулябин.

Сели за большой, вымытый до желтизны крестьянский стол. Командир полка поинтересовался ходом занятий в батальоне, подготовкой к взводным тактическим учениям с боевой стрельбой. Капитан Бухарин неторопливо начал докладывать. Все его внимательно слушали. Дело коснулось разработок. Адъютант старший представил несколько вариантов.

— Неплохо, — ознакомившись с ними, произнес Павлюк и передал мне: — Как ваше мнение?

Разработки в основном были сделаны добротно.

— Разве что обстановку нужно усложнить на отдельных этапах.

— Вот и я об этом, — довольно улыбнулся Павлюк. — Только не немного, а до предела. Заставлять командиров и бойцов трудиться с полной отдачей и даже больше. В обучении должны следовать суворовской формуле: «Тяжело в учении — легко в бою!»

— Лучше пот, чем излишняя кровь, — вставил Кулябин.

Мы обсудили вопросы предстоящего тактико-строевого занятия, стрельб. Зашел разговор о кадрах.

— В ближайшие дни рядовой состав полностью получите, — заверил майор Павлюк. — Недокомплект сержантского состава решить за счет опытных и отличившихся в боях бойцов. Учебная рота понесла большие потери, и рассчитывать на нее не приходится. Офицерами вы укомплектованы.

— Парторга батальона нет, — вздохнул лейтенант Елагин.

— У себя разве не подобрали? — посмотрел на него майор Кулябин. — Сколько в батальоне коммунистов — и на́ тебе...

— Выходит, не подобрали, раз прошу. Офицеры в основном комсомольского возраста. Среди старшин и сержантов есть с жизненным опытом, но грамотешки не хватает.

— Ну, Иван Иванович, тебе вынь да положь готовенького парторга. Неужели так-таки никого и нет?

— Был, и не один, на примете, Николай Афанасьевич, но сами знаете последние бои, а коммунисты шли впереди...

— Хорошо. — Кулябин помолчал. — Подберем вам парторга.

Зашел разговор о создании партийной организации в 4-й роте. И этот вопрос был решен положительно.

Павлюк с Кулябиным ушли.

Говорливая хозяйка лет пятидесяти накрыла стол.

— Нежинских огурчиков не откушать — грех, — начала она украинским говором. — Наш край на всю Россию ими известен. Садитесь и кушайте, я тут и бульбу с салом приготовила. Слава

богу, немцы к нам заглядывали редко. Не разграбили, как в других местах.

Огорчать хозяйку не хотелось. Да и, признаться, давно домашнего харча не пробовал — все из солдатского котла, а то и вообще одни консервы. Сел, пригласил за стол ординарца. С удовольствием поели разваристой картошки с хрустящими огурцами, салом и свежей выпечки домашним хлебом, от запаха которого, когда вошли в дом, даже дух захватило.

Время было позднее, а назавтра предстояло рано вставать, поэтому решил лечь спать. Несмотря на хлопотный день, уснуть долго не удавалось: тревожили нахлынувшие дела и заботы. Не хотелось, как говорят, ударить лицом в грязь.

На рассвете мы были на ногах. Деревенская улочка встретила тишиной. Печные трубы выбрасывали в синь неба кудлатые струи белого дыма. Кричали запоздало петухи, в соседнем дворе неистовым лаем заливался пес. От всего этого повеяло родным, но уже порядком забытым. Радостно забилось сердце. Мирная жизнь, отчий дом, как мы мало ценим вас в юности!

Из белых украинских хат выбегали солдаты. Одни с ведрами бежали к колодцу, другие растирались снегом. Кричали, шутили, смеялись. То тут, то там разносились властные голоса — командиры торопили подчиненных.

— Взвод, строиться! — разнеслась команда.

Десятки сапог застучали по образовавшейся за ночь дорожной наледи. Зазвенел оброненный кем-то котелок, послышались взрыв смеха и голоса. Начался новый день, со своими трудностями и заботами, радостями и огорчениями, — день прифронтовой жизни.

Впечатление от расквартирования батальона осталось неплохое. Подразделения были размещены по крестьянским дворам. После траншей и окопов с грунтовыми водами, белорусских болот, морозов и оттепелей, непросыхающей обуви и одежды — это был рай. Люди выглядели бодрыми, в помещениях поддерживался порядок. Неплохо была налажена служба войск. Порадовало меня и то, что подчиненные знали, чем будут заниматься. Чувствовалась твердая рука штаба, офицеров батальона.

Мои заместители оказались людьми знающими. Капитан Николай Яковлевич Бухарин — человек с большим военным и жизненным опытом, много трудился, задавал тон командирам рот и взводов в требовательности, организации и проведении занятий и учений. Несмотря на разницу в возрасте — Николай Яковлевич был вдвое старше меня, — мы быстро нашли общий язык, стали хорошими товарищами и даже друзьями. Не могу не подчеркнуть: учился у него методике работы с подчиненными, выдержке.

Немало взял и у заместителя по политической части лейтенанта Елагина. Иван Иванович в прошлом — человек самой гуманной профессии — учитель. Родился на Волге. В 1928 году, когда я еще бегал мальчишкой, вступил в партию. На фронт пошел добровольцем. Был политбойцом, парторгом роты, батальона, агитатором полка. Через край хлебнул фронтовой жизни. Несколько раз контужен,

ранен. Знал, как говорят, вдоль и поперек солдатскую душу. Потому и шли к нему бойцы за советом и помощью в ночь-полночь. И хотя он повторял: «Не ко мне идут — к партии», личность Ивана Ивановича, его авторитет значили многое в батальоне. Недаром его высоко ценили и знали не только в полку, но и в дивизии.

Много хорошего можно сказать о капитане Охрименко, других офицерах штаба и подразделений. В общем, командный состав батальона подобрался дружный, работоспособный. Дела у нас спорились, нареканий за ход учебного процесса мы не имели.

В первые дни пребывания в полку меня ждала и приятная неожиданность. Как-то, возвращаясь со стрельб, пришпорил коня и оторвался от общей колонны. Захотелось побыть одному, собраться с мыслями. К этому располагала и погода. После чуть ли не суточного снегопада выглянуло солнце. С деревьев падали первые капли. Ехал, радовался погожему дню, солнцу, свету, тому, что сегодня результаты стрельбы значительно выше, чем были в предыдущий раз.

Начались дома Дорогинки. Улица была забита рыхлым снегом, расчерченным многочисленными тропинками. На повороте появился боец. Солдат как солдат, разве что полушубок непривычной во фронтовой обстановке белизны да кубанка казачья. Скользнул равнодушно по фигуре солдата: мало ли разных людей наезжает в полк по делам службы. Так и проехал бы мимо, не останови меня мелодичный девичий голос:

— Саша!..

Меня словно током пронзило: «Неужели Марина!» Соскочив с седла, стремглав бросился к девушке и в двух шагах от нее, словно наткнувшись на невидимую преграду, остановился в нерешительности.

Марина! В этом имени для меня слились воедино и двухлетнее ожидание встречи, и радость, и удивление. Марина, она!

С жадностью всматриваюсь в милое лицо моей спасительницы, самоотверженно отстоявшей меня в марте 1942 года в госпитале от смерти.

Расставаясь, мы обещали переписываться, а при первой возможности встретиться, но успели обменяться лишь одним письмом. Внезапное продвижение фашистских войск на юге страны прервало завязавшуюся переписку. Территория, на которой находился госпиталь, оказалась в тылу врага. На все мои запросы о судьбе медсестры Марины получал неутешительные ответы. Сразу же после освобождения станции Лихой сделал новую попытку. Райвоенком потребовал сообщить адрес родителей девушки, которого я не знал. Комендант станции сообщил, что во время эвакуации фашисты разбомбили эшелоны госпиталя, поэтому вероятнее всего интересующая меня медсестра погибла. Лишь в глубине сердца оставалась надежда на встречу после войны. И вот встреча на фронтовой дороге!

Марина широко раскрытыми глазами молча смотрела на меня.

Видимо, тоже не верила в случившееся. По ее побледневшим щекам катились слезы.

С нежностью смотрю в почти не изменившееся лицо. Лишь побледневшие щеки, едва заметная сеточка морщинок в уголках глаз и словно застывшая в них боль говорили о пережитом.

— Здравствуй, Марина! — почти шепотом выговорил я. — Неужто это ты?!

Преодолев скованность от неожиданной встречи и испытывая чувство нежности, я обнял свою спасительницу и крепко прижал к груди.

— Сколько я разыскивала тебя, Саша! — глотая слезы, выдавила наконец Марина. — Куда только не писала...

— Я тоже, Марина, но ты как в воду канула.

— Госпиталь разбомбили... Много пришлось пережить при отступлении. Потом резерв. Попросилась на передовую. И вот теперь прибыла сюда.

— К нам?! — наконец выдохнул я.

— Да!

— Значит, теперь почти вместе! Это же здорово, Маринушка! Я батальоном командую.

Улыбка, радостная улыбка осветила ее усталое лицо. Забыв обо всем, мы продолжали стоять посередине дороги, жадно расспрашивать друг друга о пережитом за время разлуки.

С этого дня мы продолжали шагать одной фронтовой дорогой, твердо решив, что только смерть может разлучить нас.

В один из последних мартовских дней я проводил тактические учения с 4-й ротой. Погода выдалась не весенняя. Низовой ветер рвал полы шинелей, обжигал лицо, нес снежную крупку. В зыбкой пелене смутно просматривались предметы. Зима словно решила дать весне бой. Лощины, сады и кустарник забил мокрый снег. Занятия закончились в сумерках. Уставшие, мы возвращались в деревню. Подошли к околице. Здесь было тише. От крайних изб повеяло домашними запахами и теплом. Колонна ускорила шаг. Послышались говор, шутки. В одном из дворов, мимо которого проходили, я услышал оживленный разговор и смех. Желая узнать, что там происходит, свернул на подворье.

— Оце дыво так дыво! — донеслись до меня украинские слова.

— Маленке, а хоче тебе схватити зубами, да и копытом ударить.

Оказывается, была прислана новая партия лошадей.

Гнатенко, из полковой минометной батареи, облюбовав себе черненького жеребчика, подошел к нему, а конь — хвать его за полу шинели. Рванулись в разные стороны — аж треск раздался. Гнатенко вывалился кубарем за изгородь, а жеребчик — на спине.

— Цирк! — улыбнулся стоявший рядом солдат и пояснил: — Таких маленьких коньков до войны в цирке видел. А тут на́ тебе — к нам прислали.

Бойцы продолжали обсуждать подробности встречи с необычными лошадьми. Просторный крестьянский двор то и дело взрывался хохотом.

По прибытии в штаб поинтересовался у Ивана Ивановича:

— Что там еще за цирковых лошадей в полк пригнали?

— Да нет, Александр Терентьевич! — оживился лейтенант Елагин. — В полк прибыли лошади монгольской породы — низкорослые полудикие степняки. Начали разбирать их, а они — ни в какую! Не то что запрячь, поймать себя не дают. Чуть кто приблизится — бросаются. Представление.

Иван Иванович чему-то своему улыбнулся.

— Нам тоже несколько копей досталось. Завтра посмотрите. Думаю, что объездим, укротим норов, и они станут хорошими нашими помощниками.

Елагин как в воду глядел: невзрачные на первый взгляд лошадки оказались на редкость выносливыми, выручали нас в ходе боев. Бойцы и командиры, особенно артиллеристы и противотанкисты, не раз добрым словом вспоминали дар монгольских товарищей.

Мы продолжали готовиться к боям, радовались вестям с фронтов. В эти дни развернулся второй этап грандиозного сражения на Правобережной Украине. Несмотря на начавшуюся весеннюю распутицу, войска 1-го и 2-го Украинских фронтов громили фашистских захватчиков. Ежедневно радио и газеты сообщали об освобождении десятков населенных пунктов. В сводках Совинформбюро все чаще и чаще мелькали названия городов Черновцы, Каменец-Подольский... Помню, какое ликование вызвал у нас выход Советской Армии на границу. Да и не только у нас — у всех советских людей! 27 марта 1944 года газета «Правда» писала, выражая чаяния народа: «Вот она, долгожданная, трижды желанная государственная граница нашей Отчизны, тридцать три месяца назад попранная врагом...»

В честь выхода 2-го Украинского фронта к реке Прут — Государственной границе СССР—в полку состоялся митинг. Никогда не забуду взволнованные лица боевых товарищей: капитанов Ивана Вечтомова, Сергея Емельянова, старших лейтенантов Николая Чугунова, Дмитрия Одегова, лейтенантов Ивана Титова, Ахпара Шаймирданова, старшин, сержантов и солдат, вместе с которыми в скором времени мне довелось сражаться с заклятым врагом. Наши мысли и стремления хорошо выразил майор Николай Афанасьевич Кулябин:

— Недалек тот день, когда мы с вами вступим в соприкосновение с противником, будем бить и гнать фашистскую нечисть. Гнать туда, откуда она пришла.

Николай Афанасьевич обвел нас взглядом:

— Боевые друзья, хочу сказать вам еще вот о чем. Недалек и тот день, когда мы вступим на земли народов Европы. Нам с вами предстоит высокая и почетная миссия освободителей от фашистского ига.

Нужно готовиться к ней. К нам будут присматриваться, с нас, людей, пришедших из мира социализма, будут брать пример. Буржуазная пропаганда наплела много о нас небылиц. Нужно всегда помнить об этом и достойно представлять наш советский строй за рубежом.

В планах боевой и политической подготовки личного состава с этих дней все чаще стали встречаться вопросы, связанные с предстоящими действиями на территории сопредельных государств. Темы информаций, лекций, докладов, бесед нередко стали посвящаться политическому положению в Польше, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Румынии, народы которых развернули антифашистскую борьбу. Материалы для выступлений командиры и политработники брали из периодической печати. Газеты «Правда» и «Известия», «Красная звезда» и другие, журналы тогда много внимания уделяли этому вопросу.

Мы понимали, что пребывание в резерве может кончиться в любой день, и торопились со сколачиванием подразделений. В батальоне прошли взводные и ротные тактические учения с боевой стрельбой, началась подготовка к полковым. Не помню точно, но где-то в первых числах апреля я проводил с батальоном тактико-строевое занятие. За день порядком устал, а личный состав и вовсе ног не чувствовал. Шутка ли, в беспролазной грязи по буграм и оврагам чуть ли не два десятка километров протопали, к тому же с развертыванием и многочисленными вводными. Фронтовики еще бодрились, а молодежь раскисла. Естественно, вид у всех нас оставлял желать лучшего.

Батальонная колонна втягивалась в деревенскую улицу. Пришпорив коня, поспешил на квартиру. Решил побыстрее привести себя в порядок: вечером должно было состояться совещание у командира полка. Только сбросил шинель, стал к рукомойнику — в избу вбежал посыльный из штаба.

— Товарищ старший лейтенант, вас генерал спрашивает! Ох и сердит, прямо страсть! Накричал на дежурного.

— Что случилось-то? За что ругает?

— Не знаю!

Надернув гимнастерку, на ходу заправляя под погон портупею, выскочил за ворота. На разбитой грунтовой дороге, разделяющей пополам небольшой деревенский выгон, застряла забрызганная грязью легковая машина. Возле автомобиля стояла группа военных. Подбежал к ним, увидел генерала.

— Ваши? — кивнул он в сторону начинавших расходиться по деревенским дворам подразделений батальона.

— Так точно!

— Цыганский табор! Каков вид солдат и офицеров! В грязи, расхлестаны!

— С тактико-строевых занятий возвращаемся.

— Пошехонцы! Распустили людей. Оружие держат, как палки! Не войска, а черт знает что!

— Но ведь...

— Как фамилия? — не стал и слушать меня генерал. Он обернулся в сторону одного из офицеров: — Запишите.

На этом моя встреча с командиром корпуса генерал-майором Донсковым закончилась. Не знаю, какое настроение было в этот день у Семена Ивановича, но «знакомство» с ним оставило у меня неприятный осадок. Тем более что через несколько дней прибыл приказ о моем несоответствии должности. Это взыскание было первым и последним за мою службу в армии.

Грубый окрик, поспешность принятия того или иного решения в отношении подчиненного не красит командира любого ранга. Никогда так не поступит человек, уважающий людей и себя.

В дальнейшем военная служба сводила меня с командирами и военачальниками требовательными, но тактичными, умеющими вникнуть в существо вопроса и спокойно принять по нему решение. С теплотой вспоминаю полковника Ф. Ф. Абашева, генерала Ф. С. Даниловского, Маршалов Советского Союза Р. Я. Малиновского, А. А. Гречко, М. В. Захарова и многих других. Требовательность без оскорбления — вот что характерно для их работы. Так и должно быть.

Помню, тогда я был надолго выбит из обычной служебной колеи и тяжело переживал случившееся. Горький осадок не прошел даже спустя четыре месяца, когда Семен Иванович Донсков подписал на меня представление на Героя Советского Союза. Да и сейчас, спустя много лет, неприятно вспоминать это.

Продолжая боевую подготовку, мы проводили партийные, комсомольские и общие собрания в ротах, готовились к батальонному партсобранию. Иван Иванович Елагин предложил мне выступить на нем с докладом. Я начал было ссылаться на занятость.

— Нет, Александр Терентьевич, — настаивал Елагин, — вы коммунист, командир, направляете работу партийной организации. Кому как не вам задать тон. Насчет доклада не беспокойтесь — помогу.

Собрание прошло неплохо. Коммунисты по-деловому говорили о наших успехах, вскрывали недостатки в учебном процессе, вносили предложения по их устранению. За поздним ужином Иван Иванович ответил на беспокоивший меня вопрос:

— Доклад, Александр Терентьевич, получился. Сумел схватить главное и интересно его преподнести.

— Хвалишь, Иван Иванович. Многое не получилось. Хочется сказать, а выразить пока не могу.

— Не думаю тебя хвалить, говорю правду. Но то, что недоволен собой, — хорошо.

Елагин отхлебнул глоток чаю, улыбнулся, предложил:

— Послезавтра у нас политическая информация для личного состава. Не выступишь ли с ней? Расскажешь о событиях в Крыму. Кстати, ты там воевал.

В эти дни войска 4-го Украинского фронта генерала армии Ф. И. Толбухина, Отдельной Приморской армии генерала армии А. И. Еременко, моряки Черноморского флота и Азовской флоти-

лии громили фашистскую 17-ю армию в Крыму. Командующий этой армией генерал Енеке — специалист по созданию фортификационных сооружений — терял одну оборонительную позицию за другой. Несмотря на упорное сопротивление врага, нашими войсками были взяты Армянск, Керчь, Евпатория, Ялта, Симферополь, Бахчисарай, Судак. На очереди был овеянный славой Севастополь. Обо всем этом я рассказал бойцам и командирам на очередной политической информации.

Постепенно лейтенант Елагин втягивал меня в воспитательную работу с личным составом — дело нелегкое, но необходимое для каждого командира.

Настроение было отличное. Мечта выехать на фронт во главе подразделения осуществлялась. От отца и из дома получил добрые вести. Марина рядом.

Тем временем пребывание дивизии в резерве подходило к концу. В один из дней был получен приказ на марш. Конечным пунктом нашего перемещения оказалась небольшая железнодорожная станция Киверцы Ровенской области. Дивизия вошла в состав 3-й гвардейской армии.

Вновь дорога. Убегают назад километровые столбы, мечутся телеграфные провода, мелькают деревья. В низинах лугов, по́ берегам речушек, озер и прудов проглядывают опушенные белым вербы, а на буграх — косячки нежно-зеленой первой травы. Ласково обдувает прогретый весенний воздух. Сгрудившись у дверных проемов, бойцы смотрят на проносящиеся мимо весенние картины. Слышится под переборы гармоник и трофейных немецких аккордеонов песня.

— Веселая песня, Александр Терентьевич, — трогает меня за плечо лейтенант Елагин, — признак хорошего настроения и крепкого духа.

Мы слушаем задорный, со свистом, припев «Калинки» и невольно сами подхватываем мелодию. На остановках, пока ждем встречных поездов, слышим:

— «Наши войска расширяют плацдарм на правом берегу Днестра! Ведут бои на ближних подступах к Севастополю! Наша авиация наносит удары по резервам врага на территории Польши и Румынии, Чехословакии!»

— Начинается и на нашей улице праздник, Иван Иванович, — оборачиваюсь к Елагину.

Позади остались города Житомир, Новоград-Волынский, десятки других городов, сел и поселков. Разные по размерам, географическому положению, но почти одинаково опустошенные.

На станцию Киверцы прибыли ночью. Отдаваясь в близком лесу, разнеслась команда: «Приступить к выгрузке!»

Вагоны ожили, послышались лязг отодвигаемых дверей, хруст щебня и шлака под сотнями солдатских сапог. Чувствуя конец пути, заржали лошади. Не тронулись с места лишь зенитчики, у них задача прежняя — охрана полка.

Быстро разгрузили имущество. Недолгими были построение и перекличка. Нас с Иваном Ивановичем тревожили братья Горобцы. Феодосий и Мефодий попросили разрешения навестить родных (эшелон следовал мимо их села), заверили, что догонят. Под свою ответственность я отпустил сержантов.

— Неужто подведут, «воробьи»?

— Не думаю, ребята серьезные.

Как бы в ответ на наш разговор в конце деревянного перрона появились знакомые фигуры.

— Да вон и они!

Феодосий и Мефодий подбежали к нам. Запыхавшиеся, радостные, доложили о прибытии.

— Нашли родных?

— А як же, знайшлы! — ответил за обоих Феодосий.

— Хорошо, поговорим попозже, когда выпадет время. Сейчас идите по взводам, там вас заждались.

Братья четко повернулись и побежали разыскивать свои подразделения.

В этот же день, 23 апреля, корпус, дивизия, а следовательно, и полк вошли в состав 1-го Украинского фронта. Мы догадывались, что скоро развернутся крупные события: на станциях, полустанках, железнодорожных тупиках — везде разгружались личный состав, техника. Ночами войска, соблюдая все виды предосторожности, двигались в указанные им районы.

Мы не знали о том, что действиям наших войск в Белоруссии, Прибалтике, Карелии и других местах вскоре суждено вылиться в общее наступление Советской Армии по всему советско-германскому фронту.

Первого мая части сосредоточились в лесах. Нам предстояло сменить части Первой чехословацкой бригады. Мы были наслышаны о боевых делах чехословацких интернационалистов, участвовавших на стороне Советской Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

И вот военная судьба свела нас. Мы с интересом смотрели на форму, прислушивались к незнакомому выговору солдат, унтерофицеров и офицеров. Бодрые, веселые, подтянутые бойцы и командиры производили хорошее впечатление. После формальностей по приему участка обороны от 2-го отдельного батальона чехословацкой бригады были исполнены гимны двух стран. Необычная церемония надолго осталась в памяти каждого из нас.

В один из первых майских дней в батальон прибыл парторг — выше среднего роста, широкий в плечах, стройный, с северным выговором.

— Лейтенант Малыгин, — представился он. И после небольшой паузы: — Василий Федорович. Прибыл в ваше распоряжение.

Нетрудно было догадаться: Василий Федорович не из кадровых офицеров. Это было видно по его развалистой походке и докладу. Мое внимание привлекли награды и свидетельствующие о ране-

ниях нашивки на его гимнастерке. «Успел понюхать фронтового пороху», — мелькнула мысль.

— Кем до войны работали, Василий Федорович? — поинтересовался лейтенант Елагин.

— Лесничим в Архангельской области. Войну начал политбойцом.

Малыгин успел повоевать под Ростовом, в должности заместителя политрука роты участвовал в Сталинградском сражении, окончил курсы политработников.

— Впечатление производит неплохое, — высказал мнение после ухода лейтенанта Иван Иванович. — Боевой опыт имеет, в вопросах партийно-политической работы разбирается.

— У меня тоже такое мнение.

Так батальон пополнился еще одним офицером. Партийный вожак оказался человеком неробкого десятка. Василий Федорович не раз водил людей в атаки, помогал бойцам и командирам держаться в обороне. Но это было несколько позже.

Мы продолжали готовиться к предстоящим боям. Батальон участвовал в полковом учении на тему «Прорыв сильно укрепленной обороны противника в лесисто-болотистой местности с форсированием водной преграды». Учение выявило сильные и слабые стороны в подготовке личного состава. Допущенные ошибки и промахи постарались исправить.

Здесь мы отпраздновали годовщину со дня формирования дивизии. В юбилейном приказе были подведены итоги боевого пути соединения. «За год ожесточенных боев, — говорилось в нем, — дивизия вместе со всей Красной Армией прошла славный боевой путь от небольшой речки Ловатянка до Десны, Сожа, Днепра, Березины, сметая и уничтожая на своем пути немецко-фашистских захватчиков, освобождая пядь за пядью родную землю. За год боевых действий дивизией пройдено с боями свыше 460 километров. Освобождено более 600 населенных пунктов...» Праздничный приказ призывал нас к новым победам в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и оканчивался словами: «Смерть немецким оккупантам!»

В ночь на 24 мая мы совершили марш и к утру сосредоточились на указанном рубеже.

В один из дней командиров батальонов дивизий первого эшелона собрал командарм генерал-полковник Гордов. Высокий, стройный, подтянутый, Василий Николаевич произвел на меня приятное впечатление. Импонировала и манера его разговора. Речь шла о наступлении. Василий Николаевич в общих словах обрисовал обстановку, затем стал интересоваться тем, как комбаты знают тактико-технические характеристики оружия, находящегося на вооружении стрелкового полка, и умеют его применять в бою, насколько знакомы с минами, проволочными заграждениями — не только нашими, но и немецкими.

— Все это необходимо вам, товарищи батальонные командиры, знать как дважды два, — повторял командарм, когда кто-либо из

нас не мог правильно выразить свою мысль или затруднялся ответить.

Твердой, пружинистой походкой шагал Василий Николаевич Гордов по проходу, то и дело останавливался, спрашивал у кого-либо из нас: «Как думаете вы?» или «Правильно ли ответил товарищ?».

Если же ответом генерал-полковник был удовлетворен, тут же хвалил офицера, ставил в пример другим.

Больше в ходе войны мне не довелось встретиться с генерал-полковником Гордовым, хотя слышать о нем приходилось много. Требовательный, суровый, этот человек был беспощаден даже к мелким проявлениям растерянности, жестко спрашивал с подчиненных за ошибки, даже самые незначительные. Подчас излишне жестко, чем нередко подавлял их волю и инициативу, уверенность в своих силах. Возможно, отпечаток на его характер наложила горечь неудач первых лет войны. Сорок первый и сорок второй годы Василий Николаевич провел на передовой и хорошо узнал истинную цену слабоволия, нераспорядительности.

До 10 июня мы продолжали находиться на прежнем рубеже обороны: обе стороны вели усиленную разведку. По ночам поисковые группы захватывали зазевавшихся во время дежурства или отставших одиночных солдат и волокли их к своим. Нередко по этим случаям на передовой возникал переполох: серии цветных ракет бороздили темное небо, набирала силу ружейно-пулеметная стрельба, а иногда к ней подключались минометные и артиллерийские батареи. Огонь в основном велся с запасных позиций.

Продолжая совершенствовать оборону в инженерном отношении, бойцы часто находили проржавевшие от времени снаряды, патроны, гранаты — оружие первой мировой войны. Участок обороны полка располагался на историческом месте. Отсюда в 1916 году войска Юго-Западного фронта под руководством генерала от кавалерии А. А. Брусилова осуществили блестящий прорыв позиции австро-венгерских войск. Позиций и траншей, как таковых, не сохранилось, но их прямоугольные очертания хорошо были видны на местности. Неплохо сохранились железобетонные колпаки, некоторые из них удалось даже приспособить под огневые точки.

Естественно, у всех нас возник интерес к событиям тех лет. Вначале мнения были самые разнообразные. Некоторые офицеры высказывались в том плане, что, мол, наступление в конце концов провалилось, так стоит ли о нем говорить. Не помню, по какому случаю в перерыве одного из совещаний зашел разговор о Брусилове.

— Царский генерал, — махнул рукой капитан Вечтомов. — Что с него возьмешь?

— Не скажите, товарищ Вечтомов, — обернулся к Ивану Никитичу начальник политического отдела подполковник Жеваго. — Я тут, собираясь к вам, навел справки о генерале Брусилове. Они довольно, скажу вам, любопытные. Алексей Алексеевич Брусилов — личность интересная. Участник русско-турецкой войны

1877—1878 годов. В 1906 году командовал дивизией, в последующем — корпусом, армией и, наконец, фронтом. Блестящий брусиловский прорыв — образец военного искусства, который выдвинул Брусилова в число лучших военачальников первой мировой войны.

В оценке происходящих в России революционных событий Брусилов ошибался. Но уже в 1920 году выступил с воззванием к бывшим офицерам, в котором призвал их на защиту Советской России от агрессии буржуазно-помещичьей Польши. В 1923 году инспектор кавалерии Красной Армии. В 1924 году ушел в отставку, но оставался в распоряжении Реввоенсовета.

Да и в конце концов дело не в генерале Брусилове, хотя он не такая уж и простая фигура в истории русской армии, а в славе нашего отечественного оружия, в героизме российских солдат и офицеров, их мужестве и преданности родине. Вот что нам нужно подчеркнуть в беседах с бойцами и командирами.

Нашелся в полку нашем и живой свидетель событий, происходивших без малого тридцать лет назад. С интересом слушали бойцы воспоминания сержанта Романова — участника первой мировой войны, Георгиевского кавалера. Он рассказывал о своих товарищах-солдатах тех далеких лет, сражавшихся во имя России-матушки, о их мужестве, стойкости, самоотверженности. Захару Петровичу было что сказать и о боевых делах друзей, с которыми шел огненными дорогами этой войны. Да и сам он к тем старым воинским наградам прибавил орден Славы III степени.

Проводились в те дни партийные и комсомольские собрания. Лучшие из лучших воинов вступали в партию и комсомол. Комсоргом батальона у нас был Володя Баранов — энергичный, веселый человек. Ему до всего было дело, начиная от вопросов боевой подготовки и кончая мелкими деталями отдыха бойцов. Выпуск боевых листков, листовок-молний, текстуальные читки газет, обсуждение статей различного характера, организация вечеров вопросов и ответов — да разве все перечислишь, чем занимался этот неугомонный человек! Где он, там шутки, смех, песни. Под стать ему подобрались и члены комсомольского бюро — инициативные, напористые в работе. Потому и била комсомольская работа в батальоне, да и в ротах, как говорят, ключом. Комсомольцы являлись хорошими помощниками командиров во всех наших делах.

В батальоне по инициативе комсомольских активистов состоялся обмен опытом мастеров огня из стрелкового и артиллерийского оружия, прошел сбор наводчиков пулеметов, противотанковых ружей, минометов и орудий.

Мы жили предстоящим наступлением и ждали изменений на фронтах Великой Отечественной. В сводках Совинформбюро, газетах подводились итоги осенне-зимней и весенней кампаний, сообщалось о боях местного значения. Противник был разгромлен под Ленинградом и Новгородом, на Украине и в Крыму.

С радостью мы встретили весть о том, что в ночь на 6 июня союзные войска пересекли Ла-Манш и приступили к высадке десанта на побережье Северной Франции. Одновременно их авиация

нанесла удары по гарнизонам врага, дислоцирующимся в городах Кале и Дюнкерк. Наконец-то долгожданный второй фронт был открыт!

Между тем набирало силу лето. С короткими грозовыми дождями, птичьим гомоном, соловьиными трелями, терпкими запахами цветов проходил теплый и солнечный июнь сорок четвертого. Природа словно манила мечтами одетых в армейскую форму двадцатилетних парней, навевала воспоминания сорокалетним. Первые вечерами, в свободное от несения службы время, пели песни или выделывали ногами замысловатые кренделя под аккомпанемент гармоник, топали так, что дрожала земля; вторые, собравшись в кружки, вели разговоры о довоенной жизни, вспоминали семьи, с которыми разлучило фашистское нашествие.

Как-то поздним вечером, обходя охранение с лейтенантом Малыгиным, мы стали свидетелями одного из таких разговоров.

— Письмо намедни получил. Домашние пишут — отсеялись, хотя и трудно было, одни бабы на селе остались. Жена сообщает еще, что сосед письмо своей супруге прислал. На Ленинградском фронте воюет. Пишет, что обзавелся финкой. Соседка возмутилась. Моя тоже клюнула на эту удочку. Спрашивает: тоже, наверное, там бабу нашел, что домой редко письма пишешь? Соберусь и приеду. Повыдеру ей, да и заодно тебе, старый греховодник, глаза.

Взрыв хохота на время заглушил голоса.

Подошли к сидевшей у блиндажа группе солдат. Бойцы встали.

— Так как же, товарищ Зверев, насчет финки?

— Перепутала, товарищ старший лейтенант, холодное оружие с национальностью, — ответил широкоплечий, лет сорока с небольшим солдат.

Бойцы прыснули со смеху.

— Садитесь. Да и мы с парторгом тоже присядем...

Опустились на предложенную старшим сержантом Николаевым аккуратно свернутую плащ-палатку.

— Спасибо, Алексей Максимович.

Николаев как-то удивленно посмотрел на меня. Но, когда я по имени и отчеству обратился и к младшему сержанту Жигоре, понял, видимо, — знаю не только его. Маленькая деталь, но она как-то сразу расположила к нам солдат и сержантов. Пошел непринужденный разговор о наших делах, о наступлении Ленинградского фронта, союзниках, третьей годовщине со дня начала Великой Отечественной войны. И так уж получилось, что чуть ли не каждый вспомнил погибших на фронтовом пути товарищей.

— Без их подвига, — подытожил разговор Василий Федорович Малыгин, — не было бы и сегодняшнего нашего дня. Они были первыми. Не дрогнули. Пусть земля Отечества им будет пухом. Они начинали, а мы должны закончить разгром фашистов. Это наш святой долг перед их светлой памятью.

В наступившей тишине было слышно, как кричит коростель, а на соседнем болотце подает голос кем-то разбуженный селезень.

Слышался свист рассекаемого крыльями летучих мышей напоенного ночной влагой воздуха.

— Скоро ли пойдем мы? — нарушил затянувшуюся паузу рядовой Акса Баймулдинов, вскинув на меня смуглое, с раскосыми глазами лицо.

— Скоро, товарищи, скоро!

В первых числах июля командование больше стало уделять внимания рекогносцировочным работам. Основное время мы проводили на переднем крае или у макета района предстоящих боев. Еще и еще раз отрабатывали возможные варианты хода боевых действий. Комдив и начальник штаба требовали все новых и новых сведений о противнике. Подчиненные майора Валентина Коротаева вместе с полковыми разведчиками работали в полную силу.

По данным разведки, мы знали: оборона противника состоит из трех полос, вмещающих в себя траншеи полного профиля, ходы сообщения, окопы, огневые, основные и запасные позиции для артиллерии, минометов, танков, различного рода инженерные заграждения. Не только крупные населенные пункты, хутора, отдельные дворы, но и господствующие над местностью холмы и высоты превращены в узлы сопротивления.

В полосе предполагаемого наступления полка противник создал опорные пункты в Киселине, Оздютичах, Семеринке, Лукувом, особенно фашисты укрепили Владимир-Волынский. Город был опоясан несколькими траншеями, прикрытыми сплошными минными полями и проволочными заграждениями.

Перед нашим батальоном передний край гитлеровцев проходил по восточной окраине Киселина, северной окраине населенного пункта Семеринка и колонии Жичинок и состоял из двух-трех траншей, имеющих инженерные заграждения и защищаемых огнем артиллерии и минометов.

Вторая его полоса, так называемая линия принца Евгения, тянулась по западному берегу реки Турья. По данным пленных, она являлась основной. Сюда, под прикрытие инженерных сооружений, противник рассчитывал отвести, если потребует обстановка, части с первой — во избежание излишних потерь.

Третья полоса обороны проходила по реке Западный Буг. Ее оборудование было еще не закончено. Тыловые части противника вели здесь инженерные работы.

Время перехода в наступление приближалось. Слушая сводки с фронтов, мы искренне радовались. Вслед за Ленинградским и Карельским фронтами перешли в наступление 1-й Прибалтийский и три Белорусских фронта. Наши войска в Белоруссии разгромили витебскую и оршанскую группировки противника, форсировали реку Березину, 3 июля овладели столицей республики — городом Минском. При взгляде на карту невольно бросалось в глаза, что на этом участке фронта образовалась огромная брешь, залатать которую немецко-фашистскому командованию вряд ли удастся.

В десятых числах июля в штабе дивизии состоялось совещание офицерского состава, до командира роты включительно. Командова-

ние интересовала наша готовность к прорыву обороны противника, а нас ознакомили с последними распоряжениями штаба корпуса и данными разведки.

Накануне батальон провел разведку боем силами стрелковой роты. Несколько суток подряд мы наблюдали за поведением немцев. Установили, что после обеда они, как правило, оставив в первой траншее дежурные смены, уходили в блиндажи отдыхать. Даже аисты, гнездо которых чудом сохранилось на макушке дерева между первой и второй вражескими траншеями, успокаивались. Это время мы и решили использовать для проведения операции.

Разведка боем прочно вошла в практику боевых действий войск. Сложная по организации, трудная по выполнению, она была связана с потерями личного состава. Но перед наступлением нужно было доподлинно знать систему огня противника, его инженерных сооружений, наличие сил. Поэтому командование сознательно шло на некоторые жертвы во имя успешного выполнения предстоящей задачи.

Командиры, естественно, стремились свести потери к минимуму и использовали для этого все пути и возможности.

На этот раз нам удалось провести разведку почти без потерь. Немцы привыкли к тому, что мы начинали боевые действия, как правило, утром. А тут орудия ударили по ним в послеобеденное время. Вслед за артналетом пошла в атаку пехота. Пока противник приходил в себя, 5-я рота достигла его траншеи. Были взяты пленные, образцы оружия. Фашистам пришлось открывать огонь из глубины, что позволило нам выявить немало новых огневых средств во вражеской обороне. Меня успех радовал еще и потому, что эта разведка боем была первой в моей должности комбата.

Ценные сведения принесла из-за линии фронта и разведгруппа во главе с сержантом Волковым.

— Перед нами по-прежнему стоят части 72-й пехотной дивизии, — отметил в своем выступлении на совещании полковник Абашев. — Противник особой активности не проявляет. По сведениям пленных, фашисты обеспокоены создавшимся положением в Белоруссии, хотя их командование и старается держать личный состав в неведении о новом поражении, шлет по частям положительные реляции. Но правду не скроешь. Солдатский телеграф приносит вести, которые вольно или невольно деморализуют личный состав.

Федор Федорович откашлялся, окинул нас взглядом и продолжил:

— По вашим лицам вижу — довольны складывающейся ситуацией. Не скрою, радует она и меня. Однако это ни в коей мере не дает нам права на успокоение. Противник в силу своей исполнительности, немецкой пунктуальности в выполнении приказов, а они, как сами знаете, один строже другого, будет серьезно драться. Отсюда вывод: на легкий успех рассчитывать не следует. Нужно продолжать серьезно готовиться к предстоящим боям, нацеливать на это подчиненных.

Затем полковник Абашев познакомил нас с командирами приданных и поддерживающих дивизию частей и подразделений, остановился на организации взаимодействия, обеспечении огнем стыков и флангов, зенитном прикрытии. За последние дни активизировала свои действия авиация противника: то ли это были полеты с целью разведки глубины нашей обороны, то ли немецкое командование сделало выводы из Белорусской операции, где оно своевременно не обнаружило сосредоточения советских армий.

Комдив Даниловский в общих чертах ознакомил нас с предстоящей боевой задачей, затем остановился на подготовке штурмовых отрядов.

— Поймите, товарищи, оборона противника, которую нам предстоит ломать, насыщена огневыми средствами, различного рода инженерными сооружениями. Без орудий прямой наводки, саперов стрелковым подразделениям будет трудно справиться с задачами. Вот почему важно продолжать сколачивать штурмовые отряды, добиваться того, чтобы стрелки, артиллеристы и саперы с полуслова понимали друг друга и действовали, как хорошо отлаженный механизм.

Начальник политического отдела потребовал дальнейшего усиления партийно-политической работы с целью выработки у личного состава наступательного духа.

Здесь я встретил начальника оперативного отделения майора Румянцева.

— Слышал о тебе, Саша, — сказал Петр Васильевич. — Рад, что все идет хорошо. Начальство тобой довольно. Поздравляю с присвоением капитанского звания.

Румянцев тепло пожал мне руку, сделав шаг назад, прищурил глаза:

— Ну, естественно, с тебя положено.

Но, очевидно заметив мое смущение, поспешил сказать:

— Шучу, знаешь ведь — зельем не увлекаюсь. К слову сказал. А вот из-за того, что редко звонишь, обижаюсь.

— Да ведь вы в верхах, мы внизу. Субординацию соблюдаем, начальству не надоедаем.

— Выкрутился, — тронула улыбка губы Петра Васильевича. Он взял меня под руку, отвел в сторонку: — Мы пока еще никому не говорим, но вот-вот начнется. Ждем приказа. Готовься. Для тебя это первый экзамен в новой должности.

— Спасибо, Петр Васильевич! Постараюсь выдержать этот экзамен.

Не успел вернуться в батальон, как раздался звонок из штаба полка. Майор Павлюк собирал офицеров. Ординарец вновь оседлал лошадей. Поспешили с Елагиным на вызов. В небольшой штабной землянке набилось столько людей, что яблоку негде было упасть.

По лицам офицеров штаба нетрудно было догадаться: что-то произошло.

— Получен приказ, — начал совещание Валентин Евстафьевич Павлюк. — Завтра переходим в наступление.

— Наконец-то! — невольно вырвалось у командира 1-го батальона.

Павлюк подробно остановился на предстоящей задаче, предупредил о необходимости следить за противником. По агентурным данным, возможен отход фашистов с линии обороны. Важно не упустить момент, организовать своевременное преследование.

Начальник штаба майор Николай Сергеевич Модин ознакомил нас с содержанием боевого приказа, потребовал довести его до командиров рот, взводов и всего личного состава, еще раз проверить все документы.

По возвращении в батальон с лейтенантом Елагиным обговорили расстановку политработников по подразделениям. В делах незаметно летело время. Где-то за полночь вышел из землянки и с наслаждением вдохнул прохладный воздух. Стояла удивительная тишина. Даже лягушки прекратили свою трескотню на недалеком, поросшем осокой озерце, лишь время от времени с него доносились голоса потревоженного кем-то утиного выводка.

— Полуночничаешь, Александр Терентьевич? — послышался сзади басок Бухарина.

— Как и ты, Николай Яковлевич.

Бухарин подошел ближе, остановился. Слышно было, как чиркнуло в его руке колесико зажигалки, запахло папиросным дымком.

С левого фланга переднего края, из-за холмов и перелесков, донесся гул. Мы не обратили на это особого внимания. Мало ли что может происходить на передовой. Но как оказалось, это передовые отряды наступающих частей начали разведку боем. В нашей полосе было по-прежнему тихо.

В разговоре мы не заметили, как побелел край неба, а с соседнего озерца донеслись звуки нарастающего концерта его обитателей. Из ольшаника подала голос кукушка... Вступал в права новый день.

Тем временем подоспел завтрак. Из штаба батальона в роты побежали посыльные. К пункту хозяйственного довольствия потянулись группы бойцов с термосами за плечами. Вечером было решено с рассветом накормить личный состав, и старшины старались выполнить приказ.

— Пойдем перекусим и мы, — предложил Бухарин. — Ординарцы харч, наверное, уже доставили.

— Что-то не тянет.

— Заправиться, Александр Терентьевич, нужно. Заодно и привести себя в порядок. Умыться, побриться. Привык идти в бой, как говорят, при полном параде. Может, скажешь — суеверие? Нет. Идем на святое дело.

Николай Яковлевич помолчал.

— Помню: в детстве мужики весной на пашню, осенью на жатву выходили в лучшем, что имели. Чистые, опрятные, шли как на праздник, понимая важность дела. Бой для нас — что для крестьянина тот же посев или жатва, и его вести нужно чистыми руками.

Минут через двадцать мы закончили ранний завтрак. Офицер

связи доставил обращение Военного совета армии. Связные по поручению лейтенанта Елагина раздали листовки партийным и комсомольским активистам. А те тут же, в траншеях, прочитали бойцам это обращение.

Тем временем усилился услышанный нами с вечера гул, он рос, ширился. Это артиллерия вела огонь по разведанным огневым средствам и резервам противника. Позвонил командир полка.

— Разведчики докладывают: противник начал отход. Что доносят твои наблюдатели?

— Пока ничего не обнаружили, товарищ Первый. Сейчас уточню.

— Уточнять уточняй, но и готовься к преследованию. Твоя задача — не дать фрицам оторваться. Понял меня?

— Так точно, понял.

— Вот и хорошо. Усиль наблюдение.

В пятом часу начали преследование. Справа фронтом на Киселин развернулся 3-й батальон, слева на колонию Жичинок — 1-й. Мы находились в середине. В бинокль хорошо было видно, как немцы торопливо покидают окопы и спешно отходят к грунтовой дороге в сторону небольшой деревеньки Твердынь. Боевое охранение донесло, что противник снялся также с минометных и артиллерийских позиций.

— К чему спешка? — удивленно вскинул брови капитан Охрименко. — Непохоже на немцев. Обычно цепляются за каждый рубеж. Что-то тут не так.

В ответ на слова Николая Елисеевича мне оставалось только пожать плечами. Мы тогда не знали, да и не могли знать, всей картины начавшейся операции и того, что противник, напуганный обходами нашими войсками его группировок и разгромом в Белоруссии, спешно отводил свои части на вторую полосу обороны, намереваясь, видимо, удержать нас там. Но, как показал ход дальнейших событий, этого сделать ему не удалось.

Преследование противника в основном шло успешно, хотя и не без задержек перед выгодными для немцев рубежами, где приходилось развертываться, организовывать бой по всем правилам тактики. Пока батальон брал поселок Семеринку, сосед слева овладел колонией Жичинок, а 3-й батальон завязал бой за село Киселин. Первой в него ворвалась 8-я рота старшего лейтенанта Григория Слободнюка, но вынуждена была под перекрестным ружейно-пулеметным огнем залечь, а потом и совсем отойти.

— Медленно продвигаетесь вперед, — торопил нас начальник штаба полка. — Не давайте противнику отрываться.

Нетерпение майора Модина было понятно: с него спрашивали свыше, а он — с нас.

Мы старались делать все, чтобы ускорить продвижение рот и взводов. Однако желание и даже умение бойцов и командиров еще не все для успеха. Встретив минные поля, проволочные заражде-

ния, приходилось останавливаться, проделывать проходы — нередко под ружейно-пулеметным или артиллерийским огнем.

Полоса наступления полка оказалась напичканной минами разных систем, как арбуз семечками: и слоями и вперемежку противопехотные с противотанковыми. Трудность состояла еще и в том, что большинство из них было поставлено зимой, и теперь в летнем растительном покрове обнаружить их сразу было почти невозможно. Отступая, фашисты заминировали постройки, заложили заряды под мосты через многочисленные ручьи и отводные канавы.

Вспоминается случай с командиром саперного взвода лейтенантом Зосимом Абрамовским.

Полковые саперы в наступлении идут вместе со стрелками, а то и прокладывают дорогу пехотинцам. Не было исключения и на этот раз: саперы входили в состав штурмовых групп. Зацепившись за первые дома в Киселине, стрелковые подразделения 3-го батальона пытались развить успех. Перебегая один из дворов, бойцы услышали детский плач. Лейтенант Абрамовский остановился. Голос доносился из дома. Офицер направился к двери. Окинул привычным взглядом притолоку, ничего настораживающего не заметил. Между тем ребенок продолжал исходить криком. Сапер осторожно потянул дверь на себя. Раздался взрыв. Лейтенант, обливаясь кровью, упал, а в дверной проем метнулась обезумевшая от отчаяния мать.

Какими нужно было обладать циничностью и изуверством, чтобы заминировать вход в дом, специально оставив в нем маленького ребенка. Фашистский сапер определенно знал, что нормальный человек не выдержит, бросится на зов, и прежде всего это сделает мать. Опоздай Абрамовский на минуту, наверняка бы случилось непоправимое с женщиной.

Даже сейчас, спустя тридцать с лишним лет, я, человек, прошедший войну, видевший сотни смертей, не могу спокойно вспоминать об этом случае.

Лейтенант Зосим Абрамовский получил тяжелое ранение, но остался жив. Ныне он проживает на станции Пукса в Архангельской области.

Судьба Киселина решилась так. 1-й батальон 828-го стрелкового полка, преодолев болото с речушкой, вышел на окраину леса правее населенного пункта. Тем временем рота нашего батальона, которой командовал молодой, но опытный офицер Иван Архипович Ковалев, под прикрытием небольшого лесного массива начала обходить Киселин слева. 3-й батальон давил на немцев с фронта. Оказавшись в полуокружении, они стали отходить, но было уже поздно. Дорога на Твердынь простреливалась нашим ружейно-пулеметным огнем. Лишь небольшой части гарнизона удалось уйти. Старший лейтенант Ковалев донес мне, что уничтожил до роты противника.

Продолжая преследовать врага, к исходу дня мы вышли к его боевому охранению на полосе принца Евгения. Позади остались дымящиеся в развалинах Семеринка, колония Жичинок, Киселин, Лукув. Справа и слева завязали бой с противником соседи. Не прекращалась стрельба и в тылу: неподалеку от Лукува, в небольшом ле-

су, рота автоматчиков полка капитана Сергеева продолжала уничтожать окруженную довольно крупную группу фашистов.

Не могу не сказать несколько слов о капитане Сергееве. Человек отчаянной храбрости, Иван Алексеевич не раз попадал в трудные ситуации, но всегда выходил из схваток победителем. Скромный, не особенно разговорчивый, в обыденной жизни даже застенчивый, он преображался во время боев. Обычно награды не носил, но перед выполнением боевой задачи непременно крепил их к гимнастерке. Подчиненные, увидев его с орденами и медалями, говорили: «Капитан при параде, жди приказа».

Командир и начальник штаба полка бросали роту на самые трудные участки. Вот и в этот день ей досталось нелегкое дело. Батальон только успел окружить группу противника, как поступило распоряжение: передать ее для последующего разгрома роте автоматчиков, а самим продолжать преследование. Прибывший тут же капитан Сергеев ознакомился с обстановкой и на вопрос капитана Бухарина, как он думает уничтожить превосходящего по силам противника, ответил:

— Бог не выдаст — свинья не съест, Николай Яковлевич. Сунулись фрицы — им дали по зубам. Пусть и дальше думают, что находятся в плотном кольце. А тут мы обмозгуем, как их лучше взять.

Сергеев снял пилотку, пригладил ежик волос и в раздумье продолжил:

— Конечно, орудия и минометы не помешали бы нам. Да где их взять? У майора Модина днем с огнем сорокапятки не выпросишь. Заикнулся было, так он мне целую нотацию прочел о важности орудий сопровождения при преследовании. Обходись, мол, своими силами и средствами. Расчетливый мужик. Ну да ладно, что-либо придумаем.

И придумал. Недалеко от одного из хуторов бойцы обнаружили исправный трактор. Сергеев решил использовать машину. К трактору прицепили несколько пустых бочек. Среди автоматчиков нашелся и тракторист. С наступлением темноты тот завел двигатель и начал кружить на машине вокруг леса, имитируя сосредоточение наших танков; то в одном, то в другом месте открывали огонь автоматчики. Так повторялось несколько раз. Наконец нервы у немцев не выдержали: они начали сдаваться.

Каково же было удивление пленных, особенно офицеров, когда к построившейся колонне подъехал трактор и капитан расцеловал чумазого тракториста. Тут только фашистам стало ясно, на какую удочку они попались.

Таков был капитан Иван Алексеевич Сергеев, позже на Висле ставший замкомбата, а спустя некоторое время принявший стрелковый батальон.

В сумерках, овладев селом Рудня, полк закрепился вправо от небольшой безымянной речки с илистыми топкими берегами до грунтовой дороги, ведущей в село Оздютичи. Прямо перед батальоном простиралось болото, за ним чернел крупный лесной массив.

На нашем направлении противник особой активности не проявлял. Лишь время от времени с опушки леса подавала голос минометная батарея. Зато с правого фланга, где наступал 828-й стрелковый полк подполковника Николая Викторовича Красовского, доносился гул боя. Небо расцвечивалось причудливыми зигзагами ракет, трассирующими очередями пулеметов и автоматов. Туда срочно перекинули поддерживающую нас роту противотанковых ружей, а вслед за ней минометный и пулеметный взводы.

— Солоно приходится красовцам, — вернувшись с переднего края, посочувствовал капитан Бухарин.

— Несладко, — согласился я с ним. — Разведчики от Ковалева еще не вернулись?

— Нет.

— Что-то задерживаются.

— Болото, вот и задерживаются. Я в четвертой роте был, когда прибыла разведгруппа. Вы бы посмотрели на них — чистые лешие. Как выразился младший сержант Юнашев: «В преисподней побывали, болотной жижи по самые ноздри похлебали, будь оно неладно, это болото».

С выходом на рубеж я предупредил командиров рот о непрерывном ведении разведки. От нас требовалось одно — не дать противнику незаметно отойти. От рот было выслано по разведгруппе, которые находились у переднего края фашистской обороны. Группы 4-й и 6-й рот вернулись, 5-й — задерживалась.

Ближе к полуночи начало хмуриться небо, стал накрапывать дождь. Его только нам не хватало в придачу к болоту, которое предстояло утром преодолеть. Словом, настроение было ниже среднего. Но как говорят, не было ни гроша, да вдруг алтын. Разведчики 5-й роты донесли: сплошной линии траншей перед правым флангом батальона нет; фашисты занимают очаговую оборону. Доложив об этом командиру полка, я предложил под покровом темноты просочиться за передний край противника и ударить по его тылам.

— Мысль дельная, — поддержал меня майор Павлюк. — Но торопиться не стоит, время у нас пока есть. Свяжусь сейчас кое с кем и позвоню тебе.

Минут через двадцать раздался звонок. Валентин Евстафьевич передал, что к нам убыл майор Кулябин. Он уточнит на месте задачу.

Николая Афанасьевича Кулябина сопровождали автоматчики. По его уставшему лицу нетрудно было догадаться: заместитель командира полка по политической части не отдыхал.

— Тихо у вас тут, — спокойным голосом произнес Николай Афанасьевич. — Чистый курорт. Только вот погода для отдыха не подходит, а, комбат?

— Не подходит, товарищ майор. Да и не до отдыха. Не понимаю, чего мы лежим. Весь день торопили — и на́ тебе, непредвиденная пауза.

— Какой скорый! Знаешь такое изречение: торопись не спеша. Сейчас оно больше всего нам подходит. Соседи отстали, да и у Кра-

совского дела пока неважнецкие. Противник несколько раз полк контратаковал. Получен приказ: с рассветом вместе с 828-м ударим на Оздютичи.

— Ясно, товарищ майор.

— Коль ясно и нет вопросов, пойдем в роты. Бойцы, поди, не спят?

— Не до сна.

Мы тронулись в путь. Дождь перестал. Парила земля, воздух был насыщен влагой, потому казался густым и тяжелым.

— Как в бане, комбат?

— Похоже на это. День был жаркий.

— Макушка лета.

— Пропуск! — донесся из темноты властный голос.

— «Затвор»!

Боец на требование назвал отзыв. Подошли ближе.

— Вы, что ли, Манько?

— Так точно, товарищ капитан, я.

— Где командир взвода?

— На правом фланге, у пулеметчиков.

Заслышав голоса, к нам подошли свободные от несения службы бойцы. Вскоре появился и старший лейтенант Петр Серпухин. Вскинув руку к головному убору, командир взвода начал было рапорт.

— Не нужно, — остановил старшего лейтенанта Кулябин. — С вашими делами я уже знаком. Комбат доложил.

Майор кивнул в мою сторону, спросил офицера:

— Устали?

— Есть немного. Намотался. Местность болотистая. На иных участках сапоги по самые голенища уходят в грунт. Но я-то ничего, а вот ребятам туговато. Где ни копнут — грунтовые воды. Приходится приспосабливаться. Пулеметные и площадки под противотанковые ружья, ячейки для стрельбы пришлось приподнять и выстлать дерном. Благо трава вот спасает. Видите, какая вымахала, по колено, а то и выше. Блиндаж пришлось оборудовать на обратном скате этого холмика.

Старший лейтенант показал на поросший березняком небольшой островок среди болотного пейзажа.

— Неплохо, — одобрил Кулябин. — Пойдемте к блиндажу. Передайте командиру роты: собрать туда людей, за исключением дежурной смены.

Вскоре подошли к стройной березке на боку крутолобого холмика.

Слева впереди противник освещал местность ракетами, с правого фланга доносился непрекращающийся говор пулеметов и автоматов.

— Осторожничает фриц, — послышался чей-то голос.

— Будешь осторожным, — глянул на говорившего майор, — когда земля горит под ногами.

Николай Афанасьевич окинул взглядом подошедших бойцов и командиров, поздоровался с ротным Николаем Чугуновым, пригласил:

— Подходите сюда, товарищи, и рассаживайтесь.

Заместитель командира полка по политической части ознакомил

нас с последними сводками Совинформбюро, подробно остановился на успехах наступления нашего фронта. Николай Афанасьевич говорил неторопливо, но емко. Каждое его слово доходило до сердца, радовало. Приятно было слышать, что войсками фронта освобожден город Горохов, а введенная в прорыв конно-механизированная группа генерала Баранова, выйдя в район Холонова, форсировала Западный Буг. Радовали и другие вести о стремительном продвижении наших войск.

— В общий успех, — говорил Кулябин, — вносим свой вклад и мы с вами. Частями дивизии освобождены Семеринка, Киселин, Александрувка, Ульянувка, Адамувка, Твердынь. На очереди Оздютичи, Владимир-Волынский. А дальше?

Николай Афанасьевич на время задумался. По его обветренному лицу пробежала улыбка. Он более громким голосом продолжил:

— Дальше граница, товарищи. Понимаете, граница, за которой уже земля Польши. Как, заманчивая перспектива?

— Еще бы! — встал младший сержант Федор Лях. — Сколько мечтали о том времени, когда выбросим фашистскую нечисть с нашей земли!

Слово за слово — в разговор вступили младшие сержанты Ефим Солоп, Петр Калинка, рядовой Антон Нижник и другие.

Побывали мы в 5-й и 4-й ротах. Настроением личного состава Николай Афанасьевич остался доволен. На прощание крепко пожал мне руку, поблагодарил за подготовку людей. Подытожил:

— За тебя, Алтунин, не беспокоюсь. Пойду к соседям, посмотрю, как у них.

— Может, останетесь, товарищ майор? — предложил я ему. — Отдохнули бы.

— Отдыхать после войны, Александр Терентьевич, будем. Тогда и отоспимся. Сейчас недосуг. Завтра трудный будет день. Будь здоров. Не горячись. Мне передают — не бережешь себя. Это плохо может кончиться.

— Да вы ведь тоже, слышал, не раз поднимали роты в атаку.

— Ну это — когда безвыходное положение. Да и немного побольше твоего пожил. Понял? Будь поосторожнее. Береженого, говорят в народе, и пуля обходит.

Кулябин в сопровождении автоматчиков ушел в 1-й батальон. Я еще некоторое время походил у окопа, размышляя над словами Николая Афанасьевича: «Подумай над вариантом возможности обхода Оздютичей. Красовскому вряд ли удастся с фронта опрокинуть противника». Решил разведать местность левее села. Позвонил в штаб. Трубку взял майор Модин.

— Неплохо! — поддержал меня Николай Сергеевич. — Признаться, разведать этот участок хотел вам и поручить, но вы, выходит, опередили. Рад, что наши мысли сошлись. Действуй.

Выполнение задачи поручил Ковалеву.

Разведка на рассвете возвратилась. Командир роты доложил:

«Есть возможность камышами обойти Оздютичи с левой стороны. Противник, надеясь на то, что болото непроходимо, местность не заминировал, охранение отсутствует...»

Иван Архипович опытный офицер. Не раз водил людей в поиск. 11 июля в районе колонии Барбалова Лоза руководил группой по захвату контрольного пленного. Группа уничтожила два дзота и до сорока гитлеровцев, взяла в плен двух немцев. За успешное выполнение задания Ковалев был представлен к ордену Отечественной войны I степени.

— Учти, возможно, поведешь весь полк.

— Не беспокойтесь, товарищ капитан. Все будет в ажуре. На всякий случай я в тех камышах дозор оставил.

— Спасибо, Иван Архипович.

Ковалев попросил разрешения убыть в роту.

— Не задерживаю. Идите.

Старший лейтенант вышел. Над окопом сомкнулась тишина. Слышно было, как где-то рядом кричит птица, шуршит трава под ногами часового. Рядом на плащ-палатке дремал капитан Бухарин. Что-то расчерчивал на листе бумаги связист. Телефон молчал. Залюбовавшись пламенем коптилки, я перебирал в памяти события сегодняшнего дня. В общем он сложился неплохо. Еще кусочек родной земли освобожден от фашистов. А это самое главное, самое важное в моей теперешней жизни.

— О чем задумался, командир? — приподнял голову Бухарин.

— Не спишь, Николай Яковлевич?

— Какой тут сон, одна маета. Слышал твой разговор с Модиным и Ковалевым. Толковая задумка. Сдается мне — фрицев в лоб красовцы вряд ли одолеют, противник прочно зацепился за Оздютичи. Придется подключаться нам. И с умом нужно. Атакой в лоб ничего не сделаешь. Они этого только и ждут. Им важно выиграть время, задержать нас как можно дольше, ослабить. Нам же — быстрее выйти к Турье, Владимир-Волынскому, Бугу. И тут без маневра не обойтись, если хотим выполнить успешно задачу. Нужно обойти Оздютичи, оставить их второму эшелону. Он добьет фрицев. Но тут возникает вопрос, как бы они не нанесли удар во фланг во время обхода.

— Усилить Ковалева, — понял я мысль Бухарина.

— Да, придать ему пулеметную и минометную роты, а то и попросить батарею у командира полка для огневого прикрытия.

— Неплохо бы заполучить батарею.

К этой же мысли склонился и прибывший из боевого охранения лейтенант Елагин. Иван Иванович был обеспокоен: в район Оздютичей проследовали две колонны машин противника, судя по надсадному гулу двигателей, груженных чем-то тяжелым.

— С реки и болота поднимается туман, — предупредил Елагин.— Как бы немцы какой фокус не выкинули. Я распорядился усилить дежурные средства, Александр Терентьевич.

— Спасибо, Иван Иванович.

Наши опасения оправдались. Утром противник встретил батальоны Красовского сильным ружейно-пулеметным огнем. Стрелковые

цепи вынуждены были залечь, а затем и откатиться назад. Атака без артподготовки не увенчалась успехом. Пришлось организовать наступление по всем правилам военной науки.

Пока штаб дивизии подтягивал артиллерию, уточнялись задачи полку, мне позвонил майор Павлюк.

— Готов пропустить третий батальон в обход Оздютичей?

— Да, готов.

Прикрываясь частью сил с фланга, батальон по проделанному нами проходу начал обход деревни слева. Справа обтекали Оздютичи красовцы. Часам к двенадцати подразделения соединились и завязали бой с противником. Петля вокруг населенного пункта затянулась.

— Все идет пока нормально, — выслушав мой доклад, произнес Павлюк. — Готовься к штурму Оздютичей после артподготовки.

Минут через пятнадцать небо расколол артиллерийский гром. Батареи дивизионной и полковой артиллерии, минометчики открыли огонь. Позиции противника затянуло дымом разрывов. Налетела наша авиация. Бомбовый груз пришелся по обороне врага. Удар был такой силы, что даже на НП батальона чувствовалось, как содрогается земля.

— Вот дают дрозда! — не выдержал командир взвода связи.

Я обернулся на голос и по привычке спросил:

— Охрименко, связь с ротами?

Но тут же вспомнил, что вчера Николая Елисеевича ранило. Жаль было отпускать боевого друга в госпиталь. Но ничего не поделаешь, пришлось расстаться.

— Связь с ротами есть, старший лейтенант? — громко переспросил я.

— Так точно, связь есть.

— Передайте, приготовиться к атаке!

Оборона противника продолжала дыбиться фонтанами разрывов, огненными языками, клубами черного дыма. Горело все, что только могло гореть: дома, постройки, деревья, даже земля.

— Эх! — с досадой сплюнул рядом Елагин.

— Лес рубят — щепки летят, комиссар, — в ответ пробасил Бухарин. — Наши пушкари обходят огнем деревенские дома. Как бы это не сами фашисты подожгли.

— Так-то оно так. Да ведь жалко, Николай Яковлевич.

— Понятно, людское горе. Но я считаю, людей нужно жалеть прежде всего. Все остальное наживное.

Капитан Бухарин дотронулся до моего плеча.

— Я пошел в четвертую роту, Александр Терентьевич. Она первой встает в атаку.

— Добро. Иди.

Шквал разрывов как-то сразу оборвался. В наступившем затишье стало слышно даже перестрелку в тылу Оздютичей. Но это длилось какие-то секунды, не больше. Зазвенел телефон, над головами лопнули ракеты. По телефонным проводам донесся, а вслед за этим раскатился в цепях призыв: «В атаку — вперед!»

Было видно, как дружно встали и кинулись навстречу противнику бойцы. Бежали не пригибаясь, во весь рост, с выставленными вперед винтовками, автоматами, ручными пулеметами. Округа наполнилась до боли знакомым призывным возгласом «ура», перешедшим вскоре в перекатное «а-а-а-а...». Но то тут, то там стали оживать вражеские пулеметы, слышаться короткие строчки автоматных очередей. С воем и грохотом обрушились на боевые порядки рот залпы вражеской артиллерии, в воздухе послышался режущий голос фашистских шестиствольных минометов. «Значит, не все сумели подавить», — обожгла сознание мысль. Но раздумывать было некогда.

— Четвертая рота ворвалась в первую траншею противника, — донес капитан Бухарин. — Особенно отличился взвод старшего лейтенанта Одегова.

— Спасибо за добрую весть, Николай Яковлевич.

Почти тут же поступили донесения от Ковалева и командира 6-й роты старшего лейтенанта Чугунова. Николай Павлович Чугунов — человек отчаянной храбрости — сообщил: залег под перекрестным ружейно-пулеметным огнем. Это меня обеспокоило. Раз уж опытный офицер просит помощи, значит, туго приходится. Направил ему пулеметный и минометный взводы из своего резерва.

Между тем бой разгорался. Трудно рассказать о всех боевых делах товарищей. Первым ворвалось в Оздютичи отделение сержанта Василия Богомаза. Младший командир в сложной обстановке сумел обеспечить огнем отделения продвижение взвода. Комсомолец младший сержант Федор Лях, заменив выбывшего из строя командира, зашел со взводом во фланг противнику и перекрыл путь отхода гитлеровцев на направлении наступления 5-й роты. Рядовой Мурсалы Рагимов огнем отделения обеспечил продвижение правого фланга 6-й роты. Нельзя не сказать доброго слова о рядовых Николае Андрюшко, Иване Клусенко, Иване Манько, Константине Ширине, младших сержантах Алексее Верещаке, Антоне Жигоре, Иосифе Остринском, сержантах Семене Полякове, Иване Юнашеве и многих других бойцах батальона, удостоившихся за этот бой правительственных наград.

Бой, набрав силу, грохотал, подобно горному обвалу, по всему периметру населенного пункта. В небе беспрерывно гудели самолеты. Группы «юнкерсов» наносили удары по тылам дивизии, по позициям соседей. «Мессершмитты», подкрадываясь к боевым позициям артиллерии, обстреливали их пулеметно-пушечным огнем и удирали, как только появлялись наши истребители. Временами в воздухе завязывались карусели воздушных боев. Трудно было сразу определить, на чьей стороне перевес. Но чаще под дружные возгласы связистов НП, падали самолеты с паучьей свастикой.

Кольцо окружения все туже и туже сжималось. Тем не менее фашисты продолжали сопротивляться. Командиры рот, докладывая о продвижении, отмечали, что, даже видя безвыходность своего положения, они не сдаются.

— Прямо осатанели, — сообщил возвратившийся на НП капитан Бухарин. — Старший лейтенант Одегов окружил группу гитлеровцев

в одном из дворов, предложил сдаться. Куда там, начали палить в ответ. Пришлось забросать гранатами. Фанатики, да и только. У одного посмотрел солдатскую книжку: последней мобилизации, пятьдесят лет. Не пойму ничего.

— Чего уж тут понимать, Николай Яковлевич. Напуганы, боятся.

Не только на участке наступления батальона так отчаянно дрались немцы. Мне позвонил начальник оперативного отделения майор Румянцев. Поинтересовавшись делами, Петр Васильевич сказал:

— Везде фрицы упорствуют. У Красовского лейтенант Мокут ворвался раньше твоих в село, но пока сдвигов особых нет. Продолжай, крестничек, давить, должны же не выдержать нервы у фашистов.

Метр за метром роты приближались к центру населенного пункта. Особенно отличились пулеметчики старшего лейтенанта Федора Лукьяненко. Выдвинувшись вперед, ливнем огня они буквально не давали гитлеровцам поднять головы. Хорошо помогали стрелковым ротам минометчики лейтенанта Василия Пономарева.

В разгар боя прибежал командир санитарного взвода лейтенант медицинской службы Рубан. Обычно спокойный, на этот раз Иван Дмитриевич был возбужден.

— Товарищ капитан, раненые отказываются идти в тыл. Что делать?

— Как отказываются? — удивился Елагин.

— Да так, санитарам говорят: после Оздютичей долечиваться будем.

Елагин рассмеялся:

— Иван Дмитриевич, не такое уж это большое нарушение. Люди не с поля боя, а в бой идут. Разберемся позже.

Рубан не уходил. Ждал моего ответа.

— Ясно же сказал замполит, Иван Дмитриевич. Сейчас не до этого. Нужно взять Оздютичи.

Медик потоптался на месте, тяжело вздохнул, заторопился по своим делам.

Бой за взятие деревни Оздютичи продолжался. Время унесло многие его подробности. Даже бесстрастные архивные документы не могли восстановить полной его картины. Одно ясно: без сплошного окружения эта украинская деревенька, подобно замку, наглухо запиравшая выход к реке Турья — линия принца Евгения, досталась бы нам значительно дороже.

Часам к четырнадцати сопротивление противника начало ослабевать. Подошедшие батареи истребительно-противотанкового дивизиона в упор расстреливали огневые точки врага. Спустя еще полчаса Оздютичи пали. Из подвалов, огородов, кустов стали появляться жители. Женщины, старики, дети плакали от радости, обнимали бойцов и командиров.

Меня вызвал на околицу деревни командир полка и приказал, обходя заслоны противника, достичь реки Турья и захватить плацдарм на западном ее берегу.

— Дорога каждая минута, капитан. Иначе противник придет в себя, будет намного труднее. Придаю вам полковые артиллерийскую и минометную батареи. Форсировать придется на подручных средствах.

Валентин Евстафьевич на прощание пожал мне руку.

— Желаю всяческого успеха. Командирам и бойцам передай благодарность за решительные действия при взятии Оздютичей. Отличившихся представь к наградам.

В дальнейшем события разворачивались так. Преследуя отходящего противника, батальон подошел к реке. Под огнем фашистов роты приступили к подготовке к форсированию. В ход пошли бревна, доски, заборы, плетни. Стрелки под руководством саперов вязали плоты, связывали сушняк в охапки. Артиллеристы и минометчики, заняв огневые позиции, вели огонь по разведанным целям противника.

Справа от нас готовился к броску через водную преграду головной отряд 828-го стрелкового полка подполковника Красовского. Там то утихала, то вновь разгоралась стрельба. К ружейно-пулеметному огню вскоре прибавились минометные залпы гитлеровцев. Затем прилетела авиация. Немецкие самолеты начали сбрасывать бомбы на боевые порядки красовцев.

— Жарко ребятам приходится, — послышался позади меня знакомый басок.

Я оглянулся. Ну да, он, бывший сослуживец по оперативному отделению дивизии, капитан Герасимов.

— Петя, какими судьбами?

— Наша судьба в руках начальства. Прислало к тебе поторопить с форсированием.

— Вроде и так на одном дыхании работаем.

— Вижу, Саша, вижу.

Ознакомившись с обстановкой, Герасимов посоветовал выдвинуть пулеметные и минометные роты к урезу воды, взвод сорокапяток переправить с первым эшелоном. Полковое усиление перебросить с подходом туда же.

— С артиллерией, Саша, лучше чувствуешь себя.

В его предложениях был смысл. Так я и поступил.

Эта моя встреча с капитаном Герасимовым была последней. Вскоре Петр Сергеевич убыл на учебу. В моей памяти он остался храбрым, дисциплинированным офицером.

Первой противоположного берега достигла рота старшего лейтенанта Ковалева. Офицер, сориентировавшись в обстановке, с возгласом «За Родину — вперед!» повел людей в атаку за расширение плацдарма.

Одновременно с нами форсировали реку и соседи. Вначале за противоположный берег зацепились роты братьев Александра и Ивана Легковых. Старшие лейтенанты установили взаимодействие с Ковалевым, прикрыли огнем стык и фланг плацдарма. В дальнейшем мне не раз приходилось с ними встречаться. Особенно нравился быстрый как ртуть Александр.

Противник попытался сбросить нас с захваченного клочка. Но этого сделать ему не удалось, несмотря на то что к месту прорыва фашисты подбросили подкрепления, продолжали держать переправу под артиллерийско-минометным огнем, а в небе непрерывно висела их авиация.

Бой продолжался двое суток, носил крайне ожесточенный характер. Мы потеряли счет контратакам врага. Одна волна фашистов следовала за другой. Несколько раз гитлеровцам удавалось даже выйти к воде, но всякий раз они были вынуждены пятиться под перекрестным огнем нашей артиллерии и пулеметов.

Тем временем войска фронта продолжали теснить противника. Штабы требовали от нас решительных действий на направлении к Владимир-Волынскому. За несколько часов в батальоне побывало корпусное, дивизионное начальство, не говоря уже о полковом. Беспрерывно трещал телефон. Всех интересовал успех.

Но лишь ночью на 17 июля мы во взаимодействии с соседями сумели опрокинуть врага и начали его преследовать.

По пути полк штурмом овладел Когильно, рядом других населенных пунктов.

По мере приближения к Владимир-Волынскому сопротивление противника возрастало. Попытки частей дивизии с ходу прорвать оборону противника успеха не имели. Командир дивизии приказал провести перегруппировку сил. Наш полк сдал боевой участок правофланговому батальону 862-го стрелкового полка и занял новый рубеж для наступления.

Противник создал вокруг Владимир-Волынского глубоко эшелонированную оборону. Семь раз мы поднимались в атаку, пока не овладели первой траншеей, но дальше шквальный огонь фашистов не дал возможности продвинуться. Стояла жара, хотелось пить. Отхлебнув из фляги глоток воды, попросил связиста соединить меня с командиром полка. Взял трубку, слышу, как генерал — представитель вышестоящего штаба распекает командира первого батальона за то, что батальон не продвигается вперед. «Сейчас, — думаю, — будет и мне».

Действительно, минут через пять подал голос телефон. Едва успел поднести к уху трубку, как услышал:

— Почему вы не хотите идти вперед?

— Непрерывно атакуем, товарищ генерал, — ответил я. — Но противник создал сильную оборону. Нужна артиллерия.

— Приказываю через полчаса атаковать противника.

— Слушаюсь, — ответил я.

А сам подумал: «Брошу в атаку последний резерв — взвод разведчиков. Лихие ребята, постараются все сделать». И вдруг звонок начальника штаба майора Модина.

— В атаку не идти. Атаковать будем ночью.

— А как приказ представителя вышестоящего штаба?

— Отменил приказ генерал. Убедился, что наступать днем невозможно. Да и сам-то он угодил под сильный минометный обстрел.

Наступила ночь. Канонада боя не утихала. Особенно интенсивная стрельба доносилась с правого фланга, где наступал 828-й стрелковый полк. Несколько тише было у соседей слева. Лишь приблизительно часам к двум на направлении наступления 862-го полка майора Кожевникова в тылу противника завязалась перестрелка, ракеты осветили небо. Оказалось, что батальон капитана Геннадия Макурина по высохшему болоту вышел к восточной окраине Владимир-Волынского. Последовала команда усилить огневое воздействие на противника.

Часа через полтора командиры рот донесли об отходе немцев. Доложил командиру полка.

— Не отрываться от противника, — последовал приказ майора Павлюка. — Навязывать ему свою волю, сбивать его заслоны с промежуточных рубежей.

Мы начали преследование. По вспышкам выстрелов, взлетающим ракетам нетрудно было догадаться, что вперед пошли и соседи. На рассвете Владимир-Волынский перешел в наши руки. На городских окраинах, да и в центре, особенно жестоких боев не было. Видимо, сказалось то, что воля противника была парализована действиями наших войск на подступах к этому промышленному центру, крупному узлу железных и шоссейных дорог.

В приказе Верховного Главнокомандующего за освобождение Владимир-Волынского нам была объявлена благодарность. В этот же день войсками фронта был взят город Рава-Русская. Москва в честь этих побед салютовала из 224 орудий.

Впереди был Западный Буг — граница с Польшей. На маршах и на привалах, в окопах в короткое затишье между боями, бессонными фронтовыми ночами мы мечтали о том дне, когда вышвырнем фашистскую нечисть с нашей земли. Клялись в этом павшим в боях товарищам. И этот день наступал. Радостный, долгожданный день! Никогда не забыть счастливых улыбок солдат, сержантов, офицеров. Помню, как подошел ко мне на марше парторг батальона лейтенант Малыгин и, окая особенно заметно, сказал:

— Не терпится ребятам выйти на границу. Километров двадцать отмахали сегодня, а с нежеланием встретили последний привал. В роте Ковалева был. Не успели выкурить по закрутке, как бойцы сами начали подниматься, мол, после докурим, на границе, да и заодно водицы черпнем из Западного Буга. Вот они, какие пироги-то, командир.

— Знаю, Василий Федорович. Самому хочется быстрее, дорогой мой партийный секретарь, посмотреть на Западный Буг.

Сбивая сопротивление противника, дивизия продолжала продвигаться вперед. Передовые отряды 828-го и 862-го полков, сопровождаемые батареями 418-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона майора Василия Николаевича Горшкова, то и дело вступали в соприкосновение с противником. Вспыхивали короткие, но яростные перестрелки. Фашисты обычно не выдерживали нашего

натиска, отходили к очередному выгодному рубежу, оставляя позади себя сплошные минные поля. Тогда наступала очередь саперов майора Константина Сергеевича Лапшина. Труженикам войны на всем пути приходилось много работать: их руками наводились мосты, проделывались проходы в минных полях, строились инженерные сооружения. Саперы старались. Нужно отдать должное — они успешно справлялись с трудной и очень опасной работой.

Утром 21 июля передовой отряд 862-го стрелкового полка майора Кожевникова вышел к Западному Бугу. Командир, не теряя времени, приступил к форсированию. На подручных средствах подразделения начали переправу. Первой на противоположный берег высадилась рота лейтенанта Сергея Задорина. Не ожидая соседей, офицер сумел расширить захваченный участок, решительными действиями обеспечил переправу отряда. Почти одновременно с 862-м приступил к форсированию реки 828-й стрелковый полк подполковника Николая Викторовича Красовского.

Весть о форсировании Западного Буга с быстротой молнии долетела до нас. Батальон ускорил шаг, а когда до реки осталось несколько километров, впереди послышались голоса: «Несут, несут...» Вскоре появился всадник. Сержант-разведчик держал в руках каску, проезжая мимо ротных колонн, выкрикивал: «Вода из Западного Буга! Ребята, граница, граница рядом!» В ответ разносилось громкое солдатское «ура», вверх взлетали пилотки, слышались возгласы. Бойцы обнимали друг друга.

Через полчаса перед нами засверкало зеркало реки. Восточный берег гудел, как разбуженный улей. Стрелки, пулеметчики и минометчики торопились к воде, таща с собой все, что только могло держать их на поверхности воды. Противотанкисты сколачивали из подручных материалов плоты для орудий. Неподалеку вели огонь по западному берегу реки подошедшие батареи артиллерийского полка.

Тесно было и на стремнине реки. На лодках, плотах, бревнах, досках, вещмешках, набитых сухим сеном, бойцы переправлялись на противоположный берег. Вода бурлила, пенилась, вставала бурунами от взрывов. Однако бесприцельный огонь особого вреда не приносил. Это и понятно. Бой шел километрах в трех впереди, и здесь уже был тыл.

Батальон ступил на территорию братской Польши.

БРОСОК ЧЕРЕЗ ВИСЛУ

По небу лениво плывут редкие перистые облака. День солнечный, жаркий. Легкий ветерок приятной свежестью обдувает вспотевшее лицо. Спешившись, передаю коня ординарцу, подхожу к штабной повозке. Свесив ноги, капитан Пресняков, заменивший убывшего в госпиталь капитана Охрименко, смотрит на пролегающие вдоль грунтовой дороги узкие полоски хлебов: зеленые — яровой пшеницы, проса, кукурузы; рыжеватые — ячменя; желтые — созревающей ржи. Время от времени изрекает многозначительно:

— Да-а...

— Что случилось, Игорь Тарасович?

Пресняков, выплюнув зажатую в губах травинку, спрыгнул с повозки, пошел рядом.

— Чересполосица. Отвыкли мы уже как-то от этого. Наше колхозное поле — что твое море, за горизонт уходит. А тут заплаты, как на штанах у клоуна. Потеха!

— Единоличные хозяйства здесь как были, так и остались, если не считать того, что гитлеровцы себе лучшие участки поотхватили. Видел клин пшеницы у самой реки, которую недавно проезжали? Волостного коменданта — сказывают.

— Как же, видел, гектаров пятнадцать будет.

— Не меньше. Похозяйничали тут фашисты. «Новый порядок» морем слез и крови полякам обошелся.

Поляки радушно встречали воинов Советской Армии. Мы сами ощутили тепло и сердечность поляков. Жители первой польской деревни на нашем пути — Оране встретили нас на околице: старики и мужчины — степенно-доброжелательно, женщины — с радостными улыбками, а вездесущие деревенские мальчишки — восхищенными возгласами. Сельчане предлагали молоко, воду, девчата одаривали бойцов цветами... Помню, какой-то пожилой поляк долго смотрел на проходившую колонну тяжелых танков, наконец не выдержав, обратился ко мне:

— Пан капитан, нам говорили, что у Советов, кроме винтовок, кос да топоров, ничего не осталось. Вчера целый день наблюдал, как ваши самолеты били фашистов, а ныне — танки, артиллерия. А какие справные кони у вас! Куда уж тут бошам против такой силы!

Польский крестьянин был прав. Сейчас устоять против мощи нашей армии трудно, практически невозможно.

Наш разговор с Пресняковым продолжается. Игоря Тарасовича не оставляет мысль о чересполосице.

— Скоро, Александр Терентьевич, в этих местах наберет силу новая жизнь!

— К этому идет, Игорь Тарасович, польский народ.

К нам присоединяется лейтенант Елагин. Замполит опирается на суковатую палку: вчера во время переправы ушиб ногу. На предложение сесть в повозку Иван Иванович наотрез отказывается.

— Как я могу сидеть, когда другие идут! Нет уж, увольте. Пойду со всеми. О чем разговор?

— Обмениваемся мыслями о послевоенном устройстве поляков, — объясняет Пресняков.

— Резонно, тоже об этом успел не раз подумать.

Иван Иванович некоторое время идет молча, как бы собираясь с мыслями, потом продолжает:

— Безусловно, многое будет зависеть и от нас — полпредов Страны Советов. Да, да, я не оговорился. Именно мы, солдаты, представляем наше социалистическое государство в глазах польского населения. По нам, начиная от внешнего вида и кончая поведением и поступками, они судят о советских людях.

Елагин поправил выбившиеся из-под пилотки русые волосы, улыбнулся:

— Да вы и сами понимаете ситуацию. Но вот напомнить о том, что кое за кем есть должок, сочту нужным.

— Ну и хитер же ты, комиссар, — закрутил головой Пресняков. — Времени не было собрать сержантов. Да и сколько можно об одном и том же говорить! Собрание проводили, политинформацию тоже.

— Это хорошо. Но все-таки поговори, да подушевнее, с младшими командирами, Игорь Тарасович. Да и командиру нужно бы с офицерами потолковать.

Это уже камешек в мой огород.

— Знаю, Иван Иванович. На привале соберу.

Слово за слово, разговор перекинулся на наши заботы. Продолжая обсуждать дела, мы не заметили, как ротные колонны сошли на обочину дороги, а проезжую часть заняли машины дивизиона «катюш». Вплотную за ними шли тягачи с артиллерийскими орудиями. Нас догнал армейский истребительно-противотанковый полк. Километрах в трех левее клубилась пыль из-под копыт лошадей кавалерийской колонны, правее и несколько впереди по очертаниям машин, груженных понтонами, можно было определить, что выдвигаются саперы. И так до самого горизонта — пехота, артиллерия, кавалерия, танки. Части и соединения корпуса и армии, под надежной охраной висевших в воздухе краснозвездных истребителей, продолжали двигаться по польской земле.

— Смотрите, смотрите, товарищи! — окинув взглядом окрестность, не выдержал Елагин. — Силища-то! Разве устоит перед нами фашист?

Время было дорого. Командование стремилось не дать противнику возможности зацепиться за выгодные рубежи.

К исходу 24 июля противник перешел к обороне на левом берегу реки Вепш. Согласно приказу штаба корпуса, дивизия совершила форсированный марш и сосредоточилась у небольшого польского городка Красныстава, превращенного гитлеровцами в узел обороны. 828-й стрелковый полк получил задачу овладеть железнодорожной станцией, а 862-й — городом. Наш полк пока находился в резерве.

Началась подготовка к наступлению. В батальонах формировались штурмовые группы, занимали позиции артиллерия, минометчики. Велись рекогносцировочные работы, к которым были привлечены и мы. Перед выходом к переднему краю майор Павлюк сориентировал нас, командиров батальонов:

— Полк намечается ввести в действие при овладении центральной частью Красныстава.

— В полосе наступления майора Кожевникова? — переспросил командир первого батальона майор Гуськов.

— Да. Однако не исключена возможность использования нас

и в другом месте. Будьте внимательны, везде запоминайте местность. С началом боевых действий времени на организацию боя будет мало.

Между тем сгустились сумерки. Июльский вечер принес с собой короткий отдых. Короткий потому, что приблизительно в двадцать два часа полк по тревоге начал выдвижение на исходный рубеж. С целью усилить удар командир дивизии сузил фронт наступления 862-го стрелкового полка майора Кожевникова. Освободившийся участок заполнили первый и третий батальоны.

В половине одиннадцатого вечера заговорила артиллерия. Надрывно заухали гаубицы, повели огонь батареи 76-мм орудий, глухо ударили полковые минометы. В ответ забеспокоились фашисты, их передний край осветился гирляндами ракет, всплесками огня на позициях артиллерии и минометов.

Через полчаса началась атака. Первыми двинулись вперед штурмовые группы. Вслед за ними рванулись стрелковые роты. По выявленным в ходе артподготовки и в первые минуты атаки целям ударили орудия прямой наводки. Огонь артиллеристов был точен, и вражеские пулеметы замолкли. Это позволило нашим подразделениям без особых потерь ворваться в первую траншею и овладеть ею.

Нужно было не дать гитлеровцам прийти в себя. Подал команду ускорить движение. Но командиры рот и сами не хотели отрываться от противника. По вспышкам выстрелов нетрудно было понять, что штурмовые группы и стрелковые цепи, перевалив первую траншею врага, движутся вперед. Аналогичная картина наблюдалась справа и слева. Соседи не отставали.

Немцы попробовали было задержать нас в третьей траншее; дело дошло даже до рукопашной, но нервы у врага не выдержали, и он отступил. Не удалось фашистам зацепиться и за крайние дома Красныстава. Стрелковые роты, блокировав частью сил засевшего в домах противника, вместе со штурмовыми группами продолжали вытеснять немцев с городских улиц.

В полночь Красныстав был полностью освобожден. Этому способствовало то, что артиллеристы надежно подавили цели, разрушили наблюдательные пункты, нарушили связь. Безусловно, сказалось и умение наших командиров, бойцов вести боевые действия в условиях ограниченной видимости. В ходе выполнения задачи осуществлялись обходы и охваты объектов, чего крайне боялись фашисты. Стоило небольшой нашей группе появиться в тылу противника или вклиниться глубоко во фланг, как гитлеровцы начинали отход.

Из подвалов, сараев, убежищ стали появляться люди. Жители вскоре заполнили тротуары, проезжие части улиц. Они обнимали, целовали наших солдат и офицеров. На одном из перекрестков мне встретились накрытые белыми скатертями столы с хлебом, свежими огурцами, зеленым луком, другой нехитрой снедью, кувшинами с вином. Два пожилых поляка и женщина лет пятидесяти в расшитых национальных костюмах настойчиво зазывали проходя-

щих мимо солдат, сержантов и офицеров отведать угощения. На ломаном русском языке то в одном, то в другом месте слышалась наша «Катюша». Город не спал, город ликовал, город праздновал свое освобождение.

После Краснистава был получен приказ преследовать противника. Полк совершал марш в левой колонне дивизии. Батальон был выделен в передовой отряд.

Фашисты откатывались к Висле не только в нашей полосе, но и перед фронтом наступления соседних дивизий. В эти дни газеты и радио приносили радостные вести. 27 июля войска фронта освободили Львов, Перемышль и вышли к реке Сан.

Командование требовало не отрываться от противника, висеть на его плечах, навязывать ему свою волю. «Наша задача скорее выйти к Висле и форсировать ее», — не раз повторял майор Павлюк.

Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение, согласно которому войска 1-го Белорусского и нашего 1-го Украинского фронтов должны были форсировать Вислу от Варшавы до устья реки Вислоки с целью захвата плацдармов для последующего наступления к границам фашистской Германии. Войска армии получили задачу форсировать Вислу и захватить плацдарм в районе Сандомира. Ее мы и выполняли, торопясь выйти к реке.

По мере приближения к Висле задача уточнялась. Вечером 28 июля полк получил приказ к исходу следующих суток выйти к реке и немедленно приступить к ее форсированию. На привале меня догнал помощник начальника штаба полка по разведке старший лейтенант Бородулин.

— Товарищ капитан, командир полка приказал ускорить темп марша, — передал Георгий Николаевич. — Маршрут прежний. При подходе к реке сразу приступить к подготовке форсирования и захвату плацдарма на левом берегу.

Батальон оторвался от соседей и теперь двигался в большом лесном массиве. На флангах справа и слева в нашем тылу время от времени слышался гул боя.

На рассвете 29 июля командир головной походной заставы старший лейтенант Николай Чугунов донес: «Вышел на развилку дорог в двух километрах от местечка Юзефув. Разведгруппа доложила: немцев в населенном пункте нет. Продолжаю выполнять задачу». Я вытащил из полевой сумки карту. Пресняков лучом фонарика высветил на ней непривычное для русского языка название. Рядом пролегала извилистая линия — река.

— Что будем делать, Игорь Тарасович? Светает.

— Да, светает, будь оно неладно. Как бы преждевременно шуму не наделать.

— И я об этом. Стоит ли отсюда основные силы вытягивать?

Мы находились в лесу. Кроны деревьев надежно маскировали технику и людей.

— Дальше опушки, Александр Терентьевич, думаю, пока выдвигаться не стоит. Чугунов же с людьми укроется в Юзефуве. На

берег Вислы вышлет дозор. Пусть как следует обследует местность, доложит. Потом решим, что и как.

— Пожалуй, верно, — согласился я. — Нужно предупредить Чугунова, чтобы до выяснения обстановки оставался с основными силами в Юзефуве.

— Сейчас пошлю связного.

Мы пробрались к лесной опушке. Рассвет все больше и больше вступал в свои права. В густом орешнике загомонили птицы, со стороны небольшой польской деревеньки отчетливо донеслась разноголосица петушиного крика.

— Ишь ты! — улыбнулся ординарец. — Как в старые добрые времена дома кричат.

— Старик нашелся, — обернулся к нему Елагин. — Лет-то тебе сколько?

— Двадцатый год пошел. Это я, товарищ лейтенант, к слову. Село вспомнил. У нас петухи ух какие голосистые! Заслушаешься на заре.

В лесу запахло дымком. Легким, свежим, от сухих поленьев.

— Никак, наши хозяйственники разворачиваются?

— Так точно, товарищ капитан, — вынырнул из-за моей спины старшина Горобец. — Завтрак готовим.

— Чем потчевать сегодня думаешь, Федос? — спросил у старшины Елагин.

— Картошечкой, товарищ лейтенант. Свежей. Крупа приелась порядком.

— Откуда картошка-то появилась? — насторожился Иван Иванович.

— Проходили через хутор. Попросил у местного жителя. Он разрешил накопать. Говорит, сбежавшего старосты огород.

— Ох, смотри у меня, Федос! Приказ знаешь?

— Честное комсомольское слово, товарищ лейтенант!

— Иван Иванович, — вступился за старшину Пресняков, — я был свидетелем разговора с поляком. Не лукавит.

В это время на поляне появились бойцы в маскхалатах.

— О, разведчики пожаловали! — произнес кто-то из штабного окружения. — Никак, Блохин собственной персоной.

Командир остановил группу и, печатая шаг, подошел ко мне. Я узнал старшину Блохина.

— Товарищ капитан, старшина Блохин с группой бойцов в ваше распоряжение прибыл.

— Здравствуй, Петр Яковлевич, — протянул руку командиру взвода полковых разведчиков.

Блохин вырос в полку. Разведчик, старший разведчик, командир отделения, заместитель командира взвода разведки и командир. К моему прибытию в полк на его плечах были старшинские погоны. Вскоре начавшиеся бои, а с ними новые вылазки в тыл врага прибавили старшине новые награды, в том числе орден Красной Звезды. Однако, несмотря на славу, Блохин оставался простым и скромным человеком.

Вот и сейчас на старшину любо-дорого было смотреть — стройный, подтянутый, с перекинутым за спину автоматом, с ножом в аккуратном чехле на поясе.

— Садись, Петр Яковлевич. Начальник штаба о тебе уже справлялся. Говорит: «Куда разведчиков моих подевал?» Я в ответ: «Не игла в сене — отыщутся».

— Беспокоится майор Модин, значит.

Мы присели на поваленное дерево. Блохин снял пилотку и аккуратно подоткнул ее под широкий армейский пояс, откинул упавший на лоб вихор непокорных волос, посмотрел на меня. Я у него спросил:

— Знаешь, зачем потребовался?

— В общих чертах, — ответил старшина.

— Тогда слушай. — Я обернулся к находившемуся рядом адъютанту старшему батальона: — Карту, Игорь Тарасович.

Капитан Пресняков подал карту.

— Смотри, Петр Яковлевич, за Вислой ровный участок местности, дальше — старая протока, за ней после пологого берега подъем, небольшое поле и хутор Лесные Халупы. Нужно разведать: есть ли противник между Вислой и протокой, а также и дальше.

— Имеете в виду, товарищ капитан, включая и Лесные Халупы? — уточнил Блохин.

— Да. Сейчас на берегу разведдозор от Чугунова. С минуты на минуту первые данные от него должны поступить. Если ничего подозрительного нет, следует осторожненько с берега вести разведку наблюдением. Важно до начала форсирования не спугнуть фрицев. Понял меня?

— Так точно, понял.

Несколько минут ушло на уточнение маршрута выдвижения. Блохин намеревался уже встать, но я его удержал:

— Не торопись, старшина. Дождемся первого сообщения от разведдозора. Минутой раньше, минутой позже — сейчас уже не играет особой роли. Видишь, солнце встает. Вот-вот немецкие самолеты пожалуют. Даже небольшую группу людей они могут заметить на подходе к Висле. Да и я уверен: противоположный берег реки занят противником. Не такие уж фашисты простофили, чтобы не зацепиться за водный рубеж. Нам же важно захватить плацдарм. И сделать это неожиданно для немцев. А внезапность кроется в скрытности наших действий.

К нам подошел командир взвода снабжения, пригласил на завтрак.

— Пойдем, Петр Яковлевич, перекусим. Тем более вам на дорожку нужно подкрепиться. Зови своих орлов!

Под развесистым деревом на аккуратно разложенной плащ-палатке стояли котелки с покрапленной маслом картошкой. Рядом лежали зеленый лук, несколько свежих огурцов. У разведчиков заблестели глаза.

Мы сидели и с удовольствием ели картошку. Тогда я еще не знал, как и сам Блохин, что он уже не старшина, что ему в этот

день присвоено звание младшего лейтенанта и что за бросок через Вислу он удостоится ордена Красного Знамени. Как не знал и примостившийся около меня разведчик Алексей Тюльга, что получит звание Героя Советского Союза. Отмечены будут высокими наградами и другие разведчики. А сейчас передо мной сидели люди, которым предстояло — и не в первый раз! — по долгу службы прокладывать путь стрелковым ротам, батальонам, полку.

Прибыло сообщение от Чугунова. Разведдозор доносил: за старицей вражеская траншея, на правом фланге, километрах в четырех, по понтонному мосту переправляются через Вислу отходящие части противника, над местом переправы висят фашистские самолеты.

— Ну вот, кое-что разъяснилось. Теперь твоя задача, Петр Яковлевич, вместе с дозором Чугунова наблюдать за Лесными Халупами и ниже. Все замеченное наносить на схему. Через час-полтора буду у тебя.

— Ясно, товарищ капитан.

Старшина кивнул разведчикам:

— Погостили, ребята, и хватит. Спасибо за хлеб-соль, как говорят у нас на Калининщине. Пора за дело.

Блохин с группой ушел. Мы начали готовиться к форсированию Вислы. Переправочных средств не было, так что рассчитывать приходилось на то, что оказывалось под рукой. С капитаном Пресняковым и лейтенантом Елагиным еще и еще раз продумывали выход к реке и захват плацдарма. Трудноразрешимых вопросов было много.

— Куда ни кинь — везде клин, — почесал затылок адъютант старший батальона.

— Что имеешь в виду, Игорь Тарасович?

— Водная гладь реки, почитай, метров четыреста — пятьсот, а у нас даже утлой лодчонки — и той ни одной!

— Как ни одной, товарищ капитан?! — послышался голос парторга батальона лейтенанта Малыгина.

Мы оглянулись. Василий Федорович стоял в трех шагах от нас, рядом с ним двое мужчин в гражданской одежде и старшина Петров.

— Есть лодки! — Лейтенант Малыгин кивнул в сторону незнакомцев. — Вот местные польские товарищи предлагают указать, где их взять.

Мы встали, пожали руки полякам.

— Пан капитан, — заговорил пожилой поляк на ломаном русском языке, — лодки есть.

— Так отдайте же их нам.

Крестьяне торопливо заговорили между собой, разводя руками в ответ на наши непонимающие взгляды. Наконец тот, который постарше, вновь обратился ко мне:

— Как вам лучше сказать, они находятся на дне реки. Мы их спрятали от фашистов.

— Сколько лодок-то? — спросил Пресняков.

— У этого — семь, — бросил взгляд в сторону пожилого крестьянина Малыгин. — И у него — две.

Молодой поляк согласно закивал.

— Ну это уже другое дело, — невольно вырвалось у меня.

Мы угостили крестьян папиросами. Начали расспрашивать о немцах. Поляки понимали наши вопросы с трудом, на помощь пришел Малыгин. Парторг батальона вместе с ротой Чугунова побывал в Юзефуве, успел разобраться в обстановке. Фашисты оставили населенный пункт вчера утром, больше местные жители ничего не знали о них.

Время было дорого. С польскими товарищами на берег Вислы отправились лейтенант Малыгин и группа бойцов. Им предстояло разыскать и поднять лодки.

— Так, начало есть,— довольно потер руки лейтенант Елагин. — Как считаешь, Александр Терентьевич?

— И неплохое, Иван Иванович. Теперь нам нужно решить с местом и временем форсирования.

— Насчет места, — отозвался капитан Пресняков, — думаю, лучше будет решить непосредственно на берегу.

— И то верно, Игорь Тарасович, — согласился я. — Ну а время — предлагаю ночью.

— Ясно, что не днем, — как само собой разумеющееся произнес Елагин.

На лесной дороге послышался стук копыт. К нам подъезжали командир полка с заместителем по политической части. Их сопровождали автоматчики. Майор Павлюк, не сходя с коня, кивнул мне:

— Ну и забрался же ты, Алтунин. Еле разыскали, спасибо твоему связному.

Полковое начальство спешилось.

— Выкладывай, комбат, что вы тут надумали? — спросил без обиняков Павлюк.

Начал докладывать соображения. Валентин Евстафьевич и Николай Афанасьевич внимательно слушали. Решение им понравилось.

— Сил хватит? Не получится так, что захватишь плацдарм, а немец оттуда тебя сковырнет?

— Риск есть, товарищ майор, но он оправдан. На нашей стороне внезапность. Зацепимся за западный берег. Вряд ли нас оттуда смогут сбросить фашисты, разве что по трупам дойдут до воды. Но этого, думаю, не допустим. Да и кто на войне не рискует, конечно, разумно!

Павлюк улыбнулся:

— Помнишь Оздютичи? Я тебе, Николай Афанасьевич, не рассказывал? — обратился он к Кулябину. — Как комбат Алтунин водил в атаку роту, голову под пули подставлял?

— Нет. Правда, лейтенант Елагин доносил о том, что комбат лично поднял в атаку людей.

Случилось же тогда вот что. Рота старшего лейтенанта Ковалева оказалась в полуокружении. Бойцы залегли под перекрестным ружейно-пулеметным огнем. Взводы несли потери. Отойти назад — не выполнить приказ, да и подставить себя под фашистские пули. Вперед идти, видимо, тоже не хватало духу. Так уж устроен человек: поднялся в атаку — идет, залег — нужно немалое мужество, чтобы встать, тем более первому. Смерть на войне почти все время рядом, однако каждому хочется выжить. Вот и стараешься о ней не думать. Хотя где-то подсознательно холодок страха в тебе живет, время от времени дает о себе знать, особенно когда огонь противника головы поднять не дает. Лежишь на земле, знаешь, что встать необходимо, но прижимаешься к ней и чего-то ждешь. Нужен толчок, внутренняя сила, что ли, но где ее в этот момент взять?

Послал в роту парторга лейтенанта Малыгина. Не успел он скрыться — звонок. Интересуется продвижением начальник штаба майор Модин. Только доложил ситуацию, слышу в трубке голос командира дивизии: «И долго думаешь, капитан, еще лежать? Самому, что ли, твоих людей в атаку поднимать?» «Нет уж, лучше это сделаю я, товарищ полковник, — говорю ему в ответ. — Вам дивизией управлять нужно». «То-то, уразумел, значит. Пойми, садовая голова, от тебя зависит исход боя за Оздютичи».

Слышно было, как на противоположном конце хлопнулась на рычаг телефонная трубка. Такая досада взяла, что нет сил сдержаться. Схватил автомат.

— Куда, Александр Терентьевич? — только и успел воскликнуть капитан Охрименко.

— «Куда», «куда», закудакал! К Ковалеву иду. Передай минометчикам, чтобы прикрыли, да пулеметные взводы выброси на фланги роты. Будем прорывать.

Выбежал с НП — и прямиком в роту. Где в полный рост, где пригнувшись, а где и по-пластунски, минут через тридцать был на месте. И сразу почувствовал, насколько плотен огонь немецких пулеметов.

— Это еще ничего, — «утешил» Ковалев. — Молчат автоматчики. А то тут и голову нельзя поднять.

— Где лейтенант Малыгин?

— Коммунистов собрал,— отвечает командир роты и показывает вправо: — Вон в той воронке из-под авиабомбы инструктирует. Сейчас пойдем в атаку.

— Теперь уж я поведу людей, раньше нужно было.

Ковалев опустил глаза, тяжело выдохнул:

— Пробовал, не получилось. Огоньком бы артиллерийским сыпануть!

— Где ты его возьмешь? Две сорокапятки у тебя, третью — утром разбило. Полковая батарея далеко. Но минометчики помогут, а с флангов ударят пулеметы. Они сейчас будут на месте. Передай людям: по сигналу зеленой ракеты откроют огонь минометчики и пулеметчики, красная ракета — в атаку!

Не помню уже всех деталей боя, но хорошо отложилось в памя-

ти, что после клича «В атаку — вперед!» встали все дружно. Встали и побежали. Бежали, падали и вновь бежали. Я за что-то зацепился штаниной, треска материи не слышал. Рота взяла траншею, и противник откатился в заросшую кустарником и высокой травой лощину. Разгоряченные боем, мы наблюдали за тем, как бойцы вылавливают попрятавшихся по окопам и щелям гитлеровцев.

— Ничего не скажешь, хорош, — услышал сзади голос Павлюка. — Кто тебе приказывал самому вести людей в атаку, позволительно спросить? Ты командир батальона, организатор боя...

Минут пять Валентин Евстафьевич отчитывал меня, в конце концов предупредил:

— На первый раз прощаю, но, если впредь что-либо подобное повторится, пеняй на себя. Мне нужен не труп, а живой комбат. Понял?

— Так точно, понял.

— То-то же!

И вот теперь командир полка напомнил об этом случае и с юмором обрисовал Николаю Афанасьевичу мой неприглядный вид в те минуты, вспомнив и дыру на брюках и прибавив кое-что для колорита от себя.

— Урок-то пошел впрок? — спросил меня Кулябин.

— Как же, товарищ майор, пошел.

— Тогда, Валентин Евстафьевич, можно, пожалуй, довести до капитана Алтунина цель нашего прибытия.

— Конечно можно. — Майор Павлюк расстегнул полевую сумку, вытащил из нее опечатанный конверт, протянул его мне: — Вот предварительное боевое распоряжение на форсирование и занятие плацдарма. Ознакомься с ним. Остальное решим на месте.

Пока я изучал документ, майор Кулябин разговаривал с подошедшим лейтенантом Елагиным. Николай Афанасьевич интересовался мероприятиями с личным составом по обеспечению выполнения боевой задачи, передал замполиту аккуратно свернутую пачку свежих газет:

— Кстати, вы получили листовки с описаниями подвигов. Героев Советского Союза сержанта Чегладзе и рядового Талалушкина? Политотдел дивизии приурочил их выпуск к форсированию Вислы. Чегладзе-то из нашего полка.

— Знаю, товарищ майор, что из нашего. Вчера на политинформации о нем вспоминал. Но почта пока не пришла к нам.

— Странно,— пожал плечами заместитель командира полка по политической части. — Ну хорошо. Я тут с собой прихватил два десятка листовок. Раздадите агитаторам. — Кулябин протянул Ивану Ивановичу еще небольшой сверток.

— Ознакомился с предварительным боевым распоряжением, Алтунин? — спросил командир полка.

— Да, ознакомился.

— Ваш замысел утверждаю. Придаю батальону артиллерийский дивизион, истребительно-противотанковые батареи, саперный

взвод. Они на подходе. Думаю, что к вечеру будут здесь. Так что артиллерией будешь обеспечен.

Майор Павлюк закурил, подождал, когда закончат разговор Кулябин с Елагиным, предложил:

— Ну что, выдвинемся на берег Вислы? Посмотрим, так сказать, своими глазами, что и как?

Нетерпение командира полка мне было понятно. Валентин Евстафьевич стремился до всего доходить сам. А в данной ситуации тем более: перед нами стояла труднейшая задача. И нельзя было допустить срыва.

— Я готов.

— Вот и хорошо. Идем. — Павлюк обернулся к Кулябину: — Николай Афанасьевич, мы с Алтуниным на берег Вислы.

— Хорошо, будьте осторожны. Автоматчиков с собой захватите.

Вышли небольшой группой: я, командир полка и три автоматчика. Вначале шли в рост, затем пригнувшись. Последние сотни метров двигались узкой неглубокой промоиной и мелким кустарником. Не доходя метров ста пятидесяти до реки, осторожно выбрались на гребень дамбы, и нам открылась удивительная панорама.

Омывая сочную береговую зелень, спокойно и величаво текла Висла. Искрилась, переливалась в солнечных лучах вода; темная на глубине, ближе к берегам она голубела, приобретала бирюзовый оттенок. Кустарник, которым густо зарос противоположный берег, смыкался с поймой. Дальше лежала старица с поросшими камышом берегами. Затем опять луг, заканчивающийся стеной круто уходящего вверх обрыва. Поверх него тянулось вглубь желтое хлебное поле. Хлеб большей частью был уже сжат, связан в снопы и выложен, но не в длинные, один к одному, как у нас в России, а в короткие кресты. Они казались крышами маленьких избушек на курьих ножках из детских сказок. К полю примыкали аккуратные домики Лесных Халуп с островерхой киркой посередине. За ними, через небольшое поле, краснели утопающие в садах черепичные крыши колонии Цишицы. Правее ее, вдоль витиеватых расчленений дорог, в позолоте солнечных лучей, вырисовывались дворы Гурно. Далеко, на самом горизонте, дрожали в горячем воздухе, расплывались очертания покрытых лесом холмов. Слева, выше по течению, за Вислой виднелась деревня Доротка.

Было жарко и тихо. И не хотелось верить в призрачность, обманчивость спокойствия, которым веяло от раскинувшейся перед нами картины...

Почти сразу за старицей извивалась зигзагообразно траншея; отсюда начинался передний край гитлеровцев. Над обрывом в глубине между желтеющими снопами были разбросаны отдельные окопы. У самых Лесных Халуп змеились контуры еще одной траншеи.

— Да,— вздохнул я невольно,— в руках противника козырная карта. Не только на реке, но и на западном берегу будем у него как на ладони.

— Не совсем так, Александр Терентьевич, — возразил Павлюк, рассматривая в бинокль местность. — Карта, может быть, и козыр-

ная, но вот ход-то наш. Внезапность многое значит. Не противник нам, а мы ему свою волю будем навязывать.

Валентин Евстафьевич выждал паузу, продолжил:

— Есть у нас и еще плюсы. По сути дела, пространство между рекой и ее старицей — большой остров, то есть место, требующее форсирования дважды. Да к тому же обрыв. Думаю, что немцы здесь ждут нас меньше всего. И оборона у них здесь, вероятно, послабее. Это учитываешь? Кроме того, смотри, вдоль того берега кустарничек какой добрый. В нем можно не один батальон укрыть.

Рядом зашуршала трава. Как из-под земли вырос старшина Петр Блохин.

— Чем порадуешь, разведчик? — спросил его Павлюк.

— Пока особенно ничем. В первой траншее признаков жизни нет. У самых Лесных Халуп наблюдали фрицев. Ходят — не маскируются. Непонятно ведут себя. Я уже и так и эдак прикидывал.

Мы вновь начали рассматривать реку и западный берег по установившейся уже привычке справа налево, от себя в глубину, намечая поэтапно выполнение задачи.

— Чего же тут, старшина, непонятного? — после солидной паузы заключил командир полка.— Немцы нас не ждут. По их расчетам, русские еще далеко. Вот и ведут себя пока вольготно. Но вы больно-то не маячьте здесь. Недолго и спугнуть противника. Нам это ох как невыгодно!

Прикинув место форсирования, выложил свое окончательное решение командиру полка: вначале через Вислу перебрасываю группу разведчиков, вслед за ней — стрелковые и пулеметную роты, пстээровцев, штаб батальона и затем минометчиков и артиллеристов. Здесь же уточнили вопросы взаимодействия, наметили использование приданных, но еще не подошедших артиллерийского дивизиона и истребительно-противотанковых батарей.

Беспокоило меня, что в ходе рекогносцировки, сколько ни всматривался в тот берег, не видел признаков непосредственного присутствия немцев в первой траншее и окопах. «Нет ли тут какого подвоха?» — мелькнула было мысль. Или немцы настолько уверены, что противник не станет переправляться через реку в этом месте?

Своими сомнениями поделился с командиром полка. Валентин Евстафьевич разделил мою тревогу.

— Да, о том, что этот участок берега реки немцы оставили без прикрытия, и речи быть не может.

Как бы в ответ на слова командира полка послышался голос старшины Блохина:

— Смотрите, у самой деревни открыто идут! Ну и нахалы!

Командир полка и я почти одновременно вскинули к глазам бинокли. Неподалеку от Лесных Халуп шло до отделения солдат. Оживленно жестикулируя, немцы, очевидно, что-то обсуждали.

— Нет, они нас не ждут, — окончательно утвердился в своем выводе майор Павлюк. — Иначе так бы не прохаживались.

— По всем признакам так оно и есть, товарищ майор. На этомто мы их и возьмем.

— Главное, — обратил мое внимание Павлюк, — до поры до времени не выдать себя. От того, сумеешь ли сегодня ночью незаметно для противника форсировать Вислу, зависит успех полка, дивизии, да и, если хочешь знать, корпуса в целом. Горячку не пори. Твое решение направить вначале на тот берег небольшую группу с задачей обеспечить высадку основных сил батальона правильное. Меньше вероятности, что противник сумеет обнаружить начало форсирования.

Для высадки подобрали место — небольшой, входящий в прибрежный тальник заливчик. От него по берегу шла тропа; в бинокль она хорошо просматривалась. Возможно, по ней спускались к реке крестьяне, а скорее всего, ее проложили солдаты противника. Враг оборону готовил заранее, о чем свидетельствовали поросшие травой брустверы траншей и окопов.

Майор Павлюк в ходе рекогносцировки вникал в мельчайшие детали выполнения предстоящей задачи. Форсировать Вислу предстояло фактически с ходу и пока что лишь нашему батальону, да и то без одной роты. Другие же подразделения, приданные и поддерживающие части, находились на марше.

С рекогносцировки возвратились после обеда. Командир полка, перед тем как сесть в седло, пожал мне руку:

— До вечера, комбат. Поеду подгонять остальных. Готовься тут. Кулябин остается у тебя.

Павлюк скрылся за деревьями. Я еще некоторое время подождал, затем свернул на просеку. Ухоженный лес обступил меня с обеих сторон. Запахло смолой и чем-то еще — далеким, родным. Защемило сердце. Вспомнились высоченные сосны, уходящие по широким распадкам в необозримую даль, одурманивающие запахи сибирского края в летнее время года. Природа щедро наделила мои родные места разнотравьем, красками пейзажей. Поздней весной бугры и опушки рощ в ярко-красном наряде, ранним летом в небесно-лиловом, а ближе к осени опять торжествует красный цвет. Здесь лес стройный, трава тоже высокая, но нет той необъятности, первозданности, которые у нас пленяют и тревожат душу, ночами не дают спать. «Побывать бы сейчас дома, — пришла в голову шальная мысль,— взглянуть на наше приволье».

Минутный порыв радости вскоре уступил место сегодняшним заботам. Многие вопросы еще предстояло решить, но главной была подготовка людей. Их настрой предопределял успех выполнения боевой задачи.

Когда я уже подходил к расположению батальона, меня окликнул лейтенант Елагин:

— Александр Терентьевич, шестая рота подошла.

Еще утром наметил побывать в этой роте и поговорить с людьми.

— Иду, иду, Иван Иванович. Где расположилась шестая-то?

— Тут, — показал вперед рукой Елагин, — метрах в ста пятидесяти.

Стрелки разместились на небольшой лесной поляне. Недавно

здесь росла густая трава. Сейчас она была скошена и сложена в небольшой стожок. Сено еще не потеряло свежести и отдавало пряными запахами. Уставшие люди намеревались было разобрать его для отдыха, но их остановил сержант Заточный.

Бойцы посмотрели на него, потоптались на месте, повздыхали да и разошлись. Признаться, мне особенно было радостно за людей, когда, прибыв в роту и услышав об этом эпизоде, я увидел стожок в целости и сохранности.

Командир роты Чугунов и парторг батальона Малыгин сидели опершись о ствол кряжистого дуба. При виде меня встали.

— Сидите. О чем разговор?

— Обсуждаем, товарищ капитан, заявления о приеме в партию. Десять человек подали.

— Это хорошо, раз люди перед выполнением столь ответственной задачи решили слить свою жизнь с жизнью партии. Даже очень хорошо! Как настроены люди? — поинтересовался я у Чугунова.

— Форсировать Вислу рвутся. Резолюцию на собрании приняли: «Бить врага по-сталинградски».

— Значит, Сталинград не забываете?

— Можно ли забыть такое, товарищ капитан!

Во время формирования в состав нашей дивизии влились подразделения, которым довелось участвовать в великой битве на Волге. Несмотря на то что люди попали в разные полки, дивизионы, батальоны и роты, традиции сталинградцев продолжают жить. Так было под Брянском, Унечью, на Днепре, во многих других местах. И это, на мой взгляд, хорошо, что люди помнят о Сталинграде, по мужеству его защитников равняют сегодняшние свои дела.

Прошли с Чугуновым по взводам. Бойцы уже отдохнули, привели себя в порядок. На их лицах не было той печати усталости и угрюмости, которые можно наблюдать в конце утомительного марша. Одни чистили оружие, осматривали боеприпасы, другие, собравшись в кружки, беседовали. Подошли к одной из групп. Среднего роста сухощавый солдат с газетой в руках что-то рассказывал товарищам.

— Агитатор взвода рядовой Овсянников, — представил мне его командир роты.

— Овсянников, что интересное рассказываете людям?

— Все сейчас интересное, товарищ капитан, — ответил солдат. — Фрицы драпают. Сводку Совинформбюро прочел. Крепко им всыпали в Белоруссии, да и наш фронт шагнул к Висле. Думаю, скоро по домам.

— До этого нужно еще расколотить немцев.

— Расколотим, товарищ капитан. Никуда они от нас не денутся. Вот нынче ночью форсируем Вислу, а там пойдем дальше. Интересно посмотреть, что она собой представляет, эта Германия.

Мысли Овсянникова пришлись мне по душе. Солдат уверен в том, что форсирование — дело, в общем-то, решенное, и мысленно

уже на левом берегу. Уверенность же, по опыту знал, половина успеха, а то и больше. Но так ли думают остальные? По мере разговора выяснилось, что солдаты и сержанты взвода живут захватом плацдарма. Порадовало то, что бойцы по-серьезному относятся к выполнению предстоящей задачи, не считают, что противника легко можно одолеть.

Командир взвода старший лейтенант Серпухин показал мне изготовленный из сухостоя аккуратный плот:

— На каждое отделение думаем связать по одному — на случай, если не хватит лодок.

Задумка мне понравилась. Правда, мы наметили роту Чугунова переправить на лодках, но запас не бывает лишним. Тем более что пока никто из нас не знал, какой оборот примут дела. Противник своими действиями может «поправить» наши наметки, и тогда подручные плавсредства окажутся к месту.

— Плоты нужно готовить, — окинул я взглядом офицеров роты.

— Ясно, будем готовить, — ответил старший лейтенант Чугунов.

В батальон принесли обращение Военного совета армии. «Наша Родина, — говорилось в нем, — ждет от вас, гвардейцы, новых успехов в боевых делах по освобождению народа Польши. Перед нами стоит задача — форсировать Вислу, стремительным ударом опрокинуть противника и приблизить час победы над фашизмом...» Обращение Военного совета было зачитано во всех подразделениях. Офицеры, сержанты, солдаты батальона в своих выступлениях выразили непреклонную решимость добиться успеха.

Часам к девяти вечера небо затянули тучи. Начал накрапывать дождь, и стало легче дышать. Последние дни нещадно палило июльское солнце. Не приносили ожидаемого облегчения и душные ночи. И сейчас люди, истосковавшиеся по прохладе, с радостью подставляли каплям дождя потные лица.

Все больше и больше в свои права вступала ночь. Я заторопился на берег Вислы. В ходе рекогносцировки с командирами рот и взводов было выработано окончательное решение, в котором определялся порядок форсирования. Первыми на западный берег реки уходили разведчики с задачей выявить наличие противника непосредственно за старицей. В течение дня наблюдателям так и не удалось определить, занята первая траншея гитлеровцами или нет. Хотя чаша весов и клонилась в сторону того, что там нет противника, все же нелишне было еще раз убедиться. На фронте всякое приходилось видеть. Подчас в выполнение задачи противник вносит свои коррективы, и бой складывается не совсем так, как ты его планируешь. Возможно, что немцы сумели нас перехитрить в маскировке. Начнешь форсирование, а враг и преподнесет тебе «подарочек» со всеми вытекающими из него последствиями.

С поступлением от старшины Блохина сигнала о результатах разведки мы еще имели возможность внести, если бы это оказалось

необходимым, коррективы в ход выполнения задачи. Потому я и спешил по знакомой уже тропе к Висле.

Блохина встретил у самого уреза воды. Здесь же находились и остальные разведчики. Рядом в прибрежных кустах, еще днем заметил, стояла в готовности лодка. Мы сверили время. До отхода группы оставалось несколько минут.

— Ничего нового, старшина?

— Нет, товарищ капитан, ничего. Все время ведем наблюдение — в первой траншее ни единой души. Правда, между Вислой и старой протокой полчаса назад заметили костер. Трудно сказать, кто его зажег. Послал к вам связного с докладом. Не прибыл?

— Пока нет, Петр Яковлевич. Очевидно, разминулись.

Мы помолчали, вслушиваясь в вечерние шорохи.

— Вот еще что хотел тебе сказать, старшина, будь повнимательней при подходе к траншее. Вдруг фрицы заминировали местность.

— Я уже об этом думал, товарищ капитан, и ребят предупредил.

— Тогда, как говорят у нас на Руси, с богом. Пора!

Блохин подал команду. Разведчики на руках подтащили к берегу лодку, опустили в воду и начали в ней рассаживаться. На прощание пожал старшине руку, пожелал успеха.

Плеснула разок под веслами вода. Лодка бесшумно отошла от берега и постепенно растворилась в темноте. В ожидании первой группы десанта (с целью маскировки мы решили выводить подразделения к берегу Вислы не сразу) присел на камень. Рядом расположились ординарец и два автоматчика. Неподалеку хрустнула ветка: к нам кто-то приближался. Вскоре послышался голос лейтенанта Елагина:

— Здесь они должны быть.

— Я тут, Иван Иванович.

Замполит подошел, бросил взгляд кругом:

— Разведчики убыли?

— Да. Время. Люди далеко?

— Подходят.

— Хорошо. Пока все идет по плану. Как настроены люди?

Хотя я и знал, что командиры и бойцы рвутся в дело, но все же от вопроса не отказался. Хотелось услышать подтверждение этого из уст товарища, чьим мнением я очень дорожил. Боевая жизнь настолько сдружила меня с Иваном Ивановичем, что подчас суждение, совет одного бывал другому просто необходим.

Лейтенант Елагин — учитель по профессии, политработник по призванию — большинство солдат, не говоря уже о сержантах, старшинах и офицерах, знал по имени и отчеству. Это нелегко в боевой обстановке даже в таком воинском коллективе, как рота, а тут — батальон. Почти ежедневно люди выходят из строя, прибывает пополнение из маршевых рот, медсанбата, госпиталей, иногда с новенькими некогда и парой слов перекинуться, тем более поговорить по душам.

Елагин же десятки людей познал так близко, что их жизни и судьбы стали частицей его жизни. Бойцам и командирам это хорошо было известно. Потому они и относились к нему с уважением, ценили его советы, а между собой называли высоким и почетным словом «комиссар». В разговоре нередко можно было услышать: «Комиссар сказал», «Комиссар посоветовал», «Комиссар спросит». И хотя этот человек был прост в обращении, мягок по характеру (Иван Иванович никогда не наказывал), его боялись пуще любого строгого командира. Знали: он не пройдет мимо допущенной тобой ошибки, промаха, скажет об этом прямо, без всяких там обиняков, как и не потерпит несправедливости, от кого бы она ни исходила. Таков он, Елагин, доступный для всех, кристальной души человек.

И еще смелый. В этот день в батальоне состоялось партийное собрание, разговор шел о десанте. Взял слово Иван Иванович. Поставил перед коммунистами задачи по партийно-политическому обеспечению выполнения предстоящего боевого дела.

— И последнее, что хочу сказать, — обратился он к присутствующим, — прошу вас, товарищи по партии, доверить мне идти с десантом вслед за разведчиками. В первую группу отобраны лучшие бойцы батальона, и для меня огромная честь быть вместе с ними.

На поляне, где проходило собрание, воцарилась тишина. Первым нарушил ее заместитель командира полка по политической части майор Кулябин:

— Ну что ж, товарищи, думаю, кандидатура подходящая. — Николай Афанасьевич обернулся ко мне: — Как, доверим, товарищ Алтунин?

Сказать откровенно, в душе я был против: в батальоне немало опытных офицеров, к тому же намного моложе Елагина. Кроме того, мне не хотелось потерять такого замполита. Но он оказался хитрее, чем я думал. Заведомо зная, что в обычном разговоре я не соглашусь с его просьбой возглавить группу, решил свое желание высказать на собрании. Мне ничего не оставалось делать как согласиться.

Время отхода первой группы приближалось. К месту форсирования прибыли подразделения. Командиры вполголоса начали давать последние указания. Мы подошли к строю. В группе уходили в основном обстрелянные бойцы. У многих на гимнастерках ордена и медали, нашивки за ранения. Они знали толк в атаке и обороне, изведали на себе тяжесть давления превосходящих сил противника, умели найти выход там, где, казалось, его и вовсе не было. Потому и принимали происходящее, по крайней мере внешне, без лишних эмоций.

Я смотрел на спокойные лица и почти физически ощущал, как меня захватывает теплота, нежность ко всем этим людям. Понимают, на что идут, но ничем не выдают своих чувств. Первым в шеренге стоит лейтенант Елагин. За спиной Ивана Ивановича форсирование Десны, Сожа, Днепра, Западного Буга, бои за

Брянск, Унечу, Дубраву, на правом берегу Турьи, в десятках других известных и неизвестных мест.

Протягиваю руку. Елагин крепко пожимает ее и чуть глуховатым голосом говорит:

— До встречи, командир.

— Попрощаемся, Иван Иванович.

По лицу Елагина скользнула улыбка: очевидно, мои слова и его тронули.

— На всякий случай попрощаемся, Александр Терентьевич, идем-то не к теще на блины.

Мы крепко обнялись.

Рядом с лейтенантом Елагиным вытянулся с пулеметом сержант Заточный.

— Не пожалел, сумчанин, что вызвался в первой группе идти?

— Нет, товарищ капитан, не пожалел. Я так мыслю, тут что первый, что последний — все одинаковы. Нам даже сподручней — фрицы не ждут. А стоит немчуре очухаться, тогда держись. Да и ждать, томиться не в моем характере.

Сержант переступил с ноги на ногу, бросил взгляд на стоявшего рядом рядового Прасова, толкнул его локтем:

— Так-то, Василь. — И тут же обернулся ко мне: — За нас, товарищ капитан, не беспокойтесь. Не подведем.

— Вопросы есть?

— Какие могут быть вопросы! — Сержант Заточный приподнял ручной пулемет: — Питание для него есть, для нас сухой паек старшина выдал, но от добавки бы не отказались.

Бойцы засмеялись. Лейтенант Александр Чикишев повел головой:

— Ну и жаднющий же ты, сержант.

— Запасливый, товарищ лейтенант. Отец сызмальства приучил: уходишь на день, запасайся на два. Жилка у нас такая, крестьянская: не от себя, а к себе.

Я подошел к Чикишеву:

— Александр Николаевич, желаю успеха! Надеюсь на тебя, земляк!

Чикишев был родом с Омщины. Рос и воспитывался в небольшой деревеньке Наньково. От отца с матерью унаследовал природную силу и сметку, а суровый край выработал у него выносливость. Скупой на слова, Александр Николаевич прошел крутые перевалы войны, прежде чем стать офицером. И мне особенно было приятно, что лейтенант изъявил желание идти в первой группе.

Рядом с ним стояли младшие сержанты Иван Лунев и Василий Богомазов, свердловчанин рядовой Владимир Овсянников, другие бойцы, не раз крещенные огнем, проверенные в больших и малых боях. В каждом из них я был уверен и на каждого мог положиться как на самого себя. Но не посмотреть в их лица, не сказать слова, не пожать руку не мог. Люди уходили на опасное дело. И кто знает, придется ли увидеться вновь. Это хорошо понимал я,

понимали и они. Потому лица бойцов были немного суровее обычного.

Время между тем шло. Ранее накрапывавший дождь перешел в крупный, ядреный, какой бывает в середине лета. В это время на берегу появился майор Кулябин. Николай Афанасьевич был, как обычно, бодр.

— От Блохина ничего не поступало? — спросил он у меня.

— Нет, но с минуты на минуту ждем.

Некоторое время мы стоим затаив дыхание. Но кроме шума дождя да всплеска играющей рыбы, ничего не слышно. Западный берег реки словно замер, затаился в непроглядной темноте. Нервы напряжены до предела. И вдруг мгновенный шум у самого берега. Я вздрогнул.

— Щука зазевавшуюся рыбешку сцапала, — глухо обронил Кулябин. — Аппетит у нее в любое время суток волчий.

Наконец в темноте еле угадывавшегося противоположного берега трижды возник и тут же погас огонек.

— Сигнал от Блохина, — доложил наблюдатель. — Противник в первой траншее не обнаружен.

Через пару минут сигнал повторился.

— Ну что ж, Александр Терентьевич, начнем, — произнес Кулябин и чуть тише добавил: — Не знаю, кто в других, но в нашей Брянской Краснознаменной вы первыми приступаете к форсированию. Помните, от вашего успеха зависит многое. По проторенной вами дороге завтра пойдут не только полки дивизии, но и соседи.

Я подал команду лейтенанту Елагину:

— Отчаливай!

— Тронулись! — распорядился Иван Иванович.

В наступившей тишине слышно было, как в воду врезались лопасти весел. Первая лодка отошла от берега. Вслед за ней так же тихо отчалила и вторая во главе с лейтенантом Александром Чикишевым. Третьей лодкой командовал секретарь партийной организации батальона лейтенант Василий Малыгин. Затем четвертая, пятая...

Некоторое время мы молча смотрели вслед исчезавшим в ночи силуэтам. Первым нарушил затянувшуюся паузу майор Кулябин:

— Лиха беда начало, Александр Терентьевич.

— Вроде так, — в раздумье произнес я. — Начало, на мой взгляд, неплохое.

— Раз комбат говорит, что начало неплохое, значит, так и есть. Думаю, не будем терять времени. Кто у тебя во второй группе идет?

— Рота старшего лейтенанта Чугунова и пулеметчики вместе со штабом батальона. Забираю с собой командира минометной роты лейтенанта Пономарева с ячейкой управления.

— Добро, но уместитесь ли на лодках?

— У нас же на всякий случай подготовлены плоты. Иначе не успеем — начнет светать.

Мы прошли к пулеметчикам.

— Барсюк? — узнал я офицера.

— Так точно, товарищ капитан, я.

Лейтенант приложил руку к головному убору, хотел доложить, но майор Кулябин остановил его:

— Не надо, лейтенант. Как настроение у людей?

— Боевое, товарищ майор! На такое дело идем! Каким же ему еще быть! Быстрее бы только!

— Ждать немного осталось, Василий Федотович. Минут через сорок — пятьдесят, если все благополучно будет в первой группе, тронемся и мы.

— Да вроде у них пока порядок, — кивнул лейтенант в сторону противоположного берега Вислы. — Молчат.

Пока трудно сказать, что там у них. Виден был лишь костер. Если там боевое охранение, то взять бы его тихонько.

Мы пошли дальше.

— Товарищ капитан, — спустя минут сорок вырос передо мной посыльный, — лодки возвратились. Погрузка произведена.

Обернулся к подходящему майору Кулябину:

— Мне пора, товарищ майор.

— Что, вернулись лодки?

— Да. Второй эшелон закончил погрузку.

— Все идет по плану, — медленно произнес Кулябин. — Желаю успеха, Александр Терентьевич. Я следом за тобой.

— Спасибо. Жду.

Минуты через три я сидел в лодке. Капитан Бухарин оттолкнул от берега посудину. Боец взмахнул веслами, и мы двинулись к середине реки.

Под дождевыми каплями пузырилась за бортом вода, слышно было, как рассекают ее соседние лодки, а с медленно наплывающего противоположного берега время от времени мигал зеленоватый огонек карманного фонарика. Там нас ждали.

Наконец причалили. Спрыгнул на песок. Боец-сигнальщик меня узнал, подбежал и доложил:

— Товарищ капитан, группа во главе с лейтенантом Елагиным ушла в сторону костра.

— Давно убыли?

— Сразу же, как высадились. По времени должны подходить к немцам.

Последние слова солдата заглушил треск автоматных очередей.

Грохот выстрелов пронесся над нами, эхом отозвался в пойме Вислы. И вновь тишина сомкнулась над нами. Все так же по листьям кустарника стучит дождь, ноги вязнут в мокром прибрежном песке. Вытираю ладонью мгновенно вспотевший лоб.

— Никак, на боевое охранение напоролись, — роняет капитан Пресняков.

Дождливую темень вновь вспарывают автоматные очереди, вслед за ними раздаются взрывы гранат. Жаль, но ничего не поделаешь — обнаружили себя. Теперь расчет на быстроту. Навязать

противнику свою волю — в этом сейчас залог успеха. Оборачиваюсь к адъютанту старшему батальона:

— Игорь Тарасович, бери людей — и на помощь к Елагину. Ни одному немцу не дайте уйти через старицу. Форсируйте ее. Пока фрицы будут разбираться, что к чему, нужно захватить плацдарм.

Капитан Пресняков побежал выполнять приказание. Стрельба в стороне боевого охранения врага разрасталась. Из Лесных Халуп в нашу сторону потянулись зигзаги ракет. Противник пытался уяснить, что происходит на острове. Однако за пеленой дождя мало что можно было разобрать. Тем временем лодки продолжали причаливать. С одной из них выскочил на песок старший лейтенант Николай Чугунов.

— Быстрее, ребята, быстрее, — послышался хрипловатый басок офицера.

Окликнул его. Николай Павлович подбежал.

— Группу повел Пресняков, — показал я рукой в сторону боя. — Догоняйте его. Я тут сам распоряжусь. Сколько людей осталось на том берегу?

— Третий взвод. — Чугунов, видимо, понял неконкретность своего ответа, добавил: — Восемнадцать человек.

— Как прибудут, сразу же их направлю к вам. Задачу на месте уточнит Пресняков.

Бойцы 6-й роты вместе с командиром исчезли в ночной темноте. Почти тут же к берегу подошел плот.

— Ко мне, товарищи!

— Вы, товарищ капитан? — узнал меня по голосу старший лейтенант Серпухин. С брюк и гимнастерки офицера ручьями стекала вода.

— Перевернулись, что ли?

— Нет. Не рассчитали нагрузки, — пояснил Петр Федорович.— Пришлось искупаться. Но добрались все, товарищ капитан.

Пока ставил командиру взвода задачу, в песок ткнулись посами другие лодки. От кромки воды донесся говорок командира взвода противотанковых ружей лейтенанта Петра Аушева:

— Патроны, патроны не утопите!

Вскоре появились и пулеметчики.

Здесь подразделения не задерживались. Разгружались и уходили в намеченном ранее направлении.

Оставив на берегу капитана Бухарина, я поспешил к Пресснякову. Стрельба, переместившись несколько правее, затихала. Перед нами внезапно возникли три человеческие фигуры. Впереди автоматчик, следом со связанными сзади руками пленный, за ним шагах в четырех еще наш боец. Поравнявшись со мной, автоматчик замедлил шаг:

— Товарищ капитан, фрица взяли. Младший лейтенант приказал доставить в штаб.

Оказывается, группа бойцов во главе с Волковым, обойдя боевое охранение противника, вышла на свободный от камыша берег

старицы. И тут нос к носу столкнулась с немцем. Гитлеровец, несмотря на дождь, разложил на прибрежном валуне мыло, зубную пасту и, по пояс голый, чистил зубы. Словом, на свою беду, аккуратистом оказался.

Остальное оказалось делом техники. Теперь бойцы, выполняя приказ командира взвода, конвоировали пленного. Так и предстал передо мной фриц — в одних штанах, с полотенцем на шее и с полнейшим недоумением на физиономии. Я решил тут же его допросить.

— Из какого полка? Какими силами обороняются Лесные Халупы?

Фашист стал длинно и путано говорить, то и дело повторяя слова «Гитлер капут». Переводчика же не было. Выручил один из конвоиров:

— Четыреста пятьдесят третьего пехотного полка, двести пятьдесят третьей пехотной дивизии, товарищ капитан. Вот его солдатская книжка.

— Ведите, — махнул я рукой, — пусть капитан Бухарин переправит в штаб полка. — И заторопился к месту затихшей схватки.

Метров через двадцать повстречал раненых. Небольшого росточка, перепачканный грязью, с перевязанной рукой боец поддерживал грузного, на голову выше его товарища. Ординарец остановил их:

— Что там, ребята?

— Да фрицы драпанули.

— Как драпанули? — вырвалось у меня.

— Кто остался жив, товарищ капитан! — узнал меня чернявый боец. — Через камыши рванули. Разве за ними угонишься!

Какая досада! Но сделать уже ничего было нельзя. Всполошили немцев. Со стороны Лесных Халуп застучали пулеметы. Вскоре к ним присоединился говор автоматов. Неподалеку от нас упало несколько осветительных мин. В кустарнике вспыхнул огонь, тускло осветив блестящие от дождя листья, мокрые лица бойцов. С запада донесся глухой рокот, и почти тут же послышался свист падающих на излете снарядов. Мы невольно пригнулись. Снаряды взорвались правее нас. С визгом над головами пролетели осколки. Второй залп угодил несколько левее и дальше. По разрывам нетрудно было догадаться: вели огонь батареи калибра 105 мм. Фашисты пока не нащупали нас, но уже забеспокоились. Опыт подсказывал, что вот-вот будем обнаружены. Стоит попасть в поле зрения немецких наблюдателей, как вражеские артиллеристы сосредоточат огонь в нужном квадрате. Профессиональной выучке немецких артиллеристов можно позавидовать.

— Броском! — крикнул ординарцу и сопровождающим автоматчикам.

Мы было поднялись для броска, но тут на поляну выбежали два бойца.

— Кто такие?

— Товарищ капитан! — подбежал запыхавшийся сержант. — Капитан Пресняков передал: первая группа форсировала старицу.

— Ясно, товарищ сержант. Сопроводите меня к Пресняко́ву.

— Слушаюсь.

Поискал глазами автоматчиков. Ближе других стоял командир отделения.

— Младший сержант, возьмите одного из подчиненных и—к капитану Бухарину. Передайте: пусть сразу же направляет прибывших к старице, не дожидается, когда переправятся все.

Младший сержант бросился выполнять приказания, а мы двинулись напрямик через пойменный луг. Дождь начал быстро стихать, но высокая трава хлестала по ногам, обдавая нас тучей брызг. Мокрое обмундирование липло к телу, кожу щипало. Воздух был вязким, каким-то плотным. Ракеты и костры от осветительных мин мерцали все́ тусклее и тусклее. Вначале я не понял, что происходит, но, когда вышли на берег старицы, увидел, что вслед за нами, со стороны Вислы, быстро ползет туман.

— Пулемет сюда, давай пулемет, — донесся до меня приглушенный голос.

— Товарищ капитан! — позвал сержант-связной. — Адъютант старший батальона здесь.

Обошел разлапистый ивовый куст. Группа пулеметчиков переправлялась через старицу. Нагруженные боеприпасами, держа в руках станковые пулеметы, бойцы продирались через камыши и затем по пояс в воде двигались к тому берегу. Капитан Пресняков напутствовал командира взвода:

— Барсюк, от Чугунова не отрывайся. Держи с ним локтевую связь. Буду переправляться следом. Дождусь только связного от комбата.

— Чего его ждать, Игорь Тарасович, я здесь.

Пресняков, шагнув ко мне, хотел было что-то сказать, но не успел. Послышался нарастающий визг, затем глухой удар, и визг словно захлебнулся в болотной жиже. Буквально в трех шагах от нас разорвался снаряд.

Осколки уже давно разлетелись, а мы как плюхнулись в грязь, так и лежали, не в силах оторваться от земли. Когда наконец вскочили, то пришлось счищать с себя жидкую грязь вперемешку с тиной. Но болотный запах успел «вцепиться» в мокрые гимнастерку и брюки.

— Фу, черт! — отплевывался рядом Пресняков. — Аж в рот дрянь попала.

— Наверно, шальной?

— Похоже, вроде бы фриц нас пока не засек.

После небольшой паузы Игорь Тарасович продолжил:

— Чуть было не сыграли в ящик. Кто-то из нас везучий.

— Возможно, — облегченно вздохнул я и перевел разговор на другое: — Так ты говоришь, Чугунов через старицу переправился?

— Только что. Пулеметчики переправляются.

— Это неплохо. Аушев с ротой Ковалева вот-вот будут здесь.

Последними форсируют минометчики. Их бы сразу дальше, но посмотрим, как сложатся дела.

Разговор прервал стук крупнокалиберного пулемета с левого фланга. Торопливо заахала, как будто кто тяжелым молотом вбивал гвозди, сдвоенная немецкая пушка.

— Никак, со стороны Доротки?

— Да, оттуда, Александр Терентьевич, — ответил адъютант старший.

— Этого еще не хватало! Кто же фрицев мог там потревожить?

— Полковые разведчики, — высказал догадку Пресняков. — Они туда загнули. Кому же еще там быть.

Пушка и пулемет все били и били, рассеивая по фронту и в глубину веер пуль и снарядов. Набирала силу ружейно-пулеметная стрельба и со стороны Лесных Халуп. Но пока она была бесприцельной: фашисты палили, скорее всего, для очистки совести.

Противник, естественно, уже знал, что мы высадились: об этом, несомненно, донесли оставшиеся в живых солдаты из боевого охранения. Но то, что мы так продвинулись, гитлеровцы вряд ли предполагали. Прибыло донесение от лейтенанта Елагина: находится в первой траншее.

Молодец замполит! Открывает путь к дальнейшим действиям. Ведь от занятой им траншеи не так уж далеко до обрыва.

— Людей к нему, Игорь Тарасович.

— К кому «к нему»? — переспросил Пресняков.

— К обрыву.

— Александр Терентьевич, разреши и мне туда. На месте осмотрюсь, людей подтяну.

— Это и хотел тебе предложить.

Пресняков обернулся к связистам с телефонными катушками кабеля за плечами:

— За мной!

Пресняков с группой управления и охраны штаба батальона скрылся в камышах. Позади метрах в пятидесяти послышалось чавканье болота под ногами людей, приглушенный голос команды. Шла новая группа.

Туман поднимался все выше и выше. Сырой и скользкий, неприятно холодил тело во влажной одежде. Но кажется, я никогда так не радовался плотной белесой пелене, как сейчас. Это «молоко» поможет нам скрытно преодолеть обрыв, который тревожил меня больше всего.

В ожидании подхода 5-й роты и взвода противотанковых ружей, за которыми были посланы автоматчики, стоял я на берегу старицы. Фашисты продолжали стегать вслепую по острову пулеметными очередями, пускать ракеты. «Только бы ребята раньше времени не обнаружили себя, — подумал я о Елагине и Малыгине. Затем мысли перекинулись к Ковалеву и Аушеву: — Что они там возятся? Неужели побыстрее нельзя?» От этих мыслей на какое-то время меня отвлек приближающийся шелест мин. Через не-

сколько секунд где-то за мной, ближе к реке, громыхнули взрывы. В это время словно из-под земли вырос командир 5-й роты.

— Ты, Ковалев?

— Так точно, товарищ капитан, я вместе с ротой.

— А Аушев?

— Аушев со мной.

— Давайте его сюда.

— Лейтенанта Аушева к командиру батальона! — послышались приглушенные голоса. «Аушева... батальона», — донеслось до меня.

— Капитана Бухарина не видел?

— Видел, — произнес Ковалев. — Хотел сюда с нами, но выгрузилась полковая рота противотанковых ружей, задержался с ней.

— А артиллеристы?

— Возятся пока на том берегу Вислы. Пробовали переправляться, противник накрыл огнем. Две пушки на дно пошли. Вот минометчики наши удачливее. Все переправились.

— Хорошо. Бери своих людей, через старицу — и к обрыву.

Прибыл командир минометной роты лейтенант Пономарев.

— Василий Дмитриевич, где подобрал огневую позицию для роты?

— Да пока тут неподалеку начали окапываться.

Конечно, великим соблазном было при передвижении иметь минометчиков под рукой. Но тогда, и это естественно, они свяжут наши действия. А главное — как быть с боеприпасами? По паре лотков на миномет можно прихватить, но не больше, а для боя этого хватит на каких-то двадцать минут, от силы на полчаса.

— Я рядом с вами буду, товарищ капитан, — продолжал Пономарев. — Связь с огневой налажу.

Я глянул на часы. Скоро начнет светать.

— Хорошо, так и действуй.

Лейтенант Пономарев послал связного в роту с приказом ускорить оборудование огневых позиций.

Пока я разговаривал с Пономаревым, подошел запыхавшийся — видимо, бежал — Аушев. Не теряя времени, мы двинулись через камыши. В окутавшем нас тумане благополучно перешли вброд старицу, перебрались через траншею и через полчаса были у подошвы обрыва. Вышли удачно. Как раз перед нами, хватаясь за торчащие кустики и выступы, по склону поднимались бойцы. Внизу я не нашел ни солдат из группы Елагина, ни самого замполита. Не было уже и Преснякова с его людьми.

Посыпались комья земли, и буквально к ногам скатился сверху боец. Оказалось, связной от Елагина. Елагин находился на обрыве и доносил, что наверху туман, а в окопах немецкие пехотинцы и что огонь ведут дежурные пулеметы да дзот с окраины Доротки. В дзоте несколько пулеметов, в том числе крупнокалиберные. Елагин также сообщал, что наверху находится 6-я рота и пулеметчики.

— Товарищ капитан, — вновь отыскал меня глазами солдат,— лейтенант Елагин спрашивает, можно ли продвигаться дальше.

— Передай Елагину — по общему сигналу.

«Не теряется замполит!» — с теплотой подумал я о Елагине.

Внизу больше делать было нечего, и мы поднялись на гребень обрыва. Теперь не требовалось большого труда, чтобы рассмотреть лежащее впереди жнивье, сложенные непривычным для нас образом снопы, хотя под ночным небом, в туманной дымке, все приняло несколько иные формы, потеряло четкость и резкость очертаний. Вражеские окопы, те, которые были ближе к нам, можно было еще кое-как разглядеть, а дальние лишь угадывались. Над полем возникали и исчезали огненные дуги — это вели огонь немецкие пулеметы.

Я немного постоял, разбираясь в обстановке. Лесные Халупы теперь были впереди и несколько правее нас. С левого фланга располагалась Доротка. Это подтверждали и трассы пулеметных очередей. Начал отдавать распоряжения. Два взвода пулеметной роты придал ротам для обеспечения флангов. Полковая группа разведчиков старшины Блохина выдвигалась на правый фланг. Разведчики получили задачу наведаться в Лесные Халупы и по возможности определить, какие сюрпризы могут преподнести нам гитлеровцы с этой стороны.

Все это время мне на глаза старался попасть лейтенант Аушев. Ему не терпелось получить команду на участие в общей атаке. Однако пришлось его разочаровать. Кто знает, как развернутся события? Да и как бы ни развернулись, фашисты обязательно постараются сделать все, чтобы сбросить нас в Вислу. Тогда-то и будет работа взводу противотанковых ружей.

— Обожди, Петр Павлович. Побудь в моем резерве, найдется твоим истребителям дело.

Но упрямый степняк по-прежнему топтался около меня, тяжело вздыхал.

В эту ночь природа работала на нас. Туман, перехлестнувший край обрыва, маскировал наши приготовления. В вязком, непрозрачном воздухе глохли звуки, вызванные неосторожными действиями готовящихся к бою людей.

Время бежало быстро. Роты и взводы заняли свои места, от командиров прибыли связные. Появился капитан Пресняков. Доложил о готовности рот к атаке.

— Пора, Игорь Тарасович.

Пресняков согласно кивнул. Мы вытащили ракетницы и почти одновременно нажали на спусковые крючки. Красный и зеленый огоньки вспыхнули в небе, а звук выстрелов утонул в очередях пулеметов противника. Командиры подразделений подняли людей в атаку. Общей цепи батальона нам не было видно, но, как двинулись вперед ячейки управлений рот, заметили.

— Пошли! — Голос Преснякова выдал его волнение. — Все ли только?

Как бы в ответ на его слова послышалась стрельба по всей ширине фронта нашей атаки. По боевому порядку батальона ударили фашистские пулеметы, а спустя минуту подали голоса артиллерийские и минометные батареи врага. Бой начал набирать силу. Меня беспокоила мысль: сумеют ли роты добежать до второй траншеи гитлеровцев? Тогда мы получали преимущество, заключающееся в том, что вражеская артиллерия, боясь зацепить своих, прекратит обстрел. К сожалению, произошло худшее: приблизительно на середине поля бойцам пришлось залечь под губительным огнем. Командиры рот просили огневой поддержки. Однако, кроме усиления огня нашей минометной роты, помочь им ничем не мог.

Оборона врага оказалась достаточно насыщенной огневыми средствами.

От командира полка прибыл связной. Майор Павлюк находился на острове с группой разведчиков и автоматчиков. Меня известие обрадовало. Отправил Валентину Евстафьевичу донесение о результате форсирования. Пока связисты тянули с НП в роты кабель, пошел в роту Ковалева.

Полную картину закончившейся схватки составить было трудно. Пелена тумана, затягивая землю, скрывала стерню, разбросанные взрывами снопы; на месте воронок туман казался более темным, темными буграми выделялись и тела погибших.

Хорошо разглядел я лишь одного немецкого офицера. Быть может, потому, что чуть не наступил на него, огибая обрушенные снопы (не позволяла крестьянская жилка топтать хлеб!). С зажатым в руке пистолетом скорчился он у окопа, из рваной раны еще сочилась кровь.

— Ляхова работа, — кивнул в сторону убитого подошедший Ковалев. — Лях впереди меня бежал. Немецкий станковый пулемет как врежет вон оттуда! — Ковалев показал вдоль окопа. — Слышу, кто-то из наших со стоном упал. Подкосил. «Ах ты, запуда!» — выхватил из-за пояса гранату Лях. Тут я обогнал его. Вижу ход сообщения, окоп. Фриц из пистолета целится в меня. Хочу остановиться, а не могу, бегу по инерции. «Вот твой и конец, Иван!» — подумал. Но кто-то свалился на немца, всадил ему штык между лопаток. Гляжу и глазам не верю: опять Лях.

— Представить к награде и за пулемет, и за спасение командира.

— Слушаюсь, представить.

Наших бойцов среди погибших, даже несмотря на артиллерийский и минометный обстрел, было мало. Этому способствовало то, что роте удалось сохранить внезапность при атаке.

Хотя немцы и заставили нас залечь, но чувствовали себя теперь неуверенно. Это было видно по излишней нервозности, с какой они на протяжении первого часа несколько раз и совсем без надобности открывали ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь. Этот бессистемный огонь был платой за страх, за то, что дали нам возможность зацепиться за берег Вислы.

Понимая, что враг вот-вот обрушится на нас, мы готовились

к обороне. Станковые и ручные пулеметы, противотанковые ружья ставили с таким расчетом, чтобы они огнем по возможности перекрывали друг друга. Наконец нашлось дело и для нетерпеливого командира взвода противотанковых ружей. Большую часть истребителей танков пришлось выдвинуть на танкоопасное направление — идущую из Лесных Халуп дорогу. Сведения о возможности появления танков принесли вернувшиеся от Лесных Халуп разведчики Блохина. Тут же полковые саперы Отпущенникова ставили мины. Пригодились нам и заранее подготовленные нештатные саперные отделения рот. Бойцы готовили основные и запасные огневые позиции. Связисты с группой солдат отрывали укрытие под батальонный наблюдательный пункт.

Мы торопились. Пока держался туман, он нас спасал. Немцы, видимо еще толком не разобравшись в обстановке, продолжали вымещать злобу на прибрежных камышах.

Так продолжалось часов до четырех. Начинался рассвет. Прибежал связной.

— Товарищ капитан, немцы накапливаются на восточной окраине Лесных Халуп.

В это время со стороны противника донесся звук орудийных залпов. Пролетевшие над нами снаряды вспороли землю где-то под обрывом. Второй залп лег ближе, третий накрыл участок траншеи. Зацепило кого или нет? Взрывом снаряда порвало кабель, повредило аппараты. А как необходима сейчас была связь с ротами! Связисты возились с аппаратом, но у них пока не ладилось. Я от нетерпения и тревоги не находил себе места. Наконец кто-то радостно закричал: «Есть связь!» Меня соединили с Ковалевым.

— Как там у тебя?

— Пока нормально, жду «гостей». Вот-вот пожалуют. Встречу как подобает.

— Подпускай ближе, заранее себя не обнаруживай. Понял меня?

— Так точно, понял. Подпустить и кинжальным огнем уничтожить.

— Соседей тоже предупреди, особенно пулеметчиков. С ними и с Чугуновым пока связи нет.

— Сейчас предупрежу.

— Давай, Иван Архипович, действуй!

Но как ни ожидали противника, он все же появился как-то внезапно. В сереющем воздухе обрисовалась плотная цепь. Бойцы в первое мгновение даже растерялись: так близко оказался враг, — но приказ помнили твердо, без общей команды огня не открывали. Немцы приблизились. Тогда и резанули длинные очереди пулеметов и автоматов, брызнули огнем винтовки. Хлесткий прицельный огонь разрубил немецкую цепь на куски, но не остановил ее. Фашисты продолжали бежать навстречу ливню пуль, петляли, падали, словно натыкались на невидимые препятствия. И только перед самой траншеей начали поворачивать, отходить. Однако мало кому удалось уйти; разве что раненые сумели уползти под покровом тумана.

Подошел лейтенант Елагин:

— Почин сделан, Александр Терентьевич.

— И неплохой, по-моему, почин-то!

— Куда уж лучше, — кивнул Иван Иванович в сторону, откуда перед этим появилась немецкая цепь.

Туман на глазах рассеивался, и сквозь истончающуюся белесую пелену вся яснее проступали темные пятна. Гуще всего усеивали они землю перед участком 5-й роты, куда было нацелено острие контратаки противника. Постепенно пятна принимали очертания человеческих фигур.

— Порядком положили, — вздохнул Иван Иванович.

Елагин любил жизнь и всем сердцем ненавидел смерть, как только может ее ненавидеть здоровый и добрый человек.

— Вот и пришли, — послышался чей-то голос.

Мы оглянулись. К нам спешили майор Кулябин и командир роты связи старший лейтенант Ландаков. Рядом с ним бежал с катушками за плечами сержант, а немного левее — еще два бойца.

— Откуда, Михаил Григорьевич? — спросил я Ландакова.

— Все мы оттуда, товарищ капитан, — улыбчиво ответил Ландаков. — Теперь уже с левого берега. Майор Модин говорит: не возвращайся, пока не будет проводной связи Алтунина с командиром полка.

Майор Павлюк с разведчиками, саперным взводом и ротой ПТР полка после переправы перебрался к подножию обрыва.

Ландаков повернулся к сержанту:

— Дыжин, установить аппарат комбату!

Оказалось, Ландаков установил связь с командиром полка и прямо от него прибыл к нам.

— Как там, у Павлюка? — не удержался я от вопроса.

— Нормально, — еще больше заулыбался Ландаков. — Остальные батальоны вот-вот должны подойти. Вот вы тут кашу заварили, это да! Только и слышно по телефонам: Алтунин, Алтунин, Алтунин... Интересуется дивизия, корпус, армия. Дела-а-а! Начальник штаба не знает, как от звонков отбиться. Ночью донесли: плацдарм захвачен, а что дальше, продвинулись или отошли?! Нам не видно. Связи нет. Начальство торопит.

— Товарищ капитан, — прервал наш разговор сержант Дыжин, — вас к телефону.

— Кто?

— Незнакомый девичий голос. Требует вас лично.

Я взял трубку:

— Слушаю, Алтунин.

— Будете говорить с Первым.

— Алтунин? — спросил далекий глуховатый голос.

— Да, я слушаю вас.

— Говорит Донсков. Где находишься?

— За «Синенькой». (Такое кодовое название имела Висла.)

— Повтори.

— За «Синенькой».

— Давно?

— С ночи.

— Спасибо тебе, капитан. Держись. Жарко сегодня придется. Выдюжи. Во что бы то ни стало выдюжи, Алтунин. Мы здесь все сделаем, чтобы тебя поддержать.

Командир корпуса помолчал и тепло продолжил:

— Молодец! Передай людям мою благодарность. Продержитесь нынче — будете героями. Верю в тебя и твоих ребят. Так людям и передай. Надеюсь на вас, брянцы. Порадовали сегодня меня. До встречи за «Синенькой».

Семен Иванович положил трубку, но почти тут же в телефоне раздался голос командира полка:

— Слышал, Алтунин, твой разговор. Понимаешь, какое значение нам придают? Как там у тебя?

— Приводим себя в порядок, закрепляемся. Скоро ли обещанное подойдет?

Я имел в виду приданные батальону противотанковые батареи и артдивизион.

— Пока за «Синенькой», — ответил майор. — Трудно доставить. Часть твоих лодок пошла ко дну. Обещали подбросить саперов. Пока их нет. Придется обходиться наличными силами.

Голос Павлюка исчез в грохоте разрывов снарядов. Немцы начали новый обстрел. С каждой минутой он усиливался, в артподготовку включились 81-мм батареи, потом заскрежетали тяжелые шестиствольные минометы. Надсадные, утробные звуки поплыли над плацдармом, мелко задрожала земля, припимая в себя раскаленный металл.

Кулябин вместе с батальоном проходил все круги ада. Грунт на глазах обваливался, стекал, как вода, по степам окопов. Бойцы замучились, выкидывая землю из ячеек наблюдательного пункта. Майор Кулябин подбадривал меня:

— Ничего, ничего, комбат, выдюжим. Мужики мы двужильные. Да и помирать нам рано. Много еще не сделали. Ты с ротами, с ротами связь держи.

Большой осколок снаряда шмякнулся у наших ног и зашипел в лужице дождевой воды. Лейтенант Елагин наступил на него, вдавил в грязь, посмотрел на меня:

— Александр Терентьевич, я к Чугунову.

— Осторожнее, не зацепило бы. Может, переждешь?

— Чему быть, того не миновать. Туман совсем поредел, после труднее будет добраться. Немцы на Ковалеве обломали зубы, теперь наверняка попрут на шестую роту.

— Ну что ж, иди. Да возьми автоматчика с собой на всякий случай.

Я кивнул находившемуся рядом бойцу из штабной охраны. Пригибаясь, Иван Иванович вместе с солдатом побежали на фланг обороны батальона. Но недалеко от нас упали, словно утонули в последних лохмотьях тумана, и тут же позади них плеснуло пламя разрыва. Осколки с визгом просвистели над нами. Бросил тревож-

ный взгляд на место, где залегли замполит с бойцом. Подождал, пока поднимутся, и только потом обернулся к стоявшему рядом Ландакову:

— Ну вот, Михаил Григорьевич, теперь убедишься, куда мы дошли и чем занимаемся. Наверно, отвык в штабе полка-то от этого, — кивнул на приближающийся свист снаряда. — Или вернешься к Модину?

— Ну что вы, какое там отвык! Частенько на передовой приходится бывать. Возвращаться же пока не думаю. Надеюсь, не буду лишним у вас?

— Конечно нет! Будем только рады.

Зазвонил телефон: из рот докладывали о выдвижении противника. Почти тут же до нас донесся рокот двигателей.

— Никак, танки? — прислушался к гулу Пресняков. — По-серьезному решили взяться за нас фрицы.

— Похоже, что они. По-серьезному или нет, но думаю, что и раньше противник не в бирюльки играл.

Пресняков с удивлением посмотрел на меня. Поняв, что сказал не то, смутился, но оправдываться не стал, подошел к сколоченному на скорую руку столу, на котором лежала вычерченная в карандаше карта батальонного района обороны.

Фашистские снаряды и мины внахлест продолжали рваться по всей глубине захваченного нами участка. Среди бойцов появились убитые и раненые, особенно пострадали те, кого обстрел застал на открытой местности. В ротах вышло из строя несколько пулеметов, противотанковых ружей, у связистов разбило радиостанцию.

Кончилась артподготовка массированным залпом гаубиц и тяжелых минометов. В наступившей тишине теперь все отчетливее слышался гул двигателей.

— Пора и мне к людям, — обернулся ко мне Кулябин. — Буду у пулеметчиков.

Николай Афанасьевич решительно шагнул к ходу сообщения. Я кивнул автоматчикам, и те заспешили вслед за Кулябиным.

Поднес к глазам бинокль. Оптика резко сократила расстояние. Лесные Халупы перестали казаться общим нагромождением построек. В объективе резко обозначились строения. Многие дома — с островерхими черепичными крышами. Рядом с крытыми соломой хатами и сараями в черных потеках они казались красавцами. Переместил объективы ближе, надеясь увидеть танки. Но их пока не было. Шла одна пехота. Это меня несколько удивило. Вновь перевел взгляд на восточную окраину населенного пункта и тут увидел, как из-за сарая, где дорога делала крутой поворот, выползает самоходка. Почти следом показался тупой ствол второго орудия. «Вот оно что, — мелькнуло в голове. — Значит, самоходки. — И тут же подумалось: — Хрен редьки не слаще. Если немцы заранее подготовили для них позиции, они покажут нам, где раки зимуют».

Мое опасение оправдалось. «Фердинанды» заняли огневые позиции и открыли огонь по нашему переднему краю. Снаряды разворачивали пулеметные площадки, ячейки для стрельбы, сносили зем-

ляные брустверы. Посмотрел на лейтенанта Пономарева — вряд ли минометчики могли чем-либо помочь. Но тут вмешалась наша полковая артиллерийская батарея, успевшая занять позиции на левом берегу Вислы. Снаряды шумно пронеслись над нами и начали рваться перед самыми самоходками. Пушкари вели огонь на предельной дальности, поэтому особого урона пока наши орудия врагу не приносили. Когда же снаряд попал в одну из самоходок и взрывом собственного боезапаса ее разнесло, «фердинанды» на время прекратили огонь.

Тем временем фашистская пехота все ближе и ближе подходила к нашему переднему краю. На этот раз немцы явно нацелились на центр нашей обороны. Стянули сюда автоматчиков и пулеметные расчеты. Я старался разобраться в замысле противника. Пришла догадка. На стыке рот небольшая высотка с пологими скатами. Высотка господствует над окружающей местностью. С нее хорошо простреливается большая часть обороны батальона. Овладеть ею — значит не только рассечь роты, но и получить возможность контролировать наши тылы. Стало ясно — немцы окончательно разобрались в обстановке. Недаром целят именно сюда. Соединившись с Чугуновым, предупредил его.

— Принял уже меры, товарищ капитан. Фрицам высоты не видать.

— Какие меры?

— Со стороны немцев высотка языком спускается в лощину. Они, видимо, хотят, отвлекая нас на флангах, подобраться по этому овражку. Мы же, сосредоточив огонь на флангах, загоним сюда, по возможности, их всех. Заставим выйти на язык — тут и встретим. С правой стороны ротные пулеметчики, с левой — станкачи.

План был прост и, на мой взгляд, обеспечивал выполнение боевой задачи. Я пообещал Чугунову помочь минометным огнем, лейтенант Пономарев успел произвести пристрелку. Но, как нередко бывает в бою, обстановка неожиданно резко изменилась. От высоты, расположенной северо-восточнее Лесных Халуп и помеченной на картах и схемах 131,4, поддерживаемые двумя танками, появились фашистские автоматчики. Враг начал обтекать правый фланг роты Ковалева. «Не растеряется ли Иван Архипович? — мелькнула мысль. — Еще начнет снимать с левого фланга силы. Фашисты только этого и ждут». Попросил связиста соединить меня с ним. Трубку взял командир взвода.

— Где командир роты?

— В траншее.

— Ясно. Передай ему: левый фланг не оголять. Мы сейчас поможем огоньком. И пусть не мечется тараканом по обороне — наблюдал в бинокль.

В трубке что-то затрещало и стало тихо. Напрасно я продолжал звать: «Алло, алло...» Телефонисты, подхватив запасные аппарат и катушку, побежали на линию.

Я обратился к Пономареву:

— Сможешь накрыть фрицев?

— Конечно, смогу.

— Тогда давай, действуй!

— По пехоте... заряд... беглым — огонь!

— Ты что, сразу на поражение?

Пономарев удивленно посмотрел на меня.

— Василий Дмитриевич, да я войну начал с минометной роты. Кое-какие азы постиг, хотя и немного командовал.

Еле заметная улыбка тронула его обветренные губы. Командир минометной роты с уверенностью в голосе произнес:

— Доворот небольшой, накрою.

— Ну-ну, смотри.

Почти одновременно мы вскинули к глазам бинокли. Залп растворился в грохоте боя, однако разрывы были видны отчетливо. Серия мин легла между первой и второй волнами гитлеровцев. Пономарев внес поправки. Второй залп точно накрыл набежавшую фашистскую цепь...

— Вот, стервецы, дают! — не удержался капитан Пресняков. — Молодчаги! Снайперы они у тебя, Пономарев!

— Стараемся! — скромничал Василий Дмитриевич, продолжая корректировать огонь. Немцы бросились вперед, стараясь выйти из-под минометного обстрела, но вновь попали под шквал разрывов.

— Так их, так! — не выдержал кто-то из наблюдателей.

Словно услышав это восклицание, по противнику ударили ротные пулеметы и автоматы разведчиков. Передняя волна наступающих не выдержала и залегла метрах в ста пятидесяти от изгибов нашей траншеи. Вторая сделала то же. Пулеметчики, стрелки, снайперы теперь били уползавших под защиту брони «фердинандов» немецких пехотинцев.

Увлекшись правым флангом, я на какое-то время выпустил из виду события, происходящие в центре. Немецкая пехота, как и обещал Чугунов, оказалась под перекрестным огнем станковых и ручных пулеметов. Но, неся потери, фашисты упорно лезли вперед. Они настолько были уверены в своем успехе, что даже, когда их осталось не больше взвода, бросились на штурм высотки. Тут-то и поставило окончательный крест на их замысле рассечь нашу оборону отделение сержанта Заточного, закрепившееся на высотке. Бойцы встретили врага плотным огнем.

Не успели стихнуть выстрелы этой атаки, как противник открыл по обороне батальона новый мощный артиллерийский огонь. Прилетели «юнкерсы», и мы приняли на себя сильнейший бомбовый удар. Затем немцы вновь пошли в атаку. И так на протяжении дня: артналеты сменялись ударами авиации, бомбовые удары — атаками, и опять все сначала. Кипела вода в кожухах «максимов», раскалились автоматные стволы.

— Держаться!

В каких только вариантах не довелось услышать этот призыв в первый день захвата плацдарма. «Стоять!» — повторяли стрелки, пулеметчики, петеэровцы. «Ни шагу назад!» — приказывали ко-

мандиры. «За Вислой нам земли нет!» — призывали коммунисты. Все, от солдата до командира, жили одним — выстоять, выдержать.

В полдень к реке вышел артдивизион майора Валентина Березы. Я хорошо знал майора. Это был храбрый, до глубины сердца влюбленный в артиллерию, неунывающего характера человек.

Под стать Валентину Петровичу были командиры батарей Иван Макаренко, Иван Киселев, Иван Болденко. Три Ивана. О них ходили в полку, да и в дивизии, разные истории со счастливыми концами. Какой-то шутник однажды выразился: «Раз Иваны пришли, фрицам делать нечего». Шутка возьми да и приживись, обрастая разными былями и небылицами из их фронтовой жизни. Они же, эти скромные ребята, в ответ на расспросы лишь отвечали улыбаясь: «На Иванах да на Петрах вся Россия держится, а мы — из них». Словом, широкой дорогой шла слава об их мастерстве, дерзости, решительности в критической ситуации боев.

С нашего НП видно было, как, развернувшись, артиллеристы с ходу вступили в дуэль с находившейся сзади Лесных Халуп немецкой артбатареей, принесшей немало хлопот нам на плацдарме, топившей на Висле плоты с боеприпасами, и накрыли ее. Но больше сделать пока ничего не смогли: другие батареи противника оказались вне досягаемости огня нашей артиллерии.

Часов в четырнадцать была восстановлена связь с правым берегом. Сквозь треск разрывов разобрал голос Абашева: «Дивизия, корпус и армия поздравляют с захватом плацдарма. Передай благодарность бойцам и командирам. Держись, Алтунин, почью...» Трубка вдруг вновь замолчала. Старший лейтенант Михаил Ландаков с тревогой глянул на меня.

— Порыв! — Ландаков в сердцах заскрипел зубами.

— Порыв, будь он неладен, Миша. Что еще может быть, раз мы целы.

Ландаков перевел взгляд на стоявшего рядом сержанта Николая Дыжина. И они поняли друг друга: захватив катушку кабеля, побежали к реке. И тут же дорогу им перекрыл пулеметный огонь.

Очередь брызнула почти у самых ног связистов. Оба упали. Неприятный холодок обдал сердце: все, конец ребятам. Но вдруг Ландаков с Дыжиным вскочили и одним махом скатились в находившуюся рядом воронку. «Нет, нас сразу не возьмешь, — мелькнуло в голове. — Шалишь, фриц! Не зря же мы сотни километров оттопали. Кое-чему научились».

Выждав, когда стрельба поутихла, Ландаков рывком выбросился из воронки и так же стремительно скрылся в другой. Вслед за ним эту же операцию проделал сержант. Так, то исчезая, то вновь появляясь, они приближались к берегу. Один контролировал провод, другой тащил катушку.

На сердце неспокойно. Во время последней немецкой контратаки к концу подошел боезапас. На автомат по полмагазина, на пулемет по десятку-другому и на винтовку по пятку патронов осталось. Гра-

нат — по одной на каждого третьего. В моем ППШ пустой диск и семь патронов в пистолете.

Несколько человек уже были посланы за боеприпасами на правый берег Вислы. Некоторым из них удалось туда добраться. Видно было, как от противоположного берега отходят груженные ящиками плоты. Но тут же по ним сосредоточивала огонь немецкая артиллерия — взметались столбы воды, взлетали вверх бревна. Гибли люди, шли на дно нужные до зарезу патроны и гранаты.

Фашистами был пристрелян каждый квадратный метр речной глади. В боеприпасах они недостатка не имели, открывали интенсивный огонь даже по отдельным бойцам, пытавшимся достичь нашего берега, не говоря уже о плотах. Подки, как только начал рассеиваться туман, были потоплены.

И вот сейчас, в этой нелегкой для нас ситуации, противник готовился к очередной атаке — шестой по счету. Нужно было ее выдержать. С Бухариным, Пресняковым, Елагиным ломали голову, как лучше отразить натиск врага, прикидывали и так и эдак, но вопрос все время упирался в нехватку боеприпасов.

— Что, если сделаем так: распределим поровну боеприпасы, подпустим фашистов, ударим залпом и — врукопашную?!

— Пожалуй, это выход, — поддержал меня Бухарин. — Наш удар явится для фрицев неожиданностью. А это как раз сейчас и нужно.

— Задумка хорошая, — подал голос склонившийся над картой Пресняков. — Погибать — так с музыкой!

— Тоже сказанул, погибать, — встрепенулся Елагин. — Чего раньше времени себя хоронить. Наша задача выжить, плацдарм удержать. А ты — умереть с музыкой. Экая невидаль...

Решение командир полка одобрил. Он выделил в мое распоряжение свой наличный резерв — несколько человек автоматчиков и разведчиков.

С тяжелым сердцем шел я к людям. Понимал: измотанные прошедшими схватками, они ждут боеприпасов, пополнения, а тут... Но иного выбора не было, как ни горько это сознавать. Это тот случай, когда не ты создаешь обстоятельства, а они диктуют тебе свою волю.

На перекрестке свежей, но уже перепаханной разрывами траншеи с ходами сообщения (роты уже успели зарыться в землю, частично приспособив для себя траншеи и окопы противника) увидел группу бойцов. Расположившись на дне укрытия, они в ожидании смотрели на стоявшего в кругу сержанта с каской в руках.

Саварин — узнал я младшего командира. Мне нравился этот среднего роста, худощавый, рассудительный, с хозяйственной жилкой человек.

— Что у вас тут происходит, Степан Ильич?

Сержант обернулся. По его уставшему, посеревшему лицу скользнула добрая улыбка.

— Патроны делим, товарищ капитан. Чтобы, значит, по-братски, поровну каждому.

— Ну и как?

— По пятку и то не выходит, — вздохнул Саварин. — Мы уж тут все обшарили. Плохо.

— Да куда уж хуже, — подошел я ближе.

Бойцы смотрели на меня, ожидая ответа на мучивший каждого из нас вопрос о боеприпасах. Но видимо, мой вид был красноречивее любых слов.

— Да мы, товарищ капитан, понимаем, — не выдержал маленького роста с перебинтованным плечом солдат. — Видим, как фрицы лупят по Висле, хотя и нас не забывают. Как чирей на видном месте мы у них: хочется сковырнуть, а больно. Вот они и бесятся, в печенку их душу.

— И хочется, и колется, — пошутил в ответ на его слова сосед. — А мы вроде той родительницы, что не велит.

— Обедали? — поинтересовался я у бойцов.

— Перекусили немного, — отозвался раненый. — Сухого пайка навалом. Нам бы патрончиков, товарищ капитан.

— Опять за свое! — одернул подчиненного Саварин. — Понимать должен. Вот дождемся вечера, тогда и получим.

— Командир роты! — произнес кто-то из бойцов.

По траншее к нам спешил старший лейтенант Ковалев в сопровождении автоматчика. Видимо, его предупредили о моем приходе. Как обычно аккуратный, собранный, он и на этот раз был выбрит, из-под ворота гимнастерки выглядывала белая полоска подворотничка. Подошел, приложил руку к каске, начал докладывать.

— Не нужно, Иван Архипович, — остановил его. — Как настроение?

— В норме, товарищ капитан. — Ковалев снял каску, взъерошил слипшиеся от пота и пыли волосы. — Бьем немцев. Назад отходить не думаем. Не за тем брали плацдарм, чтобы возвращать его врагу. Потери большие, боеприпасы кончаются. Ну да ничего, не впервой, выдержим.

— Спасибо за откровенность. Я вот зачем к вам прибыл. Немцы накапливаются для новой контратаки. Принял решение встретить их залповым огнем и врукопашную.

Я выжидающе смотрел на Ковалева и только тут заметил, как осунулся за последние сутки Иван Архипович. «Да, здорово тебя скрутило», — подумал я, глядя на товарища.

— Согласен с вами, — прервал мои мысли Ковалев. — Только желательно, товарищ капитан, крику, гаму побольше. Пусть думают, что к нам подкрепление подошло.

— Это уже будет зависеть от вас, Иван Архипович, как людей настроите.

— Как, товарищи? — повернулся Ковалев к бойцам. — Крикнем, чтоб не то что фрицам — чертям тошно стало?

— За нами не станет, гаркнем, — ответил за всех Саварин. — Один Квасов что стоит. Бас — как у дьякона.

— Будет вам, товарищ сержант, — махнул рукой худощавый с

разорванным рукавом боец. — Какой крикун из меня! Скажете тоже!

Солдаты прыснули от смеха.

— Ладно, товарищи, мне еще нужно побывать у Чугунова. А ты, Иван Архипович, собери командиров взводов, познакомь с нашей задумкой.

— Слушаюсь. Я уже и сам об этом подумал, товарищ капитан.

Старшего лейтенанта Чугунова вместе с командирами взводов я нашел в большой воронке. Вернее, это была уже не воронка, а что-то похожее на блиндаж. Солдаты придали рваным краям вертикальную форму, выровняли и выстлали травой дно, даже успели положить сверху несколько жердей. И откуда только их раздобыли? Словом, как могли в наших условиях, оборудовали НП командира роты.

Николай Павлович давал указания офицерам по дооборудованию позиций взводов, взаимодействию на случай отражения контратаки противника. При моем появлении встал, поднялись и офицеры.

— Сидите, сидите, товарищи.

Опустившись на трофейный ящик из-под снарядов, окинул взглядом «жилище».

— Да, вы неплохо устроились, Николай Павлович.

— Немцы помогли. Одна из бомб угодила сюда. Остальное же, как говорится, — дело солдатской смекалки.

Командир роты замолчал и вопрошающе на меня посмотрел.

— Боеприпасов пока нет, — развел я руками. — Сами, наверно, видите, как немцы на дно плоты отправляют. Нужно обходиться наличными, хотя их кот наплакал.

Офицеры понимающе закивали. Объяснил им, чего следует в ближайшее время ждать от врага.

— То-то фрицы за последний час присмирели, — задумчиво обронил Чугунов. — Я уж подумал: к чему это? Полосовали, полосовали из всех видов оружия и вдруг поутихли. Не иначе как что-то замышляют. На всякий случай вот собрал командиров взводов, предупредил, да еще раз обговорили нерешенные вопросы.

Замысел ответной контратаки офицерам роты пришелся по душе. Да это и понятно. Не слишком много оставалось у нас шансов сдержать врага, хотя надеялись на благополучный исход. В нашем распоряжении, кроме яростного желания победить и солдатской смекалки, почти ничего другого для удержания плацдарма не было.

Затем я заглянул к полковым разведчикам, прикрывавшим фланг батальона. Командир взвода Петр Блохин ставил подчиненным задачу на случай отражения атаки противника. Вид у разведчиков был бравый. За спинами немецкие автоматы, из-под ремней торчали вражеские гранаты с длинными ручками, а из сапог — набитые патронами рожки. Картину дополняли ременные чехлы с короткими рукоятками ножей.

— Ну и арсенал! — покачал я головой. — Где только вы его собирали?

— Как где, товарищ капитан! — удивился такой недогадливости младший сержант Слепченко. — Позаимствовали у противника. Бьем врага, так сказать, его же оружием.

— Бьем, товарищ капитан,— улыбнулся старшина.— Порядком уже уложили фрицев.

— Спасибо. На вас я надеюсь как на самого себя.

Достал папиросы, угостил старшину и ребят. Затянувшись дымком, полюбопытствовал:

— А где свое оружие-то?

— В блиндаже,— глазом не моргнув, выпалил Слепченко.— Кончились патроны у ППШ. Пришлось оставить, а этим на время вооружиться. Фрицы утром драпали и бросили несколько автоматов с полным боекомплектом. Мы их приберегли на черный день.

На вопрос о настроении Блохин, улыбаясь, ответил:

— Как всегда, отличное. — И, чуть помедлив, добавил:— Быстрее бы, товарищ капитан, в Лесные Халупы ворваться, расширить плацдарм. Уж больно фашист зверствует на нашем пятачке.

— Возьмем и Лесные Халупы. Пока же пришел поговорить с вами об отражении очередной атаки.

Рассказал разведчикам о принятом решении.

— Ясно, товарищ капитан! — произнес старшина. — Всегда готовы дать по зубам фрицам. Сложа руки сидеть не привыкли!

— Готовьтесь к отражению противника. И по общему сигналу рывком вперед. Конкретную задачу получите немного позже.

После разговора с товарищами у меня у самого поднялось настроение. Вопрос о том, удержим ли мы плацдарм, даже не возникал. Наоборот, люди мечтали о его расширении.

Недавно я вновь пережил чувство гордости за своих боевых друзей, читая извлеченные из архивов страницы приказов о награждении. Младшие сержанты Георгий Москалев, Владимир Слепченко, рядовые Михаил Малков, Иван Мишин и другие за форсирование Вислы были удостоены ордена Красного Знамени.

Минут через пятнадцать после моего возвращения на НП собрались командиры рот.

Так как общую обстановку офицеры знали хорошо, я более подробно остановился на предполагаемом направлении атаки противника, возможных вариантах его ударов, наших ответных действиях, сообщил сигналы.

Но тут немцы начали обстрел. С воем и грохотом стали лопаться снаряды. Земля задрожала, заходила, посыпалась со стен и брустверов внутрь окопа. С противоположного берега ответили наши батареи. Над головами прошла первая партия «гостинцев» фашистам.

— По местам, товарищи! Наблюдайте за сигналами.

Налет длился минут пятнадцать. Фашисты то сужали, то расширяли границы обстрела по фронту и в глубину. Последний залп нанесли из шестиствольных минометов. Однако и он не принес нам

больших потерь. Личный состав стрелковых рот, минометчики, пегеэровцы были укрыты в щелях, траншеях и ходах сообщения.

В наступившей тишине остро ударил в нос удушливый запах тротила. Выглянул из окопа. Развороченная взрывами земля дымилась, курился искалеченный минами и снарядами кустарник.

— Сейчас пожалуют, — произнес рядом капитан Пресняков. — Мы тут наблюдали за немцами. Только за последние полчаса перед артналетом насчитали около двухсот душ. Серьезное будет дело.

Как бы в подтверждение этих слов, из кустарника, росшего несколько выше дороги, показалась густая цепь фрицев, за ней — вторая. Они шли с засученными рукавами, паля из автоматов, ручных пулеметов, винтовок впереди себя.

— Во дают! — не выдержал Пресняков. — Белены, что ли, объелись, психи?

Немцы все ближе и ближе. В бинокль хорошо видны лица: немолодые, утомленные, какие-то безлико-серые, совсем не те лоснящиеся физиономии, молодые и нахальные, которые доводилось видеть в подобных ситуациях раньше. В атаку шли люди пожилых возрастов — очевидно, из последней тотальной мобилизации.

Бросаю взгляд на боевые порядки рот и замечаю, как в обвалившихся, разбитых траншеях и ходах сообщения, стряхивая землю и пыль — следы артиллерийско-минометного налета, — поднимаются бойцы. В просвете траншеи показался Чугунов, рывком кинулся к выносной пулеметной ячейке и скрылся в ней. Но почти тут же его каска вновь попала в поле зрения бинокля. Рядом с ней вскоре замаячила вторая. Солдат поставил на бруствер пулемет, начал протирать ленту. Патронов, я знал, было всего десяток-полтора, не больше. Боец недовольно морщился. Чугунов что-то озабоченно говорил ему, показывая рукой то влево, то вправо. Наконец закончил, хлопнул пулеметчика по плечу и побежал вдоль траншеи на фланг роты.

Чуть довернул бинокль. В объективах появилось распластанное за бруствером траншеи неподвижное тело. «Кто?» — пробежал холодок по сердцу. Офицер?! Ну да, он. Портупея, пистолет на широком ремне, хромовые сапоги. Левая рука как-то неестественно подвернута под бок, правая вытянута вдоль туловища. «Убит!» — обожгла мысль. Но вдруг он зашевелился, приподнял голову. Младший лейтенант Карп Варивода. Жив!

До плеча кто-то дотронулся.

— Не пора, товарищ капитан? — вопросительно произнес адъютант старший батальона.

— Рано. Как до яблони со срубленной макушкой дойдут, тогда и ударим.

Фашисты продолжали приближаться, все более туго закручивая в каждом из нас пружину первого напряжения. Шаг, еще шаг, еще... Видно было, как сзади первой немецкой цепи что-то кричит, показывая стеком то в одну, то в другую сторону, прихрамывающий офицер.

Наши роты молчали. Но вот фашисты перешагнули намеченный мною рубеж. Нажимая на курок ракетницы, во всю силу легких

кричу: «Огонь!» То же делают Бухарин и Пресняков. Вверх взлетают ракеты. Небольшая пауза — и дружный залп, за ним — второй, третий... Еще не замолкли короткие очереди пулеметов, как десятки голосов по всей батальонной цепи на разные оттенки повторили: «В атаку, вперед!»

Краем глаза успеваю заметить, как дрогнула, стала распадаться вражеская цепь. Словно какая-то неведомая сила то в одном, то в другом месте выхватывает из нее людей. Однако остальные продолжают идти вперед, хотя ровная строчка передней цепи уже сломалась.

Немцы шли, падали, скучивались в группы. Словно обо что-то споткнувшись, зашатался офицер со стеком и ничком ткнулся в землю, да так и остался лежать.

Переношу взгляд на боевой порядок батальона. Бойцы бегут навстречу противнику. Азарт атаки захватил всех. По себе знаю, что это такое. Стремишься навстречу противнику, обуреваемый одним-единственным желанием — убить врага. Донесся все усиливающийся, знакомый каждому фронтовику клич «ура».

Охваченные общими чувствами, встали с начальником штаба и мы. Тем временем цепь накатилась на противника подобно морской волне, встретилась с ним, замедлила свое движение и перекатилась через него, оставляя после себя корчащиеся хрипящие фигуры.

Роты гнали врага. С ходу врезались во вторую волну фашистов. Вновь началась рукопашная. Подбегая к месту схватки, успел заметить, как орудовали прикладами и ножами разведчики. Быстрые, ловкие, они дрались молча, как привыкли действовать в тылу врага. Стрелки работали с криком, слышались крепкие выражения.

Мы били фашистов прикладами, гранатами, лопатами — чем только могли, что попадалось под руку. За считанные минуты перемахнули пространство, отделявшее нас от кустарника, где перед боем скапливалась вражеская пехота, спустились к дороге, вернее, к широкой утоптанной тропе, проходящей перед деревней. Уже показались первые дома Лесных Халуп. «Отрежут от берега», — обожгла внезапно мой мозг мысль. Невольно задержал бег и во всю силу легких закричал:

— Стой! Назад! Назад!

Командиры продублировали команду, но люди по инерции еще продолжали бежать. Из Лесных Халуп застучали пулеметы. «Ложись! — раздались голоса по всей цепи. — Ложись!»

Я упал около вывернутой с корнем молоденькой яблони. Рядом распластался Пресняков и непонимающе уставился на меня. С его губ сорвалось:

— Халупы рядом, чего мы тут, как на пупу, разлеглись, товарищ капитан?!

— Игорь Тарасович, немцы могут отсечь от Вислы. Будут тебе тогда Халупы. Мы и так в мешке. Понимаешь, в мешке! Нужно отходить, пока фашисты не разобрались. Выводить людей! Подавай сигнал.

Вверх взметнулись две красные ракеты.

Роты, оставляя огневое прикрытие, стали бросками отходить. И вовремя. По только что оставленным кустам и деревьям над дорогой ударили шестиствольные минометные батареи врага. Затем противник постарался отрезать нас от берега. Но опоздал. Бойцы успели пересечь поле перед траншеями и теперь были «дома». Стрелки занимали ячейки, пулеметчики и расчеты противотанковых ружей — огневые позиции.

У большинства помимо своего оружия были трофейные автоматы и пулеметы с рожками и коробками патронов. «Вот и пригодилось изучение оружия врага. Теперь мы и еще одну атаку врага отбить сумеем», — удовлетворенно отметил я про себя.

Мимо нас два бойца тащили зеленый трофейный ящик.

— Что несете? — окликнул их Пресняков.

— Трофейные гранаты, товарищ капитан, — обернулся на голос невысокого росточка солдат.

— Молодцы! — вырвалось у меня. — Где разыскали?

— Да это не мы. Командир роты раздобыл. Теперь будет чем фрица встречать.

— Все равно молодцы!

Возбуждение от контратаки постепенно спадало. Ротные донесли о потерях личного состава. Против ожидания они оказались небольшими. Очевидно, сказалось то, что противник не рассчитывал на контратаку, а наш дружный залп его ошеломил. Последовавший затем рывок навстречу, рукопашная схватка выбили и вовсе фрицев из привычной колеи. Немецкий солдат — педант, действует по раз установленному образцу. Стоит измениться обстановке, он теряется. Наш «сюрприз» безусловно повлиял на его боеспособность. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и обстоятельства, в которых мы оказались. Каждый понимал, что наш замысел чуть ли не единственный шанс удержать плацдарм, да и самим уцелеть.

— В рубашке мы, Александр Терентьевич, родились, — с этими словами появился на НП батальона лейтенант Елагин. — Прямо в рубашке.

— Ты это о чем, Иван Иванович?

— Разве не знаешь? Немцы уже были готовы захлопнуть мешок, а мы выскользнули.

— Спасибо скажи командиру, — кивнул в мою сторону Пресняков. — Вовремя остановил. Иначе была бы для нас рубашкой сырая земля.

— Хватит, Игорь Тарасович, в похвалах рассыпаться. Не я, так другой бы до этого дошел. Лучше давайте-ка, товарищи, подумаем, что делать будем, если немцы вновь начнут атаковать.

Мы начали было перебирать возможные варианты, как вдруг услышали взволнованный голос наблюдателя:

— Наши переправляются, наши!

Солдат смотрел на излучину реки и счастливо улыбался. От восточного берега отходил плот, на котором стояло орудие. Рядом бойцы грузили второе. Вот она, долгожданная помощь!

Однако радость длилась недолго. Со стороны Гурно донесся гул,

и почти тут же дугой выкатили десятка два «юнкерсов». Над Лесными Халупами дуга вытянулась в хищный клин, и самолеты ринулись к переправе. Видно было, как в пике они выбросили свой смертоносный груз над Вислой и ее берегами. Поверхность реки осыпало фонтанами воды. Один из них встал у самого плота. Плот накренился набок, и гаубица соскользнула в воду.

Фашистские стервятники, сомкнув строй, вновь заходили на бомбежку. В этот момент появились наши истребители и кинулись сверху на «юнкерсы». Клин самолетов противника сломался. Гитлеровские бомбардировщики шарахнулись в разные стороны и, сбрасывая куда попало бомбы, начали уходить. Но не тут-то было! Наши летчики сумели поджечь два «юнкерса». Один нашел свой конец у кромки западного берега, другой развалился над самыми немецкими позициями.

Обрадованный нашим успехом в небе, я перевел взгляд на гладь реки. Но ни парома, ни артиллеристов с саперами не было видно.

— Вот тебе и подмога, — вздохнул рядом Елагин. — Подгадали, сволочи! Пустили ко дну.

— Посмотри, что с другими плотами сделали, — протянул я бинокль Ивану Ивановичу. — Левее ракитника смотри.

Несколько бомб угодило в готовые плоты. Взрывами был на нет сведен труд саперов. И теперь они спасали от огня оставшиеся бревна.

На острове удар фашистских самолетов пришелся по огневой позиции минометной роты. Бомбы разметали кустарник, сорвали маскировку. Пока трудно было сказать, зацепили они кого из минометчиков или нет. Но по тому, как дружно расчеты принялись устранять последствия налета, можно было судить — большого урона фашисты не принесли. Находившийся со мной в окопе Пономарев не выдержал:

— Живы! Молодец Корецкий, сберег людей!

Я понимал радость ротного командира, его гордость за своих подчиненных, за того же командира 1-го взвода старшего лейтенанта Сергея Корецкого — молодого, но бесстрашного офицера.

Дело в том, что взвод Корецкого форсировал Вислу утром, когда немцы уже вели ураганный обстрел реки. Во время переправы вражеский снаряд повредил один из плотов. Под тяжестью груза начали разъезжаться бревна, и командир миномета растерялся. Все это видел Корецкий, находившийся на соседнем плоту.

— Расчет, покинуть плот! — распорядился Корецкий.

Старший лейтенант прыгнул в кипящую от разрывов Вислу, подплыл к бойцам:

— Спокойнее, товарищи. Не дать разойтись бревнам. Беречь миномет и боеприпасы.

Рвались снаряды, вспарывали воду фашистские мины, но минометчики продолжали плыть к противоположному берегу. Не случайно спустя несколько дней в наградной лист на коммуниста старшего лейтенанта Сергея Ивановича Корецкого лягут слова: «...Во время форсирования Вислы проявил отвагу и мужество. Под ура-

гапным огнем противника сумел сберечь личный состав и материальную часть оружия». Как было не гордиться командиру роты таким подчиненным!

Не успели отгореть костры в пойме Вислы, как прилетела новая группа фашистских самолетов и начала утюжить нас. Рев сирен, грохот взрывов, ходит ходуном земля, в глазах, ушах, носу — пыль. Дым застлал траншеи, окопы, ходы сообщения. На нашем клочке горит все, что еще не выгорело за день. А самолеты продолжают пикировать, сбрасывать все новые и новые бомбы.

Першило в горле, гудело в голове, хотелось пить.

Я приподнялся, выглянул из окопа: земля вместе с обожженным кустарником волнами покатились на меня. Было такое ощущение, что находишься на палубе корабля и тебя качает шторм. Рядом протирал глаза сержант-наблюдатель. Он что-то говорил мне, тряс головой, но я ничего не слышал. Лишь спустя минут десять — пятнадцать стало легче, хотя в ушах продолжало звенеть, а голову словно сжимало обручами.

— Ну и зверствует, — крутил головой капитан Пресняков. — Еще один такой налет, и можно к праотцам угодить.

— Это они нам мстят за последнюю контратаку. Насчет же праотцов — до этого не дойдет: солнце заходит. Разве что сейчас вновь полезут. Отправь посыльных в роты с приказом быть готовыми к отражению противника.

Тем временем угасал день. Тяжелый, кровавый для нас день. Трудно выразить словами, да и вообще вряд ли возможно описать, сколько пришлось вынести и выдержать на этом небольшом плацдарме, потратить моральных и физических сил для его удержания, как и рассказать о совершенных людьми подвигах. Никто не жалел ни крови, ни жизни во имя выполнения задачи.

В ожидании помощи мы продолжали приводить себя в порядок. Противник не прекращал изнурительного артиллерийско-минометного огня. Снаряды и мины нередко выводили из строя людей.

Не помню уже, в котором часу вечера возле НП остановились санитары. С носилок донесся стон.

— Кого несете, ребята? — спросил у бойцов капитан Пресняков.

— Партийного секретаря, — степенно ответил пожилой.

— Что?! — невольно вырвалось у меня. — Лейтенанта Малыгина?

— Его, товарищ капитан. Во время артналета зацепило, и серьезно.

Выбежав из окопа, остановился у носилок. Плечо и шея парторга батальона были перехвачены бинтами, сквозь которые сочилась кровь. Широкоскулое лицо Малыгина побледнело, нос заострился, на губах свернувшийся черный сгусток.

— Как же ты не уберегся, Василий Федорович?

Малыгин приоткрыл веки, отыскал меня глазами, попробовал улыбнуться, но гримаса боли исказила его лицо. Кусая побледневшие губы, Малыгин выдохнул:

— Это ты, командир? Зацепило некстати.

Смотрел я на Василия Федоровича, и сердце сжималось. Не хотелось расставаться с этим умным и добрым человеком — человеком большого сердца. Вчера вечером, обходя готовившихся к форсированию реки людей, встретил его у самой кромки воды. Парторг в обычной своей манере, неторопливо, но внятно, разъяснял бойцам, как управляться с лодкой. Увидев меня, выпрямился.

— Продолжайте, Василий Федорович. Ребята, наверное, из степей?

— Так точно, товарищ капитан, степняки, из Сальщины. Вижу, с робостью смотрят на плоскодонки. Решил помочь.

Лейтенант некоторое время разъяснял бойцам вопросы, связанные с предстоящим форсированием, попутно интересовался их настроением. Довольный и возбужденный, разыскал меня. Мы еще раз обговорили расстановку коммунистов по лодкам. Василий Федорович охарактеризовал назначенных на время выполнения задачи парторгов групп, их заместителей.

— Ну а вам придется с последним эшелоном форсировать, — произнес я.

— Да что вы, товарищ капитан?! Как же я могу, когда коммунисты будут на плацдарме, здесь оставаться? Прошу вас разрешить пойти мне в первой группе. Здесь и капитан Бухарин управится.

Лейтенант еще несколько минут вежливо, но настойчиво доказывал необходимость своего присутствия в первых рядах десанта. И упросил-таки меня.

Высадившись с группой на остров, Малыгин атаковал боевое охранение противника. В критические минуты отражения одной из контратак противника вышел из строя расчет станкового пулемета. Фашисты приближались. Василий Федорович бросил взгляд вправо, влево. Неподалеку в воронке увидел командира пулеметного взвода, окликнул его. Младший лейтенант обернулся.

— К пулемету! — показал Малыгин на одиноко стоявший «максим».

Рядом пробегал старшина 6-й роты. Парторг остановил его:

— Вторым номером к младшему лейтенанту!

Офицер и старшина бросились выполнять приказание. Сам Малыгин броском переместился на фланг роты. Бойцы, увидев партийного секретаря, облегченно вздохнули. Командир взвода вышел из строя, и появление Василия Федоровича их, естественно, обрадовало.

Малыгин проверил диск, саперной лопатой подровнял стол, закрепил сошники «дегтяря», поправил бруствер. Делал все быстро и ловко.

Сейчас личный пример парторга был лучше любой другой агитации. Замысел противника рассечь оборону роты провалился.

Долг. Какое емкое это понятие и вообще, и для партийного работника в частности! Для него нет мелочей — все важно, все необходимо, от солдатского быта до того, о чем думает, чем живет боец. Именно так и строил работу с людьми Василий Федорович Ма-

лыгин — человек большого жизненного опыта и щедрой души. У него всегда находилось слово для бойца и командира. Одного похвалит, второму подскажет, третьему посочувствует... Смотришь — человек ожил, улыбается и работа у него спорится.

Василий Федорович обладал особым даром вызывать людей на откровение. Так получилось, что после его прибытия в батальон на второй или третий день в задушевной беседе я выложил ему всю свою короткую жизнь. Не таясь рассказал о себе и он. С этого вечера мы как-то сблизились. И где было особенно трудно, посылал туда Малыгина. Знал: где парторг — там будет порядок.

Не был исключением и этот трудный день. Парторг батальона находился там, куда направлялось острие фашистских атак, но пули миновали Малыгина. И вот, когда фашисты успокоились, — ранен.

Жаль было расставаться с Василием Федоровичем, но ничего не поделаешь — война есть война. Я опустился на колено, пожал ослабевшую руку парторга.

— Быстрее возвращайся. Буду ждать.

Санитары подняли носилки и понесли лейтенанта Малыгина к переправе. Я смотрел вслед процессии, а в ушах слышался его голос: «Вернусь, обязательно вернусь, командир!»

К сожалению, наша новая встреча на фронтовых дорогах с ним не состоялась. Больше года Малыгин валялся по госпиталям, врачи латали его истерзанное тело. На госпитальной койке он встретил День Победы. В конце концов его могучий организм победил недуг. Демобилизовавшись из рядов Советской Армии, Василий Федорович Малыгин работал начальником лесопункта на Киевщине, трудился на Черниговщине, в Прикарпатье, в Архангельской области. Спустя двадцать с лишним лет он разыскал меня.

— Узнаешь, командир? — до боли знакомым голосом, не доходя несколько шагов, заговорил коренастый мужчина с огромной курчавой бородой.

— Василий Федорович?!

— Я, Александр Терентьевич, я, командир ты мой.

Мы обнялись, крепко, по-солдатски, обнялись. Разговорились.

Со многими ставшими близкими для меня людьми нас разъединила в тот день военная судьба. Осколком снаряда был ранен старшина Александр Петров — человек редкого мужества. Он прибыл к нам в марте, имея за плечами солидный стаж подпольной работы в тылу врага. На украинском Полесье диверсионная группа Петрова взрывала эшелоны врага, уничтожала полицаев, громила небольшие вражеские гарнизоны, вела разведывательную работу. Группа подготовила базу для создания крупного партизанского отряда под командованием С. Ф. Маликова.

С приходом Советской Армии народные мстители влились в ее ряды. Среди них был и Александр Иванович Петров. Опытный, бесстрашный, он быстро выделился из числа младших командиров. Ему все чаще и чаще стали поручать самостоятельные задания. У Вла-

димир-Волынского группа старшины Петрова под самым носом у немцев захватила «языка», за что все участники этой вылазки были отмечены государственными наградами.

Александр Иванович рвался в бой. Приходилось останавливать, сдерживать бьющую через край кипучую энергию. «Хороший будет из Петрова командир взвода», — как-то сказал о нем начальник штаба полка майор Модин, осторожный в оценке людей человек. Пока же за неимением такой должности сержанта Петрова назначили старшиной роты и повысили в воинском звании. Но хозяйственные хлопоты не умерили пыла Александра Ивановича. И неудивительно, что он оказался в одной из первых групп, форсировавших Вислу.

Отлично владея пулеметом, заставил замолчать вражескую огневую точку. Кончились патроны — разил наседавших немцев из трофейного автомата, отбивался от гитлеровцев гранатами. Во время последней атаки его ранило.

Рассказ об этом мужественном человеке не будет полным, если не добавить, что после излечения в госпитале Александр Иванович вернулся на сандомирский плацдарм и дошел до Праги. Коммунист с сорокового года, Петров после войны работал на одной из шахт Донецкого бассейна, возглавлял партийную организацию. За доблестный труд награжден Почетной грамотой Верховного Совета Украинской ССР, удостоен орденов «Знак Почета», Октябрьской Революции и ряда других наград. Таков он — солдат, шахтер, партийный работник — Александр Иванович Петров, чья жизнь — подвиг.

Но вернемся к событиям того вечера. Противник, понимая, что мы попытаемся использовать темное время для переброски сил на плацдарм, освещал ракетами остров, водную гладь Вислы, вел интенсивный огонь. Снаряды и мины пролетали над нами и глухо рвались на переправе, выше и ниже по течению реки. Особо беспокойное чувство вызывал стонущий гул шестиствольных минометов.

Около полуночи прилетел немецкий самолет-разведчик. С правого берега по нему ударили полковые зенитно-пулеметные установки. Линии трассирующих пуль располосовали ночное небо.

— Эх, не достают! — с сожалением обронил капитан Пресняков. — Вот досада! Он же сейчас, сукин сын, «фонари» будет вешать.

Словно в ответ на его слова над островом вспыхнул яркий факел, за ним — второй... Спустя несколько минут «фонари» выхватили из темноты зеркало реки. В бледно-голубом свете отчетливо были видны лодки и плоты на Висле. Немцы мгновенно сконцентрировали огонь на участке переправы. Разрывы трудно было заметить, лишь мерцали причудливыми веерами миллионы брызг, указывая места падения снарядов.

С противоположного берега громыхнули наши батареи. Немецкие артиллеристы перенесли часть огня на них.

— Началась свистопляска! — прореагировал на разыгравшуюся

дуэль Пресняков и зло сплюнул в сторону противника. — Как бы не сорвал переправу.

— Вряд ли ему удастся это. Выдохнется. Однако помешать может, — сказал я.

Минут сорок бесновались огненные сполохи артиллерийской дуэли. Ни наши, ни немецкие батарейцы не хотели уступать. Но, очевидно понимая бесплодность обстрела вслепую, обе стороны прекратили огонь. В темном небе продолжали догорать «фонари», ракеты выхватывали переливающуюся мутным серебром поверхность реки. И когда в тусклом свете на время появлялись плоты или понтоны, немецкая оборона оживала вновь.

Переправа продолжалась. Около часу ночи на НП прибыл командир 1-го батальона.

— Принимай пополнение! — произнес майор. — Мы, грешным делом, думали, что каюк тебе тут. Одна атака, вторая, третья, а потом без перерыва. Ан нет, смотрим, огрызаешься, значит, жив!

— Как видишь, жив!

Мы обнялись.

— Там такое творится! — рассказывал он. — Узнали, что вы тут зацепились, — депеша за депешей. Корпусной артиллерийский полк прибыл для поддержки, на подходе огнеметчики. Видел и танки... Постой! — спохватился вдруг комбат. — Я тут твоих старшин с боеприпасами прихватил.

— Игорь Тарасович, распредели по ротам.

Довольный Пресняков отправился давать распоряжения, а мы пошли на правый фланг осмотреть участок, который предстояло занять 1-му батальону.

Не успел я вернуться на НП, как ожил молчавший несколько часов телефон. Сержант Дыжин, взяв трубку, обрадованным голосом закричал в микрофон:

— Слушаю! Кто? Сержант Дыжин слушает! Передаю. — Дыжин обернулся ко мне: — Товарищ капитан, вас майор Модин.

— Слушаю, товарищ Второй.

— Наконец-то! — слышу знакомый глуховатый голос начальника штаба полка. — Как дела-то у тебя там, держишься? Поздравляю!

— С чем поздравлять-то?

— Как с чем? С успехом! Сидишь там, наверное, чаи гоняешь! И не знаешь, какая о тебе тут слава пошла.

— Не до чаев тут.

— Шучу, шучу. Представляю, какого навара пришлось хлебнуть...

Начал было докладывать начальнику штаба об обстановке, но Николай Сергеевич перебил меня:

— После. Я вот по какому поводу, сейчас к тебе придет представитель от Березы, помоги ему там расположиться.

Меня вызвал командир полка. Идти было недалеко. Майор Павлюк с ячейкой управления, оставшимися разведчиками и автоматчиками перебрался в расположение батальона.

Валентин Евстафьевич выслушал доклад о последних событиях в батальоне, пригласил меня сесть.

— Я тут набросал кое-что, — развернул он карту. — Но тебе там виднее. Модин звонил?

— Так точно.

— Значит, знаешь, что к нам не только артиллеристы, но и танкисты пожалуют. Нужно продумать, где и как их лучше разместить. С рассветом плацдарм будем расширять.

В углу блиндажа заверещал телефон. После разговора по телефону комполка объяснил:

— Штаб дивизии интересуется реляциями по награждению. Смотри, никого там не забудь. Все достойны. Представляй людей к высоким. Начальство обещает не поскупиться.

— Понял вас.

— Раз понял, тогда действуй, Алтупин, действуй.

С Валентином Евстафьевичем выбрали места для основных и запасных позиций приданной и полковой артиллерии, танков. У командира полка огневые средства усиления уже были отмечены на карте. Советуясь со мной, он уточнял свои наметки, соображения, расчеты по предстоящему бою за расширение плацдарма. Павлюка беспокоила каждая деталь в организации системы огня. Когда я стал ему докладывать соображения по использованию минометчиков, майор оживился:

— Ну, ну, говоришь, огнем полковой минбатареи и батальонной минометной роты можно прикрыть непростреливаемые лощины? Так это же здорово! То, что нам нужно!

— Но ведь у нас полковая артбатарея и дивизион артполка будет, товарищ майор!

— Их еще нужно переправить сюда. Это дело не простое. Сколько тебе удалось перетащить орудий? Всего два? То-то же! Так это сорокапятки. — Павлюк помолчал. — Отряди несколько человек для встречи подразделений, которые будут прибывать с восточного берега.

Павлюк помолчал, затем раздумчиво произнес:

— На берегу у нас есть люди, но их мало. Не забудь проинструктировать ребят. Ни минуты не задерживаться! В помощь возьми несколько разведчиков. Они тут уже округу облазили, знают, вероятно, все тропки.

На этом наша встреча закончилась. Поспешил к себе на НП.

Напряжение постепенно спадало. На смену ему приходила усталость: руки и ноги наливались свинцом, слипались веки. Первый раз с позавчерашнего вечера вспомнил о еде.

На плацдарме на какое-то время установилось затишье. Даже всплеска ракет не было видно. Прислушался. Снизу и сверху по реке доносились глухие раскаты, переходящие временами в гул, — соседи подошли к Висле. Радостно дрогнуло сердце, огляделся. Собравшиеся было тучи рассеялись. Все окрестности окутались голу-

боватой дымкой — и кусты, и деревья, и постройки Лесных Халуп, и остров, омываемый Вислой. Долго смотрел на высыпавшие звезды.

— Товарищ капитан! — послышался голос ординарца. — Чай готов, и консервы открыл.

— Неси сюда. Прихвати плащ-палатку. Зови капитана Преснякова с лейтенантом Елагиным. Тут перекусим.

До меня донеслись голоса начальника штаба и заместителя по политической части. Разговор шел о размещении прибывшей на плацдарм роты.

— Взвод оставим в резерве, два других разместим на стыке рот, сузив фронт их обороны. Людей негусто осталось, особенно у Ковалева. Так и доложим командиру.

На разостланной плащ-палатке сели перекусить. Не заметили, как начало сереть небо. Над землей, над которой сутки с небольшими перерывами в грохоте снарядов, завывании мин, свисте пуль витала тень смерти, таинственно перешептывались листья осин, свежесть утра смывала устоявшийся запах гари.

Мы пили чай неторопливо, разговаривали. Вспоминали последние атаки. Немало в них было неожиданного, горького и даже смешного. Трудно было всему дать оценку. Для этого нужно время. Но времени пока не было. Над нами вставал новый, по-солдатски трудный день. И никто не знал, каким он будет для каждого. Но мы радовались ему. Радовались тому, что удалось до него дожить, тому, что не уступили врагу плацдарм, боеприпасам, о которых не раз вспоминали вчера, подкреплению, прибывшему на наш обильно политый кровью клочок земли.

Пролетел немецкий разведчик. Из траншей запоздало брызнули в его сторону пулеметные очереди.

— В белый свет как в копеечку, — обронил кто-то из штабной охраны. — Мазилы!

— Сейчас наведет штурмовиков, — кивнул вслед удаляющемуся самолету адъютант старший батальона. — Надо предупредить роты, да и соседей. Светает.

Капитана Преснякова прервал выбежавший из укрытия телефонист:

— Товарищ капитан, Знамя! Боевое Знамя полка на плацдарме!

— Да ну!

— Так точно! Только что сообщили с полкового НП! — В голосе сержанта-телефониста сквозила радость, глаза, покрасневшие от напряжения и недосыпания, горели огнем.

Подтянулась, заулыбалась доброй весточке стоявшая неподалеку охрана.

— Это же здорово, товарищи! — ликовал Иван Иванович Елагин. — Полковая святыня здесь, на плацдарме! У каждого из нас связаны с ним вера в победу, крепость духа, стойкость. Нужно немедленно довести это до всех бойцов и командиров.

О боевой святыне полка в этот день пришлось еще не раз услышать из уст бойцов, командиров, политработников, партийных ак-

тивистов. В словах людей слышны были нотки гордости, уверенности в нашей победе. После отражения одной из атак младший сержант Иван Лунев говорил товарищам: «Я так понимаю сегодняшнюю ситуацию. Раз полковое Боевое Знамя с нами, значит, мы на плацдарме не временные».

Правильное приняли решение Валентин Евстафьевич Павлюк и Николай Афанасьевич Кулябин, распорядились Боевое Знамя полка переправить на плацдарм. В трудные дни боев оно согревало наши сердца, придавало силы, вселяло уверенность в успех.

ПЛАЦДАРМ

Советская Военная Энциклопедия слово «плацдарм» определяет как участок местности, захваченный наступающими войсками в ходе форсирования водной прѐграды или удерживаемый ими при отходе на противоположный берег... В зависимости от положения плацдармы могут иметь тактическое или оперативное значение. Мы еще не знали, какое будет иметь значение наш в три с небольшим глубиной и до четырех километров шириной клочок земли. Справа и слева от нас берег реки находился в руках противника. Правда, сплошного фронта обороны фашисты не имели. В основном свои усилия они сосредоточили на прикрытии населенных пунктов, выгодных в тактическом отношении высот и мест, наиболее удобных для форсирования. Однако, судя по вчерашнему широкому фронту огня артиллерийских и минометных батарей, враг держал под обстрелом большой участок. Прошедший бой позволил сделать еще один немаловажный вывод: гитлеровское командование имело в своем распоряжении резервы. Контратаки врага с каждым разом становились все ожесточеннее.

Район обороны батальона — в основном ровный участок местности, вытянутый в сторону Лесных Халуп, — простреливался насквозь ружейно-пулеметным огнем.

— Ну и язык, — сказал по поводу нашего расположения прибывший на НП батальона начальник штаба полка майор Модин. Николай Сергеевич прибыл уточнить район обороны батальона. — За что вы тут только зацепились?

— Как за что? — пожал плечами капитан Пресняков. — За его же вот эти окопы с ходами сообщения. Ну и кое-что сами смогли сделать, приспосабливая воронки от снарядов и бомб да складки местности.

— В перерывах между атаками, — подчеркнул я.

— Да-а, — покачал головой Николай Сергеевич, — на виду у немцев.

— А что поделаешь? — продолжил Пресняков. — Приходится приспосабливаться. Так сказать, сглаживать углы несовместимости. Терпеть до времени им — нас, нам — их. Правда, весь вчерашний день крепко бесились фрицы. Мы как могли огрызались, давали сдачи. — Капитан Пресняков помолчал, бросил взгляд на правый фланг: — А теперь, боюсь, будет нам досаждать вон та высотка.

Речь шла о высоте 131,4. Хотя и небольшая по размерам, однако она господствовала над окружающей местностью. С нее хорошо просматривался наш передний край, особенно подходы к Лесным Халупам. Недаром немцы в первый же день десанта начали спешно возводить по ее гребню и скатам инженерные сооружения. Мы пробовали помешать им ружейно-пулеметным и снайперским огнем, но он был малоэффективен, к тому же враг ответил минометным и артиллерийским. Да и, откровенно сказать, вчера нам было не до высоты. Еле успевали сдерживать натиск врага со стороны Лесных Халуп.

Опасность со стороны этой зловредной высотки подстерегала нас впереди. Предстояло расширять плацдарм. К утру 31 июля форсировали Вислу подразделения 828-го и 862-го стрелковых полков. Красовцы разместились на правом фланге, полк майора Кожевникова — на левом. Если же выражаться точнее, основная масса личного состава укрылась в траншее, ходах сообщения, окопах, занятых нашим батальоном в ходе вчерашних боев. Штабы батальонов, минометные роты, тыловые подразделения расположились по всему плацдарму. Естественно, такая скученность войск на небольшом пятачке была чревата последствиями: район обороны, как уже отмечалось, насквозь простреливался огнем. Нужно было захватить Лесные Халупы, которые давали возможность противнику скрытно сосредоточивать имеющиеся силы и огневые средства, маневрировать ими по фронту и в глубину.

Путь к населенному пункту лежал через ровный участок местности. Всего двести пятьдесят — триста метров! Но их нужно было преодолеть под фланговым огнем с высоты 131,4. Это-то и имел в виду адъютант старший батальона, обращая на нее внимание майора Модина.

— Та-ак, — протянул Николай Сергеевич, — значит, нужно сковырнуть прежде всего этот чирей.

Взяв у меня бинокль, Модин минут пять рассматривал высоту, морщил лоб, вздыхал, наконец оторвал бинокль от глаз:

— На высоту пойдут батальоны Красовского. Им сподручнее — рядом. Они начнут. Немцы увязнут, а тогда уж двинете и вы. Так и доложу командиру полка. Пусть связывается с комдивом и решает эту проблему.

Пока с начальником штаба полка обговаривали нюансы предстоящей атаки, не дремал и противник. Со стороны Гурно послышался идущий сверху гул. Нарастая, он заполнял округу, проникал в траншеи, окопы, блиндажи, заставлял бойцов и командиров отрываться от насущных дел и шарить по западной стороне небосвода глазами.

— Вот они! Идут, идут, стервятники!

Голоса находящихся рядом ротных пулеметчиков потонули в приближающемся реве авиационных двигателей. Модин бросил взгляд на фашистские самолеты:

— «Гости» жалуют.

— Да, непрошеные. Угостить бы их как следует.

— Пока, к сожалению, особенно нечем. — Майор помолчал, тяжело вздохнул и продолжил: — Ну я пошел к себе, комбат.

Пригибаясь в траншее, Николай Сергеевич двинулся на НП полка. Я продолжал следить за фашистскими самолетами. «Может, пролетят?» — пробую успокоить себя. Но — нет! Над Лесными Халупами они начали разворачиваться для атаки.

Вскоре первая волна стала стремительно приближаться. Навстречу ей лихорадочно, бегло и звонко по всему плацдарму рассыпались выстрелы. Несколько секунд спустя, тяжким воем прорезав трескотню выстрелов, разорвались первые бомбы. Дрогнула и колыхнулась земля. Волны сжатого воздуха, осколки пронеслись над нами.

— Двухсотками садят, гады! — сквозь зубы процедил Пресняков.

— Не меньше.

Мои слова утонули в новой серии взрывов. Бомбы падали, казалось, без перерыва. Все вокруг сотрясалось, стонало, ухало. Неприятный озноб охватил меня. Нет, о себе я не думал. За вчерашний день свыкся с мыслью, что осколки и пули меня минуют. Но вот выдержат ли люди в этом сущем аду грохота и свиста металла? Не сдадут ли у кого нервы? Мысленно пробегаю по лицам офицеров, старшин, сержантов, солдат. Почти с каждым из них за прошедшие сутки встречался и чуть ли не каждого видел в трудные моменты бешеных фашистских атак. «Старички» не подведут. Но вот новенькие...

Очевидно, не один я думал об этом. В углу блиндажа зашевелился комсорг батальона лейтенант Володя Баранов. Он стал что-то говорить Ивану Ивановичу. Елагин взглядом указал на меня.

— Разрешите, товарищ капитан, пойти к прибывшим сегодня на плацдарм ребятам? — обратился Баранов ко мне. — Как бы не оробели!

— Нет. Видишь, что делается? Не успеешь нос высунуть, напорешься на осколок, а то и под бомбу угодишь.

Но он продолжал просительно смотреть на меня. В этот момент в разрывах бомб возникла пауза. Я согласился.

— Слушаюсь! — вскинул руку к головному убору Баранов и, схватив автомат, бросился к выходу.

Почти одновременно в ходе сообщения появился солдат. Без пилотки, гимнастерка и брюки в земле и глине. Вероятно, пока бежал, не один раз пришлось спасаться от бомб. Боец тяжело дышал. На побледневшем лице тревога.

— Из новеньких? — не удержался от вопроса Пресняков.

Солдат кивнул и, выплюнув сгусток грязи, отыскал глазами меня:

— Товарищ капитан, командир роты старший лейтенант Ковалев передает: в Лесных Халупах замечено скопление противника.

Я перевел взгляд на командира отделения связи. Старшина Иванов в свой черед вопрошающе посмотрел на телефониста, крутив-

шего с ожесточением ручку индуктора. «Резеда», как слышишь меня? «Резеда»!» — повторял солдат. Однако трубка молчала.

— Не слышит он нас, — внес ясность старшина. — Порыв. Проверь связь с другими абонентами.

Голос его заглох в режущем слух нарастающем свисте и чьем-то надрывном крике «Ложись!». По привычке пригнулись, нас качнуло, раздался страшный грохот. Но еще за какую-то долю секунды до него в лицо и уши ударило чем-то раскаленным, резкая, нещадная боль прошла по всему телу, из глаз брызнули радужные искры, стало тяжело дышать. Тряхнул головой и открыл глаза. Лопнувшая в нескольких местах земля блиндажа медленно плыла к ногам. Повернулся к Преснякову. Капитан хватал открытым ртом воздух, ощупывая рукой затылок. Позвал Игоря Тарасовича, он не откликнулся, дотронулся до его плеча, но и тогда он не отреагировал. И только когда взял его за руку, Пресняков ошалевшими глазами взглянул на меня, вымученно улыбнулся, зашевелил побелевшими губами.

— Не слышу, — дотронулся я до ушей. — Кричи громче!

Игорь Тарасович в ответ качал головой, продолжая что-то говорить. Было ясно: нас контузило взрывной волной. Телефонисту досталось больше. Солдат ударился об аппарат и теперь захлебывался кровью у траншейной ниши. Связной от Ковалева лежал рядом. Старшина стоял на одном колене, закрывая лицо руками.

— Ух ты! — донесся до меня глухой, как из-под земли, голос. — Мать ты моя хавронья! Никак, у праотцов побывали?

«Бухарин», — мелькнула мысль. У моего заместителя по строевой части в критические моменты была поговорка «мать ты моя хавронья». Бросил ищущий взгляд вправо, влево, назад и наконец у обвалившегося входа в блиндаж увидел Николая Яковлевича.

Постепенно ко мне возвращался слух, хотя в ушах продолжало звенеть. Вскоре стал ясно различать звуки разрывов снарядов и мин, пришедшие на смену бомбовым ударам, визг осколков. У дальней стены заворочался и запричитал телефонист: «Паразит, что же ты делаешь, так ты меня до Берлина и вовсе ни с чем оставишь, зануда». Мы с Бухариным невольно оглянулись. Солдат, держа на ладони два выбитых зуба, в порыве ярости честил противника. Я хотел остановить связиста, но Николай Яковлевич удержал:

— Пусть отойдет, Александр Терентьевич, не нужно трогать.

Тем временем старшина Николай Иванов выслал телефонистов на линию, а от командиров подразделений прибыли с докладами связные. Офицеры подтверждали донесение старшего лейтенанта Ковалева о сосредоточении противника в Лесных Халупах.

— Неплохо бы накрыть фрицев артогнем, — кивнул в сторону населенного пункта Пресняков.

Предложение это было заманчивым. Сорвать готовящуюся противником атаку или хотя бы помешать ему, ослабить ее — значит морально повлиять на немцев, заставить их задуматься о том, что не так-то легко с нами справиться. Позвонил командиру полка. Майор Павлюк поддержал нашу идею и в ее развитие предложил

после артналёта на Лесные Халупы перенести огонь на передний край противника и самим перейти в атаку.

— Подумай, — произнес в трубку Валентин Евстафьевич, — обговори там с Пресняковым и Бухариным, посоветуйся с майором Кулябиным.

Подработал решение и доложил его Валентину Евстафьевичу. Он выслушал меня, утвердил наше решение, сообщил, что соседи окажут поддержку, дивизиону артполка поставлена задача подавить противника на высоте 131,4.

Минут через пять с правого берега Вислы ударили гаубицы. Затем к ним присоединились полковые минометные батареи. Над Лесными Халупами встали столбы пыли и дыма, немного погодя взвилось пламя — загорелись деревянные постройки. Немецкий артиллерийско-минометный налет на наш передний край ослабел, а потом совсем сошел на нет.

Минут пятнадцать наши дивизионы и батареи молотили по скоплению противника, а затем ударили по его переднему краю. К артналету подключились минометные роты батальонов. Как самую лучшую музыку слушали мы этот грохот, вспоминая вчерашний день, когда в основном пришлось обходиться стрелковым оружием.

Пока артиллеристы и минометчики обрабатывали передний край фашистов, командиры подразделений отдавали последние распоряжения на атаку. С НП батальона хорошо было видно, как сновали посыльные по ходам сообщения, офицеры выводили взводы и отделения на исходные рубежи. Большинство подразделений прибыло на плацдарм ночью, светлого времени для организации атаки у командиров не было. Штурмовать же скопом передний край противника, где у него пристрелян каждый квадратный метр площади, — значит нести потери.

Готовясь к предстоящей атаке, ни на минуту не упускал из виду противника. Важно предугадать возможные его действия. В этом отношении нужно отдать должное Валентину Евстафьевичу Павлюку. Модель предстоящего боя, его различные варианты он держал в голове, того же требовал и от комбатов. Бывало, вызовет на КП или прямо на НП, начнет расспрашивать о твоем замысле, то и дело заставляет тебя стать в положение противника: как бы поступил ты на его месте? И зачастую кардинально менялся взгляд комбата на выполнение предстоящей его батальону задачи.

Таким же был и начальник штаба полка майор Модин — человек рассудительный, спокойный, с острым аналитическим умом. Николай Сергеевич часто бывал на переднем крае, в солдатской плащ-накидке, пилотке обходил взводы и роты, беседовал с бойцами и младшими командирами, прислушивался к их мнению и советам. Если видел непорядок, промах, подсказывал, помогал исправить. Делал это тактично, не повышая голоса.

С командиром полка они дополняли друг друга. Павлюк — горячий, порывистый, скор на слово; Модин — спокойный, уравновешенный. В этом я еще раз вскоре убедился, придя в штаб полка. Но это было позже. Пока же учился у них.

Наблюдатели донесли о выдвижении фашистов из Лесных Халуп. Нужно отдать должное противнику: он сравнительно быстро сумел привести себя в порядок после артналета. Пришлось на время отложить атаку. То же сделали и соседи.

Гитлеровцы дошли до своего переднего края и тут попали под огонь батальонных минометных рот. Левее Лесных Халуп также встали фонтаны разрывов. Вероятно, немцы пытались контратаковать и там. Они рывком вырвались из-под обстрела. Здесь пехоту обогнали танки, а из садов Лесных Халуп показались самоходные установки. Короткие стволы орудий выплеснули струи огня. Тяжелые снаряды подняли на нашем переднем крае фонтаны разрывов. Один снаряд угодил в пулемет. Видно было, как метра на четыре вверх швырнуло «максим», который тут же в воздухе начал рассыпаться: щит по касательной полетел в сторону траншеи, колеса с осью, перевертываясь, — в противоположную, кожух со стволом и замком опустился почти на позицию. Все произошло в какие-то секунды, и даже не все из нас, находящихся на батальонном НП, заметили этот эпизод. Лишь капитан Бухарин поморщился, коротко обронил:

— Шляпы! Куда ротный смотрит? Сейчас ему выдам.

Бухарин потянулся к телефону, но я остановил его:

— Обожди, Николай Яковлевич, сейчас не время, после. Нужно предупредить командиров рот: огонь открывать по нашей команде, отсекать пехоту от танков.

Перехвативший мои слова связист закрутил ручкой телефона, поочередно вызывая командиров подразделений. Капитан Бухарин начал передавать распоряжение.

События развивались с нарастающей быстротой. Основная группа противника, как говорят, не мудрствуя лукаво, нацелилась по проторенному вчера пути в стык 5-й и 6-й рот. Одновременно на правый фланг, а точнее, в стык с соседом из-за пригорка двинулось до роты фашистов при поддержке двух легких танков. Появились гитлеровцы и перед фронтом обороны первого батальона полка, и дальше на самом левом фланге — перед подразделениями майора Кожевникова, которые ночью форсировали Вислу.

— Густо идут! — резюмировал капитан Пресняков, наблюдая в бинокль за приближением немцев.

— Но не с таким нахальством, — ответил я Игорю Тарасовичу. — Вспомни, как вчера лезли.

— То было вчера. Сегодня другое дело. Порядком пощипали их в Лесных Халупах артиллеристы и минометчики. Спеси поубавилось. Вот к танкам и жмутся — за броней-то оно сподручнее.

Наш разговор прервал хлесткий выстрел сорокапятки. Ночью на плацдарм удалось перебросить три сорокапятки и два 76-мм орудия. Огневые позиции сорокапяток врезали в брустверы траншей, полковые пушки поставили на танкоопасные направления. И вот первый выстрел. Снаряд ударил в лоб переднему танку и огненной трассой скользнул в сторону.

— Рано! — констатировал адъютант старший батальона. — Поторопились.

— Не ко времени обнаружили себя, — согласился я с ним. — Нужно было бы обождать.

Словно подтверждая мои слова, у самого бруствера орудия взметнулась земля. Сорокапятка подпрыгнула и как-то сразу присела.

Пресняков с досадой махнул рукой.

Однако почти тут же на огневой позиции зашевелился расчет. Ствол орудия пополз слева направо, отыскивая цель.

— Нет, Игорь Тарасович, жив расчет. У фрица, видно, поджилки трясутся.

Второй выстрел наших артиллеристов оказался точнее. Немецкий танк закрутился на месте, распластывая по земле гусеницу. Но и сорокапятка вновь подскочила и легла набок. Тяжелый снаряд самоходки опрокинул орудие, разметал расчет.

Сбоку ударило 76-мм орудие. Танк вздрогнул и присел. Над его кормой почти тут же вспыхнуло пламя: снаряд угодил в моторную часть.

Пока фашисты отыскивали новую огневую точку, наши полковые артиллеристы перенесли огонь на соседний танк. Очередным выстрелом своротили башню танка и завязали дуэль с самоходкой врага.

— Молодчага, Кичулкин! — не выдержал связист. — Так их, дави гадов! Знай наших!

Младший сержант Михаил Кичулкин по прибытии на плацдарм представился мне. Ниже среднего роста, худощавый, подвижный. После ознакомления с местностью он по-хозяйски доложил об основной и запасной позиции, обратился за помощью в оборудовании окопа для личного состава и ровиков под снаряды.

— Огневые позиции мы оборудуем сами, товарищ капитан, замаскируем их, комар носу не подточит, а вот с укрытием для себя и боеприпасов вряд ли управимся. Силенок маловато.

Мне понравились деловой тон командира орудия, его забота о людях. Выделил ему в помощь два стрелковых отделения. На рассвете младший сержант вновь появился на батальонном НП. Доложил об оборудовании огневых позиций и представил карточку огня, хотя и в карандаше, на изрядно помятом листе, но местность была схвачена точно, расстояния до ориентиров совпадали с нашими.

— Связь держать с нами и с командиром пятой роты.

— Уже доложил старшему лейтенанту Ковалеву. Вопросы взаимодействия увязали, сигналы целеуказания назначили.

Тогда я порадовался распорядительности Кичулкина.

И переживал за него теперь. Расчет производил два-три выстрела и тут же менял позицию. На наших глазах сумел поджечь самоходку противника.

— Твои истребители танков отличаются, — позвонил командир

полка. — Передай им мою благодарность да не забудь представить к наградам.

— Не забуду, товарищ майор. Только это артиллеристы. Спасибо за усиление.

— То-то же, а говоришь, мало помогаем. Но все равно поблагодари их от меня.

Майор Павлюк помолчал, потом спросил:

— Почему не открываешь ружейно-пулеметного огня по противнику?

— Подпускаем поближе.

— Смотри, как бы не перехлестнуть. Немец-то, он ученый пошел. Понял меня?

— Понял, товарищ майор. — Я отыскал взглядом Бухарина: — Ракеты, Николай Яковлевич!

В руках заместителя по строевой части щелкнула ракетница. Разрывая воздух, с шипением вверх взметнулся заряд. Телефонист закричал в трубку: «Огонь! Огонь! Огонь!..» И тут же по всей линии обороны яростно застучали пулеметы, автоматы, винтовки, ударили, выискивая цели, противотанковые ружья, ухнула сорокапятка.

Немецкая пехота, словно наткнувшись на невидимую стену, замедлила движение. С НП было видно, как вражеские офицеры, размахивая руками, продолжали звать подчиненных вперед, пытались навести порядок в изломанной и поредевшей цепи. Но солдаты падали, ползли, сбивались кучами около танков, стараясь уйти под защиту брони, не понимая того, что становятся уязвимее для нашего огня.

Стало ясно: немецкая атака провалилась. Перед фронтом батальона расчеты противотанковых ружей подожгли еще два танка. Наступала развязка, хотя одному взводу противника удалось прорваться на стыке чугуновской роты с 1-м батальоном. Но это уже была агония: напоровшись на кинжальный огонь станковых пулеметов с запасных позиций, фашисты были уничтожены.

Оставшиеся в живых мелкими, разрозненными группами стремились уйти в тыл. Наступал момент для нашей атаки. По телефону связался с 3-м батальоном. Трубку взял адъютант старший батальона Гудашников.

— Иван Васильевич, как прошло крещение?

— Нормально. До роты немцев положили. Теперь вот сами готовимся в гости к противнику. Сабантуй начинаем по вашему сигналу.

Иван Васильевич Гудашников, невысокого роста, с густой шапкой иссиня-черных волос, слыл в полку инициативным офицером. Правда, за излишнюю расторопность ему иногда доставалось, но кто не ошибается, если, как говорится, человек горит в работе. Он спокойно выслушивал замечания, делал из них выводы, продолжая оставаться веселым, жизнерадостным, энергичным, охочим до работы. Его уважали товарищи и подчиненные за ненасытность в деле, веселость характера.

О готовности к атаке известил меня и адъютант старший 1-го батальона.

Информация о подготовке и ходе выполнения боевых задач в полку была поставлена неплохо. Майоры Павлюк, Модин требовали от нас, комбатов, не только точных и своевременных докладов им, но и информирования соседей, командиров приданных и поддерживающих подразделений. Это и верно: знать, как идут дела у выполняющих вместе с тобой задачу людей, командиру необходимо. Этого требует устав. Но к сожалению, в ходе боевых действий кое-кто из офицеров об этом забывал, что иногда приводило к нежелательным последствиям. Мы старались не повторять ошибок. Это, на мой взгляд, и являлось залогом наших успехов в последних боях.

По отступающим немцам били полковые артиллерийская и минометная батареи. Батальонные минометчики сосредоточили свой огонь на первой траншее противника. Объективами бинокля веду по инженерным сооружениям врага, но тут слышится голос телефониста:

— Товарищ капитан, Первый на проводе.

Взял трубку:

— Слушаю вас.

— Пора, — произнес Павлюк.

Я махнул рукой капитану Бухарину. Ракеты расчертили небо. Видно было, как бойцы выскакивали из укрытий и с оружием наперевес быстро шли вперед. Метров через двадцать — тридцать цепь выровнялась, четко обозначились роты, на стыке которых перебежками перемещались пулеметные расчеты.

— Пошли-поехали, — выдохнул с облегчением капитан Пресняков.

В это время упал один, за ним — второй, третий боец. Бросил взгляд вперед, стало ясно: фашистские пулеметы нам не удалось полностью подавить. В воздухе проскрежетали залпы немецких шестиствольных минометов. Разрывы вспороли землю и вырвали из цепи несколько человек. В создавшейся ситуации выход был один — броском вперед выскочить из-под огня. Бойцы рванулись вперед, но тут навстречу цепи хлестанули пулеметные и автоматные очереди. Фашисты вели огонь с правого фланга и с высоты 131,4, предварительно положив перед этим на землю роты нашего 3-го батальона. Подтверждались слова капитана Преснякова об этой высотке.

Почти рядом с нашим левым флангом залегла цепь 1-го батальона. Недалеко продвинулись вперед и подразделения 862-го стрелкового полка майора Василия Кожевникова. Они были прижаты к земле кинжальным огнем противника с высоты слева и дотов со стороны деревни Доротка.

Несмотря на наши попытки, поднять людей не удавалось. Атака захлебнулась. Батальоны несли потери. В этом критическом положении нужно было думать о том, как лучше сохранить личный состав, однако штабы полка и дивизии требовали решительных наступательных действий,

— Алтунин, что ты там застрял?! — начал на резких тонах разговор по телефону майор Павлюк. — Ближе других к Халупам. Осталось сделать еще рывок, и ты там. — И после паузы: — Труса твои орлы там не празднуют?

Это вытерпеть было уже трудно.

— Ничего не празднуют. Головы нельзя поднять. Людей гробим. Подавите противника на высоте справа.

— Там красовцы атакуют.

— Лежат под высотой красовцы!

В это время в трубке послышался голос начальника штаба дивизии:

— Что же, по-вашему, капитан Алтунин, можно предпринять в данной ситуации?

Федор Федорович Абашев спросил, как всегда, ровным голосом.

— Отвести людей, товарищ подполковник. Подавить противника огнем артиллерии, потом снова атаковать.

Я понимал, что своим предложением навлекаю на себя неудовольствие, а то и гнев начальства. Есть приказ. Лесные Халупы должны быть взяты. В этом направлении, и только в этом, обязаны мыслить все, от солдата до командира дивизии, и искать варианты, как лучше справиться с поставленной задачей. О том, что мы приступили к расширению плацдарма, знают не только в штабе корпуса, армии, но и, наверно, во фронтовом аппарате. От нас ждут хороших вестей, какой бы ценой успех ни был достигнут. А тут предлагается вернуться в исходное положение! И все-таки я решился.

Поднять роты под кинжальным огнем противника, когда они залегли и бойцы отыскали себе хоть какие-то относительные укрытия, трудно — слишком велика притягательная сила матушки-земли, — но можно. В крайнем случае придется обратиться к коммунистам. Они, как было не раз, встанут. За ними поднимутся и остальные. А дальше? Война без жертв немыслима — это истина. Но вести людей на бесполезную гибель никому не позволено... Тем более в сложившейся у нас обстановке, когда фашисты уже пришли в себя, сориентировались и только того и ждут, чтобы расстрелять цепи в упор.

— Ты понимаешь, что говоришь, комбат? — после небольшой паузы произнес Абашев.

— Понимаю. Если бы не понимал, не сказал бы. Вы спросили мое мнение. Вот я и ответил. Нельзя, товарищ подполковник, догматически подходить к выполнению приказа.

— Философию разводишь, Алтунин, а мы тут тебя... Эх!..

— Да не за себя волнуюсь! Прикажете, первым встану в атаку, но людей бессмысленно погубим, а у нас их и так негусто.

— Мыслишь отчасти верно. Но пойми и другое: люди разбросаны по плацдарму. Лежат. Не так-то легко их будет без потерь отвести.

— Но и лежать под огнем, ждать, когда к людям придет безразличие, тоже не резон. К тому же немец выбивает.

— Это понятно, — в раздумье произнес Абашев. — А может, все же попробовать поднять роты?

— Противник тут же сосредоточенным огнем прижмет к земле. Но если прикажете...

— Нет, приказывать не стану. И так слишком часто стали разбрасываться людьми. Слышишь меня?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Коль так, давай искать выход, как лучше отвести людей. Время не терпит.

— Нужен артналет по фрицам. Мы и отойдем на исходную.

— Разумно, Алтунин. Этот вариант я и имел в виду. Подключить сюда не только наши артиллерийские, но и ваши наличные огневые средства. Вы там ближе. Твои минометчики могут сделать больше, чем мы отсюда. Улавливаешь?

— Так точно, улавливаю.

— Но помни, капитан, — продолжал Федор Федорович. — Лесные Халупы за вашим хозяйством, а ты там на самом острие. Задача должна быть выполнена.

— Возьмем мы эти Лесные Халупы, обязательно возьмем.

Начальник штаба дивизии положил трубку.

Под прикрытием артиллерийско-минометного огня роты начали отходить. Нам сравнительно легко удалось вывести личный состав на исходные рубежи, так как люди были уже знакомы с местностью. Труднее было 3-му батальону, бойцы и командиры которого еще не успели освоиться на новом месте. Попав под фронтальный и фланговый огонь, они растерялись, многие выбыли из строя. Большие потери понес и 1-й батальон.

Одной из причин нашей неудачи была спешка. Безусловно, всем хотелось расширить плацдарм, но одного желания в бою недостаточно для успеха. Желание должно подкрепляться многими компонентами, среди которых далеко не последнее место занимает подавление противника огнем артиллерии и минометов. Наш же налет оказался явно недостаточным.

После отхода люди приводили себя в порядок. Хмурые и злые, они ладили брустверы траншей, огневых позиций, очищали от земли полузасыпанные ячейки, ходы сообщения, окопы, наводили линии связи. Пулеметчики и расчеты противотанковых ружей оборудовали запасные огневые позиции. Специальные команды выносили в тыл раненых и убитых. Работали молча, без обычных шуток.

Вернулись из рот Елагин с комсоргом батальона Владимиром Барановым, а от пулеметчиков — капитан Бухарин. Николай Яковлевич молча прошел к тыльной стене окопа, опустился на ящик из-под снарядов, тяжело вздохнул, вытащил пачку папирос и, никому не предложив, что не было присуще его общительному характеру, закурил.

— Переживает, — кивнул в его сторону Иван Иванович, вытирая платком вспотевшее лицо.

Елагин спрятал в карман платок, поправил выбившиеся из-под пилотки волосы, подошел к Бухарину, присел рядом:

— Может, угостишь?

— Бери, — протянул тот пачку папирос.

Замполит чиркнул зажигалкой, вдохнул в себя дым и нарушил затянувшуюся паузу:

— Ну что, отцы-командиры, так и будем в молчанку играть? Досадно, обидно? Безусловно. А чего вы ожидали? Что противник на блюдечке еще и Лесные Халупы преподнесет? Нет, после захвата нами плацдарма он поумнел.

— Да брось ты, Иван, душу бередить, тут и так муторно. На белый свет тошно глядеть.

— Ну, ну, понес, — обернулся к Бухарину лейтенант Елагин. — У каждого из нас нервы на пределе. Однако киснуть мы, коммунисты, не имеем права. На нас смотрят люди. Какой это будет для них пример?

— О чем совещание на высшем уровне? — показался в проеме хода сообщения майор Модин.

Мы встали. В руках начальника штаба полка был планшет с толстой пачкой новых листов карт. Я бросил на них взгляд. Это не ускользнуло от внимания Николая Сергеевича.

— Решили побывать в батальонах, — пояснил майор Модин. — Павлюк пошел в первый, Кулябин — в третий, ну а я вот — к вам. Узнать, чем дышите и как живете-можете. Заодно и карты прихватил. Держи, Пресняков. Ротным раздашь. Да и самим пора уже заменить. Смотри, на что похожа ваша карта, до дыр на сгибах протерлась.

Игорь Тарасович принял листы карты и начал их рассматривать. Модин поинтересовался потерями, однако точно ответить можно было лишь после того, как появятся с последними данными командиры рот.

Модин уточнил район обороны батальона на месте, систему огня. Проделанной командирами и бойцами работой остался доволен. Посоветовал нам рассредоточивать людей.

— Самое опасное для нас сейчас — скученность, — сказал Николай Сергеевич. — В третьем батальоне снаряд вывел из строя шесть человек. Куда это годится! Видимо, пришла пора вернуться к «лисьим норам». Оборудовать их хотя и трудно, но они себя оправдывают. Лишь при прямом попадании снаряда или мины человек погибает. Но наша главная задача во что бы то ни стало расширить плацдарм. Нужно все время давить на противника.

— Наступать без танков, — воскликнул Пресняков, махнув рукой, — когда у противника есть и танки, и самоходки, — гибельное дело!

— Танков, к сожалению, пока не будет, — Модин огорченно развел руками,—никак не удается их переправить. Вчера мы предприняли несколько попыток перебросить танки на плацдарм...

Из рассказа Модина мы узнали, что в полдень в штабе полка раздался звонок. Командира на месте не оказалось. Николай Сергеевич взял трубку у телефониста, представился.

— Гордов у аппарата. Доложите обстановку.

Модин начал докладывать командарму о положении батальонов.

— К вам танки и артбригада подошли?

— Так точно, подошли.

— Сколько на западный берег переправили?

— Пока ни одной единицы.

— Почему?

— Переправочных средств нет, подручные не годятся. Груз тяжелый — тонут.

— К вам прибыл понтонный батальон?

— Не получается у них. Понтоны тонут без нагрузки.

— Как тонут?

— Рассохлись в период выдвижения к Висле.

— Где комбат?

— Рядом со мной, товарищ командующий.

— Дай ему трубку.

Майор взял трубку. Минуты две генерал-полковник слушал сбивчивое объяснение командира понтонного батальона, потом оборвал его:

— Я виноват в том, что понтоны рассохлись, или вы? Потрудитесь объяснить свое головотяпство.

— Виноват, товарищ командующий.

— Виноватых бьют, а по законам военного времени за такие дела и...

Модин не расслышал последних слов, но по тому, как побледнел майор, понял, что разговор принял крутой оборот. Пот крупными градинами катился по исхудавшему лицу майора.

— Тебя спрашивает, — протянул трубку комбат.

— Слушаю вас, товарищ командующий.

— Начальник штаба, а почему вы не докладываете? Бездельников покрываете, а вместе с ним и свою нераспорядительность? Чего молчите? Сказать нечего? Так вот, завтра доложите, сколько единиц танков и бригадной артиллерии на западном берегу.

Командарм положил трубку. Наступила пауза. Майор ладонью отер лицо, облегченно вздохнул:

— Ну и ну! Пронесло. Пообещал, если завтра на западном берегу не будет танков и артиллерии, отправить в штрафную роту. Вон они какие, пироги-то. Но что я мог поделать? Жарища стояла вон какая. Рассохлось все к чертовой матери.

Было решено разобрать несколько сараев в находящейся рядом деревне Нешава. Саперы и выделенные им в помощь бойцы из тыловых подразделений полка и артбригады приступили к наведению переправы. Но приходилось то и дело прерывать работу: противник по малейшему скоплению людей открывал бешеный артиллерийско-минометный огонь.

Тем временем ночь прошла свой зенит и покатилась в зарю. Пала предрассветная темнота, густая, тяжелая, и восток начал сереть. Затем заалел край неба, и сразу как-то посветлело, река стала уже не черной, а голубоватой. Переправа резко и четко обозначилась на воде. Хорошо было видно, как на паром взошел танк. Первый паром двинулся.

— Товарищ капитан, танки, танки к нам идут! Ну теперь фриц, держись!

Мы выскочили из блиндажа. Я бросил взгляд на Вислу. К урезу воды подходила другая тридцатьчетверка, за ней виднелась третья боевая машина. Вот она, помощь! Но что это? Я невольно обернулся и взглянул в небо, откуда доносился гул немецких самолетов.

— Жалуют, стервятники! — недовольно произнес капитан Пресняков. — Сейчас начнется свистопляска.

По самолетам противника ударили полковые зенитно-пулеметные установки. Но их строй не шелохнулся. Продолжая идти углом, с ходу срывались в пике на переправу. Водяные столбы вставали слева и справа от паромов. Но вот попадание. Видно было, как накренился и соскользнул в воду танк.

В эти минуты в небе на нашем участке не оказалось ни одного нашего самолета. Зенитное прикрытие переправы тоже было явно недостаточным. Возможно, кто удивится, мол, сорок четвертый год, а фашистские стервятники уходят безнаказанно. Дело в том, что многим передовым частям дивизии нашего фронта в эти дни была поставлена задача выйти к Висле и захватить плацдармы на ее противоположном берегу. Естественно, обеспечить батальоны и полки всеми средствами усиления, особенно авиационным прикрытием, было трудно, зенитные же подразделения и части были на марше.

Пока мы наблюдали за разыгравшейся на переправе трагедией, не в силах помочь или хотя бы облегчить участь танкистов и саперов.

Вскоре у Модина состоялся новый разговор с командующим армией. Генерал-полковника Гордова вновь интересовали результаты форсирования Вислы.

— Танкисты на западном берегу?

— Никак нет! — ответил Модин.

— Мне донесли, что понтонная переправа готова и вот-вот начнется!

— Была, товарищ командующий. Немцы разбомбили.

— Ночью?

— Нет, утром.

— Опять двадцать пять! Что мне с вами делать? Нужно было начинать форсирование в темное время суток. Так нет же, рассвета ждали и дождались. Что, переправа, что ли, была не готова?

— Так точно, еле успели к утру.

— Где он, этот сапер?

— Контужен во время налета, товарищ командующий. Медики сейчас приводят комбата в чувство.

— Жаль. Загремел бы он у меня.

Генерал-полковник замолчал, видимо обдумывая создавшееся у нас положение, а может, на время кто и отвлек его от телефонного разговора. Модин не бросал трубку, ждал.

Минуты через две-три Гордов спросил:

— Вы слушаете меня?

— Да, слушаю, товарищ командующий.

— Переправу продолжать наводить. Танки и артиллерия должны быть на том берегу. Плацдарм нужно расширять, а без них нам не обойтись. Передайте это командиру полка. Что-то его на месте не бывает. Вы поняли меня?

— Так точно, понял, товарищ командующий. Будем принимать все меры. Командир полка находится в батальонах.

— До свидания. Желаю вам успеха.

Генерал-полковник положил трубку.

Захваченному нами плацдарму, его расширению, как подытожил Модин, по-прежнему уделяется большое внимание. Вчера, сегодня ночью, утром штабы армии и корпуса непрерывно интересовались нашими делами. И хотя мы не были посвящены в замыслы и намерения высшего командования, но мне думалось, что будем принимать здесь не только дивизионные части, но и соседей.

Мы тогда еще не знали, что 29 июля армия своими флангами вышла к Висле и что помимо нашего был захвачен плацдарм в районе Випяры, а затем части армии зацепились за левый берег у Аннополя. Но еще раньше 162-я стрелковая дивизия 13-й армии нашего фронта захватила плацдарм южнее Баранува. Севернее этого города также был захвачен небольшой плацдарм полками 350-й стрелковой дивизии, на который вечером 30 июля начали переправляться части 1-й гвардейской танковой армии, а вслед за ними — и 3-й гвардейской танковой. В разных местах на западном берегу Вислы в эти дни развернулись ожесточенные бои, в которые втягивалось все больше и больше техники и войск различного предназначения с той и с другой стороны.

В этом разворачивающемся гигантском сражении наш плацдарм был всего лишь маленьким участком операции по разгрому врага на левобережье Вислы, хотя нам он казался самым важным и самым главным не только в армейском, но и во фронтовом масштабе. Но по ожесточенности и накалу боев, доходящих с первого дня высадки до предела человеческих возможностей, он отражал общую картину борьбы с врагом в последние дни июля, в августе и сентябре сорок четвертого года. И та и другая сторона ставила перед собой решительные цели, делая для их достижения все возможное, а порой и невозможное.

Бои, особенно в первые августовские дни, носили крайне ожесточенный характер. В иные сутки их было трудно отделить один от другого. Скорее всего, это был один бесконечный бой, в котором лишь менялись варианты использования техники, оружия, людей. Часами стоял грохот разрывов снарядов, бомб, мин. И выделить что-

то, провести разграничительную линию, тем более дать оценку тому или иному из них, нелегко. Расскажу, что мне особенно запомнилось и что воскресили в памяти архивные документы.

Несмотря на то что танки переправить на плацдарм не удалось, Лесные Халупы в один из первых августовских дней были взяты. Им предшествовала борьба за овладение высотой 131,4. Больше суток кряду батальоны 828-го стрелкового полка подполковника Николая Красовского штурмовали укрепления врага. Фашисты, отражая натиск, нередко сами переходили в контратаки. То в одном, то в другом месте создавалась критическая ситуация. Николай Викторович Красовский выслушивал сообщения офицеров штаба, комбатов, а то и командиров рот, помогал подразделениям, когда возникали трудности, требовал от офицеров искать ключ к взятию высоты.

Комбаты майоры Николай Иваницкий, Лев Левин, Григорий Головко — люди опытные, не раз бывавшие в трудных переделках, — выслушивая упреки командира полка, хмурились. Пока даже у таких организаторов боя, как они, чьи фамилии не раз упоминались в приказах по награждению, а слава далеко шагнула за пределы полка, ничего не получалось. Фашисты встречали каждый раз стрелковые цепи плотным огнем.

Но все же высота была взята. Правда, не без помощи дивизии. На острие очередной атаки полковник Федор Семенович Даниловский поставил специальную штурмовую роту. Она с фронта связала противника, заставила его стянуть сюда основные огневые средства и живую силу, ослабив фланги. Этим воспользовался Красовский. Его батальоны начали охватывать с флангов высоту. Командиры 7-й и 8-й рот старшие лейтенанты братья Александр и Иван Легковы со своими подразделениями сумели прорваться в тыл противника, замкнув кольцо окружения. Прикрывшись со стороны Гурно пулеметами, они ударили по узлу сопротивления.

Фашисты яростно отбивались. Из Цишиц и Гурно немецкое командование пробовало помочь гарнизону высоты. Но, встретив фланговый огонь батальонов нашего полка и пулеметных заслонов, шедшие на помощь подразделения врага вынуждены были залечь. Тем временем красовцы продолжали сжимать клещи вокруг высоты. Бой переместился в траншеи, ходы сообщения, блиндажи. Бойцы гранатами, а если была возможность, толовыми зарядами разрушали огневые точки противника.

Высота вскоре была взята, хотя немцы сопротивлялись до последнего. Лишь единицы сдались в плен, да и те контуженые или раненые. Однако дальше продвинуться батальонам полка удалось всего на сто — сто пятьдесят метров. Противник прижал стрелковые цепи к земле плотным огнем, а затем попробовал отбросить их назад. Красовцы отразили контратаку — к сожалению, с немалыми для себя потерями — и приступили к оборудованию новых позиций, хотя немцы не оставляли попыток помешать инженерным работам.

В ходе боя несколько улучшила положение наша 5-я рота. Старший лейтенант Ковалев сумел столкнуть с невысокого холма — остатка старой дамбы, прикрывавшего дорогу из Лесных Халуп, — немецкий пехотный взвод и сам закрепился на этом холме. Теперь ружейно-пулеметным огнем мы контролировали выход дороги из деревни и могли более свободно маневрировать силами и огневыми средствами.

Несколько продвинулся вперед и наш сосед слева — 862-й стрелковый полк. Блокировав четырехамбразурный дзот, он левым флангом охватил деревеньку Доротка, а батальон капитана Геннадия Макурина вплотную подошел к высоте 177,9 и завязал огневой бой за нее. Высота в тактическом отношении давала большие преимущества противнику. Находясь между Дороткой, Лесными Халупами и Цишицами, она господствовала над окружающей местностью. Фашисты прекрасно это понимали и заранее подготовили ее к обороне. Уже на подступах к Доротке они нанесли с нее большой урон батальонам майора Василия Кожевникова. Оттуда же гитлеровцы держали под огневым воздействием левый фланг нашего полка. Потребовалось немало усилий, чтобы выбить немцев с этой высоты.

Шаг за шагом, метр за метром мы расширяли плацдарм. Каждый бугорок, каждую лощинку штурмовали по нескольку раз. Помню, как поросший небольшим кустарником взгорок несколько раз переходил из рук в руки. То же было и с домами на южной окраине Лесных Халуп. Не успел взвод Чалаганидзе из 4-й роты закрепиться в них, как командир роты старший лейтенант Дмитрий Одегов доложил: противник выбил взвод Чалаганидзе из деревни.

— Одегов, приказ знаешь — назад ни шагу! — вскипел было я. — Мы донесли о взятии домов в штаб полка.

Офицер переступил с ноги на ногу, на его небритых щеках заиграли желваки.

— Возьму, товарищ капитан. Ночью ворвусь и возьму, чтоб их черт побрал, эти дома. Фрицы навалились, как саранча. Чалаганидзе бьет их, а они прут и прут, у него же людей негусто. Вот и пришлось отойти.

— Обожди, не кипятись, Александр Терентьевич, — тронул меня за плечо только что вернувшийся с передовой капитан Бухарин. — Я видел, как четвертая дралась. Одегов прав, фрицы лезли как оглашенные. Видно, взбучку от старшего начальства получили, не считались с потерями. Чалаганидзе положил там их порядком, пока не подошли к концу боеприпасы.

Николай Яковлевич раскурил папиросу и продолжил:

— Знаю, как отход будет воспринят в наших верхах, но ничего не поделаешь, одной злостью тут не возьмешь.

— Да возьму я эти дома! Честное слово, возьму! Пусть только немного стемнеет.

— Посмотрим, посмотрим.

— А что смотреть-то, товарищ капитан. Под покровом темноты подберемся и ударим по фрицам. Ночью они не слишком-то ввязываются в бой, тем более в рукопашный, боятся.

Командир роты коротко изложил план. С наступлением темноты взводы сосредоточиваются в кустарнике на южной окраине Халуп и по общему сигналу без артподготовки идут на штурм.

— Но допустит ли противник это? Он ведь наверняка не дремлет. К тому же на мины и проволоку можно нарваться.

— Пока перед передним краем у него ничего нет. Там у меня наблюдают за фрицами посты. Немцы лишь успели оборудовать на огородах несколько огневых точек да отрыть траншею по колено, и та не сплошная. Все это мы видели, когда недавно шуганули их оттуда.

— Шуганули и отдали назад. Теперь-то они не сидят сложа руки, а продолжают зарываться в землю.

— По возможности, не даем.

— Это-то хоть хорошо.

Я помолчал, окинул взглядом Одегова. Низкорослый, широкоплечий, в каске и перепачканном обмундировании, старший лейтенант выглядел намного старше своих лет, хотя по-мальчишески облизывал языком полопавшиеся губы, шмыгал носом.

— Ну вот что, дома за тобой. Готовься к атаке. В том, что предлагаешь, рациональное зерно есть. Конечно, с нашей поправкой. Пока сосредоточиваешься, мы тут на флангах пошумим, а затем и по тылам пройдемся. Как, не возражаешь?

— Да, я только хотел об этом вас просить, — сверкнул глазами Одегов.

— Ну вот видишь, мыслим одинаково. Думаю, что Ковалев с Чугуновым тебе помогут. Сейчас доложу о нашей задумке командиру полка.

— Разрешите идти! — приложил руку к срезу каски Одегов.

— Идите!

Майор Павлюк одобрил наш план, хотя и не без упреков по поводу отхода.

— Но раз вы сами решили исправить оплошность, — сказал Валентин Евстафьевич, — на этот раз ограничимся разговором. Тем более что сейчас не до этого. Ваша задумка входит в общее намерение на ближайшие часы. Лесные Халупы должны быть взяты. Сколько можно топтаться перед ними, слушать нарекания! В общем, ты со своим Одеговым начинаешь, мы подключаемся. Боевое распоряжение получишь через полчаса. Там будет все конкретизировано, в том числе и ваша задумка учтена.

В сумерках 4-я рота начала накапливаться для броска. От воронки к воронке, от бугорка к бугорку, по выгоревшему хлебному полю, прикрываясь кустарником и травой там, где они еще сохранились, бойцы под грохот разрывов снарядов гаубичных батарей на флангах и в тылу выдвигались к назначенному рубежу. Представитель от майора Валентина Березы — невысокий подвижный старший лейтенант, с выбившимися из-под пилотки огненно-рыжими волосами, корректировал огонь по ранее выявленным целям, то и дело радостно восклицал: «Все, вмазали, как в копеечку, теперь доворот...»

В перерывах между артиллерийскими разрывами слышно было, как лопаются мины, плеская по сторонам короткими сполохами огня. Старший лейтенант Пономарев надсадно кричал в телефонную трубку: «Фиалка», беглым — огонь!»

Правее и левее нас оборона противника также сотрясалась от взрывов. На северной стороне Лесных Халуп ярким пламенем горели какие-то постройки. Населенный пункт все больше и больше заволакивало дымом.

— Ничего себе сабантуй! — пробасил кто-то из находящихся на НП бойцов охраны.

— Это фрицам отместка за день, — ответил капитан Пресняков. — Пусть знают, что и мы не лыком шиты. Есть еще порох в пороховницах.

Пока было светло, немцы непрерывно забрасывали нас бомбами, снарядами, минами, несколько раз контратаковали. Наши батареи и минометные роты молчали. И вот теперь разразились огнем всех систем и калибров, имеющихся на вооружении. С высоты 131,4, пронизывая вечерний сумрак, полоснули во фланг фашистских траншей и окопов крупнокалиберные пулеметы. Видно было, как заплясали светлячки разрывов снарядов. 828-й стрелковый полк тоже готовился к предстоящим ночным действиям.

Зазвонил телефон. Связист подал трубку. На проводе был начальник штаба майор Модин.

— Как там у тебя? Одегов еще не приступил?

Согласно общему замыслу, после того как 4-я рота ворвется в Лесные Халупы с юга и завяжет там бой, в атаку переходят все батальоны полка. Поэтому начальник штаба и интересовался Одеговым.

— Четвертая рота ведет бой в крайних домах, — доложил в это время наблюдатель.

Я приподнялся над бруствером. Короткие строчки пулеметных и автоматных очередей полосовали дворы населенного пункта. То и дело оттуда доносились глухие разрывы гранат. Значит, сошлись вплотную. Бросил взгляд налево, затем направо. В сумеречном свете оборона немцев четко обозначалась взрывами, очередями трассирующих пуль.

— Одегов только что ворвался, товарищ майор, — доложил я Модину.

— Понял тебя. Добро! — В голосе Николая Сергеевича нетрудно было уловить нотки радости. Все шло по плану.

События в 4-й роте развивались так. Взвод старшего лейтенанта Эммануила Чалаганидзе, обойдя боевое охранение противника, появился перед немецкой траншеей настолько внезапно, что фашистский наблюдатель не успел даже подать сигнала, и немцы продолжали вести инженерные работы.

— Огонь!

Бойцы почти в упор разрядили оружие по врагу, завершив схватку штыком и прикладом. Не останавливаясь, бросились к чернеющим рядом домам, из которых выбегали гитлеровцы. В ход пошли

гранаты. С фланга ударил ручной пулемет противника. Немец, не разобравшись, стрелял в тыл взвода, затем перенес огонь ближе.

— Богомаз! — крикнул пробегающему мимо сержанту старший лейтенант Чалаганидзе и показал в сторону немецкого пулемета. — Уничтожить!

Сержант с двумя бойцами свернул к клокочущей свинцом огневой точке, а Чалаганидзе с рядовым Андрюшко вбежал на широкий двор дома. Навстречу выскочил полуодетый немец. Солдат ударил его прикладом. Почти в ту же секунду из двери кирпичного сарая стегнула очередь, пули зарикошетили по вымощенному камнем двору.

Офицер метнул в дверной проем гранату. Взрыв оборвал автоматную очередь.

Тем временем в соседнем дворе и близлежащих садах клокотанием исходили ППШ. Взвод полукругом охватывал небольшую усадьбу. Справа один за другим раздались два взрыва. Пулемет противника смолк.

Перескочив через невысокий каменный забор, Чалаганидзе с Андрюшко побежали догонять взвод. Справа и слева гремели выстрелы, ухали ручные гранаты, свистели осколки, слышались ругань, крики, стоны, топот ног, команды.

Бой с каждой минутой ширился, вовлекая в себя все новые и новые силы с той и с другой стороны. В схватку вступили 5-я и 6-я роты батальона. Линия обороны немцев постепенно прогибалась назад, образуя вогнутую дугу. Нужно было усилить напор, чтобы прорваться в тыл Лесных Халуп, а затем разогнуть края дуги—фланги, пока фашисты не пришли в себя и не подбросили подкрепления. Связался по телефону с командиром полка. Доложил о сложившейся обстановке.

— Говоришь, Одегов у центра Халуп? — переспросил майор Павлюк. — Это же здорово!

Валентин Евстафьевич минуту подумал и с подъемом в голосе продолжил:

— Тут у меня объявились в резерве две батареи противотанкового дивизиона. Передаю их тебе. Встречай и развивай успех. Не давай немцам опомниться.

Валентин Евстафьевич обладал даром схватывать все на лету, мгновенно реагировать на изменение обстановки. Умело использовал даже малейший наметившийся тактический успех для выполнения задачи, всячески поддерживал и одобрял инициативу в этом направлении, помогал в ее осуществлении.

Минут через пятнадцать на НП батальона, приютившемся у самой окраины Лесных Халуп, появился командир истребительно-противотанкового дивизиона майор Горшков. С Виктором Николаевичем военная судьба нас сводила не раз. Это был не знающий страха офицер. На счету самого комдива был подорванный гранатой «тигр». На груди двадцатишестилетнего офицера среди других наград блестели ордена Отечественной войны I и II степени.

— Привет, пехота! — улыбнулся он мне. — Как живешь тут? Еще не всех фрицев переколотил?

— Да нет, и на твою долю остались,—в тон ему ответил я. — Вон как огрызаются. Пятая рота залегла под их пулеметным огнем на краю выгона. Головы не дают поднять.

— Ну это дело поправимое, — пробасил Горшков. — Сейчас выкурим этих твоих фрицев, Александр Терентьевич.

Из-за кустарника появились командиры батарей капитан Михаил Герасимов и старший лейтенант Павел Буньков, с которыми мне также не раз пришлось встречаться и иметь дело. Огневые ребята! На правах старых знакомых поздоровались.

— Давненько, давненько ждем вас тут!

— Не по нашей вине застряли на том берегу, — ответил Горшков. — Задержала переправа. Вам, пехоте, что — шапку в охапку и на другой берег. У нас же матчасть. Не успеем вывести на стремнину Вислы плот, как немцы его в щепки. Вон у него, — Горшков кивнул в сторону Герасимова, — два орудия нырнуло в Вислу. Одно удалось вытащить, а второе и ныне там. Ну да об этом потом. Ставь ребятам задачу. У него три орудия. — Виктор Николаевич показал на Герасимова. — У Бунькова батарея полностью. Из этого и будем исходить.

— Может, на месте командиры рот поставят, Виктор Николаевич? Твои ребята быстрее разберутся, где и что.

— И то верно.

— Тогда так. Старшего лейтенанта Бунькова — в помощь Одегову, капитана Герасимова — Ковалеву. Чугунова поддерживают батальонные минометчики.

— Добро! — отозвался Горшков.

Я вызвал связных. Не раз бывавшие в боях, хорошо знавшие цену огневой поддержке, бойцы заторопились проводить командиров батарей в роты.

Тем временем разрасталась, охватывая с правого фланга Лесные Халупы, стрельба. Мы невольно прислушались к гулу боя.

— Красовцы продвигаются, — обронил Пресняков.

— Они, Игорь Тарасович, они! Как там у нас, ничего новенького?

— По-прежнему, если не считать, что Чугунов еще пару дворов взял.

— Как не считать! Прогрызаем оборону фрицев, хотя медленно, но движемся вперед, а ты говоришь — не считать.

— Теперь дело пойдет быстрее! — произнес Горшков. — Дайте только подключиться моим ребятам.

Однако расчихвостить противника было не так-то легко. Фашисты тоже не дремали. Подбросили в Лесные Халупы подкрепление из колонии Цишицы и, хотя им приходилось теперь вести бой не только с батальонами полка, но и с нашим соседом справа, стойко держались. Ночное небо продолжало расцвечиваться гирляндами ракет. Вспыхивали костры осветительных мин. То в одном, то в другом месте немцы сосредоточивали огонь минометов и артиллерии. С нашей стороны по огневым позициям батарей противника вели огонь диви-

зионы гаубичного полка, противотанкисты Горшкова и полковые минометчики.

Кругом грохотало, ухало, визжало. Из рот начали поступать сведения о продвижении вперед, потерях. Многих недосчитались мы в эту ночь. Старший лейтенант Чугунов донес о гибели сержанта Александра Заточного. Как-то особенно задело меня это известие. Заточный поддерживал нас огнем в ходе высадки. Помню, немцы уже метрах в 70—80, а он спокойно ведет огонь из пулемета, еще и приговаривает: «Ну, ну, ближе, вот теперь нормально», да как полоснет очередью. До взвода фашистов лично уничтожил в том бою Александр Иванович. Коренастый, неторопливый, он хладнокровно расставлял бойцов, назначал каждому сектор стрельбы. Умело управлял группой в ходе атаки фашистов. Несколько раз успел отличиться Заточный и на плацдарме. Когда командир роты спросил мое мнение о допуске его к исполнению обязанностей командира взвода вместо выбывшего из строя офицера, я охотно дал свое согласие, даже как-то обрадовался выбору ротного.

Сержант Александр Иванович Заточный за подвиг на плацдарме был удостоен ордена Ленина. К сожалению, награда пришла, когда отважного бойца в живых уже не было.

Бой за Лесные Халупы продолжался несколько часов кряду. Иные усадьбы, дворы, дома по два-три раза переходили из рук в руки. Фашисты упорно не хотели уступать населенный пункт. Не раз о результатах боя справлялся штаб полка, да и дивизии. И тем не менее подразделения продвигались медленно или вообще лежали в ожидании, когда артиллеристы уничтожат фашистские пулеметные расчеты. Но не успевали подчиненные Горшкова уничтожить одну огневую точку, как рядом с нею возникала другая. И так почти до самого рассвета. Десять — пятнадцать метров вперед — полчаса-час на месте. И все время — наивысший накал огня.

Какие только попытки не предпринимались, чтобы выполнить задачу! В одних местах фашисты уступали, в других даже на метр не удавалось продвинуться. Но мы настойчиво искали слабые места в обороне противника, стараясь разогнуть фланги дуги. Напряженный бой не стихал.

Исход борьбы за Лесные Халупы решил выход группы бойцов во главе с капитаном Бухариным в тыл противника. Старший лейтенант Ковалев нащупал слабо защищенный участок в обороне фашистов. По всей вероятности, это был стык между его подразделениями. То ли немцы в спешке не успели его прикрыть огнем и инженерными сооружениями, то ли перебросили отсюда пулеметы. Как мы убедились, гитлеровцы оборудовали на этом направлении лишь несколько огневых точек. Бухарин — человек инициативный, решил воспользоваться случаем. Отобрал группу добровольцев из 5-й роты, приданных нам пулеметчиков и истребителей танков старшего лейтенанта Николая Шабанова, с моего согласия зашел в спину обороняющимся гитлеровцам и устроил такой, как он после выразился, тарарам, что фрицы в панике начали бросать дворы, огневые позиции минометов и пулеметов в садах и на выгоне деревни. Когда же противник по-

пытался оказать новую помощь гарнизону из колонии Циницы, то наткнулся на организованную оборону и вынужден был отойти с потерями для себя.

Пока мы очищали от немцев последние усадьбы, устанавливали локтевую связь с продвинувшимися также вперед соседями, Бухарин сумел не только удержать рубеж, но и организовать систему огня. Фашисты попробовали атаковать, но вынуждены были отойти.

За инициативу, проявленную в ходе боя за Лесные Халупы, стойкость, мужество и дерзость при отражении атак немецко-фашистских захватчиков на западном берегу Вислы капитан Бухарин был награжден орденом Богдана Хмельницкого III степени.

После ночного боя и оставления Лесных Халуп немцы почувствовали себя неуверенно. Эту неуверенность выдавал бессистемный, бесцельный артиллерийско-минометный огонь с их стороны.

В один из таких обстрелов на НП батальона раздался звонок. Меня срочно просили прибыть в 5-ю роту. На вопрос о причине вызова телефонист ответил что-то невразумительное и еще раз виноватым голосом произнес:

— Товарищ капитан, командир роты просит. Сам он не может подойти к телефону.

— Ранен?.

— Да как вам сказать...

Боец о чем-то умалчивал.

Положив трубку, я снял со стены автомат, кивнул ординарцу. Уже на выходе с НП обернулся к капитану Бухарину:

— К Ковалеву, Николай Яковлевич.

— Что там произошло?

— Не знаю. Просит меня — и срочно.

— Мудрствует он, Ковалев. Утром с миной немецкой все возился, мол, нельзя ли ее приспособить, а мина-то незнакомого образца. Пока я его не отругал и не заставил заниматься обороной. Теперь, наверное, что-либо еще придумал, теоретик. Посмотри, готова ли у него схема огня.

— Ладно, разберусь.

Дворами, садами и огородами мы пробрались к околице населенного пункта. Здесь начиналась извилистая траншея с ходами сообщения к запасным пулеметным площадкам и огневым позициям для расчетов противотанковых ружей. Пригибаясь, двинулись по ней.

— Осторожнее, товарищ капитан, — послышался чей-то басок. — Тут фриц простреливает.

Оглянувшись, увидел невысокого пожилого бойца, с малой саперной лопатой в руках.

— Напарника моего с полчаса как срезал. Только что отправили в санроту.

Подбежал сержант.

— Мошка!

— Я, товарищ капитан, сержант Мошка.

— Как тут у вас?

— Нормально, дооборудуем позицию. — Сержант посмотрел на меня и в раздумье продолжил: — Что-то там у ротного случилось. Вроде снарядом накрыло!

— Когда? Где?

— Минут пятнадцать — двадцать назад. Сказывают, нашего командира роты оглушило, а вот старшего лейтенанта Чугунова срезало начисто. — Сержант Мошка посмотрел назад и кивнул в сторону полуразрушенного строения: — Вон в том сараюшке они находились. Там сейчас санинструктор и взводные.

Я кинулся туда.

В небольшом деревянном сарайчике, приютившемся на краю вошедшего в пору зрелости сада, санинструктор бинтовал старшину Мефодия Горобца. Рядом валялись опрокинутые котелки с макаронами, банки консервов, фляга со вспоротым наискось чехлом, из-под которого виднелись рваные края белого металла. В углу, взявшись обеими руками за голову, сидел, постанывая, старший лейтенант Ковалев. При моем появлении он повел мутными глазами, попытался встать, но тут же, сморщившись от боли, опустился на плащ-палатку.

— Сиди, сиди. Что у вас тут случилось?

— Собрались было ротные покушать, — пояснил мне кто-то из медиков. — А тут фашистская самоходка выползла и начала садить по нашему переднему краю. Ну и снарядом, значит, их накрыло. Ковалева контузило, а Чугунова...

— Так... Где Чугунов?

— Вынесли только что. Скончался. С противоположной стены сарая положили. Где ему теперь быть? Ковалева в медсанбат эвакуировать будем.

— Лейтенант Рубан говорит — не надо, — сказал санинструктор роты. — Дать ему отдохнуть, и придет в себя.

Обогнули сарай. У стены, накрытый плащ-накидкой, из-под которой виднелись запыленные хромовые сапоги со сбитыми каблуками, лежал старший лейтенант Чугунов. Откинул полу плащ-накидки. Скуластое, с раскосыми, восточными глазами лицо было спокойно: ни тревог, ни печали, словно шел и прилег отдохнуть.

Я смотрел на Чугунова, и как-то не верилось, что он мертв. На фронте привыкаешь к смертям. Они неизбежны и часты. Но если с человеком живешь бок о бок не одну неделю, не один месяц в шквале боев, то как-то свыкаешься с мыслью, что с ним ничего не может случиться.

Было нехорошо, неспокойно. Подошел заместитель по политической части лейтенант Елагин, тяжело вздохнул и глухим голосом спросил:

— Чугунов из Башкирии у нас?

— Да, оттуда. Жена там у него, Анна Андреевна. Нужно написать ей, упредить сухую казенную бумагу. Хоть как-то смягчить боль утраты... Как-никак вместе не одну сотню километров отмахали, в полную меру черпнули и хорошего, и плохого.

— Многим нынче придётся писать, многим, — вновь вздохнул Елагин.

...В бою за Лесные Халупы смертью храбрых погибли лейтенант Иван Исаев, младший лейтенант Карп Варивода, многие солдаты и сержанты. Горько стало от невозвратных потерь. Пройдут годы, уйдут в небытие их сверстники, родные и близкие, и, как туман, развеется память о каждом из них. Останется лишь общее, имя которому — подвиг. Но ведь у каждого из них была своя жизнь. И каждый многое мог бы еще сделать на своем пути.

Раненых отправили на левый берег. С ними тоже нелегко было расставаться. Фронтовая жизнь, большие и малые бои сроднили нас и побратали на всю оставшуюся жизнь.

— Нелегко нам досталась эта деревня, — вывел меня из задумчивости голос капитана Бухарина.

Николай Яковлевич тоже прибыл сюда.

— У Ковалева все взводные вышли из строя, — доложил он. — Сержантов назначил командовать взводами. В четвертой Одегов с Чалаганидзе остались.

— Знаю, Николай Яковлевич. Ты вот лучше скажи мне, как могли мы допустить, что ротные командиры сошлись вместе на переднем крае?

— Да я их предупреждал, Александр Терентьевич. С радости, что наконец взяли Халупы, собрались. Ну а тут старшина с обедом. Вот и решили...

— Они-то могли решить, а мы где с тобой и замполитом были? Как могли упустить?

— Понимаю тебя, но что поделаешь. Виноваты. — И после небольшой паузы: — Нужно думать о живых.

— И я к тому говорю. Предупредить еще раз людей: вместе не собираться! Следить за этим и требовать от всех выполнения приказа.

6-ю роту приказал принять старшему лейтенанту Серпухину. Вместе с ним обошел участок обороны роты. Он проходил по краю заросшего кустарником неглубокого овражка, который хотя и выдавался несколько вперед, но давал возможность скрытого сосредоточения и подхода.

— Николай Павлович выбирал?

— Так точно, товарищ капитан, он, Чугунов, — ответил Петр Федорович Серпухин.

— Удачно выбрал. Теперь доводи тут за него. Взвод передай своему помощнику. Сержант у тебя толковый. Только проинструктируй его.

— Слушаюсь! — ответил Серпухин. — Передать и проинструктировать помкомвзвода.

— Держи связь с Пономаревым и пулеметчиками. И ни шагу назад, слышишь меня, Серпухин!

— Так точно, товарищ капитан, слышу. С минометчиками у нас контакт полный. НП Пономарева рядом.

— Предупреди, чтобы тоже поостерегся. Знаю я его, часто на рожон лезет. Чего доброго, ухлопают ни за что ни про что.

— Ваше приказание передам.

Попрощавшись с Серпухиным, пошел свежевырытой траншеей. Бойцы готовили ячейки, огневые позиции для стрельбы, выводили в овражек ходы сообщения. Спустился в него и я. Здесь уже была протоптана тропинка, по которой в тыл выносили раненых и погибших, а обратно несли пищу и боеприпасы.

Подошел к извилистой, уходящей в тыл неглубокой траншее. Пригибаясь, двинулся дальше. Здесь повстречал группу бойцов. На плащ-палатке они несли раненого. Поинтересовался, кого несут.

— Старшину Горобца, товарищ капитан, — ответил пожилой красноармеец.

— Как себя чувствует старшина?

— Без памяти, бредит, — за всех ответил санитар. — Тяжелое состояние. Как бы...

— Доставить до НП живым, сержант. Там решим, что и как. Наверняка уже ждет брат.

Братья Феодосий и Мефодий Горобцы влились в батальон с маршевым пополнением в Нежине, где мы находились на отдыхе. Они обратили на себя внимание подтянутостью, выправкой, знанием военного дела. Мефодий через некоторое время был назначен старшиной 6-й роты. Феодосий служил в пулеметной роте, противотанковых ружей, затем принял взвод снабжения. И здесь, как говорят, нашел себя. Инициативный, рачительный хозяин, он мог в трудную минуту достать харч и боеприпасы из-под земли. Кормить людей — дело непростое и в тылу, а тем более в условиях передовой, когда почти все время находишься под огнем противника и каждый неверный твой шаг, ошибка могут привести к роковым последствиям. Но ему как-то удавалось к сроку подготовить пищу.

Горобцы запомнились по многим эпизодам военной жизни. Воевали братья хорошо. В одном из тяжелых боев вышел из строя командир взвода младший лейтенант Федор Липатов. Бойцы растерялись, кое-кто начал было пятиться назад. В это время с подносчиками боеприпасов в расположении взвода оказался старшина Горобец. Мефодий быстро сориентировался в обстановке.

— Слушай мою команду! — закричал он в полную силу легких.— Стой! Назад! Наза-ад!..

Бойцы, услышав голос старшины, приободрились, начали занимать покинутые было ячейки, вести прицельный огонь по врагу. Положение было восстановлено. Немало подобных эпизодов насчитывалось в боевых биографиях братьев. И вот досадный, нелепый случай.

На НП батальона за мое отсутствие накопилось немало дел. Пока разбирался с ними, немцы пошли в контратаку. Завязался бой. Из памяти на какое-то время выпал старшина Мефодий Горобец. Когда же вспомнил о нем, ординарец ответил:

— Скончался, товарищ капитан. Здесь его брат.

Я вышел. Неподалеку в просторном, но пока еще не накрытом

накатом окопе увидел застывшую как изваяние фигуру с низко опущенной головой. Подошел ближе. Феодосий стоял над телом брата. Столько было в его глазах тоски и печали, что я не выдержал:

— Крепись, Федос, ты — солдат!

Он молча кивнул.

Там, на плацдарме, и нашел последнее свое пристанище сын украинского народа Мефодий Горобец. Брат пошел дорогами войны дальше. Был ранен. Подлечившись, вновь попал на фронт. Закончил войну в Чехословакии. Сейчас солдат живет в своем родном селе Меленцы, что привольно раскинулось под Житомиром. Вырастил четырех сыновей и дочь. Несмотря на раны и преклонный возраст, старый солдат продолжает трудиться в колхозе. Недавно написал мне: награжден за ударную работу.

...Теперь нам предстояло овладеть колонией Цишицы. Кирпичные дома, сараи, каменные основания заборов селения противник приспособил под узел сопротивления, передний край которого протянулся извилистой линией, обходя восточные окраины Гурно, скаты высоты 177,9 и Доротку. Наши атаки пока не приносили желаемого успеха. Фашисты держались стойко, то и дело сами контратаковали при поддержке артиллерии и самоходных установок.

Не менее ожесточенные бои вели и соседи. 862-й стрелковый полк продолжал атаковать своим левым флангом Доротку, а правым — высоту 177,9. 828-й стрелковый полк подполковника Красовского атаковал противника в направлении Гурно. Многие солдаты, сержанты и офицеры дивизии отличились в этих боях. Храбро дрались лейтенанты И. Родионов, П. Шурпа, старшины В. Мурзин, Т. Иванова, сержанты Н. Шаламов, И. Киенко, Н. Агудин, К. Есеноманов, А. Казаков, И. Елкин, рядовой В. Рязанов и другие.

Постепенно на плацдарм стали прибывать новые части. Командование корпуса решило сузить фронт наступления дивизии. 862-й стрелковый полк майора Василия Кожевникова, сдавший участок боевых действий в районе Доротки частям 273-й стрелковой дивизии полковника С. С. Лотоцкого, сосредоточил основные усилия на овладении высотой 177,9, потеснив батальоны нашего полка. На правый фланг 828-го стрелкового полка подполковника Николая Красовского тоже вышла дивизия второго эшелона корпуса. Прибыли огнеметчики.

Принимались меры для повышения боеспособности: в полках — рот и батальонов, в дивизии — полков. Усиление стрелковых подразделений шло за счет тыловых. В боевой строй встали ездовые, повара, оружейники, санитары. Командование пошло на то, чтобы расформировать третьи батальоны полков и высвободившийся личный состав передать в 1-й и 2-й батальоны. Однако и этого оказалось недостаточно: слишком велики были людские потери. К нам стали приходить артиллеристы, связисты.

7 августа на пополнение прибыла команда саперов. С большим уважением я относился к этим труженикам войны. Бывало, пока

закрепляешься в захваченных у врага окопах и ходах сообщения, они уже установят на танкоопасных направлениях мины, а противопехотными обеспечат фланги. Саперы сопровождали нас в наступлении, готовили проходы в инженерных заграждениях противника. А сколько пришлось им вынести при разминировании мостов, дорог, колонных путей, наведении разного рода переправ! Помню старших сержантов Шагайметова, Сергачеева, старшину Мурзина, сержантов Губу, Бирюкова. Это были настоящие мастера своего дела.

Часто приходилось встречаться с командиром батальона майором Константином Лапшиным — спокойным, уравновешенным офицером. Всегда до предела занятый, он, однако, не терял чувства юмора и хорошего настроения. Его заместитель майор Борис Георгиевич Звездин был человеком эмоциональным, быстрым, решительным. Во время форсирования Вислы под огнем противника ни на минуту не отлучался с переправы. Своей распорядительностью вселял в людей уверенность. Не случайно в представление к награждению Бориса Георгиевича за форсирование Вислы легли такие слова: «...смел, находчив. Во время строительства паромной и десантной переправ проявил мужество и отвагу. Обеспечил доставку 80 тонн боеприпасов и продовольствия на плацдарм». Майор Звездин за это славное боевое дело был удостоен ордена Красного Знамени.

Хорошо знал я и командиров рот саперного батальона. Капитан Дмитрий Рубцов — отважный, мужественный офицер, за успешное выполнение заданий командования по разгрому немецко-фашистских захватчиков еще до форсирования Вислы получил ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени. Опытным, зрелым командиром был капитан Анатолий Ливаднев. На всю дивизию было известно имя командира саперного взвода лейтенанта Владимира Мосина. Отважный сапер воевал на Ленинградском фронте, а после ранения прибыл к нам. С первых дней пребывания в дивизии, а особенно в январских и февральских боях, он обратил на себя внимание знанием дела, умением, находчивостью. Был награжден несколькими медалями, орденом Красной Звезды. За обеспечение форсирования Вислы и проявленное при этом мужество и героизм представлен к высокой правительственной награде.

Были знакомы мне по совместным боям и другие офицеры, многие солдаты и сержанты саперного батальона. Знал, как они гордятся своим воинским коллективом и любят его. Хорошо понимая состояние прибывших и желая как-то их подбодрить, я поговорил с ними, рассказал о создавшемся положении на плацдарме и обещал, как только прибудет пополнение, отправить их в свою часть.

— Мы понимаем, товарищ капитан, — за всех ответил сержант с двумя нашивками за тяжелые ранения. — Мера эта вынужденная. Воевать будем на совесть.

Мы распределили саперов по ротам. В ходе дальнейших боев они показали себя с самой хорошей стороны. Ходили вместе со всеми в атаки, закрепляли захваченную у врага территорию. Здесь уж, как говорится, они были в своей стихии: приспосабливали инженерные сооружения противника под нужды взводов и рот, оборудовали тран-

шей, окопы, ячейки, огневые позиции, вместе с пехотинцами помогали обустраиваться артиллеристам. Как-то за ночь совместно с пушкарями оборудовали ложную огневую позицию батареи, по которой противник молотил из артиллерии и тяжелых минометов до тех пор, пока не догадался, что его провели, и в отместку добрых полчаса кромсал оборону батальона.

Многих саперов за бои на плацдарме я представил к правительственным наградам.

Между тем ожесточение боев не только не ослабевало, а, казалось, день ото дня усиливалось. Враг продолжал оказывать сопротивление, подтягивал резервы, предпринимал контратаки, стремясь столкнуть нас с плацдарма или хотя бы отодвинуть назад. Только в ночь на 7 августа мы отразили четырнадцать, соседи слева — шесть, а справа (828-й стрелковый полк) — четыре контратаки противника.

Над плацдармом стоял непрекращающийся гул. Круглые сутки вела огонь артиллерия, с раннего утра и до позднего вечера висели самолеты той и другой стороны. Нужно было выдержать все это, продолжать выполнять задачу по расширению плацдарма.

В один из дней 862-й стрелковый полк, при содействии нашего 1-го батальона, после тяжелого многочасового боя наконец-то захватил высоту 177,9. Однако закрепиться на ней с первого раза не удалось. После нескольких атак противника полк вынужден был отойти, полностью израсходовав боеприпасы, унося с собой раненых товарищей.

В этот день смертью храбрых на поле боя пал один из лучших офицеров 862-го стрелкового полка командир пулеметной роты Василий Дмитриев. Пулеметчики стояли до последнего. Кончились боеприпасы, отбивались от наседающих немцев трофейным оружием, гранатами, дрались в рукопашных схватках. И лишь по приказу, прорвав кольцо окружения, отошли.

Я понимал состояние комбатов Дмитрия Шорина и Геннадия Макурина. Взять и отдать назад противнику высоту—тут уж не до хорошего настроения. Позвонил капитану Макурину, выразил сожаление по поводу случившегося.

— Столкнули с высоты, — вздохнул Геннадий Макарович. — Навалились, бьем, а они лезут, тараканье отродье. — Макурин некоторое время помолчал. — Но ничего. Говорят, долг платежом красен. Думаю, что недолго фрицам осталось радоваться, сосед. Скоро услышите наш сабантуй.

Действительно, в первой половине ночи по противнику, находящемуся на высоте 177,9, открыла огонь артиллерия. Даже поддерживающие нас батареи капитанов Ивана Макаренко, Ивана Киселева и Ивана Болденко обрушили туда боезапас. С НП хорошо было видно, как дыбилась и горела земля, вернее, то, что еще могло гореть.

— Вот это дают дрозда! — не выдержал находящийся у нас для корректировки огня командир взвода разведки артполка лейтенант Николай Бойко. — Солоно приходится немчуре. Ох как солоно! — И, войдя в азарт, закричал: — Так их, ребята! Бей, дави...

— Бойко! — обернулся к нему Пресняков. — Попридержи эмоции.

— Виноват, товарищ капитан. Но больно уж зла у меня на фрицев много накопилось.

Откровенно сказать, не меньший восторг вызвал огонь нашей артиллерии у пас всех. Последний налет по обороне противника был особенно сильным. В нем приняли участие артиллеристы 273-й стрелковой дивизии. Высота, прилегающая к ней местность по фронту и в глубину покрылись морем огня. Вокруг стоял сплошной вой и грохот.

Не успели замолкнуть последние артиллерийские залпы, небо начали чертить ракеты: 862-й стрелковый полк пошел на штурм высоты. По общему сигналу по противнику в своих секторах открыли огонь дежурные пулеметы, минометные батареи нашего и соседних полков. От края и до края плацдарм ожил, засветился россыпью ракет, вспышками выстрелов, разрывами снарядов и мин.

Под гул канонады батальоны Шорина и Макурина атаковали противника. Во время штурма особенно отличился командир 4-й стрелковой роты лейтенант Сергей Задорин. Под его руководством бойцы обошли высоту и с фланга ударили по врагу. Завязалась рукопашная схватка. Бойцы дрались неистово. Днем рота потеряла свыше трети личного состава. На глазах отходивших воинов гитлеровцы надругались над павшими в бою комсомольцами-пулеметчиками, которых не удалось вынести. Кололи ребят штыками, стреляли в них. Затем повесили на колючей проволоке. И вот пришло возмездие. Кровь за кровь, смерть за смерть!

Лейтенант Задорин первым ворвался на западные скаты высоты. Не останавливаясь, повел бойцов дальше. Немало инициативы, находчивости проявил он и в дальнейшем. За бои на плацдарме Сергей Михайлович Задорин был награжден орденом Ленина. Высоких правительственных наград удостоились и его подчиненные.

В четыре часа утра батальоны майора Кожевникова ворвались в первую траншею противника и потеснили его. Фашисты, удерживая отдельные участки траншеи, ходов сообщения, продолжали яростно сопротивляться. Применять артиллерию ни та, ни другая сторона не решалась, боясь задеть своих. Правда, немцы попытались оказать помощь гарнизону высоты через колонию Цишицы. Но маневр был вовремя замечен наблюдателями нашего полка. Попав под фланговый ружейно-пулеметный огонь, свыше роты врага залегло в небольшой лощинке. В дальнейшем гитлеровцев почти полностью уничтожили минометчики лейтенанта Василия Пономарева.

К рассвету высота была очищена от врага. Стрельба несколько поутихла. Чувствовалось, что гитлеровцы выдохлись. Но вот надолго ли?

Из-за черневшего на горизонте лесного массива поползли серые, мрачные тучи. Они плотно затянули небо. Стало сумрачно. Подул ветер, сметая с крутолобых бугров пепел, поднял в воздух черные вихри и закружил их, унося к Висле. Хлынул дождь — сильный, прямой, не подвластный потокам воздуха, и теплый. Бойцы и командиры, сбросив порядком сопревшие под касками пилотки, сняв гим-

настерки, выбежали из окопов и траншей, подставляя потные плечи и взлохмаченные волосы потокам воды, крякали от удовольствия.

— Баньку бы сюда, — повел плечами капитан Бухарин, глядя, как радостно хлопают себя по голым бокам связисты и солдаты взвода снабжения. — Тело уже истомилось по водице, особенно горяченькой.

— А что, идея неплохая, — подхватил мысль Николая Яковлевича лейтенант Елагин. — Давно нам пора подумать о помывке людей. В тылу это дело устроить нетрудно. А вот здесь? Как твое мнение, командир?

Но тут в разговор включился капитан Пресняков:

— Немцы организуют вам баньку с припарочкой, мечтатели!

— Почему — мечтатели, Игорь Тарасович? — возразил я Преснякову. — Жизнь этого требует. Даже в таких условиях нужно думать и о бане, и обо всем фронтовом быте. Это наш долг.

Начали подыскивать материалы для строительства бани.

На плацдарме мы жили не только боями. В батальоне проходили партийные и комсомольские собрания, беседы, выпускались боевые листки. Иван Иванович Елагин вместе с секретарем комсомольской организации на второй день форсирования организовал выпуск листовок-молний об отличившихся солдатах, сержантах и офицерах. Не только в полку, но и во всей дивизии стало известно о подвиге первых десантников лейтенанта Александра Чикишева, сержанта Александра Заточного, рядовых Владимира Овсянникова, Василия Прасова, младших сержантов Алексея Верещака, Ивана Лунева. По нашему примеру листовки-молнии о героях боев на плацдарме стали выпускаться в других полках и батальонах.

Не прекращался прием в партию. После атак, артналетов, отражения контратак противника коммунисты собирались в окопах, траншеях, еще исходящих кислым запахом тротила воронках, разбирали заявления солдат, сержантов и офицеров с просьбой принять их в ряды ленинской партии. Лучшей из рекомендаций было поведение товарища в бою, где ярче всего проявлялся характер человека, его преданность народу, делу великого Ленина. Секретарь партийного бюро полка майор Юрков по этому случаю говорил: «Ничего, если человек в теории еще недостаточно силен. Это поправимо. Поможем. Лишь бы он сердцем был с нами».

Сергей Дмитриевич Юрков пользовался большим уважением в полку. Это был смелый, решительный, опытный политработник. В критические минуты становился в цепь или возглавлял отражение контратак противника. «Живы будем — не помрем, — любил повторять Сергей Дмитриевич. — Для нас пуля еще не отлита». Его часто можно было видеть во взводах, ротах. Коренастый, но стройный, светловолосый, с мягкой улыбкой, он приносил в стрелковые ячейки, на огневые позиции теплоту и душевность, которых подчас так не хватало бойцам на передовой. Умел в разговоре с людьми создать непринужденную обстановку. Одного приободрит словом, второму

поможет написать домой письмо, третьему посоветует, подскажет, как поступить. Недаром бойцы открывали ему сокровенное. Между собой называли Юркова «наш партийный секретарь», вкладывая в эти слова свою любовь и уважение к нему.

Не помню, после какой уже по счету немецкой атаки под Циницами, когда люди смертельно устали и ими начало овладевать безразличие, он появился в боевых порядках батальона с вестью о присвоении 828-му, 862-му стрелковым и артполку наименования Владимир-Волынских. Собрать личный состав по этому случаю возможности не было. Противник вел огонь. Провели делегатское собрание, написали листовку-молнию, которая пошла по солдатским рукам. Душевные силы бойцов были восстановлены.

— На работу с людьми времени не жалейте, — напоминал нам Сергей Дмитриевич. — В них — наша сила. Это время с лихвой в бою окупится, когда от человека потребуется максимальное напряжение.

Во время одного из артналетов майор Юрков был тяжело ранен. Бодрым, неунывающим, веселым и простым остался в моей памяти Сергей Дмитриевич Юрков — человек большой воли, коммунист.

Не могу не вспомнить агитатора полка майора Вохминцева. Его часто можно было видеть в кругу солдат, сержантов и офицеров. Доводил до людей сводки Совинформбюро, рассказывал о положении на других фронтах и в тылу.

Каждое слово Анатолия Ивановича било в цель, вызывало гнев и возмущение в сердцах бойцов, заставляло нас забывать об усталости, трудностях ежедневных боев.

Продолжая выполнять задачу по расширению плацдарма, к десятым числам августа полк подошел к колонии Циницы. В одну из ночей на НП батальона появился майор Павлюк. Командир полка был чем-то очень озабочен.

— Пойдем-ка, комбат, в роты, — предложил мне Валентин Евстафьевич.

Накинув поверх гимнастерок телогрейки, взяли автоматы и в сопровождении ординарцев двинулись к передовой. Ночь выдалась не особенно беспокойной. С вечера фашисты пробовали атаковать 6-ю стрелковую роту, но отошли, оставив на поле боя полтора десятка трупов солдат и офицеров. Ближе к полуночи они угомонились. Лишь время от времени стучали дежурные пулеметы да ракетами расцвечивали местность сигнальщики. Из-за горизонта выползла луна. Взбираясь все выше и выше, она продолжала свое неторопливое движение по едва притушенному дымчатой синевой августовскому небу. Прохладный ветерок нес с собой неясные шорохи, отголоски прошедшего боя. На северо-востоке небо отсвечивало сполохами. Тревожная летняя ночь плыла над передовой.

— Молчат фрицы, — остановился в изгибе хода сообщения майор Павлюк.

— За день наработались, да и вечером попытали счастья...

— Ну и как?

— Не вышло. Отошли с потерями. Теперь вот угомонились.

Мы смотрим в сторону Цишиц. Порой кажется, что кто-то движется там от дома к дому, и взгляд невольно напрягается. Но сколько ни всматриваемся, ничего не видно.

Вероятно, из штаба батальона о нас сообщили командирам рот. В траншее еле заметное опытному глазу движение. Из рукава хода сообщения появляются человеческие фигуры. Впереди исполняющий обязанности командира роты старший лейтенант Серпухин. Командир полка здоровается с ним, интересуется делами.

— Нормально, — отвечает Петр Федорович. — Вот только немцы стали вести себя беспокойно. Настырно щупают оборону, ведут разведку. Вчера чуть было дежурного пулеметчика не увели.

— Этого еще нам не хватало.

— Так ведь, товарищ майор, не увели. Новичок, из ездовых, устал за день, немного расслабился, но в последний момент поднял тревогу. Разведгруппу противника начисто положили у самой траншеи.

— Ясно, ясно! — Командир полка обернулся ко мне и кивнул в сторону противника: — Разведку ведешь?

— Да, наблюдением, подслушиванием. Вчера Чалагапидзе лощинку, подступающую к Цишицам, обследовал. Немцы пока что ее не заминировали.

— Это где?

— Здесь недалеко, на правом фланге четвертой роты.

— Пройдемте-ка туда, Александр Терентьевич.

По тому, как оживился майор Павлюк и с какой заинтересованностью он произнес последние слова, нетрудно было догадаться, ради чего к нам прибыл командир полка. Валентина Евстафьевича интересовали Цишицы, за овладение которыми мы ведем борьбу вот уже несколько суток подряд. Это беспокоило не только нас, но и штабы полка; дивизии, да и корпуса. Звонки из разных инстанций, телефонные разговоры — убедительное тому свидетельство. Теперь вот на передний край прибыл командир полка. Прибыл, как говорят, не от хорошей жизни. Обстановка заставляет искать подходы к Цишицам.

4-я рота занимала оборону по скатам невысокого искривленного холмика. НП командира приютился между разросшихся кустов шиповника, чуть пониже гребня, к которому вели неглубокие усы ходов сообщения.

Старший лейтенант Одегов встретил нас на подходе, попросил быть поосторожнее: пошаливают иногда немцы, пристрелялись.

— Как ведет себя противник? — кивнул в сторону немцев майор Павлюк.

— Днем головы не дает поднять, ночью успокаивается, — ответил Дмитрий Михайлович. — Зарывается в землю. Командиры взводов доносят: слышат стук лопат.

— Значит, окапываются?

— Да, готовят оборону. Прошлую ночь пробовали ставить мины. Мы помешали. Такой тарарам устроили, что фрицы побросали готовые ямки и...

— Постой, Одегов! — остановил его Павлюк. — Где лощинка, о которой доносил Чалаганидзе?

— Рядом, вон за теми двумя деревьями, начинается. Там оборону Чалаганидзе держит. Немцы почему-то оставляют лощинку открытой, хотя она к самым дворам Цишиц подходит.

— Пока оставляют, — невольно вырвалось у меня. — А если сегодня или завтра они ее перехватят минами?

— Так точно, товарищ капитан, как пить дать перехватят. Чалаганидзе передает: подозрительно суетятся фрицы в садах. Что-то готовят они там?

Мы прошли к обороне взвода старшего лейтенанта Чалаганидзе. Эммануил Нестерович, красивый, статный грузин, встретил приветливо, доложил об обороне, поведении противника и, уже заканчивая, обратил наше внимание на то, что фашисты минируют сады, являющиеся последним подступом к Цишицам.

— Но пока что минные поля не везде!

— Говоришь, не везде? — уточнил Павлюк.

— Так точно, товарищ майор, пару проходов ребята нащупали.

— Значит, сможешь, генацвале, людей провести.

— Конечно, смогу!

— Нужно торопиться, — глянул на часы майор Павлюк и уже в раздумье продолжил: — Все же надо проверить, Алтунин. Пришлю разведчиков, посмотри еще раз проходы, подумай, как их лучше использовать. Потом доложишь свои соображения. Осечки никакой не должно быть. Боевое распоряжение скоро получишь.

Командир полка не стал нас вводить в детали предстоящего дела: возможно, еще сам не принял окончательного решения. Но в том, что оно предстоит, сомнения ни у кого не было.

Назад возвращались тем же путем. Кто-то из сопровождавших нас зацепился ногой за пустую консервную банку. Она покатилась и зазвенела по камням. Мы замерли на месте. Со стороны противника ударила очередь. За ней — вторая, третья... Местность осветили ракеты. Пули цокали вокруг нас, визжали.

— Ложись! — скомандовал Валентин Евстафьевич.

Не успели мы упасть на землю, как вверху визгливо зашелестело: «и-у-у...» «Тр-рах, трах!» — загремели в темноте вокруг нас взрывы, завизжали осколки, комья земли забарабанили по спинам.

Мины продолжают рваться. Пламя на мгновение выхватывает из темноты лица, слепит. «Влипли, — мелькнула в сознании мысль. —Ненароком еще командира полка зацепит. Тогда хлопот не оберешься...»

Земля вздрагивает, стены неглубокой траншеи осыпаются, свистят осколки. Но вот минометный обстрел начал стихать. Из стрелкового оружия противник продолжает палить. Подают голос крупнокалиберные пулеметы.

— Растревожили фрицев, — говорит Валентин Евстафьевич. — Ишь как бесятся, черти! Кстати, у немцев на твоем участке круп-

покалиберные пулеметы. Что-то раньше не слышал о них. С наступлением сумерек подтянули?

— Очевидно.

— Твои наблюдатели прошляпили, что ли?

Я промолчал. Павлюк выждал паузу, продолжил:

— К тому же ручных пулеметов у немцев многовато. Тебя поддерживает истребительно-противотанковая батарея. Она-то чем занимается? Ставишь задачу противотанкистам или им подавай бронированные цели?

— Как же, ставлю. За день четыре огневые точки уничтожили. Да и бронированные цели были.

— Так вот, передай им от меня: в атаке ротам путь расчистить! Не только крупнокалиберные, но и легкие пулеметы уничтожить. Иначе сами пойдут в цепи с твоими ребятами. Так им и передай.

Мне невольно вспомнилась вчерашняя ночь. Отдохнуть прилег уже под утро, однако сон не шел. Непонятное ощущение тревоги охватило меня и не давало забыться.

Поворочавшись с полчаса на жесткой импровизированной постели (на ржаную солому была наброшена плащ-палатка, а под голову положена чья-то солдатская шинель), поднялся и вышел из окопа. Следом появился ординарец.

— Разбуди автоматчиков. Пройдусь в роты, а ты ложись отдыхать. Завтра тяжелый день будет.

— Все они у нас тяжелые, товарищ капитан. Поспали бы и вы.

— Слышал, что тебе сказал?

Минут через пять в сопровождении автоматчиков отправился на передний край. По пути заглянул на огневую позицию батареи противотанковых пушек. Нас окликнул часовой и потребовал назвать пароль. Подошли ближе. Орудия были добротно укрыты в окопах, боеприпасы лежали в ровиках. Прямо у станин забылись коротким сном расчеты.

— Намаялись, товарищ капитан, за день, — пояснил мне подошедший сержант. — Да и на всякий случай...

— Понятно, понятно...

— Комбата разбудить?

— Не нужно. У вас здесь два взвода. Третий на пригорке.

— Так точно, товарищ капитан. Рядом с НП командира вашей четвертой роты.

— Хорошо, пройдем туда.

Сержант вызвался проводить нас.

— Тут немцы мины поразбросали, товарищ капитан, — предупредил он. — Саперы еще не успели их поснимать. Правда, указками обозначили. Но, кто его знает, еще ненароком оступитесь. Мне же все одно — время проверить несение службы. Да и каждый кустик знаком.

— Хорошо, ведите, — согласился я.

Метров через сто пятьдесят были на месте. Прошли к орудиям. Пока сержант вполголоса разговаривал с часовым, я прислушался. Ничего подозрительного слышно не было. Невдалеке чернел изгиб

траншеи, мы двинулись туда, но, не дойдя нескольких шагов, остановились от приглушенного окрика. Вновь назвал пароль.

— Товарищ капитан, вы?!

— Я.

— Сюда, сюда. Сейчас командира взвода разбужу. Он тут, рядом.

— Не надо, Зверев.

Солдат в ответ произнес:

— Узнали?!

— Как же тебя не запомнить, Иван Петрович!

С рядовым Зверевым, немногословным колхозником с Черниговщины, я вперные встретился перед форсированием Вислы. На одном из привалов распределяли прибывшее с маршевой роты пополнение. Хотели было по возрасту определить его в ездовые. Наотрез отказался.

— Мне нужно в строй, товарищи командиры, — твердил боец. — У меня к фашистам счет особый. Село, значит, наше подчистую разграбили изверги, а потом сожгли.

Направили Зверева в стрелковую роту. И не ошиблись. В первых же боях он показал себя с положительной стороны. Простой, спокойный, Иван Петрович благотворно влиял на молодежь взвода. И вовсе не случайно, что именно его командир назначил нести службу в это трудное время суток.

Вместе обошли оборону взвода. Траншея, ячейки, огневые позиции для пулеметов и противотанковых ружей — все было сделано добротно, на совесть. Бодрствовали дежурные пулеметчики. На вопрос, как ведет себя противник, ответили: нормально.

— Вы, ребята, все же за углом сада посматривайте, — посоветовал им Зверев. — Не ровен час, и пожалуют гитлеровцы.

Распрощавшись с рядовым Зверевым, пошел с автоматчиками по траншее в сторону соседнего взвода. Порадовался и здесь: люди несли службу исправно.

Заглянул в 5-ю роту. Старший лейтенант Ковалев бодрствовал. Присел с ним покурить. Иван Архипович пожаловался на нехватку людей.

— Обещали пополнить, да вот что-то не шлют.

— Офицеров бы, товарищ капитан. Взводами командуют сержанты.

— Знаю, Иван Архипович, знаю. Но что поделаешь, Цишицы придется брать наличными силами.

— Ясно, — вздохнул Ковалев. — Буду людей готовить.

Перед 6-й ротой противник также вел себя спокойно. Однако ощущение тревоги не проходило. Возвращаясь назад, невольно задержал шаг. Со стороны Цишиц доносился какой-то непонятный гул. Прилег на землю и стал всматриваться. Через несколько минут появилась черная расплывчатая тень, оформившаяся вскоре в контуры танка. Вслед за ним возникла вторая машина, затем третья... Колонна на приглушенных оборотах шла вдоль фронта.

Бросился на огневую позицию артиллеристов. Расчет выдвинув-

шегося вперед орудия по-прежнему спал. Растолкал ребят. Командир орудия сам встал за прицел. Глухо клацнул затвор. Выстрел. Видно было, как трассер снаряда вошел в борт головной машины. Номера расчета сорокапятки еще не успели перезарядить орудие, как над немецким танком вспыхнул сноп огня.

— По второму, по второму давай! — крикнул кто-то из артиллеристов.

Орудие вновь откатилось назад. Снаряд огненной дугой чиркнул по броне.

— Эх, не берет! — сплюнул сержант.

— Наводи в борт!

— Поздно уже.

Фашистские танки разворачивались, уходили в тыл. Артиллеристы, теперь уже всей батареей, вели по врагу огонь. Им удалось поджечь еще одну вражескую машину. Экипажи, покинувшие танки, попали под наши пулеметы.

Огневая дуэль продолжалась, пока немецкие танки не скрылись в садах Цишиц. Первыми прекратили стрельбу фашисты. Вслед за ними угомонились и наши артиллеристы. Лишь два огненных столба напоминали о прошедшей схватке. Тяжелый смрад до самого позднего утра стлался над землей.

Днем истребительно-противотанковая батарея уничтожила четыре огневые точки врага. Так что моя похвала батарейцев была ими вполне заслужена.

Однако Валентин Евстафьевич ответил с ноткой иронии в голосе:

— Жалеешь, комбат, пушкарей. Смотри, как бы не было хуже. Тебе людей поднимать в атаку.

— Подниму, товарищ майор, не впервой. Да и Мастеров расчистит дорогу.

— Тогда добро. — Майор Павлюк пожал мне руку. — Я в первый батальон загляну. Готовься к атаке. Не забывай о проходах. Они тебе очень потребуются.

Командир полка ушел. Вернувшись на НП, я разбудил капитана Преснякова. Проснулся и Бухарин. Мы принялись за работу: поставили задачу минометчикам, противотанкистам, взводу сорокапяток, а точнее, одному оставшемуся орудию с неполным расчетом.

На НП прибыл командир истребительно-противотанковой батареи капитан Мастеров. Только сели с ним обдумать, как лучше использовать его артиллеристов, из штаба полка прибыл посыльный с боевым распоряжением на наступление. Я обернулся к телефонисту:

— Командиров рот и отдельных подразделений — сюда!

Времени до начала атаки оставалось в обрез. Сделать же предстояло немало: отдать боевой приказ, дать возможность поработать нижестоящим командирам, накормить людей. Появилась масса других непредвиденных дел. Словом, как мы ни торопились, но к артподготовке едва успели справиться.

По общему замыслу, нам предстояло штурмовать колонию Цишицы с фронта. 1-й батальон двумя ротами наносил удар по обороне противника с левого фланга, а одной — перерезал дорогу, идущую в населенный пункт с северо-запада.

В пять тридцать ударила наша артиллерия. Передний край покрылся фонтанами разрывов. Минут пятнадцать дивизионы артполка обрабатывали позиции гитлеровцев. Истребительно-противотанковая батарея вела огонь по разведанным целям. Приданная дивизии артбригада обстреливала позиции артиллерийских и минометных батарей противника. Но вот наши пушкари перенесли огонь на Цишицы. По моему сигналу взлетели вверх ракеты. Роты пошли в атаку.

Воспользовавшись проходами, старший лейтенант Дмитрий Одегов сравнительно легко ворвался в первую траншею противника. Труднее было 5-й и 6-й ротам. Подразделения попали под кинжальный пулеметный огонь, залегли и начали нести потери. Пришлось срочно нацелить туда артиллеристов капитана Мастерова. С запасных позиций они открыли огонь по пулеметным гнездам врага и буквально за несколько минут расчистили путь стрелкам. Роты ворвались в немецкую траншею и, перекатившись через нее, рванулись к домам Цишиц, где уже завязали бой взводы старшего лейтенанта Одегова.

Дмитрий Михайлович Одегов принял роту в ходе операции по форсированию Вислы. С первых часов боя на плацдарме нашел себя в новой должности. Подчиненные увидели в нем волевого, бесстрашного командира и поверили в него. В этом большую помощь командиру оказал командир взвода, он же и парторг роты, старший лейтенант Эммануил Чалаганидзе. Спокойный Одегов и горячий Чалаганидзе как бы дополняли друг друга, что положительно сказывалось на выполнении боевых задач. Словом, за 4-ю роту я всегда был спокоен: дерется напористо и расчетливо. Не ошибся в ней и теперь.

— Овладел четырьмя усадьбами, — донес через связного Дмитрий Михайлович, — однако сопротивление противника возрастает, продвижению мешают два вкопанных танка...

Пока капитан Мастеров перебрасывал туда взвод противотанковых пушек, бойцы сумели уничтожить одну из машин. При этом отличился расчет противотанкового ружья. Наводчик рядовой Иван Гудыменко вторым выстрелом попал в триплекс и ослепил механика-водителя. Остальное доделали противотанковые гранаты. Фашистская машина вспыхнула и взорвалась под дружное «ура» бросившихся вперед пехотинцев.

Рота старшего лейтенанта Одегова, отвлекая на себя внимание противника, дала возможность 1-му батальону обойти Цишицы с левого фланга и перехватить дорогу из деревни Доротка, по которой фашисты подбрасывали в населенный пункт подкрепления. Справа обтекали колонию батальоны 828-го Владимир-Волынского полка. Отчаянно сопротивлявшиеся немцы сначала заметались, за-

тем начали пятиться назад, попадая под ружейно-пулеметный огонь рот нашего 1-го батальона.

Враг попытался подбросить к месту боя резервы с запада. Но эти резервы — до батальона противника при поддержке штурмовых орудий — вынуждены были развернуться и завязать бой с ротой старшего лейтенанта Дмитрия Тимофеева. Здесь особенно отличились поддерживающие подразделение пулеметчики капитана Алексея Бессонова. Они буквально прижали немецкую пехоту к земле и до конца боя не дали поднять ей даже головы.

862-й Владимир-Волынский полк окончательно лишил немцев возможности подбросить силы и средства в помощь гарнизону Цишиц.

Часам к девяти утра бой, набрав силу, гремел по всему плацдарму. Фашисты сосредоточили на наших боевых порядках всю мощь артиллерийско-минометного и пулеметного огня. В воздухе появилась вражеская авиация. Но по ротным и батальонным цепям гитлеровцы бомбовые удары наносить не решились: боевые порядки перемешались в результате нашего вклинения в оборону врага. Фашистские летчики сбросили груз на полковые тылы и в районе командного пункта дивизии.

К этому времени на плацдарм прибыл штаб дивизии. Возросли оперативность управления и влияние командования на ход и исход наших схваток с фашистами.

— Как там у тебя идут дела? — связался со мной в разгар боя начальник штаба полковник Абашев.

— Крайние дома Цишиц в наших руках, — доложил я Федору Федоровичу. — Продвигаемся трудно. Фрицы цепляются за каждое строение. Несем потери.

— Да-а. — Федор Федорович откашлялся. — Чем тебе помочь, капитан? Огоньком? Тут рядом со мной бог войны.

— Неплохо бы, товарищ полковник. А то у капитана Мастерова боеприпасы на исходе.

— Вот и добро. Сейчас к тебе для корректировки прибудет офицер. Жди, но и сам не плошай, нажимай на фрица. Колония должна быть взята.

Абашев положил трубку. Почти тут же позвонил майор Павлюк. Командир полка также был недоволен медленным продвижением:

— Время упускаем, Алтунин. Фрицы с каждой минутой усиливают нажим на Красовского и Кожевникова, не говоря уже о первом батальоне. Торопись. Подчиняю тебе Сергеева и все, что еще тут наскребу. Жду добрых вестей.

Минут через пятнадцать на НП батальона появился командир артдивизиона майор Береза и еще из хода сообщения забасил:

— Ну что вы тут, бродяги, застряли? Какая помощь требуется, комбат?

— Обыкновенная — огонька побольше, Валентин Петрович. Фрицы роты пулеметным огнем прижали. Да и их артиллерия не дает головы поднять.

— Ну это нам по плечу. Показывай, где немцы, а где твои роты находятся.

Пока вводил Валентина Петровича в обстановку, появился командир роты автоматчиков капитан Сергеев. Вместе с ним мне раньше приходилось решать задачи. За боевые дела Ивана Алексеевича не раз отмечали наградами. С сегодняшнего дня он должен был пойти на повышение, но из-за обстановки командование полка решило оставить его на прежней должности до конца боя. Я знал о назначении и, протягивая руку, не удержался, пошутил:

— Последний, решающий бой, Иван Алексеевич!

— Это как сказать. В должности ротного — возможно, ну а вообще — куда командиру уйти от боя?! — Сергеев вытянулся во весь рост, добродушно улыбнулся: — Ставь задачу, Александр Терентьевич.

— Задача у нас одна — взять Цишицы, Иван Алексеевич. Немцы вон как упорствуют.

— Вижу, несладко твоим ребятам приходится.

— Раз видишь, чего тут больше объяснять. Давай в четвертую к Одегову. Он у меня на главном направлении, на месте разберетесь и после артналета ударите. Сержант Ребров, сопроводить капитана с людьми.

Сергеев с Ребровым — связным от Одегова — отправился в роту.

Через несколько минут майор Береза произвел пристрелку и перешел на поражение. Снаряды ложились кучно, взметая вверх клубы кирпичной пыли, щебень, бревна строений. По противнику сосредоточили огонь также артиллерийская и минометная полковые батареи и батареи истребительно-противотанкового дивизиона. Дома и прилегающие к Цишицам хлебные поля затянуло огнем и дымом.

Однако немецкие артиллеристы упорствовали. Появилась наша авиация, и обработкой огневых позиций врага занялись штурмовики. Туда же перенесла свои действия поддерживающая дивизию артбригада. Только после этого огонь со стороны немцев резко ослаб.

Едва успели затихнуть последние залпы наших артиллеристов и минометчиков, как поднялись в атаку роты. С НП хорошо были видны перебегавшие группы бойцов. Крупная фигура капитана Сергеева четко выделялась в цепи наступающих автоматчиков. Неподалеку от него, размахивая руками, с группой управления бежал старший лейтенант Одегов. Немного сзади перекатами двигались расчеты станковых пулеметов.

Всплески разрывов ручных гранат, автоматные очереди, крик «ура» — и подразделения ворвались в центр Цишиц, начали растворяться в садах и палисадниках. Теперь уже трудно было уследить, кто и где атакует. Рядом завозился командир взвода противотанковых ружей лейтенант Аушев. Обернулся к нему:

— Не торопись, Петр Павлович, и твоим ребятам дел хватит.

Взвод находился в моем резерве. До поры до времени держал

его при себе. Для этого было несколько причин, но главной из них являлась малочисленность расчетов: в ходе предыдущих боев взвод понес большие потери в борьбе с танками и самоходными установками. Я приберегал петеэровцев на крайний случай.

Тем временем ружейно-пулеметная стрельба начала отдаляться.

— Что, комбат, — обратился ко мне Береза, — говорил тебе: поправим дело. Пошли твои.

— Спасибо, Валентин Петрович, пошли. Причесали фрицев, чисто сработали.

— То-то! Знай наших! Командир полка приказал сопровождать тебя до конца боя. Тут на всякий случай я подготовил данные для огня по площадям за Цишицами.

— Еще раз спасибо!

Роты, охватывая усадьбы населенного пункта, продвигались к его западной окраине. А в тылу гитлеровцев усиливалась стрельба: 1-й батальон продолжал бой с резервом противника. Немцы организовали контратаку со стороны Гурно, но, встреченные огнем батальонов 828-го Владимир-Волынского полка, вынуждены были залечь.

Хотя основная тяжесть боя по овладению Цишицами легла на долю нашего полка, свою лепту в общий успех внесли и соседи.

Планируя бой, командир дивизии, начальник штаба, операторы, начальники служб, командир полка Павлюк предусмотрели возможные варианты действий противника, обеспечили для боя полк всем необходимым. Да и в ходе боя держали, как говорят, руку на пульсе, что не смогло не сказаться на общем результате.

Часов в десять старший лейтенант Одегов сообщил, что с 1-м батальоном его разделяет не больше 150—200 метров. Наступил момент осуществления намеченного нами плана — рассечь противника и уничтожить его по частям. Выполнить план предстояло капитану Бухарину.

Появившись на месте боя, он поставил перед автоматчиками Сергеева задачу, не теряя ни минуты времени после рассечения гарнизона на части, уничтожить левую группу, Одегову со взводом Аушева — ликвидировать правую.

План удался. Спустя полчаса в итоге совместных усилий 1-го и нашего батальонов, подразделений подполковника Красовского Цишицы были в наших руках. Из всего гарнизона противника лишь единицам удалось вырваться из окружения. Но и в плен сдалось мало. Немцы дрались до последнего. Как я уже отмечал, сказывались геббельсовская пропаганда, страх перед карательными санкциями против родственников и близких тех, кто сдавался в плен. Безусловно, определенную роль сыграли здесь и последние приказы с категорическим предупреждением: «Отход с позиций карается смертью».

Гитлеровцы засыпали Цишицы снарядами, минами, обрушивали на нас бомбовые удары, несколько раз контратаковали то в одном, то в другом месте. Но, натыкаясь на упорство, вынуждены были откатываться назад; к вечеру наконец выдохлись. Бой, длившийся

ся несколько часов кряду, замер отголосками в низинах у Вислы. Набежавший ветерок прогнал удушливый смрад. Впервые за этот суматошный день почувствовал, что надо бы и поесть, обернулся к ординарцу:

— У нас что-либо есть перекусить, Архипыч?

— Наконец-то! Конечно, есть, товарищ капитан. И завтрак и обед стоят нетронутыми. Который раз подогреваю, а вы все отказываетесь. Куда это годится, с других спрашиваете за то, что людей не покормили, а сам день-деньской не евши.

— Архипыч, не ворчи, — остановил я ординарца, пожилого рачительного солдата.

— Молчу, молчу.

Ординарец заспешил к нише. От телефонной трубки оторвался капитан Пресняков.

— Командиры рот доложили: приступили к инженерному оборудованию местности.

— Добро, Игорь Тарасович. Как там у нас с системой огня?

— Работаем. Сейчас заканчиваю схему огня.

Пресняков штабную работу знал и любил. Он был моим хорошим помощником во всех служебных делах. С первых дней у нас установились теплые, дружеские отношения. И прежде чем принять какое-либо решение, я всегда с ним советовался, иногда приходилось менять свое мнение по тому или иному вопросу. Но это не мешало быть нам друзьями.

— Может, перекусим? — предложил я ему.

— Неплохо бы.

За нехитрой армейской трапезой нас и застал майор Кулябин.

— Батальонное начальство пирует, — добродушно улыбнулся Николай Афанасьевич.

Мы встали.

— Садитесь, кушайте.

— Может быть, с нами, товарищ майор? У нас сразу тут завтрак, обед да и ужин.

— Догадываюсь. Как обычно, людей покормили, а у самих времени не хватило. Никуда не годится, товарищи командиры. Подрываете мощь армии. Нехорошо, нехорошо.

Пресняков недоуменно пожал плечами. Майор Кулябин пояснил:

— Командир всему голова, а голову нужно беречь. И прежде всего заботиться об этом обязан сам офицер. Вы же о себе не беспокоитесь. — Николай Афанасьевич повел глазами и мягко продолжил: — Ну это я так, к слову. Охотно с вами перекушу, да заодно и поговорим о делах. Прежде всего о лейтенанте Елагине. К вам он, очевидно, не вернется долго.

Елагин был ранен неделю назад во время отражения одной из контратак фашистов: заменил выбывшего из строя пулеметчика. Тут его и накрыло.

— Жаль Ивана Ивановича. Без него прямо как без рук.

— Ничего не поделаешь, — ответил Кулябин, — Елагина пока вернуть нельзя. Нынче разговаривал с начальником политотдела. Подбирают вам замполита. А вот лейтенант Гапин не сегодня завтра должен прийти.

Евстафий Кириллович Гапин прибыл к нам вместо серьезно раненного лейтенанта Василия Федоровича Малыгина. Только успел принять дела, начал знакомиться с коммунистами, как тоже был ранен. Так батальон остался без заместителя по политической части и освобожденного секретаря партийной организации. Доложил о случившемся во время одного из телефонных разговоров начальнику политического отдела. Полковник Петр Григорьевич Жеваго посочувствовал, обещал помочь, однако на прощание укорил:

— Беречь нужно политработников, уважаемый комбат. Шутка ли, чуть ли не в один день выбыли из строя. Нехорошо получилось, даже очень плохо.

— Так ведь они бросаются в самые горячие точки.

— Потому что стремятся туда, где труднее. Коммунисты, партийный долг зовет. А командир же мог бы и подсказать, упредить, наконец, приказать. — И после паузы с укором в голосе: — Молчишь, ответить нечего.

И вот теперь, слушая заместителя командира полка по политической части, я вновь переживал во всех подробностях тот разговор. Видимо, Николай Афанасьевич по меняющемуся выражению моего лица это понял, перевел разговор на события на советско-германском фронте. В эти дни была успешно завершена Свирско-Петрозаводская наступательная операция, в результате которой оказалась разгромлена олонецкая группировка противника и наши войска вышли на советско-финляндскую границу.

— Совинформбюро также сообщает, — продолжал Кулябин,— об успешных действиях 1-го и 2-го Прибалтийских и 1-го Белорусского фронтов.

— О нас пока не пишут и не передают, — вздохнул капитан Пресняков.

— Не скажите, Игорь Тарасович, сообщают и о нас. Позавчера «Правда» писала о том, что войска 1-го Украинского фронта продолжают наступательные бои по расширению плацдарма на левом берегу Вислы, а это значит — и о нас с вами.

Майор Кулябин глотнул из кружки чай, поинтересовался инженерным оборудованием местности. Я доложил о начале работ.

Заместитель командира полка внимательно выслушал и посоветовал:

— Нужно зарываться в землю, и как можно скорее. Судя по всему, противник и в дальнейшем будет проявлять активность.

Беспокойство Кулябина и штаба полка (майор Модин тоже справлялся об инженерных работах) было понятно. По опыту предыдущих боев мы знали: фашисты не оставят нас в покое, постараются выбросить из Цишиц.

Наши предположения оправдались. Утром после короткого артналета противник атаковал. Фашистская пехота шла во весь рост, что немало нас удивило.

— Неужто к фрицам подкрепление прибыло? — высказал предположение капитан Пресняков.

— Непохоже, Игорь Тарасович, — опустил я бинокль. — Как-то неестественно немцы ведут себя. По-моему, тут другое. Для храбрости хлебнули, да, видно, еще и лишку.

Моя догадка в ходе боя подтвердилась.

Пьяные немцы шли на наши окопы в полный рост, не обращая внимания на перекрестный огонь, нещадно косивший их ряды. Но не дошли. Почти всех мы положили у наших траншей. Так что и шнапс не помог фашистам.

К середине августа бои постепенно начали стихать. Правда, плацдарм время от времени взрывался грохотом артиллерийско-минометной канонады и ружейно-пулеметной стрельбы. Но это была борьба за улучшение позиций или огневое прикрытие разведки как с той, так и с нашей стороны.

В эти дни окончательно стало ясно, что наш плацдарм является вспомогательным и что основные события развернулись правее и левее нас. Главная задача расширения плацдарма во фронтовом масштабе решалась в районе Сандомира. Над нашими головами с раннего утра и до позднего вечера шли туда эшелоны самолетов различного назначения. Ночами и особенно на заре оттуда доносился слитный гул, слышались приглушенные громовые раскаты, небо озарялось рваными зарницами.

Командование по-прежнему требовало от нас активности в отношении противника. Нужно было сковать возможно больше сил и средств гитлеровцев. Тем временем с плацдарма исподволь стали убывать части. В двадцатых числах августа дивизия провела перегруппировку сил. Полк принял оборону соседа — 862-го стрелкового полка, который занял оставленные 273-й стрелковой дивизией позиции. Смена была произведена в темное время суток. Противник особого беспокойства не проявил — очевидно, не заметил перемещения.

Нашему батальону пришлось обживать район Доротки с прилегающими к ней пологими высотами. Приспосабливали инженерные сооружения предшественников к имеющимся у нас наличным силам и огневым средствам.

В связи с уходом с плацдарма частей командование пополнило поредевшие ряды нашей дивизии, что позволило полку развернуть 3-й стрелковый батальон, во главе которого стал капитан Бухарин. Жаль было расставаться с Николаем Яковлевичем, знающим вдоль и поперек фронтовую жизнь, никогда не унывающим человеком. В ходе совместной службы, особенно последних боев, когда обстановка требовала крайнего напряжения, а грань между жизнью и смертью почти исчезла, мы сблизились настолько, что начали делиться между собой самым сокровенным.

Николай Яковлевич был намного старше меня: к сорок четвертому Бухарин разменял пятый десяток, — он по-отцовски жалел меня, не раз помогал избежать ошибок. Бывало, создастся критическое положение, соберусь выскочить в роту — обязательно опередит: «Я уже, Саша, пожил. Сына, дочь имею на этой земле. Оставайся здесь. Батальоном командуй, а я там разберусь». И, несмотря на мои протесты, уходил, как правило, с неизменной своей поговоркой на прощание «мать ты моя хавронья».

Бухарин был человек неробкого десятка, всегда хорошо знал обстановку, находил выход там, где найти его было весьма трудно. Помню, с переходом к Доротке оказалось, что противотанковых мин недостаточно. Вопрос важный, не терпящий отлагательств. Мы пробовали его разрешить и так и этак — ничего не выходило. Уже начали отчаиваться, когда Николай Яковлевич предложил простое, но эффективное решение. На доску устанавливались противотанковые мины. На концах доски делались отверстия, в одно из них вдевался штырь, при помощи которого доска крепилась между танковыми колеями, а в противоположное пропускались веревки, с помощью которых можно было легко переместить доску вправо или влево. Это нехитрое приспособление позволило вдвое сократить расход мин. К тому же оно управлялось человеком, а значит, промах в поражении танков уменьшился. Не одна вражеская машина нашла себе бесславный конец от бухаринского изобретения.

По русскому обычаю, мы присели на прощание. По сухощавому лицу Николая Яковлевича пробежала едва заметная тень. Но он тут же взял себя в руки, улыбнулся.

Подошел капитан Пресняков и протянул кружки с фронтовыми ста граммами. Выпили за победу.

— Буду рядом, если что — позванивай, да и я забывать не стану, — задержал мою руку на прощание Бухарин.

На том мы и расстались.

Батальон продолжал совершенствовать оборону. В темное время бойцы обшивали крутости траншей, ячеек, огневых позиций, саперы ставили мины и инженерные заграждения, продолжался подвоз боеприпасов. Днем десятки глаз и с той и с другой стороны прощупывали местность, выискивая в обороне противника элементы нового. Стоило, бывало, тому или иному бойцу зазеваться, как он оказывался на мушке винтовки снайпера.

Ежедневно по нескольку человек от подразделений продолжали дооборудовать сооружения под хозяйственные нужды. Командир взвода снабжения старший лейтенант Василий Захаров и лейтенант медицинской службы Иван Рубан начали строить долгожданную баню.

Баня действительно была желанной. В замечательной поэме Твардовского «Василий Теркин» — этом эпосе о солдате Великой Отечественной — есть глава, которая так и называется: «В бане». Так вот точнее и лучше не скажешь, чем там: «На чужбине — отчий дом — баня натуральная».

Бои шли почти беспрерывно, а погода продолжала не баловать нас прохладой — солнце щедро обливало землю теплом. Так что жарко было в прямом и в переносном смысле. И если какие-то минимальные возможности для приведения себя в порядок, тоже минимальный, мы бойцам могли создать, то с мытьем дело обстояло хуже. В вихре непрерывных схваток об этом некогда было думать. Лишь изредка кто-либо вспоминал о горячей водице да о березовом венике. Но вот на линии обороны установилось относительное спокойствие, и солдаты, сержанты, да и офицеры, в один голос заговорили о бане. Отмыться от зудящей, раздражающей кожу смеси пота и пыли, выстирать задубевшие гимнастерки и брюки — было мечтой всех. Да и сам я все сильнее мечтал попариться.

Баня не выходила из головы. Я напомнил о ней Рубану, и батальонный врач, как говорится, руками и ногами ухватился за идею «задать баню» личному составу. Заикнулся я об этом и начальнику штаба полка. Майор Модин скупо улыбнулся. Мне была понятна его улыбка. Этим делом занимались тыловики, но даже у них ничего не вышло. Начали было строить — налетели немецкие самолеты, все подчистую уничтожили.

— Хорошо, если у тебя получится, — сказал Николай Сергеевич, — пробуй. Помыться бы неплохо.

Заместитель командира полка по снабжению старший лейтенант Николай Пачка поддержал меня, помог с приобретением лесоматериала.

В один из сравнительно тихих дней нашей жизни на плацдарме на батальонном НП появился командир взвода полковой разведки. На погонах Петра Блохина красовалась звездочка. Я поздравил его с офицерским званием, поинтересовался:

— Никак, «язык» требуется?

— «Язык», товарищ капитан. И не какой-либо там замухрышка, а толковый. От вас же к немцам рукой подать. Попробуем к ним в «гости» сходить.

Петр Яковлевич переступил с ноги на ногу.

— Прибыл для поиска место подобрать? Так я разумею?

— Так точно, товарищ капитан, место для поиска.

— Что ж, добро, считай, получено. Пока осмотрись, побывай на переднем крае. Вечером собираю командиров рот, подробнее поговорим и об этом, дело-то общее. Приглашаю и тебя. Может, вместе что и придумаем.

На последнем совещании в штабе командир полка, говоря о противнике, отметил: по сведениям агентурной разведки, фашисты к плацдарму стягивают силы, однако данные нуждаются в подтверждении. Может, это всего лишь маскировка? Немецко-фашистское командование преследует какую-то иную цель, нежели сбросить нас с плацдарма? Ведь верит же враг, что на плацдарме по-прежнему столько же войск, сколько их было к десятым числам августа. Правда, для этого нам время от времени приходится демонстрировать сосредоточение войск: в эфир выходят специальные радио-

станции, открывают огонь по выявленным заранее целям кочующие артиллерийские и минометные батареи, ночами то в одном, то в другом месте вспыхивают огоньки костров.

— Неплохо бы взять «языка», — говорил майор Павлюк. — Подумайте об этом, товарищи, у кого какие возникнут соображения — доложите. Пока же разведчикам нас порадовать нечем. Позавчера пробовали взять «языка» на участке первого батальона — неудачно, трех человек потеряли да шуму-гаму на весь плацдарм наделали.

Теперь Блохин подбирал место в районе обороны нашего батальона. Вечером разговор о предстоящем поиске зашел с командирами рот. Предложений было немало. Сошлись на мнении: произвести поиск с позиций 5-й роты, первая траншея которой наиболее близко подходила к одному из вражеских дзотов. Командир взвода этой роты младший лейтенант Николай Быков доносил: немцы в последнее время по ночам оставляют в сооружении лишь дежурную смену. Этим и стоило воспользоваться.

Больше суток Блохин изучал жизнь переднего края противника, а в полковом тылу готовились разведчики.

Ночь, выбранная для поиска, оказалась тихой и непогожей. С вечера зарядил мелкий дождь. Тусклым светом вспыхивали в беззвездном небе ракеты. Запахло сыростью. На НП батальона собрались командиры подразделений, обеспечивающих столь важную для нас операцию. Все с нетерпением посматривали то на меня, то на телефон, ждали доклада от саперов и разведчиков. И когда казалось, ожиданию не будет конца, зазвонил телефон. Взял трубку. Докладывал командир 5-й роты Ковалев: саперы проделали проход, разведчики миновали первую траншею.

— Все идет нормально, —обвел я взглядом окруживших меня офицеров. — Блохин пошел.

Еще минут двадцать над передним краем стояла тишина. Но вот ее разрезала длинная автоматная очередь. Вслед ей разнеслись взрывы гранат, ракеты вспороли дождливое небо. Трассирующие очереди заплясали по нейтральной полосе.

Разведчики обнаружили себя. Медлить с открытием артогня теперь было нечего. Иначе противник может отрезать пути отхода группе. К телефонной трубке потянулся майор Береза. Почти сразу же позади нас по немецкой обороне ударили батареи. К ним подключились минометчики. Передний край гитлеровцев перечеркивали огненные следы ракет, разрывы снарядов и мин, их шум поглотили пулеметные и автоматные очереди. Немцы ответили незамедлительно. Короткий, но мощный удар тяжелых минометов накрыл наши траншеи, окопы, огневые позиции, обрушился на тылы позиций артиллеристов и минометчиков. Завязалась огневая дуэль, которая с небольшими перерывами длилась чуть ли не до самого рассвета.

Минут через пятнадцать на НП батальона позвонил командир полка:

— Как у разведчиков? Взяли «языка»?

— Пока не докладывали.

— Да-а-а, — в раздумье протянул Павлюк, — шуму наделали основательного. Хотя бы не напрасно.

Командир полка положил трубку. Почти сразу же раздался новый звонок. Командир 5-й роты почти кричал в трубку:.

— Взяли, товарищ капитан! Здоровенный унтер-офицер. Чуть сержанту Тюльге скулу не своротил. Но тот его все же скрутил. Сейчас разведчики ведут в тыл.

— Смотри там. Немцы «языка» нам долго не простят, будут зверствовать. Как бы чего не вышло.

— Не допустим, товарищ капитан.

Затем меня соединили с Павлюком. Оказалось, что Валентину Евстафьевичу уже успели сообщить о результатах поиска. По голосу чувствовалось, что командир полка очень доволен.

— Поблагодари людей, участвующих в обеспечении поиска; а кого нужно, и к награде представь.

Пленный подтвердил данные агентурной разведки о прибытии на наш участок новых немецких частей. Однако, какова численность прибывшего контингента, ему не было известно. Но и то, что он сообщил, было очень ценным. Враг готовился к наступлению.

Нужно было предпринимать ответные меры. Не теряя времени, усилили работы по инженерному оборудованию местности. Отрывали запасные огневые позиции для пулеметов, противотанковых ружей, ставили мины, проволочные заграждения. Усилили наблюдение, увеличили число дежурных огневых средств. И что не менее важно, зная о возможных действиях противника, держались настороже.

В эти дни радио и газеты приносили нам радостные вести. Вслед за выходом 3-го Белорусского фронта к границам Восточной Пруссии севернее Мариямполя войска нашего фронта ликвидировали окруженную севернее Сандомира группировку противника, освободили Дембиц. Успешно развивалось наступление войск 2-го и 3-го Украинских, 1-го и 2-го Белорусских фронтов. 31 августа наши войска, а также румынская добровольческая дивизия вступили в освобожденный патриотическими силами Румынии Бухарест. Добрые вести приходили из Прибалтики. Конец августа сорок четвертого оказался на редкость богат успехами Советской Армии.

Наступил первый месяц осени. В пестрый наряд начали одеваться деревья, часто выпадали затяжные, мелкие дожди. По ночам от Вислы ползли туманы, неся с собой сырость и озноб. Начала жухнуть трава — сперва на взгорках, а потом и в низинах. Стали собираться в стаи птицы. Невзирая на артобстрелы, бомбежки, пожары, в минуты затишья огромные стаи скворцов и голубей облетали поля. Природа брала свое. Бойцы и командиры провожали пернатых возгласами, добрыми напутствиями.

Батальон нес боевую службу. На второй позиции мы организовали учебу влившегося в роты и взводы пополнения. Офицеры, сер-

жанты, опытные солдаты изучали с новичками материальную часть оружия, гранат, мин не только отечественного производства, но и противника. На опыте прошедших боев учили новичков стойкости в обороне, стремительности в наступлении. В ротах и взводах продолжалась партийно-политическая работа.

На плацдарме регулярно выходила дивизионная газета «Чапаевец». Помню, один из номеров посвящен был отличившимся солдатам, сержантам и офицерам. Бойцы читали материалы, дополняли их своими комментариями. Особенно мне запомнился рассказ о подвиге младшего сержанта Алексея Потапова. На счету минометчика уже было немало славных дел. Он был награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени, медалями. И вот отличился вновь при отражении вражеской контратаки. Уничтожил расчет станкового пулемета и свыше полутора десятков гитлеровцев, за что был удостоен ордена Славы II степени. К концу войны он стал полным кавалером этого ордена.

В те дни большие события происходили в Европе. В столице Болгарии началось вооруженное восстание. Реакционное правительство было свергнуто и образовано новое правительство Отечественного фронта во главе с К. Георгиевым, которое объявило войну фашистской Германии. Этому событию в батальоне была посвящена политическая информация. Майор Николай Афанасьевич Кулябин, рассказывая о мужественной борьбе болгарского народа под руководством Рабочей партии Болгарии, отметил:

— Разваливается блок гитлеровской коалиции. Вышла из войны на стороне фашистской Германии Румыния и объявила ей войну. Вслед за ней — Финляндия. Теперь вот Болгария. Земля Европы горит под ногами немецко-фашистских захватчиков.

Из сводок Совинформбюро стало известно: войска нашего фронта завершили оборонительные бои на сандомирском плацдарме. В ходе боев были успешно отражены контрудары противника. Войска приступили к подготовке новой наступательной операции.

На нашем участке враг продолжал накапливать силы. По докладам наблюдателей, в обороне его появились новые огневые средства. Было засечено несколько минометных и артиллерийских батарей. На переднем крае замечены орудия прямой наводки. Фашисты активизировали все виды разведки. Значит, со дня на день следует ожидать новую попытку врага спихнуть нас в Вислу. Мы понимали это и готовились к отпору.

Наступила ночь на 11 сентября. Не могу уснуть. Вышел из землянки. После духоты помещения с наслаждением вдохнул свежий воздух. Прислушался. Над передним краем тишина. Не видно ракет — постоянных спутников передовой, не слышно говора дежурных пулеметов. Что бы это значило? Шорох шагов заставил оглянуться. Из соседней землянки шли автоматчики. Сержант было намеревался доложить о прибытии, но я махнул рукой, и мы пошли в сторону переднего края.

Двигались молча. Мне вспомнились сообщения местных жителей. В последнее время они продолжали подтверждать данные о пара-

щивании фашистами сил и средств на нашем участке фронта. Поляки рассказывали о появлении танков и артиллерии в ближайших населенных пунктах.

Накануне полк провел разведку боем. Пока усиленная стрелковая рота атаковала опорный пункт противника, разведчики из передней траншеи сумели увести двух немецких солдат. Те показали, что на плацдарм прибыли части 26-й пехотной дивизии. Теперь против нашей дивизии стояли две усиленные пехотные дивизии. Симптом более чем серьезный. Вчера же под вечер из тыла гитлеровцев доносился гул двигателей. Не иначе как подошло новое подкрепление.

Все это у нас не могло не обострить чувства ответственности, вызвать беспокойство. Когда человек находится на переднем крае, вырабатывается какое-то особое чутье, позволяющее ощутить надвигающуюся опасность, а то и предвидеть события. Я пока еще не разобрался, чего нам следует ждать, но интуитивно чувствовал: что-то обязательно должно случиться. Потянуло к людям. Хотелось посмотреть им в глаза, перебросить словом.

Кругом по-прежнему стояла тишина. С Вислы тянуло прохладой. Где-то в заводях кричала утка, собирая ставшее уже на крыло потомство. Косой рог луны медленно заходил за горизонт.

По проторенной десятками солдатских сапог тропинке мы споро шли к переднему краю. Спустились в ход сообщения, из него попали в добротно оборудованную в полный профиль траншею. Командиры дежурных подразделений, предупрежденные о моем выходе, встречали и докладывали об обстановке. Ничего подозрительного в поведении противника не было, если не считать замеченного и мной: противник не пускал ракеты, и молчали их дежурные пулеметы.

У одной из пулеметных площадок 5-й стрелковой роты коротала ночь группа бойцов. При моем появлении поднялся младший лейтенант Быков, приложил руку к головному убору, собрался было доложить, но я опередил:

— Не надо, Николай Васильевич. Дежурная смена?

— Так точно, товарищ капитан, — ответил Быков. — Провожу вот беседу.

— О чем разговор, если не секрет?

— Разговор у нас один — противника выбросить из Польши. — Быков посмотрел на меня. — Добить фашистов в собственном логове, как говорит агитатор полка. Ну и затем — по домам.

— Ну это слишком общо.

— Если конкретнее, то рассказываю молодежи о первом дне форсирования. Вспоминаю, как фрицы валом валили на нас. Косим из пулеметов и автоматов, бьем из винтовок, а они прут. Ребят вспомнил. Многих уже нет с нами. Сержантов Заточного, Ляха... Младший лейтенант махнул рукой и тяжело вздохнул.

Быков в день форсирования Вислы был ранен. Подлечился и вновь возвратился на плацдарм. Принял свой взвод. Я, признаться, был рад за него. Во время первой встречи поздравил с выздоровлением, поинтересовался состоянием здоровья. «Нормально», — отве-

тил тогда Быков, хотя бледное, болезненное лицо младшего лейтенанта явно противоречило бодрому ответу.

Теперь вот новая встреча.

— Как настроение, Николай Васильевич?

— В порядке, не считая мелочей. Фрицы за последнее время психовать стали чересчур. А вот нынче, на удивление, присмирели. Не замышляют ли чего?

— Кто знает. Мне это тоже не нравится. Немцы — народ педантичный. Держатся буквы инструкции, а тут изменили заведенному порядку. Однако, думаю, все обойдется.

— Может, перекурите с нами, — предложил Быков.

— Нет, хочу заглянуть еще в шестую.

— Дело ваше, — с сожалением произнес младший лейтенант. — Мы бы и чайку организовали.

— Спасибо, Николай Васильевич. После Серпухина в шестой все легло на сержантские плечи. Спешу туда.

Старший лейтенант Петр Серпухин, возглавивший после гибели Чугунова 6-ю роту, во время одной из контратак гитлеровцев был смертельно ранен. По пути в медсанроту умер.

В расположении 6-й роты, занимавшей оборону на склоне небольшого холма, текла такая же жизнь, как и в других подразделениях батальона. Несли службу наблюдатели, в готовности находились дежурные смены. Бойцы оживлялись при моем появлении. Понять их было нетрудно. Командир на передовой в такой час, когда кругом непонятная, неспокойная тишина, — это и успокаивает и ободряет, поднимает настроение. Тем временем близилось утро. Бледнели, теряли блеск звезды. Несколько похолодало.

Встреча с бойцами принесла облегчение, но полностью не успокоила. Где-то внутри притаилось настороженное предчувствие. Я гнал его прочь, старался думать о прошлой жизни, о родных сибирских местах, на которые сейчас глядят из бездны вселенной те же самые звезды, что зависли над нашим плацдармом.

Не успел вернуться на НП батальона и зайти в блиндаж, как зазвонил телефон. Связист протянул мне трубку.

— Ты тоже не спишь.

— Привычка, Саша. Да и что-то не по себе сегодня.

— Мне тоже.

— Из рот доносят — тишина. Не перед бурей ли? Решил тебе позвонить. Выходит, не один сомневаюсь. Я тут удвоил охранение. Береженого, говорят, и бог бережет, хотя мы с тобой и неверующие. Советую и тебе то же сделать.

— Спасибо, Николай Яковлевич.

— Благодарить позже будешь. Дело-то одно делаем. В замы никого вместо меня тебе не прислали?

— Нет, еще не назначили.

— Да, вот еще что. Мой тебе совет. Перемести-ка минометчиков, пулеметчиков и противотанкистов на запасные огневые позиции. Фрицы наверняка успели засечь основные, по ним в первую очередь будут вести огонь.

Николай Яковлевич Бухарин — человек осторожный, предусмотрительный. За своевременный совет я был искренне ему признателен.

Отдав необходимые распоряжения, побрился и присел к столу. В дверях появился ординарец:

— Товарищ капитан, завтрак готов. Можно подавать?

— Не хочется что-то, — махнул я рукой.

— Может, хоть чаю выпьете? — настаивал боец.

— Хорошо, неси твой чай. Заодно и пригласи сюда капитана Преснякова.

Солдат вышел. Я развернул схему обороны батальона, пробежал глазами по инженерным сооружениям... И вдруг — грохот, да такой, что заскрипели бревна наката, с потолка потекли струйки земли. За ним — снова страшный удар. Еще!.. Дверь с треском распахнулась и сорвалась с петель. «Артналет, — пронеслось в голове. — Неужто засекли штаб? Повода вроде для этого не давали, соблюдали маскировку».

В дверном проеме мелькнула тень, и вместе с очередным грохотом в блиндаж под напором воздушной волны буквально влетел Пресняков.

— Вот это гвоздит так гвоздит! — Игорь Тарасович тряхнул головой. — Света не видно по всему плацдарму. «Скрипуны» молотят вовсю...

«Скрипунами» мы звали тяжелые немецкие минометы.

Новый удар потряс блиндаж. Зашевелились бревна наката. Струйки земли превратились в земляные ручьи. Угол потолка начал проседать. Блиндаж наполнился пылью и кислым запахом тротила, стало нечем дышать.

«В траншею! — мелькнула мысль. — Бревнами завалит».

— Выходи! — заорал я. — Завалит, выходи!

Но адъютант старший, связисты и без этого поняли, что нужно уходить. Накат трещит, продолжает оседать, все бросаются к выходу. Ход сообщения встречает смрадом, лицо и грудь осыпают комья земли. Натыкаемся на кого-то и один за другим падаем. Под нами кто-то стонет и чертыхается: «Руки-ноги поотдавили!» Оказывается, часовой. Пригнулся в траншее от осколков, на него мы и налетели.

Поднимаюсь, сплевываю на бруствер попавшую в рот пыль. Стараюсь разобраться в происходящем. Кругом продолжает греметь, выть, свистеть. Земля перемешалась с небом. Стены траншеи дрожат, но сопротивляются разрушительной силе взрывов. То, что это не обычный артналет, для меня понятно. Грохот стоит над всем плацдармом. Вспоминаются разведданные последних дней о сосредоточении противника на нашем участке фронта. Может, это и есть ответ на мучивший нас вопрос о намерениях гитлеровского командования?

Какая-то неведомая сила заставляет меня выпрямиться. Вновь бросаю взгляд на район обороны. Траншеи, ходы сообщения, огневые позиции артиллерии и минометов тонут в огне и дыму. Та же картина — справа и слева у соседей, в тылу. Находящийся за горой

сзади нас командный пункт полка тоже затянут дымом разрывов, как и огневые позиции гаубичников справа.

— Связь с ротами есть? — повернулся я к сержанту Звягельскому.

Сержант, словно потеряв соображение, непонимающе уставился на меня. Пришлось повторить вопрос. И только тут он понял, метнулся внутрь. Через несколько минут возвратился назад. По его расстроенному лицу нетрудно было догадаться — связи нет.

— Понятно, — махнул я рукой.

Звягельский вновь повернулся и исчез в блиндаже.

Тем временем противник продолжал засыпать нас снарядами и минами. Потом налетела фашистская штурмовая авиация, начала утюжить огневые позиции артиллерийских и минометных батарей и огнеметчиков. Густой сизый смрад заполнял округу, щекотало в носу, першило в горле, резало глаза. Рядом зачертыхался Пресняков. Глянул на него: кого это он так чихвостит? Игорь Тарасович с колена вел огонь по уходящим немецким самолетам. Но на смену им из-за Гурпо уже выплеснулась новая волна стервятников. Миновав первые траншеи, фашисты нацелились на наши тылы. Сумасшедшей силы взрыв колыхнул землю. В воздухе, как легенькие спички, перевертывались искромсанные бревна.

— Никак, в нашу баню угодили. Вот гады!

Самолеты вновь вошли в пике. Раздирающий уши вой полоснул по округе, заставляя все живое вжиматься в землю. Кровь прилила к голове. Приседая, успел взглядом скользнуть по Преснякову. Лицо Игоря Тарасовича серело, принимало землистый оттенок. Мелькнула мысль о солдатах и офицерах, находящихся в траншеях. Как там все это переносят? Не дрогнут ли в этом аду огня? Постарался сомнения отогнать, но опасность, нависшая над батальоном, все больше и больше тревожила. Понимал, что нужно немедленно что-то предпринять, только вот что? По себе знаю, люди в такой ситуации нуждаются в добром слове. Но связи нет. Послать на линию телефонистов — верная смерть. И дальше ждать опасно. После этого бурелома фашисты несомненно предпримут атаку.

— Звягельский?!

Сержант обернулся, расстегивая верхнюю пуговицу на гимнастерке, но она никак не поддавалась. Звягельский с досадой рванул воротник. Пуговицы полетели в стороны, обнажая худую, тонкую шею с потеками пота.

— Связь должна быть.

— Слушаюсь.

Сержант исчез в ходе сообщения.

Минут через пять прилетела наша авиация. В небе завертелась карусель. Но нам было не до нее. Немцы начали обстрел района обороны батальона из тяжелых минометов. Со скрежетом и воем мины вздымали вверх огромные комья земли, перекрытия траншей и блиндажей. «Гах! Га-ах!» — раздавалось то сзади, то спереди, то с боков.

Казалось, вот-вот не выдюжит и лопнет, расколется сама земля в этом адском смерче из грохота, взрывов, огня. Все вокруг тонуло в черно-бурой мгле. В сердце заползала тревога. Нет, не за себя! За людей, плацдарм, которому столько отдано и с которым в тугой узел завязали нас людские жизни и смерти! Память павших на этом клочке земли звала, приказывала не запятнать нашу честь — честь русского солдата. В висках, как и в первый день форсирования, стучало: «Выдержать, выстоять, выдержать, выстоять...»

Я старался разглядеть, что происходит в ротных траншеях, на огневых позициях минометчиков, артиллеристов, расчетов противотанковых ружей. Но по-прежнему что-либо понять было трудно в вихре огня, гари и дыма. Неужто все погибли? Нет, не может быть! Все сразу не погибают.

— Держаться! — невольно в голос вырвалось у меня. — Выстоять!

Новый шквал свистящих снарядов вновь заставил пригнуться. Через разрыв пробился голос:

— Товарищ капитан, разыскал ребят.

Я обернулся.

Прижавшись к стенке траншеи, стоял сержант Звягельский. Позади него с автоматами в руках выжидающе смотрели на меня два бойца. Сквозь припудрившую их лица желтовато-бурую пыль проступала бледность, плечи то и дело вздрагивали. Рядом с ними, перегораживая проход, лежали две катушки цветного кабеля и телефонный аппарат.

— Новички, что ли?

— Так точно, товарищ капитан, новички, — ответил за них Звягельский. — Позавчера с пополнением прибыли.

Сержант был спокоен, собран. Не раз попадавший в подобные переделки, он уже оправился от неожиданности. Посмотрев на бойцов и скупо улыбнувшись, произнес:

— Да вы, ребята, что?! Экая невидаль, почище бывало, голуби сизые. Рано нам умирать. Еще не все сделано на этой земле. Должок к фрицам остался, а вы носы повесили. Ну, злобствует немец. Перебесится — поутихнет. Ему это не впервой.

Вроде и ничего особого не говорил Звягельский, но я увидел: повеселели связисты.

Между тем противник продолжал с той же злостью обстреливать передний край. Так длилось еще около часа. Затем фашисты перенесли огонь на позиции полковых и дивизионных резервов. Серии снарядов и мин полетели через нас и гулко начали рваться в тылах. Туда же сбрасывали груз фашистские бомбардировщики.

У нас установилось относительное затишье, хотя по-прежнему район обороны батальона тонул во мгле. Но вот налетел легкий сентябрьский ветерок, и клубы пыли и гари поплыли к Висле. В какие-то минуты перед глазами встали профили изуродованных траншей, истерзанных огневых позиций артиллеристов и минометчиков, где уже, к моей радости и облегчению, хлопотали люди. Живы! Не дрогнули! Значит, будем бороться! А это — главное!

По опыту зная, что данная нам передышка длиться долго не будет, что противник вот-вот вновь сосредоточит огневую мощь на переднем крае, старались использовать ее полностью. В роты бросились связисты, санитары, посыльные. Не теряя времени, мы приступили к приведению в порядок НП батальона. Капитан Преснаков мобилизовал всех, кто оказался рядом.

Минут через десять прояснился и мучивший меня все время вопрос о потерях. Они оказались меньше, чем ожидал. Материальная часть пострадала еще меньше. Сказалось то, что артиллерию, минометы, пулеметы, противотанковые ружья успели переместить на запасные огневые позиции. Туда же перебрался и личный состав. Гитлеровцы сосредоточили основную массу огня на выявленных целях, то есть большей частью на основных позициях. Совет Николая Яковлевича Бухарина оказался как нельзя кстати. Как тут было еще раз не сказать ему спасибо!

Связисты сумели за короткое время исправить линии связи с 6-й ротой и минометчиками. Но тут фашисты вновь перенесли на нас огонь своей артиллерии. Вновь потянулись минуты ожидания. На этот раз в артподготовке противника участвовали орудия прямой наводки. За какие-то минуты мы потеряли несколько дзотов. Дело в том, что в предыдущие полтора часа артобстрела порядком пострадала маскировка переднего края. И что раньше было незаметно, теперь обнажилось. Восстанавливать маскировку на глазах немецких наблюдателей не было никакого смысла. Да и не до этого было. Не везде успели роты расчистить даже заваленные траншеи, ходы сообщения, окопы, поправить ячейки для стрельбы, огневые позиции пулеметов и противотанковых ружей.

Смерч сплошного огня вновь заплясал по обороне. Бомбы, снаряды и мины продолжали рушить то, что на протяжении последних недель возводилось солдатскими руками на этом пятачке. Возводилось, чтобы удержаться, чтобы выстоять против огня и стали. И земля-спасительница теперь укрывала людей.

Еще больше часа противник бил по нашей обороне из всех видов оружия. Кругом горело и дымило, гремело и дребезжало так, что закладывало уши. Казалось, что вот-вот лопнут перепонки и что в округе теперь нет ни одной живой души. Но стоило гитлеровцам прекратить артогонь, как из завалившихся и оплывших траншей, окопов, блиндажей, щелей начали вылезать солдаты, не узнавая растерзанной и обожженной земли вокруг.

В бинокль мне было видно, как, покачиваясь, встал командир роты старший лейтенант Одегов. Дмитрий Михайлович бросил взгляд вправо, влево, назад, что-то сказал показавшемуся из щели солдату. Пригибаясь между воронками, боец побежал в сторону первой траншеи, где уже время от времени мелькали солдатские каски. Одегов тут же вызвал еще одного и что-то торопливо начал ему говорить, то и дело показывая рукой в сторону Цишиц. Боец кивнул и бросился на правый фланг, где занимала оборону полковая рота противотанковых ружей. И только тут до меня донесся рокот

двигателей. Он заполнял округу медленно, по властно, словно за садами населенного пункта брали разгон необкатанные жернова.

— Александр Терентьевич! — дотронулся до моего плеча капитан Пресняков. — Командиры рот докладывают: доносится гул танков. Никак, немцы готовятся к атаке!

— Я и сам это слышу, Игорь Тарасович.

Наш разговор прервал голос сержанта Звягельского:

— На проводе командир полка, товарищ капитан.

Майор Павлюк с беспокойством в голосе спросил о потерях. Ответил Валентину Евстафьевичу, что вышло из строя сорок человек, а минометчики потеряли всего троих бойцов. Только эти данные без учета последнего обстрела.

— Спасибо, порадовал хоть ты, — услышал в ответ, — а то тут недобрые вести доносят. Рад за тебя, Алтунин. Жди «гостей». И назад ни шагу. Понял меня? Почаще доноси. Видимо, нынешний денек жаркий будет.

— Как не понять — понял. Есть, держаться!

— Вот и хорошо. Где там у тебя майор Кулябин?

— У противотанкистов находится.

— Добро. Береги Николая Афанасьевича. Головой отвечаешь.

— Слушаюсь, беречь. Но его трудно в штабе удержать. На передовую рвется, к людям.

— А ты не пускай его, комбат. Не пускай, и все.

— Попробую, товарищ майор.

Павлюк положил трубку.

С правого фланга вдруг прорезался гул стрельбы. С надрывом заухали немецкие самоходки и танки, густо застучали пулеметы и автоматы. Небо северной окраины Цишиц исполосовали трассеры ракет, прорезая густую красноватую пыль над домами и садами населенного пункта.

— На красовцев немец попер,— перехватил мой взгляд капитан Преснякоз.

Противник наносил удар по 828-му Владимир-Волынскому стрелковому полку. Замысел немецко-фашистского командования понять было нетрудно. Прорвав оборону красовцев, фашисты выходили к Висле и, сминая дивизионные тылы, отсекали полки и батальоны от реки, лишая нас снабжения — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Трудно сказать, когда эта мысль пришла гитлеровцам. Очевидно, в ходе предыдущих упорных боев они убедились, что в лоб нас не возьмешь. Последние дни они оставляли в покое 828-й полк, сосредоточивали основные усилия на обороне нашего полка.

Батальоны подполковника Николая Красовского приняли на себя силу первого, таранного удара. Дрались почти без артиллерии: в ходе вражеской артподготовки в основном вышли из строя полковые батареи, большой урон понесла и приданная артиллерия. Бойцы и командиры встретили немецкую пехоту ружейно-пулеметным огнем. С танками вели борьбу бронебойщики. Не так-то про-

сто советского солдата, вынесшего на своих плечах немало такого, что даже спустя десятилетия будет удивлять мир, смять и растоптать. Оглушенные взрывами, засыпанные землей, раненые красовцы вставали из ячеек, поднимались из окопов, траншей, бились до последнего.

Вопрос — кто кого? — в ходе первой немецкой атаки решен не был. Немцам удалось лишь овладеть позицией боевого охранения. Подтянув свежие силы, они вновь бросились на истерзанную оборону полка. Бой набрал еще большую силу.

Одновременно противник нанес удар по обороне 862-го Владимир-Волынского стрелкового полка подполковника Василия Кожевникова. Бронированный кулак пришелся по правому флангу. Фашисты потеснили передовые роты и прорвались ко второй траншее. Завязалась рукопашная схватка.

— Кожевников дерется, — ориентировал меня майор Модин. — Красовский тоже держит в руках передний край. Положение каждую минуту может измениться. Ко всему будь готов.

Николай Сергеевич, несмотря на тревожную обстановку, говорил спокойно. Поинтересовался у меня ходом работ по восстановлению разрушенных участков обороны.

— Немцы не дают головы поднять. По малейшему скоплению людей открывают артиллерийско-пулеметный огонь.

— А ты думал как?! Не для того они разрушали, чтобы дать тебе возможность спокойно восстанавливать оборону. Хочу тебя предупредить: фашисты не случайно следят за районом обороны батальона — кстати, не только за твоим, но и за другими. Противник готовит удар. Ты у нас на острие, смотри не оплошай.

Предположение начальника штаба полка сбылось. Минут через пятнадцать — двадцать наблюдатели донесли о появлении из-за ближайших холмов танков. С каждой минутой их гул становился все сильнее, постепенно заглушая грохот боя.

— Один, два, три... — вслух считал рядом со мной Пресняков, — десять... двенадцать...

Сзади шли самоходки, а между ними — густая волна пехоты. Переводя взгляд с фланга на фланг и в глубину обороны, я все больше убеждался, что имеющимися в распоряжении наличными силами остановить стальную лавину будет трудно: приданная батальону истребительно-противотанковая батарея пострадала во время артподготовки противника. То же было и со взводом противотанковых орудий: из трех сорокапяток в строю оказалась одна. Вся надежда была на дивизион артполка майора Валентина Березы да солдатские руки. Я поискал глазами сержанта Звягельского. Связист колдовал над телефонным аппаратом.

— С ротами есть связь?

— Так точно, со всеми.

— Соедини-ка меня с командирами.

Первым на проводе оказался старший лейтенант Одегов.

— Дмитрий Михайлович, танки пропускать через траншеи. Их тут встретят. Твоя задача отсекать пехоту и уничтожать.

То же передал и остальным ротным. Знал, что теперь от окопа к окопу, от щели к щели, от ячейки к ячейке идет команда, смысл которой ясен для каждого бойца: отсекать пехоту, танки пропускать через себя! Она, эта команда, несколько снимет напряжение, придаст людям уверенность.

Немецкие танки метров с восьмисот открыли огонь из орудий. Султаны земли встали по всей обороне батальона.

— Нервничают, гады! — цедит сквозь зубы кто-то позади меня.

Оборачиваюсь. Майор Кулябин. Николай Афанасьевич в перепачканном обмундировании: видно, не один раз пришлось прижиматься к земле, ползти по-пластунски, а то и хорониться в густо разбросанных воронках, пока добрался до НП батальона. Смотрит вперед и хмурит густые брови.

— Видимо, уже осведомлены об упорстве наших соседей.

— Конечно, товарищ майор.

Свист снаряда, грохот разрыва глушат последние слова. Визжат осколки, в уши бьет волна сжатого воздуха, на бруствер и в окоп падают комья грунта. Невольно прижимаемся к стенкам.

Продолжая вести огонь, танки сбавляют скорость, вероятно, поджидают пехоту. По ним бьют наши артиллеристы. Видно, как снаряды рикошетят по лобовой броне.

— Не берут! — с досадой вырывается у меня.

— Возьмут, — успокаивает майор Кулябин. — Должны взять.

Как бы в ответ на его слова один из танков замедлил ход, начал разворачиваться на месте, роковым образом подставляя борт нашим артиллеристам. Почти тут же хлестко ударили два выстрела — над фашистской машиной встал черный столб дыма.

Готов. Начало положено. Как-то сразу спало мешавшее сосредоточиться напряжение. Вскинул к глазам бинокль. Четко видны желтовато-серые линии траншей с рваными боками, комья выкинутой взрывами земли, темнеют вмятины воронок, блестит чья-то каска. На нейтральной полосе торчит закопченный остов сгоревшего немецкого танка с клюнувшим в землю длинным стволом орудия. После него в поле зрения попали идущие в нашу сторону вражеские машины.

Сверкают на солнце отполированные гусеницы, ясно видны ребристые бока, триплексы на передней стенке лобовой брони. Из стволов их пушек то и дело выплескивается пламя. Немецкие танкисты сосредоточили огонь на позиции батареи. Одно орудие перевернуто, другое лежит на боку. У остальных хлопочут расчеты.

Без головного убора стоит офицер и подает команды. Стараюсь вспомнить, кто командует расчетами, но в сплошном дыму, затянувшем позицию, никак не могу определить, хотя фигура и знакома. «Лейтенант Костров», — мелькает догадка. Но тут новый взрыв заслоняет офицера.

Вновь перевожу бинокль на немецкие танки. «Еще один готов! Молодцы артиллеристы!»

Вскоре вспыхивает третья машина. Однако это не останавливает гитлеровцев. Приземистые коробки продолжают ползти вперед.

Вот танки достигают рубежа дальности огня противотанковых ружей. Сразу же на их броне заискрились светлячки — это вступают в бой петеэровцы старшего лейтенанта Николая Шабанова. Бронебойщики бьют по щелям, но пока безрезультатно. Немцы тоже ведут интенсивный огонь. Снарядов не жалеют, знают: на близкой дистанции танк становится уязвим для противотанкового ружья.

Очередной танк закрутился на месте и окутался дымом. Но тут по нашей обороне ударили немецкие самоходки. Тяжелые снаряды с глухим надрывным звуком стали рваться в окопах, блиндажах, на огневых позициях, выворачивая груды земли. С нашей стороны ответили гаубичники.

Все вокруг вновь заволокло дымом, что-то рвалось, ухало, дребезжало, стонало. Однако это была лишь прелюдия к развернувшимся в этот день драматическим событиям, о которых вот уже тридцать с лишним лет не могу без волнения вспоминать, как и отделить одно от другого. Все они важные, все главные. Расскажу, как они остались в моей памяти.

Вал немецкой атаки вплотную приблизился к нашей первой траншее. Впереди по-прежнему танки, за ними — густая цепь пехоты, дальше — самоходные орудия. С обеих сторон бьет артиллерия, ведут огонь пулеметы, автоматы.

С нетерпением жду результатов работы огнеметчиков: противник подошел к рубежу заложенных ими фугасов. Мысленно начинаю торопить и помаленьку поругивать «самоварников» — так мы прозвали огнеметчиков на плацдарме. Может, провода в ходе артподготовки порвало? Но я гоню эту мысль прочь, надеюсь. И когда уже решаю махнуть рукой на надежду, в стыке 4-й и 5-й рот встает стена огня и только потом слышатся глухие взрывы. Пламя на время поглощает несколько танков и часть цепи немецкой пехоты.

— Ух ты! — не выдерживает кто-то рядом. — Какого петуха фрицам подбросили!

В некоторых местах вспыхивают факелы еще. Гитлеровские пехотинцы шарахаются в разные стороны, но выскочить из пламени почти никому не удается. Объятые огнем, крутятся танки, бронетранспортеры и давят своих. Разносятся дикие вопли. Боевой строй врага ломается на наших глазах.

— Гляди! Гляди! Вот дают! — кричат связисты и посыльные из рот, находящиеся рядом с батальонным НП. — Не нравится фрицам поджарка. Ишь ты, как мечутся, гадюки!

Нетрудно было понять причину этого крика. Предельное наше напряжение требовало разрядки. И если офицеры сдерживали себя, то бойцы бурно реагировали на возникшую ситуацию.

Однако огнеметчики лишь затормозили, но не остановили противника. Через несколько минут первую волну наступающих немцев догнала вторая. Атака продолжалась. Несколько вражеских танков выскочили на первую траншею и, подмяв гусеницами все, что бойцы не смогли укрыть в щели и нише с бруствера, перевалили ее. Но теперь боевые машины врага шли вперед медленно и

осторожно: то ли боялись новых сюрпризов, то ли поджидали свою пехоту, а может, и то и другое вместе. С левого фланга по ним били наши артиллеристы, но снаряды лишь высекали искры из лобовой и башенной брони.

Я все ждал, когда ударят наши «зверобои» — приданная батальону батарея 57-мм орудий, зная, что их снаряды прошивают даже броню хваленых «тигров». Но батарейцы молчали. Поднес к глазам бинокль. Открылась огневая позиция. Перепаханная взрывами тяжелых снарядов и авиабомб, вся в воронках. На вывороченной земле валялись ствол со щитом и станины. Метрах в двадцати вверх колесами лежало еще одно орудие. Остальных видно не было. Может, находятся в укрытиях? Но почему до сих пор? И где люди?

— Игорь Тарасович, с противотанковой батареи не докладывали, что там у них?

— Связи нет!

— Пошлите посыльного, ждать дальше нельзя.

Неприятный озноб побежал по спине, защемило сердце. Самому не раз приходилось испытывать то же самое, что сейчас чувствовали бойцы в траншеях. Лежишь на дне окопа или щели, в бессильной злобе сжимаешь кулаки. Больше всего на свете жаждешь огневой поддержки. Над тобой только клок неба. От надвигающейся громады танка кряхтит и осыпается земля. Неприятная это штука. Да и не каждому по плечу вынести такое. Нужно мужество. В Крыму я видел, как в последнее мгновение боец, не выдержав, выскочил из щели. Думал спастись в тылу. И тут от пулеметной очереди нашел свою смерть. Горький, бесславный конец! Презрение товарищей и командиров оставил после себя, в общем-то, неробкого десятка солдат. Вот что такое минутная слабость, страх.

Окидывая взглядом поле боя, признаться, гордился своими людьми: никто не дрогнул, не показал врагу спину. Я прикидывал, чем им помочь, облегчить участь в эту тяжелую минуту. И когда в искромсанной артподготовкой, бомбежкой и гусеницами танков траншее стали появляться каски, ударили по вражеской цепи пулеметы, автоматы, винтовки, облегченно вздохнул, хотя и понимал, что положение по-прежнему критическое.

Немецкая пехота, наткнувшись на упорный ответный огонь, начала сбиваться в кучи и залегать в небольших складках взгорков. Однако мелкие укрытия ее не спасали. Роты, что называется, на выбор били солдат и офицеров противника, не давали поднять им головы.

Гитлеровцы начали искать выход из создавшегося положения. Но найти его было не так-то просто. Наши пулеметчики, автоматчики и стрелки продолжали вести меткий огонь. Искромсанная взрывами оборона была неприступной.

Горели и фашистские танки. Три машины пришлись на долю взвода старшего лейтенанта Эммануила Чалаганидзе. Позже, вечером, выпали относительно спокойные минуты, и командир роты

старший лейтенант Дмитрий Одегов доложил мне подробности этого боя, слушать которые без волнения было невозможно.

...Танки с ревом и скрежетом переваливали через брустверы, накрывали ячейки и траншеи. Было такое ощущение, будто горный обвал катится на тебя. Дрожала, сжималась под тяжестью стальных махин земля. Все тонуло в пыли и чадном дыму. Казалось, что живому здесь не должно быть места. Но только проходили танки — слышались команды, и в хвост стальным громадинам летели гранаты.

Не успели еще осыпаться стены траншей, как из пыли, черные от копоти, встали бойцы. Встали с оружием, наперекор смерти и страху. С перетянутой ремнем связкой гранат поднялся рядовой Михорский и бросился вслед за танком.

Михорский подбежал к танку, размахнулся, и вдруг рука со связкой гранат, медленно описав полукруг, бессильно упала вниз. Солдат ничком ткнулся в землю. Чалаганидзе выскочил из траншеи и побежал за танком, пока не догнал его на верный бросок. «Получай, гад!» — выдохнул старший лейтенант и с силой послал противотанковую гранату в корму боевой машины.

За ее полетом смотреть не стал — был уверен, что попадет, — метнулся обратно к траншее. Сзади громыхнул взрыв, рядом провертели осколки. Успел заметить, как бойцы волокут к траншее Михорского. И тут чем-то тяжелым ударило в спину. Боли Эммануил Нестерович не почувствовал. По инерции продолжал бежать, пока не споткнулся о вывороченную глыбу земли у самой траншеи, и тогда резануло по всему телу нестерпимым огнем. Но Чалаганидзе сдержался, не закричал, а лишь заскрипел зубами. Молчал и минуту спустя, когда солдаты подхватили его и втащили в обвалившуюся стрелковую ячейку.

Чалаганидзе бинтовали. Эммануил Нестерович стонал, терял сознание.

— Ничего, ничего, — приговаривал сержант-санинструктор. — Сейчас будет легче.

— Не уговаривай, кацо. Я не ребенок. Понимаю все. Как там с Михорским, может, жив? Я ему тут рекомендацию в партию написал. В полевой сумке она. Передайте.

— Нет, только что отошел.

Бойцы на плащ-палатке принесли Михорского. Перепачканное пылью юное лицо было еще живым: его черты пока не успели заостриться, у переносицы, в уголках глаз, блестели еще не высохшие две маленькие слезинки. Чалаганидзе дотянулся до них пальцами левой руки, вытер и с болью в голосе прошептал:

— Эх, Коля, Коля! Как же ты не уберегся?

— Немцы! — вдруг донеслось из траншеи. — Немецкая пехота на стыке с пятой прорвалась.

— Сержанта Иванова ко мне! — потребовал Чалаганидзе.

Спустя минуту Эммануил Нестерович отдавал указания своему заместителю по уничтожению прорвавшегося противника. В тыл

эвакуировать себя не разрешил. Продолжал руководить боем до последнего вздоха.

Начальник политического отдела полковник Петр Григорьевич Жеваго в политдонесении о нем напишет: «Парторг 4-й стрелковой роты старший лейтенант Чалаганидзе во время отражения атаки противника был ранен. Продолжал руководить боем, уничтожать ненавистного врага, пока билось сердце коммуниста...»

Но вернусь к событиям тех тревожных минут на батальонном НП. Не успел в бинокль окинуть правый фланг обороны, где от наседавших фашистов отбивалась 6-я рота, как услышал взволнованный голос:

— Артиллеристы пятки смазывают! Вон, смотрите, по лощинке улепетывают. Метрах в ста пятидесяти от огневой.

Я бросил тревожный взгляд на уходящую в наши тылы извилистую лощинку. Действительно, от укрытия к укрытию перебегали солдаты.

— Может, не они?

— Они. Засек с самой огневой.

Поискал взглядом ординарца. Воронцов сидел с автоматом наготове у выхода из хода сообщения. Подозвал его к себе, показал на отходящую группу людей:

— Мигом к ним, верни назад, на огневую. Передай: рота кровью истекает. Огонь по прорвавшимся танкам!

Но пока ординарец окольными путями под огнем противника добирался до противотанкистов и, призвав на помощь солдатский лексикон, останавливал их, на НП появился командир батареи. В разорванной гимнастерке, с перевязанной рукой. Пошатываясь, капитан подошел ко мне и устало выдохнул:

— Все, конец! Фрицы гусеницами подавили пехоту, идут по тылам. В батарее осталось одно орудие.

— Что несешь? — вырвалось у меня. — Живы роты, дерутся, а ты запаниковал, черт тебя подери! Стоять нужно было! Стоять, понимаешь, Новиков?

— Никого в траншеях нет! Ваши все погибли.

В это время меня позвал телефонист:

— Товарищ капитан, Одегов на проводе!

— Пойдем! — потянул за собой Новикова. — Убедишься. Люди дерутся, а вы, эх!..

Взял трубку из рук телефониста:

— Слушаю, Дмитрий Михайлович.

— Наконец-то, товарищ капитан! — в ответ взволнованно заговорил Одегов. — Тут такое было, что сразу и трудно доложить. Не успели через себя пропустить танки, как навалилась немецкая пехота. Бьем, а фрицы накатывают. Еле остановили. Сейчас добиваем прорвавшихся на фланге с соседом.

— Спасибо, Дмитрий Михайлович! Передай людям мою благодарность.

— Товарищ капитан, я вот по какому поводу. Со стороны Цишиц слышится гул двигателей. Немцы готовятся к новой атаке.

Огоньку бы подбросить нам, артиллерийского. А то что-то батарея позади нас молчит.

— Артиллеристы у меня. Передаю трубку Новикову, а то он вас уже к праотцам отправил, а сам с бойцами подался сюда.

Капитан взял трубку, выслушал Одегова и молча пошел к выходу с НП. Я ничего ему больше не стал говорить, понимая, что разговора с командиром роты достаточно.

Спустя минут пятнадцать Новиков был на батарее. Офицер подбежал к оставшемуся орудию и протянул руку к бежавшему вслед за ним командиру орудия старшему сержанту Петру Корчину. Тот вложил в раскрытую ладонь панораму, которую снял, уходя с огневой.

— Корчин, заряжай!

Пока Новиков устанавливал панораму, старший сержант Корчин схватил из ровика снаряд и втолкнул его в казенник. Глухо звякнул клин затвора. Комбат бросил взгляд на передний край. Ротную траншею в эту минуту утюжил фашистский танк.

— Ах ты, гад! — заскрипел зубами Новиков, вращая механизмами наводки. — Наших давишь!

Перекрестие прицела ползло по изуродованным брустверам, выхватывая клубы черного дыма, пока не уперлось в борт вражеского танка. Новиков надавил на спуск. Орудие вздрогнуло. Красновато-сипяя молния ударила в танк. Комбат снова торопливо повел прицел по переднему краю, выискивая цель; в том, что остановил вражескую машину, он был уверен. За спиной послышался крик: «Товарищ капитан, танки! Справа — танки! Товарищ капитан...»

Голос командира отделения разведки Томилина заставил Новикова оторваться от прицела. Но тут перед его глазами мелькнуло пламя, в грудь и лицо плеснуло чем-то упругим и горячим. Страшная сила рванула Новикова и бросила в сторону. Когда он пришел в себя и встал на колени, отплевывая землю, то первое, что увидел, было залитое кровью, в широких разводах пороховой гари лицо Корчина.

— Петя? — окликнул его Новиков. — Петр, ты жив?

Корчин не пошевельнулся. В уголках его губ свертывалась кровь, подбородок на глазах заострялся. Убит. Новиков повел помутневшим взглядом дальше и наткнулся на лежащего Томилина.

Новиков, опершись рукой о станину, встал. Метрах в двухстах, ведя огонь, ползли наискось, в сторону огневой гаубичников, два танка.

Капитан Новиков взглянул на Томилина. Разведчик уже пришел в себя.

— Василий, сюда!

Старший сержант обернулся на голос, на четвереньках пополз к станине. Вдвоем они развернули орудие в сторону врага. Томилин с лязгом послал снаряд в казенник. Новиков поймал в перекрестие танк и нажал на спуск. Гакнул выстрел. Комбат поправил наводку и послал еще снаряд. Танк окутался дымом. Та же участь постигла и вторую вражескую машину.

Потом они вели огонь по бронетранспортерам, пехоте; Томилин — заряжал, Новиков — стрелял, пока их не накрыло прямым попаданием снаряда вражеской самоходки.

Вспоминая об артиллеристах — истребителях танков, не могу не сказать, что в этот день многим из них пришлось испить горькую чашу солдатской судьбы до дна.

В архивных документах мне встретилась запись о подвиге 1-й батареи этого же дивизиона. Командовал ею в тот трудный день лейтенант Дмитрий Лебедев, с которым не раз приходилось встречаться в ходе прошедших боев. Противник обошел огневую позицию батареи и пошел на штурм. Артиллеристы отбивали врага из орудий и автоматов, трофейного пулемета. Несколько раз фашисты предлагали им сдаться. Батарейцы отвечали огнем.

Немцы вновь пошли в атаку. Артиллеристы взялись за стрелковое оружие. Бой разгорелся с новой силой. Стучали автоматы, хлопали выстрелы карабинов, в гитлеровцев летели ручные гранаты.

И так до глубокой ночи. В наступившей темноте оставшиеся в живых артиллеристы двинулись на прорыв. Из всех храбрецов пробиться удалось лишь старшему сержанту Александру Попову и нескольким бойцам.

Приняв на себя удар танков врага, истребительно-противотанковый дивизион нанес большой урон противнику, хотя и сам понес потери. На поле боя погибли командир дивизиона капитан Арсений Киселев, адъютант старший капитан Павел Богомазов, парторг дивизиона лейтенант Павел Глухов, командиры взводов Анатолий Афонин, Николай Ефимов и многие другие офицеры, сержанты, солдаты — люди, за плечами которых было немало больших и малых боев.

Противник продолжал нас атаковать. Иногда ему удавалось продвинуться вперед и даже перешагнуть боевые порядки стрелковых рот. Но проходило некоторое время, и из обожженных, перепаханных бомбами, снарядами и минами траншей, окопов и блиндажей вставали бойцы. Оборона оживала. Остатки отделений, взводов и рот дрались в окружении, прорывали вражеские заслоны и соединялись с основными силами.

Мы не заметили, как день сменила ночь. К утру фашисты нарастили удар. Под натиском противника 828-й стрелковый полк вынужден был отойти. Гитлеровцы ворвались в Циширы. С переменным успехом бой за населенный пункт длился до полудня. Отдельные дома по нескольку раз переходили из рук в руки.

Циширы, а затем к вечеру и Лесные Халупы пришлось оставить. Противник вышел во фланг и тыл 862-му стрелковому полку, который перед этим также был вынужден оставить первую позицию. На батальоны подполковника Василия Кожевникова фашисты давили с фронта и флангов.

Особенно трагично развивались события во 2-м батальоне. Врагу удалось отрезать командно-наблюдательный пункт комбата от рот, окружить его. Командиру батальона Потапову, его заместителю по политической части старшему лейтенанту Маслобойникову,

адъютанту старшему лейтенанту Дружинину, парторгу батальона лейтенанту Родионову, комсоргу старшине Шипицину, связистам, ординарцам, посыльным пришлось взяться за оружие.

Несколько часов кряду они держали оборону, приковывая к себе превосходящие силы врага. На исходе были боеприпасы. Алексей Потапов передал в эфир: «Умираем, но не сдаемся!» Комбат повел людей на прорыв. Штыком и гранатой горстка храбрецов проложила себе путь. В рукопашной схватке погибли парторг и комсорг батальона, многие солдаты и сержанты.

Истекал кровью и 1-й батальон полка. Комбат капитан Дмитрий Шорин не дал возможности немцам отрезать роты от наблюдательного пункта батальона, хотя им удалось подойти к штабу вплотную. Все, кто в этот момент находился на НП, вступили в схватку с фашистами...

Штаб корпуса предпринимал меры для оказания нам помощи. Силами полка 106-й стрелковой дивизии, резервного батальона и роты специального назначения после короткого артналета была сделана попытка выбить противника из Лесных Халуп. Но продвинуться удалось лишь на несколько десятков метров, хотя бой длился больше четырех часов.

Несмотря на мужество, стойкость наших бойцов и командиров, немцы продолжали теснить полки дивизии к Висле. Плацдарм по ширине пока был еще больше, чем в первый день форсирования, однако в глубину в иных местах достигал лишь двух километров. Фактически узкая полоска земли да обрыв отделяли боевые порядки от протоки, за которой укрыться было почти негде: за полтора месяца боев кустарник в пойме и на берегу Вислы был начисто уничтожен.

Ночью и на следующий день противник продолжал бешено атаковать. Но подразделения держались, пока на позиции оставался в живых хотя бы один человек. Держались даже тогда, когда были израсходованы последняя граната, последний патрон. Штыком, прикладом, саперной лопатой — всем, что только попадалось под руку, бойцы встречали врага.

Держался и наш батальон. Каждый десяток метров доставался фашистам ценой огромных потерь. Такого ожесточения схваток не видел даже в первые дни на плацдарме. С тревогой прислушивался к приближающемуся с флангов гулу боя. Стрельба уже разносилась и в тылу. Вдруг позади, на самом берегу протоки, в том месте, где размещался командный пункт полка, послышались частые разрывы снарядов. Переполненный тревогой, звоню в штаб полка. Телефонист на все вопросы исступленно повторяет: «Танки! Фашисты прорвались!..» С трудом добиваюсь командира роты связи.

— Что там у вас стряслось?

— Плохо дело. Фашистские танки заходят в тыл с правого фланга, вдоль протоки.

— Доложи Третьему: все, что наскребу, к вам на выручку брошу.

— Подожди минутку, узнаю, что Третий решит, — слышу в ответ.

Пока командир роты связи бегал с докладом к начальнику штаба полка, в моей голове рисовались картины одна ужаснее другой: представил, как танки давят наши тылы, раненых. «Марина!» Мне словно наяву представилось, как Марина встает на пути фашистского танка, пытаясь своей хрупкой фигурой загородить раненых. В памяти всплыл случай, происшедший в 1941 году под Ярцево, когда фашистские танки раздавили медсестру нашего батальона, прикрывшую своим телом щель с ранеными бойцами.

— Третий запретил снимать людей с переднего края, — наконец слышу в трубке голос офицера. — Сказал, что от вас требуется одно: ни на шаг не отступать. Этим вы нам поможете.

— Ладно. Доложи Третьему: мы свою задачу выполним.

И все же мы наскребли шесть человек, которых Пресняков повел к оказавшемуся в беде штабу. С неослабевающей тревогой прислушивался я к ходу боя, разгоревшемуся в нашем тылу.

В разгар отражения очередной фашистской атаки меня к аппарату позвал телефонист. На проводе был командир роты связи.

— Как там у тебя?

— По-старому, держусь. Вот что у вас происходит?

— Было дело. После узнаешь. Командир интересуется тобой. Передам — держишься.

Лишь по возвращении Преснякова я узнал подробности боя в районе штаба полка. Прорвавшись к КП, немецкие танки начали вести огонь по окопам, блиндажам, щелям. Начальник штаба майор Модин бросился к Боевому Знамени, отсоединил его от древка, обмотал полотнище вокруг груди и со знаменщиками приготовился к бою. Но тут по фашистам ударила сорокапятка. Ее расчет поджег вражескую боевую машину, повредил и второй танк. Остальные, огрызаясь огнем, отошли. Автоматчики, прорвавшиеся с танками, были уничтожены бойцами и офицерами штаба и комендантского взвода.

Не помню, во время какой по счету атаки противника к телефону вызвал меня принявший командование дивизией полковник Абашев: Федор Семенович Даниловский несколько дней назад убыл в корпус, поговаривали — на повышение. Федор Федорович расспросил о ходе отражения атак противника. Я посетовал на большую убыль в личном составе, нехватку артиллерии, Абашев ответил:

— Всем сейчас трудно, но поможем. Пока же рассчитывай на себя.

Вроде ничего особенного не сказал полковник Абашев, а напряжение уменьшилось. Да это и понятно: о тебе помнят, знают, заботятся. В ходе боя совет, просто слово ободрения старшего начальника никогда не лишние, а подчас просто необходимы. Даже его голос придает уверенность в успехе дела. Нечто подобное испытал и я в те минуты.

Враг продолжал наседать, искал огрехи в нашей обороне, пробовал вклиниться то в одном, то в другом месте. Танки врага нео-

жиданно прорвались на позицию батальонных минометчиков. Танкисты торжествовали, глядя на торчащие из окопов минометные стволы, разбитые в щепки ящики: еще с одним очагом сопротивления русских кончено. Осталось лишь для верности пройтись гусеницами по опустевшим траншеям и окопам.

Уцелевших наших бойцов гитлеровцы не видели, да и не могли видеть. Еще до подхода немецких танков старший на огневой позиции лейтенант Михаил Ребрушкин приказал оставшимся в живых занять заранее подготовленные ячейки и окопы для стрельбы, раздал подчиненным ручные и противотанковые гранаты; последние мины батарея выпустила в десять часов утра, а сейчас было уже двенадцать.

— Не робеть, хлопцы! — наблюдая за приближающимися стальными громадинами, передал по цепи лейтенант. — Подпускать ближе, бить наверняка!

Откуда-то из тыла по танкам ударила наша артиллерия, густо встали разрывы снарядов. Одна из вражеских боевых машин вспыхнула метрах в полуторастах от огневой. Появилась надежда: может, не дойдут и другие. Но нет! Танки упрямо ползли на огневую позицию роты. Вот передний уже поравнялся с обожженным кустом шиповника и подмял его под себя. Корпус машины, развернутый строго на окоп, мгновенно вырос до огромных размеров. «Этот возьму на себя». Михаил подтянул поближе к себе противотанковую гранату и, размахнувшись, бросил ее. Взрыва он не ощутил, очевидно, потому, что все кругом загрохотало. И когда через несколько секунд выглянул, увидел: за танком стелется лента гусеницы. Многотонная громада наклонилась вправо, башня ее еще медленно вращалась. Кто-то бросил в корму гранату. Взрыв снес броневую защиту, вспыхнуло пламя. Откинулся башенный люк, показался немецкий танкист, по которому бойцы тут же ударили из карабинов и винтовок. Немец кулем провалился внутрь стальной коробки.

Метрах в пятидесяти правее другой танк успел перескочить траншею, развернуться над окопом и сплющить в лепешку миномет. К вражеской машине метнулся боец. В несколько прыжков он догнал танк и метнул связку гранат в его корму, а сам скользнул в находящуюся рядом воронку. Прозвучал взрыв, и стальную махину заволокло дымом.

К рубежу обороны минометчиков подходил еще один танк, а метрах в сорока позади него бежала немецкая пехота. Ребрушкин, срывая голос, заорал:

— Пехоту, пехоту отсекай!

Словно в ответ на его призыв, из соседних ячеек захлопали выстрелы, ударила автоматная очередь. Пули свалили среди атакующих несколько человек, но не остановили цепь. «До роты, — прикинул численность врага офицер. — А тут еще и этот!» Он вновь скосил глаза на танк и увидел, как из-под него взметнулась выкинутая взрывом земля. Машина начала заваливаться набок.

Немецкая цепь поредела. Но основная масса гитлеровцев, прорвавшись через барьер взрывов, ринулась к ячейкам и окопам. И когда им казалось, что победа близка, с фланга вдруг разнеслось дружное русское «ура». Немцы как-то сразу отпрянули, а затем побежали назад. Минометчики преследовали врага. Ребрушкин увидел неподалеку от себя командира роты лейтенанта Пономарева.

— Товарищ лейтенант, вы?! — радостно воскликнул Ребрушкин.

— Я! Удивлен? Увидел, что тебя тут немцы окружают, и поспешил с НП сюда. И как видишь, поспел вовремя.

Часа через полтора, когда я прибыл на огневую позицию минометчиков, в роте уже успели похоронить павших в схватке и отправить в тыл тяжелораненых. Здесь лейтенант Василий Пономарев и рассказал мне о подробностях прошедшего боя.

Мы прошли по огневой позиции. Пахло гарью, каленым железом. Почерневшие остовы фашистских танков стояли на рубеже схватки. Вновь сформированные минометные расчеты приводили в порядок траншеи и окопы. У многих бойцов виднелись повязки. Одни были свежие, другие уже успели почернеть от копоти, пыли и пота.

Целыми остались три миномета. Они уже стояли в окопах, готовые к открытию огня. Рядом, в ровиках, лежали ящики с минами.

— Только что подвезли с полкового пункта боепитания, — пояснил Пономарев. — Теперь мы живем.

Подошел лейтенант Ребрушкин. Он с командирами минометов выверял прицелы. Михаил Филиппович расстегнул карман гимнастерки, вынул аккуратно завернутый в лист ученической тетради пакет и протянул мне:

— Партийные и комсомольские билеты погибших ребят, товарищ капитан. Собрал их тут по долгу члена партбюро полка. Прошу вас, передайте замполиту.

Губы Ребрушкина нервно дрогнули, голос на последних словах надломился. Я шагнул к нему и молча крепко обнял.

Пора была возвращаться. Убедился: рота хотя и изрядно потрепана, но жива, а значит, способна вести бой. На НП ждали неотложные дела. Капитан Пресняков несколько минут назад сообщил: немцы накапливаются в Цишицах для новой атаки. Пожелав всем успехов, обернулся к лейтенанту Пономареву:

— Василий Дмитриевич, отличившихся представь к наградам, не забудь отметить павших, они достойны самого высокого нашего уважения.

На НП встретил капитан Пресняков. Доложил обстановку: противник, продолжая штурмовать позиции 828-го и 862-го стрелковых полков, готовил удар на нашем направлении. Игорь Тарасович сообщил:

— Да, звонил майор Кулябин, твоего бывшего начальника смертельно ранило.

— Майора Румянцева?

Я словно потерял дыхание. Дорог, очень дорог был мне этот человек. Совсем недавно виделись с ним уже здесь, под Дороткой. Петр Васильевич на местности знакомился с обороной полка. Заглянул в батальон: он никогда не обходил меня вниманием. Хоть на несколько минут, но обязательно появится, спросит о настроении, посоветует.

И вот горькая весть. Вскоре узнал подробности его гибели. Полковник Абашев решил переместить оперативную группу дивизии ближе к боевым порядкам полков, обстановка менялась быстро, и нужно было на месте принимать решения. Группу возглавил майор Румянцев. Прибыв в штаб нашего полка, Петр Васильевич начал устанавливать связь с частями дивизии. В это время начался артналет. Несколько тяжелых снарядов упало рядом со штабным блиндажом. Пришлось покинуть помещение и спрятаться в близлежащих укрытиях.

Румянцев с майором Кулябиным переждали артналет в одной щели. После него вышли к блиндажу. Со стороны Цишиц раздавался гул танковых двигателей.

— Опять идут, — вздохнул Кулябин. Он взбежал на небольшой бугорок и стал смотреть в сторону населенного пункта.

— Видны, Николай Афанасьевич?

— Пока нет. Но вот-вот пожалуют.

В это время над самой головой Кулябина прошелестела падающая на излете мина. Он даже не успел пригнуться, как раздался взрыв, что-то горячее обожгло шею. Николай Афанасьевич обернулся назад. Румянцев, схватившись за грудь, медленно опускался на землю.

— Что с тобой, Петя?! Ранен?

— Кажется, Коля, кажется...

Кулябин бросился к Румянцеву и закричал:

— Врача, врача сюда!..

Прибежали полковые медики капитан Виктор Черный и старший лейтенант Степан Бурый. Ранение оказалось более чем серьезным: восемнадцать осколков принял в себя майор Румянцев. Он потерял сознание, а по дороге в медико-санитарный батальон скончался.

Мне невольно представились налитые слезами глаза Лины — жены Петра Васильевича. Петр и Лина нашли друг друга на фронтовых дорогах. Полюбили и поженились. Были счастливы, хотя и терпели множество неудобств, связанных с постоянной опасностью, неустроенностью быта. Но они как-то об этом не думали. На первом плане у них не личные дела, а служебные заботы. Петр был оператором, Лина — медиком.

Я по-хорошему завидовал их любви и счастью. Теперь горе свалилось на Лину. Нужно сказать, она мужественно его перенесла. Похоронила Петра Васильевича во Львове. Осталась верна своей первой любви. Ныне Лина Кузьминична Румянцева проживает в Ростове-на-Дону.

Не могу не вспомнить здесь о других наших девушках и женщинах — фронтовичках. Взвалив на свои плечи тяжесть походной жизни, они наравне с мужчинами несли эту ношу. Наводили связь, выносили раненых, несли охрану. Старшина Тамара Иванова командовала минометным взводом. В ходе боев за плацдарм на левом берегу Вислы пала смертью храбрых.

В критические минуты боев девушки становились за пулеметы, брались за автоматы, винтовки и вместе со всеми отражали врага. 13 сентября сложилась трудная обстановка. Все, кто находился в штабе и в тылах полка, были брошены на передовую. К концу подходил боезапас. Майор Модин снял с постов девушек и поставил их подносить боеприпасы. По колено в топкой жиже, по пояс в воде, под огнем противника переправляли они через старицу ящики с патронами и минами.

С теплотой вспоминаю медиков Козачук, Миронову, Воробьеву, Дмитриеву и других наших исцелителей — женщин в белых халатах, нашего дивизионного соловья Кирюхину. У Марии был хорошо поставлен голос. Она исцеляла бойцов не только руками медика, но и задорной песней.

Многие девушки на фронте нашли свою судьбу. Медсестра Катя стала подругой нашего минометчика Василия Пономарева. В боях на плацдарме я особенно остро ощутил, как бесконечно дорога мне стала Марина. За все дни боев я лишь однажды по-настоящему испугался: когда немецкие танки прорвались к командному пункту полка, неподалеку от которого находился медицинский пункт. К счастью, все обошлось благополучно.

Еще почти двое суток фашисты продолжали бешено таранить нашу оборону. Истекающие кровью батальоны 828-го и 862-го полков медленно пятились, постепенно оголяя тылы нашего полка. Мы сдерживали врага, но с каждым часом это делать становилось все труднее и труднее.

Наш плацдарм уже сыграл свою отвлекающую роль. За полтора месяца боев он приковал к себе большие силы врага, помог войскам фронта расширить главный сандомирский плацдарм настолько, что в последующем он мог вместить целую группировку для нанесения удара по фашистам.

14 сентября командование 1-го Украинского фронта, стремясь сохранить оставшихся в живых наших бойцов и командиров, отдало приказ оставить плацдарм. Майор Павлюк довел его до офицеров, объявил порядок отхода. Первыми покидали левый берег тыловики, последними — стрелковые подразделения.

Совещание было закончено, мы начали расходиться. Но меня позвал Валентин Евстафьевич:

— Алтунин, на минуту задержись!

Я подошел к командиру полка. Павлюк вздохнул, окидывая меня взглядом, и чуть дрогнувшим голосом произнес:

— Знаю, больше других досталось твоему батальону. Первыми вступили на плацдарм и последними придется уходить. Но ничего

не поделаешь. В других батальонах людей меньше, чем у тебя. Надеюсь, и на этот раз выдюжишь. Лодки будут ждать тебя на берегу.

Я устало махнул рукой:

— Ясно. Если суждено сгореть, говорят у нас в Сибири, не утонешь.

Вымученная улыбка скользнула по исхудавшему лицу майора Павлюка.

— Ну вот и хорошо. Обговорим детали выполнения задачи.

Мы вышли из блиндажа. Осмотрели рубежи обороны, пути отхода. На прощание Валентин Евстафьевич обнял меня:

— Береги, Саша, себя, людей. У нас еще много дел впереди.

Последняя ночь была самой трудной для батальона. Соседи уходили, мы продолжали отбиваться от наседавшего врага. Фашисты, видя свой перевес, предлагали нам сдаться, в противном случае грозились утопить в Висле. Батальон отразил шесть атак кряду.

Лишь под утро нам удалось оторваться от врага и отойти к лодкам. Воспользовавшись затишьем, приступили к переправе.

Дорого нам дались эти дни. Только в последних боях отдали свои молодые жизни подполковник Василий Кожевников, капитан Исаак Близмак, старшие лейтенанты Дмитрий Одегов, Николай Ларин, лейтенант Петр Байструченко, младшие лейтенанты Виктор Федоров, Никита Чудов, многие сержанты и солдаты. Тяжело ранены были помощник начальника штаба полка по связи капитан Константин Лисицын, старшие лейтенанты Антон Ильин, Александр Никитин.

Мы уходили, чтобы пополниться и вновь вернуться громить ненавистного врага.

ИДЕМ НА ЗАПАД

На рассвете последние лодки пристали к правому берегу Вислы. Бойцы выносили за дамбу раненых, разгружали имущество. Я, остановившись у самого края воды, посмотрел в сторону оставленного нами плацдарма. У ног лениво плескалась речная волна. Было сыро, пахло первым прелым листом приближающейся осени.

В настороженном сумраке наступающего утра мимо в одиночку и группами брели черные от усталости и пороховой копоти люди. Осунувшиеся, незнакомые или с трудом узнаваемые лица, время от времени слышались стоны раненых. Больно, больно сжималось сердце. Как мало их шло!

Боль утраты горечью оседала в груди. Не сразу услышал хриплый голос, раздавшийся за спиной:

— О чем задумался, комбат?

Я повернулся. На меня глядел воспаленными глазами командир полка. И очевидно, по моему виду понял многое. Он что-то хотел сказать, но только с усилием сглотнул подступивший комок. После молчания спросил, тяжело вздохнув:

— Всех с левого берега вывез?

— Всех. Последним рейсом прихватил и полковых телефонистов.

— Вот спасибо, Александр Терентьевич! — оживился Валентин Евстафьевич. — Мне тут доложили, мол, в спешке забыли двух телефонистов, а, как на грех, с тобой связи нет. Нарочного отправить — лодки у тебя. Хоть вплавь кого посылай. А тут слышу — стрельба прекратилась. Неужто Алтунина одолели фрицы, думаю, не успел оторваться? Знаю, что оставил тебя в кромешном аду. Казню себя, но иного решения принять не мог.

— Не стоит себя казнить, товарищ майор. Не мне, так другому обстановка требовала испить чашу отхода до конца. Да и помочь чем вы нам могли? Артиллерией? Материальная часть полковых батарей вышла из строя на плацдарме. Не лучше дело обстоит в артполку и истребительно-противотанковом дивизионе дивизии. Был приказ стоять до последнего. Вот все мы и стояли. Так что иллюзий насчет помощи я никаких не строил. Рассчитывал на наличные силы да на сметку людей. Ну и, как видите, выдержали. Ваш приказ выполнен. Да что это я разговорился, как та девица.

— Ничего, ничего. Тебе нужно разрядиться. Да и говоришь ты все верно. — Майор Павлюк крепко, до боли, пожал мне руку: — Спасибо, Саша! За все спасибо, комбат. Вижу, ты устал до предела. Поїди отдохни.

Не помню, что еще говорил Валентин Евстафьевич. Как-то сразу спало напряжение, и на смену ему пришла усталость. Свинцом налилось тело, огнем горели в сапогах ноги, загудело в голове, перед глазами пошли красные круги. Превозмогая навалившуюся тяжесть, разыскал палатки, в которых вповалку уже спали бойцы и командиры батальона. Уронил голову на чью-то шинель, закрыл глаза. И почти тут же блеснули в них всплески разрывов, толкнуло в плечи и в грудь чем-то душным. Сквозь хаос вспышек, визг осколков и свист пуль послышались чьи-то надрывные голоса: «Ротного убило... Там раненые... Раненых выносите... Драпают, сукины дети, драпают... Все, конец, братцы!..»

Хочу припомнить, чьи это голоса, но не могу. Потом поплыли лица Чугунова, Ковалева, Аушева, Малыгина, Елагина, Заточного... Воспаленный мозг продолжал жить прошедшими боями.

Очнулся оттого, что кто-то тряс меня за плечи и звал: «Товарищ капитан! Товарищ капитан! Да проснитесь же вы!»

Открыл глаза. Надо мной склонился капитан Жданов. Василий Антонович недавно был назначен вместо капитана Бухарина. Знающий офицер, веселого права, он быстро нашел свое место в батальоне. Лицо Жданова было чисто выбритым, глаза светились радостью.

— Ну и спите вы, Александр Терентьевич! Еле добудился. Капитан Пресняков побежал в штаб, приказав во что бы то ни стало вас поднять. В тыл уходим!

— Да ну!

— Батя собирает офицеров по этому поводу. Умывайтесь и — к командиру.

Действительно, на совещании у командира полка речь шла о предстоящем нашем отдыхе.

Спустя сутки дивизию отвели дальше в тыл. Части расположились в лесном массиве у небольшого польского города Мнишек. Здесь мы наконец-то помылись в бане, начали приводить в порядок свое армейское хозяйство. Отдыхали. После грохота боев, крови, пороховой гари казались удивительными осенняя тишина и голубое небо. Ко многим ночами вновь и вновь возвращалось пережитое. Одни кричали во сне, другие вскакивали и хватались за оружие, третьи звали ребят в атаку...

Постепенно тыловая жизнь становилась для нас привычной. В один из дней прибыло пополнение. В основном бывалый народ. Тем не менее работы нам прибавилось. Нужно было распределить новичков по подразделениям, каждому найти должность по душе. Все это отнимало немало времени, сил.

Начались занятия по сколачиванию отделений. Из-за того что на должности младших командиров в основном были назначены отличившиеся в прошедших боях солдаты, много внимания уделили командирской подготовке сержантского состава.

В батальоне состоялось открытое партийное собрание, посвященное опыту прошедших боев. Ветераны вспоминали схватки с врагом, рассказывали о стойкости, сметке товарищей, приводили примеры находчивости, инициативы. Разговор явился хорошей школой для влившихся в коллектив бойцов и командиров, помог нам суммировать лучшее из прошедших боевых действий и внедрить его в практику обучения.

Памятным событием тех дней явился армейский приказ, в котором подводились итоги августовских и сентябрьских боев. За мужество и отвагу дивизии была объявлена благодарность, выражена уверенность, что мы, брянцы, и впредь будем успешно решать задачи по разгрому немецко-фашистских захватчиков. По этому случаю в полку состоялся митинг. Выступившие на нем участники боев рядовой Василий Кирьяш, капитан Николай Бухарин, майор Николай Кулябин призвали молодежь равняться на ветеранов, продолжать нещадно бить заклятого врага.

Высокая оценка наших боевых дел окрыляла. Хорошему настроению способствовали и хорошие вести. В штаб полка почти ежедневно стали приходить выписки из приказов о награждении отличившихся в боях воинов.

В один из последних дней сентября мы находились на командирской учебе в штабе дивизии. Под вечер в палатку принесли свежие газеты. Офицеры потянулись к ним. Как обычно, сначала читали сводки Совинформбюро. И вдруг чей-то взволнованный возглас:

— Братцы, смотрите! Алтунину Героя дали!

— Да ну! — зашумели присутствующие.—Где? Показывай! Правда?

В одно мгновение я оказался в объятиях друзей. Кто-то почти к самым моим глазам поднес газету:

— Читай! Вслух читай!

Ищу свою фамилию в Указе Президиума Верховного Совета СССР, а строчки прыгают перед глазами.

— Ну что же ты, первая! Смотри, «капитану Алтунину Александру Терентьевичу...». Ошибки быть не может!

Радостные голоса сослуживцев перебил бас Бухарина:

— Ребята, дайте мне его, чертяку, обнять! Как-никак бывший командир!

Николай Яковлевич наконец добрался до меня. Обнял и расцеловал, желая всяческих успехов. По-медвежьи сжал в объятиях заместитель командира стрелкового батальона капитан Иван Сергеев.

— Ребята, да тут и фамилия Павлюка! Может, еще кто есть из нашей Брянской непромокаемой?!

— Смотрите, и разведчик Тюльга здесь!

Несколько дней подряд поздравляли товарищи, командиры, сослуживцы. В памяти остались теплые напутствия Федора Федоровича Абашева, Петра Григорьевича Жеваго, Валентина Евстафьевича Павлюка, Николая Афанасьевича Кулябина, Николая Сергеевича Модина, генерал-майора Федора Семеновича Даниловского.

Получил письмо от отца. Развернул солдатский треугольник и побежал глазами по неровным строчкам весточки. Батя писал: «...нынче утром вызвал меня командир батальона. Прибыл, доложил, значит, комбату по всей форме. Он подходит ко мне, протягивает руку, спрашивает: «Терентий Дмитриевич, у вас сын Александр есть?» «Так точно, — говорю, — есть, на 1-м Украинском батальоном командует, капитан». Он у нас новый, комбат-то, недели две, как прибыл. Старый тебя знал по нашей встрече в Белоруссии. Все интересовался, как дела у тебя. А этот еще не всех людей изучил.

Говорю, а у самого зашлось сердце, ноги свинцом налились. «Никак, с Сашей беда», — думаю, а комбат улыбнулся и говорит: «Значит, сосед наш».

«Выходит», — отвечаю, а сам мысленно: «Ну чего ты тянешь, говори, говори же быстрее! Не затем ты меня специально вызывал, чтобы о сыне переспросить. Нет, не за этим! Тут что-то другое...»

Комбат, видно, заметил мое состояние, поспешил меня успокоить: «Да ты не тревожься, Терентий Дмитриевич. Беды никакой не случилось. А вот радость для тебя у меня есть. Да еще и какая радость! — Разворачивает газету и протягивает ее мне со словами: — Твоему сыну, Терентий Дмитриевич, присвоено звание Героя Советского Союза. Вот Указ Президиума Верховного Совета СССР. Читай!»

Беру я, значит, газету, а у самого руки трясутся. «Этак негоже, старый солдат,—успокаивает меня комбат, а своему адъютанту приказывает: — НЗ и кружку сюда! Да консервы вскрой. Быстро!»

Налил он мне полную кружку, подает со словами: «Выпей за сына-Героя, отец. Не так уж и часто люди удостаиваются высшего отличия Родины». А я стою столбом и молчу, только плечами дергаю. Он это расценил по-своему. «Разрешаю, — говорит, — Терентий Дмитриевич. Давай. Солдат ты у нас тоже исправный. Не тяни».

Выпил, значит, я. И только тут пришел в себя. Поздравляю тебя, Саша, с высшим воинским отличием...»

Это было первое поздравительное письмо от родных.

28 сентября сорок четвертого мне было присвоено очередное воинское звание «майор».

В начале октября состоялся партийный актив дивизии. Разговор шел о росте рядов партии. В ходе прошедших боев партийные организации полков, батальонов, рот намного уменьшились. Достаточно сказать, что в нашем полку осталось всего 78 коммунистов из 200 с лишним к началу форсирования Вислы. Правда, партийная прослойка увеличилась за счет членов и кандидатов в члены ВКП(б), прибывших в составе последнего пополнения. Однако для создания полнокровных ротных партийных организаций коммунистов было явно мало.

— База роста у нас есть, — отмечал в докладе начальник политического отдела. — Да еще и какая! В полках, батальонах и ротах немало солдат, сержантов и офицеров, не раз проявивших себя в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Однако они пока вне партии, хотя мы их хорошо знаем. Почему это происходит? Да потому, что не находим времени с ними поработать, помочь им подготовиться для вступления в ВКП(б).

В числе подразделений, где наиболее неблагополучно с ростом партийных рядов, Петр Григорьевич Жеваго назвал и наш батальон. Сделали выводы с замполитом, секретарями партийных организаций управления и рот, стали больше уделять внимания подготовке передовых воинов к вступлению в партию.

Мы знали, что тыловая жизнь в любое время может кончиться и наш 1-й Украинский придет в движение. Хотя, впрочем, он и не стоял на месте; войска 38-й армии вместе с частями 1-го Чехословацкого корпуса 6 октября овладели Дуклинским перевалом и теперь шли по территории Чехословакии.

Успешно громили немецко-фашистских захватчиков войска 2-го и 3-го Украинских, Ленинградского, Карельского, Прибалтийских и Белорусских фронтов. Теперь по всей линии от Балтийского до Черного моря война шла уже на территории соседних государств. Приближался окончательный крах гитлеровского режима. Лишь на территории Латвии и Литвы еще оставались войска фашистской группы армий «Север».

Мы продолжали находиться в резерве. Здесь же отпраздновали 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Вчитываясь в строки приказа Верховного Главнокомандующего, мы гордились успехами Советской Армии на полях Великой Отечественной войны. Приказ призывал добить врага в его собственном логове!

В канун праздника Октября состоялось полковое учение. Возможно, о нем можно было бы и не вспоминать, но оно связано с важным для моей дальнейшей судьбы разговором. Исполняющий обязанности командира дивизии полковник Федор Федорович Абашев и началь-

ник штаба дивизии полковник Петр Евгеньевич Давыдов после учения попросили меня задержаться. Абашев поинтересовался:

— Не надоело батальоном командовать, Александр Терентьевич?

— Нет, что вы! — ответил я поспешно. — Если...

— Ишь какой горячий! — не дал мне досказать начальник штаба дивизии. — Прямо огонь! Мы и говорим с тобой потому, что ты накопил опыт и теперь тебе по плечу более сложные задачи.

— Майор Павлюк хочет замом тебя взять, — без дальнейших недомолвок объяснил Абашев. — Далеко не уходишь от своего батальона. Как твое мнение?

Раздумывать было нечего. Дал согласие.

На этом предварительный разговор закончился. 4 ноября я был назначен заместителем командира полка. Новая должность, новые заботы, а вместе с этим и ответственность.

Во второй половине ноября из полка на учебу убыл замполит майор Кулябин. Расставания в армии нередки, тем более во фронтовой обстановке. Только привыкнешь к человеку, как судьба разлучает. Причины, понятно, разные, но, какими бы они ни были, всегда сожалеешь. Ты привык к товарищу, и фронтовая жизнь поистине роднит. С Николаем Афанасьевичем меня связывало многое. Становление в должности комбата, бои на плацдарме, когда грань между жизнью и смертью почти исчезала. Сказать, что это был бесстрашный человек, было бы неверно. Кулябин, как и все мы, кланялся земле при разрывах мин и снарядов, не выставлял себя под пули. Но, другое дело, он не терялся в сложных перипетиях боя, умел вселять в окружающих уверенность.

Признаться, мне было жаль расставаться с ним, хотя мы и не были личными друзьями. Долго еще я буду вспоминать его советы на дорогах войны.

Между тем подходил к концу сорок четвертый год. Вечером 31 декабря выпал свежий снежок. Все вокруг оделось в белый пушистый наряд. Небо очистилось, ударил легкий морозец. В лесу дышалось легко и свободно. Кругом тишина и покой. Даже как-то не верится. Остановившись у ели, опустившей под снежной тяжестью разлапистые ветви, невольно подумал: совсем как у нас в Сибири. Снова вспомнился отчий дом, родные края. Защемило сердце. Давно не было писем от матери. «Уж не случилось ли что?» Постарался выбросить из головы эту мысль, но она не уходила.

— Так вот ты где, пропащая душа, — послышался вдруг за спиной голос.

Я обернулся. По тропинке шел ко мне начальник штаба майор Николай Сергеевич Модин.

— Хватились, а тебя нет. Новогодний стол ждет. Пойдем перекусим. Нам еще людей нужно поздравить, да и по распорядку дня у нас сегодня концерт художественной самодеятельности.

С Николаем Сергеевичем у меня установились добрые товарищеские отношения, хотя и раньше, когда командовал батальоном, их нельзя было назвать прохладными. Отзывчивый по характеру, Модин всегда приходил на помощь, но требовал от нас, батальонных коман-

диров, аккуратности в оформлении документов и своевременности их представления. Правда, не всем скрупулезная педантичность начальника штаба полка нравилась, но приходилось с ней считаться. Зато после не один из нас, молодых офицеров, с благодарностью не раз вспомнил об этом человеке.

Модин хорошо знал солдатскую жизнь. Младшим командиром прошел финскую кампанию. Отечественную встретил офицером. Командовал ротой автоматчиков. Не раз блестяще решал задачи. Был ранен. Врачи порекомендовали штабную работу. Привыкший с детства трудиться, он и на новом месте быстро освоился. Был выдвинут на должность начальника штаба полка.

Наши командирские заботы понимал и не однажды отстаивал нас, как говорят, отводил гнев начальства. Это был требовательный, пунктуальный, но справедливый начальник.

— Пойдем, пойдем, Николай Сергеевич, — взял я Модина под локоть.

В эту новогоднюю ночь мы подняли неизменные сто граммов за нашу окончательную победу, вспомнили боевых друзей-товарищей, оставшихся на фронтовых путях-дорогах, побывали на концерте.

5 января, во второй половине дня, из штаба дивизии поступил приказ о подготовке к маршу. К исходу 7 января полк сосредоточился в окрестности города Сандомира. К этому времени, несмотря на то что противнику удалось вытеснить отдельные наши части с западного берега Вислы, сандомирский плацдарм имел в ширину около семидесяти километров и до шестидесяти в глубину. Как стало известно некоторое время спустя, командование фронта решило отсюда начать предстоящую операцию, имя которой на штабных картах и в соответствующих бумагах уже было обозначено — Висло-Одерская стратегическая. И сюда, соблюдая все меры маскировки, в основном в темное время суток, стягивались войска для удара по врагу.

Здесь, у Сандомира, произошел случай, о котором нельзя не вспомнить, потому что послужил он для всех в полку хорошим уроком.

В один из вечеров в штаб полка позвонили соседи с просьбой забрать солдата, пытавшегося перейти линию фронта. Сообщение удивило. Чрезвычайное происшествие. Да еще и какое! Давно подобного не было.

— Александр Терентьевич, — попросил майор Павлюк, — разберись с солдатом, выясни: может, человек заблудился?

Командир полка спешил на совещание в штаб дивизии.

Начал выяснять. Командир батальона на звонок ответил со вздохом:

— Опять этот недотепа. Мучаемся мы с этим солдатом. То одно, то другое. Теперь новый фортель выкинул. Думаю, что умысла тут никакого нет.

Все же решил лично съездить к соседям. Привез бойца. Вид у солдата действительно был неказистый: невысокого росточка, с невыразительным, даже на первый взгляд глуповатым, лицом, в помятой

шинели, в сбитых, давно не чищенных сапогах. Обращали на себя внимание лишь плечи: прямые, широкие.

На вопросы отвечал путано, то и дело переспрашивал: мол, что вы от меня хотите, неграмотный я. Однако в его ответах нет-нет да и проступала настороженность.

Своими сомнениями я поделился с оперуполномоченным капитаном Обуховым. Александр Васильевич заинтересовался солдатом. А на другой день сказал мне:

— Александр Терентьевич, а ведь твои сомнения подтвердились. Он не тот человек, за которого выдает себя. Сейчас проверяем.

Обухов заторопился по своим делам, а вечером — новость: боец сбежал из-под караула. Попросился в туалет. Вышел с выводным, зашел в помещение. Выводной остался ждать. Через некоторое время окликнул арестованного — молчание, рванул дверь — внутри пусто, а в задней стене зияет дыра. Пришлось немало походить за беглецом по окрестным хуторам, пока его не поймали.

Со шпионом поступили по законам военного времени. По приговору военного трибунала он был расстрелян. Этот случай еще раз напомнил всем нам о том, что необходима повседневная бдительность.

Между тем подготовка к предстоящему прорыву вражеской обороны с каждым днем становилась все ощутимее. В полк все чаще и чаще стали наезжать офицеры из штаба дивизии, корпуса. Они интересовались буквально всем, начиная от экипировки солдат и кончая сколоченностью взводов, рот, батальонов. В дивизии состоялись занятия с командирами полков и их заместителями. Мы отрабатывали вопросы наступления в густонаселенных районах и городах.

Прибыл приказ о подготовке штурмовых батальонов. Дело не новое. Практику мы имели, в опытных офицерах и сержантах недостатка не было. В полку выбор пал на батальон капитана Бухарина. Сообщил об этом Николаю Яковлевичу. Он воспринял весть как дело само собой разумеющееся, уточнил, какие средства усиления мы ему придаем, когда приступить к сколачиванию.

— Сегодня же и начнем, Николай Яковлевич. Артиллеристы, минометчики и саперы после обеда прибудут. Готовься к учению.

Тактическое учение батальона с боевой стрельбой состоялось дня через три. Мне пришлось выступать в роли руководителя. Радовала сноровка бойцов. Офицеры и сержанты умело руководили подчиненными, быстро реагировали на изменения обстановки. За плечами абсолютного большинства из них был огромный боевой опыт. За исключением отдельных незначительных шероховатостей, батальон показал высокую выучку.

Штаб дивизии ежедневно требовал от нас сведения о занятиях, мероприятиях по партийно-политической работе, торопил с завершением проведения учений. Мы тогда не знали, что Ставка Верховного Главнокомандования в связи с тяжелым положением, сложившимся у союзников в Арденнах, пересмотрела дату начала наступательной операции. Следовательно, время, как у вышестоящих штабов, так и у нас, оказалось до предела уплотненным.

Командующий нашим фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев так характеризовал район предстоящих боев: «Нам предстояло пройти от Вислы до Одера, на глубину до пятисот километров. Противник заблаговременно подготовил на этом пути семь оборонительных полос. Большая часть их проходила по берегам рек Нида, Пилица, Варта, Одер, которые сами по себе являлись преградами. За спиной врага был Берлин: выбора уже не оставалось. Не устоять — значит подписать себе смертный приговор».

12 января гул канонады известил о начале наступления. Артиллерийские раскаты были такой силы, что даже у нас, в пятнадцати километрах от передовой, приглушенно позвякивали стекла в окнах дома. А каково было там — в стане врага, куда обрушился смертоносный груз! Двести семьдесят — триста стволов на километр фронта, не считая пушек и минометов мелких калибров, — вот какую плотность артогня удалось создать в местах прорыва. Сильна стала наша армия! Очень сильна! В сорок первом и сорок втором, помню, мы, ротные командиры, каждую приданную сорокапятку считали великим подспорьем в обороне и наступлении. Теперь на смену им в полк пришли 57-мм и 76-мм орудия. А сколько стало автоматического оружия!

— Жарко фрицам приходится! — кивнул в сторону передовой майор Павлюк.

Несмотря на раннее утро, офицеры штаба были на ногах, да и в подразделениях, судя по звонкам, не спали, хотя накануне вечером майор Павлюк распорядился дать больше времени на отдых личного состава. Артиллерийская канонада подняла на ноги людей в это пасмурное утро.

Наконец-то настал долгожданный день! Новый рывок к Берлину — шаг к победе, с которой у каждого из нас были связаны свои мечты. Начавшимся свершениям на фронте мы радовались и — без преувеличения скажу — рвались в бой.

В тревожно-радостном ожидании вестей с передовой шло время. К закату катился короткий январский день, когда с совещания из штаба дивизии прибыл командир полка. По блестевшим глазам Павлюка нетрудно было догадаться, что Валентин Евстафьевич прибыл с доброй вестью.

Майор Модин собрал офицеров штаба.

— Поздравляю вас, товарищи, с успехом,— начал майор Павлюк.— Первый эшелон нашей третьей гвардейской прорвал оборону врага. По поступившим сведениям, соседние армии также успешно идут вперед. Командир дивизии передал быть в готовности.

Голос командира полка прервал телефонный звонок. Майор Павлюк взял трубку. По мере того как Валентин Евстафьевич слушал абонента, его лицо принимало озабоченное выражение.

— Ясно! — Наконец он положил трубку и посмотрел на нас: — Ну вот, товарищи, через час выступаем.

Рассвет полк встретил в пути. По обочинам дороги, на полях, лесных опушках, полянах нашему взору представилась разбитая вражеская техника.

Позволю себе одно маленькое отступление, характеризующее мощь нашего удара с сандомирского плацдарма, повлиявшего в некоторой степени на ход и исход последующих событий, а вместе с тем и действий отдельных соединений армии, в том числе непосредственно нашей дивизии. Я имею в виду слова гитлеровского генерала Курта Типпельскирха в его книге «История второй мировой войны», относящиеся к 12 января — дню прорыва: «Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану. Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным».

Передовые корпуса и дивизии нашей армии в первый день глубоко вклинились в оборону немцев, продолжали идти вперед, сметая на своем пути сопротивление гитлеровцев. Недобитые фашистские части они оставляли вторым эшелонам.

Оказавшиеся в нашем тылу войска врага сосредоточивались в лесах и перелесках в довольно большие группы под руководством опытных и решительных офицеров. Такие группы представляли серьезную опасность для тех, кто двигался вслед за передовыми соединениями и частями. Фашистские части находились на мехтяге, имели в своем распоряжении танки, самоходные орудия, артиллерию, что при разветвленной сети шоссейных дорог района давало им возможность широкого маневра.

Крупная группировка противника оказалась между Варшавой и Сандомиром. Войска фронта оставили ее почти нетронутой. Уже на второй день прорыва фашисты стали давать о себе знать на правом фланге дивизии. Прорываясь, гитлеровцы дрались отчаянно. Их охватил страх, вызванный геббельсовской пропагандой, вопившей о том, что придут русские и не оставят от Германии и камня, а все население угонят в Сибирь.

В районе Бялочува на пути отступавшей фашистской механизированной колонны оказались медико-санитарный батальон и тыловые подразделения 149-й стрелковой дивизии. Огнем и гусеницами они были буквально стерты с лица земли. Противнику удалось занять город.

Командование корпуса приняло срочные меры. Наперерез прорвавшимся гитлеровцам были брошены усиленные батальоны от нашего и 828-го стрелкового Владимир-Волынского полков. Всю ночь шел бой за Бялочув.

Артиллеристы, расчеты противотанковых ружей жгли танки, штурмовые орудия, бронетранспортеры врага; минометчики, пулеметчики, стрелки уничтожали немецкую пехоту. Противник метался как загнанный зверь, искал выход из создавшегося положения, но везде натыкался на наш жесткий отпор.

От полного уничтожения врага спасла появившаяся в районе города Закжева новая фашистская механизированная группа. Для ее разгрома пришлось бросить часть находившихся в нашем распоряжении сил. Этим воспользовались окруженные гитлеровцы. Они сумели смять взвод противотанковых ружей и пулеметчиков на стыке двух батальонов. Однако вырваться удалось немногим.

Насколько трудно приходилось нам, можно судить хотя бы по численности противника. Только в бялочувской и закжевской группах прорывавшихся войск оказалось более 10 тысяч вооруженных гитлеровцев.

И не только страх толкал фашистов на отчаянное сопротивление. Надо сказать, что закат третьей империи видели еще далеко не все немцы, и даже тяжелая обстановка пока вносила мало поправок в характер действий гитлеровского солдата на поле боя. Он продолжал драться, как и раньше. Заметный подъем духа, судя по показаниям пленных, вызвала в немецкой армии наступательная операция в Арденнах. Фашистские солдаты и офицеры верили старательно раздуваемым пропагандой слухам, что после разгрома наших союзников германское командование бросит силы со всех фронтов против Советского Союза.

Полк почти не выходил из боя. Роты, батальоны, специально сформированные отряды постоянно были в движении. Сегодня они наносят удар в одном месте, завтра — в другом. Нужно было успеть пересечь фашистам пути отхода, расчленить, по частям ликвидировать или пленить. Дело это нелегкое. Части противника, повторяю, были прекрасно оснащены техникой и оружием, во главе их стояли опытные офицеры.

Войска противника передвигались в ночное время. В каждой из колонн имелись танки, самоходные орудия, минометы, хорошо вооруженная пехота. Одна из таких групп гитлеровцев прорвалась к месту расположения командного пункта полка. В это время здесь находился второй батальон и батарея 76-мм пушек. Встретили врага плотным огнем. Беспокоила мысль: «Сил маловато, а с нами Знамя полка». Майор Павлюк обернулся к начальнику штаба Н. С. Модину:

— Спасай Знамя. Отходи к резервному батальону. Мы тут управимся сами.

Офицеры, связисты, расчеты противотанковых ружей, стрелки уничтожали вражескую пехоту и танки. Атака врага была отбита.

828-й стрелковый Владимир-Волынский полк совместно с 418-м отдельным истребительно-противотанковым дивизионом в районе Доробна-Воля несколько часов подряд вели бой с вражеской механизированной группой. Не подоспей на помощь красовцам другие части дивизии, врага не то что разбить, трудно было бы остановить.

Борьбу с прорывавшимися группами противника вели не только наша и соседние дивизии, но и танкисты генерал-лейтенанта И. П. Корчагина. Нам не раз с ними приходилось совместно громить врага.

Фашисты яростно сопротивлялись, во многих местах контратаковали, однако сдержать напор не удавалось. Гитлеровцы хотя и не так быстро, как хотелось бы нам, но пятились назад, а в отдельных местах бежали, бросая технику и оружие. Бой, марш, снова бой — таким порядком мы продвигались к Одеру. Пригодные автомобили, мотоциклы, повозки командиры подразделений приспосабливали для переброски личного состава, подвоза боеприпасов, имущества, снаряжения.

В эти дни мне особенно запомнился марш в район Бошкува. Полк продвигался по раскисшим грунтовым дорогам: ртутный столбик прыгнул на плюсовую отметку, валил мокрый снег. Командование дивизии торопило. Машины буксовали на подъемах, застревали. Не раз недобрым словом пришлось вспомнить «небесную канцелярию». Прямо с марша вместе с другими частями в ночь на 28 января вступили в бой за город Кребень. Основная тяжесть борьбы легла на нас. Вторую половину ночи и утро 29 января батальоны при поддержке артиллерии штурмовали городские кварталы. Продвижение шло медленно. Гитлеровцы дрались за каждый квартал, улицу, дом. То и дело приходилось ставить на прямую наводку артиллерию.

Часам к девяти я оказался в батальоне Бухарина. Комбат охрипшим голосом отдавал распоряжения. Увидев меня, он обрадованно улыбнулся. В это время вражеский пулеметчик, залегший на крыше стоящего через улицу особняка, стеганул по окнам верхнего этажа здания, у которого мы стояли. Посыпались стекла, штукатурка вперемешку с деревянными щепками.

Бухарин поморщился, как от зубной боли, кивнул в сторону огневой точки:

— Ну что ты с ним поделаешь! Нечем взять, а пушкари отстали.

— Да, плохо. Не знаешь, почему застряли артиллеристы?

— В расчетах людей негусто. Потери за последние дни большие.

— Помоги им.

— И то верно, хотя и у меня народу осталось немного.

Николай Яковлевич распорядился помочь артиллеристам. Вскоре прибыли два орудия. Расчеты довольно быстро расправились с пулеметом врага, начали прикрывать двинувшиеся вперед штурмовые группы. Одно орудие вело огонь по засевшим гитлеровцам, другое в это время перемещалось на новую огневую позицию.

Продвижение батальона пошло живее.

— Ну вот, Николай Яковлевич, дело-то двинулось, кажется. Как же это ты сам не сообразил? Или прижимистым становишься? Не похоже на тебя.

Бухарин опустил глаза и развел руками:

— В суматохе упустил.

В полдень последние группы противника прекратили сопротивление. Город был в наших руках. На улицах стали появляться жители. Поляки с интересом смотрели на бойцов и командиров, но по привычке продолжали жаться к стенам домов: годы страха в оккупации давали о себе знать. Однако, видя дружелюбные взгляды наших солдат и офицеров, смелели, вступали в разговоры.

С Кребенем в моей памяти связан такой эпизод. По пути из батальона Бухарина в штаб полка завернул на огневую позицию полковых минометчиков. Батарейцы выносили из горящего здания людей. Почти на всех было военное обмундирование.

Мне невольно вспомнился сорок первый год. Полыхающий на залитой солнцем поляне сарай. И вопли раненых немецких парашютистов, которых пытались сжечь, уходя, свои же десантники. Значит, война до сих пор не всех научила.

— Цивилизованные мракобесы, — грубо произнес Василий Пономарев, — убийцы, будь они прокляты!

Это был не единственный случай в тот день. Оказывается, по приказу командования эсэсовцы обливали бензином здания с ранеными и поджигали их.

В Кребене мы находились недолго. Полк выступил в сторону Фрауэнштадта. Ночью выпал снег, но часам к восьми прояснилось. Легкий морозец бодрил людей. Батальонные колонны шли навстречу канонаде боя. Настроение у всех было приподнятое.

Совинформбюро приносило радостные вести с фронтов. Были освобождены столица Польши Варшава, крупные промышленные центры Лодзь, Краков. Войска нашего фронта вышли к реке Одер и захватили несколько плацдармов, окружили в Померании крупную группировку врага.

С радостью мы восприняли весть о вступлении советских войск на территорию фашистской Германии. Наступило долгожданное возмездие. Пожар войны возвратился туда, где он был зажжен.

Дивизия продолжала вести бои на подступах к Одеру. Они проходили на редкость упорно, и по накалу борьбы трудно отличить их один от другого. Немцы использовали густонаселенный район для создания очагов сопротивления в городах и поселках городского типа. Стены каменных зданий надежно укрывали врага, были удобны для устройства огневых точек. Крепости стен и упорству противника мы противопоставили умение командиров и разнообразные приемы борьбы. Следует сказать, что наш офицерский состав ротного, батальонного да и большей частью полкового звена являлся командирами военного времени. Многие наши офицеры выросли из солдат. За их плечами был не один блестяще проведенный бой. Война способствовала их выдвижению на командные должности, а обстановка переднего края, бои — приобретению опыта, командирских навыков. В основном это были мастера своего дела.

По ходу повествования я не раз вспоминал капитана Сергеева. К сказанному добавлю, что войну Иван Алексеевич начал в стрелковой роте. Проявил себя волевым офицером. Был назначен командиром роты автоматчиков. Здесь, как говорят, всеми гранями засверкал его командирский талант. Там, где требовались смелость, инициатива, решительность, посылали его. Нужно прорвать долговременную оборону противника — первыми шли автоматчики, отрезать пути отхода врага или обойти его — тоже.

На дороткинском плацдарме капитан Сергеев стал заместителем командира батальона. В новой должности быстро освоился. Уже в ходе Висло-Одерской операции не раз решал задачи по ликвидации прорывающихся к фронту групп фашистов.

В районе польского хутора Чабаны фашисты сумели прорвать боевые порядки полка и устремились в направлении КП дивизии. В критической ситуации группа в составе стрелковой роты, артиллерийского и минометного взводов, саперного отделения под командованием Сергеева была брошена наперерез противнику с задачей остановить врага.

Иван Алексеевич понимал: наличных сил у него мало. Гитлеровцы в несколько раз превосходили группу по численности. В распоряжении врага — танки, штурмовые орудия, бронетранспортеры. Бронированный кулак и помог им проломить кольцо окружения.

Двигаясь навстречу противнику, офицер подбирал участок местности. Началась покрытая лесом лощина. Километра через полтора ее горловина стала сужаться, все круче становились скаты. Березы и липы вплотную подступили к шоссе. Самое узкое место капитан и решил перекрыть.

Пока саперы минировали шоссе, подпиливали деревья, пехотинцы помогли артиллерийским расчетам поднять на склоны орудия, расчистить для них секторы обстрела, оборудовать огневые позиции. Расчеты противотанковых ружей под прикрытием ручных пулеметов Сергеев расположил так, что под прицелом оказалось около трехсот метров полотна дороги. Минометчики должны были своим огнем преградить путь отхода фашистов.

Расчет Сергеева оправдался. Фашистская механизированная колонна двигалась без боевого охранения; вырвавшимся из окружения гитлеровцам было не до этого, они стремились быстрее оторваться от преследования. Головной танк наскочил на мину и подорвался. Следовавший за ним начал было обходить и тоже закрутился на месте с перебитой гусеницей. И тут по вражеским боевым машинам ударили орудия. Загорелся еще танк, вспыхнула самоходка. Два бронетранспортера столкнулись и свалились в придорожный кювет. На узкой лесной дороге создалась пробка.

Гусеничным машинам не давали возможности развернуться деревья. Они вынуждены были подставлять борта артиллеристам и бронебойщикам. Немецкая пехота попала под пулеметные и автоматные очереди стрелковых взводов. Вспыхнувшее пламя пожирало технику, а осколки и пули косили людей.

Бой длился не больше сорока минут. Около полутора десятков боевых машин враг потерял на месте схватки. Несколько танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров достались капитану Сергееву целехонькими. Таков итог этого неравного по силам, но выигранного умом и смелостью боя.

Сообщение Сергеева о том, что прорвавшаяся фашистская механизированная группа перестала существовать, нас не удивило. Донесения о разгроме превосходящих сил противника в эти дни мы получали довольно часто, а зачастую сами были его участниками.

Вспоминается мне инженер полка капитан Отпущенников. Иван Степанович вырос в полку от командира взвода до начальника службы. Знал саперное дело, обладал высокими организаторскими способностями. Мы, командиры стрелковых подразделений, не раз говорили ему спасибо за помощь в выполнении боевых задач.

В любых немецких минах Отпущенников прекрасно разбирался. Под стать ему были подчиненные. В штурмовых группах саперы задавали тон стрелкам.

Прекрасно знал свое дело и начальник связи Лисицын. В трудных ситуациях приходилось вести боевые действия полку, но связь всегда была устойчивая. Константин Васильевич, прежде чем стать начальником связи полка, прошел хорошую школу на должностях командира взвода, роты. Не раз под артобстрелом, пулеметным и автоматным огнем врага выходил на линию.

Под стать офицерам взводного и ротного звена были младшие командиры. Сержанты и старшины имели богатый практический опыт, часть из них утверждалась на должностях командиров взводов до присвоения первичного офицерского звания.

Взвод полковой разведки возглавлял старшина Петр Блохин. Командовал просто великолепно. Разведчики успешно справились с задачами под Дубравой, во время преследования противника, отступавшего к Западному Бугу и Висле, на дороткинском плацдарме, где Блохин получил воинское звание младшего лейтенанта.

На дороткинском плацдарме старшина Иван Корольков заменил выбывшего из строя командира роты. Подразделение под его руководством успешно решило поставленную задачу. Корольков был награжден орденом за умелое руководство подразделением в бою.

Хорошо зарекомендовали себя в должностях командиров взводов старшина Иннокентий Иванов, сержанты Федор Кандауров, Тимофей Чалый и другие младшие командиры.

Словом, выполнять боевые задачи нам было с кем. И было чем. Полк не испытывал недостатка в оружии, боеприпасах, снаряжении.

В последний январский день части дивизии штурмовали Фрауэнштадт. Над городскими кварталами висели дым, красная черепичная пыль. Непрерывно вела огонь артиллерия. Хорошо работала наша авиация. Погода наконец-то установилась. На смену оттепели, мокрому снегу пришли ясные с небольшими морозцами дни. Однако попытки продвинуться вперед успеха не имели. Противник каждый раз встречал батальонные цепи губительным артиллерийско-пулеметным огнем.

Зимние сумерки незаметно перешли в ночь. Пошел снег, пушистый и сухой, какой бывает только в разгар зимы. После обхода переднего края мы собрались на КП. Настроение было ниже среднего, хотя и старались особенно не выдавать своих чувств от только что увиденного: люди лежали в наспех отрытых щелях, жались к заборам и стенам редких строений пригорода, по которым фашисты вели артиллерийский огонь. Вдруг дверь землянки распахнулась. Из темного проема раздался чей-то голос:

— Командир дивизии!

Послышался скрип снега, и вместе с новыми клубами морозного воздуха в землянку шагнул полковник Кантария. Иван Григорьевич недавно прибыл в дивизию, но уже успел снискать уважение. Энергичный, горячий, до отчаянности храбрый, он был решителен и быстр, не терпел медлительности. Коротко поздоровался, с грузинским акцентом спросил:

— Чем порадуете? — Видя наши недоуменные лица, покачал головой: — А я-то думал, что уж кто-кто, а вы наверняка сообразили, как лучше взять этот женский город.

— Фрауэнштадт, товарищ полковник? — встал майор Павлюк.

— Конечно, Фрауэнштадт, будь он неладен. Норовист, как иная женщина. Но подход-то должен же быть?

— Конечно, должен, товарищ полковник. Разрешите доложить соображения.

— Ну-ну! — вскинул черные брови полковник. — Давайте выкладывайте.

— Пока не перережем шоссейные дороги севернее города, немцы будут держаться.

— Резонно, — зацокал языком Кантария. — Как говорят у нас на Кавказе: «Аркан хорош длинный, а речь — короткая». По этим дорогам противник подбрасывает подкрепления. Но вот как незаметно к ним выйти?

— Ночью. Обходным маневром и оседлаем дороги.

— Карту!

Комдив некоторое время смотрел на нее, красным карандашом провел линию следования отряда и, окинув нас взглядом, спросил:

— Кому поручите?

— Капитану Бухарину, — ответил майор Павлюк. — Придам батальону батарею пушек.

— Не возражаю! О нем мне докладывали: комбат надежный.

— Общее же руководство будет осуществлять Алтунин, — кивнул в мою сторону Валентин Евстафьевич.

— Тогда совсем хорошо! Готовьте людей.

Комдив остался с Павлюком и Модиным, я отправился в батальон капитана Бухарина. Начавшийся снегопад перешел в поземку, которая мела теперь зло и порывисто. «Некстати метель разгулялась, — подумалось мне. — На таком ветрище худо будет уставшим за день людям. До костей промерзнут». Но делать было нечего. Приказ есть приказ. Его не обсуждают, а выполняют.

К моему прибытию в батальоне уже началась подготовка к маршу. Солдат проводил меня к комбату. Капитан Бухарин с адъютантом старшим колдовали над картой.

— Маршрут выдвижения изучаем, Александр Терентьевич,— поднялся навстречу Бухарин.

По оживившимся лицам комбата и адъютанта старшего батальона нетрудно было догадаться, что они довольны моим приходом. Докладывая о проделанной работе, Бухарин по старой привычке назвал меня командиром.

— Нет, Николай Яковлевич, ты здесь командир. Отбирать бразды правления у тебя не намерен. Сам командуй.

— Запамятовал, мать ты моя хавронья, — хлопнул по галифе Николай Яковлевич и обезоруживающе улыбнулся.

Мы обговорили маршрут выдвижения, проверили готовность людей. Маловато было боеприпасов. Доложил свое мнение Павлюку. Валентин Евстафьевич пошел навстречу. На полковом складе были получены патроны, гранаты, мины, снаряды. Продовольственники выдали бойцам дополнительное питание.

В полночь батальон выступил. Мороз подхлестывал людей, шершавые языки снега лизали носы и щеки. В небе тускло отсвечивали каскады ракет по линии передовой. Время от времени подавали свои голоса батареи противника; чередуясь, глухо стучали дежурные пулеметы.

— Провожатых не нужно, — улыбнулся Бухарин.

— Да, не заблудишься. Нервничают фрицы, боятся, как бы чего не вышло.

Батальон, обогнув Фрауэнштадт, часам к шести утра вышел к сходящимся к городу дорогам. В предрассветный час шоссе были пустынны. Лишь поземка медленно текла через темное полотно асфальта.

— Не ждут нас тут, — обернулся ко мне комбат. — Явно не ждут.

Николай Яковлевич начал неторопливо, четко отдавать распоряжения. Стрелковым ротам предстояло занять круговую оборону и готовиться к отражению противника. Артиллерийская батарея приступила к оборудованию огневых позиций на небольшом взгорке, позволяющем вести огонь практически во всех направлениях. В своем резерве Бухарин оставил роту противотанковых ружей.

Теперь нужно было ждать рассвета, а с ним — и основных событий. В штаб полка с докладом отправили связных.

Часам к семи ветер начал стихать. Усилился мороз. Подразделения продолжали окапываться. Бойцы роты противотанковых ружей оборудовали НП, укрытия для раненых. Инженерные работы продвигались довольно споро, несмотря на мерзлый грунт. Старожилы, прошедшие огненный ад плацдарма, знали цену земле в солдатской жизни и, подавая пример новичкам, стремились побыстрее зарыться. Торопить никого не нужно было.

Офицеры организовывали систему огня. Необходимо было увязать по рубежам взаимодействие стрелковых рот с артиллеристами, минометчиками, петеэровцами, не забыть о мертвых пространствах, тем более что рассчитывать приходилось лишь на имеющиеся наличные силы. Для артиллеристов и минометчиков порекомендовал Бухарину готовить одновременно основные и запасные огневые позиции.

Николай Яковлевич удивленно повел плечами:

— Не успеем, Александр Терентьевич.

— Нужно успеть. Открывать огонь следует с запасных позиций. Когда же противник засечет их, начнет развертываться — перебросить орудия и минометы на основные. И с них продолжать стрельбу, создавая у немцев ложное представление о насыщенности нашей обороны артиллерией.

Мы спешили. Вот-вот начнет синеть небо и рассвет вступит в свои права.

Вскоре заторопились с термосами к походным кухням старшины. Комбат распорядился побыстрее накормить людей. Со стороны города донесся голос орудий. Огонь вели дивизионы артполка. Подготовка к штурму Фрауэнштадта началась.

Вслушиваясь в гул разрывов, время от времени мы посматривали на дорогу. Предположение вскоре оправдалось. В предрассветной мгле послышался гул двигателей. Затем появилась колонна грузовиков с солдатами противника. Подпустив на прямой выстрел, артбатарея открыла по ним огонь. Несколько машин опрокинулось в кюветы и загорелось. Немецкая пехота начала спешно развертываться. Тут по ней ударили минометчики. Фашисты в беспорядке бросились назад, оставляя на свежем снегу оружие.

Все больше и больше костров появлялось на шоссе. В горящих кузовах начали рваться боеприпасы. Округа сотрясалась от взрывов. Так продолжалось около получаса. Затем грохот начал постепенно стихать, пламя костров гаснуть. Уцелевшая фашистская пехота отошла назад и не подавала признаков жизни.

Такая же участь постигла артиллерийскую колонну врага, шедшую на помощь гарнизону Фрауэнштадта по второму шоссе. Гаубичный дивизион противника превратился в груду пылающего металла. Пытавшиеся спастись расчеты, попав под оружейно-пулеметный огонь стрелковых рот, тоже были уничтожены.

Захват шоссейных дорог сыграл важную, если не основную, роль в овладении городом. Командование фашистского гарнизона, услышав в своем тылу грохот боя, поспешило выслать разведку. Немецкие мотоциклисты были встречены пулеметами и большей частью истреблены. Лишь нескольким машинам удалось развернуться и уйти назад. Сообщение разведчиков усилило панику в гарнизоне, на что мы тоже рассчитывали.

К десяти часам утра город был взят. Фашисты потеряли немало танков, самоходных орудий, артиллерии, минометов. Свыше двухсот солдат и офицеров сдались в плен. Командир дивизии объявил нам благодарность.

Повествуя о событиях тех дней, хочу подчеркнуть: на четвертом году войны мы считали делом само собой разумеющимся выполнение таких задач, которые раньше были бы невероятно трудными, почти невыполнимыми. Вклинение в боевые порядки противника, обходы, охваты узлов его сопротивления, удары по флангам и тылам, навязывание ему своей воли стало обычным в тактике действий наших командиров. На организацию боя теперь уходило времени в два, а то и в три раза меньше, чем раньше. Причем вопросы решались несравнимо качественнее.

Офицеры, сержанты, солдаты являлись подлинными хозяевами поля боя. Вырвать у них инициативу было невозможно, даже если противник имел превосходство в силах и средствах. Бить врага не числом, а умением! Этот суворовский принцип прочно вошел в практику ведения боевых действий.

У небольшого немецкого городка Цербау полк принял боевой участок частей 127-й стрелковой дивизии. Батальоны с ходу атаковали позиции противника. Фашисты встретили наши цепи плотным огнем. Выяснилось, что штурмовать населенный пункт без надежной артиллерийской поддержки — дело бесперспективное. К сожалению, кроме полковой и батальонной артиллерии, в нашем распоряжении других артиллерийских средств не было. Ждать, когда командир дивизии перебросит к нам дивизионы артполка,— терять время. Нужно было искать выход.

— Обойдем Цербау, — предложил Павлюк. — Для блокирования гарнизона оставим батальон. Разведчики докладывают, что справа и слева от города у фашистов небольшие заслоны.

Мы с начальником штаба поддержали командира полка. В сложившейся ситуации — противник отходил — наша главная задача состояла в том, чтобы все время, как говорят, держаться на его плечах, давить на него, не давать прийти в себя и организовать по всему фронту оборону. Что же касается очагов сопротивления гитлеровцев на пути наступления, то мы их нередко обходили. И это себя оправдывало. Гарнизоны врага, не имея локтевой связи со своими частями, под постоянным натиском оставленных нами подразделений прекращали сопротивление. Исходя из всего этого, перед принятием решения Валентин Евстафьевич и обратился к нам за советом.

Рассказывая о боевых делах, я не раз упоминал имя командира полка майора Павлюка. Сейчас хотелось бы представить его читателям таким, каким этот человек остался в моей памяти.

Валентин Евстафьевич перед войной окончил Подольское военное училище. Испытал горечь нашего отхода и радость первых ударов по врагу. Командирского опыта ведения боя набирался не годами, как в мирное время, а по дням и месяцам. Полученные теоретические знания плюс практика, личные качества позволили ему на третьем году войны стать полковым командиром.

Возможно, кто из скептиков, прочитав эти строки, улыбнется: мол, на фронте продвижение идет быстро. Да, убыль офицерского состава, особенно звена командиров взводов, рот, батальонов, да и полков, большая. Но ведь тот же бой и выдвигает наиболее достойных, способных. В мирное время дипломы, полученные в училище или академии, позволяют отдельным товарищам довольно продолжительное время держаться, как говорят, на поверхности, пока их не определят на должности по способностям. Во время же войны если один бой выдвинет человека — пусть даже за счет личной храбрости, стечения обстоятельств, — то другой подтвердит

его умение руководить людьми в критический момент. Боевая обстановка промахов и ошибок не прощает. За них приходится дорого расплачиваться руководителям. Идет непрерывный отбор. И быстрое продвижение на фронте того или иного офицера, как правило, оправдано.

В должности командира полка Валентина Евстафьевича некоторое время мне пришлось видеть со стороны, когда я служил в оперативном отделении дивизии. Ближе познакомился с ним по прибытии в полк, здесь он стал моим непосредственным начальником. В ходе боев на территории Украины, Польши и особенно на дороткинском плацдарме, за который Павлюк был удостоен звания Героя Советского Союза, он проявил себя волевым, умелым командиром. Твердый человек, он умел отличать действительные моменты боя от кажущихся, знал, где и когда ему быть. В ночь на 30 июля вслед за моим батальоном переправился на левый берег Вислы. Одно его присутствие вселяло уверенность в успехе, а советы, твердость, решительность помогли нам выдержать бешеные контратаки врага, расширить плацдарм. Положительным качеством было и его умение сплотить коллектив. Он не терпел задабривания, уступок, всепрощения.

Наши личные взаимоотношения складывались с ним, в общем-то, нормально, хотя иногда дело и доходило до вспышек, которые гасил начальник штаба полка майор Николай Модин. Дело в том, что в характере Валентина Евстафьевича наряду с храбростью, умением решать вопросы подчас проскальзывали черты своенравия и неуравновешенности. Недостаточную гибкость проявлял он и в отношениях с подчиненными. Словом, это был живой, нормальный человек со всеми его достоинствами и недостатками.

Наш полк находился на хорошем счету у командования, хотя во главе его стояли люди, которым немногим перевалило за двадцать. С боевыми задачами мы справлялись успешно, несмотря на то что действовать, как правило, приходилось на острие. Не хвалясь, скажу: комдив не раз ставил нас в пример другим. Нас это радовало, вселяло уверенность в свои силы и возможности.

В первых числах февраля полк в составе дивизии продолжал освобождать правобережье Одера. Отражая контратаки врага, мы продвигались все ближе и ближе к реке, от которой было недалеко и до Берлина. Среди бойцов и командиров царил подъем. Вот оно, гнездо фашизма, — земля, породившая идеологию человеконенавистничества и страшную истребительную войну! Земля, проклятая миллионами людей! Земля, на которую теперь приходило справедливое возмездие в лице советского солдата! Мы от всего сердца радовались этому. Наконец-то осуществилось то, о чем мечтали долгими и трудными фронтовыми дорогами.

Один из дней едва не закончился для меня трагически. Полк форсировал небольшую речушку. Я находился на мосту и пропускал подразделения. Небольшой морозец пощипывал лицо. И вдруг, вместе с перилами, настил рухнул. Проламывая лед, достаю дно. Однако, оттолкнувшись, выскочил из полыньи.

Подбежали товарищи, быстро меня отнесли в рядом стоящий дом, протопили печь, обсушили, дали обмундирование. Крепкое сибирское здоровье не подвело, отделался лишь легким испугом.

В коротких перерывах между боями люди тянулись к газетам, радиоприемникам. Буквально проглатывали сообщения Совинформбюро, с большим вниманием слушали политические информации о завершающемся этапе Висло-Одерской наступательной операции, участниками которой являлись сами.

На всех участках фронта шли ожесточенные бои. Несколько дней кряду части дивизии дрались за города Котлау, Мосвиц, Гроховиц. Противник оборонялся жестко, контратаковал превосходящими силами пехоты и танков. Вновь, как на подступах к Южному Бугу и на Висле, время исчислялось не сутками, а рубежами атак, взятыми населенными пунктами. Отдыхали урывками, пищу принимали на бегу. Полк, как говорят, находился на колесах.

Вскоре бои развернулись на подступах к городу-крепости Глогау. Густонаселенный район с разветвленной сетью шоссейных дорог давал большие преимущества противнику. Фашисты приспособили под оборону подвалы, нижние этажи зданий, имели прекрасную возможность маневра силами и средствами. На угрожающих участках они быстро сосредоточивали мотопехоту, артиллерию, танки.

В одну из ночей в штаб полка поступил приказ: нам предстояло броском выдвинуться к ушедшим вперед танкистам. Спереди по маршруту движения действовал передовой отряд в составе 2-го батальона капитана Ульянова. Офицер только что донес о встрече с противником. Правда, сквозь помехи в эфире связисты разобрали далеко не все из радиограммы. На запрос связистов продублировать доклад абонент не ответил. Павлюк обернулся ко мне:

— Александр Терентьевич, необходимо выяснить, что происходит у Ульянова. Поезжай в свое бывшее хозяйство, разберись! Возглавь передовой отряд. По расчетам, он находится на рубеже танкистов, свяжись с ними.

Уходя на новую должность, передал батальон капитану Ульянову, недавно прибывшему к нам с должности преподавателя училища. Он оказался офицером трудолюбивым, но пока не имел достаточного опыта.

Проезжая хутор Господский Двор, увидел на обочине дороги танки. Возле головной тридцатьчетверки хлопотал экипаж.

— За чем остановка, ребята?

Танкист в ребристом шлеме почти вплотную подошел к нашим лошадям, окинул меня взглядом:

— Горючее кончилось, ждем заправщика. А вы своих ищете? Так они ушли вперед.

— Как разыскать ваше начальство?

— А что его искать? Оно рядом. Командир корпуса вон в том красном флигеле. — Танкист кивнул на дом из красного кирпича.

Спешился, поспешил к дому. Навстречу мне в хромовом реглане торопливо шел среднего роста мужчина в генеральской фуражке. Я остановился, приложил руку к головному убору, представился.

— Давно ждем вас, товарищ майор, — в ответ приветливо пожал руку комкор. — Фрицы наседают, а у нас с горючим и боеприпасами плохо. Несем потери. Ваш передовой отряд вошел в соприкосновение с противником. Да неудачно, как мне только что доложили, немцы потеснили роты.

Новость, как говорят, не из приятных. Уточнив у генерала рубежи обороны танкистов, поспешил к батальону Ульянова. Километра через два встретил группу наших бойцов. Навстречу мне шагнул высокий сержант с ротным пулеметом за плечами и представился помощником командира взвода.

— Фрицы обошли. Командир взвода погиб. А мы вот...

— Пятки смазываете? — узнал я бывшего пулеметчика 4-й роты по плацдарму. — Братченко где?

— Командир роты с группой бойцов прикрывает отход. Пятая и шестая роты тоже отходят.

Мне вспомнился Господский Двор. Танки по гребню высот вокруг него. Вместе легче будет остановить фашистов.

— Вот что, сержант, веди взвод к Господскому Двору. Он тут недалеко. Развертывайся на его подступах к бою и останавливай всех отходящих. Действуй моим приказом.

Чуть ли не до утра не пришлось слезать с седла. Штаб батальона с пулеметной ротой нашел в небольшой балке. Ульянов охрипшим голосом рассылал офицеров собирать людей. Направил комбата к Господскому Двору для организации обороны. Перед его выходом поинтересовался, как могло произойти, что батальон своевременно не обнаружил противника. Оказалось, что головная походная застава находилась рядом с основными силами. Фашисты воспользовались оплошностью, рассеяли батальон и начали его преследовать. Вышла из строя рация.

Ругать, выговаривать за промах командира и адъютанта старшего батальона не стал. Они и так чувствовали себя, как говорят, не в своей тарелке. Да и не до этого было. Следовало как можно быстрее собрать батальон и остановить врага. В штаб полка послал нарочного с донесением об обстановке, а сам подключился к Ульянову и офицерам-танкистам организовывать оборону.

Гитлеровцы подошли к Господскому Двору на рассвете. Мы встретили их плотным огнем. Танкисты подожгли два фашистских «тигра», стрелки, пулеметчики и минометчики уничтожили около батальона вражеской пехоты. Противник был отброшен.

Командир танкового корпуса поблагодарил нас за выручку. Этот эпизод остался в моей памяти как напоминание о жестком сопротивлении фашистов в те дни, как горький урок ослабления бдительности.

В ходе схватки было захвачено около 60 пленных. Немецкий офицер вдруг снимает часы и предлагает их мне. Я ему в ответ:

— Выбрось.

«Вот негодяй, — подумал я, — хочет откупиться за свои грехи, тяжкие злодеяния, совершенные на советской земле». Я растоптал часы. Гитлеровец удивленно смотрел на меня. Пленных мы отправили в тыл.

4 февраля полк подошел к пригородам Глогау. Фашисты то в одном, то в другом месте начали контратаковать боевые порядки батальонов. Пришлось временно перейти к обороне. Жестокий бой разгорелся в районе Господского Двора Нейгоф. Немцы навстречу нашим стрелковым ротам бросили танки и бронетранспортеры. Полковая артиллерия еще не подошла. Удар бронированного кулака врага пришлось принять на себя роте противотанковых ружей старшего лейтенанта Николая Шабанова.

Первым встретил врага взвод лейтенанта Якова Тодорова, перехвативший выход из неширокой лощины. Фашистские танки с дальних дистанций открыли интенсивный огонь по обороне петеэровцев. Снаряды кромсали мерзлую землю, невысокий кустарник. Визжали осколки. Сотрясавший воздух грохот тупой болью отдавался в ушах бойцов. Плотный дым скатывался в низину и там оседал. Снег терял первоначальную белизну и, смешиваясь с раздробленной землей, превращался в серое месиво.

В удушливом чаду Тодоров переползал от одной огневой позиции к другой, твердил подчиненным: «Назад — ни шагу! Держаться...»

Расчеты не покидали огневых позиций. С отчаянной решимостью и злостью готовились встретить врага. В просветах разъедающего глаза дыма бойцы видели приближающиеся низкие коробки танков. Наводчики, выбирая наиболее удобное положение, еще и еще раз примерялись, выжидая момент для открытия огня.

Не дрогнули бойцы и тогда, когда многотонные машины, за которыми двигалась пехота, подошли вплотную.

— По смотровым щелям, в борт цельсь! — прохрипел Тодоров, подползая к правофланговому расчету.

Рядом с огневой позицией зияла дымящаяся широкая воронка. На ее рваном краю, неестественно поджав под живот левую ногу, застыл подносчик. В уголках рта солдата пенилась алая кровь. Уткнулся в снег наводчик, склонив стриженую голову к ложу ружья. Тут же лежала его каска. Тодоров дотронулся до руки солдата, позвал:

— Бурмистренко, Бурмистренко...

Тот не шелохнулся. Лейтенант взял его за плечо и отвалил от ружья. Наводчик был мертв. Тодоров подтянул противотанковое ружье к себе, поставил на сошники. Открыл затвор и вставил в ствол патрон. Делал все спокойно, не торопясь — в холодной ярости.

Сквозь прорезь прицела увидел ствол орудия фашистского танка. Хобот качался в такт движениям боевой машины, словно выискивая что-то. Затем прорезь заслонил борт машины: танк повернул наискосок, считая, видимо, расчет мертвым.

Сейчас для Тодорова вокруг не существовало ничего, кроме этого танка. Повел плечом вверх — в прицеле замелькали отполированные до блеска траки гусениц. Прицелился выше, в середину борта, и надавил на спуск. Выстрела не слышал. Толчок в плечо свидетельствовал о нем. Передернул затвор, выстрелил еще раз и вновь потянулся к затвору. Но тут прямо перед ним вспыхнуло пламя. Какая-то неведомая сила приподняла его, швырнула назад, накрыла чем-то огромным и душным. Перед глазами все поплыло и завертелось. Однако Тодоров был еще жив. Сплевывая землю, приподнялся на локте, повел глазами в направлении танка: вражескую машину обволакивал черный дым. Готов! И, уронив голову, потерял сознание. Это были последние мгновения его жизни.

Рота противотанковых ружей понесла большие потери, но не пропустила врага до подхода нашей артиллерии.

Несколько дней полк дрался за Нейкранс — пригород Глогау. Небольшой немецкий городок был заранее подготовлен к обороне. В нижних этажах домов установлены пулеметы, в подвалах засели фаустники, на чердаках оборудовали себе позиции автоматчики. Сквозь многоярусный кинжальный огонь прорваться было трудно, даже после подавления большей части пулеметных гнезд нашей артиллерией.

Особенно яростные схватки разгорелись за центральную часть города, церковь и кладбище с метровой железобетонной оградой. Артиллеристы били в упор по засевшим гитлеровцам, но стоило стрелковым ротам подняться, как огневые точки оживали.

Большой урон нам наносили и фашистские батареи. Мы удивлялись точности, с какой они били по нашим боевым порядкам, пока полковые разведчики не обнаружили на куполе кирки немецких корректировщиков. Пришлось нашим пушкарям ударить по божьему храму. Артобстрел врага пошел на убыль, а потом и вовсе прекратился.

Батальоны продолжали штурмовать кварталы Нейкранса. Враг по-прежнему ожесточенно сопротивлялся. Мы потеряли убитыми трех командиров рот — старших лейтенантов Григория Слободняка, Петра Жарикова и младшего лейтенанта Михаила Яшкина. Немало пало взводных командиров, сержантов и солдат.

— Так недолго докатиться до пирровой победы, — вздохнул командир полка, когда комбаты доложили о взятии последних городских улиц.

К утру батальоны полка ворвались на окраину Глогау. Однако дальше продвинуться не смогли. Крепостные стены города ощетинились артиллерийско-пулеметным огнем. Ротные цепи залегли, а затем вынуждены были откатиться назад.

На этом рубеже противник остановил и другие полки. Для усиления дивизий, блокирующих Глогау, командование начало подтягивать сюда корпусные и армейские резервы. Но и это не принесло успеха. Окруженная группировка фашистов отражала все попытки наших войск овладеть городом.

Продолжать штурм крепостных стен — значило и в дальнейшем нести потери. Командарм принял решение оставить для блокирования крепости часть сил, остальные двинуть на северо-запад, в направлении устья реки Бобер. Как показали дальнейшие события, решение оправдало себя. Оставшись в окружении, немецкая группировка в конце концов была вынуждена капитулировать. Но это произошло спустя некоторое время.

Пока мы вели бой на подходах и за город Глогау, войска фронта продолжали форсировать Одер. 8 февраля началась Нижне-Силезская операция. Бои требовали значительных сил и средств. Командование торопило нас с переправой на западный берег реки.

Перед форсированием Одера с передового наблюдательного пункта вызвал меня командир полка майор Павлюк. Валентин Евстафьевич был возбужден: только что командир корпуса объявил полку благодарность за успешное очищение правого берега Одера от противника и приказал, не теряя времени, переправляться; на паромной переправе на тот берег перебросить батальоны, минометчиков, артиллерию, тылы направить в объезд.

Почти тут же из штаба дивизии прибыло боевое распоряжение на форсирование.

— Подумали мы тут, — кивнул Павлюк в сторону майора Модина. — Решили вам, Александр Терентьевич, поручить возглавить колонну тыла полка. Учтите, что боеприпасы, продовольствие нам потребуются на том берегу очень скоро.

Мы уточнили маршрут движения. Дорога предстояла неблизкая. Свыше сотни километров до уцелевшего на Одере моста, столько же и оттуда. Тем временем заместитель командира полка по снабжению капитан Пачка готовил свое хозяйство к маршу. Спустя полтора часа автомобильно-гужевая колонна двинулась в путь.

Берег Одера оказался забит войсками. Пехотинцы, артиллеристы, танкисты, саперы, связисты, минометчики, части специального назначения — кого только не довелось встретить на прибрежных дорогах! Катились машины, мотоциклы, повозки. Иногда попадались конфискованные в оказавшихся на пути наших войск старинных поместьях кареты такой формы, что бойцы только ахали, удивляясь фантазии мастера. Как ни одолевали меня заботы, я невольно улыбался, когда из окошка такого экипажа вместо хорошенького личика какой-нибудь панны выглядывала бравая усатая физиономия. Такая картинка вызывала, видимо, соленые солдатские шутки, потому что раздавался взрыв веселого хохота бойцов, шедших по обочине дороги. Резервы и тыловые части подходили, скапливались, несмотря на энергичную работу комендантской службы. Всем нужно было срочно на тот берег.

Приходилось пробиваться через заторы на перекрестках, вступать в разговоры с регулировщиками, упрашивать их пропустить колонну.

Несмотря на все наши усилия, мы продвигались медленно. Автомобилям то и дело приходилось ожидать конные повозки. На вторые сутки лошади начали уставать, все чаще стали давать им отдых.

— Так, Николай Васильевич, мы попадем, как говорят в народе, к шапочному разбору, — не выдержал я во время одного из привалов.

Капитан Пачка в ответ пожал плечами и невесело пошутил:

— Такова уж наша планида, тыловиков, лошадь — не машина. Она устает и есть требует...

— Ну, пошел, Николай Васильевич. Вторые сутки на исходе. Батальоны и батареи ведут бой. В полку боеприпасы наверняка кончились. Ждут нас.

— Конечно, ждут. Батя опять будет костить почем зря, а что поделаешь. — Пачка тяжело вздохнул, обернулся к стоявшим рядом ездовым: — Поторапливайте своих битюгов. Тянемся, как на похоронах, ребята.

Через несколько минут мы вновь двинулись в путь. Меня продолжала беспокоить мысль о боеприпасах. Шутка ли, полк не получает боепитание. Заждались нас там. На очередном привале подозвал к себе Пачку:

— Вот что, Николай Васильевич! Я принял решение перегрузить на машины боеприпасы и ускоренным маршем — в полк. Остаешься с остальным имуществом. Прибудешь позже.

— Ясно, товарищ майор. Однако не худо бы и продуктов прихватить. Хотя сухой паек и выдан людям, но кто знает, как там у них обернулось, прихватите.

— Хорошо, хорошо, грузи!

— Вот это дело! — обрадованно произнес Пачка.

Он побежал вдоль колонны, на ходу отдавая распоряжения сопровождающим груз людям. Минут через тридцать машины были готовы к движению.

Распрощался с Николаем Васильевичем, посочувствовав ему.

— То-то, — вздохнул Пачка, — узнали, что такое тыл, убедились, как подчас нам достается! Может, меньше теперь будете упрекать.

В лабиринте дорог на левом берегу Одера разыскать полк оказалось делом нелегким, тем более что они до предела были забиты войсками нашей армии. Вначале нашел штаб корпуса. Там меня сориентировали, где находится дивизия. Остальное, как говорят, было делом техники и пробивной способности на многочисленных дорожных перекрестках, тем более что опыт уже имел.

— Наконец-то! — встретил майор Модин на окраине одной из немецких деревушек. — Мы уже беспокоиться стали, не заплутали ли где в этом вавилонском столпотворении.

— Забеспокоишься тут, — подошел к нам командир полка. — Боеприпасы на исходе, фрицы продолжают огрызаться, ты же как в воду канул.

— Гужевой транспорт пришлось оставить, Валентин Евстафьевич, — объяснил я. — Обоз ведет капитан Пачка.

— Правильно сделал, что принял решение выслать вперед машины с боеприпасами. Продуктов не захватил? А то тут вчера фашистская авиация прошлась по батальонным тылам.

— Как же, привез!

— Вот за это спасибо!

Командир полка заспешил на голос дежурного офицера.

Появился начальник артснабжения с группой бойцов. Началась разгрузка машин. С Мошиным прошли к штабной палатке. Николай Сергеевич обрисовал мне обстановку.

Дивизия прорвала оборону врага и с ходу овладела рядом населенных пунктов. Однако противник вскоре пришел в себя. Несколько часов ушло у 828-го и 862-го стрелковых полков на то, чтобы овладеть небольшим городком Брашен. С утра командир дивизии готовится ввести в бой наш полк. Сейчас вызывает к себе на НП командиров полков. Павлюк приболел.

— А я посчитал, что он бледен от усталости и недосыпания.

— Врач запретил выходить из палатки, но разве его удержишь? Прослышал, что ты прибыл, вышел встречать. Так что, наверное, кому-то из нас придется ехать к комдиву. Видимо, тебе, хотя и порядком ты намотался.

— Ясно, Николай Сергеевич.

Наскоро умывшись с дороги, прошел к командиру полка. Ординарец Валентина Евстафьевича встретил словами:

— С приездом, товарищ майор. Командир вас ждет. Приказал, как придете, немедленно его поднять.

Укрывшись полушубком, Павлюк лежал на походной кровати.

— Я не сплю, проходи, Саша.

Он поднялся, накинул на плечи полушубок, подошел к столу.

— Отдохнуть бы тебе нужно, но так уж сложилась ситуация, что предоставить тебе этого не могу. Нужно ехать к комдиву за получением задачи. Температура, будь она неладна, трясет меня.

Павлюк показал на карте расположение командного пункта дивизии, посоветовал, как лучше туда добраться. Зашел разговор о наличных силах полка.

— Валентин Евстафьевич, Бухарин не возвратился? — поинтересовался я.

— Нет, еще под Глогау находится. Крепко там наши увязли. Никак не выбьют фрицев из крепости. А батальон нужен нам. Просто необходим. По всей вероятности, двинем на Губен. Это, сказывают, орешек крепкий. Фрицы пригороды и город заранее подготовили к обороне.

«Вот тебе и пару дней! — вспомнил я телефонный разговор с комдивом перед обходом города. — Второй десяток пошел».

Забегая вперед, скажу: батальон хорошо проявил себя при выполнении задачи. В приказе Верховного Главнокомандующего в числе командиров отличившихся частей при освобождении города

была названа фамилия Николая Яковлевича. Я искренне порадовался этому сообщению.

В сопровождении ординарца и автоматчиков собрался на КП дивизии.

— Захвати-ка с собой газеты, — посоветовал Модин. — На досуге прочитай «Правду» от 13 февраля. Хотя номер и пятидневной давности, но в нем материал о Крымской конференции.

— Хорошо, Николай Сергеевич, с него и начну.

До КП дивизии добрался благополучно. Доложил полковнику Кантария о прибытии. Иван Григорьевич поздоровался, спросил о самочувствии командира полка, распорядился:

— Пока подъедут другие командиры частей — свободны. Находитесь тут неподалеку.

Отошел под кроны деревьев, где были привязаны наши кони, развернул газету. В сообщении с Крымской конференции глав правительств Великобритании, США и СССР шла речь о взятии Берлина, об условиях безоговорочной капитуляции нацистской Германии, распределении зон оккупации, затрагивались другие вопросы послевоенного устройства, в частности границы с Польшей.

Увлекшись газетой, не обратил внимания на появившиеся над лесом фашистские самолеты. Даже когда по ним ударили спаренные зенитные пулеметы, продолжал читать. И лишь свист бомб оторвал меня от газеты, заставил по привычке юркнуть в отрытую кем-то щель. Предчувствуя опасность, тревожно заржали лошади. Дрогнула, заходила земля. Грохот взрыва заглушил голоса коноводов. Заверещали осколки. Ударная волна пронеслась по сучьям, ломая лапы сосен.

Вскочив на ноги, бросил взгляд на место взрывов. Дымились свежие воронки. Одна из бомб легла рядом с тем местом, где только что разговаривал с комдивом. Какое-то подсознательное тревожное чувство кольнуло в сердце. Кинулся туда. Ветви кустарника хлестали по голенищам сапог, рвали полы шинели, стегали по рукам и лицу.

Вот и командный пункт: полузасыпанные траншеи, ходы сообщения, рваная воронка от авиабомбы крупного калибра. Прямо передо мной появилась человеческая фигура в располосованной на спине шинели, сквозь которую текла кровь. Пошатнувшись, боец сделал шаг в сторону и ничком ткнулся в снег. Рядом заворочался и застонал второй солдат. «Где же комдив? — мелькнула мысль. — Вот здесь я с ним разговаривал».

Одним прыжком вскочил в щель. В углу лицом кверху лежал полковник Кантария. Негромко постанывал.

— Товарищ полковник, что с вами? Ранены?

Комдив открыл глаза. Боль исказила его лицо.

Не долго думая, подхватил Ивана Григорьевича под мышки и осторожно понес к выходу.

— Больно грудь, жжет, — шептал Кантария.

— Врача! — раздался чей-то голос. — Врача!

К нам с разных сторон бежали люди.

— Убит? Ранен?

— Плащ-палатку! — закричал кто-то. — Плащ-палатку сюда!

Я опустил комдива на разостланную плащ-палатку. Расстегнул полушубок, за ним — китель. Не раздумывая, рванул свитер, обнажая грудь. Из раны текла кровь. Расстегнул полевую сумку, нащупал индивидуальный пакет. Но тут подбежали медики.

Во время перевязки полковник Кантария скончался.

Иван Григорьевич был храбрым солдатом. Его жизнь связана с армией. В двадцатых годах добровольно вступил в ряды Красной Армии. Принимал участие в подавлении контрреволюционных мятежей в Закавказье. После гражданской продолжал служить в армии, учился, набирался опыта. С первых месяцев Великой Отечественной участвовал в руководстве боевыми операциями на Крымском полуострове. Оборонял Большой Кавказский хребет. Во главе 253-й стрелковой дивизии освобождал Львовщину.

Смерть вырвала Ивана Григорьевича из рядов бойцов, но он остался в памяти народной. Имя Кантария носит одна из улиц Львова, музей городской школы. На могиле отважного сына грузинского народа во Львове на Холме Славы установлена плита.

Мы поклялись отомстить немецко-фашистским захватчикам за его смерть. Вечером этого же дня полки овладели развилкой железных дорог на пути к реке Нейсе.

Некоторое время спустя в дивизию возвратился генерал Даниловский. Федор Семенович уходил от нас на повышение. В должности командира корпуса часто к нам приезжал. Ко времени гибели Кантария в корпус прибыл его прежний командир генерал Донсков и приказал Даниловскому снова возглавить осиротевшую дивизию. Мы были искренне рады этому. Федор Семенович пользовался у нас большим уважением. Это был широко образованный человек и в общем и в военном отношении. Окончил Ленинградскую пехотную школу, командовал бронепоездом, частями. За его плечами были Военная академия имени Фрунзе, опыт практической работы в войсках.

Высокая теоретическая подготовка, разносторонний командирский опыт, практика ведения боевых действий сделали его знающим командиром высокого ранга.

Выдержанный, энергичный, волевой он обладал умением сплотить коллектив, который его окружал, которым он командовал. Строгий, но справедливый, он в полную меру спрашивал за малейшее упущение. Не терпел расхлябанности, чванства и зазнайства. Умел постоять за подчиненного, не боялся взять его вину на себя, если видел, что офицер или солдат допустил оплошность по нечаянности или незнанию.

Был корректен, прост в обращении с людьми. К нему шли за советом, помощью офицеры, сержанты, солдаты.

Не жалел времени на сколачивание штаба, подготовку офицеров. Мне не раз доводилось видеть, как кропотливо готовился ком-

див к проведению того или иного занятия и требовал этого же от окружающих.

Перед наступлением обязательно бывал на месте атаки, уточнял с командирами, разведчиками, наблюдателями систему огня противника, его инженерные заграждения, интересовался поведением врага. Возвращался на НП уставший, но довольный. На предостережения начальника политотдела, мол, так не долго поплатиться жизнью, обыкновенно разводил руками, говорил:

— Так-то оно так, но я ведь командир. Поведу людей в бой. За каждого из них в ответе. И тут уж лучше один раз посмотреть самому, чем семь раз услышать от других. Ну а насчет гибели — я старый солдат, как могу, остерегаюсь. На рожон не лезу.

Даниловский был бесстрашным человеком, но не склонным к показной храбрости. Если обстановка диктовала, появлялся там, где это было нужно. Своей выдержкой и энергичными мерами вселял уверенность в других, влиял тем самым на ход боя. За все это Федора Семеновича мы не только глубоко уважали, но и искренне любили.

Но вернемся к тем дням. Несколько суток вели бои за пригороды Губена. По ожесточенности, упорству они походили один на другой. Около суток полк штурмовал небольшой городок Гроссенер. Особенно много беспокойства нам причиняли батареи 105-мм орудий. Фашисты заранее подготовили для них несколько позиций. Крутости траншей, блиндажи одели в бетон. Борьбу с ними вели полковая артиллерия и снайперы.

Трудная обстановка сложилась на восточной окраине Гроссенера. Фашисты несколько раз контратаковали стык батальонов, который прикрывали пулеметчики лейтенанта Титова. Гитлеровцам удалось отсечь несколько расчетов во главе с командиром роты. Окруженные пулеметчики вели бой до последнего патрона.

В этом бою смертью храбрых пал лейтенант Титов. Ивана Федоровича я знал по боям у Оздютич, Лесных Халуп, Доротки. Это был не знающий страха офицер-коммунист. На дороткинском плацдарме, оставшись один у станкового пулемета, больше двух часов подряд сдерживал натиск гитлеровцев. За этот бой был удостоен ордена Красного Знамени. В октябре сорок четвертого принял пулеметную роту. За короткое время нашего отдыха сумел сколотить коллектив. Не раз отличился в ходе Висло-Одерской операции. И вот не стало и его.

При поддержке авиации и танкистов 3-й танковой бригады Гроссенер был взят.

На следующий день полк овладел деревней Люксенберг, находящейся в десяти километрах от восточной окраины Губена. Бой за населенный пункт длился несколько часов. Фашисты отчаянно сопротивлялись. И лишь выход в тыл врага группы капитана Игоря Голубева решил исход схватки. Фашисты, боясь окружения, отошли в город. В этом бою адъютант старший батальона Голубев погиб.

Пленные как один показывали, что со дня на день к гитлеровцам должно подойти подкрепление. Действительно, вскоре в поле нашего зрения оказались подразделения саперного батальона, а затем и части дивизии СС «Великая Германия», с которыми в дальнейшем нам пришлось вести борьбу.

Отбивая многочисленные контратаки врага, мы продолжали упорно продвигаться к Губену. 22 февраля 862-й Владимир-Волынский полк овладел Форштадтом. В этот же день наши батальоны вышли на городскую окраину Губена и ворвались на кладбище, где были встречены кинжальным огнем противника.

Ночь прошла в яростных схватках. Фашисты старались отбросить нас назад. Однако своей цели им достичь не удалось, а в отдельных местах даже пришлось отойти под натиском наших подразделений.

Выглянувшее солнце осветило кварталы Губена. До них было рукой подать, но эти сотни метров нам предстояло пройти под ураганным огнем.

23 февраля мы прослушали приказ Верховного Главнокомандующего в связи с 27-й годовщиной Красной Армии, в котором подводились итоги зимнего наступления советских войск. Оборона противника была взломана от Балтики до Карпат. Наши армии продвинулись от границы Восточной Пруссии до нижнего течения Вислы, с плацдарма на Висле южнее Варшавы до нижнего течения Одера — на 570 км, с сандомирского плацдарма в глубь немецкой Силезии — на 480 км. Успехи вызывали у каждого из нас гордость. Как было не восхищаться тем, что войска фронта только в ходе Нижне-Силезской наступательной операции продвинулись более чем на 200 км и южнее Губена вышли к реке Нейсе! Планы противника закрепиться на рубеже реки Одер были сорваны.

Нас поздравили с праздником и пожелали успехов в окончательном разгроме немецко-фашистских захватчиков Военный совет армии, командиры корпуса, дивизии.

В руководстве дивизии за последнее время произошли изменения. На должность заместителя командира дивизии прибыл полковник Иван Павлович Белоусов. Произошли изменения и в полках. 828-м Владимир-Волынским теперь командовал майор Александр Прохорович Забазнов, а 862-м — майор Евгений Иванович Никулин. Вместо откомандированного на учебу Николая Афанасьевича Кулябина на должность заместителя командира нашего полка по политической части прибыл майор Арсений Петрович Жестянкин, с которым у меня установились теплые отношения.

В день праздника мы с ним решили отправиться на передний край. Фашисты непрерывно контратаковали, стремясь выбить полк с кладбища. Арсений Петрович, невысокого росточка, подвижный, при выходе из штаба спросил:

— Александр Терентьевич, в первый или во второй батальон пойдешь?

— Конечно, во второй! Как-никак родной. В такой день будет обидно не пожать руки ветеранам. Мало их осталось — тех ребят, с которыми дрался на плацдарме.

— Что поделаешь, война, она не щадит. Каждый день уносит кого-либо из ставших близкими тебе людей.

— Тем дороже оставшиеся, Арсений Петрович.

— Понимаю тебя, иди во второй.

— Нет, вначале заглянем к полковым минометчикам.

На позиции батареи 120-мм минометов шла боевая работа. Номера расчетов, в одних гимнастерках (шинели и полушубки лежали рядом), от которых валил пар, орудовали у минометов.

— Фриц, получай подарок! — рубанул по воздуху зажатым в руке флажком командир среднего расчета.

Заряжающий дернул за шнур. Глухо хлопнул выстрел. Вслед за ним раздался второй, третий...

— Стой, записать установки! — последовала команда старшего офицера на огневой позиции.

Молоденький, из только что прибывших в полк с ускоренных курсов училища, офицер подбежал к нам, приложил руку к головному убору, не окрепшим еще баском начал докладывать.

— Не нужно, — остановил я его. — И так видим, чем занимается батарея. Старший лейтенант Пономарев на НП?

— Так точно! — с готовностью ответил офицер и показал на видневшуюся невдалеке полуразрушенную кирку.

— Жаль, — вырвалось у меня. — Хотелось бы повидаться.

Из офицеров батальона, высадившихся на дороткинский плацдарм в ночь на 30 июля, в полку остались теперь кроме меня лишь Пономарев и Бухарин. Но, чем меньше оставалось людей, вышедших с плацдарма на Висле, тем больше тянуло нас друг к другу. Так уж устроен человек. Скрепленная огнем дружба со временем становится крепче и ярче. А радость и горе, известно, хочется разделить с самыми близкими тебе людьми. Сегодня был необычный день. С утра я заскочил в медсанроту и сердечно поздравил Марину. В этот праздничный день хотелось повидаться с самыми близкими друзьями. Но Бухарин все еще был далеко, а Пономарева не застал на огневой позиции, пришлось ограничиться лишь коротким телефонным разговором.

Офицер собрал находящихся на огневой позиции бойцов. Мы поздравили их с праздником, зачитали полученные в адрес полка телеграммы, пожелали батарейцам новых боевых успехов. Арсений Петрович Жестянкин сообщил бойцам и командирам о последних событиях на фронтах Великой Отечественной войны.

Минометчики слушали внимательно. По огрубевшим от морозов и зимних ветров лицам нетрудно было догадаться, как радуются они добрым вестям и, конечно, тому, что война подходит к концу. Мнение товарищей выразил сержант Назар Крамской.

— Нужно быстрее кончать с фашистами. Сделать все от нас зависящее, чтобы разбить их и этой весной возвратиться домой. Нас ждут матери, жены, родные и близкие, работа. Вспомните разру-

шенные города, села, остовы заводов и фабрик, заброшенные поля. Сколько дел впереди! — Сержант окинул товарищей взглядом: — Я разумею так: человек рождается, чтобы украшать землю, а не уничтожать то, что создано до тебя. Иначе будешь проклят не только своим поколением, но и потомками. Смерть немецким захватчикам!

— Батарея, к бою! — прервал разговор голос телефониста.

Расчеты бросились к минометам.

Немцы пошли в контратаку.

Всего в этот день полк отразил шесть контратак. Четвертую я встретил во 2-м батальоне. Капитан Ульянов, подпустив противника вплотную, фланговым пулеметным огнем положил вражескую пехоту на снег. Фашисты заметались и бросились назад. Создалась благоприятная ситуация — на плечах отходящих в панике немцев ворваться в крайний от кладбища дом.

Обернулся к комбату. Ульянов, видимо, тоже думал об этом.

— В атаку, поднимай людей — момент упустим.

Рядом со мной стоял связной со штабом полка старший сержант Гарбуз — среднего роста, разбитной, лет восемнадцати паренек. Накануне Владимир был ранен, но в медсанбат идти отказался наотрез.

— Дай-ка, — протянул я руку к автомату.

Старший сержант с удивлением посмотрел на меня, однако отдал оружие со словами:

— А как же я, товарищ майор? Из чего буду вести огонь?

— Вот, держи на время боя. — Протянул ему пистолет.

В это время вверх взлетели ракеты. Роты поднялись в атаку. Разнеслось русское «ура».

Ротные цепи вскоре скрылись за деревьями, кладбищенскими оградами и памятниками. Батальон шаг за шагом теснил немцев.

С комбатом Ульяновым переместились поближе к ротам. В глубине старых аллей, десятилетиями хранивших тишину, мелькали человеческие фигуры, разносились выстрелы, взрывы гранат, крики. Схватки шли у могил, между деревьями, вокруг фамильных склепов.

Батальон шаг за шагом медленно продвигался вперед. То в одно, то в другое место приходилось перебрасывать штурмовые группы, маневрировать силами и огневыми средствами. Несмотря на все наши усилия, сломить сопротивление противника не удавалось. Лишь на следующий день, под вечер, рота старшего лейтенанта Германа Братченко приблизилась к противоположной от нас ограде кладбища. Бойцам осталось преодолеть каких-то метров сто пятьдесят.

К месту обозначившегося прорыва батальона Ульянова немцы стянули пехоту. Братченко донес о подготовке фашистов к контратаке. С группой автоматчиков пробились к нему. Враг накапливался у небольшой часовенки.

— До роты фрицев, товарищ майор, — доложил вывернувшийся из-за могильной плиты старший лейтенант.

Но я уже и сам видел противника. Немцы еще не развернулись.

«Выгодный момент для удара», — мелькнула мысль. Судьбу схватки чаще всего решает внезапность. Фрицы разговаривают, курят. Скорее интуитивно, нежели осознанно, поднял автомат над собой и во всю силу легких выдохнул:

— За Родину — вперед!

Призыв тут же подхватили бойцы Германа Братченко.

Мы рванулись навстречу противнику, да так стремительно, что фашисты на какое-то мгновение растерялись. От внезапно появившихся перед ними советских солдат, дружного «ура» и плотного огня гитлеровцы повернули вспять, что еще больше усилило наш порыв.

— Герман, не останавливаться! — на ходу крикнул я Братченко. — К ограде, а потом к домам.

Наш бросок удался. На плечах противника ворвались в находящийся рядом с кладбищем четырехэтажный жилой дом. Довольно быстро очистили от гитлеровцев подвал и первый этаж, зато с верхних этажей и с крыши выбивали их до поздней ночи. Здесь пришлось поработать и моему автомату. Правда, за личное участие в атаке после выслушал упрек майора Павлюка, но это дело уже частное.

Начались затяжные бои. Противник, продолжая удерживать центральную, западную и северную части кладбища, городские районы, непрерывно контратаковал части дивизии. В течение 24 февраля мы продвинулись лишь на 100—150 метров.

Противник, не считаясь ни с какими потерями, непрерывно подбрасывал подкрепления гарнизону. В последних числах февраля были взяты пленные из запасного батальона, прибывшего из Вены, а спустя несколько дней — из 275-й пехотной дивизии, переброшенной из-под Форста. Гитлеровцев можно было понять: с выходом к Нейсе и ее форсированием советским войскам открывался путь к сердцу рейха — Берлину. Вот почему враг так цеплялся за этот природный рубеж, используя для обороны возможности густонаселенного района на восточном берегу Нейсе. Но это была лишь попытка оттянуть агонию.

Командование дивизии, корпуса, армии делало все для того, чтобы быстрее овладеть Губеном. Перегруппировывая силы и огневые средства, оно в том или ином месте создавало перевес над противником, пытаясь пробить брешь в его обороне. Полку пришлось принимать район обороны соседей — 106-й стрелковой дивизии, переброшенной на новое направление. Нас усилили танками, самоходными орудиями, артиллерией, придали отдельный пулеметный батальон. Однако продвижение шло медленно. Правда, 27 февраля несколько штурмовых групп прорвалось к Нейсе. Но закрепиться не удалось, пришлось отойти под давлением перекрестного огня противника.

Особенно ожесточенная борьба развернулась за центральную часть города. По нескольку суток, захватив нижние этажи зданий,

роты пытались выбить немцев из верхних. Враг дрался за каждую квартиру. Напряженность боев мне напоминала чем-то дороткинский плацдарм. И та, и другая сторона не хотели уступать и пяди земли.

К середине марта стала остро ощущаться нехватка в личном составе. Генерал-майор Федор Семенович Даниловский доносил командиру корпуса: «Дивизия понесла большие потери в живой силе, в особенности 889-й стрелковый полк, в строю которого осталось 120 человек на 2 км фронта. Резервов нет. Прошу Вашего распоряжения о сокращении линии фронта...»

Действительно, в ротах полка осталось по 15—20 человек, и это с учетом того, что они получили людей из тыловых подразделений. Мы продолжали вести уличные бои. Я неотлучно находился на переднем крае. Много пришлось увидеть, немало пережить. День и ночь слились воедино и измерялись не минутами и часами, а взятыми у врага подъездами, квартирами, этажами, отбитыми контратаками. В моей памяти остался такой эпизод. Где-то в двадцатых числах марта мы овладели несколькими домами. Под утро приводят ко мне пленного.

— Пан офицер, — говорит он на ломаном русском языке, — я не стрелял.

— Ты поляк? — спрашиваю у него.

— Да. — И показывает мне набитый обоймами подсумок. — Мы не хотим с вами воевать. Немцы нас заставляют.

— Раз не хотите, переходите на нашу сторону.

В ответ пленный согласно закивал. Мы отпустили паренька. Он привел еще троих солдат. Не от хорошей жизни, понял я, фашисты двинули на передовую поляков — выдыхаются. Обычно гитлеровцы использовали их на тыловых работах.

В один из дней звонок командира полка застал меня во 2-м батальоне. Заняв первый этаж огромного жилого здания, мы вторые сутки выкуривали противника из верхних этажей. Валентин Евстафьевич выслушал доклад, затем произнес:

— Слушай, для тебя тут есть хорошая новость...

И наш телефонный разговор перебил огонь противника. Фашисты пошли в контратаку. Так и не узнал, о чем хотел сказать Павлюк.

В последующие несколько суток было не до разговоров. Еле успевали отбивать натиск гитлеровцев. Я начал забывать о той новости, что хотел сообщить мне Валентин Евстафьевич, как он вновь позвонил и приказал срочно прибыть к нему. О причине вызова распространяться не стал, положил трубку.

Попрощавшись с товарищами, отправился в штаб полка. Пришлось изрядно поплутать по лабиринтам подвалов, прежде чем через пролом в стене попал на соседнюю улицу, где было безопасней. Правда, вверху повизгивали пули и рикошетом они могли зацепить, но все обошлось благополучно.

Валентин Евстафьевич встретил меня радушно.

— Наконец-то! Заставляешь за тебя волноваться. Звоню, комбат говорит — убыл. Спрашиваю, не появлялся ли здесь, все отвечают, что не видели. — Майор Павлюк окинул меня прищуренным взглядом и с подъемом в голосе продолжал:—Теперь о главном. Радуйся, Саша! Едешь учиться! И не куда-нибудь, а в Москву-матушку. Вот телеграмма. Зачислен на ускоренный курс академии Фрунзе.

Новость настолько была неожиданной, что я совершенно растерялся. Мысли роились и путались в голове. Не знал даже, радоваться или нет такому повороту судьбы, тем более что уже мысленно решил: закончу войну с полком, а там будет видно, где приложить силы. Видимо, мой огорошенный вид, недоумение удивили командира.

— Ты что, не веришь? Читай сам.

Павлюк протянул телеграмму. Я машинально ее начал читать. Командир полка не выдержал, спросил:

— Или, Саша, не рад?

— Да нет, с мыслями никак не соберусь. Как-то все неожиданно.

Подошли Модин, Жестянкин, инженер полка Отпущенников, другие офицеры, начали поздравлять. Каких только пожеланий не довелось мне услышать за несколько минут!

Сборы были коротки: срок, указанный в телеграмме, торопил. Побросав нехитрое холостяцкое имущество в чемодан, простился с товарищами по полку, заскочил к медикам. Марина оказалась на месте.

— Уезжаю, Маринушка!

— Как уезжаешь? Переводят? Куда? — Глаза девушки помрачнели.

— Еду учиться, Марина!

— Так это же хорошо! — Сдерживая нахлынувшие чувства, она закусила губу.

— Вот и я так думаю. Кончу учебу и — сюда, в нашу Брянскую Краснознаменную. Ждать будешь?

— Буду.

Я обнял девушку.

Командир полка выделил в мое распоряжение мотоцикл, напомнил о том, что следует заглянуть по пути в штаб дивизии.

— Полковник Абашев просил тебя обязательно повидать его перед отъездом.

Генерал-майора Даниловского на днях перевели от нас на должность командира корпуса. Обязанности командира дивизии снова исполнял Федор Федорович Абашев.

Штаб дивизии располагался в небольшой немецкой деревеньке. Меня встретил дежурный старший лейтенант Запарованный. Михаил Гаврилович несколько месяцев назад перешел из полка в оперативное отделение. Несколько раз мы встречались с ним в ходе подготовки к боям.

— Полковник Абашев у себя?

— Да. Уже о вас справлялся.

Федор Федорович крепко меня обнял. На вопрос о причине вызова улыбнулся:

— Хотелось повидать тебя, Саша, перед отъездом в академию, поблагодарить за службу.

Абашев пригласил начальника политотдела дивизии полковника Жеваго и уже в присутствии его продолжил разговор, придав ему оттенок официальности. Назвал меня ветераном, напомнил о том, что в дивизии я вырос и в звании, и в должности, удостоился высшего отличия Родины — стал Героем Советского Союза.

— Жаль расставаться, — искренне продолжал Федор Федорович. — Но жизнь есть жизнь. Армии нужны высокоподготовленные офицеры. Потому провожаем тебя, Александр Терентьевич, с радостью. Учись, набирайся знаний!

— И возвращайся после академии к нам, — дополнил его мысль полковник Жеваго. — Будем ждать.

Тепло и доброжелательно напутствовали меня начальники. От всего сердца поблагодарил их за помощь в становлении моем как командира, за доверие.

Из дивизии убыл в штаб армии. В отделе кадров нашей 3-й гвардейской разыскал бывшего сослуживца по полку, сибиряка капитана Ефима Иванова. Он помог мне дооформить документы, проводил до железнодорожного вокзала.

Поезд увозит меня на восток. Мерно стучат колеса вагона, хрипит гудок паровоза, протяжный, зовущий, нагоняет тоску и радость. Тоску — потому что я всем сердцем сроднился с беспокойной полковой семьей и суровой фронтовой жизнью. Мне стали близки люди, с которыми шагал огневыми дорогами войны. Поэтому расставание с боевыми товарищами отдается болью в сердце. Тревожную радость — потому что впереди новая, еще пока реально не осознанная жизнь, жизнь без крови и смертей.

После Польши за окном потянулись белорусские леса, замелькали израненные войной деревни, пристанционные поселки, города. Война сопровождала меня неотступно. Сквозь полог осевшего снега виднелись раны земли: траншеи, ходы сообщения, окопы, воронки, разрушенные доты и дзоты. Проплывали и оставались позади сожженные дома, искореженные вагоны, паровозы с зияющими на боках рваными ранами, разбитая боевая техника. Особенно много было разбросано танков, бронетранспортеров, самоходных установок, орудий на подступах к городам, крупным населенным пунктам, у железнодорожных мостов и мест переправ. Истерзанный лик земли бередил сердце, а исхудавшие, изможденные, в ватниках и довоенных обносках люди вызывали жалость. На остановках бежали к вагонам ребятишки. Мы отдавали им хлеб, консервы, сахар — все, что только оказывалось под рукой.

С надеждой смотрели на нас женщины, вынесшие на своих плечах тяжесть фронтовых лет. Они ждали перемен, крепкой мужской руки в разрушенных городах и обветшавших за войну деревнях.

Однако в облике земли хотя и редко, но проглядывалось и новое: срубы незавершенных пока построек, свежая кладка кирпича — первые признаки созидания. Новые ростки мирной жизни вызывали чувство гордости. Поистине неисчерпаемы силы народные! Позади чуть ли не четыре года самой разрушительной в истории человечества войны. Основная сила еще на фронтах. А здесь, в тылу, уже развертывается битва с последствиями военного лихолетья.

Мысли уводят к фронтовым дорогам и вновь возвращают к сегодняшнему. Мелькают за вагонным окном телеграфные столбы, проплывают поля, леса, реки. Просторы Родины! Больше вас не топчет вражеский сапог. Мы победили, хотя еще и гремят на советско-германском фронте выстрелы. Но это уже агония войны. Не сегодня завтра третий рейх падет. Причастность к разгрому врага наполняет сердце счастьем и навевает раздумья.

Что помогло нам победить чудовищное порождение империализма — германский фашизм? Крепость духа русского народа, его неистощимые силы?! Да, на протяжении многовековой истории Государства Российского он не преклонял головы перед врагом. Доблесть русского воина давно и прочно известна всему миру.

Суровая природа России, на которую ссылались гитлеровские генералы после разгрома под Москвой и Сталинградом? Нет, ход войны показал: они были биты и зимой и летом, и днем и ночью.

Дело тут в другом.

Мы защищали Родину, нашу Советскую власть, рожденный Великим Октябрем общественный и государственный строй. Вошедший в нашу плоть и кровь, он близок и дорог каждому советскому человеку. Без него мы себя не мыслили.

Наш общественный и государственный строй, плановая система позволили в короткое время перевести хозяйство страны на военные рельсы. Мы потеряли в начале войны высокоразвитые промышленные районы, плодородные земли Украины, Северного Кавказа. Это был тяжелейший удар, и не всякая страна оправилась бы от него. Наши люди, наше народное хозяйство и в этих условиях оказались способными обеспечить армию техникой, оружием, обмундированием, а в последующем и переоснастить новейшими видами вооружения и техники.

С каждым месяцем войны повышалась наша огневая мощь. Фронтовики радовались появлению новых систем орудий, танков, самолетов и их количеству. В ходе боев мы не ощущали недостатка в боеприпасах. Не буду перечислять цифры и наименования выпущенных в военные годы оружия, боевой техники, военного снаряжения. Об этом хорошо сказано в военно-исторической литературе. Подчеркну лишь следующее: все, чем громили врага, не упало нам с неба. Оно было создано руками советского человека — труженика и бойца, отдавшего всего себя во имя Победы. И это

понятно. За годы пятилеток наш общественный и государственный строй не только создал мощную индустрию, перевел сельское хозяйство на социалистический лад, но и воспитал нового человека — человека-Гражданина с большой буквы.

Мне вспоминается Захар Петрович Романов. Участник первой мировой войны, Георгиевский кавалер. Беспартийный. Добровольцем ушел в действующую армию. Добился отправки на передовую, хотя годы давно уже вышли. Воевал хорошо. За отличия в боях был награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени. В нашем стрелковом полку воевали и другие солдаты и сержанты его возраста. А сколько было бойцов, накинувших себе год, а то и два, чтобы с оружием в руках бить фашистов!

А наш тыл?! Женщины, старики, дети взвалили на свои плечи работу ушедших на фронт мужей, братьев, сыновей, отцов.

Расчет фашистских заправил на то, что при первых же ударах рассыплется наше многонациональное государство, потерпел крах. Нависшая над Родиной смертельная опасность еще больше сплотила народы и народности Советского Союза. Ленинский добровольный союз наций выдержал все испытания войны. Русские и украинцы, белорусы и казахи, грузины и армяне, латыши и литовцы, чуваши и мордвины — все жители шестой части нашей планеты, именуемой Союзом Советских Социалистических Республик, считали борьбу с врагом своим общим делом, делали все для победы. Никогда не изгладятся из моей памяти слова парторга роты старшего лейтенанта Эммануила Чалаганидзе: «...родиться мы могли на земле России, Украины, Грузии, Узбекистана, Казахстана, но Родина у нас одна — Советский Союз. Помните об этом. И защищайте его до последней капли крови. Народ не забудет ваших ратных дел во имя Отчизны».

Решающим условием нашей победы над врагом было руководство Коммунистической партии армией и народом. В трудный для Родины час партия, руководствуясь ленинскими идеями о защите социалистического Отечества, выступила вдохновителем и организатором борьбы советского народа с фашистской Германией.

Вспоминаю первые месяцы войны, политбойцов. Они пришли от станков, с колхозных полей, поднялись из шахт. В самое тяжелое время — начальный период войны — партийным словом, личным примером цементировали наши ряды, вселяли в людей уверенность в победу над врагом. Многие политбойцы в дальнейшем стали прекрасными политработниками.

Преклоняюсь перед комиссарами. Сколько им пришлось испытать и вынести! Люди высокого долга, они первыми вставали в атаку, бросали клич «Коммунисты, вперед!», до последнего стояли в обороне и, если был приказ отступать, отступали последними.

Панченко, Стаднюк, Стольников, Елагин, Николаев, Кулябин, Жеваго, Жестянкин... Фамилии политработников, с которыми свели меня фронтовые дороги, можно перечислять и дальше. Это люди высокого долга и щедрой души, люди кристально чистой совести. С них я брал пример, на них равнялся в боевой жизни.

Колеса вагонов стучали на стыках рельсов. Солдаты, сержанты, офицеры, возвращающиеся по тем или иным причинам с фронта, с жадностью смотрели на картины мирной жизни, не скрывая, радовались приближающемуся концу войны, как только могут радоваться люди, сами побывавшие в ее горниле, навечно обожженные ее дыханием.

С надеждой работать и учиться уезжали мы с фронта. Радовались тому, что победили, мечтали о будущем. Но нет-нет и мрачнели лица моих спутников. Вспоминались однополчане. Как они там, на дорогах войны? Эта мысль не давала покоя и мне.

С радостью и гордостью я узнал, что полк на заключительном этапе войны за свои боевые дела удостоился почетного наименования Дрезденского, а за штурм Берлина — благодарности Верховного Главнокомандующего, закончил свой боевой путь у стен Праги. Приехавшие осенью учиться в Академию имени М. В. Фрунзе майоры Валентин Евстафьевич Павлюк и Николай Сергеевич Модин рассказали мне об этом.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Офицеры, прибывшие в академию для прохождения ускоренного курса, в начале апреля приступили к занятиям. Учеба нас не особенно утомляла. Все понимали — исход битвы с фашизмом предрешен, и полученные нами знания по программам военного времени вряд ли понадобятся, но шли слухи: учебный отдел приступил к подготовке новых программ, наш курс должен быть расформирован. Признаться, многие из нас лелеяли надежду вернуться в части.

Мы продолжали жить фронтом. Даже по ночам война не отпускала нас, ребята водили людей в атаки, просили огня, подавали команды. «Ночная война», как мы ее окрестили, продолжалась. Кошмары боев покидали нас медленно.

Шло время. Наступило 9 мая 1945 года. Площади, улицы и парки столицы заполнили жители и многочисленные гости Москвы. Люди обнимались, целовались, не скрывая слез радости. Разве это можно забыть! Никогда!

Партия и правительство сделали все, чтобы этот день стал днем светлой памяти о тех, кто сложил свои головы на фронте. Отмечая ежегодно День Победы, мы, фронтовики, как-то преображаемся, становимся вроде бы моложе, здоровее, словно недуги уходят прочь...

Вскоре у нас действительно начались организационные мероприятия. Приказом начальника академии была создана комиссия во главе с его заместителем генерал-лейтенантом А. В. Сухомлиным для отбора слушателей на основной факультет.

Нас стали вызывать на эту комиссию. Побывав на беседе, большинство желающих убыть в части изменяли свое решение и пода-

вали рапорты для зачисления на учебу. Настал черед предстать перед комиссией мне. Коротко рассказал военную биографию, при этом высказал просьбу вернуться в полк.

— И вы, товарищ майор, туда же, — встал из-за стола Сухомлин. Он улыбнулся, подошел ко мне, положил руку на плечо и продолжил: — Мы с вами люди военные и должны смотреть вперед. Результаты этой войны, батенька мой, не удовлетворяют империалистов. Врагом номер один для них по-прежнему являемся мы, самая мирная страна на планете. Они еще не раз попытаются уничтожить наш советский строй. Так что профессия Родину защищать будет еще нужна. Вы кадровый военный, молодой человек. Закончили военное училище, прошли путь от командира взвода до заместителя командира полка, отмечены высшим отличием Родины. Кому как не вам менять нас, стариков! — Генерал вздохнул, заглянул мне в глаза и заключил: — Да, да, будете нас менять. Таков уж закон природы, батенька мой.

Что было ответить? Решение созрело тут же:

— Товарищ генерал, рапорт с просьбой зачислить на основной курс академии сегодня будет написан.

— Вот и хорошо, сынок. Верю в тебя, майор. Овладевай военными знаниями, они очень нужны и тебе, и Родине.

После экзаменов по общеобразовательным дисциплинам я был зачислен слушателем основного факультета. До сентября — начала занятий — оставалось еще время. Командование решило предоставить нам отпуска. В ожидании их осматривали достопримечательности столицы.

Начали изучать Москву с Красной площади. Осмотрев все, что прилегает к Кремлю, прошли и проехали по основным московским магистралям. Любовались прекрасными дворцами, музеями, метрополитеном.

В конце мая получили отпускные документы. В тот же день выехали в родные места.

До Омска четверо суток поездом. Томительными казались они в ожидании встречи с матерью, родственниками. Особенно медленно тянулось время, когда переехал Урал и появились родные сибирские просторы, знакомые с детства колки-перелески и степные дали. Не находил себе места, занятий, которые могли бы отвлечь от дум о родном доме.

...В Омск поезд прибыл в середине дня. Стояла теплая погода. Весенний ветерок обдавал свежестью. Захватив чемодан, сел в трамвай, следовавший на речной вокзал. Там ознакомился с расписанием. Пароход отходил через полтора часа вверх по Иртышу. Приобрел билет. Спустя некоторое время началась посадка. Занял свое место.

Вскоре пароход отчалил от пристани. В каюте было душновато. Вышел на палубу. Полной грудью вдохнул настоянного на разнотравье сибирского речного воздуха. Тревожно и радостно забилось

сердце. Вдруг с кормы до меня донеслись слова: «Саша! Саша!» Невольно оглянулся. Ко мне бежали парни и девушки. Вскоре оказался в кругу молодежи. С трудом узнаю повзрослевших земляков. Они в ответ улыбаются, с нескрываемым интересом рассматривают Золотую Звезду, ордена и медали на моей гимнастерке.

«Как односельчане оказались здесь?» — мелькает мысль, и почти тут же приходит разгадка. Да сегодня же воскресенье. Приезжали, наверно, в город по своим делам. Слово за слово, начались взаимные вопросы, воспоминания.

Подходили к нам и люди постарше. Всех интересовало, не встречал ли я на фронте кого-нибудь из окрестных сел и деревень. Женщины нет-нет да и смахивали украдкой с морщинистых лиц набежавшую слезу. Старики, узнав о том, что мне довелось быть в Германии, интересовались судьбой фашистских главарей, немецким народом, его обычаями. Несмотря на мои протесты, все называли меня на «вы», видимо, мои регалии вызывали у земляков чувство уважения, которое по молодости лет, может быть, мне еще и не полагалось.

Незаметно летело время. Вот и конечная пристань. На пароме переправились в районный центр — село Иртыш.

— Райкомовцы, наверное, отдыхают? — поинтересовался у своих спутников.

— Да что вы! — послышалось в ответ. — Нет. Все работают. Секретарь райкома Чернов если не в поле, то обязательно на месте.

— Тогда пошли к райкому партии.

Подошли к райкому. Ребята и девчата остались в сквере, а я переступил порог здания. Вот и приемная с табличкой «Н. И. Чернов». Секретарша, окинув меня взглядом, было растерялась: в районе я оказался первым долгожданным вестником победителей, не считая прибывших по ранению фронтовиков. Однако она быстро взяла себя в руки, проводила меня к первому секретарю райкома.

Николай Иванович встал навстречу. Я начал докладывать по всей форме. Он закончить не дал.

— Постой, постой, Алтунин! У Степана Дмитриевича вроде такого взрослого сына нет. Значит, Терентия Дмитриевича сын из Стеклянки! Ишь каков вымахал. И Золотая Звезда!

— А вы ведь, Николай Иванович, в тридцать девятом году вот здесь, в этом кабинете, кандидатскую карточку вручали мне.

— Разве упомнишь всех, кому партийные документы вручил. Тем более что мы больше ни разу и не встречались. Но что ты помнишь об этом, это хорошо...

Чернов обнял меня, расцеловал и сделал шаг назад со словами:

— Дай хоть получше разглядеть тебя. Сейчас набегут райкомовцы, не дадут, черти, и поговорить.

Словно в ответ на его слова, распахнулась дверь. Один за другим в кабинет начали входить работники райкома.

— Я же говорил. — Николай Иванович вздохнул и после паузы, обернувшись к своим сотрудникам, произнес: — Ну вот, друзья, по-

дошло время. Начинают слетаться орлы земли Омской. Наш земляк и, как говорится, еще партийный крестник, уроженец Стеклянки Герой Советского Союза майор Александр Терентьевич Алтунин. Прошу любить и жаловать!

Начались расспросы: на каких фронтах воевал, где получил Золотую Звезду?.. Кто-то из работников райкома поинтересовался моими жизненными планами. И когда я сказал, что остаюсь в армии, поступил в академию, Николай Иванович Чернов вздохнул.

— Жаль, жаль, людей у нас не хватает, — обронил он. — Цвет района полег на фронтах, а работы вон сколько!

Беседа продолжалась около часа. Николай Иванович Чернов выделил эмку, единственную в районе. Распрощался я с райкомовцами, ожидавшими меня в сквере сверстниками и вместе с инструктором райкома партии выехал в Стеклянку. По пути заскочили к младшему брату отца, Степану Дмитриевичу. Он полтора года назад вернулся с фронта по ранению и вновь был избран председателем колхоза. Мое появление его обрадовало. Дядя не знал, куда нас усадить, все удивлялся, что после шести лет отсутствия еду в отпуск, никого не предупредив.

— Негоже так, Саша, негоже, — утирая от радости слезы на глазах, охала тетя. — Мать до смерти можешь напугать. Куда это годится? Куда?!

— Закудыкала. Выдержит, от радости еще никто у нас не умирал, — пророкотал дядя. — Лучше подавай-ка на стол. Не часто с племянником встречаемся. Почитай, лет шесть, а то и поболе не виделись. А тут еще и война. Не каждому счастье привалило увидеться. Вот с его братаном, Михаилом, уж боле не встретимся.

В доме дяди побыли не долго. Попросил его к вечеру приехать с семьей к нам. По дороге заехали еще в одно село. Не мог, не имел права его миновать. Там жили родители моего школьного друга Андрея Яндера—чехи. Хотя я и знал, что ожидается тяжелая встреча: год назад Андрей погиб на фронте. Отец его до войны работал счетоводом колхоза. Направились в правление. Однако там его не оказалось. Подъехали ко двору.

Мое появление вызвало у Яндеров слезы. Мать Андрея долго не выпускала меня из своих объятий, выплакивая частицу своего большого горя, пока ее не оторвал муж. Какого мне стоило труда уехать от родителей друга! Яндеры хорошо знали, что моя мать всю войну ждала нас — отца, Михаила и меня — с фронта. Провожая меня, отец Андрея вынес бутылку водки, приговаривая: «Готовили для встречи Андрея. Да вот как оно обернулось! Рады, что хоть ты, Саша, остался жив. Прошу, помяните нашего сына». Уезжая, обещал навещать их. Слово свое сдержал. Во время отпусков наезжал к ним, пока они были живы.

Восемь километров оставалось до родного дома. Трудно передать мое состояние. Радость встречи переполняла все мое существо. Вот-вот появятся знакомые крыши. Сколько раз это далекое сибирское село вставало перед моим мысленным взором во время затишья меж-

ду боями! Сколько раз одно воспоминание о нем внушало веру в скорое возвращение домой.

Последний поворот — и передо мной знакомая околица. Сердце тревожно-радостно стучит. Вот и первая улица. В конце ее группа людей. Впереди поворот вправо, на соседнюю улицу, к отчему дому. Показываю водителю дорогу.

Подъезжаем к дому. Машина останавливается у ворот. Выходим. Смотрю, навстречу бежит сестренка Мария с радостным криком «Саша! Саша!». Она обнимает меня, плачет.

— Где мама, мама где?

От слез Мария ничего не может вымолвить...

И вот увидел родное до боли лицо с протянутыми вперед руками.

— Сашенька, сынок! — шепчет мама.

В двух метрах от меня ноги ей отказывают, она падает. Подбегаю и подхватываю ее на руки.

По лицу матери бежит улыбка, та милая, знакомая с детства, которой она нас всех покоряла.

— Почему ж ты, сыночек, не сообщил о приезде? — наконец выдыхает мама.

— Разве такая встреча хуже? — смущенно отвечаю ей.

Мама! Сколько тебе довелось пережить в военное лихолетье. Хлопоты по дому, работа в колхозе легли на твои плечи. А думы о нас троих, неизвестность. Извещение о гибели Михаила больно ударило ее, но не сломило, как не в силах сломить буря крепкие деревья.

— Ирина, вот радость-то, — слышатся вздохи сельчанок, высыпавших на улицу из соседних изб. — Дождалась сына!

Женщины окружили нас плотным кольцом, спрашивали, говорили, рассказывали, плакали.

Спали первые волны радости. Во дворе собралось почти все село, с соседями мать жила дружно. Приятно было слышать, как они наперебой хвалили ее.

Тем временем возле правления колхоза накрывались столы. По установившейся традиции, сельчане несли, что оказалось под рукой из съестного. В нашем суровом краю люди привыкли делить радость и горе.

Когда все собрались и сели за столы, взял слово инструктор райкома партии Макаров. Он высказал огромную благодарность воинам, отстоявшим нашу Родину, признательность партии, организовавшей и вдохновившей советских людей на победу над врагом.

Предоставили слово мне. Трудно сейчас припомнить, о чем говорил землякам, но то, что поведал им о фронтовых дорогах, боях и сражениях, в которых пришлось участвовать, вспомнил тех из сельчан, кто не вернулся с войны, точно. Попросил минутой молчания почтить память погибших односельчан.

Встреча длилась долго. Земляки, переживая радость встречи и горечь воспоминаний, медленно расходились по домам. Только

прилег отдохнуть, как услышал голос матери: «Пусть часок-другой соснет». Она уговаривала кого-то не тревожить меня.

Отдохнул часа три, по фронтовой привычке облил себя до пояса холодной водой, вышел во двор. На скамьях и сложенных в кучу бревнах увидел незнакомых людей.

— К тебе, Саша, из соседних сел прибыли, — встала со скамьи мама. — Хотят поговорить с тобой. Да я все не решалась тебя будить.

Поздоровавшись, подсел к ним. Слово за слово начался разговор. Старики и женщины расспрашивали про войну, не видел ли кого из близких, не ведая того, как сложно встретиться со знакомым и родным человеком во фронтовом водовороте. Земляки с интересом слушали рассказ о встрече с отцом, вместе со мной переживали, у женщин стояли слезы на глазах.

Родной край! Отчий дом! Мы, военные люди, привыкшие к переменам мест, с особым чувством вспоминаем их. И чем становишься старше, тем сильнее тянет в те места, где родился, вырос, откуда пошла дорога твоей жизни.

Не так давно я получил письмо от Юрия Михайловича Бражника. Мальчишке было 13 лет, когда разведчики подобрали его в лесу под городом Карачевом. Он был зачислен во взвод разведки. В письме однополчанин пишет: «Благодарен людям, спасшим меня от голодной смерти и сделавшим из меня бойца-разведчика...» К письму Юрий Михайлович приложил поэтические строки, созвучные моим мыслям:

Мне не пришлось в тот год учиться в школе —
Четыре класса были за спиной,—
Ушел с бойцами я по доброй воле,
Чтоб бить фашистов и кончать с войной.

Сколько таких, как Юрий, на дорогах войны встретили и приютили, согрели наши солдаты. Почти в каждой части были ребята десяти — тринадцати лет, которые стойко переносили все тяготы фронтовой жизни.

Сколько мальчишки вносили радости в солдатские будни! Как о них заботились бойцы и командиры!

В конце войны, когда наши молодые боевые друзья подросли, старались их определить в суворовское и нахимовское училища. Слава этим маленьким труженикам войны! Родина помнит их подвиг!

Признаться, стал уставать я от почти беспрерывных застолий: не привык к такому образу жизни.

— Сынок, тебе, видно, тягостно от встреч, — заметила как-то мать.

— Да, мама, — вздохнул я невольно. — Пора заняться домашними работами: дом и сараи подлатать, забор поправить.

— И то дело, сынок.

Взялся за ремонт дома, сараев, бани и других хозяйственных построек. В свободное время ходили с мамой по знакомым с детства тропинкам, колкам в окрестностях села. С волнением она поведала мне свою жизнь. О многом я и не знал. Мама как бы исповедовалась передо мной. Я не знал, что она серьезно больна, ее рассказы воспринимал, как желание посвятить меня в жизнь нашей семьи.

В один из дней мама сказала, что возьмем с собой Ивана Ивановича.

— Не часто ему выпадает свободное время. Не ровен час, кто-либо из соседок подбросит работенку. Безотказный он у нас, Саша, а с тобой хочется ему побыть.

— Ну, конечно, возьмем, мама.

— Иван Иванович, — представила в день моего приезда невысокого худющего паренька сестренка Мария. В ответ на мой удивленный взгляд добавила: — Да, да, так его у нас все зовут.

Из рассказов родных и соседей вскоре понял, почему так величают моего двоюродного братишку.

В годину войны на его неокрепшие плечи легли заботы по хозяйству: взрослое мужское население было на фронте. Иван, не по годам рассудительный, трудолюбивый, взял на себя мужскую работу. Выходил вместе с женщинами в поле, пахал, сеял, косил. Даже в ненастную погоду у него всегда находилось дело: отбивал косы, ремонтировал обувь... Он был на все руки мастер. Твердый по характеру, он любого лодыря мог заставить работать. Про него в деревне говорили много лестного.

И вот появился Иван Иванович. По-взрослому поздоровался.

— А это зачем? — кивнул я на топор за его поясом.

— Вчера лошадь оглоблю на ходке сломала. Бригадирша просила подобрать в лесу дерево.

— Ну, ну, тогда ясно, пойдем.

Иван Иванович по-мужски неторопливо расспрашивал о войне, боях.

Во время отпуска побывал я и у своего наставника Филиппа Миновича Жукова. Он заметно сдал, но был еще полон энергии. Мое появление не явилось для него неожиданностью.

— Ждал, ждал тебя, Саша. Спасибо, родной ты мой, уважил старика.

Поблагодарил его за то, что поддержал мое стремление связать свою жизнь с партией, пойти учиться в военное училище. В ответ он, посмотрев на меня и сравнив, видимо, с тем довоенным пареньком, сказал:

— Горжусь тем, что в тебе не ошибся. Оправдал мое доверие.

Он обнял меня и по-отечески расцеловал. И поныне помню эту короткую встречу с человеком щедрого сердца. Он не искал для себя выгод в жизни, отдавал людям все, чем располагал. В глазах сельчан Филипп Минович был олицетворением идеалов нашей партии.

Истекали последние дни моего отпуска. Мама выглядела помолодевшей. На лице расправились морщинки. Но стоило заговорить об

отъезде в Москву, как она замкнулась. По ночам не раз слышал ее вздохи. Не выдерживал, подходил к ее кровати, успокаивал ее, говорил, что, как только закончу академию, будем вместе. Но мои слова мало успокаивали, своим женским чутьем она понимала, что видимся в последний раз.

Наступил день проводов. Сколько ни уговаривал маму, настояла на своем и сама сопровождала меня на железнодорожную станцию Калачинск. Сел в проходящий поезд Владивосток — Москва. Через четверо суток был в столице.

Военная академия имени М. В. Фрунзе. Большая армия командиров прошла через эту кузницу военных кадров. Особенно много командного состава в стенах этого учебного заведения получили подготовку в предвоенные тридцатые годы. Они стали во главе полков, дивизий, корпусов, развернутых как накануне, так и в ходе войны. Мы, молодые офицеры, прибывшие учиться в академию, были наслышаны о многих боевых делах, которые совершили в годы войны питомцы этого высшего учебного заведения.

Теперь предстояло нам продолжить традиции славных фрунзевцев. На курсе, которым командовал генерал-майор Панин, занимались офицеры, почти все прошедшие школу войны. У большинства был такой бант орденов, что москвичи при встречах только ахали. Тринадцать Героев Советского Союза учились со мной. Среди них Василий Безбородов, Александр Жук, Игорь Крейзер, Иван Лесик, Николай Новиков, Павел Платонов, Николай Радаев, Федор Чайка, Илья Уланов, Николай Ященко. В академии занимались трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин, дважды Герои Советского Союза В. Д. Лавриненков, А. В. Алелюхин.

Как мы ни старались, первое время не все получалось. Не могли войти в учебный ритм, выработать усидчивость. Однако со временем втянулись в учебу.

Я уже рассказывал в этой книге о своих встречах и переписке с Мариной (Полиной). В октябре 1945 года она демобилизовалась и приехала в Москву. К празднику Великого Октября мы зарегистрировали брак. И вот уже более сорока лет идем вместе по жизни.

Учеба в академии все больше и больше захватывала. Много было выездов в поле. В основном учебные «бои» вели вблизи Москвы, там, где сейчас находятся новые микрорайоны: Теплый Стан, Чертаново, Ясенево...

На полевых занятиях нередко разгорались споры, каждый из нас стремился нешаблонно подойти к решению тактической задачи. Преподавателям подчас было трудно найти оптимальное решение, вариантов, как правило, было несколько, и выбрать из них самый лучший оказывалось не так просто.

Зимой, в дни физической подготовки становились на лыжи. Занятия проходили вблизи Новодевичьего монастыря, в пойме реки Москвы, на месте нынешнего стадиона имени В. И. Ленина. Это были прекрасные дни. Прокатиться с ветерком на лыжах было мечтой.

Навыки лыжной подготовки у меня остались. Я быстро восстановил форму. Меня включили в сборную академии. На соревнованиях наша команда заняла призовое место среди высших военно-учебных заведений Москвы.

Первый курс подходил к концу. Наши помыслы были направлены на одно: как можно лучше подготовиться к экзаменам. Стали подолгу задерживаться в аудиториях, консультировались с преподавателями кафедр.

Из дома мне шли неутешительные вести о здоровье мамы, прогрессировала ее болезнь. Отвечал сестре Марии, что после экзаменов немедленно выеду. Однако возникло непредвиденное обстоятельство. Врачи не разрешали жене из-за близости родов выезжать на большое расстояние. Пошел к медикам, они объяснили, что роды могут быть через 5—6 дней.

Поскольку езды до Омска было четверо суток, решили ехать. Поезд Москва — Владивосток понес нас в Сибирь. Прибыв в Омск, от родичей узнали о смерти матери: минуло 20 дней, как ее похоронили. Мне же не сообщали, чтобы не сорвать сдачу экзаменов. Огромное горе! Мне припомнились годичной давности дни, проведенные с мамой.

Приехали в село. Встретил отец. Осунувшийся, постаревший. Обнял меня, Полину и со вздохом обронил:

— Вот она, жизнь, как обернулась. С фронта вернулся, а мать...

Отец смахнул набежавшую слезу. Всплакнула и Мария, оставшаяся главной хозяйкой в доме.

В тот же день мы посетили могилу мамы. Может быть, и дальше бы продолжались наши трудные дни, не напомни о себе на третьи сутки наш будущий ребенок. Ранним утром я увез жену в больницу. Вечером родился сын.

Прожили у отца 22 дня. На автомашине добрались до станции, затем на проходящем поезде не без трудностей прибыли в Москву. Началась жизнь, наполненная новыми хлопотами и новыми для нас обязанностями, которые приносит с собой появление ребенка. Саша стал полноправным членом семьи со всевозрастающими потребностями.

Предстояла стажировка в войсках. В течение двух дней собрался, оставил жену и сына на попечение хозяйки, у которой мы снимали комнату. Уехал. На всем пути в Германию одолевали мысли, как там Полина. Тем более что она после дороги из Сибири была нездорова. Настроение было неважное.

Но служба есть служба. По прибытии в полк заботы захватили. Хлопот было столько, что лишь ночами вспоминал о своих «москвичах». Полтора месяца прошли быстро. Часто получал письма, вести были ободряющие.

По дороге домой мысли были о скорой встрече. Прибыл, увидел на кровати крупного смеющегося малыша...

Через несколько дней начались занятия на втором курсе академии. Меня избрали секретарем партийной организации группы. Обязанностей прибавилось. Мы были поглощены новыми вопросами, проблемами, возникшими при обобщении опыта Великой Отечественной войны. Многие темы, методические разработки проверялись на нас, слушателях, прошедших войну. Хотя на фронте большинство из нас занимали небольшие должности, однако полученный боевой опыт помогал нам верно формулировать многие положения тактики и оперативного искусства.

Программа второго курса полностью была перестроена на основе фронтового опыта. Мы, признаться, были благодарны за это командованию академии. Да и сами вносили свою лепту в научную работу. Нас привлекали к написанию рефератов. С удовольствием брались за работу, хотя и требовалось перечитать солидное количество литературы, чтобы вывести закономерности развития приемов ведения боевых действий. Во время этой работы возникали дискуссии в учебных группах. Иногда они выходили и за пределы групп. К ним подключались преподаватели. Научная работа помогала нам глубже понять вопросы военной теории, разобраться со сложными понятиями военного искусства.

Овладевая военной наукой, мы понимали, что враги не оставят нас в покое. Со временем нам стали известны различные планы и замыслы тех, кто не понял уроков войны.

И вот наши испытания позади. Началось распределение: одних — в войска, других — в высшие штабы, учебные или научные учреждения. Нас предварительно вызывали на беседу, спрашивали желание. Подошла моя очередь. Перед тем как войти в кабинет, посмотрел на карту Родины. Европейская часть СССР, некоторые страны Восточной Европы мне знакомы, а Сибирь известна с детства. Оставалась Средняя Азия. Попросил кадровых работников направить меня служить туда.

— Александр Терентьевич, — встал полковник, — вашу просьбу удовлетворим. Рады, что по собственной охоте выбрали этот район. Служба, скажу вам, там нелегкая, но кует крепкие людские характеры.

Прошло некоторое время. Ежедневно приходили в академию, ожидая назначения на должность. Наконец пришел долгожданный приказ Министра Вооруженных Сил СССР [1]. Каждый из нас, кроме тех, кто был назначен в большие города, разыскивал на географической карте место своей будущей службы.

Я был назначен в войска Туркестанского военного округа. Не сразу нашел Термез, где стояла часть, в которую получил предписание. Первоначально стал искать город ближе к Ташкенту.

— Саша, Термез на юге Узбекистана, у самой афганской границы, — подсказал кто-то из выпускников.

---

[1] С марта 1953 года — Министр обороны СССР.

— Яспенько, мне, сибиряку, полезно побыть в теплых краях, косточки, так сказать, погреть.

— Давай, давай, — отозвался однокашник. — Туда двери открыты. Зато выбраться оттуда нелегко.

— Посмотрим.

В то время еще не знал, что Термез — самая жаркая точка СССР и что там мне придется служить семь лет.

Отпуск решили провести в Москве. Признаться, за годы учебы редко выпадала возможность отдохнуть, все не хватало времени. Теперь оно появилось. И мы с Полиной начали, как говорят, наверстывать упущенное. Смотрели фильмы, побывали на выставках, в театрах Большом, Малом и оперетты.

В двадцатых числах декабря с женой и малышом выехал к новому месту службы. Настроение было хорошее, все еще находился под впечатлением прошедших экзаменов, получения диплома о высшем военном образовании. И я, и Полина были молоды. Неизведанное, далекое манило нас. Самым важным и главным для нас являлось то, что мы были вместе.

Путь пролег через центр черноземья России, Поволжье, Казахстан и весь Узбекистан. Сердце радовалось богатству природы родной земли, лесам, рекам, широким просторам заснеженных полей.

Чем дальше поезд шел на юг, тем однообразней и пустынней становилась окружающая природа. Белый саван виднелся до самого горизонта. Порой его однообразие нарушали караваны верблюдов. Проезжали их — и вновь за окном вагона прежняя унылая картина.

Ближе к Ташкенту пейзаж стал меняться. Началось предгорье, а вместе с ним появились деревья. Словно и не было безбрежной и пустынной степи.

Столица Узбекистана нас поразила преобладанием одноэтажных саманных домов, разноязычным говором, красочной одеждой узбеков. Тридцать минут стоянки поезда — и мы снова в пути. Мимо проносятся населенные пункты, арыки, капалы с бегущей водой, хлопковые поля.

Но вот начались серые Коганские и Каршинские степи. Унылая картина. Землю здесь тогда не могли использовать из-за отсутствия влаги. Но пройдут годы, сюда проведут воду, и на этих обширных просторах зацветут сады, будет выращиваться хлопок. И край несказанно преобразится.

У станции Керкичи появились первые признаки пустыни Каракумы. Железная дорога повернула на восток и пошла вдоль Амударьи. Многоводная, своенравная река — основное водное богатство здешних мест. Без этой водной артерии превратились бы в пустыню тысячи гектаров прекрасных земель.

На исходе дня мы подъехали к Термезу — конечному пункту назначения. Стояла необычно холодная для этих мест погода — около двадцати градусов мороза. Старожилы говорили: такое бывает здесь в сотни лет раз. Пришлось переодеваться в теплую одежду. На попутной автомашине доехали до гарнизонной гостиницы.

Термез — центр Сурхандарьинской области, расположен на правом берегу Амударьи при впадении в нее Сурхандарьи. В восьми километрах находится старый город. По преданию, его разрушил Александр Македонский. Город в 1936 году объявлен государственным археологическим заповедником.

Новый Термез, если можно так назвать казармы красного кирпича дореволюционной кладки, — бывшая крепость, построенная в прошлом веке как опорный пункт на границе России. Строения и поныне хорошо сохранились. В казармах размещены войска гарнизона. Рядом небольшой, в основном одноэтажный, город. По обочинам проезжей части улиц — арыки, по ним пропускалась вода.

На следующий день представился своим начальникам. Приступил к знакомству с должностью. До этого моя служба сложилась так, что штабной работой занимался лишь в сорок третьем, когда временно был прикомандирован к оперативному отделению штаба дивизии. Дальше служба прошла на командных должностях. А здесь сразу же пришлось заниматься разработкой различных штабных документов. С некоторыми из них мне раньше сталкиваться не приходилось.

Помню, с группой офицеров мне поручили провести проверку подразделений. Добросовестно выполнили задачу. Сел я за проект приказа. Оказалось, не так-то просто подготовить его. Помогли опытные офицеры.

Словом, академия на все случаи знаний не дает. Нужно было учиться у жизни. Это я хорошо осознал с первых дней службы в части. Постепенно, как говорят, все становилось на свои места.

Хорошим подспорьем для меня послужил опыт начальников, офицеров штаба. Присматривался, как они работают, впитывал все положительное из их практики.

В войсках на нас, выпускников академий, командиры и товарищи по службе смотрели с уважением. Это и понятно. Мы имели самые свежие военные знания, новые взгляды на ведение боя. Для старших начальников были хорошими помощниками, своего рода «справочниками» по многим вопросам.

В заботах не заметил, как пришла весна. В феврале в розовый цвет оделись урюк, миндаль, в белый — яблони и груши. Для нас, северян, быстрое обновление природы было неожиданным. К концу месяца температура поднялась до 20—25° выше нуля.

В марте уже ходили в летней форме. Дожди выпадали редко. Погода благоприятствовала полевой выучке личного состава. Старались в полной мере использовать это время года для проведения тактических занятий и учений.

К маю интенсивность полевых занятий снизилась: наступила жара свыше 40 градусов. А летом температура воздуха в тени здесь достигает 50 градусов, а иногда и больше. Установили особый распорядок дня. Занятия начинали раньше и кончали их поздно вечером, а в середине дня отводилось время для отдыха.

Закаляли воинов физически, проводили с ними разъяснительную работу. Учили соблюдать питьевой режим. Нелегкое это дело. Нужно иметь сильный характер, чтобы в палящий зной не потянуться к фляге.

Южная часть Узбекистана и Туркмении подвержена воздействию пыльных бурь, называемых по-местному афганцами. Песчаная гроза надвигается со стороны Афганистана. При ее подходе становится безветренно. Но вот туча закрывает горизонт. Наступает полумрак. В мгновение ока на округу обрушивается ветер, скорость которого достигает свыше двадцати метров в секунду. Он валит деревья, опрокидывает легкие строения. Однако главная опасность — лессовая пыль, которая пронизывает одежду, просачивается в помещения, как бы ни были плотно закрыты окна и двери.

Афганец бывает один-два раза в квартал. Длится, как правило, от одних до трех суток. После бури в квартире лежит пыль в сантиметр и более толщиной. Летом после афганца дня три стоит относительно прохладная погода. Когда жара становится невыносимой, люди даже ждут бури, которая должна принести с собой временную прохладу.

Трудно бывает людям, которые оказываются во время пыльной бури в пустыне. Помню, как в один из июльских дней она застигла нашу штабную колонну километрах в двухстах от гарнизона. Солнце померкло в серо-грязной пелене. Стало темно. Двигатели машин замолкли. Свист ветра да барабанный бой по стеклам крупных зерен песка слились в сплошной гул. Пыль забила носоглотку, лезла в глаза. Люди зачихали. Водитель с тревогой посмотрел на начальника штаба.

— Ничего, Вася, успокойся, — сказал тот. — Скоро пройдет афганец. Он захватил нас крылом. Часа на три, больше не протянет.

Полковник окинул нас взглядом и, качая головой, улыбнулся.

— Ну и видок у вас! И так хмурые, да еще чуть ли не на вершок пыли на лицах...

Ветер бушевал два с лишним часа. И так же быстро, как и начался, стих. Мы вышли из штабного автобуса. Местность не узнать. Где раньше были песчаные холмы, зияли лощины. Колеса машин оказались засыпанными по самые оси.

— Ого! — невольно вырвалось у меня.

— Удивляешься, Александр Терентьевич? — положил мне на плечо руку начальник штаба. — Стихия пустыни. Песчаная буря пострашней ваших сибирских. Там можно хоть как-то укрыться. Здесь намного трудней. Недавно книгу о Средней Азии читал: пустыня погребла в своем чреве не одну экспедицию.

Квартиру мы получили в двухэтажном доме. В основном в нем жили офицеры. Семьи молодые, было много детей. Мальчишки и девчонки не потеряли еще прошлогодний загар, и наш малыш выделялся среди них белизной тела. Но продолжалось это недолго. Вскоре он «догнал» сверстников и стал загорелым, как все.

Офицерские семьи жили дружно. Отдаленность от родных мест сплачивала людей. Заботы одного становились заботами всех, ра-

дость и горе делили поровну. В такой атмосфере проходила служба в отдаленном гарнизоне. В понятие «отдаленный» мы вкладывали иной смысл, чем это иногда бывает теперь. Сейчас некоторые службу несут в 100 километрах от Москвы и числят себя в «отдаленном» гарнизоне.

В мае 1950 года у нас родился второй сын — Юрий. А в июне я получил отпуск. Решили с Полиной Дмитриевной провести его на месте: длинный путь мог сказаться на здоровье малыша. Хотя и здесь температура воздуха уже доходила до 40 градусов.

Привыкший не сидеть без дела, я и здесь нашел себе занятие: решил провести водопровод к дому. Ближайшая точка, откуда можно было взять воду, была в трех километрах. С помощью местной КЭЧ и военной комендатуры удалось осуществить замысел. Не прошло и месяца, как из колонки во дворе нашего дома побежала вода. Сколько было радости у взрослых, но особенно у детворы! Мальчишки и девчонки плескались в прохладной воде, искрящейся на солнце всеми цветами радуги.

В 1952 году после осенних итоговых учений под руководством командующего войсками округа генерал-полковника А. И. Радзиевского был получен приказ отобрать автомашины различной проходимости и преодолеть Каракумы с запада на восток. Расстояние свыше 600 километров, на первый взгляд, не так уж и велико. Но ведь это пустыня — сыпучие пески.

Тронулись в путь. С первых десятков километров пустыня дала себя знать. Воздух обжигал лица, пыль разъедала глаза, перегревались двигатели машин. Бывали дни, в течение которых мы проходили всего несколько десятков километров, но были и такие, когда мы вырывались на такыр и преодолевали свыше полутора сотен и больше.

Этот марш запомнился мне надолго. Не буду подробно описывать его. Отмечу лишь одно: когда вышли на восточную окраину Каракумов, обмундирование пришло в негодность. Мы и представить не могли, что нам не хватит одной пары брюк и гимнастерок. Выдержали люди и вверенная нам техника.

С особой благодарностью вспоминаю поведение нашего командира К. Ф. Майорова. В тяжелейших условиях, а были и критические моменты, он показывал образец стойкости, уверенности в успехе выполнения поставленной задачи. Наша небольшая группа брала пример с него.

Константин Федорович Майоров, ныне генерал-лейтенант в отставке, — человек неуемной энергии. Его авторитет основывался на большом жизненном опыте, знаниях, твердости, решительности в достижении цели. Он стремился развить у подчиненных организаторские способности, творческую активность, инициативу. По характеру спокойный, он изыскивал новые приемы и способы организации и проведения занятий, учений, совершенствования методического мастерства.

Константин Федорович личным примером показывал, как нуж-

но метко стрелять, водить боевые машины, выполнять упражнения на спортивных снарядах. Он вносил в практику обучения прогрессивные методы, требовал от командного и политического состава расширения оперативно-тактического кругозора, совершенствования навыков их деятельности в напряженной динамичной обстановке.

Особое внимание уделял углублению наших теоретических знаний. Постоянно требовал серьезного изучения опыта войны, воинских уставов и наставлений. Мне приходилось с ним встречаться часто. После решения служебных вопросов Константин Федорович обычно переходил к рассмотрению того или иного теоретического вопроса. «Как думаешь, Александр Терентьевич, — спрашивал он, — почему для нас установлен именно такой фронт наступления?» — и называл цифры.

Начинался обстоятельный разговор с использованием уставов, наставлений, других руководящих документов. В следующий раз заводил разговор о существующих нормах плотности артиллерийских стволов на один километр фронта и требовал обоснований. Словом, добрым наставником он был для всех нас.

Подошел 1955 год. В мае командующий войсками округа Герой Советского Союза генерал армии А. А. Лучинский проверял часть за зимний период обучения. Экзамен выдержали хорошо. После подведения итогов он пригласил меня и предложил поехать на учебу в академию Генерального штаба. Не скрою, обрадовался предложению. Мечтой каждого офицера является это учебное заведение. Подал рапорт для поступления.

Незаметно пролетело лето. В ноябре пришел вызов. Начались сборы.

Прошло семь лет моей службы в Средней Азии. С большим удовлетворением вспоминаю эти годы командирского становления. Они были насыщены интересными событиями. Приехал майором, а уезжал полковником.

У меня осталось хорошее впечатление от общения с местным населением, партийными и советскими руководителями. Я лучше познал трудолюбивый узбекский народ, его доброту и сердечность.

Когда продолжительное время живешь на одном месте, особенно не замечаешь перемен, происходящих вокруг тебя. Воспринимаешь все как само собой разумеющееся. Но вот что-то меняется в твоей жизни, и сразу как-то по-особому начинаешь воспринимать окружающее.

В годы пребывания в Средней Азии большие изменения происходили в этом крае. Расширялись посевные площади хлопчатника за счет решения главной проблемы — воды. Обновлялся лик городов и кишлаков. Вернувшиеся с фронта солдаты в полную силу брались за дело. Работали, как говорится, до седьмого пота, за себя и за тех парней, что остались лежать на полях сражений...

...Академия Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова. В ее стенах учились наши прославленные полководцы и военачальники

А. М. Василевский, А. И. Антонов, И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, М. В. Захаров, В. В. Курасов, М. И. Казаков и другие.

Заниматься в учебном заведении такого ранга — честь, оказанная офицеру. Так я и воспринял свое утверждение ее слушателем.

Большинство прибывших в академию знали друг друга по совместной службе или учебе. С первых же дней в учебных группах сложилась деловая атмосфера. Вместе со мной были офицеры и генералы, прошедшие школу Великой Отечественной войны, практику в войсках или штабах, учебу в одной из академий Вооруженных Сил.

Профессорско-преподавательский состав академии, умудренный опытом и знаниями, оказывал нам помощь и всяческое содействие.

На первом курсе мы слушали лекции, участвовали в семинарских занятиях, вели научную работу, выезжали в поле, где обогащали наши теоретические знания практикой. Но особенно много пришлось потрудиться при подготовке к годовым экзаменам. Перечитали гору различных трудов по стратегии и оперативному искусству, другим дисциплинам.

Второй курс академии — завершающий. Помимо занятий по расписанию много времени проводили в библиотеках.

Но вот экзамены позади. После празднования 40-й годовщины Великого Октября состоялся приказ о назначениях. Я получил назначение в Краснознаменный Белорусский военный округ на командную должность.

В начале января 1958 года убыл к новому месту службы. Сбывалась давняя наша с Полиной Дмитриевной мечта — побывать в тех местах, где прошли фронтовыми дорогами, ощутить всю прелесть белорусской земли, вдохнуть аромат ее лесов и полей. Мы хорошо знали, что в годы суровых испытаний жители Белоруссии отдавали все во имя победы над врагом: последний кусок хлеба, а если требовалось, то и свою жизнь.

Несколько месяцев я проработал заместителем командира одной из дивизий. И вдруг неожиданный вызов на беседу к командующему войсками округа Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко.

По пути в Минск волновался. Зачем вызывают?

Приехал в штаб округа. Беседа состоялась в тот же день. Семен Константинович приветливо встретил меня, окинул внимательным взглядом. Вдруг он чему-то улыбнулся и обернулся к представлявшему меня начальнику управления кадров округа.

— Смотри, какая чудесная грамотная молодежь идет к нам. Выпускник академии Генерального штаба. Фронтовик, Герой Советского Союза. Знаний достаточно, энергии хоть отбавляй, желания развернуться в полную силу много. Верно говорю?

Я, естественно, промолчал, а он медленно полистал личное дело.

— Да и прохождение службы хорошее. Как, Александр Терентьевич, смотришь на то, чтобы назначить тебя командиром дивизии? Военный совет округа решил рекомендовать тебя на эту должность.

Я поблагодарил командующего и заверил его, что сделаю все, чтобы оправдать высокое доверие.

Семен Константинович подробно, со знанием дела, рассказал мне о моих конкретных обязанностях.

— Всегда помни, Александр Терентьевич, народную поговорку: командир всему голова.

На всю жизнь врезались мне в память его слова о необходимости глубоко изучать природу и характер войны, операции и боя, хорошо знать свои войска и войска противника, их сильные и слабые стороны, все многообразие оружия и боевой техники, которое может быть применено в бою.

— Ты вот участник войны, — продолжал Семен Константинович, — и хорошо знаешь, насколько важно учить командиров уметь предпринимать такие действия, которые ставили бы противника в невыгодное положение и обеспечивали бы достижение победы с наименьшими потерями для своих войск. Поэтому особое внимание обращай на изыскание новых приемов и способов организации и проведения занятий и учений, совершенствование методического мастерства офицеров.

Семен Константинович поднял на меня взгляд.

— И еще один совет хочу дать: будь поближе к людям, и не только к офицерам, но и к солдатам.

В конце беседы, а она продолжалась минут сорок, он с теплотой в голосе спросил:

— Нет ли вопросов?

— Нет, товарищ командующий.

— Тогда желаю тебе, Александр Терентьевич, больших успехов. Жду добрых вестей. — И он тепло пожал мне руку.

Так стал я командиром гвардейской мотострелковой Рогачевской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова дивизии имени Верховного Совета БССР, сформированной на базе Омского военного училища. Того самого, где началась моя военная биография.

Армейские будни были до предела заполнены. Работа требовала большого напряжения моральных и физических сил. Скажу без преувеличения, гордился тем, что дивизии доверяли проведение различного рода показных занятий, учений. Наши учебные поля, военные городки были лучшими в округе. К нам ездили за опытом. Однако и сами не упускали случая перенять хорошее у соседей. Проводили даже специальные рейды по поиску передовых методов обучения и воспитания личного состава, подготовки учебно-материальной базы.

В частях дивизии нарастала борьба за эффективность каждого занятия, безусловное и качественное выполнение учебных планов и программ, за дальнейшее повышение боевого мастерства.

Личный состав успешно выполнял поставленные перед ним задачи и свои социалистические обязательства. Сделан был шаг вперед в совершенствовании полевой выучки, тактико-огневой подготовки. Я постоянно следил за тем, чтобы офицеры изучали и творчески использовали фронтовой опыт.

Особенно радовали меня успехи гвардейского мотострелкового полка, которым командовал офицер А. М. Матвеенко. В этой части благодаря хорошо продуманному планированию, предметной организаторской и партийно-политической работе командно-политического состава в комплексе успешно решались задачи тактико-огневой, военно-технической, специальной подготовки и боевого слаживания подразделений и полка в целом, идейной, морально-политической, психологической и физической закалки воинов.

Большую помощь оказывало нам руководство округа. Особенно командующий войсками, Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Часто наезжали к нам генералы Г. И. Арика, А. С. Бурдейный, Н. А. Начинкин, В. А. Греков.

Семен Константинович глубоко вникал в повседневную жизнь войск, сосредоточивая наши усилия на выполнении планов боевой и политической подготовки, на том, чтобы весь процесс подготовки войск соответствовал реальным требованиям современной войны.

Командующий войсками округа обращал наше внимание на то, что воспитание мужества и стойкости может быть достигнуто лишь в условиях, максимально приближенных к боевым. Руководствуясь его указаниями, в процессе боевой подготовки мы добивались, чтобы все воины в максимально возможной степени испытали те трудности, с которыми им придется столкнуться в реальном бою.

Особую заботу маршал проявлял об обучении и воспитании командных кадров, о привитии им умения руководить частями, подразделениями. На служебных совещаниях, во время личных встреч с офицерами и генералами он подчеркивал, что организаторские способности командиров, политработников нужно развивать в ходе боевой и политической подготовки, учить их умению осуществлять твердое, непрерывное управление войсками в любых условиях боевой обстановки.

Семен Константинович ценил солдатский труд. Помню такой эпизод. Как-то он приехал к нам. Доложил ему по всей форме.

— В штаб поедем позже, комдив, — сказал командующий. — Сейчас покажи, что сделали после моего последнего посещения.

Едем в машине мимо танкового парка. Из ворот выходит танкист в рабочем комбинезоне не первой свежести. Ну, думаю, сейчас будет буря, и как бы в подтверждение этого маршал приказал остановить машину. Солдат, увидев нас, замер по стойке «смирно».

— Ну как, сынок, дела? — открыл дверцу С. К. Тимошенко.— Чем занимаешься?

— Танк готовим, товарищ Маршал Советского Союза! Ночью выезжаем на полигон.

— Уверены в машине?

— Так точно! Техника не подведет.

— Вы кто по должности?

— Механик-водитель, товарищ Маршал Советского Союза!

— Так, хорошо. Классную квалификацию имеешь?

— Так точно, первый класс! Рапорт напишу с просьбой остаться на сверхсрочную.

Семен Константинович вышел из машины и обнял смущенного парня:

— Спасибо за службу. Правильно мыслишь. Почетное это дело — Родину охранять.

Он крепко пожал воину руку, пожелал ему здоровья, успехов в ратном труде. Довольный встречей, обращаясь ко мне, сказал:

— Хорошие ребята служат у тебя, комдив, чувствуется, сердцем к армии приросли.

С благодарностью и уважением вспоминаю члена Военного совета — начальника политического управления округа генерал-полковника Николая Александровича Начинкина. Это был требовательный и душевный человек. Глубокое знание военного дела, широкий оперативный кругозор, твердость воли, настойчивость, богатый опыт, высокие организаторские способности, умение работать с людьми, отзывчивость, близость к солдату и офицеру снискали ему глубокое уважение и признательность в войсках округа.

Как известно, в жизни командира бывают и радость успехов, и горечь неудач. Но всегда, в любой обстановке я чувствовал товарищескую поддержку Николая Александровича, его дружеское плечо. За это был ему признателен.

В феврале 1960 года я получил воинское звание генерал-майора. Это большое событие в жизни офицера. Генеральское звание в армии и народе окружено почетом. Получивший его испытывает гордость, старается делом, каждым своим шагом оправдать высокую честь. Я стал еще взыскательнее относиться к себе и подчиненным. Старшие начальники видели старание, оказывали всяческую помощь. Поддерживали меня и подчиненные.

Мне в службе везло. Как говорят, судьба, а скорее воля моих начальников, сводила меня с хорошими людьми. Не помню, чтобы у меня не сложились служебные отношения с подчиненными, как и с моими непосредственными начальниками. Дивизия из года в год добивалась высоких показателей в боевой и политической подготовке.

Народная мудрость гласит: по труду и честь. За годы службы в войсках Краснознаменного Белорусского военного округа меня не раз отмечали благодарностями, ценными подарками. Предложили новую, более высокую должность.

С грустью покидал рогачевцев. Сколько вместе было пройдено дорог, проведено учебных боев, пролито пота! Это было для меня прекрасной школой. Прощай, Белоруссия!

Прибыл в войска Краснознаменного Прибалтийского военного округа. Первое время на новом месте всегда бывает сложно. Хорошо по этому поводу сказал писатель: «Новому командиру или начальнику сразу возвыситься над должностью, стать ее живой плотью, стать мозговым центром для всех окружающих и с пониманием своей ответственности, без промедления начать делать дело с вызывающей уважение естественностью — на это не у каждого хва-

тает уверенности...» Нам, командирам, начальникам, это хорошо понятно. Все в той или иной мере испытали на себе сложности вхождения в должность. Порою бывает так: проходит месяц, другой, а ты чувствуешь, что в новой роли чего-то тебе недостает. Начинаешь искать и постепенно находишь это недостающее звено.

Войсками округа командовал в те годы дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Иосиф Ираклиевич Гусаковский. Все четыре года Великой Отечественной войны он провел на фронте, с осени 1943 года командовал гвардейской танковой бригадой, участвовал в штурме Берлина. В 1968 году ему было присвоено звание генерала армии.

Иосиф Ираклиевич был требовательным и заботливым начальником. Он рекомендовал нам полнее учитывать при обучении и воспитании воинов не только фронтовой опыт, но и опыт послевоенного развития военного дела как у нас в стране, так и в стане наших вероятных противников. Он постоянно подчеркивал необходимость поддержания боевой готовности войск.

Меня поражали неиссякаемая энергия и трудолюбие Иосифа Ираклиевича. Он был прекрасным организатором. Мастерски мог выполнить задачу за любого командира ниже по должности. Прирожденный танкист. Был непревзойденным мастером организации огневой выучки танкистов и вождения боевых машин.

Как-то в беседе на полигоне Иосиф Ираклиевич признался:

— Танки и люди до войны, танки и люди в войну. Они же и после войны. Даже во сне вижу себя с ними.

Иосиф Ираклиевич Гусаковский был непримирим к устаревшим формам и методам обучения и воспитания личного состава. Он учил командиров сосредоточивать свои усилия на творческом изыскании новых возможностей и резервов для повышения боевой готовности войск.

Говоря о службе в Прибалтике, нельзя не вспомнить члена Военного совета — начальника политического управления округа генерал-полковника П. А. Горчакова. Это был неуемной энергии человек. Характерным в его деятельности являлось умение не только быстро решать многочисленные вопросы партийно-политической работы, но и работать на перспективу, глубоко и творчески осмысливать процессы армейской жизни, своевременно выдвигать перед политорганами и партийными организациями новые проблемы, обобщать и распространять передовой опыт, обогащать актив новыми, свежими мыслями.

У нас сложились хорошие взаимоотношения с местными партийными и советскими органами. Они уделяли постоянное внимание нашим проблемам, нуждам и потребностям. В свою очередь мы оказывали местным товарищам помощь в военно-патриотическом воспитании молодежи.

С большим удовлетворением вспоминаю отряд, созданный в одной из школ, который ребята назвали гвардейским. Отрядом руководил энергичный парнишка Слава. Недавно узнал, что он сейчас

директор школы-интерната, прекрасный организатор и воспитатель молодежи.

В отряде был заведен порядок: каждый месяц в течение 30—40 минут в торжественной обстановке отдавался рапорт об итогах учебы и проделанной работе. Радостно светились глаза детей, когда, подтянутые, одетые в парадную форму, они с гордостью рассказывали, что лучше стали учиться, более интересней и разнообразней стал их досуг.

В 1963 году в командование войсками Прибалтийского военного округа вступил Герой Советского Союза генерал-полковник Г. И. Хетагуров, или, как его вскоре прозвали, «полевой генерал». Мы видели его чаще всего на полигоне, нежели в штабах, городках и гарнизонах. На одном из первых совещаний с руководящим составом он заявил: «Опыт учит: для подготовки войск необходимо создавать такие условия, в которых они окажутся в бою. А где это можно сделать? Конечно же в поле!»

Командующий войсками обращал наше внимание на проведение учений на различной по характеру местности. Именно на них оттачивается боевое мастерство, обретаются твердые навыки и умение воинов вести активные боевые действия, совершенствуется мастерство офицеров по управлению войсками. Он требовал не опекать командиров при выполнении учебно-боевых задач, а поощрять их самостоятельность и инициативу.

Генерал-полковник Г. И. Хетагуров был ярым противником упрощенчества и шаблона в учебном процессе, требовал от всех нас инициативы, творчества. Помню, как-то он приехал в одну из частей. Шла подготовка к учениям.

Георгий Иванович приказал собрать офицерский состав.

— Чтобы успешно решить предстоящую задачу, — отметил он,— необходимо всем в поле действовать активно, решительно. Нужно искать противника, упреждать его в развертывании, с первых же минут боя обрушить на него всю свою огневую мощь, навязывать ему свою волю.

Работать с Георгием Ивановичем было легко. Он глубоко понимал трудности и проблемы, связанные с поддержанием постоянной боевой готовности войск, всячески одобрял инициативу, направленную на совершенствование учебного процесса. Придет, бывало, в часть — идет широким шагом, козырек фуражки поднят. Все знают, у командующего хорошее настроение. Смотришь, и люди улыбаются, и настрой боевой — дело спорится.

По службе в Прибалтике добрым словом хотелось бы вспомнить адмирала В. В. Михайлина, генерал-полковника Х. М. Амбаряна, генерал-лейтенанта Н. Н. Олешева, генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика, генерал-майора Д. Т. Сорокина. К сожалению, не могу рассказать о всех офицерах, генералах и адмиралах, с которыми сводила меня судьба за более чем пять лет службы в ПрибВО, хотя они этого достойны. Это были подготовленные, трудолюбивые командиры и политработники.

Как сейчас помню энергичного, волевого командира танкового батальона подполковника Бетехтина. Его имя частенько появлялось на страницах нашей окружной газеты «За Родину». То батальон станет инициатором соревнования за поражение целей с первого выстрела или почина «За полную взаимозаменяемость в экипаже», то сам командир обменяется опытом подготовки занятий. Словом, это был инициативный, энергичный офицер. Таким мы давали широкую дорогу в службе. Ныне Анатолий Владимирович Бетехтин генерал-полковник, командующий войсками ПрибВО.

В первых числах июня 1968 года меня назначили командующим войсками Северо-Кавказского военного округа. В поезде от Москвы до Ростова одолевали беспокойные мысли. Ехал в округ, где должен был сменить дважды Героя Советского Союза генерала армии И. А. Плиева. В годы войны он командовал кавалерийской дивизией, корпусом, конно-механизированным объединением.

Исса Александрович имел колоссальный боевой опыт, командовал округом свыше десяти лет. В голову навязчиво лезли мысли: «Смогу ли достойно заменить его, завоевать авторитет, добиться деловых взаимоотношений в коллективе?»

Прибыл в штаб округа. Исса Александрович Плиев тепло принял меня. Не скрою, в ходе беседы с ним хотелось максимально узнать, какими рычагами и как он воздействует на сложный окружной механизм.

После ознакомления с войсками и бесед с начальниками управлений и отделов, офицерами штаба стало ясно, какие вопросы являются неотложными, а какие требуют решения в перспективе.

В августе состоялись окружные учения. В ходе их ближе узнал подчиненных, глубже познакомился с проблемами подготовки войск округа. Мне импонировала работа товарищей А. П. Дмитриева, С. Т. Артюшенко, П. А. Чунчузова, М. П. Одинцова, В. С. Гусева, П. С. Бимбаша, М. Д. Токарева, А. А. Рыжкова, И. Г. Вечкутова. Знающие, напористые в работе люди. Особенно понравился мне оперативным мышлением полковник Н. Г. Ганоцкий.

Прошло несколько месяцев. Опасения, возникшие у меня при назначении на должность, рассеялись. Сложились хорошие взаимоотношения с товарищами по службе. Работа вызывала моральное удовлетворение.

Северо-Кавказский военный округ по своему географическому положению обладает разнообразными природными условиями. На юге его расположены субтропики, на севере — центрально-черноземная полоса России, с запада и востока омывается Черным морем и Каспийским. Территория округа охватывает два края, три области и пять автономных республик. Это требовало от нас знания многочисленных национальных особенностей, традиций, истории народов Северного Кавказа. Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что СКВО — самый многонациональный округ по составу населения.

Вспоминается мне случай, который произошел в ходе учения на территории Чечено-Ингушетии. В районе действий войск неизвестно каким образом оказался мальчик-чеченец. Он случайно погиб во время взрыва имитационного заряда. Все мы были очень расстроены, огорчены.

Надо было ехать к родителям мальчика. Представитель штаба округа прибыл в селение, когда у дома погибшего собрались сотни людей. У гроба кроме родных находилась группа старейшин. Генерал выразил соболезнование родителям мальчика, сказал, что виновные будут строго наказаны.

Окружающие молчали. Но вот поднялись старики и начали о чем-то говорить между собой. Потом все смолкли. Седобородый старик встал рядом с представителем штаба округа и сказал:

— Русский генерал прибыл, чтобы вместе с нами разделить большое горе. Это наш брат, как и весь русский народ. Мы знаем, что беда, которая обрушилась на нас, — не результат злого умысла, а нелепая случайность. Поэтому мы просим вас, — старик обернулся к генералу, — никого из командиров не наказывать. То, что вы с нами в этот скорбный час, говорит о нашей великой вечной дружбе.

Политическим управлением округа была издана книга об истории народов Северного Кавказа. В ней обращалось внимание на воспитание у воинов округа чувства интернационализма, дружбы, уважения к национальным традициям каждого народа.

Памятным событием для меня было избрание депутатом Верховного Совета СССР от одного из избирательных округов Чечено-Ингушской АССР. Дел прибавилось. Однако это не отражалось на выполнении служебных обязанностей. Трудился с большим желанием и энтузиазмом. Мои усилия были сосредоточены на поддержании боевой готовности войск округа, глубоком освоении личным составом оружия и техники, овладении наиболее эффективными способами их боевого применения. В эти годы многие воинские коллективы включились в социалистическое соревнование за отличные подразделения и части, передовые соединения, за дальнейшее сокращение сроков приведения их в боевую готовность.

Командиры, политработники, офицеры штабов, партийные и комсомольские организации мобилизовали и воодушевляли людей на ревностный ратный труд, хорошо организовывали учебно-воспитательный процесс, соревнование по задачам и нормативам, что позволяло с максимальной результативностью использовать каждый учебный день и час для совершенствования боевого мастерства личного состава.

Хорошо было поставлено дело в учебной части, которой командовал офицер И. И. Гугулашвили. Его отличали высокая идейность, требовательность, принципиальность, безупречная честность, отзывчивость, справедливость.

Много внимания он уделял совершенствованию учебно-материальной базы. Каждый раз, когда я посещал часть, командир показывал мне что-нибудь новое.

— Ну, чем порадуете сегодня, Иосиф Иосифович? — спрашивал я, бывало.

— Есть, товарищ командующий, кое-что новое, сделанное руками наших солдатских умельцев.

И начинал показывать мне прекрасный класс горячей регулировки двигателей, электрифицированный класс правил уличного движения, автоматическую справочную установку по правилам уличного движения, учебный пункт технического обслуживания автомобилей и многое другое.

Меня всегда радовала взыскательная оценка результатов ратного труда и социалистического соревнования в этой части, настойчивый поиск резервов и возможностей для повышения качества боевой учебы, организованности, порядка и дисциплины.

Много внимания уделялось в части пропаганде героических подвигов советских воинов в годы Великой Отечественной войны. В городке был создан прекрасный памятник фронтовикам, погибшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Как один из лучших памятников героям минувшей войны, он был взят на учет Министерством культуры Чечено-Ингушской АССР.

Серьезным испытанием для войск округа явилось их участие в маневрах «Двина», проходивших под руководством Министра обороны СССР на территории Белоруссии.

Особенность маневров состояла в том, что они проводились в канун двух больших и светлых праздников — 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина и 25-летия Победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Маневры «Двина» были рапортом нашей армии советскому народу о готовности Вооруженных Сил выполнить любое задание Родины по защите ее безопасности.

От ранее проведенных учений, в том числе и таких, как «Днепр» и «Неман», они отличались большей сложностью решаемых войсками задач. Впервые за послевоенное время · большим массам войск пришлось действовать в тяжелых зимних условиях, при глубоком снежном покрове, на незнакомой и труднопроходимой местности, изобилующей болотами, реками и озерами.

Боевым действиям, с учетом совершаемых войсками перегруппировок, придавался огромный пространственный размах. Для войск и штабов создавалась очень поучительная, отличающаяся большой остротой и динамичностью оперативная обстановка, в которой должны были противоборствовать «северная» и «южная» стороны.

В первых числах марта части округа приступили к выдвижению в указанные им районы. Привлекаемым к маневрам войскам пришлось преодолеть расстояния в несколько тысяч километров различными способами: по железной дороге и воздушным транспортом Переброска войск по воздуху из некоторых наших гарнизонов осуществлялась на самолетах «Антей».

История прошлых войн знает немало подобных операций. В частности, во время подготовки к контрнаступлению под Сталинградом сотни советских транспортных самолетов и переоборудованных для этой цели бомбардировщиков перебрасывали солдат и оружие к осажденному городу. Трудно переоценить значение воздушных мостов в современном высокоманевренном бою.

Однако дело это не простое. Нужно все продумать, все предусмотреть. Ведь части высадятся за тысячи километров от мест своей дислокации, на местности, знакомой лишь по картам. Возможно, сразу же вступят в «бой». Не одни сутки штаб округа разрабатывал соответствующие документы. Затем началось их уточнение, утряска различных вопросов. Большую помощь мне оказали Петр Антонович Чунчузов, Сергей Тарасович Артюшенко, Николай Григорьевич Ганоцкий, Василий Сергеевич Гусев. Много и плодотворно в эти дни потрудился член Военного совета — начальник политического управления округа генерал-лейтенант В. Т. Дементьев. Особенно хочется отметить работу командующего ВВС округа, дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Михаила Петровича Одинцова. Опытный авиатор умело организовал переброску войск по воздуху.

Согласно поданным нами заявкам, транспортные самолеты прибыли в район расположения мотострелков и ракетчиков. Погрузка людей и техники производилась ночью, при свете автомобильных фар и внутренних прожекторов лайнеров. Вскоре один за другим самолеты поднялись в небо. Воздушный мост начал функционировать.

Передислокация прошла организованно. Белоруссия встретила нас низкой облачностью и мокрым снегом. На капризы природы обижаться было некогда. Приступили к работе. Нужно было многое успеть. С полной отдачей сил трудились работники штаба. Тем временем войска, соблюдая маскировку, занимали указанные районы.

11 марта на наши позиции обрушился удар артиллерии и авиации. Огненные смерчи плясали на переднем крае. Артиллеристы и летчики «противника» упорно нащупывали наши КП и НП и стремились уничтожить их в первую очередь.

Однако мы были неплохо подготовлены к «бою». На удары «северных» отвечали сосредоточенным огнем. Танки и противотанковые орудия, ПТУРСы, маневрируя огнем, стремились уничтожить противотанковые и противопехотные средства «противника».

После очередного огневого налета подразделения «северных» вышли на рубеж атаки и устремились вперед. Через некоторое время начали поступать доклады о вклинении «противника» в нашу оборону.

Обстановка часто и резко изменялась, и тем, кто руководил войсками, приходилось проявлять гибкость, изобретательность и непреклонность в достижении поставленной цели. У кого эти качества проявлялись в большей мере на том или ином этапе «боя», тот оказывался в выигрыше, добивался более значительных успехов.

В критической обстановке соединения «южных» предприняли контратаки силами своего второго эшелона, стремясь во что бы то ни стало восстановить положение. Удар был нацелен во фланг наступающим, под самое основание клина, вбитого в оборону. Двинулись танки и бронетранспортеры, поддерживаемые сосредоточенным огнем артиллерии и минометов, ударами авиации. Завязались упорные «бои».

Утром 12 марта «противник» начал выброску десанта в нашем тылу. Нами был предусмотрен этот вариант боевых действий. Меня соединили с полковником Б. С. Симаковым, командиром мотострелковой Краснодарской Краснознаменной, орденов Кутузова и Красной Звезды дивизии имени Верховного Совета Грузинской ССР, находящейся во втором эшелоне.

Эта дивизия — одна из старейших в Советских Вооруженных Силах. Она сформирована в 1918 году. Осенью и зимой 1919 года дивизия геройски сражалась с войсками Деникина под Ростовом и Новороссийском. В 1920 году она успешно вела бои против Врангеля. На фронтах Великой Отечественной войны умножила свою боевую славу. В канун 50-летия Великого Октября дивизия была награждена Памятным знаменем ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

— Готов к встрече «гостей»? — спрашиваю полковника Симакова.

— Так точно! — отвечает тот. — Уже засечен район высадки десанта.

— Тогда добро. К тебе вылетел вертолет с офицером связи. Ознакомься с задачей — и в «бой». Время не ждет!

Дивизия приступила к выполнению задачи. Быстро изготовились к бою ракетчики под командованием офицера И. Петрова. Своевременно заняли и оборудовали огневые позиции артиллеристы подполковника Н. Волкова. По сигналу «Гром» по «противнику» был нанесен массированный ракетно-артиллерийский удар. Под прикрытием артиллерийского огня на расстояние прямого выстрела вырвались танки и открыли огонь из орудий и пулеметов.

По сигналу «Буря», поданному командиром дивизии, в небо взвилась серия красных ракет, и с бронетранспортеров мгновенно спрыгнули мотострелки. Рассыпавшись в цепь, они вслед за танками с криками «ура» атаковали «противника». Бронетранспортеры, передвигаясь от укрытия к укрытию, поддерживали их огнем из пулеметов.

«Северные» дрались упорно. Но у них оказался открытым правый фланг. Полковник Симаков решил воспользоваться этим и совершил маневр мотострелковым полком. Впереди, преодолевая множество препятствий, крутых спусков, подъемов и водных преград, стремительно двигались танкисты. Внезапный и решительный удар краснодарцев заставил «северных» перестраивать свои боевые порядки. Министр обороны СССР оценил действия воинов как грамотные и решительные.

Можно привести немало других примеров умелых и решительных действий войск округа на маневрах «Двина».

Успешному выполнению личным составом задач на учениях во многом способствовала конкретная, целеустремленная партийно-политическая работа, проводимая командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями. В партийно-политической работе умело использовалось все многообразие ее форм и методов.

Дела в округе шли неплохо. Я набирался опыта и не помышлял о скорой перемене в службе. Однако летом 1970 года мне была предложена новая должность — начальника Главного управления кадров Министерства обороны.

Ничего не поделаешь — приказ есть приказ. Тепло попрощался я с членом Военного совета — начальником политического управления округа В. Т. Дементьевым, начальником штаба округа П. А. Чунчузовым, генералами и офицерами штаба и управлений СКВО.

В начале октября вступил в новую должность. Познакомился с генералами и офицерами Главного управления кадров. В коллективе трудились беззаветно преданные своему делу люди. Быстро ввели меня в круг моих обязанностей. Особенно хотелось бы сказать слова благодарности генерал-полковнику П. А. Лукашину, генерал-лейтенантам В. И. Родионову, А. С. Трофимову, Г. Н. Ковтунову, Н. Р. Андрееву за дружную совместную работу.

Пришлось мне основательно засесть за документы и труды В. И. Ленина, за решения партии по кадровым вопросам. Много ценного для себя почерпнул.

В. И. Ленин высоко ценил роль и значение военных кадров в защите социалистического Отечества. Это и понятно, они являются костяком армии, носителями ее классового и воинского духа, ее традиций, проводниками политики партии в солдатских массах. Он указывал, что армейским кадрам принадлежит решающая роль в жизни и боевой учебе войск. Строя новую армию, отмечал В. И. Ленин, мы должны брать командиров только из народа, ибо только красные офицеры будут иметь среди солдат авторитет, сумеют сделать нашу армию непобедимой. Волей партии это требование вождя выполнено. Наш офицерский корпус вышел из народа и служит во имя интересов народа.

Офицеры, генералы, адмиралы наших Вооруженных Сил — люди, сочетающие высокую политическую зрелость с хорошей военно-профессиональной подготовкой. Они со знанием дела решают задачи укрепления боевой готовности войск, обучения, политического и воинского воспитания личного состава.

Одним из главных требований, предъявляемых партией к военным кадрам, является идейная убежденность, всемерное повышение их ответственности за выполнение своих служебных обязанностей, личная дисциплинированность и исполнительность.

Воинская служба — служба особая, и она предъявляет к офицерским кадрам повышенные требования. Прежде всего, это беззаветная преданность Коммунистической партии и советскому народу. Советский офицер является активным проводником политики партии, образцом честного и добросовестного служения Родине. В любой обстановке он сохраняет верность своему воинскому долгу, готов в любую минуту отдать за дело партии, для достижения победы все свои силы, энергию, а если потребуется, и жизнь.

В годы Великой Отечественной войны советские офицеры показали свое морально-политическое и профессиональное превосходство над офицерским составом армии противника, беззаветную преданность Родине, народу, партии, мужество и самоотверженность в боях.

Долг, честь, достоинство — эти понятия олицетворяют нравственный облик советского командира, политработника — идейно убежденного, стойкого, мужественного защитника завоеваний нашего народа.

Жизнь требует неустанно совершенствовать стиль работы наших военных кадров, сочетать высокую требовательность с тактичностью и вниманием к людям, твердость с гибкостью, непреклонность воли с учетом мнения подчиненных, высокую оперативность с вдумчивым, спокойным подходом к делу.

Одна из характерных особенностей нашего офицерского корпуса — это его молодость. И не случайно наша партия уделяет такое пристальное внимание молодым офицерам — будущему наших Вооруженных Сил.

Как известно, окончательное профессиональное становление молодого командира, политработника, инженера происходит в войсках. Именно здесь на практических делах развиваются его волевые и организаторские способности, методические и педагогические навыки воспитательной работы с людьми, формируется его жизненная позиция и нравственный облик.

Как показывает армейская действительность, лейтенантов многому приходится учить. И методике организации политических занятий, учений, тренировок, соревнования, и практике работы по укреплению дисциплины, и умению улавливать тонкие грани в воспитании воинов, не путать требовательность с грубостью, а товарищеские отношения с панибратством. И очень важно при этом учить, не опекая, помогать, не подменяя, чтобы каждый молодой командир обретал самостоятельность и чувство персональной ответственности за порученный ему участок, не привыкал действовать с оглядкой на старших.

Помнится, вместе с группой генералов и офицеров Главного управления кадров выехали в части Дальневосточного военного округа для изучения и обобщения опыта работы молодых офицеров. В войсках шел процесс ускоренного продвижения молодых офицеров по службе. Лишь немногие командиры рот имели трехлетний стаж пребывания в должности, а командиры взводов — и того меньше. Перестали быть исключением случаи, когда через год

после окончания училища лейтенанты уверенно командовали ротами.

Мы убедились, что не для всех молодых офицеров столь стремительное продвижение по службе проходило гладко. И здесь решающее значение имела выдержка, педагогическая мудрость старших товарищей.

В одной из частей, недалеко от границы, встретился я с молодыми лейтенантами. Состоялась непринужденная беседа.

Один из присутствующих молодых людей спросил:

— Товарищ генерал-полковник, вы вот говорите, что необходимо работать творчески. А ведь известно, что в армии круг обязанностей каждого военнослужащего определен уставами, наставлениями, инструкциями. В чем же может выражаться творчество офицера?

— Да, военный человек обязан пунктуально выполнять приказы, требования уставов и наставлений. Но это вовсе не значит, что он должен работать формально и бездумно. Офицер ведь учит и воспитывает людей. А обучение и воспитание — такая сфера деятельности, в которой никакие рекомендации руководящих документов или учебников не могут заменить живое творческое мышление наставника, воспитателя. Ведь каждый день перед вами встают новые сложные проблемы, которые вы должны решать самостоятельно, решать творчески...

Беседа продолжалась. Было высказано много предложений по поддержанию постоянной боевой готовности подразделений и части в целом, по совершенствованию учебного процесса.

Интересный разговор возник вокруг «борьбы за секунды» при выполнении боевой задачи.

Все, естественно, прекрасно понимали, насколько важно как можно быстрее изготовиться к бою и упредить противника в открытии огня. Упредить хотя бы на несколько секунд.

— Вы знаете, молодые друзья, кто-то из вас, может, и подумает, что несколько секунд большого значения не имеют, — заметил я. — Вспомним, однако, сколько пролетает современный сверхзвуковой самолет за одну секунду. А ракета — и того больше.

Поговорили, обменялись мнениями, прикинули, какими путями можно сэкономить время, нужное для того, чтобы привести в порядок боевую технику.

Пришли к единому мнению, что для этого необходимо прежде всего обеспечить высокий уровень подготовки личного состава, улучшить взаимодействие внутри боевых расчетов, между расчетами и обслуживающими подразделениями, сократить сроки передачи информации, команд, распоряжений и, наконец, проявлять постоянную заботу о сохранении вооружения.

Работая в частях, я наблюдал такую картину. Приходят выпускники военных училищ в подразделения, вступают в должность, становятся на самостоятельный участок работы. У одних, смотришь, дела идут хорошо, у других — с потугой. Здесь, разумеется, сказывается многое — и полученные знания, и приобретенный

практический опыт, и обычная человеческая сметка, житейская хватка. Но всякий раз убеждался: результаты лучше у того, кто более требователен к себе, кто с высокой ответственностью относится к решению любого вопроса, кто умело учится у товарищей, берет у них самое ценное.

Вспоминается мне еще одна встреча с молодыми офицерами уже в другое время и в другом округе. Проходила она в музее боевой славы соединения, и поэтому здесь по-особому звучал рассказ о боевых подвигах. Это был интересный разговор о славных традициях нашей армии, прославленного соединения, где проходили службу молодые офицеры.

И вдруг один из лейтенантов обращается ко мне с такими словами:

— Товарищ генерал армии, вот вы нам рассказали много интересного о героизме советских воинов на фронтах Великой Отечественной войны. Но уже сорок лет, как мы живем без войны, и в армии сменилось не одно поколение воинов. Скажите, пожалуйста, свое мнение: сумела бы нынешняя армейская молодежь вынести те испытания, что выпали на вашу долю в грозные сороковые годы?

Признаться, несколько удивил меня этот вопрос. Ну задал бы его солдат или сержант — другое дело. Но ведь спрашивает меня офицер, человек, избравший своей профессией вооруженную защиту Родины. И я ответил лейтенанту совершенно искренне:

— Я в этом твердо уверен. Случись военная беда, и нынешнее поколение воинов — солдаты, сержанты, прапорщики, офицеры — так же стойко встанет на защиту завоеваний социализма, как мы в Великую Отечественную. Эту уверенность своим поведением, делами подтверждают воины современной армии и флота. Имена офицеров и солдат, проявивших и проявляющих сейчас отвагу, мужество, назовут вам в любом гарнизоне.

На тему о том, что и в мирное время для воина всегда есть место для подвига, написано и наговорено очень много. Думаю, повторяться нет смысла.

Но о героизме и самоотверженности, какие показывают наши военнослужащие, выполняющие свой интернациональный долг в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, хочется сказать хотя бы несколько слов. Всей стране известны имена Николая Чепика и Георгия Демченко, посмертно удостоенных за подвиги звания Героя Советского Союза; Героя Советского Союза майора Руслана Аушева, многих других воинов.

Мне приходилось не раз беседовать с офицерами, несущими нелегкую военную службу в Демократической Республике Афганистан, и все они в один голос восхищаются мужеством и героизмом советских воинов, их готовностью идти в бой и, если надо, пожертвовать собой во имя спасения товарищей и выполнения воинского долга.

Пришлось мне ответить и на такой вопрос:

— Скажите, пожалуйста, имеет ли право молодой офицер на снисходительность, если он в боевой обстановке, особенно в первом бою, проявит слабоволие и не сможет обеспечить личным примером выполнение боевой задачи?

— Сначала давайте послушаем мнение ваших товарищей, — сказал я.

И меня очень порадовало, что все лейтенанты, принимавшие участие в разговоре, правильно понимали величайшую ответственность командира за выполнение боевой задачи.

А потом я рассказал собравшимся об одном случае, имевшем место в военные годы. Молодой офицер при выполнении первого боевого задания смалодушничал, сообщил командиру неверные сведения о противнике, якобы добытые им в разведке.

— Можете себе представить, к каким тяжелым последствиям это привело! Часть не выполнила боевую задачу, а главное — понесла большие потери в людях. Разве такое можно оправдать?

Довольно часто встречаясь с молодыми воинами, я всегда испытываю чувство глубокого удовлетворения, прекрасно понимая, что дело защиты социалистического Отечества находится в надежных руках, что смена у нас, фронтовиков, выросла достойная.

После двух лет работы в Главном управлении кадров мне поручают другой важный участок военной деятельности. Современные средства ведения войны потребовали от государства создать новую систему оборонных мероприятий по защите населения и народного хозяйства от оружия массового поражения и для ликвидации последствий этого нападения. В июле 1972 года я вступил в должность начальника Гражданской обороны СССР — заместителя Министра обороны СССР. Это был период становления системы гражданской обороны. Эти годы службы — предмет особого рассказа.

Идет время, посеребрились виски. Прожитое сохранилось в памяти. Особенно — уважение к людям, с кем столкнула судьба. Это, прежде всего, командиры, в которых зримо воплощались благородные черты: пламенная любовь к социалистическому Отечеству, верность интернациональному долгу, глубокое понимание своей ответственности за судьбу Родины.

Армейская молодость. Первый командир курсантского взвода лейтенант Ефименко. Он запомнился подтянутым, с твердым военным характером. Многое сделал для воспитания у нас высоких морально-боевых качеств: мужества, силы воли, стойкости, выносливости. Он много рассказывал о воинской службе, ее особенностях, о трудностях, которые ожидают нас.

К каждому у него был особый подход. Как-то в беседе со мной он сказал: «Саша! Ты коммунист, первый помощник командира в организации политико-воспитательной работы. Но чтобы быть хорошим помощником, ты должен постоянно помнить, что каждый

курсант — это неповторимая личность, с только ей присущим жизненным опытом и отношением к службе. Поэтому к каждому человеку нужен индивидуальный подход, особое внимание».

Под руководством таких офицеров, как Ефименко, мы получили в училище глубокие теоретические знания, практические навыки, прошли суровую закалку. Все это очень пригодилось нам на войне.

Великая Отечественная война. Сколько храбрых, мужественных, отважных, знающих военное дело командиров встретилось на моем пути. В книге много сказано о боевых соратниках — моих командирах. В первые месяцы войны — это Тонконоженко, Бурч, Мешков, Андреев, в последующем — Павлюк, Кулябин, Модин и многие другие.

Люди моего поколения, беспредельно преданные социалистической Родине, воспитанные ленинской партией, вынесли на своих плечах самую жестокую из всех войн — Великую Отечественную. Боевую закалку мы получили, находясь на небольших армейских должностях, в числе тех, кто командовал взводами, ротами, батальонами, кто непосредственно на передовой с оружием в руках сражался за свободу и независимость Отчизны. Многие сверстники в послевоенные годы успешно окончили военные академии, находятся сейчас на ответственной работе в Советских Вооруженных Силах. Они принимают активное участие в укреплении оборонного могущества Родины.

Но многие мои сверстники не дождались Победы. Солдаты великой социалистической Родины, отдавшие свою жизнь за ее свободу и независимость, опознанные и безвестные, лежат на бывших полях сражений. Вечная им слава!

Обелиски, памятники, священный огонь на их могилах — проявление народной памяти и благодарности павшим сынам Отчизны.

Родина чтит память солдат, отдавших за нее свои жизни. В этом я убедился лично. Под Москвой погиб мой старший брат Михаил. По приезде в академию я пытался найти его могилу, но мои поиски в то время не увенчались успехом. Я знал, как много безымянных солдатских могил осталось на нашей земле. Наверно, и на могиле моего брата, решил я, колосится пшеница или пролегла через нее лента шоссе, а может быть, возводятся корпуса нового города.

Много лет ездил я по военным гарнизонам страны, прежде чем вновь попал в Москву. Слышал, сколько людей за это время нашли могилы своих близких, погибших в годы войны. И признаюсь, не особо веря в удачу, возобновил поиск. Каково же было мое удивление, когда узнал, что могила брата не безымянная в чистом поле, а захоронен он в Москве, на Преображенском кладбище, в одной из братских могил. Еду на кладбище. На мраморном обелиске одного из мемориалов среди выбитых фамилий вижу: Алтунин Михаил Терентьевич.

У директора кладбища в архивных документах на погибших солдат, захороненных здесь, разыскал интересующие меня сведения: Алтунин Михаил Терентьевич, год рождения — 1916, родился в с. Стеклянка Омской области, отец — Алтунин Терентий Дмитрие-

вич... Только после этого поверил окончательно — здесь лежит мой брат...

Теперь каждый год 9 мая я возлагаю цветы на две могилы. Вначале на могилу Неизвестного солдата в Александровском саду, отдавая дань памяти и уважения моим погибшим однополчанам и всем известным и неизвестным солдатам.

Затем мы с женой Полиной Дмитриевной идем на Преображенское кладбище, последние годы берем с собой внучку Ирочку. Ее присутствие всегда настраивает меня на светлый лад, но грустных мыслей в этот день все же не избежать.

Трое мужчин было в нашем доме, все трое ушли на фронт. Один из них лежит в этой братской могиле. Мы с отцом остались живы, но война крепко потрепала и нас. Лежали в госпиталях, не раз были на грани жизни и смерти. Что ж, нам повезло. И мы, выжившие в этой войне, считаем своим долгом сделать все, чтобы эти братские могилы были последними.

Моя внучка раскладывает красные гвоздики у подножия обелиска, находит на нем знакомую фамилию и каждый раз удивляется:

— Дедушка, значит, здесь лежит еще один мой дедушка? Но ведь он такой молодой. Как жаль, что мы с ним так ни разу и не увиделись. Расскажи мне о нем и о себе тоже.

Я готов рассказать о себе, о нем, о моих фронтовых друзьях, о том, что мы видели и пережили, тебе, Ирочка, и тысячам твоих сверстников, только пусть для вас это все будет историей, историей мужества, героизма, стойкости нашего народа и верности его своим идеалам.

Самое мое заветное желание, чтобы вы, дети и внуки наши, не знали войны. Пусть ваша борьба будет разворачиваться на учебных, научных, трудовых фронтах. Желаю вам, нашему новому поколению, забот, волнений, тревог созидания, творчества, поиска.

Более 45 лет посвятил я службе в Вооруженных Силах и не представляю себя вне родной армии. Радуюсь ее успехам, ее авторитету и могуществу. Хочется верить и в свою причастность к ее достижениям. Считаю, что для мужчины служба в армии — дело чести. она делает его мужественным, сильным, умелым. Служба в Вооруженных Силах СССР — долг и обязанность молодого человека. Ведь сила нашей армии — надежный гарант мира, предостережение агрессорам и любителям перекраивать на свой вкус мир. Но если бы наступил такой день, когда правительства всех стран приняли решение распустить свои армии, все споры решать только мирным путем, слово «война» вычеркнуть из употребления и превратить в анахронизм, мы, фронтовики, не пожалели бы своих боевых наград, чтобы из их металла отлить памятник в честь этого дня.

Некоторые мои боевые соратники умерли уже в послевоенное время. Сказались неимоверное напряжение огненных лет, полученные в боях раны и контузии. Многие продолжают в меру своих сил и возможностей трудиться на благо нашей Родины. В Москве живут Герой Советского Союза Валентин Евстафьевич Павлюк,

Николай Афанасьевич Кулябин, Николай Сергеевич Модин, в Волгограде — Константин Васильевич Лисицын, в Минеральных Водах — Герман Степанович Братченко, в Риге — Филипп Федорович Заяц, в Архангельской области — Василий Федорович Малыгин, в Воронежской области — Василий Дмитриевич Пономарев с женой Катей, в Днепропетровске — Владимир Григорьевич Гарбуз, в Ульяновске работает в гражданской авиации бывший оперуполномоченный полка Александр Васильевич Обухов, бывший старший врач полка Виктор Михайлович Черный трудится в Севастополе, комсорг полка Александр Егорович Николаев живет и работает в Ижевске. Многие стали партийными и советскими работниками, учеными. Бывший минометчик Сетрак Бедикян — директор средней школы в Сухуми, медик Адыль Шакиров — доктор медицинских наук, дивизионный врач Андрей Филиппович Грибовод — доктор медицинских наук, профессор, ныне живет и трудится в Киеве. Список однополчан можно продолжить. Однако не в перечислении фамилий дело, фронтовые друзья и в мирные дни, как и в годы войны, находятся на переднем крае борьбы за коммунизм.

Сердечное спасибо вам, боевые друзья, за помощь, оказанную в сборе материалов для этой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Часть первая

Сибирь — мой отчий дом 3
Вставай, страна огромная... 23
Встреча с врагом 44
Земля смоленская 66
Это было под Ярцево 132
«Капитальный ремонт» 169
Перед новыми боями 186
Феодосийский десант 195
В ожидании встречи с врагом 248

Часть вторая

Брянская Краснознаменная 296
На опаленной земле Белоруссии 314
Во главе батальона 358
Бросок через Вислу 397
Плацдарм 447
Идем на запад 517
Послевоенные годы 556

Алтунин А. Т.

А52 На службе Отечеству.— М.: Воениздат, 1985. — 590 с., с портр.

В пер.: 3 р. 10 к.

Герой Советского Союза генерал армии Александр Терентьевич Алтунин прошел по фронтовым дорогам Великой Отечественной войны сотни огненных верст. О своем участии в боях под Смоленском, в Крыму, в Белоруссии, на берегах Вислы и в Германии он рассказал в повествованиях мемуарного характера «Повесть о тревожной молодости» и «Звезды над Вислой», вышедших в Воениздате. Они и легли в основу этой книги. Автор дополнил их главами о своей довоенной жизни и о своей службе в Вооруженных Силах в послевоенные годы.

А 4702010200-227 КБ-42-11-1985 ББК 84 Р7

068(02)-85 БЗВ № 15-1985-№ 2 Р2

Александр Терентьевич Алтунин

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Редактор *Ю. Г. Мошков*
Художник *А. И. Сухоруков*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технические редакторы *А. А. Перескокова, М. В. Федорова*
Корректоры *Т. Ю. Константинова, Н. А. Кузьмина*

ИБ № 2922

Сдано в набор 13.05. 85. Подписано в печать 31.07.85. Г-80398.
Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая.
Печ. л. 37. Усл. печ. л. 37. 1 вкл. 1/16 печ. л., 0,06 усл. печ. л.
Усл. кр. отт. 37,56 Уч-изд. л. 44,38. Тираж 150 000 (1-й завод 1—20 000) экз.
Изд. № 4/1650. Зак. 5-1506. Цена 3 р. 10 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
Набрано в 1-й типографии Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.
Отпечатано с матриц на книжной ф-ке им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков-57, ул Донец-Захаржевского,6/8.

Зр. 10 т.

А. АЛТУНИН

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ